

О чём молчит
ДАСТОЙКА

Елена Малисова
Катерина Сильванова

18+

О чём молчит
ДАСТОУКА

Елена Малисова
Катерина Сильванова

18+

**Елена Малисова, Катерина
Сильванова**

О чем молчит Ласточка

© Елена Малисова, 2022.

© Катерина Сильванова, 2022.

© Издание. Popcorn Books, 2022.

Cover art © Adams Carvalho, 2022.

Пролог

Он снова слышал ее. Чарующую, трогательную мелодию, которая долгие годы бередила душу отзвуками прошлого.

Солнечные лучи за окном разрезали тяжелые грозовые тучи, прогнали тени из гостиной. И разобранная постель, и подушка, наверняка еще сохранившая запах волос, и очки, небрежно брошенные рядом, — все вокруг будто нашептывало: «Это сон, очередной болезненно-приятный сон. Не более».

Но сегодня он точно знал, что это — реальность.

Потому что силуэт мужчины, склоненного над старым расстроенным пианино, был настоящим. И его спина, в которую Володя уперся взглядом, была настоящей. И руки, легкими движениями перебирающие клавиши, были настоящими. И «Колыбельная», что печальными звуками лилась из-под его пальцев, была той самой, единственно верной, правильной. Юриной.

Володя сделал пару шагов, подошел ближе, встал позади него. Осторожно, почти не дыша, заглянул через плечо. Мелодия оборвалась.

Юра убрал руки, повернулся вполоборота и чуть отклонился назад.

— Жутко расстроено. Сплошная фальшь, — сказал он с улыбкой. — За инструментом следить нужно.

— Прости... — рассеянно прошептал Володя, не уловив смысла сказанных слов. Ведь Юра был так близко...

— Пустяки. Когда-нибудь она прозвучит для тебя по-настоящему красиво.

Глава 1

Гостя из прошлого

Конец августа, 2006 год, Харьков

В пустом офисе царила тишина. «Могильная», — вскользь подумал Володя. Пытаясь хоть ненадолго забыть, почему пришлось остаться на работе в восемь вечера, он перебирал в голове разные мысли: о контракте с поставщиком, о бюджете проекта, об очередном иске, по поводу которого днем звонил юрист.

За окном падающие с кондиционера капли били по навесу, и этот редкий звук — единственное, что нарушало тишину. Но вот еще брякнула о столешницу выпавшая из ежедневника ручка, зашуршали листы бумаги о дно коробки. Володя уложил в нее последнюю папку, осмотрел свой опустевший рабочий стол. Поднял тяжелый взгляд на кабинет начальника: выбитая дверь приоткрыта, косяк покорежило, по дереву пошла трещина, а замок выломан.

«Надо», — сам себе сказал он, сжав зубы. Взял в руки коробку и шагнул в сторону кабинета.

Писк рингтона разорвал тишину и заставил его вздрогнуть, будто выводя из транса. Вернув коробку на стол, Володя достал телефон и, посмотрев на экран, выдохнул.

— Вов, ну что там, все в силе?

— Черт... Да, все в силе, только я... заработался что-то, — соврал он, — забыл забронировать номер. Сможешь сам?

— Ладно, сейчас скину адрес, через полчаса встречаемся там. Какой номер — напишу позже.

Володя машинально кивнул и сбросил звонок. Почти сразу телефон пикинул входящим сообщением. Он прочитал, вздохнул: до отеля ехать не меньше тридцати минут — опоздает. А с другой стороны, срочность давала повод как можно скорее покинуть офис.

Выключая свет в опенспейсе и закрывая за собой дверь, Володя еще раз взглянул на кабинет начальника.

«Завтра, — пообещал он себе. — Завтра все починят, и я перевезу туда свои вещи».

* * *

Выйдя из такси и оглядев неприметное здание мини-отеля, Володя поджал губы и пробормотал себе под нос:

— М-да, на вид так себе. — Номер двести семнадцать. Меня ждут, — сказал он администратору за ресепшеном.

Документы у него проверять не стали, девушка лишь приветливо улыбнулась:

— Вам на второй этаж, прямо по коридору. — И тут же уткнулась в экран компьютера.

Володя поднялся в незапертый номер. Его опасения не оправдались — вполне опрятная и стильная комната пахла отельной чистотой. Из-за прикрытой двери ванной доносился шум воды, на застеленной кровати небрежно валялись брюки, рубашка и телефон.

Он подошел к окну, посмотрел на узкую улицу, освещенную несколькими желтыми фонарями. Приоткрыл форточку, впустив в номер шум проезжающих машин и еще не остывший после жаркого дня вечерний воздух.

Через пару минут шум воды в ванной стих, скрипнула дверь.

— Ну наконец!

Володя обернулся на голос. Игорь, стоя в одном полотенце на бедрах, улыбался. Володя натянуто улыбнулся ему в ответ, окинул полуобнаженное тело изучающим взглядом, пытаясь найти в нем что-то новое. Не нашел. И ничего не почувствовал — совсем ничего.

— Соскучился по мне? — Игорь подошел ближе и положил мокрые ладони ему на шею. — Я по тебе — очень.

Володя оттолкнул его и направился в ванную, бросив через плечо:

— Не сегодня.

Игорь ответил:

— Понял.

В ванной Володя подошел к запотевшему зеркалу. Стер с него влагу и в отражении увидел лишь половину своего лица. Заглянул себе в глаза, попытался прислушаться, найти отголоски хоть каких-нибудь чувств. Глухо.

Последние несколько дней он ощущал себя роботом — бездумно делал то, что от него требовалось, но душа будто оцепенела. Лишь изредка страх, тоска и неверие то пронзали внутренности острыми иглами, то давили на плечи и сгибали спину. А потом внезапно исчезали. Так произошло и сейчас.

Он встал под душ, выкрутил кран почти до кипятка — и не почувствовал, а скорее принял как факт, что вода жжет кожу. Добавил холодной, подставил под струи лицо.

Подумал об Игоре. Они договорились увидеться еще неделю назад. Тогда Володя действительно хотел этой встречи, предвкушал ее. Плевать, что он знал Игора очень давно, плевать, что ничего нового эти встречи уже не приносили. Он был ему почти родным, почти близким человеком, знал о нем так много...

Вернувшись в комнату, Володя услышал обрывок разговора:

— Да, я понял, очень красивые виды, только уточни, есть ли там детская анимация?

Увидев, что Володя вышел, Игорь приложил палец к губам — «молчи».

— Ладно, я завтра сам перезвоню туроператору и узнаю. Занимайся своими цветами, не переживай. Пока, зай.

Он нажал кнопку сброса, дождался, когда экран мигнет, и, только когда убедился, что вызов точно завершен, поднял взгляд на Володю, объясняя:

— Собираемся в отпуск, в Турцию, а такое впечатление, что в космос. Я Лидке предлагал перенести отпуск на следующий год, но она ворчит: «Как так? Сентябрь — это бархатный сезон...» А теперь кипиш подняла — нашла какую-то экскурсию по каким-то горам, но, возят ли на нее из курортного города, не знает. А на даче связь плохая, она не может дозвониться...

Он что-то еще говорил. Много — и все о семье: о том, что Соня, дочка, вряд ли сможет выдержать эту экскурсию, и о том, что в Турции в конце сентября, наверное, идут дожди. Володя вроде бы и слушал Игора, кивал, даже отвечал невпопад, а сам думал о его жене. Вспомнил, как однажды она чуть не застала их: раньше времени вернулась с дачи и лишь по счастливой случайности позвонила Игорю, спросила, нужно ли зайти в магазин. Игорь тогда выставил Володю за дверь, не дав толком одеться. Застегивая на ходу рубашку, Володя

столкнулся с ней на первом этаже: обычной женщиной — загорелой, уставшей, по-своему красивой. Такой же, как на фотографиях в квартире Игоря. Тогда от злости и унижения Володя про себя обругал ее: «Дура доверчивая, зачем только позвонила?» Потому что хотел, чтобы она застала их и чтобы узнала правду о муже наконец. Но, остыв, он постыдился этих мыслей. Ведь прекрасно понимал, что Лида едва ли не бóльшая жертва, даже чем сам Володя. Даже чем Игорь.

Володе ли не знать, каково это — из осколков собственного разбитого сердца собирать чужое. Склеивать его ложью, от которой самому противно, охранять от боли и бессонных ночей.

«Почему ты больше не хочешь меня? Со мной что-то не так, да? Я набрала три килограмма, из-за этого, да?»

После Светы — ему ли не знать?

Володя оборвал рассказ Игоря:

— Давай к делу.

Игорь кивнул и, резко притянув Володю к себе, попытался поцеловать его, но тот уклонился.

Володя стянул с шеи галстук, обмотал его вокруг своего запястья и протянул кончик Игорю.

— Ты уверен? — спросил Игорь. — Давно уже не просил...

— Давай, — потребовал Володя и лег на живот.

Игорь не стал спорить. Затянул узел на его запястье, пропустил галстук через перекладину кровати, обвязав концом второе запястье. Володя дернул руками, проверяя, достаточно ли крепко.

Сзади послышалось шуршание. Володя уткнулся лицом в подушку, зажмурился. Да, действительно давно они не практиковали это. Но сейчас казалось, что именно так и нужно. Чтобы наконец почувствовать хоть что-то.

Звякнула пряжка ремня, скрипнула кровать, прогибаясь под весом Игоря. Володя не сдержал стона, когда от хлесткого удара горячая волна боли прошла по пояснице и ниже. Следом — вторая, по центру спины.

— Сильнее, — прошипел Володя и тут же почувствовал один за другим два обжигающих удара по лопаткам.

Спина горела, он буквально чувствовал, как на коже остаются полосы от ремня. Но попросил еще, а потом — еще. Ритмично. И сильнее. Володя кусал ткань подушки, заглушая стоны.

Боль не дала ничего. Противная и ноющая — просто боль, ни предвкушения, ни вожделения, ни даже страха.

Когда очередной стон сменился криком, Игорь отбросил ремень в сторону. Положил теплую ладонь на спину, и Володя вздрогнул, как от прикосновения раскаленного железа.

— Да что с тобой такое?

— Давай еще.

— Если продолжим в том же духе, я тебя только покалечу. У тебя что-то случилось?

Володя выдохнул, потерся влажным лицом о подушку — он и не заметил, что от боли на глазах выступили слезы.

— Да, ты прав, отвяжи меня.

Игорь распутал узлы галстука. Володя сел, подтянул к себе покрывало, накинул на бедра. Помассировал пальцами виски. Игорь пристально на него смотрел, ожидая ответа, а Володя не хотел говорить. Не Игорю, а просто говорить об этом. Произносить вслух, будто снова подтверждать самому себе, выставлять эту мысль на передний план. Хотелось, наоборот, отгородиться от нее, не думать, не знать.

— Отец умер.

Игорь помолчал полминуты, изучающе разглядывая Володю. Тот мысленно попросил: «Только не говори дежурного „прими соболезнования“, не раздражай», но Игорь лишь спросил:

— Когда?

— В среду. Вчера похоронили.

— Почему сразу не сказал?

Володя покачал головой.

— Не хочу, не готов еще. Соберусь с мыслями — тогда поговорим. Тем более пока бесполезно. Скорби нет. Ничего нет. То, что от меня требовалось, сделал: устроил похороны, оградил мать от всего этого. А сам ничего не чувствую. Пытаюсь заставить себя, а никак...

— Это нормально, Вов. — Игорь положил руку ему на плечо, сжал. — Я... И что ты собираешься делать дальше? В смысле, многое изменится, фирма была его.

— Нет, Игорь, ничего не изменится. Перееду в его кабинет и... и все. Список дел, обязанности — все останется прежним. Я полноценно руковожу фирмой почти год. Я работаю, как работал, и живу, как жил.

В работе я давно справляюсь без его советов и помощи. А в жизни... да и в жизни тоже.

Игорь кивнул.

— Спишь как? Плохо?

Володя потер пальцами переносицу.

— Да, две ночи уже почти не спал. Устаю сильно, а спать не могу.

— Тревожность? Мутит? Тебе снотворное нужно. Я выпишу рецепт.

— Да, выпиши.

Игорь тут же достал из портфеля рецептурный бланк, заполнил его и протянул Володе.

— Держи, должны помочь... — Игорь хотел сказать что-то еще, но у него зазвонил телефон. Володя краем глаза заметил на экране имя Лиды.

— Черт, что, уже десять? — Игорь нервно сбросил вызов.

— Без четверти, — взглянув на часы, подсказал Володя.

— Мне за Соней к маме заехать надо. Ты опоздал, и как-то долго мы с тобой вообще... провозились.

— И бесполезно, — хмыкнул Володя.

— Ну... Наверстаем еще, — улыбнулся Игорь, натягивая рубашку. — Прости, что я тебя так бросаю, нам бы еще поговорить. Тебе это сейчас нужно. Но сам понимаешь...

«Да-да, конечно, понимаю: семья, ребенок», — подумал Володя. А вслух сказал:

— Все в порядке, иди.

— Звони, если нужно будет поговорить, я всегда тебя выслушаю. — Он наклонился, быстро поцеловал. — Если бы не Соня, остался бы с тобой до утра. Да что до утра — навсегда бы остался. Ну ничего, скоро уж разведусь, и вот тогда... — Не закончив фразы, Игорь многозначительно улыбнулся. Он встал на пороге номера, принялся ждать, когда Володя соберется и будет готов уйти. На прощание Игорь снова ткнулся ему в губы и прошептал: — Пока, зай.

Спускаясь по лестнице, Володя услышал, как Игорь, стоя у лифта, говорил с Лидой по телефону:

— Уже еду, да. Ладно, куплю ей киндер. Да, и сок. Ладно, целую. Да-да. Пока, зай.

Володя скептически хмыкнул:

— «Зай» — как удобно. И мне можно так говорить, и жене.

«Скоро уж разведусь», — вспомнилось сказанное Игорем минуту назад. Володя усмехнулся. И сколько раз за последние восемь лет он это слышал?

Но он уже давно не таил никаких обид по этому поводу. Когда-то давно, может быть, — да, хотелось, чтобы Игорь целиком принадлежал ему, не хотелось ни с кем его делить. Но все это прошло. Страсть прошла, ревность — тоже. Остались лишь вот такие встречи в отеле — скорее для тела, чем для души. И еще разговоры. Важнее всего было то, что с Игорем можно было говорить не притворяясь.

Все же Игорь оставался для Володи близким человеком. Не тем «близким», который «родной» или «любимый», а тем, который «такой же». Больше чем друг. Тот, кого он хорошо знал и кто много знал о самом Володе. Может быть, даже слишком много.

Володя ведь и влюблен в него никогда не был. Знал, что любовь выглядит иначе и иначе чувствуется. Что, когда любишь человека, готов на все ради каждой возможности побыть с ним рядом. Но в их случае на месте Игоря мог бы оказаться кто угодно, главное — мужчина. Но хорошо, что это был именно Игорь — потому что когда-то он смог вытащить Володю из болота, в которое тот себя загнал. Потому что именно Игорь помог ему разобраться, понять и принять свою суть.

* * *

Запах бумаги, дерева и парфюма: старомодный, родной — он всегда витал в этом кабинете. Казалось, даже когда здесь еще не было офиса, не было дома — этот запах был. Раньше Володя часто заходил сюда, и аромат успокаивал его и вселял уверенность. Но он понимал, что это иллюзия — дело в человеке, который раньше дневал и ночевал в этом кабинете.

Теперь же дневать и ночевать, отдыхать и работать здесь предстояло Володе.

Кабинет выглядел как музейная комната: массивный дубовый стол по центру, такие же книжные шкафы вдоль стен, большой кожаный диван возле окна, но ни единого личного предмета, ни бумажки, ни даже пылинки — пустота, свойственная нежилому помещению.

Володя обошел стол и сел в удобное кожаное кресло, опустил руки на лакированную столешницу, гладкую и холодную. Обернулся налево, проверил пропущенные звонки на телефоне — единственной современной вещи в кабинете. Посмотрел перед собой: в центре стола стоял органайзер для письменных принадлежностей, нелепый, украшенный бронзовыми львами, и совсем уж бесполезная в компьютерной эре вещь — пресс-папье. А взглянув направо, Володя поморщился. Там стояла фотография: на фоне единственного большого окна этого кабинета замерла хрупкая невысокая женщина — мать, ее обнимал Володя, молодой, двадцативосьмилетний, еще в очках. А рядом с ним стоял мужчина, тоже высокий, тоже в очках, тоже брюнет — отец.

Володя вспомнил, что запечатленный на фото момент — это день открытия офиса. Тогда отец сказал ему: «Когда-нибудь это все будет твоим... Но пока этот день не настал, не смей трогать и тем более двигать мой стол!» Володя улыбнулся, вспомнив, как отговаривал отца ставить в небольшой кабинет такую громадину, они даже поссорились, но, разумеется, не всерьез.

И вот спустя одиннадцать лет настал тот день, когда «все это» стало его, Володиным. По документам это произошло не сегодня: отец все оформил заранее. Но вот сейчас Володя понял окончательно и бесповоротно, что отца больше нет. Именно сейчас, когда вошел сюда без стука, сел в кресло как хозяин и по-хозяйски положил руки на огромную холодную столешницу.

Теперь же в дверь — новую, отремонтированную сегодня утром — постучали ему. Это был Брагинский, старый друг и деловой партнер отца. Еще в середине девяностых он буквально своими руками, связями и умом помог перенести отцовский бизнес из Москвы в Харьков. Он помогал и потом: все эти годы был верным другом и наставником Володи.

— Ну и как тебе на твоём новом месте? — начал Брагинский, но, взглянув на Володю, резко замолк.

«Я не на своём месте», — пронеслось в голове, но Брагинскому Володя ответил:

— Нормально.

— Давай водки принесу, помянем?

Володя отрицательно помотал головой.

— Я за рулем, вечером еще ехать.

— Тогда, может, просто чайку? Жена печенье испекла, передала угостить.

Володя промолчал.

— Ну ладно, — тяжело вздохнул Брагинский и, подойдя ближе, похлопал Володю по плечу. — Зови, если что.

— Хорошо, — ответил тот, поднимаясь.

Оставшись наедине, он собрал отцовский органайзер, пресс-папье и фоторамку, убрал их в один из книжных шкафов. Володя понимал, что ощущение «музейности» кабинета не исчезнет, пока здесь не заменят всю мебель, но ему впервые за все время не хотелось избавляться от нее. Он принялся доставать из своей коробки папки с документами, ежедневник, стикеры, канцелярские принадлежности, ноутбук с кучей проводов. Стол мигом перестал казаться таким большим.

В выдвижном ящике Володя нашел целую стопку разных больничных бланков, одних только кардиограмм было больше десятка. Значит, отец знал, что болен, — и ничего ему не сказал. Как всегда, «как мужик» не сказал, а сделал — в прошлом году формально передал Володе бразды правления фирмой. По сути, руководили они ею вместе, но в последний год отец все чаще доверял принятие важных решений ему. Володя все знал, ничего не боялся, ничему не удивлялся, и это сыграло с ним злую шутку. Если бы переживал о работе и волновался из-за руководящей должности, он мог бы за этим прятаться от мыслей об отце и его смерти.

Забавно, но до прошлой среды Володя ни разу не назвал его папой. Даже когда был ребенком — только «отец», на работе — Лев Николаевич. Но в тот день, колотя в дверь, назвал. До сих пор в ушах стоял его собственный крик: «Отец. Отец! Папа!» И потом еще раз мысленно назвал его так — когда выбивал дверь и говорить не хватало дыхания.

Когда дверь поддалась, Володя ворвался и увидел его. Он полулежал в кресле в неестественной позе: спина выгнута, нога скрючена, лицо сведено жуткой судорогой. Очень хорошо, что в морге все это исправили и ни матери, ни партнерам, ни родственникам не пришлось видеть отца таким.

А теперь Володя сам сидел в этом кресле. Надо было начинать работать.

— Лера, — сказал, нажав кнопку громкой связи на телефоне, — принесите отчеты за неделю, пожалуйста.

Через пару минут секретарь раскладывала перед ним на столе бумаги, попутно комментируя, на что нужно обратить внимание. Телефон пикинул короткой СМС, Володя быстро взглянул на экран, задумчиво хмыкнул.

— Лера, — обратился он, прервав секретаря на полуслове, — простите, вы случайно не знаете, где в городе можно купить куклу Барби-русалку? — Он сверился с написанным на экране телефона и уточнил: — С фиолетовым хвостом и блестками в волосах.

Та посмотрела с явным недоумением, но почти сразу же выражение ее лица смягчилось, и она улыбнулась.

— Если настоящую Барби, то, наверное, только в центральном «Детском мире» продаются. Могу позвонить туда, уточнить.

— Ну... — Володя на мгновение даже смутился — этот звонок все же не относился к должностным обязанностям Леры. — Если вам не сложно, буду очень благодарен.

— Не сложно. Если есть в наличии, попросить отложить?

— Да, до вечера. Спасибо.

Когда Лера вышла, Володя, мрачно взглянув на кипу лежащих перед ним отчетов, вздохнул. «Надо же, — подумал он, — только русалку ей и подавай, ничем уже этого ребенка не удивишь».

* * *

Из-за двери слышались голоса и веселые детские крики. Володя, уже предвкушая хаос, в который он погрузится через несколько секунд, вжал кнопку звонка.

Ему открыл Пашка.

— Здрасьте, — кивнул он, пропуская Володю внутрь квартиры.

— Привет! — ответил Володя. — Ничего себе ты вымахал, уже одного со мной роста!

— Так все лето с батей спортом занимался! — пожал плечами тот.

Володя не успел даже нагнуться, чтобы расшнуровать туфли, — в него тут же влетело нечто, обняло за колени и заголосило на всю прихожую:

— Ура! Крестный приехал!

— Ей-богу, Олька, будь ты выше и чуть сильнее, снесла бы меня с ног! — наигранно возмутился Володя, присаживаясь на корточки.

Мимо них аккуратно просочился Пашка, а из зала выглянула Ирина.

— Доча, дай крестному сперва разуться, а потом хоть на голове у него прыгай, — строго приказала она.

Олька нехотя отступила на шаг, при этом подозрительно косясь на цветастый пакет, который Володя безуспешно прятал за спиной.

— Держи, чудо в перьях. С днем рождения! — Он протянул ей пакет. Олька тут же развернулась на пятках, чтобы убежать в комнату открывать свой подарок, но затормозила, когда мама строго окликнула ее:

— А что сказать надо?

Вздохнув, она вернулась обратно к Володе, развязывающему шнурки.

— Спасибо, крестный. — И быстро чмокнула его в щеку.

Он улыбнулся ей, потрепал по белобрысой макушке.

— Да не за что.

— Проходи. — Ирина пригласила его в зал. — Русалку-то нашел?

— А у меня разве был вариант ее не найти?

В зале за длинным накрытым столом поместилось человек пятнадцать. Стульев, конечно, на всех не хватало, поэтому сидели на всем: на диване, на кухонных табуретках и даже в компьютерном кресле.

— О! Володя, привет! — махнул ему с противоположного края стола Женя — отец семейства. Приподнялся, собираясь выйти, но оказался зажат с одной стороны стеной, а с другой — своей тещей. Со всех краев стола тоже раздались разрозненные приветствия.

— Садись, — Ирина обратилась к Володе, — я пока принесу тебе чистую тарелку.

— Давай сюда. — С дивана вскочила Маша — Володя и не заметил ее сразу. Она указала на место рядом с собой, пододвинула пустые стопку и бокал.

Володя махнул рукой — мол, сиди. Чтобы пройти к Маше, пришлось бы беспокоить других и пролезать через полстола.

Мужик, к которому Володя подсел, тут же зычно крикнул ему в ухо, хватая бутылку с водкой:

— Вот и опоздавший крестный! Штрафную!

Володя не помнил, как его зовут — то ли Николай, то ли Василий. Знал только, что это тренер из Жениной секции, раньше работавший вместе с ним в школе.

— Нет, спасибо, я за рулем. — Володя прикрыл стопку ладонью.

— Что? — оскорбился дядька. — За крестницу и не выпьешь?

— Да уж действительно, Владимир, надо — такая традиция, — поддержал его интеллигентного вида старичок, сидящий напротив, Иринин отец.

«У вас традиция, а мне потом на такси домой и машину в городе на выходные оставлять», — посокрушался про себя Володя, но руку со стопки убрал.

За одной стопкой под классическое «между первой и второй...» ему налили следующую. Сидящая рядом то ли сестра, то ли тетка Жени услужливо положила ему в тарелку два салата и протянула блюдо с селедкой.

В целом этот праздник не отличался от любого другого — так же отмечались и Иринины, и Женины, и чьи угодно дни рождения, а еще Новый год, Пасха, майские... Бабушки, дедушки, родственники, близкие друзья, близкие коллеги и их дети — все в сборе.

Вскоре Олькины одноклассницы ушли, и именинница осталась единственной из детворы. Села в кресло в дальнем углу зала и принялась возиться с куклой.

Володя отстраненно слушал обрывки разговоров, не пытаясь вникнуть и поддержать ни один из них.

— ...ну помнишь же Борю Кравченко? Задохлик был! — втирал сидящий рядом дядька Жене. Тот жевал кусок колбасы и кивал. — Так всего год у меня отзанимался, прям боец стал! Позавчера на областных третье место взял!

— ...Маш, так что там с шубкой, знаешь? Ира так и не ответила мне... — обратилась к Маше незнакомая Володе женщина.

— Уже едет, в порту в Одессе сейчас, ждем. На следующей неделе будет, я у Иры спрашивала, мы тебе отложим...

За общим гомоном Володя сразу и не услышал тонкого детского голоса, пока Олька уже не дернула его за рукав рубашки.

— Ну крестный!

— Что такое? — Он повернулся на стуле вполоборота, наклонился к ней.

— Смотри, какие у нее волосы. — Она протянула ему куклу. — Дли-и-инные! И расческа в наборе есть! А еще такие звездочки классные, в волосы крепить надо! А давай на тебя надену? Красиво будет!

— Оля! — строго прикрикнула Ирина. — Ну-ка не приставай со своей игрушкой к крестному, дай ему поесть!

— Все в порядке, Ирин, у нее день рождения, ей сегодня можно.

— Правда можно?

Володя подмигнул ей и наклонился еще ниже, а Олька ловко прицепила ему на челку пару блестящих звездочек.

— Хочешь, я тебя на колени посажу, чтобы ты видела всех за столом?

Та воодушевленно закивала, но Ирина снова встряла:

— Она сегодня уже насиделась со взрослыми, хватит с нее!

Насупившись, Олька тихо — так, что услышал только Володя, — пробурчала:

— Вот так всегда: день рождения у меня, а взрослые пьют водку. Я вообще-то уже хочу торт! — и обиженно потопала в свою комнату.

Посидев еще минут десять, Володя выбрался из-за стола.

— Кстати, Вов! — окликнул его Женя. — Зайди в ванную, глянь, как твои рабочие плитку положили. Как по мне, очень недурно.

— Ладно, я гляну потом, — кивнул Володя.

— Хорошо иметь друга-строителя, — засмеялся Женя. — Как ремонт, так сразу к нему. Тебе небось уже надоело?

Тот пожал плечами:

— Да мне нетрудно пару звонков сделать.

— Кстати о ремонтах, Вова! — Раскрасневшаяся от рябиновой настойки Ирина улыбнулась. — Когда ты уже нас позовешь на новоселье?

Володя неопределенно хмыкнул:

— Да какое новоселье, Ирин? Я там уже пять лет живу.

— Вот-вот! А нас так ни разу и не пригласил.

— Да сама знаешь, что это не ближний свет... — Он попытался увильнуть, но Иру вовремя кто-то окликнул.

Володя дошел до детской, негромко постучал и, не дожидаясь ответа, заглянул внутрь.

Олька сидела на кровати и бережно расчесывала кукле волосы.

— Эй, чудо в перьях, — позвал ее Володя. Та обернулась, заулыбалась, будто и не обижалась ни на кого пятнадцать минут назад. — Можно к тебе?

Олька радостно закивала и подвинулась, приглашая Володю сесть рядом.

— Давай показывай свою куклу.

Ольке сегодня исполнилось девять, и каждый раз, когда Володя приходил в этот дом, она от него не отставала, пока не получала нагоняй от мамы или папы. Ольке не терпелось показать ему все свои игрушки — а их у нее была просто тьма. А еще — обязательно повисеть у крестного на шее, сыграть недавно выученную пьеску на пианино, похвастаться коллекцией мультфильмов... Список мог быть бесконечным, каждый раз она придумывала, чем его занять. А Володя и не был против с ней возиться. Хотя и вспоминал невольно свои жожатские годы: сказал бы ему кто тогда, что через двадцать лет он полюбит возиться с детьми.

— Вот бы ее в ванну запустить! — восторженно лепетала Олька. — У нее таки-и-ие длинные волосы, они так классно будут... плавать! Когда вырасту, такие же отращу!

— А что тебе сегодня еще подарили? Неужели ничего лучше русалки не было?

— Ну... Родители и Пашка подарили мне «Лего» — вон там, смотри. — Она ткнула пальцем на подоконник. — Замок принцессы! Дедушка Ваня и бабушка Надя — набор киндеров, но мама сказала, чтобы я все сразу не ела. — На этих слова Олька насупилась и передразнила Ирину: — Аллерги-и-ия, посы-ы-ыпет! Крестная не смогла прийти, но передала мне часики. Смотри, какие красивые, с Микки Маусом!.. А дедушка Стасик притащил мне, представь себе, тяжеленную книжку!

Володя улыбнулся. Да, отец Ирины преподавал в университете, и подарить ребенку «умный» подарок вполне в его стиле.

— А что за книжка?

— Вон валяется. — Она показала пальцем за Володю. На подушке действительно лежала книга, толстенная и явно увесистая. «Трилогия

о капитане Немо и „Наутилусе“ в одном томе», — прочитал тот.

— Книга, Оля, не «валяется». Она должна стоять аккуратно на полке, тем более Жюль Верн!

— Фу! Книжки — это скука!

Володя легонько ткнул ее пальцем в лоб.

— Глупая ты. Книжки — это хорошо, это знания! Ты вот думаешь, почему твой крестный такой умный? Потому что читал много книжек в детстве!

Олька уперла руки в бока и задумчиво сказала:

— А я вот вообще-то не особо уверена, что ты умный!

— Ах ты маленькая зараза! — засмеялся Володя. — Я тебя сейчас как... защекочу!

Олька, вереща и смеясь, отбежала к стене.

Володя хотел подскочить к ней и исполнить свою угрозу, но услышал стук в дверь. В комнату вошла Маша.

— Володь... Не мешаю? Надо поговорить.

Володя нахмурился: он смутно представлял, зачем вообще мог понадобиться Маше, так что просто пожал плечами. Она присела рядом.

Олька бегала по комнате и собирала в охапку игрушки, перечисляя:

— Так... ты, Тындик, и ты, Мурка, и ты, Кеш, и ты, Персик...

Игрушки не помещались в ее руках, падали на пол, но она упорно продолжала бегать и собирать их.

— Эх, — вздохнула Маша. — Повезло Ирине иметь дочку, а не сына...

Володя подозрительно посмотрел на нее.

— Ты же не забыла, что у них и сын есть?

Она как-то мрачно ухмыльнулась:

— Ну да, конечно... Но у них-то семья полная, Пашка — хороший парень...

Володя нахмурился пуще прежнего, а Маша внезапно потянулась к нему, схватила его за запястье.

— Володь, я у тебя тут спросить хотела... — И запнулась на полуслове.

— Что?

— Эм... Я... Да нет, ничего такого, просто...

Она протянула руку и сняла с его волос кукольную заколку.

В разговор вклинилась Олька, свалив Володе на колени кучу игрушек:

— Вот, знакомься, этих ты еще точно не видел! Ну Персика и Гавку точно-точно!

— Так... И кто из них Гавка? — живо поинтересовался Володя.

— Ну, конечно, это робопес! Вот!

— Ого! — Он покрутил в руках робота-трансформера, у которого уже была отломана одна нога, но так и не понял, почему он пес.

Маша продолжала мяться, стоя на пороге комнаты. Володя обернулся к ней.

— Ну так что ты хотела спросить? Говори.

Она тряхнула головой.

— Ой нет, я не могу так! — И ушла.

Володя пожал плечами и взял в руки, предположительно, Персика, хотя тот был плюшевым зайцем. А Олька уже умчалась в другой конец комнаты и подняла крышку пианино.

— Я тут новый этюд выучила, сейчас ты будешь его слушать, — ультимативным тоном заявила она, строго глядя на Володю.

— Как прикажете, капитан!

* * *

Стрелка часов приближалась к восьми вечера. Офис давно опустел, в нем остались только трое: Володя клацал клавишами ноутбука, дописывая гневное письмо подрядчику, Лера тихонько шелестела бумагами в приемной, охранник внизу смотрел телевизор. В том, что их всего трое и каждый слышит, чем занимается другой, даже было что-то уютное, доверительно-домашнее. В такой атмосфере работалось очень легко, но донимала жара. Начало сентября в Харькове не спешило радовать осенней прохладой. Пусть на город уже опускались сумерки, температура будто и вовсе не собиралась спадать, а от кондиционеров толку не было. Пришлось распахнуть все двери настежь, чтобы гулял сквозняк.

— Лера, а не пора ли вам домой? — сказал Володя в приемную.

От того, что она задерживалась на работе, было неудобно, будто он заставлял.

— Да-да, Владимир Львович, закончу план на завтра и ухожу.

Спустя пару минут на первом этаже послышался звонок входной двери и бубнеж охранника:

— Закрyто уже, все ушли.

Лера заглянула в кабинет начальника, мол, мы кого-то ждем? Володя покачал головой. Лера устремилась вниз, а Володя вновь погрузился в письмо. Вынырнуть из него заставили шаги — Лера поднималась по лестнице, и не одна. Шаги явно принадлежали женщине — цокали шпильки.

— Владимир Льв... — начала Лера и осеклась, увидев Володю в дверях кабинета. Он стоял, обескураженно глядя на посетительницу — смущенная Маша, улыбаясь, выглядывала из-за спины секретаря.

— Здравствуй? — скорее спросил, чем поприветствовал, Володя.

Маша и вовсе не поздоровалась, неловкая улыбка исчезла с ее лица.

— Мне очень надо с тобой поговорить.

— Ты могла бы позвонить... — подметил Володя, но шагнул внутрь, приглашая.

Маша неуверенно прошла через приемную и застыла на пороге кабинета.

— Это не телефонный разговор. И... мне надо срочно поговорить с тобой, — повторила она. — Можно?

За ее спиной что-то грохнуло — это Лера засуетилась, уронила дырокол. Без разбора побросала свои вещи в сумку: следом за мобильным телефоном внутрь полетел степлер. Ситуация получилась очень неоднозначной: к Володе в офис пришла женщина, а секретарь принялась спешно собираться домой, чтобы быстрее оставить их наедине. Своим поведением Лера будто показывала, что думает о роли Маши в его жизни. Личной жизни. Но в том-то и дело, что думать тут было нечего.

— Проходи, присаживайся. — Володя указал на диван. — Только предупреждаю: у меня мало времени. Сегодня еще есть дела... Нужно отвезти мать в аэропорт.

— Потому и пришла. Правильно Женя сказал, что ты вечно занят.

«Так вот кто доложил, где я работаю», — подумал Володя, но Маша прервала его мысль:

— Я собиралась поговорить там, у Ирины с Женей, но в комнате была Олечка. А то, о чем я хочу спросить... — Маша прерывисто

вздохнула и поджала губы. Дверь кабинета за ее спиной закрылась, замок едва слышно щелкнул, но Маша все равно вздрогнула. И всхлипнула: — Это так трудно! У меня такое горе в семье!

Володя устало потер виски.

— Что у тебя случилось? — Он чуть было не добавил «опять».

Окажись на пороге его кабинета кто угодно, кроме нее, и скажи про горе, Володя мог бы встревожиться. Но это была Маша. И вызвать она могла только досаду из-за того, что время, проведенное с ней, будет потрачено впустую. Этот человек был настолько неинтересен Володе, насколько люди вообще способны не интересоваться. В течение многих лет встречаясь с ней на посиделках у Ирины и Жени, Володя слышал лишь «какие мужики козлы» в разнообразных контекстах. А если Маша говорила не об этом и не жаловалась на свою жизнь, то вела бессодержательные и бессмысленные речи: скучная работа, одежда, дураки-покупатели, одежда, маленькая выручка, одежда, треп-треп-треп. Они никогда толком и не разговаривали. До этой пятницы.

— Только ты можешь мне помочь! — Ее лицо исказило отчаяние. — Ты — моя единственная надежда!

Выходит, с Машей действительно стряслось что-то серьезное, но почему единственная надежда именно он?

— Ума не приложу, чем я могу тебе помочь, — начал Володя. И осекся — Маша уставилась на него взглядом, полным мольбы. — Но выслушать готов. Будешь что-нибудь, чай или кофе?

— Нет, ничего не надо, — замотала она головой, садясь на кожаный диван возле окна и оглядываясь вокруг.

Володе стало стыдно за состояние своего кабинета: повсюду валялись кипы книг, папок и чертежей. Только ему с Брагинским и Лерой было ясно, что все лежит на своих местах, и лишь постороннему это могло показаться беспорядком. Маша, не коллега, не подруга, едва ли приятельница Володи, была первой, кого стоило бы причислить к посторонним, но она даже не повела бровью, без интереса взглянув на завалы документов.

Володя прокашлялся.

— Или, быть может, чего-нибудь покрепче? — предложил он, кивнув на подаренную Брагинским бутылку коньяка.

— Нет, чай... он в пакетиках? — спросила она, но, получив в ответ кивок, снова передумала: — То есть нет, кофе. Кофе.

— Окей, — протянул он, выходя из кабинета в опустевшую приемную. — Растворимый или сварить?

— Мне все равно, — крикнула Маша, когда он скрылся за дверью. — Хотя нет. Лучше сварю.

«Тянет время», — догадался Володя и принялся неторопливо осматривать кофеварку.

Когда спустя пять минут он поставил чашку на журнальный столик перед Машей, а сам уселся в кресло, Маша молча уставилась в пол.

— Внимательно слушаю, — сказал Володя, чтобы вывести ее из оцепенения.

Маша набрала полную грудь воздуха и затараторила почти без пауз:

— Я по поводу моего сына, Димы. Он десятиклассник, учится в первую смену, а я работаю почти без выходных. Так вот, на прошлой неделе я приболела и отпросилась у Ирины домой. Пришла, в квартире музыка играет, громко, на всю катушку, обувь разбросана по полу — и не только наша, чужая еще. Я увидела, подумала: значит, Дима не один. Хотела попросить его сделать потише, подошла к двери его комнаты, она была приоткрыта, и случайно увидела, что он... что он там целуется с... — Маша замерла, ее лицо скривилось, хлынули слезы, — целуется с парнем!

Машина трагедия показалась Володе надуманной, но при виде ее мигом покрасневших глаз сердце сжалось от искреннего сочувствия. А вкупе с позой Маша казалась по-настоящему несчастной и жалкой: сидела, сжавшись, среди просторного кабинета, увешанного предметами гордости фирмы и доказательствами Володиных побед — дипломами и фотографиями готовых объектов. Маленькая, хрупкая и растрепанная, с потекшей тушью, с висящей на нитке пуговицей на манжете, она вздрагивала, пытаясь подавить плач.

Володя протянул:

— Угу... — И добавил как можно мягче: — Это и есть твое горе, да?

Маша всхлипнула и кивнула. Видимо, проследила за его взглядом — схватила манжет одной рукой, пряча пуговицу, и неловко потерла лицо.

— Ты pomoжeшь мне?

— Чем? — обескураженно уточнил Володя.

— Но ты же... Ты же проходил через подобное, ты же знаешь, что в таких случаях делать...

— Нет, не знаю. Правда не знаю.

Маша вскочила, едва не уронив чашку на пол, и воскликнула:

— Но ты же не можешь мне отказать! Не можешь! Это судьба! Бог мне помог увидеть этот плакат! Ты такой стал... идеальный. Без него я бы даже не вспомнила!

Володя окончательно запутался, нахмурился, сложил руки на груди и перебил:

— Какой плакат?

— А? — Маша, будто сдвнувшись, осела обратно на диван. — Плакат? Да так, про пионеров. Вспомнила, что у вас с Коневым кое-что было, и...

— Ты, может, и сыну обо мне рассказала?

— Нет-нет, что ты! Он не знает, что я их видела! У меня наступил такой ступор, потом шок, и я сразу выбежала из дома. Переживала, думала, как быть. Мне так хотелось их поймать, хотелось глаза выцарапать этому его «другу», но головой я понимаю, что не стоит делать поспешных выводов и тем более действовать. Ведь... ведь как-то раз я чуть не совершила такую ошибку. У меня будто приступ дежавю случился. Помнишь, в «Ласточке»?..

— Помню, — отрезал Володя. — Ладно. Давай по порядку: ты вспомнила, что у нас с Юрой когда-то что-то было. И что? Что из этого следует? Что конкретно ты хочешь услышать от меня?

— Хочу узнать: может быть, Дима просто балуется? Может быть, для юношей в его возрасте это нормально, ему же всего шестнадцать?

— Ну нет, — Володя усмехнулся, — поцелуй двух парней — это не баловство. Гетеросексуалы целоваться не станут, а следовательно, твой Дима, скорее всего, или гей, или бисексуал.

Володя ожидал, что после его слов Маша совсем расклеится, но ее будто подменили. Она выпрямилась, вытерла лицо, посмотрела Володе в глаза смело, даже с вызовом, и громко, четко произнесла:

— Нет! Этого не может быть! Димочка — хороший мальчик, он бы никогда...

Володя с грустной улыбкой покачал головой:

— Никогда не говори «никогда». Ты можешь считать, что знаешь его как облупленного, но он другой человек, и залезть к нему в голову

невозможно.

Но ни его жест, ни его слова не убедили Машу, она продолжила с еще большей настойчивостью:

— Значит, его насильно поцеловали, он не гомик! Такое ведь возможно, правда? — Машин голос обрел такую твердость, какую Володя еще не слышал этим вечером. Единственным, что выдавало ее неуверенность, оставалась висящая на нитке пуговица, которую она нервно крутила пальцами.

«Гомик», — повторил про себя Володя, скривившись, но ответил спокойно:

— Возможно-то — возможно, зависит от того, как Дима отреагировал.

— Откуда мне знать, как он отреагировал, я же ушла, когда... — терзаемая ею нитка лопнула, пуговица ударилась об пол и отскочила под шкаф, — когда они еще не закончили.

— А впрочем, — задумчиво протянул Володя, — первая реакция ни о чем не говорит. Даже если Дима его оттолкнул, не факт, что на самом деле был против.

«Когда-то я сам оттолкнул...» — чуть было не произнес он, вспомнив, как однажды оказался на месте Димы. В памяти вспыхнули запах яблок, карие, полные ужаса глаза напротив, холодные губы на его губах, гул крови в ушах.

— Точно! — воскликнула Маша, спугнув трепетное воспоминание. — Это его друг ненормальный, а не он. Я должна их разлучить!

— Даже не думай! Дима сам разберется, какой друг ему нужен, а какой — нет.

Маша встрепелась и воскликнула:

— Я не допущу, чтобы этот извращенец даже на шаг приблизился к моему сыну!

— Значит, гей для тебя — извращенец? — Володя презрительно усмехнулся. — Ты ничуть не изменилась.

— Ну... — Маша тут же замялась и покраснела. — Не совсем, то есть я хочу сказать...

Ее невразумительный лепет прервал звонок Володиного мобильного. Он поднял руку, прося Машу замолчать, и ответил. Из трубки прозвучал усталый голос матери:

— Сынок, ты едешь? Я уже полчаса как собралась. Может, все-таки такси вызвать?

— Нет, не надо, я сам провожу, — произнес он спокойно, но мысленно уже успел отругать себя на чем свет стоит. Маша его отвлекла. Озабоченный проблемами чужой матери, он напрочь забыл о собственной.

— Надо было приехать за три часа до рейса, а сейчас уже...

— Ничего страшного, — перебил он ее. — Я уже еду, жди.

— Ладно... Посижу на дорожку пока...

Володя нажал «отбой» и, не сдержавшись, выругался сквозь зубы. Закрыв ноутбук с недописанным письмом, посмотрел на Машу.

— Этот разговор, безусловно, очень захватывающий, — прошипел Володя и поднялся из-за стола, — но вынужден попрощаться, у меня дела.

— Нет, Володя, постой. Я же не имела в виду тебя!..

Володя скептически хмыкнул, надевая пиджак:

— Да что ты говоришь...

Они вышли из кабинета, и, пока Володя запирает дверь на ключ, Маша оправдывалась, выглядывая из-за спины:

— Ты не извращенец. Это Конев тогда сбил тебя с пути — вот что я хотела сказать.

Володя не ответил.

Когда спустились на первый этаж, Маша обернулась к охраннику и добавила негромко:

— И вообще я не вправе тебя судить.

— А Юру вправе? — спросил Володя уже на улице. Предугадав, что сейчас польется новый поток объяснений, успокоил: — Ладно, я понял тебя, Маш, забыли.

— Нет, ты все-таки... Извини все равно, — пробормотала Маша смущенно. — Будем на связи, да?

— До свидания, Маша, — произнес Володя, тут же пожалев, что не сказал «прощай».

* * *

Несмотря на то что Володя задержался, на рейс они успели. Дорога в аэропорт показалась бесконечно длинной — все из-за разговора с

матерью, из-за тем, которые она поднимала. Но Володя не пресекал их, понимал, что мать не может об этом молчать.

— Ты уверена, что тебе действительно надо уехать? Может быть, лучше дома? Родные стены лечат...

— Я больше не могу тут оставаться, — тяжело вздохнула она. — Раньше, когда кто-то умирал, пусть даже родственник, я не думала о том, как жаль, что этого человека не стало. Я не печалилась о его родных. Я боялась, что это может случиться со мной — когда-нибудь по-настоящему близкий мне человек умрет. Настолько близкий, без которого я не умею жить. Что станет со мной, когда Левушка, мой муж, половина моей жизни, оставит меня? И вот этот момент настал.

Она говорила негромко, но Володе было страшно слышать ее слова, а еще страшнее — голос. Обычно высокий, по-девичьи певучий, теперь он звучал сухо и безжизненно. Володя хотел бы ее проигнорировать, но разве мог? Конечно, нет. Поэтому ехал, не отводя взгляда от дороги, и терпеливо слушал. Боковым зрением видел, что и мать смотрит вперед. Наверное, поэтому она говорила, не замечая боли, искажавшей лицо сына:

— Поэтому я хочу уехать. Здесь его слишком много. Здесь слишком сильно ощущается, что его нет. Хожу по квартире — и самой жить не хочется. А так хоть сменю обстановку. Я отвыкла жить одна.

Они замолчали. Но тишина давила еще сильнее, становилась плотной, леденящей. Буквально леденящей — спина покрылась мурашками, и Володя даже выключил кондиционер.

— Не слишком ли велика плата за жизнь с любимым человеком? — произнес он первое, что пришло в голову, лишь бы не молчать. Собственный голос показался до неприличия громким. — Не проще ли жить одному?

Его вопрос был риторическим, но мать нашла что сказать. В секундной паузе перед ее ответом Володя успел задуматься и понять, что настолько близкого человека, каким был его отец для матери, у Володи нет и, наверное, никогда не было.

— Только так жить и стоит. Иначе в жизни смысла вообще нет. Наверное, ты считаешь, что так и правда легче, но я не понимаю, как ты, такой молодой, столько времени один, без семьи. Сколько лет прошло с тех пор, как ты разошелся со Светой? Почти десять? Она была у тебя единственной девушкой, о которой я знала.

Володя усмехнулся про себя: «Не ты одна. Я тоже других не знал. И надо же, как точно ты помнишь, сколько прошло лет. Неужели подсчитала?»

Тут мать добавила:

— Или ты просто не рассказываешь мне, что у тебя есть кто-то?

Разговор повернул в другое русло сам собой, а может быть, мать намеренно перевела тему. Володя не заметил, как отпустило оцепенение, навеянное воспоминанием о смерти. Но сменилось оно не менее неприятным ощущением — будто его прижали к стенке.

— Нет, — выдавил он.

— Как такое возможно? Ты посмотри на себя, за тобой девушки сами должны бегать.

— Просто я еще не встретил нужного человека, а тратить себя на кого попало — дело неблагодарное, — ответил он как можно равнодушнее, чувствуя, что руки на руле начинают потеть.

— Я ведь понимаю, сынок. Ты думаешь, что раз ты мужчина и тебе не надо рожать, то и торопиться некуда. Но старость приходит незаметно, ты не чувствуешь ее наступления. Вот стал чаще уставать... но ведь работаешь много, правда? Или вдруг что-то заболело — ну и ладно, когда ж не болело-то? — Запах духов матери тоненькой, едва заметной струйкой вился под крышей, тек по приборной панели, по рулю, по его рукам, связывая их, стягивая. Володя молчал, но мать продолжала: — Но потом в один момент старость просто падает на тебя. И думаешь: вроде жил себе и жил, а ради кого? Ты знаешь, я только сейчас поняла по-настоящему, что я никому не нужна: ты уже взрослый, отца нет...

— Не ты ли только что говорила мне об идеальной любви, в которой весь смысл жизни? — наконец он придумал, что ответить. — Тогда не торопи меня. И не пытайся манипулировать.

— Я не манипулирую, просто делюсь тем, о чем стала думать из-за папы, — оправдалась мать и замолчала. Володя последовал ее примеру.

Заговорили снова они только в аэропорту.

— Надо разобрать вещи отца, — сказала мать, остановившись перед рамкой.

— Разобрал уже, — неохотно откликнулся Володя.

— Я имею в виду дома. Надо успеть до сорокового дня раздать одежду. Я не хотела напрягать этим тебя, но... все хожу вокруг них и даже в руки взять не могу. Разбери их, пожалуйста. Чтобы я приехала и не натыкалась на них повсюду.

— Хорошо, — кивнул Володя.

— Понимаешь... у меня рука не поднимается самой избавиться. Понимаешь, я хочу, чтобы все осталось как есть, чтобы еще чувствовать его присутст... — Ее голос сорвался. Володя сжал руку матери. Она собралась с силами и продолжила уже спокойно и четко: — Одежду раздай знакомым, что не возьмут — малоимущим или в церковь. Остальное надо сжечь.

— А его личные вещи куда? Книги, телефон, сувениры...

— Их не выбрасывай. Убери в кладовку. Или к себе увези. У тебя места больше, есть куда убрать.

— Понял. Сделаю.

Прощались долго, болезненно. Мать плакала, привставая на цыпочки, гладила его по голове, по плечам и груди, не выпускала из объятий и все повторяла: «Ты прости, сынок, если чем-то тебя обидела, если что-то не так сказала. Это, наверное, я виновата, что ты один». Володя бормотал: «Не говори глупости. Все нормально». Он волновался за нее: как она сориентируется, как долетит, как ее встретят, а главное — как она там будет жить без него. Но голос разума успокаивал: «Мать не оставят в одиночестве». Она летела к сестре в родной город — Москву. И, помимо Москвы, собиралась в Тверь, к Володиному дяде и двоюродному брату Вове, что не смог приехать на похороны, но настойчиво приглашал погостить.

Всю дорогу до дома он прокручивал этот разговор в голове по несколько раз. Было паршиво: на душе из-за ее слез скребли кошки, под ложечкой ныло от жалости и тоски, из-за того, что умудрился ей нагрубить, мучила совесть. Полегчало, только когда Володя увидел на трассе упоминание дома — табличку с названием коттеджного поселка «Ласточкино гнездо».

«Очень неудачное название, — критиковал отец, принимая его проект шесть лет назад. — Оно будет ассоциироваться со скалой и замком в Ялте, но разве хоть что-то напоминающее его там есть? Нет, ни архитектура, ни ландшафт не имеют ничего общего с настоящим Ласточкиным гнездом. И все-таки ты настаиваешь на этом названии. Почему?»

Отец был прав: поселок раскинулся среди полей и перелесков, куда хватало глаз. Ни скал, ни гор, ни тем более моря. Деревянные двухэтажные дома в скандинавском стиле с панорамными окнами даже приблизительно не напоминали тот самый замок. Поселок назывался так не потому, что стоял на возвышении. Здесь уже не летали ласточки, не вили гнезд. Река пересохла, а пионерлагерь «Ласточка» много лет лежал в руинах. Но именно потому, что все это здесь когда-то было, Володя назвал этот поселок — назвал свой дом — так. Но отец принял его с трудом — и то только после долгих уговоров.

Володя пересек шлагбаум, оказался на территории поселка и запелся привычным маршрутом между однотипных коттеджей. Его дом стоял на самом отшибе. Такой же, как остальные, он отличался лишь очень широким двором, в несколько раз превосходящим по размерам соседские, и самым высоким среди всех участков забором.

Только Володя вышел из машины, как тут же воздух содрогнулся от высокого лая Герды. Володя свистнул, и она бросилась навстречу к воротам, безуспешно пытаясь их свалить. Он приготовился открыть их. Делать это нужно было с осторожностью, иначе собака собьет его с ног — уже прыгала как сумасшедшая. Володя снова свистнул, она заскулила и притихла, а когда дверь отворилась, Герда распласталась на спине, животом кверху. Володя присел на корточки, принялся по-детски сюсюкаться с ней:

— Собака моя, соба-а-а-ка. Соскучилась, девочка? Я тоже скучал.

Почесывая мохнатый живот, он привычно оглядел дом, кажущийся на фоне сизого неба неприветливой громадиной.

— Сейчас мы включим свет, и станет лучше, правда?

Перешагнув порог, он преодолел небольшую прихожую и ступил в широкую, светлую гостиную, совмещенную с кухней. Стягивая с себя удавку галстука, прошел в ванную, снял линзы и с удовольствием потер веки — за целый день глаза устали. Надел очки.

В гостиной Герда пулей примчалась к огромному окну, сунула нос за штору и принялась отчаянно лаять.

— Что такое? — Володя подошел к ней и выглянул во двор.

Казалось бы, ничего удивительного для него и возмутительного для Герды там нет, все как всегда: небо, звезды, широкая поляна, небольшая рощица вдалеке.

— О... — выдохнул Володя, увидев нарушительницу спокойствия. В пятне света на спинке садового стула сидела, глядя на них, изящная ласточка.

Глава 2

История болезни

Володя купил таблетки, которые прописал Игорь, и принимал их уже пару дней. Но, похоже, они не действовали — Володя засыпал так же долго и тяжело. Успокоительные делали его вялым, но не опустошали голову, не избавляли от тяжелых, мрачных воспоминаний, бесконтрольно кружившихся в мыслях. Вот и сейчас, в третьем часу ночи, он лежал и не мог избавиться от образов, что вспыхивали под закрытыми веками.

Володя с Брагинским вместе забирали тело отца из морга и везли в церковь, где ждали все, кто пришел проводить его в последний путь. Володя впервые занимался похоронами и многого не знал, поэтому удивился, что тело не было окоченевшим, а конечности двигались легко. Когда ехали в автобусе, на повороте гроб качнуло, и отца прижало к одной из стенок, а руки съехали набок. Вдвоем с Брагинским они вернули телу прежнее положение, поправили его, Володя положил ладони обратно на грудь. И это тактильное ощущение — то, какими мягкими и холодными были пальцы и плечи отца, — записалось на подкорку.

Володя засыпал. На улице шумел дождь, дома похолодало настолько, что пришлось надеть футболку. Он замерз и, проваливаясь в сон, инстинктивно обхватил себя за плечи — показалось, что держит плечи отца. Проснулся. Это были его, Володины, плечи. Холодные и почему-то непривычно мягкие.

Он поднялся, снял футболку, пусть и стало еще холоднее. Поменял позу, чтобы не касаться руками своего тела, но ладони продолжали ощущать мягкое, прохладное и вялое, будто неживое, не тело даже, а какой-то биоматериал.

Володя рывком сел на кровати. Сердце грохотало в висках, дыхание захлебывалось.

— Надо отвлечься, надо отвлечься, — принялся повторять он. Но, на что отвлечься, придумать не мог. Неожиданно вспомнился недавний

визит Маши. Он прокрутил в голове их встречу от начала до конца, попытался обсудить с собакой. Герда спала в ногах, тихонько похрапывая.

Он вспомнил, как Маша, слушая его, слышала только себя и вынесла из разговора совершенно неверное, зато столь желаемое: что ее сын хороший, а вот его друг — плохой. Видимо, она была такой всегда — крайне эмоциональной и глуповатой. Но раньше, в юности, в «Ласточке», она скрывала эти черты, хотя Володе иногда удавалось разглядеть ее настоящую.

Мысли о Маше помогли забыть недавний кошмар. Он наконец смог удобно устроиться на кровати и начал проваливаться в сон. Засыпая, увидел Машу. Совсем юную красивую девушку в коротком платье. Она, вся в слезах, стояла голыми коленками на бетонных плитах и умоляюще смотрела на него. Стирая руки в кровь, писала мелом поверх нарисованного на асфальте яблока: «Ненавижу».

Рано утром Володю разбудило СМС с неизвестного номера:

«Прости за то, что тебе наговорила. Я была сама не своя. Но сейчас все еще хуже...».

Догадаться, от кого это сообщение, не составило труда. Володя ничего не ответил, положил телефон на тумбочку. Хмыкнул — его очень позабавило многоточие в конце — и завернулся в одеяло. Сон без сновидений не собирался выпускать его из своих объятий, наоборот — только сжал в них еще крепче, увлекая в такой желанный, с таким трудом достигнутый покой.

* * *

— Сколько мне еще извиняться? У меня настоящая беда, почему ты не хочешь мне помочь?!

— Чего?

Мгновение спустя Володя застал себя сидящим на кровати с трубкой у уха, не помня, как проснулся и ответил.

— Как ты можешь быть таким равнодушным?! — кричала Маша.

— Я тебе уже сказал, что ничем... — вяло пробормотал он, потирая заспанные глаза.

— Но я не знаю, к кому еще обратиться, это же такой стыд!

Володя со стоном выдохнул:

— Да пойми же ты, что я правда не понимаю, как могу тебе помочь.

Маша на пару секунд замолкла и произнесла уже не зло, а жалобно:

— Володь, Дима собирается покончить с собой! Пожалуйста, давай встретимся!

Володя мигом проснулся. Маша в трубке тяжело дышала и всхлипывала. Неужели все настолько серьезно? Он уставился на свою руку. Следы на коже уже давно исчезли, но сейчас по ней горячей волной прошла старая, фантомная боль.

— Хорошо, давай, — согласился он, вспоминая планы на день. Все равно сегодня собрался ехать в родительскую квартиру разбирать вещи отца, ему будет по пути. — После обеда под Градусником удобно?

— А раньше не можешь? — канючила Маша.

— Я живу не в Харькове. Как только доеду до города, позвоню. Договорились?

Получив утвердительный ответ, он нажал отбой. Взглянул на часы и выругался — Маша разбудила его в шесть. В воскресенье.

* * *

Хотя Володя торопился, все равно опоздал. Маша уже ждала его у метро, мрачная, но не настолько нервная, как он ожидал.

— Давай пройдемся до сквера с Вечным огнем и там посидим. Не против? — предложил он, стараясь скорее вырваться из гомонящей толпы.

Маша растерянno кивнула, зашагала следом. Пока шли, молчала, погруженная в себя — угрюмая, мрачнее тучи.

Володя указал на скамейку под раскидистым кленом. Маша никак не отреагировала, замороженно уставившись на противоположную сторону дороги — на двери органного зала филармонии.

— Ой, а давай лучше пойдем поедим? — неожиданно живо предложила она. — Время обеда, а я даже не завтракала сегодня. Тем более что тут сыро после дождя, все скамейки мокрые.

Володя пожал плечами и направился вниз по улице, где мелькали вывески кафе.

Войдя в первое попавшееся заведение, они сели за самый отдаленный столик. Володя очень удивился, когда якобы не обедавшая

Маша заказала себе лишь кофе.

— Давай к делу, — предложил он, как только официант отошел от их столика. — С чего ты взяла, что твой сын хочет свести счеты с жизнью?

— Он... — Маша коротко вздохнула... — Знаешь, он всегда был немного замкнутым, но в последнее время совсем закрылся в себе: ничего мне не рассказывает, слушает мрачную музыку и сам ходит мрачный, весь в черном... только шнурки розовые... Это друзья его виноваты! Не знаю, как он с ними вообще связался. Говорят, что они по кладбищам гуляют, а мальчики в этой компании глаза подводят — они точно... — она понизила голос, — гомики. Испортили мне сына!

Володя облегченно выдохнул:

— Маша, это просто подростковое. Сейчас многие так одеваются и таким увлекаются. Я не разбираюсь в их моде, но ты-то разве не в курсе?

— Да что ты говоришь! — возмутилась она в ответ. — Он...

Их прервал подошедший с подносом официант. Быстро поставил перед Машей кофе, перед Володей — омлет и удалился.

Едва тот ушел, как Маша прошептала:

— Володь, он руки себе режет — вены! Я об этом не знала... Обычно Димочка носит браслеты такие резиновые или длинные рукава, под ними не видно запястий. А сегодня я зашла к нему, пока он спал, и заметила... Да и в комнате у него плакаты с черепами развешаны...

Эти новости Володю насторожили. С желанием причинять себе боль он был знаком не понаслышке и понимал, откуда это желание может появиться. Но и сравнивать Диму с собой пока не спешил.

— Ты говорила с ним по этому поводу?

— Пыталась, но он уходит от диалога: «Отстань-отстань». Грубит.

— Раны свежие?

— Нет, белые такие, тонкие шрамики.

— Выходит, он делает это давно... — заключил Володя, без интереса глядя на нетронутый завтрак — у него пропал аппетит. — Вдоль вен или поперек?

— Я не помню.

Маша задумалась, а затем сделала то, чего Володя от нее никак не ожидал, — улыбнулась:

— А это что, важно?

— Ты шутишь? — обомлел он.

Маша покачала головой. Кровь начала закипать от ее улыбки, Володю охватило нарастающее чувство неприязни, но он подавил его и постарался говорить как ни в чем не бывало:

— Плохо. Обычно, — он припомнил слова Игоря в самом начале их отношений, — когда подростки занимаются самоистязанием, они пытаются привлечь внимание. Это как бы крик о помощи.

— О чем ему «кричать»? Он благополучный мальчик... Ах, ну да, конечно... — протянула она, кивая самой себе. — Я поняла, в чем дело. Это все его отец! Если бы он не был такой сволочью, Дима так не поступал бы! Он даже свое имя ненавидит, потому что они тезки! Ему не хватает мужского влияния. Поэтому он и целуется с этим своим... другом. Такое ведь может быть, да?

— Такая теория существует, но сексуальность — это врожденное...

— То есть ты хочешь сказать, что это не лечится? — Маша грозно сверкнула глазами.

— Нет, Маша, не лечится.

— Не может этого быть! — воскликнула она. — Зачем ты говоришь такое? Чтобы сделать мне больно? Чтобы отомстить?

— Боже, да зачем мне тебе мстить? — возмутился Володя. Он не ожидал, что Маша, недавно молившая о помощи, так резко ударится в обвинения.

— Тогда почему не скажешь, как избавиться от этого? Ты ведь тоже был таким, но теперь — нет!

— С чего ты взяла, что был?

— С того, что ты успешный, с хорошей работой. Ирина говорила, что женат!

Володя покачал головой, ухмыляясь. Не замечая, что самообладание его подвело, он начал заводитьсь. И Маша ему не уступала.

Его жест не убедил ее, она продолжила с еще большей настойчивостью:

— Хорошо, может, женат и не был, но я же слышала про Свету! Ты сам говорил Ирине...

— Это было давно и неправда, Маша.

— Да плевать! Главное — теперь ты не голубой, хотя был им раньше! Почему ты скрываешь, как от этого избавиться? Почему врешь?!

— Не вру. Я не был... — Володя осекся, едва не произнес это мерзкое слово, но вовремя поправил себя: — ...таким. Я есть такой с самого детства. Но! То, какой я есть, не мешает мне быть хорошим человеком и иметь хорошую работу. Просто я смирился, и ты рано или поздно смиришься.

— Я не смирюсь с этим никогда! — Она гордо вздернула подбородок.

— Если ты действительно любишь сына, то придется. Сексуальность не изменить и не вылечить. И пока ты этого не поймешь... — начал было он, но оборвал себя на полуслове.

Разве она могла это понять? Вряд ли. И Володя знал причину ее бескомпромиссности. Во времена их молодости, когда Маша впервые столкнулась с другой сексуальностью, вся их страна, весь их мир считал это совершенно ненормальным, противоестественным и даже преступным. И в этом не было ни капли Машиной вины — так ее воспитывали время и общество, в которых она жила. Точно так же время и общество воспитывали Володю.

Маша сердито посмотрела ему в глаза и с вызовом произнесла:

— Зато я слышала, что есть врачи, которые занимаются с гомиками, и они выходят от них нормальными!

— Занимаются с гомиками, говоришь... А чем именно занимаются — ты не думала?

Володя многозначительно замолчал. Он понимал, что, несмотря на злость, которую провоцировало Машино поведение, он должен взвешивать свои слова. И эмоциям нельзя было давать волю — они только навредят.

Он сделал глоток чая и спокойно спросил:

— А тебе не рассказывали, что эти «врачи» калечат психику? Я тоже когда-то считал это болезнью, — он вздохнул, — и очень хотел вылечиться. Потому что это было слишком сложно и страшно. Тем более началось очень рано.

— Рано? Разве твоим первым был не Юра? — перебила Маша.

Сердце кольнуло, когда Володя услышал от нее это имя. До этого Маша называла его только по фамилии.

Володя нахмурился, затем слабо улыбнулся.

— Юра был моей первой и, наверное, единственной любовью. А тот человек, о котором я говорю... Это была не любовь. Это был ужас, я ненавидел себя настолько, что готов был... на самом деле покончить с собой.

Маша охнула, прикрыла рот ладонью.

— Вот видишь! Я же говорю, что Дима хочет...

— Не сравнивай меня тогдашнего со своим Димой! Если ты говоришь, что он пригласил парня к себе и уже целовался с ним, значит, он не один, ему есть с кем разделить свои чувства. Это важнее всего. Наверное, так же, как было у нас с Юр...

— А ты не смей сравнивать моего сына с этим Коневым! — вспыхнула Маша.

— Да никого я не сравниваю! Ты просишь моей помощи, и я не знаю, чем могу помочь тебе, кроме как показать на своем реально плохом примере, чего делать не следует. А дальше тебе самой решать — попытаешься ты принять его таким, какой он есть, или будешь пытаться что-то изменить. Как помнишь, тогда ты нас с Юрой даже выслушать не захотела...

— Ну а что же делать? — снова отрешенно спросила Маша. — Может, найти ему девушку?

— Ты меня вообще слушала? — едва не взорвался Володя.

— Я не смогу сидеть сложа руки, нужно сделать хоть что-то!

— Маша... — предостерегающе протянул Володя.

Она замолчала, взяла чашку в руки и немного отпила. Володя смотрел на нее, размышляя, и понял вдруг, что так и не узнал ответа на еще один очень важный вопрос.

— Маш, а сам Дима признавался тебе в своем влечении?

Та отрицательно помотала головой.

«Интересно — почему? — задумался Володя. — Если не сказал сам, значит, либо сомневается в себе, либо не готов, либо боится матери...» Мысль, что он может ее просто жалеть, как сам Володя до сих пор жалел свою мать, в голову даже не пришла.

Володя взял ее за руку и пристально посмотрел в глаза.

— Тогда просто оставь его в покое и не лезь.

После этих слов спокойная, притихшая было Маша отбросила его руку и выкрикнула:

— Как не лезть? Я вообще-то его мать!

— Но это не твое дело!

— А чье же? Он еще совсем молодой, он ничего не понимает, он может таких делов натворить, что...

Володе захотелось ее встряхнуть, но он глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Это ты ничего не понимаешь, а слушать — не хочешь.

— Нет, я не смогу с этим жить!

— Так и не тебе с этим жить, а ему.

— Я... я не верю! — Она истерически хихикнула. — Материнское сердце не так легко обмануть. Я знаю своего сына, никакой он не гомосек! Я чувствую, что у него это просто баловство, но ты, Володя... Я, может, и могла подумать, что Конев был злопамятным козлом, но чтобы ты... Столько лет прошло... От тебя я такой подлости не ожидала! Ты врешь, чтобы отомстить!

— Если ты так действительно считаешь... — прошипел Володя сквозь зубы, подавляя все сильнее и сильнее закипающую злость. — Тогда нам не о чем говорить.

— Но мы поговорим... — яростно прошептала Маша. — Когда я его вылечу, мы поговорим.

— Ты его только искалечишь!

— Да кто ты такой, чтобы учить меня, как заботиться о моем ребенке?!

Чаша терпения переполнилась. Со слов Маши получалось, будто все плохое, а хорошие только ее «благополучный» сын и она сама.

Володя ухмыльнулся и произнес таким ядовитым тоном, какого от себя даже не ожидал:

— Скажи лучше, почему ты заметила раны на его руках только сейчас? Ты что, раньше не интересовалась его жизнью?

— Что ты вообще можешь понимать! У тебя даже детей нет! А может, оно и к лучшему, а то мало ли кого может воспитать психически больной!

Володя перестал сдерживать эмоции. В конце концов, какова его роль в этой драме? Ее нет! Володя никто им обоим, и они ему — тоже. Тогда зачем ему нужно молчать, когда его унижают, терпеть, когда действуют на нервы, тратить свое время на бесполезный разговор с женщиной, которая даже не собирается к нему прислушаться?

Ярость выплеснулась наружу, Володю будто прорвало. Перегнувшись через стол, он прошипел ей в лицо:

— Да, у меня нет детей. И уж лучше вообще не быть родителем, чем стать тем, кому плевать на своего ребенка, пока тот кромсает себе руки! Ну правильно, Маша, к врачу надо бежать, потому что сын мальчика поцеловал, а не потому, что у него есть реальные проблемы. Или что, стыдно тебе показываться со шрамами вместо свежих ран, идеальная мать?

Машины губы задрожали, она, как рыба, схватила ртом воздух, посмотрела на Володю, собираясь что-то сказать, но через пару секунд вскочила с места и выбежала из кафе.

Дверь хлопнула. К Володе подошел официант, вопросительно взглянул на него. Володя вымученно улыбнулся, попросил счет и стакан воды. Ярость клокотала в груди, нужно было ее утихомирить: он через силу доел омлет и выпил воду десятком маленьких глотков, расплатился и вышел на улицу.

Ссора с Машей одновременно взбудоражила и вымотала. Володя заставлял себя не думать о ней.

* * *

Отсюда до родительского дома было рукой подать. Володя решил пройтись пешком, чтобы по дороге успокоиться и собраться с мыслями: разбор огромного количества вещей — дело очень хлопотное. Раньше, когда жил у матери с отцом, он часто и долго гулял по Харькову, так что знал этот город лучше Москвы. Харьков стал для него таким родным, таким привычным, будто Володя провел тут всю жизнь, а не переехал десять лет назад.

Площадь Розы Люксембург и набережная остались позади, он свернул во двор родительского дома. Все — и виды, и звуки — было таким знакомым, здесь ничего не менялось годами. Володя часто ездил к матери, и каждый раз его сердце сладко щемило от ностальгии, будто в этом дворе он играл с соседскими ребятишками, а не сидел в одиночестве, тщетно пытаясь разобраться в себе или раздумывая над рабочими проектами.

Подъезд встретил привычным запахом пыли, замок издал привычный щелчок, и Володя оказался в прихожей. Но что оказалось непривычным в родительском доме, так это тишина. Раньше здесь

всегда было шумно, ведь даже если не звучали живые голоса, то обязательно работали радио или телевизор.

Володя ступил в кухню и включил магнитофон, не посмотрев, что за кассета в нем стоит. Улыбнулся, когда из динамиков раздался звенящий голос Эдмунда Шклярского — отцу, как и Володе, нравился «Пикник». Сел за стол, достал ежедневник и ручку, чтобы составить план, что делать с отцовскими вещами: что раздать, а что — выбросить.

Но сосредоточиться на списке никак не удавалось. Деловые мысли постоянно перебивались посторонними, притом они звучали не его привычным спокойным внутренним голосом, а истеричным, высоким, очень похожим на Машин: «Ненормальный. Больной. Извращенец!»

Володя тряхнул головой и принялся писать: «Костюм предложить Брагинскому. Одинаковый размер? Книги — себе. Проекты — в офис». В памяти вновь царапнуло истеричное Машино: «К врачу! Исправить! Вылечить!»

— Да что ты будешь делать! — Володя выругался и отложил ручку. — Так... ладно. Поступим по-другому.

Вообще-то он начал не с того. Сперва стоило пройтись по дому и оценить масштабы. Этим Володя и занялся, планируя заодно отвлечься. Обошел гостиную и спальню, оглядел даже кладовку. Оставалась последняя неосмотренная комната — его собственная.

В нее он не заходил давно. Во время семейных посиделок все располагались то на кухне, то в гостиной. В свою комнату Володе заглядывать не было необходимости — там уже хранилось только ненужное. Он ожидал, что родители выбросят его старые вещи, и потому, когда открыл дверь, застыл на пороге — они будто законсервировали это место.

Все тут было таким, как много лет назад: скрипучий диван вдоль левой стены, вдоль правой — забитые книгами шкафы, стол у окна, на нем — лампа и фотография Светы.

Снова вспомнилась Маша: «Надо его вылечить! Может, найти ему девушку?» — и Володя замер, глядя на ту, кого надеялся сделать своей панацеей, но лишь нанес травму и ей, и себе.

Он взял рамку в руки и огляделся, думая, куда убрать. Улыбнулся вновь — здесь, в его комнате, осталось нетронутым абсолютно все: книги, тетради, даже собственноручно заточенные им карандаши в

ящике стола. Значит, сохранились и записи. Записи... Володя покачал головой — значит, и та тетрадь лежит нетронутой. Его дневник, но, правильнее сказать, его «история болезни», потому что в ней содержалось все: анамнез, диагноз, лечение.

Все было в ней. А она — в тайнике. В двух метрах от Володи.

Забавно: у многих людей никогда в жизни не было тайников, а у него их целых два. Правда, тот, что под ивой, скорее почтовый ящик.

Переезжая из родительской квартиры в собственный дом, Володя не взял «историю болезни» с собой. Не потому, что забыл про нее, а потому, что очень хотел сбежать от своего прошлого, избавиться от него навсегда.

А теперь, после столкновения со смертью, Володя думал по-другому. Эта тетрадь — часть того немногого, что останется от него потом. Какой бы позор она в себе ни хранила, это не просто его память, а память о нем. Человеческая жизнь очень хрупка, в любой момент, хоть через двадцать лет, хоть завтра, Володи может не стать. И тогда кто-то — лишь бы только не мать — будет сортировать его вещи: что отдать, что — выбросить, что — сжечь. Но эта тетрадь — другое. Это не просто принадлежавшая ему вещь, а то, чем был он сам. Часть его жизни — это часть «истории болезни», а она — часть его самого. И она не достанется никому. Никто, кроме Володи, не заглянет в нее, она не должна лежать здесь.

Володя отодвинул диван от стены, нашел давно выломанную паркетную доску, вынул ее и увидел в нише толстую черную тетрадь. Забавно, в такой же он писал заметки, когда работал в лагере вожатым.

Тетрадь стала удивительно хрупкой от времени — едва оказалась у него в руках, как из-под обложки выпала половина листов. Подхватив их и вставив обратно, Володя заметил вложенные среди страниц газетные вырезки, давно просроченные рецепты на транквилизаторы и конверт. Его он открывать не стал. Плотная белая бумага не просвечивала, но Володя и так помнил, что находится внутри: снимки голых женщин, которые дал ему врач. Володя вздрогнул от омерзения.

На пол упала сложенная вдвое черно-белая фотография. Он развернул ее. Это был снимок первого отряда той самой смены в «Ласточке». Много людей, нижний ряд сидит, верхний — стоит. В центре — его Юрка. Володя нервно отвел взгляд. Увидел молодую, высокую, еще стройную Ирину, присмотрелся к Маше. Короткое

платье в цветочек, длинные светлые волосы перекинута через плечо, чтобы закрывали грудь, собраны в хвост пластмассовой заколкой.

«А заколка-то та самая», — улыбнулся Володя, вспомнив их знакомство с Машей.

* * *

После происшествия у эстрады Володя отправился к Ирине, вожатой первого отряда, выяснить, кто такой этот Юра Конев, которого ему навязали помогать с театральным кружком.

На крыльце, утопающем в розовых петуниях, одиноко стояла белокурая девушка в коротком желтом платье и ела грушу.

— Здравствуй! — приближаясь, крикнул ей Володя. — Ирина здесь?

— Зд... здравствуйте. — Девушка покраснела, поднесла руку к волосам. — Нет, ушла куда-то. Ей что-нибудь передать?

— Да нет, передавать нечего. Тогда я пойду, — вздохнул Володя. — Хотя... как тебя зовут?

— Что? — смутилась девушка. — А... Маша.

— Меня зовут Володя, очень приятно.

— Да, очень, — потупив взгляд, негромко ответила та.

— Я спросить хотел, не знаешь ли ты такого Юру Конева из первого отряда?

Маша нахмурила лоб и буркнула:

— Ну знаю, конечно. Мы в одном отряде. Кто же его не знает? Каждый год в «Ласточку» ездит.

— Вижу, не очень-то он тебе нравится... — хмыкнул Володя.

— Ой, да кому он вообще нравится может? Хулиган и бездельник! В прошлом году вообще тут драку затеял, из-за этого Конева наш Саша, видимо, и не приехал.

— Все понятно, — вздохнув, протянул Володя. — Ну ладно, я пойду.

Он развернулся на пятках, но Маша окликнула его:

— Хочешь грушу? У меня много. Вот. — Она наклонилась, снова запуталась в волосах и достала из сумки, что лежала возле ее ног, большую спелую грушу. Протянула Володе.

— Вообще-то по инструкции нам нельзя есть угощения детей, — начал Володя, но, увидев, что Маша отчаянно покраснела, взял

грушу. — Спасибо. Кстати, сегодня вечером пройдет первая репетиция театрального кружка, а из вашего отряда никто, кроме Конева, не записался. Ты не хочешь ко мне?

— Да-да, я бы очень... — пробормотала Маша, накручивая на палец выбившуюся из прически прядку. — Я люблю театр. А еще я играть умею, на фортепиано, в кинозале есть...

— Играешь? Как здорово! Как я рад, что нашел тебя! — воскликнул Володя.

И тут же понял, что сболтнул лишнего — Маша еще сильнее смутилась и стала с остервенением дергать прядки волос. Вдруг ее заколка щелкнула и упала на землю, а длинные, по пояс, светлорусые волосы рассыпались по плечам. Володя наклонился поднять заколку, выпрямился.

— Ой, сломалась... — прошептала Маша. Она принялась нервно убирать волосы назад, но они, слишком длинные и густые, не слушались, выскальзывали из пальцев, падали на плечи и грудь.

— Я думаю, ее можно починить, — успокоил Володя и, чтобы скрыть неловкость, уточнил: — Значит, договорились, ты будешь нашим музыкантом?

Маша радостно пискнула и кивнула, посмотрела Володе прямо в глаза. Не зная, как реагировать, Володя сконфуженно улыбнулся в ответ и убрал заколку в карман.

— Давай я починю ее к вечеру, а ты на репетиции заберешь. Хорошо?

* * *

А ведь Маша ничуть не изменилась с тех пор. Даже привычка вертеть что-то в руках, когда нервничает, осталась.

Володя смотрел на нее и вспоминал, какой она была в «Ласточке», и все больше жалел о сказанных утром словах. Маша всего лишь глупая влюбленная девочка, которая творила черт-те что, совершенно не осознавая, какой вред могут нанести ее действия. Но при этом она не желала никому, даже Юре, зла. А потом вместе с развалом СССР, когда страну и ее граждан шатало из стороны в сторону, корежило и ломало, на нее, совсем юную восемнадцатилетнюю девчонку, свалилась огромная ответственность — ребенок. Она просто не успела повзреть, не успела поумнеть и, оставаясь ребенком, стала

матерью. Она не смогла получить высшее образование из-за сына, вскоре ее бросил муж, и Маша практически осталась одна. Помнится, она говорила, что ей помогала мать, но, кажется, недолго.

Разумеется, все это повлияло на ее и без того невротический характер. Разумеется, она всегда будет защищать своего сына от всего, пусть даже самого абсурдного, желая оградить от зла, но не понимая, что сама может стать злом. И, конечно, не Володе ее судить, потому что он не понимает и не сможет понять, каково это — быть родителем. Тем более одиноким.

Володя достал телефон и набрал ее номер. Услышав, что трубку подняли, уверенно произнес:

— Маша, я хочу извиниться за то, что сказал в кафе. По поводу идеальной матери был перебор.

Маша не ответила, лишь прерывисто дышала в трубку. Володя дополнил:

— В действительности я так не думаю.

— Тогда почему ты это сказал? — спросила она тонким, дрожащим голосом.

— Потому что разозлился. Ты, наверное, сама не понимаешь, но, поливая грязью Диминого друга, попадаешь и в меня тоже. Я уверен, что ты не стремилась намеренно унижать меня, поэтому старался не принимать на свой счет, но всему есть предел. Называя его извращенцем и больным, ты называешь так и меня.

Маша вздохнула:

— Нет! Ну конечно, я не имела в виду тебя. Наоборот, ты так помогал мне. Нашел для меня время, слушал...

— Кстати, по поводу слушал, — перебил ее Володя. — Я перестал понимать, зачем ты ищешь встречи со мной. Ты же вообще не слышишь меня. Что бы я ни говорил, ты обращаешь внимание только на подтверждение своих мыслей в моих словах.

— А ты думаешь, мне можно жить по-другому? — спросила Маша на удивление спокойно. — Я привыкла слушать только себя. Мне ведь не на кого положиться. Нет никого, кто мог бы взять на себя часть моей ответственности. У меня есть только Дима, но он еще молод...

— Дима — шестнадцатилетний лось! Ты его недооцениваешь — и очень зря... Но ладно Дима, а как же Ирина?

— Подруги... — Маша вздохнула. — Они, конечно, дадут совет, но не им жить моей жизнью. Не им бороться с последствиями неправильных решений. Да, они дадут дельный, на их взгляд, совет, но что потом? Потом они уйдут домой, где у них нет таких проблем, как у меня. Зато есть тот, кто поддерживает их и на кого можно положиться. А я останусь. Одна. Я уже обожглась так пару раз, и да, признаю, я перестала слушать других.

— Ясно, — только и ответил Володя, хотя в глубине души признал, что может лишь представить ее положение, но понять — вряд ли.

Ее слова удивили. Во время этого короткого диалога он несколько раз спросил себя: «Ты ли это, Маша?» Он действительно не узнавал ее. Но знал ли он Машу вообще? Нет. Он и не мог — многим ли поделишься на посиделках у Ирины с Женей, среди толпы малознакомых людей? А если Маша рассказывала о себе что-то важное, то много ли там услышишь?

Она прервала его размышления:

— А по поводу того, что я мало внимания уделяю ребенку. Володь, вот ты, наверное, думаешь, что раз он парень, то не требует больших трат. Как бы не так! Ему надо так много: обычная одежда его не устраивает, надо брендовую из Европы. А обувь... Эта его «Демониа» сколько стоит — с ума сойти! Еще ему нужен новый телефон, но не потому, что старый сломан, а потому, что сейчас в моде слайдеры, и ноутбук нужен, потому что старый компьютер медленный, желтый и портит зрение. В следующем году еще и в университет поступать, принтер покупай... А как мне купить все это, если не работать? Нет, это, конечно, не значит, что я работаю только на него. Я все-таки девушка свободная, мне тоже надо выглядеть привлекательно, но все-таки...

— Разбаловала ты его, Маш, — произнес Володя, чувствуя, как проникается искренним сочувствием.

— Наверное, разбаловала, но я не хочу, чтобы он знал нужду и бедность, понимаешь? Как у меня в юности было: не в чем на улицу выйти, хоть ты тресни. Бабкины платья на себя перешивала. Не хочу, чтобы он знал это чувство.

Она замолчала, Володя тоже.

А правда, может, оно и к лучшему — что у него нет и, скорее всего, вообще не будет детей? Ведь он никогда не будет страдать так, как

страдает Маша: не испытает того страха и беспомощности, что испытывает она. Он не будет нести такой ответственности, как она, от его решений никто не пострадает так, как может пострадать ее сын. Единственное существо, чья жизнь и благополучие зависели от Володи, — это Герда.

Володя пытался подыскать правильные слова поддержки или примирения. Но выдал только:

— Маш, простишь?

— Конечно. И ты прости меня! Ты даже не представляешь, как помогаешь мне, как я рада, что ты есть... я без тебя с ума бы сошла...

— Забудем, что случилось сегодня?

— Хорошо. — По голосу было слышно, что Маша улыбнулась. — Можно мне будет тебе еще позвонить?

— Звони, конечно. Но только не в шесть утра — попозже.

* * *

Володя возвращался домой в хорошем настроении, но, когда стал разбирать сумку с вещами из родительского дома, вертлявая Герда выбила из его рук старую тетрадь, и спрятанные в ней бумаги вывалились на пол. Ладно бы только бумаги — фотография тоже выпала и раскрылась, демонстрируя хмурого хулигана в кепке. Настроение тут же испортилось.

В восемьдесят шестом году Володя, замученный своей «болезнью» студент, вырвался из тюрьмы шумного города и отправился в затерянный в лесах пионерлагерь. Но угодил в другую тюрьму, которую создала для него первая и до сих пор единственная любовь. Володе было сладко в этом плену. Он и страдал в нем, и боялся его, но именно тогда был по-настоящему счастлив.

Долгие годы он не вспоминал тех летних дней, их посиделок с Юрой и самого Юру. Забыл его глаза, голос и руки и, если бы не фотография, наверное, не думал бы о нем сейчас.

Ведь все, что случилось тогда, не прошло бесследно, не стерлось, а жило в его душе и сердце, запертое на хрупкий замок памяти. Стоило лишь слегка коснуться этого замка — и воспоминания одно за другим хлынули и разлетелись мыслями, словно беды из ящика Пандоры.

* * *

Все с самого начала пошло не слава богу. Володя задолго до «Ласточки» начал сомневаться в том, стоило ли ему вообще ехать вожатым, — еще в инструктивном лагере, точнее — в автобусе. Всю дорогу в салоне царил суеве, будущие вожатые были так воодушевлены, что разбились на кучки и уже с поистине комсомольским задором заранее бросились придумывать речовки, а затем — вопросы для какой-то викторины по истории. Володя же растерянно озирался по сторонам в надежде найти кого-то, кто тоже поедет в Украину, а не по центральной части России. Не успели доехать до лагеря, как стало ясно, что он такой один — если и найдется напарник, то временный.

Ему вообще не объяснили, зачем нужен этот инструктивный лагерь. А он догадался об этом спросить только перед сном, после того как со своей командой, «отрядом», придумал и речовки, и вопросы для викторины, и сам поучаствовал сначала в ней, а потом в танцах. После отбоя натянул одеяло до подбородка — майские ночи в лесу оказались чудовищно холодными, — уставился в потолок и философски изрек:

— Зачем все это нужно?

— Чтобы привыкнуть к лагерной жизни! — ответил ему сосед по комнате, чье имя он забыл сразу после возвращения из лагеря. — Сейчас мы отыгрываем те ситуации, которые будут в жизни: как проводить вечер, как строить отряд на линейку... Чтобы представлять, что нас ждет.

— А что нас ждет? — допытывался Володя.

— Чудесное время!.. — романтично протянул сосед.

И правда: время ждало чудесное. Но сколько раз Володя ругал себя, что поехал в эту проклятую «Ласточку», столько же раз благодарил судьбу за то, что привела его сюда.

Он приехал в лагерь в пересменку перед вторым заездом детей. «Ласточка» влюбилась в себя с первого взгляда. Особенно нравились Володе тихая речка и эстрада. Последняя навевала романтические воспоминания о вечерах, проведенных в его дворе в Москве, где тоже стояла маленькая, совершенно не похожая на эту сцена. На ней давным-давно, когда Володя был еще ребенком, ребята со двора пели песни под гитару, а однажды выступал школьный оркестр.

Правда, вожатым было не до песен — требовалось за несколько дней подготовить лагерь к приезду смены: провести генеральную уборку, оформить отряды и прочее, и прочее.

Если инструктивный лагерь запомнился постоянной гонкой — не успевали сделать одно, как уже опаздывали подготовить другое, — то в «Ласточке» не успевали вообще ничего. Благо здесь хотя бы была подмога в лице второй вожатой его отряда — Лены, но Володя не разрешил ей таскать тяжести, и к концу первого дня у него нещадно заболела спина. Двигая и расставляя на места мебель, выгребая мусор из шкафчиков и тумбочек, протирая подоконники, заправляя кровати, он по сто раз на дню спрашивал себя, зачем только поехал.

Ответ был прост: надо было что-то поменять. Вернее, не что-то, а собственную голову, освободить ее от ненужных мыслей, очистить.

Почти пять лет она засорялась разными мыслями, желаниями и страхами, а какие из них были полезными, а какие — вредными, Володя уже и сам не знал. За это время он сам себя загнал в угол. Или не в угол, а в замкнутый круг, по которому гонял и гонял себя. Или даже не по кругу, а по ленте Мебиуса — бесконечно, безостановочно, без надежды вырваться.

Мать работала воспитателем в детском саду и убедила Володю пойти в вожатые. Она говорила, что дети лечат. Наверное, видела, что с сыном что-то не так, но ничего о нем не знала.

Спустя несколько дней подготовки лагеря к смене Володя вздохнул с облегчением — ни к кому из работников лагеря у него не возникли особенные чувства, ни к кому его не тянуло. На счастье, даже к соседу по вожатской, физруку Жене, обладателю по-античному прекрасной фигуры. Володя перестал бояться и стесняться, даже стал чаще улыбаться и думать, что, быть может, и правда прошло. Главное — в лагере нет Вовы, зато есть дети, которые, по словам матери, лечат. Только ему не пришло в голову, что среди детей найдется один взрослый.

Первый раз эти обычные с виду имя и фамилию Володя услышал на планерке. Юра Конев.

За день до открытия второй смены весь лагерный коллектив во главе со старшей воспитательницей подводил итоги подготовки к приезду детей. Тогда же назначали руководителей кружков.

— В эту смену приедет Конев, Ирина... — весомо произнесла Ольга Леонидовна.

— Да, я видела списки... — отозвалась та.

Но Ольга Леонидовна, проигнорировав ее, продолжила свою речь, сильно повысив голос:

— ...и я настоятельно прошу, — подчеркнула она, — убедиться в том, что у него не будет свободного времени, чтобы шататься по лагерю без дела. Необходимо, чтобы Конев записался в один или лучше несколько кружков, и твоя задача — сподвигнуть и проследить, чтобы он их посещал. От других вожатых я жду инициативы и помощи в этом деле. На этом все. Есть вопросы?

— Нет, — хором ответили вожатые.

— Нет, — повторил Володя.

— Все свободны. К слову о кружках. Володя, подойди сейчас к Славе, он покажет тебе кинозал, выдаст сценарий, ответит на вопросы.

— Вопросы? — пробормотал Володя — теперь вопросы у него действительно появились.

Прочитав в его взгляде явное замешательство, Ольга Леонидовна пояснила:

— Я разве не говорила? Ты отвечаешь за театр!

— Это что за Конев такой? — спросил Володя позже, выходя с другими вожатыми из здания администрации.

— Да хулиган один, — отмахнулась Лена и, взглянув на Ирину, добавила со смехом: — Не переживай, он в первом отряде.

На перекрестке Володя свернул в сторону кинозала, Женя его окликнул:

— Ты это, Володь, после кинозала бери Славку — идите с ним сразу на пляж. Костер разожжем, посидим. Девчата пошли собирать на стол, я за гитарой — и тоже туда.

— Да, и приходите поскорее, — добавила Ирина, — отдохнем в последний раз.

Это был единственный вечер, когда вожатым позволили отдохнуть и повеселиться, ведь назавтра в лагерь приехали дети.

Володя не спал полночи — до часу переписывал в тетрадь сценарий спектакля, который было велено поставить, и даже потом,

когда улегся, так волновался перед предстоящим днем, что полночи проворочался с боку на бок.

А утром, пока ехали до завода забирать детей, Володя, вместо того чтобы подремать, рассматривал Харьков. Он почему-то раньше думал, что это небольшой город, серый и невзрачный, похожий на другие советские города. Но Харьков покорило его, стоило только съехать с окружной дороги. По улицам летел тополиный пух, он кружился в воздухе, между рядов панельных домов, оседал у обочин. Автобус сперва петлял по спальным районам, а потом вдруг выехал, наверное, где-то рядом с центром.

Панельки сменились дореволюционными величественными домами, под колесами автобуса вместо асфальта загрохотала брусчатка. А чем-то Харьков напомнил Володе Москву — широкие проспекты, помпезная советская архитектура, промелькнула даже постройка, похожая на сталинскую высотку.

Несмотря на то что приехали они за полтора часа до назначенного времени, на площадке у проходной уже было многолюдно. Едва Володя с Леной прицепили к рубашкам красную цифру «5», как на них набросились родители с путевками. Но эта суета не расстраивала Володю, даже наоборот — веселила. А вот кошмар начался в автобусе.

На удивление быстро рассадив еще более или менее спокойных детей по местам — девочки спереди, мальчики сзади, — тронулись. Чтобы занять ребят, Лена достала заранее заготовленные плакаты с нарисованными на них грибами, ягодами и растениями и стала спрашивать, что изображено. И если девочки отвечали, некоторые даже увлеченно, то мальчишки не обращали на Лену никакого внимания. Володя догадался, что уехать в лагерь сидя ему, видимо, не судьба, встал с места и пошел в заднюю часть автобуса успокаивать ребят.

Кто-то зарыдал в голос, зовя маму и воя, что хочет домой.

Пчелкин бегал по салону, подначивая ребят открывать окна с обеих сторон автобуса, когда Лена пять минут назад просила открывать только с одной стороны.

Володя поймал хулигана, усадил его впереди, рядом с Леной, и потребовал закрыть окна. Пчелкин надулся:

— Не хочу я с девчонками сидеть! — но вроде бы притих.

Только Володя выдохнул, как еще один гиперактивный мальчик Олежка бросился раздавать ребятам яблоки. Все принялись ими хрустеть, и, стоило Володе сесть на свое место и перевести дух, огрызки полетели в окна. Он снова вскочил, пошел забирать у детей мусор, чтобы выбросить потом, на зеленой остановке. Лена продолжала стоять с плакатом и, надрываясь, перекрикивать мальчиков.

Володя надеялся, что передохнет — хотя бы от криков — на остановке, но нет. Пришлось стоять и прикрывать проход между автобусами, чтобы дикая малышня не выбежала на шоссе, по которому редко, но ездили автомобили. Володя с завистью смотрел на других вожатых, чьи подопечные, может, тоже непослушные, но хотя бы старше и поспокойнее.

Отвлечшись на наблюдение за другими отрядами, Володя чудом успел заметить, как один из мальчишек, Саша, едва не свалился под колеса внезапно появившейся машины. Володя успел схватить его за руку и вытянуть на обочину. Балагур получил выговор, покраснел и извинился, его жизни и здоровью ничего не угрожало, а вот Володю начало трясти.

Когда они наконец подъехали к лагерю, ему казалось, что он вот-вот чокнется. Выгрузились вроде без происшествий, но оказалось, что весь салон автобуса завален фантиками и огрызками. Водитель потребовал уборки — и убираться пришлось Володе.

Лена только-только получила ключи от корпуса, и, едва замок щелкнул, как весь отряд, с вожатыми в том числе, лавиной занесло в спальни. Мальчишки завалили постели вещами и начали спорить, кто какую кровать займет. Чуть не дошло до драки.

Перед тем как уйти в спальню для девочек, Лена прохрипела сорванным голосом:

— Ни один пункт инструкции не выполнен, Володь. Ольга Леонидовна где-то рядом, я ее голос слышала. Если не успокоим, вечером нам головы оторвут.

— Я попробую утихомирить своих, а ты давай своих.

— Ладно, — простонала Лена.

Володя устало попросил ребят утомониться, и они внезапно притихли. Володя сам не понял, как так у него получилось — неужели они увидели вымотанного, расстроенного вожатого и пожалели его?

Но не успел он даже толком перевести дух, как пришла пора строиться на линейку. И все началось по новой: строились плохо, толкались, спорили, кричали. Особенно Пчелкин, который ко всему прочему пытался сбежать то на карусели, то в кусты, в дебрях которых рос репейник.

Володя и сам не понял, когда линейка успела закончиться, — он слышал, но не слушал, что говорят директор и воспитательница со сцены, на автомате пел гимн пионерии, возведя руку в салюте. А сам нервно бегал по толпе, пересчитывая макушки ребят из своего отряда.

* * *

В середине первого дня добрая половина лагеря была занята одним общим делом — подготовкой к дискотеке в честь открытия смены. Кто-то украшал эстраду, кто-то вешал гирлянды на росшие вокруг площади деревья, а Володе поручили подключить музыкальную аппаратуру.

Он с ребятами нес из кинозала колонки, когда услышал, что на площади разразился натуральный скандал.

Володя не застал его начало, поэтому не понял, что произошло. Увидел лишь, что в дальнем углу возле старой раскидистой яблони собралась толпа, и услышал из самой гущи крик Ольги Леонидовны:

— А с ним другие методы не работают! В первый же день устраиваешь погром в столовой, теперь вот ломаешь гирлянды!

— Это случайно вышло, я не хотел!

По-видимому, это оправдывался Конев. Володя обернулся. Сосредоточив все свое внимание на проводах, он не сразу сообразил, кто такой Конев. Сначала подумал, что Конев — это рыжий парень со шкодливой улыбкой на конопатом лице, потому что второй выглядел уж очень взросло, так что Володя мысленно записал его в подвожатники. Но нет.

— Опять Юрец получит по первое число, — посочувствовал «подвожатнику» Ваня из первого отряда.

— Сам виноват. С чужим имуществом надо быть осторожнее... — нравоучительно подметил Володя и только собрался вернуться к работе, как непривычно жалкий писк Ирины заставил его прислушаться.

— Он мальчик творческий, ему бы в кружок поактивнее, — говорила она Ольге Леонидовне, загораживая Конева собой. — Вот спортивная секция у нас есть, да, Юр? Или вот... театральный кружок открылся, а у Володи как раз мальчиков мало...

Володя аж уронил провод от цветомузыки. К нему, новичку, записывают в кружок хулигана? Еще чего не хватало!

— Володя!

Вырванный из раздумий криком старшей воспитательницы, он вздрогнул и тут же устремился к ним.

— Да, Ольга Леонидовна?

— Принимай нового актера. А чтобы не вздумал филонить, если с кружком тебе потребуется помощь, расширим обязанности Конева. О его успехах докладывать ежедневно.

Володя подошел поближе, разглядывая этого Конева: темноволосый, лохматый, высокий. Но в память на долгие годы врезались не рост и волосы, а лоб, нахмуренный настолько, что хоть одежду стирай, и огромные карие глазищи, сверкающие лютой злобой и трогательной обидой одновременно.

— Хорошо, Ольга Леонидовна. Конев... — Володя изобразил, будто не помнит его имени: — Юра, кажется, да? Репетиция начнется в кинозале сразу после полдника. Пожалуйста, не опаздывай, — произнес он деловито.

Володя решил, что раз перед ним хулиган, то нужно с самого начала поставить себя так, чтобы уважал. Поэтому он выпрямился и взглянул на Конева как можно строже.

— Понял, буду вовремя, — отсалютовал хулиган, забавно качнувшись на пятках.

«Паясничает... — догадался Володя. — Да, этот парень точно попьет у меня крови».

Наиважнейшим для себя делом — разумеется, после настройки аппаратуры — Володя посчитал узнать об этом Юре как можно больше. Сообщив Лене и получив от нее напутственное «Иди-иди, я присмотрю за отрядом», Володя отправился искать Ирину.

По дороге подсчитывал: как там сказала Ольга Леонидовна — два года как перерос вступление в комсомол? Значит, Коневу шестнадцать?

В итоге Ирину он застал у кортов.

— Ну не знаю, Володь... — Отвечая на его вопрос, она задумчиво хлопала ракеткой себя по ноге. — Он не то чтобы хулиганистый, просто постоянно влипает в истории. Юра неплохой парень, но от него одни неприятности. Все по мелочи, но в сумме — вред приличный: тарелки бьет, лестницы ломает и гирлянды, курит, сбегает в деревню в магазин. Еще и ребят-соотрядников подначивает творить всякое безобразие, но в сущности — ничего криминального. Если бы он в прошлом году не подрался с сыном, к-хм... одного человека, — Ирина взметнула взгляд вверх, намекая, что этот человек непростой, — на Юрины выходки никто не обращал бы такого внимания, как сейчас.

— И почему он подрался?

— А... — Ирина замерла и задумчиво посмотрела на Володю. — Ты представляешь, я не знаю. То есть не помню. Скорее всего, потому, что они конкурировали.

— Хм... И в чем это Конев мог конкурировать с блатняком?

Но Ирина успела только пожать плечами, как ее позвала тройка кокетливо улыбающихся девчонок из первого отряда, и та отправилась к ним. Правда, улыбались они не ей, а Володе, и он от греха подальше пошел в кинозал.

«Надо, как сказала Ольга Леонидовна, занять Конева делом», — решил он, забирая из вожатской тетрадь со сценарием.

Вечером, после полдника, Володя сел на сцену кинозала перечитывать пьесу. Задумчиво повторяя про себя: «Юра, Юра...» — откусил кусок от подаренной Машей груши и начал безуспешно искать Коневу роль.

Когда тот явился, Володя понял, что на площади видел совсем другого человека. Тот был обиженным, наверное, даже несправедливо обвиненным и поэтому вызывал сочувствие. А вот сейчас перед ним стоял нагловатый пацан, который бесстыже разглядывал его, стреляя škodливыми искрами из глаз. И ладно бы, если он просто стоял молча, так нет, решил повыделываться. Когда Володя сообщил, что роли для него нет, сначала заявил, что сыграет в спектакле полено, а затем лег на пол и, вытянувшись струной, это полено показал! Володю эта выходка рассердила — он здесь не затем, чтобы что-то доказывать и объяснять каким-то хулиганам, он ставит спектакль! Но объяснять все же пришлось:

— Раз роли не нашлось, будешь мне помогать с актерами.

— И с чего это ты взял, что я соглашусь?

— согласишься. Потому что у тебя нет выбора.

Володя напомнил ему про уговор с Ольгой Леонидовной и что Ирина за него поручилась. Тот разозлился, заявив, чтобы Володя не смел его шантажировать. Еще и принялся угрожать, что всем покажет, где раки зимуют, а лично Володе испортит спектакль, устроив свой. Но какими бы громкими ни были слова Юры и какими бы устрашающими ни были угрозы, Володя четко расслышал другое — гнев бессилия. Как там Ирина сказала — если бы не подрался с сыном какого-то номенклатурного товарища? Если бы... и все-таки странно, что Ирина не помнит, почему подрался. Врет, или недоговаривает, или правда забыла? Какой бы ни была причина, Юра оказался загнан в угол из-за испорченной репутации.

Подтверждая Володину догадку, Юра неожиданно поник и раскаялся:

— Я не хотел! И насчет Иры не хотел...

— Я верю тебе, — сказал Володя серьезно. — Поверили бы и другие, если бы репутация у Юры Конева была не такой плохой. После твоей прошлогодней драки сюда проверки как к себе домой ходят, одна за одной. Леонидовне только повод дай, она тебя выгонит. Так что, Юра... Будь мужчиной. Ирина за тебя поручилась, а теперь и я отвечаю. Не подведи нас.

И он действительно не подвел. Володя не знал, сам ли повлиял так на Юру или тот изначально не был таким уж безалаберным хулиганом, как про него рассказывали. Но с ним оказалось очень легко

подружиться. Юра буквально рвался помогать: сперва с театральным кружком, с постановкой и сценарием, потом — с дикими малышами из отряда. Он вместе с Володей следил за ними на пляже, вытаскивал Пчелкина из воды, когда тот пытался уплыть за буйки. Руководил ребятами на зарядке, чтобы строились ровнее и не нервировали лишний раз своего вожатого. И самое сложное — помогал их укладывать спать по вечерам.

* * *

— ...Сначала ему ничего не было видно, но, едва глаза привыкли, едва он смог узнать очертания шкафа и тумбы, как увидел, что дверца распахнулась... — Вошедший в раж Юра рассказывал малышне страшилку, и в этот момент на Володю обрушилось осознание: «Это снова началось».

Его руки аж задрожали.

Последние пять минут, вслушиваясь в наигранно-мрачный, но такой приятный голос Юры, Володя не сводил с него взгляда. Сидел рядом на кровати, наверное, даже слишком близко. И вместо того чтобы следить за ребятами из отряда, рассматривал его лицо. Аккуратный профиль, тонкие губы, которые Юра кривил, пытаясь нагнать на малышню жути. Курносый нос. Большие глаза — сейчас, в полумраке комнаты, черные, но Володя знал, что они карие, в обрамлении редких, но длинных ресниц. И темные непослушные волосы... У Володи снова дернулась рука — оттого, что захотелось пригладить торчащую над ухом прядь.

Он заставил себя немного отодвинуться от Юры — тот, увлеченный рассказом, и не заметил ничего. А потом Володя еле дождался, пока страшилка закончится, убедился, что ребята уснули, и выбежал из корпуса. Юра — за ним. Свежий ночной воздух ничуть не освежил — лицо горело, мысли путались, лишь одна из них пульсировала в голове: «Снова, снова, опять».

Ему ведь казалось, что это кончилось, что существует лишь один человек, к которому у него было «это». Влечение. Володя уже давно знал, как это называется.

Юра спросил что-то, Володя, кажется, разозлился. Сказал, что Юра перепугал малышню до смерти. Тут же сам пожалел, что вспылал, — в конце концов, Юра ни в чем не виноват. Никто не виноват, кроме

Володи, и злиться тут нужно было только на себя! Это все его болезненное воображение, его расстройство...

Именно в тот вечер, сидя на карусели посреди пушистой одуванчиковой поляны, Володя дал себе обещание: он ни за что не позволит «этому» хоть как-то задеть Юру.

А Юра был везде, почти всегда рядом, так искренне, по-дружески помогал ему с малышкой, со сценарием... Наверное, Володе нужно было быть жестче и сильнее — даже через обиду вовремя оттолкнуть его, оградить от себя. Но Володя этого не сделал, не смог отказать себе смотреть на него, разговаривать с ним, слушать его голос.

Днем они были друзьями: репетировали спектакль, воспитывали октябрят, гуляли, а ночью Володя сходил с ума от того, каким Юра приходил к нему во снах. Просыпаясь в панике и дрожа всем телом, Володя так искренне себя ненавидел и так безумно боялся, что хотел тут же бежать к черту из этого лагеря, только бы Юра его больше никогда не встречал.

Но стоило снова увидеть его — улыбчивого, машущего рукой с другой стороны корта, румяного после зарядки, и страх уходил. Он сменялся желанием навсегда остаться рядом. Хотя бы просто смотреть. И решимостью никогда, ни за что не причинить вред.

Вред Володя причинял только себе. Как тогда, в душевой.

Так получалось, что отряды в «Ласточке» принимали душ по старшинству — от самого младшего к старшему. Володя как раз пересчитал своих ребят и хотел было окликнуть Лену, чтобы присмотрела за ними, пока он проверит температуру воды, как к душевой подбежал Юра.

— Володь, а Володь, пусти меня с пятым отрядом, по-дружески? А то первому отряду никогда горячей воды не достается, тем более пацанам, девки всю расходуют!

Хватило одного быстрого взгляда на него — загорелого, в трусах и шлепках, с полотенцем, перекинутым через плечо, улыбающегося во все тридцать два...

— Я сейчас, температуру только проверю... — сдавленно выдал Володя, резко разворачиваясь на пятках. — Присмотри за ними, ладно?

Не осознавая, что делает, он вбежал в первый же душевой отсек, схватился за красный вентиль и выкрутил его до конца. В голове

завопил внутренний голос, такой громогласный, что невозможно было понять, чего он хочет и о чем кричит. В ушах звенело.

Очки моментально заволокло паром, на рубашку брызнула горячая вода, кончик красного галстука промок насквозь.

Володя выдохнул, закрыл глаза и сунул руку под поток кипятка. Вода обожгла кожу, он едва сдержал крик, но спустя мгновение боль пропала, сменившись эйфорией. Его будто подбросило в небо, и он завис в дымке. Страх, паника, ненависть — все осталось там, внизу, а здесь хорошо, свободно. Он парил в мире мертвых эмоций и мертвого времени.

— Эй, Володь, ну как там вода? — раздался голос заглянувшего с улицы Юрки. — Детвора уже вопит!

Володя судорожно спрятал покрасневшую, обожженную руку за спину, вышел из отсека.

— К-хм... — прокашлялся. — Заходи, уже нагрелась.

«Почему именно сейчас, почему так внезапно? Он же на пляже тоже постоянно в плавках носится, и ничего... — паниковал Володя внутренне, внешне оставаясь спокойным, умудрялся даже прикрикивать на заходящих строем в душевую детей. И сам себе отвечал: — Потому что это болезнь, потому что я — больной. А это — очередной приступ!»

Но потом стало еще хуже, пришло еще одно осознание, которое могло быть приятным в любой другой ситуации, но только не в этой. Володя понял, что его не просто влекло к Юре. Володя в него влюбился. А разве в него вообще можно было не влюбиться? В такого задорного, настоящего, местами наивного, но умеющего становиться серьезным, когда нужно. Такого искренне стремящегося дружить.

И за этим своим чувством, от которого, в отличие от болезни, было не спрятаться, Володя не замечал, как все усугубляет.

Чего только стоила его колоссальная глупость, когда он взял ключи от лодочной станции и уговорил Юру сплавить вниз по реке — к барельефу старого графского поместья. До руин они так и не доплыли, Юра завез его в заводь с прекрасными белыми лилиями, а на обратном пути, уставший и разморенный жарой, Володя предложил искупаться. Юра не был против, но сконфузился — не взял плавок. А Володе в тот момент в голову не пришло совсем ничего постыдного — ну нет и нет,

ну ведь оба парни, чего там не видели. Опомнился, только когда уже Юра стягивал с себя футболку.

Володя даже очки снять забыл, с разбегу сиганул в реку, спеша скрыться от неправильных желаний, захвативших его сознание. Сжал в кулаке очки, проплыл метров двадцать — приятная прохлада воды немного остудила голову. А когда вернулся на отмель, увидел, как Юра, стоя по пояс в воде, прикрылся руками — бледный и... какой-то смущенный. Отчего только? Смущаться тут нужно было Володе...

И шальная, непристойная мысль ворвалась в голову: что, если сейчас подойти к нему, взять мокрыми ладонями его лицо, заглянуть в сверкающие от солнца глаза... И поцеловать? Его губы теплые или холодные? Какие они на вкус — как речная вода? И чтобы по-настоящему, чтобы прижаться и...

Перед глазами буквально заискрило от этого яркого, манящего образа, и одновременно так страшно, так мерзко стало от самого себя, что Володя, чтобы хоть как-то скрыться, чтобы Юра не видел его таким, чтобы, не дай бог, не прочитал в его глазах то, что вертелось в мыслях, — нырнул, ушел с головой под воду. От воды защищало открытые глаза, изо рта вырвалось несколько пузырей воздуха.

А когда он вынырнул и глянул на Юру — тот будто стал еще бледнее. Переживая за него, Володя приблизился на пару шагов. Спросил, все ли нормально, — вдруг плохо стало, вдруг судорога или солнечный удар? А Юра будто бы непроизвольно дернулся в сторону, отступил от него на шаг, его щеки заалели...

Напуганный тем, что его болезнь вернулась, Володя так заиклился на ней, что не заметил, как все перевернулось с ног на голову: Юра тоже в него влюбился.

* * *

Спустя много лет после этой истории «Ласточка» звала его к себе, Володя стремился в тот лагерь, искал его. И нашел. Они с Юрой договорились встретиться там спустя десять лет. Володя приехал в назначенный день, но Юры там не оказалось. Они не встретились ни через десять, ни через одиннадцать, ни через пятнадцать. Юры там не было никогда. А Володя был.

Он приезжал каждый год и видел своими глазами, как разрушается заброшенная в девяностых «Ласточка», как высыхает река, как

блекнет, ветшает и опадает на землю хлопьями старой краски память их юности.

Но почему Володя до сих пор был здесь? Что заставляло его разглядывать торчащий среди деревьев флагшток спустя двадцать лет?

Герда скулила, просясь на улицу, а Володя прижался лбом к оконному стеклу, не в силах отвести взгляда от леса, скрывающего руины старого пионерлагеря. Там за стеклом — двор, за двором — тонкая полоска пролеска, за ним — берег пересохшей реки, а на берегу — их ива.

Сколько раз он задавался вопросом — почему построил свой дом именно здесь? Это место было ему дорого, но стоило дешево. Не купить эту землю он не мог. И разумное оправдание нашлось — выгодная цена. Но, представляя отцу проект коттеджного поселка с незамысловатым названием «Ласточкино гнездо», в глубине души Володя надеялся, вдруг Юра когда-нибудь все же приедет сюда. Хотя убеждал себя, что давно его забыл — лет десять как, забыл даже его имя. И если бы не счастливый случай, когда ему попалось на глаза объявление о продаже земли бывшего поселка Горетовка, наверное, не вспоминал бы еще столько же.

Глава 3

Странные танцы

Плохо, что он вспомнил все это. В последнее время Володя и так засыпал тяжело, а теперь вовсе не мог. Несмотря на то что он устал, разбирая вещи отца, расслабиться не получалось даже лежа в кровати. Он ворочался с боку на бок, но сон не шел. Володя не мог перестать думать о Юре, о сладком кошмаре своей юности, что переживал, когда по-настоящему любил. О вечной ненависти к себе. Об одиночестве, которое пришло на смену этой любви, — одиночестве таком абсолютном, что Володя чувствовал себя мертвым. Об обваренных руках, таблетках, фотографиях и беседах с психиатром. Об ужасе в глазах родителей, когда он все им рассказал.

Часы пробили полночь, и Володя не выдержал — выпил двойную дозу снотворного. Но только закрыл глаза, как раздался телефонный звонок.

— Я нашла ему врача! — победно воскликнула Маша.

— Когда успела? — Володя повернулся на бок, просунул телефон между ухом и подушкой. Удивляться уже не было сил.

— К врачу еще утром записалась, пока тебя ждала под Градусником. А после кафе пошла к нему.

— То есть утром записалась, а днем он уже принял тебя? — скептически уточнил Володя.

— Ну да-а, — неуверенно протянула Маша.

— И тебя это нестораживает? Хороший врач, у которого свободная запись, тем более в выходной...

— Но я заплатила за срочность... — Ее голос потерял былую уверенность.

— То есть ты нашла врача, который за деньги может опрокинуть другого своего пациента?

— Но он гарантировал, что вылечит!

Володя перевернулся на спину и уставился в потолок. В груди заклокотало — буквально только что он вспоминал своего «врача»,

буквально только что видел перед глазами его лицо. Эмоции были слишком свежи. Володя заговорил поначалу спокойно, но с каждым словом его тон становился все злее:

— Ты знаешь, Маш, меня лечил как раз такой... человек. На словах обещал выздоровление, а на деле чуть окончательно не угробил. Таким, как он, насрать на своих пациентов. Они только пичкают таблетками и убивают самооценку!

Маша сдавленно охнула.

— Так ты... обращался к врачу?

— Я же тебе говорил, что пытался это вылечить! — воскликнул Володя и сел. — Этот мой «врач» вогнал меня в такую депрессию, что я ходил по городу и оценивал вместо женщин мосты — с какого лететь дальше, чтобы быстро умереть от удара об воду. А все потому, что его таблетки отупляли, но желание смотреть на мужиков никуда не девалось. И это я еще не говорю про наши беседы... — Он покачал головой. — Чего только он мне не плел! Пытался зомбировать, гипнотизер чертов! У нас с этим «врачом» все началось с того, что я искренне поверил ему. Нет, искренне — не то слово, да и вера тут тоже ни при чем. Знаешь, после полугодового общения с ним я будто перестал быть собой, он внушил мне, что я смогу полюбить девушку, и я был уверен, что это правда. Такое состояние было странное — я будто стал другим человеком, а свои истинные желания загнал настолько глубоко, что какое-то время действительно не замечал парней. Я был к ним равнодушен, и мне казалось, что это и есть победа, но за эйфорией я не заметил главного: к девушкам я тоже ничего не чувствовал.

— Я тебе, конечно, сочувствую, — произнесла Маша чересчур весело для страдающей, — но сейчас времена-то другие, медицина вообще-то скакнула вперед. Уже наверняка появились действенные методы, без таких побочных эффектов. Да и что такого в гипнозе? Он же работает!

Володя закатил глаза.

— А я и не говорю, что эти шарлатаны не умеют внушать. Еще как умеют и ведь несут при этом какую-то чушь, но так, что им веришь. Например, мой велел мне смотреть на девушек и записывать, что мне в них должно нравиться, а потом перечитывать это перед сном. То же самое про мужчин, только наоборот — что не нравится и даже

отвращает. Сейчас-то я понимаю, какой это был бред, но тогда... — Он вздохнул и потер пальцами переносицу. — Этот бред работал.

— И что тут плохого? Все правильно: женщины красивее мужчин. Да и вообще. Знаешь, Володя, лучше я сделаю что-то и буду жалеть, чем наоборот — жалеть о том, что могла бы сделать, но не стала.

— Неужели ты не понимаешь? Ты собираешься разрешить эксперименты на психике своего сына. И проводить их будет совершенно чужой человек, которому плевать и на тебя, и на твоего ребенка.

— Ой все, ладно, я поняла тебя!

А Володя понял, что не убедил ее и вряд ли подобные аргументы вообще подействуют на Машу. В который раз спрашивая себя, на кой ляд ему далась судьба этого Димы, Володя все же решился рассказать ей одну неприятную историю из своего прошлого.

— Ты... я знаю, ты слышала про Свету. Хочешь, я расскажу тебе, что было на самом деле?

— Правда расскажешь?! — воскликнула Маша. — Да-да, конечно! Расскажи, я слушаю.

— Но ты должна мне поклясться, что не потащишь сына к психиатру! — потребовал он.

Маша вздохнула и произнесла устало:

— Нет, Володя. Этого я тебе обещать не могу.

— Тогда ничего не услышишь.

Маша замолчала почти на минуту. Володя собрался напомнить ей, что она звонит на мобильный и это недешево, но Маша сама подала голос:

— Ты так упорно отговариваешь меня, что... Наверное, не будь это действительно опасно, ты бы так не настаивал, да? Ладно. К психиатру не пойду, но хотя бы к психологу можно?

— Да хоть к ветеринару, — буркнул Володя, — лишь бы не обещал звезд с неба.

— Тогда договорились, — бодро ответила Маша. — Рассказывай, я слушаю.

— Это только между нами, ясно? Ты ведь понимаешь, что, хоть и знаешь мой секрет, я тоже знаю один — секрет твоего сына, — предостерег Володя.

— Все это между нами, Володя! Вообще все: и встречи, и звонки, — завершила Маша.

— Хорошо, что мы поняли друг друга, — собираясь с мыслями, сказал тот. И вздохнул. — Врач мне не помог. Но он внушил, что это самая настоящая болезнь, я по-другому уже не мог думать. Даже когда мне снился... — Он осекся. — Когда я служил в армии — два года среди парней, — чуть с ума не сошел. Думал, что моя тяга к ним — это очередной рецидив. А потом, когда вернулся на гражданку, пересиливая себя, продолжил приглядываться к девушкам. В итоге, уже переехав в Харьков, все же решился пригласить одну на свидание. Это и была Света. Мы познакомились случайно — и не в целях терапии. Все вышло само собой, мне было с ней очень легко. И я внушил себе, что влюбился.

— У тебя с ней получалось? Ну... ты понимаешь... — Она понизила голос. — Секс.

Володя тяжело вздохнул, даже слишком тяжело.

— Да, получалось... В общем, она сказала, что забеременела, я сказал, что женюсь. Даже родителям сообщили. Но потом... — Он резко оборвал мысль. — Это физиология, Маш. То, что происходило и будет происходить со мной, — это физиология, тут никуда не деться, пойми это.

— Ты что, изменял ей с мужиками?! — охнула Маша.

— Нет! — воскликнул Володя. — Да я бы и не успел. Это была ложная тревога. Света не обманывала, произошел какой-то сбой. Но если бы мы поженились, думаешь, долго бы я продержался, прежде чем изменить? И сколько раз потом изменял бы еще? А если бы я полюбил кого-то? Не так, как Свету, а по-настоящему, как когда-то Юру — душой и телом?

— И что в итоге? Полю...

— Нет, — перебил ее Володя и сразу продолжил, чтобы не дать шанса развить эту тему: — Не повезло мне. А может, наоборот, повезло, я не знаю. Маш, я рассказал тебе это только по одной причине: чтобы объяснить, что «врачи» способны испоганить жизнь не только своему пациенту, но и другому человеку, который вообще ни при чем. Не верь им.

Маша разочарованно промычала:

— Ну во-от. А к батюшке-то мне сходить можно, а? Уж святой-то человек точно не навредит, а поможет.

— Если он и поможет, то только тебе. Правда, не представляю, какому святому нужно свечки ставить...

— Пантелеймону-целителю! — уверенно заявила Маша. — И молитву надо читать. Хочешь, тебе дам?

— Ходила уже, значит... — протянул Володя полушепотом, а затем участливо поинтересовался: — И как, стало тебе полегче?

— Мне? А при чем здесь я? Я же за Димочку молилась, ему должно полегчать. Я и за тебя помолилась, кстати. Вот и спрашиваю — полегчало?

Володя приложил ладонь к лицу. «Так полегчало, что полночи Юру вспоминал», — чуть было не произнес он вслух.

— Неважно, — отмахнулся Володя. Делать ему больше нечего, как в первом часу ночи вступать в религиозно-психологические споры.

— А я еще знаешь что... — На другом конце трубки послышалось шуршание. — Я тут в одной газете прочитала заговор.

— Заговор... — тупо повторил Володя, не удивляясь уже ничему.

Он снова лег и накрылся одеялом с головой. Тем временем Маша щебетала:

— Я тебе сейчас прочитаю, а ты запиши и попробуй. Говорят, не одного мужика от этого дела отвел... Там такая хорошая ясновидящая работает, Лисандра, очень дельные советы дает.

— Как сексуальность лечить? Ты серьезно? — Володя не смог сдержать истерического смеха.

— Конечно! Сначала надо поймать двух спаривающихся мух и прошептать над ними...

Что конкретно нужно шептать над спаривающимися мухами, Володя не расслышал — он перевернулся на другой бок и разобрал только самый конец Машиной фразы:

— ...А потом поговорите с пациентом. Димой то есть. Ну что скажешь?

— Я могу только повторять: шепчи своим мухам что хочешь, ходи к попам, ставь свои свечки, но только не вздумай вести сына к шарлатану.

Володя засыпал. Они проговорили еще пару минут, пока он не начал терять нить разговора. Маша казалась на удивление спокойной,

больше не бросалась обвинениями, и Володя заснул с легким сердцем. Но снились ему не мухи.

Володе снились чьи-то руки. Большая загорелая кисть нависла над его обнаженным животом, длинные тонкие пальцы медленно опускались все ниже и ниже. Володя ждал, когда они коснутся его, но пальцы замерли и стали таять в окружающем свете солнца, тонуть в звуках фортепианной музыки, что лилась из радиоприемника. Пальцы дрогнули и опустились на живот, несмело очертили овал вокруг пупка — по коже пробежали мурашки. Володя хотел схватить эту руку, прижать ее крепче, но тело парализовало, и он не мог ничего сделать, кроме как смотреть на нее и слушать нежные звуки фортепиано.

Но вдруг мелодию прервали дребезжание и грохот. Они звучали громче и громче, пока наконец не спугнули этот прекрасный сон.

Володя вздрогнул и сел. Сердце колотилось, на лбу выступил холодный пот, от мерзкого шума заболела голова.

— Телефон, — простонал он, догадавшись, и принялся шарить рукой по тумбочке.

Нашел его и нажал «ответить», не глядя на экран — все равно не увидел бы имя контакта без линз или очков.

Спросонья Володя решил, что ему звонит Игорь из отпуска.

— Игорь? — раздраженно пробормотал в трубку. — Мне плевать, какой у тебя там в Турции часовой пояс, ты же знаешь, что здесь еще... А который сейчас час?

В голове всплыло не время, а текущий месяц. Сентябрь. Володя вспомнил, что до отъезда Игоря еще как минимум неделя. И — будто в подтверждение — в трубке надрывно всхлипнули.

— Володя! — плакала Маша. — Умоляю тебя, приезжай! С Димой беда! Он ушел из дома!

Сонный Володя поначалу не понял ее.

— Так позвони ему, — равнодушно буркнул он.

— Он телефон выключил!

— Да ладно тебе, не паникуй, — вздохнул Володя и нацепил очки — настенные часы показывали четыре утра. — Ну загулялся парень, забыл зарядить телефон, сколько времени — не знает. С кем не бывало?

— Он сказал, что я больше его не увижу, собрал вещи и ушел!

Ее слова встревожили. Сонливость стала покидать Володю. Он догадался, что Маша вряд ли даст ему уснуть, и пошел на кухню.

— Вы поругались? — буднично спросил он, но, когда наливал воду в стакан, замер. — Ты что, рассказала ему, что все знаешь?!

— Да-а, — завывла Маша.

— И наорала на него?

Вместо ответа снова слышались всхлипы. Володя забеспокоился, но не за Диму, а скорее за Машу. Она и до этого была способна на разные глупости, а теперь, услышав от сына, что больше его не увидит, могла наломать феерических дров.

— Ты знаешь, куда он мог пойти?

— К Толе, с которым учится... Это он с ним... целовался! Я к его родителям... — Маша проглатывала целые слова. — Пусть знают, пусть... извращенец... я им!..

— Чего? Что ты собираешься сделать? — На смену беспокойству пришла тревога — Володя, кажется, понял, на что именно решилась Маша. — Рассказать все родителям его друга? Ты с ума сошла?! — Прижав телефон к уху плечом, Володя бросился одеваться. — Подожди хотя бы до утра.

— Нет! Он у них, он точно у них, я... — всхлипнула Маша.

— Не вздумай! — крикнул он. — Никуда не ходи, никому не звони, сиди дома, жди меня! Я скоро приеду.

Не отнимая телефона от уха, под протестующий лай Герды Володя собрался, вышел на улицу и сел в машину.

Он осознавал, что это не его беда и не его дело. Но Маша своими звонками и встречами, откровением и доверчивостью заставила Володю чувствовать себя причастным к судьбе этой семьи, не лишним и не чужим. И если раньше он остужал Машин пыл лишь разговорами, то теперь пришло время действовать, пришло время защитить, но уже не Машу, а Диму. И, может быть, его друга.

— Не смей вплетать сюда его родителей! — скомандовал он. — Ты знаешь этих людей? Хорошо знаешь?

— Видела отца вроде бы... может быть... — Маша будто захлебывалась. — На родительском собрании...

— И ты собираешься сказать незнакомым людям, что твой сын целуется с их сыном? — Володя говорил, лишь бы просто потянуть время и удержать Машу на месте, пока не придет к ней.

Маша была не подготовлена к подобному, поэтому и мучилась так сильно. Но кто этот второй парень — неизвестно. Тем более неизвестно, что у него за родители и как они отреагируют на новость. Реакции бывают разными, от драм вроде Машиной до настоящих трагедий — драк и попыток самоубийства. Володя не мог позволить ей спровоцировать что-нибудь в этом роде.

Он ехал осторожно — солнце еще не встало, а вдобавок зарядил такой ливень, что стеклоочистители не справлялись, лишь на мгновение прерывали завесу воды на стекле. Несмотря на это, дорога пролетела в один миг. Еще миг — и Володя оказался возле незапертой двери в Машину квартиру.

Казалось, заплаканная Маша постарела лет на десять. Она сидела на кухне, говорила с Володей по мобильному телефону, а прямо перед ней на столе стоял стационарный. Желтая пластмассовая трубка была снята, по кухне разносились и раздражали слух длинные гудки.

— Что ты делаешь? — спросил Володя, оказавшись у нее за спиной.

Маша не сразу заметила, что он уже сбросил вызов и стоит возле нее, поэтому ответила в трубку мобильного:

— Звоню его родителям. На домашний. — Маша всхлипнула и прокричала: — Полчаса уже звоню, а они не берут трубку!

— Успокойся. Давай я тебе валерьянки накапаю или что у тебя есть?

Володя налил ей воды, и, только когда кружка звякнула о столешницу, Маша обернулась.

Увидев Володю, обняла его так крепко, что он охнул. Уткнулась ему в живот и разрыдалась в голос. Володя положил трубку домашнего телефона, принялся неловко гладить Машу по плечу. Пытаясь успокоить, бормотал пустые утешения, а сам лихорадочно соображал, что делать.

Как только ее рыдания приутихли, спросил:

— Ты не знаешь, есть ли у его родителей дача?

Маша расцепила объятия и посмотрела на него снизу вверх.

— Дача?.. Ты думаешь, Диму увезли на дачу? В лес?! — Она пришла в такой ужас от этого предположения, что вскочила с места.

— Нет, конечно. — Володя усадил ее обратно на табурет. — Может, просто родителей нет дома? Сегодня выходной, они могли уехать на

дачу, если она у них есть.

Маша высморкалась, выпила принесенную Володей воду и, кажется, начала успокаиваться.

— Да, — тихо пробормотала она. — Они же не могут не слышать телефона. А раз гудки длинные, значит, он не выключен.

— Если только не вырубили звук... — задумчиво отметил Володя.

— Надо пойти к этому... Толе, — подала голос Маша. — Его дом недалеко тут.

— Хорошо, но ты успокойся сначала. Где у тебя апте...

— Но я не знаю номер квартиры, а там пять подъездов! — простонала Маша, указывая пальцем на шкаф, где Володя надеялся найти успокоительное.

— Тогда подождем хотя бы до семи. Сама понимаешь, шататься по подъездам и ломиться в чужие квартиры в пять утра чревато...

Володя нашел валерьянку и дал Маше, а себе заварил кофе — взбодриться. Мысли едва ворочались — сказались дикая усталость вкупе с двойной дозой снотворного. А когда Маша снова схватила телефон, набрала домашний номер Толи и из трубки опять полились раздражающие гудки, у Володи вовсе разболелась голова.

Что-то он упустил. В гомоне мыслей то появлялась, то таяла какая-то идея. Явно хорошая, но никак не получалось ее уловить. Пока на глаза не попала газета.

— Вот я идиот! Ты говоришь, знаешь номер дома. А улицу знаешь?

— Угу... — вяло протянула Маша.

За эти несколько часов она так нанервничалась, что вымоталась и, казалось, вот-вот уснет.

— И номер телефона! — Володя чуть не плюнул с досады. — У тебя есть «Золотые страницы»?

— Справочник? — не поняла Маша.

— Да, черт подери, справочник телефонов и адресов!

Маша ойкнула. Володя рывкнул:

— Неси сюда!

Полчаса спустя они стояли в подъезде Толиного дома и жали на звонок. За дверью слышалось копошение, но отпирать им с Машей не спешили.

— Дима, за тобой пришла мама, — устав ждать, сказал Володя.

Замок все же щелкнул, им открыл длинноволосый, угрожающего вида парень-неформал: весь в черном, опоясанный шипованным ремнем, на шее — шнурки с разнообразными подвесками, руки в напульсниках.

«Должно быть, это и есть тот самый извращенец-совратитель», — решил Володя.

Диму в последний раз он видел давно, когда тому едва исполнилось четырнадцать, и выглядел он сущим ангелочком — белобрысый, большеглазый, словом, весь в мать. Поэтому и решил, что открыл им Толя. Но ошибся.

Зло глядя на Машу, парень закричал:

— Мама, я же сказал не лезть ко мне!..

Володя перебил его. Негромко, с нажимом велел:

— Не повышай голос на мать. И пусти нас внутрь.

— А это еще кто? — обалдел Дима.

— Не узнал? Это дядя Вова, — едва слышно пропищала Маша. — Поговори с ним, он тебе поможет.

— Что? — хором спросили Дима и Володя.

— Мне не нужна никакая помощь! — рявкнул первый.

— Не в чем ему помогать, — заявил второй, а увидев ошарашенный взгляд Димы, обратился уже к нему: — Чего нельзя сказать о твоей матери. Пустишь нас или нет? Я понимаю, что квартира чужая, но ты же не хочешь, чтобы это слышал весь подъезд?

Володя не собирался говорить с ним, попросту не знал о чем. Сдерживать Машу — единственное, на что ему хватало сил.

Стоя посреди просторной прихожей, он наблюдал за Димой и его другом. Обратил внимание на то, какими полными трогательного волнения взглядами парни смотрели друг на друга. На секунду сердце Володи замерло от того, сколько нежности таили эти взгляды. Ведь когда-то на него смотрели так же, когда-то так же смотрел и он.

— Разувайтесь, проходите, — робко предложил Толя, открывая дверь в кухню.

Маша скинула туфли и замерла, нерешительно глядя на сына.

— Думаю, вам лучше поговорить наедине, — сказал Володя. — Не будем мешать? — обратился он к Толе.

Тот кивнул.

Маша с Димой скрылись за дверью, и у Володи появилась возможность разглядеть того самого Толю, кто, по Машиному мнению, был ненормальным, извращенцем и совратителем ее мальчика. Совратитель таращился на Володю серыми глазами на белом как мел лице. Светлые, идеально расчесанные волосы добавляли ему еще большей бледности. Толя был худым, если не сказать тощим, одет просто, но очень опрятно. Очков только не хватало — был бы вылитый Шурик из «Операции „Ы“».

Толя пригласил его в гостиную, но Володя предпочел остаться в прихожей — на случай, если чересчур нервная Маша сорвется и не выйдет из кухни, а, как обычно, убежит. Толя стоял рядом, явно чувствуя себя неуютно. Он предложил Володе присесть, но тот помотал головой, устало прислонился плечом к стенке шкафа. Огляделся вокруг.

Слева от него виднелась открытая настежь дверь комнаты, судя по рюкзаку, висящему на спинке стула, — Толиной. Володя отметил царящий в комнате порядок. Ни одна вещь не лежала где не следует, диван был застелен ровным, будто выглаженным покрывалом, пол сверкал на восходящем солнце, а в воздухе не кружило ни единой пылинки. Впрочем, в старых очках вместо контактных линз Володя мог попросту не разглядеть пыли. Вся стена над диваном была увешана полками, которые ломились от книг. Конкуренцию книгам составляла только карта звездного неба и пара фотографий.

— Читать любишь? — будничным тоном спросил Володя. Толя улыбнулся и закивал.

Володе стало интересно, что это за книги, но названия он не разглядел. По яркой обложке узнал лишь одну — сам ее не читал, но в последнее время видел много рекламы.

— Нравится Хокинг?

— Да. Астрофизика... интересно.

— Что еще читаешь?

— У меня в основном научное, — весело ответил Толя, как вдруг напрягся, посмотрел Володе в лицо и настороженно спросил: — А вы... отчим?

Володю рассмешило такое предположение, но он сдержал улыбку и ответил серьезно:

— Нет. Я... друг семьи.

Толя аж выдохнул. Наблюдая, как тает напряжение на его лице, Володя решил задать наверняка не самый приятный для Толи вопрос:

— Скажи, а твои родители знают о вас?

— Н-нет. Отец бы меня убил, если бы узнал.

— А мама?

— Мама нет, — коротко ответил Толя. — Вы ведь отцу не расскажете?

— Это не мое дело, я ничего рассказывать не буду. Но Димина мама может. Конечно, не со зла, а потому, что слишком переживает.

— И что делать? — Толя беспомощно опустил на пуфик, уставился в пол.

— Не знаю, — честно признался Володя. — Ты хорошо с ней знаком?

— Я ее видел всего один раз.

— Толь, она убеждена, что ты пагубно влияешь на Диму, так сказать, сбиваешь с истинного пути. Тебе надо разубедить ее. Показать, что ты человек, на которого можно положиться.

— Я попробую, конечно. Но думаете — поможет?

— Вряд ли она станет поддерживать вас как пару, но, может быть, успокоится. Сейчас она проходит через принятие. Я стараюсь ей в этом помочь, чем могу, но... у нее мышление такое... специфическое...

Он не договорил — из кухни донесся неразборчивый возглас. Володя мигом сбросил ботинки и вслед за Толей устремился туда.

Маша сидела у стола, Дима навис над ней:

— Плевать мне на твои деньги, заработаю сам!

— Дима, у тебя будет все, что хочешь. Только поклянись, что больше никогда... — начала Маша, и Володю будто обухом по голове ударило.

В памяти мгновенно всплыл темный кинозал, ряды кресел, пыльный занавес, голос Маши:

«Поклянись, что вы больше никогда такого...»

Крик побелевшего от гнева Димы вернул Володю в реальность:

— Я сказал, мне плевать!

— Меня хотя бы пожалей! — взмолилась Маша.

— Сама себя пожалей! Достала! Если тебя что-то во мне не устраивает — это твои проблемы, живи с ними сама! И вообще уходи

отсюда, не нужна мне такая мать!

Володя хотел вмешаться, но не успел. Заторможенный от переутомления, остался стоять как вкопанный. Он чувствовал себя глупо — на рассвете вломился в дом к незнакомым мальчишкам и теперь просто присутствовал, ничего полезного не делая.

Произошедшая дальше сцена заставила его не только чувствовать себя глупо, но и выглядеть соответственно — замереть с приоткрытым от удивления ртом.

Маша закрыла лицо рукой, поднялась со стула и устремилась из кухни, но ей помешали.

Толя, тихий, пугливый хлюпик, вдруг обрел уверенность, смело встал в дверях, не давая Маше выйти, и прикрикнул на Диму:

— Нельзя так с собственной мамой!

Дима сложил руки на груди.

— А с собственным сыном так можно?

— Она же не понимает... — упорствовал Толя.

— Если она хочет, чтобы у нее был сын, ей придется...

— А ну прекрати! — Толя топнул ногой. — То, что ты, весь такой оху... хрененный, принял себя давным-давно, не значит, что все вокруг могут так же легко с этим смириться!

Маша мигом перестала всхлипывать и уставилась на Толю.

— Мария Сергеевна, присядьте. Я вам воды налью, — не спросил, а приказал тот. Маша послушно села.

«А пацан-то с сюрпризом», — подумал Володя. Впрочем, он прекрасно видел, что Толино волшебное превращение, пусть и виртуозное, — притворство, нацеленное, как шоковая терапия, на то, чтобы утихомирить двух истериков. Толя взял контроль над ситуацией, но Володя заметил, как сильно на самом деле он дрожит. Володя даже позавидовал силе его духа и самообладанию в такой момент.

— Я вам пустырника накапал, — сказал Толя, передавая Маше стакан.

Маша выпила маленькими глотками и выдавила тихое: «Спасибо».

Володя тряхнул головой, заставляя себя выйти из оцепенения и начать действовать. Сказал:

— Вам с Толей надо познакомиться получше. А мы, — он обратился к Диме, — выйдем, поговорим по-мужски.

Дима переглянулся с Толей, настороженно кивнул и пошел следом.

Оказавшись в гостиной, Володя сказал:

— Если продолжишь вести себя с матерью как подонок, доведешь ее до того, что она расскажет его отцу. Ты знаешь, что тогда станет с твоим парнем?

В действительности это был просто вопрос. Он понял, что Толя боится, и хотел узнать, чего именно. Но взбешенный Дима принял эти слова за угрозу и, видимо, решил припугнуть Володю. Он прямо как Маша поджал губу, выкатил злющие глаза, ссутулил плечи, будто готовясь броситься на него. Прошипел с холодной яростью:

— Угрожаете, значит...

— Дима, я вам не угрожаю, я предупреждаю... — заговорил Володя медленно. — Мать у тебя истеричка, с ней надо поделикатнее. У нее сейчас земля ушла из-под ног, она способна на что угодно...

— Я не дам нас разлучить! — перебил Дима. — Ни ей, ни тебе, ни...

— И правильно — за то, что тебе дорого, надо бороться. Но будь умнее! Не провоцируй ее и не доводи до ссор. Иначе всем вам будет хуже. И кстати, — добавил он почти ласково, — если еще раз скажешь Маше, что она тебе не нужна, я тебе голову откручу. Понял?

— Понял, — сердито буркнул Дима.

— А теперь иди к ним и перемигнись как-нибудь с Толей — пусть расскажет ей, хорошо ли учиться, куда хочет поступать, что за отец у него. И все такое прочее, что обычно интересуется матерей.

Хотя Маша прямо этого не говорила, но Володе было ясно, что Толя для нее такое же вселенское зло, каким она считала Юру.

— А если она не будет слушать? — неуверенно, точно Маша, произнес Дима.

— Разберешься. Это же твоя мать, кому, как не тебе, уметь пудрить ей мозги. Толя для нее — исчадие ада. Придумай что-нибудь, чтобы выглядело так, будто он на тебя хорошо влияет.

— Ладно, — протянул Дима и собрался уходить, но Володя его остановил:

— Подожди. Что у тебя за шрамы на руке? Покажи мне.

Дима замер, затем медленно, как механическая кукла, повернулся к Володе и с подозрением уставился на него.

— Вы-то откуда знаете?

— Мать твоя рассказала. Так откуда шрамы?

— Не ваше дело, вы вообще тут ник... — начал было Дима, но Володя не дал договорить. Он рывкнул так, что стрельнуло в висках:

— Откуда шрамы, я спрашиваю?! Покажи немедленно, иначе я сорву эти твои... как их...

— Да старые они, — ответил Дима досадливо и стянул напульсник. — В тринадцать лет страдал фигней. Влюб... неважно. Короче, давно это было. Сейчас даже стыдно — прятать приходится.

Володя взглянул на его запястье. Пришлось приглядеться, чтобы заметить очень тоненькие, очень маленькие полоски поперек левого запястья, действительно старые. Он выдохнул — переживать и правда не стоило, но все равно нашел, что сказать Диме:

— Если такое желание повторится, позвони по телефону доверия. Скажи, что в девочку влюбился, они поверят и помогут. Но себе не вреди. Второй жизни у тебя не будет...

— Да знаю я. — Дима потупился.

— Ладно, — сказал Володя совсем мягко. — Теперь ступай. Понял, что сказать матери?

— Да понял-понял, — буркнул Дима.

Когда он удалился, Володя сел на диван и закрыл глаза. В висках пульсировала боль, в глаза будто насыпали песка. Надо было подремать перед работой хотя бы чуть-чуть. Он попытался расслабиться, всмотрелся в темноту под веками, и вскоре негромкие голоса на кухне стали отдаляться от него, а тело — цепенеть.

Володя дремал, но дрема больше походила на бред. Искаженные головной болью картинки мелькали в сознании. То звучали голоса, все как один похожие на его внутренний голос, то они перебивались неразборчивым гулом и дребезжанием, похожим на шум в электрощитке. Кожу покалывало, как от укусов комаров. Ему казалось, что он чувствует даже запахи: сирени и яблок. Будто ощущает прикосновение холодных губ к своим. И счастье.

Володя почувствовал, что в реальности его губы расплылись в улыбке. Сон начал таять. Снова слышались голоса на кухне, а восходящее солнце, стальное из-за серых туч, царапнуло глаза.

Можно было пойти в офис и поспать там. Но сладкое оцепенение не исчезало, Володе было так уютно просто сидеть на диване. Зачем ему куда-то идти? Раз до начала рабочего дня оставалось еще много времени, почему бы не подождать Машу и не проводить ее домой? А

что плохого в том, чтобы подремать еще? Что плохого в запахе яблок, кустах сирени и Юриных губах? Какой вред они нанесли бы ему сейчас? Это двадцать лет назад он мог сломать себе жизнь из-за них, а до того, как совершил первые ошибки, было счастье — молниеносное, всепоглощающее, огромное, как небо.

* * *

Юра поцеловал его. Так, как мог поцеловать только Конев: внезапно, нелепо, поддавшись непонятному порыву. В то самое прекрасное мгновение мир Володи перевернулся с ног на голову. А когда это мгновение закончилось, на смену счастью тут же пришел страх. Страх за себя. Паника обуяла Володю — неужели Юра прознал о нем и теперь издевается? Шутит? Мстит за что-то? За то, что Володя потанцевал с Машей? Что отдал ей «Колыбельную»? Словно тяжелой каменной плитой его придавило отчаянием, он не представлял, как будет дальше жить, ведь если Юра узнал, то узнают и другие!

Поэтому Володя оттолкнул его сразу после поцелуя, ничего не спросив и ничего не объяснив. Он ответил злостью, а потом не спал всю ночь, прокручивая в голове страшные мысли. И только когда утром увидел бледного, такого же невыспавшегося Юру, решил разобраться.

Володя смог бы простить его, чтобы сохранить дружбу. Он до последнего надеялся, что поцелуй лишь шутка. Что ничего серьезного в нем не было, что на самом деле Юра его даже не хотел. Но одно сказанное Юрой слово на корню срубило теплящуюся еще надежду. «Хотел», — ответил тот, а его взгляд был красноречивее любых слов.

От этой честности, от осознания, что Юра не шутил, не баловался, не мстил, а хотел, действительно хотел его поцеловать, Володю охватил настоящий ужас. И вот тогда страшно стало уже за Юру. Володя винил себя и только себя в том, что допустил это. Он заразил Юру, не уследил за собой, не смог удержать свои чувства и свою болезнь!

Когда Юра пропал после их короткого разговора, Володя прошел девять кругов ада. Он обегал всю «Ласточку» и прилегающие территории, плавал на лодке до заводи, в которой росли лилии, искал Юру под их ивой. Его нигде не было! Володя перебрал в голове

столько вопросов, дал на них кучу ответов, но не был уверен ни в чем. Единственное, что ему оставалось, — найти и спросить самого Юру.

А когда нашел, в сердце вспыхнула маленькая искорка надежды: а вдруг все, что Володя себе напридумывал, не так уж и страшно? Вдруг Юра способен принять, вдруг сможет понять? Володя нуждался в единственной капле надежды в море беспросветного отчаяния. И Юра дал ему эту веру — Володя рассмотрел в его глазах то же чувство. И оно совсем не казалось безумным.

В пустом зале театра, сидя на скамейке перед открытым пианино, одним тихим «Да», сказанным невпопад, Юра показал, что взаимность его чувств — это не горе, а самое настоящее искреннее счастье.

Но ведь окажись на месте Юры кто-нибудь другой, Володя свихнулся бы от внутренних переживаний, но Юра владел какой-то особой магией. В моменты, когда Володя погружался в себя и ужасался того, что находил внутри, когда снова начинал бояться самого себя, Юра будто бы за шкурку вытаскивал его и каждый раз доказывал, что Земля продолжает вертеться и даже Володя имеет право быть счастливым, живя на ней.

Центральное место в той смене занимала театральная постановка. Все крутилось вокруг нее. Но работа с актерами, выговор Ольги Леонидовны за то, что они не укладываются в сроки, обдумывание декораций, плачущая актриса, которую отругала воспитательница, — все это перестало волновать, когда Юра, дождавшись, пока зал опустеет, толкнул Володю в старый пыльный занавес, укутал и поцеловал. Да, в этом был весь Юра — он хотел, и он делал, не думая, не успев испугаться. Он хотел быть счастливым и делал счастливым Володю. Такой смелости можно было позавидовать, если бы Володя не понимал, какие серьезные последствия ждут, если их заметят.

Но он шел у Юры на поводу. Сбегал с ним посреди ночи к лесу, чтобы, прячась за статуями пионеров, держаться за руки и трепетно целоваться. Или просил вторую вожатую Лену во время отбоя присмотреть за отрядом, а сам уходил с Юрой под иву и спал там, лежа у него на коленях. А разве мог Володя иначе? Ведь у них было так мало возможностей побыть вместе, а так хотелось, так безудержно тянуло к нему. Володя ненавидел в себе эту тягу, едва не сгорал заживо от одних только мыслей, но и противиться не мог. Моменты, когда им удавалось остаться наедине, были невероятно светлыми и яркими. С

Юрой он забывал обо всем: что вокруг них есть мир, жестокий и чужой, что, кроме них, в нем живут другие люди — непонимающие, готовые осудить... или рассказать старшим.

Но когда рядом был Юра, обо всем этом не думалось. Володя не нуждался ни в чем и ни в ком, кроме него. Единственное, о чем он жалел, что у них оставалось очень-очень мало времени, но забывалось и это.

Но самыми счастливыми моментами были те, когда Юра играл для него. Как же он это умел... Если бы Юра только видел себя со стороны. Он был прекрасен: такой вдохновленный, такой настоящий, будто в музыке и только в ней он становился собой и ей открывался полностью. Благодаря Юре Володя смог забыть о том, что болен, и поверил, что с этим можно жить и даже больше — быть счастливым. Но тогда он еще не понимал до конца, что это лишь состояние эйфории и, стоит Юре исчезнуть, Володя пропадет. Он боялся дня окончания смены, потому что придется разъезжаться по своим городам, а одна мысль о том, что они будут порознь, причиняла боль.

Но оказаться порознь им пришлось еще до того, как закончилась смена.

Володя до сих пор помнил то жуткое ощущение, когда их застали. Это был не ужас, не страх и не отчаяние. Володя будто провалился в глубокое, липкое, абсолютное ничто. Будто в одно мгновение его жизнь закончилась, исчезла сама вселенная, а он остался в полной пустоте: то ли умер, то ли стал этой пустотой. И только потом, ожив через пару мгновений, казавшихся вечностью, осознал весь кошмар произошедшего. Но подумал он не о том, что теперь будет с ними, что им сделают и как с этим жить. Первым в голову ворвалось сожаление: «У нас с Юрой было очень мало времени, а теперь у нас отнимут даже его».

И правда отняли.

* * *

Дверь хлопнула, в комнату вошла Маша и потрясла Володю за плечо.

— Спишь?

— Нет, — соврал он, моментально просыпаясь. — Пора идти?

Маша кивнула и направилась в прихожую. В одну секунду обула туфли и, когда Володя приблизился, была готова уходить. Одна, без сына.

— Дима с нами не идет?

— Нет. Мы решили разойтись по углам до вечера. Надо успокоиться, уложить все в голове.

— Здоровое решение.

Володю порадовало, что провожать их вышел не только Толя, но и Дима. Оба спокойные, но как будто виноватые. Маша поцеловала сына в щеку.

Спустившись во двор, Володя сказал понурой Маше:

— Не отчаивайся. Жизнь на этом не закончилась, ничего страшного не произошло. Пойми, Дима каким был, таким и остался, просто теперь ты знаешь о нем чуть больше.

Он надеялся подбодрить Машу, но не смог найти нужные слова. Похоже, и время выбрал неудачное — сейчас рядом с ним шла совершенно потерянная, убитая горем женщина. Не способная слышать Маша к тому же не замечала ничего вокруг. Володе даже пришлось подхватить ее под локоть — споткнувшись о бордюр, она едва не упала в лужу.

— Зайди ко мне, — попросила она. — Не могу одна сейчас.

— Ладно.

Весь путь Володя думал о том, как ужасно устал от всего: что не может нормально спать, что с таким трудом забытые воспоминания о Юре снова всплывают в сознании и застают врасплох. А еще устал жалеть об утраченном. Казалось, что он на самом деле сходит с ума. Он привык чувствовать почву под ногами, но все произошедшее за последние недели выбило ее из-под них. Реальность Володи становилась зыбкой.

Хотелось вернуть все на круги своя, обрести стабильность, оказаться в привычных обстоятельствах или хотя бы создать иллюзию, что все в порядке, почувствовав рядом твердое плечо.

Володя достал телефон и написал сообщение Игорю: «Встретимся сегодня? Мне очень надо». И, подумав, добавил: «Соскучился».

Игорь ответил молниеносно: «Не могу. Прости, зай, я в командировке до завтра. Целую».

Володя убрал телефон в карман и так тяжело вздохнул, что Маша услышала и прокомментировала:

— Да. Коньячку бы сейчас... пятизвездочного... стоит у меня как раз.

— А давай, — поддержал Володя. Вообще он не любил алкоголь, но сейчас не отказался бы.

— Серьезно? С самого утра?

— Почему бы и нет? Я ни разу в жизни не пил коньяк на завтрак. А тебе, кстати, уже давно стоило напиться как следует.

Маша неуверенно засмеялась. Володя не поверил своим ушам — за последнее время он успел забыть, что она вообще умеет смеяться. Да и собственного смеха он не слышал уже давно.

— Ну... У меня-то выходной, — все еще сомневалась Маша, — мне все равно, но как же ты? На работу пьяным пойдешь?

Володя задумался. Оценив свое самочувствие, он еще у Толи понял, что на работе пользы от него будет мало. И даже больше — в таком состоянии ему не следует даже садиться за руль.

— Да нет, домой поеду, — ответил он. — На такси.

— Здорово! Я тебя таким борщом накормлю!..

Володе показалось, что фраза прозвучала кокетливо. Но такого вкусного борща он и правда в жизни не пробовал.

Разливая коньяк по рюмкам, Володя спросил:

— Так о чем с Димой договорились?

— Ни о чем. Дима упрямится, гнет свою линию, я — свою.

Они чокнулись без тоста, выпили. Володя не ощутил ничего: ни жжения в горле, ни даже вкуса. Налил еще коньяка и спросил:

— Упрямится расстаться с Толей? А ты сама на его месте согласилась бы?

— Володя, — Маша сказала это таким тоном, будто уговаривала ребенка, — но это же блажь...

— Тебе-то откуда знать, что это для него?

Они опрокинули еще по стопке. Володя снова налил и спросил будничным тоном:

— Кстати, как тебе Толя? По-моему, неплохой парень, серьезный. Астрофизикой интересуется и, как я понял, собирается связать с ней жизнь. — Но Маша молча посмотрела в окно, и Володя добавил: — Заметила, какой чистюля?

Маша обернулась к нему и улыбнулась:

— Ты что, зятя мне сватаешь? Расхваливаешь: серьезен, умен, будет хорошим хозяином... хотя, наверное, правильнее хозяйкой? Или как вообще?

— О, смотрю, коньяк начал действовать, — тоже улыбнулся Володя. Маша рассмеялась. — Маш, а какая тебе, в сущности, разница, кого любит твой сын? Главное ведь, что любит и что это взаимно, разве не так?

Володя ощутил, как кровь приливает к щекам, в горле приятно покалывает, а сам он становится разговорчивее.

— Боюсь за его будущее, — вздохнула Маша. — Я так надеюсь, что он хотя бы бисексуал...

— Ну будет у него девушка, и что это даст?

— Тогда у него будут дети, а у меня — внуки.

— Окей, у тебя есть сын, и ты счастлива?

Маша на несколько секунд уставилась ему в глаза и наконец попросила:

— Налей еще.

— Я понять не могу: ты о нем думаешь или о себе? Допустим, ты заставишь его сделать то, что требуешь, он поддастся, женится и родит тебе внука. Тогда ты будешь довольна?

— Ну да-а-а, — протянула Маша, подозрительно пощурившись.

— А когда бросит жену или будет ей изменять?

— Вот нормально же говорили, а теперь ты снова пытаешься загнать меня в угол! — рассердилась она, вставая.

— Нет, я просто размышляю, — успокоил Володя. — Вообще я считаю, что в первую очередь Дима должен быть порядочным человеком и не предавать тех, кто от него зависит. А уж кого именно он будет любить — дело второе.

— Володя, но ведь большинство гомосексуалистов одиноки, а если Дима заведет нормальную семью, он одинок не будет.

— А разве ты, гетеро, не одинока?

Маша наклонила голову и пристально посмотрела на него чуть замутненным взглядом.

— А ты?

Володя промолчал.

Они оба снова помрачнели, а на кухне на несколько долгих минут воцарилась тишина.

— Не хочу больше о грустном — устала. — Маша включила радио и прислушалась. Зазвучала смутно знакомая мелодия. — Ой, это же песня нашей молодости! — встрепелась она. — Помнишь, как мы с тобой под нее в лагере танцевали? Ох как мне завидовали девчонки. Давай потанцуем?

— Не, мы танцевали не под эту, — ответил Володя, узнав песню «Странные танцы» группы «Технология».

— А под какую?

— Не помню, — пожал плечами Володя.

— Ах да, точно. Под эту я с Козлом танцевала. Но не все ли равно, давай!

— Давай, — улыбнулся Володя, поднимаясь. Едва он встал, как в глазах поплыло — алкоголь ударил в голову.

Маша прибавила громкости и положила руки Володе на плечи, он — ей на талию, и они неспешно закружились по тесной кухоньке под лирическую мелодию.

Володя вспомнил, как однажды в «Ласточке» на планерке старшая воспитательница Ольга Леонидовна ругала его, что он не ходит на танцы: «Даже если твой отряд в это время спит, ты все равно вожатый, а вожатый должен танцевать с детьми». Вспомнилось и то, как Юра, сидя рядом на карусели, уговаривал пойти на дискотеку, а потом, когда добился своего, со злости и ревности швырнул в него яблоко.

Володя вздохнул.

Песня лилась, их танец продолжался. На строчках «до конца не простив все прошедшее мне, ты не спишь, как и я сейчас» Маша остановилась.

— Погоди. — Она взяла полные коньяка рюмки со стола, протянула одну Володе. — Давай выпьем за прощение. Прости меня за то, что я сделала тогда. А я прощу тебя за то, что не любил.

В глазах у нее стояли слезы. Маша прижалась к нему как ребенок, положила голову на плечо. Слишком близко, но Володя не стал ее отталкивать. Медленно кружась, он смотрел в окно, на двор, на косые солнечные лучи, что пробивались сквозь тучи и стрелами пронзали желтеющую листву яблони. Она была огромная, совсем как та

в «Ласточке». Володя заставил себя отвлечься и прислушался к песне, но легче не стало. У него само собой вырвалось:

— Будто про нас с Юрой поют.

— А кстати, что с Юрой? — пробормотала Маша ему в плечо.

— Не знаю, — отрезал Володя. — Не хочу об этом.

— Ладно... — протянула она. — Ох, Володь... скажи мне кто-нибудь тогда, в лагере, что двадцать лет спустя пьяная буду танцевать с тобой на моей кухне, ни за что бы не поверила.

— Видишь, как бывает.

Володе казалось, что музыка окружает их, толкает друг к другу, заставляя сблизиться сильнее. Видимо, и Маша ощутила это, разоткровенничалась:

— Я любила тебя, ты знаешь?

— Знаю. А я хотел только дружить с тобой. И, как видишь, оказался прав — дружба сильнее любви.

— Да уж, она поддерживает, а не мучает.

— Прости за то, что не смог ответить тебе взаимностью, — негромко сказал Володя. — Я хотел, чтобы тебе было легче, но даже сейчас не знаю, мог ли помочь тогда.

— А я тогда чуть не разрушила тебе жизнь.

Володя подумал: «Я сам ее разрушил».

Песня закончилась, они сели. Володя улыбнулся:

— Опять не туда свернули, да?

Маша кивнула. Они помолчали, потом выпили еще и еще, и вдруг время будто ускорилося. Они окончательно опьянели, а разговор потек, сам собой став беззаботнее и легче. Они говорили о будничном: о ремонте Машиной квартиры, повышении цен на коммунальные услуги и курсе доллара. Как вдруг ни с того ни с сего Маша оживилась, глуповато улыбнулась и воскликнула:

— Володь, а расскажи про себя, как ты сейчас живешь?

— Ну работаю. — Володя аж растерялся. — Живу в частном доме.

— У тебя кто-нибудь есть?

Володя кивнул и, чуть пошатнувшись на старой неустойчивой табуретке, ответил:

— Собака есть.

— Нет, я про другое. Ну это... — Она нелепо подмигнула. — Есть кто?

— А... ну да, вроде того.

— Расскажи. Кто такой, как зовут? Вы вместе живете?

Володя усмехнулся:

— Живи мы вместе, думаешь, я бы смог бегать к тебе по первому зову? Нет, конечно.

— Но почему?

— Он женат, у него семья, дети, — ответил Володя и невпопад добавил: — А у меня собака...

— Получается, ты любовник? Во дела... Нет, ты достоин большего. — Маша воздела палец вверх. — А может, ну их, этих мужиков, а? Мужики ж такие козлы! Найди себе хорошую бабу, чтобы варила борщи и давала по требованию!

Володя расхохотался. Маша возмущенно посмотрела ему в глаза и добавила твердо:

— Нет, я серьезно!

— И изменять ей с Игорем? Или что, может, вообще шведскую семью завести? Нет уж, Маш, я за честность — партнер у меня должен быть один.

— И ты любишь этого Игоря?

— Нет, не думаю. А что?

— Да вот интересно, нахрена он тебе тогда нужен. Для здоровья? Просто ведь и бабу можно для здоровья...

— Маш, прекрати!

— Все-все... я просто, ну знаешь, типа раз не любишь, то как бы заключи доро... говор.

— Ты уже заговариваешься.

Володя хмыкнул, а вот Маша стала серьезной:

— Ну да, ну да. Слу-у-ушай, Володь, ты говоришь «Игорь». А почему Игорь, почему не Юра? Почему ты его бросил?

Володя развел руками, как бы говоря: «Не знаю», но тут же безвольно уронил их на колени.

Маша перегнулась к нему через стол, нахмурившись, посмотрела в глаза и залепетала:

— Ой, Володя, солнышко, ну что ты, ну... у тебя лицо, будто ты сейчас заплачешь. — Протянула к нему ладонь, погладила по щеке.

— Я не бросал его, — с трудом выдавил из себя Володя. — Я его любил. Только его. Никого больше — никогда. Но «я тебя люблю» так

и не сказал — не успел.

Маша прикрыла рот ладонью, тихонько охнула:

— А что с ним случилось?

— Не с ним, а со всеми нами. Девяностые.

— Вы что, после «Ласточки» больше не виделись? — догадалась Маша.

Володя покачал головой.

— Мы переписывались несколько лет, потом меня забрали в армию, а Юра уехал в Германию. Мы просто потерялись. Такие времена тогда были... сложные. Сама понимаешь. А я, дурак, решил, что там ему будет лучше. Что раз наши пути разошлись, такова судьба... До сих пор жалею, что тогда не поискал по-хорошему: не поспрашивал у соседей, не обзвонил знакомых. И потерял его окончательно.

— Неужели ничего не осталось: ни адреса, ни телефона? Вообще ничего?

— То, что осталось, не помогло мне его найти.

— Скажи, в том, что вы разошлись вот так, виновата не я? — Маша стиснула его руки в своих. — Я ведь вмешалась однажды, так, может быть...

— Нет. Виноват в этом я. Хотел его уберечь от себя, от своей участи.

Маша отпрянула, откинулась на спинку стула, посмотрела на него серьезно, сложила руки на груди.

— Не нашел тогда, значит, найдем сейчас! Кем он работает, не знаешь?

— Нет, да и откуда? Все мосты уже давно сожжены.

— Тогда он занимался музыкой, может, продолжает до сих пор?

— Может быть... — нахмурился Володя. — Почему ты так настойчиво интересуешься?

— Мне кажется... это маловероятно, но вдруг это Юра... вдруг... — Маша встала и, чуть пошатываясь, принялась ходить по кухне кругами. — Недавно я видела одну афишу у филармонии. Я просто проходила мимо, особо не вглядывалась, но мне запомнилось, что там было написано, будто скоро выступит какой-то дирижер Конев. На имя не обратила внимания, откуда приедет — тоже не знаю. Но вдруг это он?!

Володя не принял эту новость всерьез. Он был твердо уверен и попросту не мог вообразить, что сказанное Машей — правда. «Нет, — думал Володя, — это либо какая-то выдумка, либо полуправда». Маша аж светилась от радости, сообщая ему эту новость, и Володя решил: она так сильно хочет порадовать его, что сама себя убедила, будто приезжает именно Юра. А на самом деле либо афиша была не концерта, а фильма, либо фамилия была не Конев, а какой-нибудь Канев, либо что... Да что угодно, но это не Юра.

Но свою теорию он не стал озвучивать.

— Нет, Юра же пианист. Тем более Конев не самая редкая фамилия. Мало ли сколько существует на свете музыкантов Коневых, Коневых строителей, реализаторов...

— А ты узнай! — Она протянула ему телефонный справочник. — Вот позвони в филармонию, она через час откроется...

— Нет, даже не уговаривай. — Володя отвернулся к окну. — Не вселяй ненужных надежд.

— Чего ты так сразу в штыки? Зачем надеяться — ты просто проверь!

— Маша, я не хочу проверять! — Отрезал он и встал. Эта тема оказалась для него не просто неприятна, а даже болезненна.

Их разговор, Маша, ее кухня, серый день за окном в один миг стали противны настолько, что Володя решил как можно скорее уйти отсюда. Маша тоже поднялась со стула, встала в дверях, посмотрела на него снизу вверх.

— Почему? Я не понимаю — объясни!

— Если я хотя бы на одну минуту допущу такую возможность, то стану надеяться. А если ты ошиблась и надежды не оправдаются, мне будет больно, понимаешь? Больно! Достаточно хорошо объяснил?

Настроение мигом упало. Володя взглянул на часы. Маша оказалась права: филармония действительно откроется через час. Но Володя и правда не собирался туда звонить.

— Я пойду, — сказал он, отодвигая Машу от двери.

— Куда? — спохватилась она. — Поздно же... Ой, то есть рано.

— Домой.

— Зачем? Остайся, я постелю тебе на диване. Выспишься — сам уедешь.

— Собаку надо покормить. Я забыл в спешке, — бросил Володя, выходя.

Глава 4

Симфония хаоса

Коньяк, распитый на двоих с Машей, нагонял сонливость, но не способствовал здоровому отдыху. Володя лег спать, как только вернулся домой, и провалился в липкую пьяную дрему, которая сменилась беспокойным похмельным сном. А среди ночи он проснулся от головной боли и дерущей сухости во рту. Пришлось выпить таблеток — смешать аспирин со снотворным. Помогло так себе. Володя вроде уснул, а вроде и нет: ему было холодно и жарко одновременно, он слышал тихий, осторожный стук каблучков о деревянный настил и плеск речной воды о борта лодки.

Его разбудил шум — стук капель о брезент, и Володя не сразу понял, что этот звук ему тоже приснился. Он сел на кровати, уронил тяжеленную голову на руки, минут пять тер лицо и пытался вернуться в реальность. До чего ненавистными были эти сны. Володю подводило собственное сознание: вот уже несколько последних ночей оно опутывало его паутиной безумия. И самое ужасное, что это безумие было слишком приятным, слишком желанным, чтобы захотеть с ним бороться.

На ощупь найдя на тумбочке очки и телефон, он набрал СМС Игорю: «Таблетки не помогают. Мне нужны другие. Сегодня».

Тот ответил только ближе к обеду: «Я еще еду, постараюсь вечером. Время и место — позже».

И теперь, сидя в своем кабинете, Володя пытался собрать последние силы, чтобы дожить до встречи с Игорем.

Он поднял взгляд от документов и посмотрел на две пустые чашки кофе — белые, с логотипом компании. Подумал, что надо сходить еще за одной, но тут же себя остановил — бесполезно. Кофе уже не бодрил, только добавлял нервозности.

Пискнул телефон.

«В пять на Спортивной. Успеешь?»

Володя взглянул на часы, принялся рассчитывать, через сколько ему нужно выйти из офиса, чтобы забрать машину из двора Маши и не опоздать к Игорю. Рассчитать получилось со второго раза.

Ответив на сообщение, он снова попытался заняться накладными, но спустя минуту понял, что это бесполезно. Сегодня он не был способен на хоть сколько-то продуктивную работу, еще и пасмурная погода давила на виски.

До встречи с Игорем оставалось чуть меньше двух часов. Володя откинулся в кресле, уперся затылком в мягкий подголовник и прикрыл глаза. А очнувшись, понял, что уже опаздывает. Короткий не сон даже, а провал в бессознательность, какой бывает от сильного переутомления, придал немного сил. Володя попрощался с Лерой, натянул пиджак, выбежав из офиса, заспешил к метро — он передумал садиться за руль сегодня.

Игорь же был на машине. Посигналил вышедшему из перехода Володе, открыл перед ним дверь пассажирского места, достал из портфеля и протянул ему листок с рецептом. Володю позабавила мысль, что все это похоже на кино, в котором он — наркоман с ломкой, а Игорь — его драгдилер.

— Выглядишь совсем уныло, — прокомментировал тот, отъезжая от метро и паркуясь у ветхого многоэтажного здания. — Этот препарат значительно сильнее, принимай по половине таблетки. Целую — только в крайнем случае. Те, которые я раньше выписал, вообще не помогают?

— Очень слабо. К тому же кошмары снятся, выспаться вообще не могу.

— Какие кошмары? Как раньше?

— Да вроде того, только...

Игорь перебил его:

— Это из-за отца? Прости, из-за его смерти? — И, не дождавшись ответа, продолжил: — Это прозвучит цинично, но скоро тебе действительно станет легче, потому что из твоей жизни навсегда ушел главный раздражитель.

— Отец? — нахмурился Володя. Ему стало некомфортно.

— Да, — невозмутимо ответил Игорь. — Помнишь, каким ты был, когда мы только познакомились? — Он указал на Володины руки. — И

как быстро тебе полегчало, когда ты переехал от источников проблемы — от родителей?

Даже в начале их отношений Игорь раскладывал все по полочкам и, казалось, знал про него больше, чем сам Володя. Копаясь в его голове, кроме прочего, Игорь нашел причину, из-за которой дома Володя не чувствовал себя в безопасности. Вот только сейчас все это было совершенно ни при чем. Володя прекрасно понимал, что смерть отца — это лишь спусковой крючок всей той эмоциональной нестабильности, в которую он погружался. А самая главная причина — его внезапно воскресшие воспоминания, что, казалось, должны были уже давно потускнеть. Но про них Игорю рассказывать не хотелось. Слушать еще один психологический ликбез на тему причин и следствий, почему у Володи едет крыша? Пожалуй, он обойдется без этого.

Володя и сам понимал, что крыша у него уже давно не на месте.

Отрешенно глядя в окно, он зацепился взглядом за огромную пыльную вывеску с названием «Старт» и спросил, будто Игорь и не ждал от него никакого продолжения разговора об отце:

— Ты спешишь?

— Не сильно. — Тот взглянул на наручные часы. — Мне в семь нужно забрать Соню...

— Может, мы тогда... — Володя кивнул на двери под вывеской.

Игорь удивленно изогнул бровь.

— Seriously — сюда?

— А какая разница?

— Мне — никакой, это ты у нас помешан на чистоте. Хотя... Учитывая твоё состояние, вижу, что тебе всё равно.

— Зато тут точно есть свободные номера.

Игорь нахмурился.

— А ты вообще хоть на что-то способен?

Володя лишь пожал плечами, а про себя подумал, что, если внезапно уснет в процессе, такой результат его тоже вполне устроит.

Неприветливая грузная женщина за стойкой администрации, даже не поздоровавшись, сразу выдала:

— Номера только двухместные!

— Хорошо, подходит, — просто сказал Володя, проигнорировав хамский тон, и спокойно положил на стойку паспорт. — Любой.

Пока она записывала данные в старый пожелтевший журнал — ни о каком компьютере и речи не шло, — Володя лениво обвел взглядом холл. В другой раз его, может, и удивила бы обветшалость и неопрятность обстановки, но сейчас он едва ли был способен на удивление. Гостиница будто застыла во временах СССР: давно не видела ремонта, лишь разрушалась с годами. Тяжелые волнистые шторы, пыльные ковры, искусственные пальмы в пластиковых горшках — всей этой бутафорией пытались скрыть тот факт, что раньше здесь было обычное то ли семейное, то ли студенческое общежитие. Тут даже пахло совком: из буфета в холл выносило аромат пережаренного кофе и эклеров.

Лифт и вовсе оказался едва ли не археологической находкой — дребезжащий и гремящий, он так хлопнул створками, что Володя вздрогнул. Этому лифту не хватало лишь матерных надписей на стенах и выжженных кнопок.

Когда Володя открыл двери номера, Игорь угрюмо хмыкнул, оглядев потемневшую деревянную мебель в трещинах лака.

— Какой-то клоповник. Вов, куда ты меня притащил?

— Ты можешь уйти, — не подумав, бросил Володя. Прозвучало, наверное, обидно. За спиной раздался тяжелый вздох.

Скинув пиджак, Володя уныло оглядел комнату. Ее ровно пополам делил вытертый ковер — красный с зелеными полосами. Пара старых тумб — кажется, действительно еще общажных. У стен друг напротив друга — две одноместные кровати, а на них — подушки, торчащие у изголовья треугольниками.

— Если я принесу домой Лидке блох, она меня убьет.

Володя пожал плечами.

— Блохи на людях не живут.

Он уселся на кровать, уперся затылком в стену. Лениво оглядел Игоря. Красивый вообще-то. За прошедшие восемь лет его внешность стала привычной, но Володя помнил, как когда-то приходил в восторг от мысли, что этот мужчина принадлежит ему. Не полностью, да: была еще жена и, наверное, другие любовники. Но в моменты близости Игорь вел себя так, словно Володя у него единственный.

— Рассматриваешь, будто впервые видишь, — подойдя ближе, хмыкнул Игорь. Склонился над ним, протянул руку, ослабил узел его галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, задел прохладными

пальцами шею. Володя дернулся — не от пальцев, а от внезапного образа, что ворвался в голову.

Там тоже был галстук, только красный. И холодные пальцы — Володины. И вздрагивающий, смущенный Юра перед ним, его теплая шея, которой ненароком касался Володя, помогая завязывать тот злосчастный галстук. Тогда он считал себя преступником — ведь допускал эти прикосновения, а самому себе врал, что это просто случайность.

Игорь его поцеловал — быстро, напористо, пылко, а у Володи ни один нерв не дрогнул. Он не спал, но казалось, что проваливается во что-то очень напоминающее сон — там пахло пылью, и его тоже быстро и напористо целовали.

Телом он был тут — хотел Игоря, действительно хотел, прямо сейчас. А сознание было значительно дальше и не могло ухватиться за реальность. Будто спичка чиркала о вымокший коробок — трение есть, а огня нет.

Внезапно щека вспыхнула болью. Игорь ударил его — несильно, скорее пытаясь привести в чувство.

— Эй, ты вообще здесь?

Володя поднял на него мутный взгляд.

— А сильнее можешь?

И Игорь даже не стал ничего уточнять — замахнулся и ударил раскрытой ладонью по другой щеке, гораздо сильнее, чем в первый раз.

Скулу обожгло, реальность стала ярче. Володя почувствовал, как горячая волна спускается от щеки по шее и ниже, а сознание возвращается.

Он подвигал нижней челюстью и приказал:

— Еще!

Володя хватал ртом воздух и, прислушиваясь к ощущениям, прикрыл глаза: в голове звенела пустота, будто боль отгоняла воспоминания и ненужные сейчас ассоциации. Они копошились где-то там глубоко, придавленные болью, пытались прорваться. Но снова замолчали, стоило услышать шорох вытягиваемого из шлевок ремня. Володя открыл глаза.

Игорь сложил ремень пополам. Проверяя, шлепнул им себе по ладони.

— Так? — спросил он, усмехаясь.

За собственными мыслями — точнее, за их отсутствием — Володя лишь вскользь подумал, что Игорь ведет себя странно. Но было плевать. Разминая шею и даже предвкушая, Володя медленно стянул с себя рубашку.

— Брюки тоже. И белье, — велел Игорь.

Володю покорило от его тона — он не привык, чтобы ему приказывали, но тут же послушно расстегнул свой ремень, скинул туфли и стянул брюки, приподнявшись на кровати.

«В конце концов, — оправдываясь, сказал Володя самому себе, — это игра, и Игорь делает все по правилам».

— Перевернись.

Володя, сцепив зубы, послушался. В нос ударил запах залежавшихся перьев от старой подушки. Привязать руки оказалось не к чему — спинка кровати была деревянной панелью. Володе пришлось просто ухватиться за ее край.

«Что же ты делаешь?» — прозвучал будто чужой внутренний голос, но Володя отмахнулся от него, глубже уткнувшись лицом в подушку — так, чтобы ничего не видеть. Почувствовал, как прохладные пальцы касаются спины.

Игорь сказал тихо:

— Еще с прошлого раза следы остались.

Володя предпочел сделать вид, что ничего не слышал. Он терпеливо ждал, и чем дольше Игорь медлил, тем сильнее Володе хотелось крикнуть: «Давай!»

Но тот тянул время, гладил спину — нежно, аккуратно. И на эти прикосновения хотелось откликнуться, поддаться тем самым ассоциациям, мечущимся за завесой боли.

Как будто так уже было когда-то — он видел перед собой спину. Обнаженную, нагретую летним солнцем — его так манило дотронуться до нее, почувствовать ее жар. Очертить пальцами три небольшие родинки на лопатке, а потом коснуться губами. Вобрать солнце, впитавшееся в эту кожу, дышать запахом — таким любимым, таким желанным и родным... Можно было сойти с ума в тот момент, если не отвернуться от загорающего на пляже Юры, глубоко дыша и пытаясь сосредоточиться на плеске воды в речке.

Пальцы Игоря исчезли, и внезапно по середине спины, там, где Игорь его касался, растеклась острая боль. Володя вскрикнул. И не успел даже снова вдохнуть, как на то же место опустился еще один удар. Володя застонал, чувствуя, как боль распространяется по всему телу, как от нее скручивает все внутри. И как пустеет голова.

Еще два косых удара по лопаткам — один за одним. Володя вцепился в изголовье кровати так сильно, что казалось, может его сломать. Укусил угол подушки, заглушая новый стон.

Ремень просвистел в воздухе и обрушился унижительным ударом по ягодицам, а следующий — выше. Володя закричал. От какой-то дикой, грязной смеси боли и обиды внутри все сводило, он готов был уже попросить Игоря остановиться, только бы... только бы он...

«Что же ты делаешь? — снова ворвался в сознание далекий, но знакомый голос. — Зачем?»

И такой яркий образ встал перед ним, будто под закрытые веки залили жидкий солнечный свет: непослушные жесткие волосы, большие карие глаза, опущенные уголки губ. И вдруг — звонкий смех, стирающий печаль с красивого лица.

А на контрасте — прохладные пальцы Игоря, чертящие линии на бедрах вдоль полос от ремня. Они казались ледяными на разгоряченной коже.

«Зачем?» — прозвучало снова, будто Володино сознание пыталось его добить.

И он, пытаясь убедить самого себя, ответил тому далекому голосу:

«Тебя давно нет».

Он поднял голову от влажной подушки, обернулся на Игоря. Тот покусывал нижнюю губу и диким, липким взглядом обшаривал его тело.

Кровать скрипнула под его весом, Игорь погладил обеими руками Володину талию, склонился над ним, ткнулся носом в волосы на затылке, поцеловал ниже — в шею. Прижался всем телом и лег ему на спину.

Володя уловил тонкий синтетический аромат клубники. Он узнал его — запах раздражал, но Игорю нравился этот гель, поэтому Володя покупал для него именно такой.

Ощущая, как влажные скользкие пальцы грубо касаются его ягодиц, Володя услышал возбужденный шепот:

— Ты прекрасен. Ты такой...

«Грязный!» — подсказал собственный внутренний голос.

«...самый лучший на свете, — сказал другой, тот, далекий, — ты самый хороший человек... Это я испорченный, это я виноват, а не ты...»

— Давай уже, — выдавил Володя. Так хотелось заткнуть эти голоса, так хотелось, чтобы Игорь или снова ударил, или...

Но вместо этого по комнате разнесся противный писк звонка.

— Не бери, — шепнул Игорь и, будто издеваясь, стал поглаживать Володю по животу, легко целуя лопатки.

Трель звонка раздражала, а вызывающий абонент не унимался: за первым раздался второй звонок.

Игорь рыкнул — его тоже раздражало.

«А вдруг мать?» — подумал Володя. Она редко звонила ему сама, чаще — он первым набирал. Вдруг срочно?

— Прости.

Пока он дотянулся до брюк и достал из кармана телефон, позвонили в третий раз. На экране высветилось имя Маши.

— Да серьезно, что ли?!

Сперва Володя хотел сбросить — она, конечно, сумела выбрать самый неподходящий момент. Но какой смысл, если она тут же перенаберет снова. Не выключать же телефон.

Володя ответил:

— Маша, сейчас вообще не...

— Володя, срочно! Пожалуйста! — Она орала в трубку. — Прощу!

— Да что опять... — Ему было сейчас так глубоко наплевать на ее проблемы.

— Отец Толи все узнал, я... Господи, я не знаю как... Что мне... Он же убьет их!

— Где ты? — спросил Володя, не успев подумать, чем вообще он может помочь в этой ситуации.

— Возле Исторического музея. Ты приедешь? Пожалуйста!

«Все бросить? Сейчас? Это же бред», — подумал Володя. Но в глубине души вспыхнула секундная радость. Маша позвонила вовремя, ведь, прося Игоря делать все это, Володя предавал сам себя. Но поехать к ней? Правда и оставаться здесь уже не хотелось — после

Машиного звонка возбуждения как и не было. Спина ныла, и теперь боль не доставила бы никакого удовольствия.

— Да, я сейчас... — сказал Володя. Завершил звонок и тут же набрал номер такси.

— Ты серьезно? — возмутился Игорь, пока Володя диктовал оператору адрес. — Что бы там ни было, это не может подождать?

— Нет, не может, — отрезал Володя. Одеваясь, он сказал: — Прости, но это правда срочно.

— У тебя там в трубке какая-то баба ныла, — хмуро ответил тот. — В натуралы записался?

— Не думаю, что это твое дело.

Игорь опешил: одновременно удивленно и обиженно вытаращился на него.

— Ты мне мстишь за что-то, да?

— Не выдумывай. — Володя подошел к зеркалу, чтобы надеть галстук, но в последний момент плюнул — свернул его в трубочку и сунул в карман пиджака. — Давай, пока. Сдай, пожалуйста, ключи сам. Уверен, что в этом клоповнике даже не посмотрят, кто сдает.

* * *

Сидя в такси, Володя начал злиться, но не понимал — на кого. На Машу, которая не вовремя позвонила и оторвала его? На чужой скандал, участником которого он теперь стал? Или на самого себя — за все, что позволил и хотел позволить Игорю с собой сделать?

Маша ждала его у метро, прячась под зонтиком. Понуро повесив голову, она нервно теребила ткань длинного темного платья. Володя удивился — Маша будто смущалась, хотя еще двадцать минут назад по телефону казалась крайне напуганной.

— Что произошло? Рассказывай, — с ходу начал Володя, подходя к ней. — Ты оторвала меня от очень...

— От чего бы я тебя ни оторвала, это важнее! — перебила его Маша, вскинув на него неожиданно уверенный взгляд.

Володя удивился такой быстрой смене ее настроения.

— Пойдем, — приказала Маша.

— И что ж мной сегодня все помыкают? — буркнул Володя, послушно шагая следом за ней. — Куда мы идем?

Они спускались по Сумской. Отсюда еще минут двадцать, и можно было бы дойти до дома Толи. Но почему Маша пошла пешком? Тем более в дождь.

— Маш? Ты меня слышишь вообще? Что там с Димой, Толей, его отцом?

Она резко остановилась возле арки Успенского собора, взглянула на двери, нахмурилась и вновь перевела строгий взгляд на Володю. Он даже предположил, что, возможно, окончательно рехнулся и Маши на самом деле тут нет — она ему или кажется, или снится. Иначе с чего бы вечно неумолкающая Маша ему не отвечала?

— Володя... — твердо начала она, но осеклась. Протянула к нему руки, застегнула верхнюю пуговицу на рубашке. Володя внутренне вздрогнул от мысли, что час назад эту же пуговицу расстегивал Игорь.

Вдобавок поправив ему волосы, Маша сказала:

— Просто пойдем внутрь. Я... мне правда без тебя не справиться.

Не говоря больше ни слова, она взяла его под руку и уверенно подвела к дверям собора. Толкнула их, с усилием потянула за собой Володю. Тот краем глаза ухватил надпись на вывеске: «Органный зал Харьковской филармонии».

Стук Машиных каблучков гулким эхом разнесся по пустому холлу старого здания.

— Маша, да какого черта? — выругался Володя, и эхо тут же повторило за ним. Понизив голос, он прошипел: — Я же говорил тебе, ты обещала...

— Я ничего тебе не обещала — это раз, — пылким шепотом ответила она, еще крепче схватив его за запястье. Володя, впрочем, не упирался. — А во-вторых, я все выяснила — Оказывается, Конев...

Она не договорила. Перед ними, как чертик из табакерки, появился работник театра:

— Соблюдайте, пожалуйста, тишину. Вы опоздали, концерт уже идет. — Из-за высокой резной двери зала действительно слышалась музыка — одинокой скрипке аккомпанировало фортепиано.

— Извините, пожалуйста, — пролепетала Маша, суетливо роясь в сумочке. — Вот. — Она протянула билеты.

Капельдинер тяжело на них взглянул, нахмурившись.

— У вас крайние места в десятом ряду. Обойдите с левой стороны. — И приоткрыл перед ними двери.

На Володю обрушились звуки музыки. Он сделал шаг в зал, лишь мельком заметив на сцене силуэт мужчины во фраке, стоящего спиной к залу. Маша схватила Володю за руку и сжала его ладонь так сильно, будто подозревала, что он может развернуться и уйти. Она потянула его за собой, на цыпочках пробираясь между рядами.

Места оказались не лучшими — крайние в ряду, достаточно далеко от сцены. А Маша еще и уселась у прохода, будто стараясь преградить Володе путь к отступлению.

Володя рассеянно рассматривал зал, намеренно не глядя в самый центр сцены, чтобы не замечать дирижера. Поразила величественно возвышающемуся вдоль стены органу — Володя никогда раньше тут не был и не видел такого инструмента. Но сегодня орган молчал. На сцене под ним расположился небольшой оркестр: духовые, смычковые — Володя в этом не разбирался, — всего где-то двадцать музыкантов. Пока играла только скрипка — из-под смычка лилась медленная, спокойная мелодия. Ей аккомпанировал белый рояль в углу сцены. Позади рояля стоял небольшой хор у нескольких микрофонов.

Володя наконец посмотрел в центр сцены. словно в замедленной съемке — плавно и грациозно — молодой мужчина выводил дирижерской палочкой узоры в воздухе. Он будто включал игру музыкантов, легонько касаясь невидимых кнопок перед собой, и казалось, что музыка, льющаяся из инструментов вокруг него, на самом деле лилась из этой палочки.

Володя присмотрелся к дирижеру. Стройный, высокий. Полы фрака прикрыли ноги почти до колен. Изысканные руки. Темные волосы.

Таким мог бы быть Юра. Но ведь таким мог быть и кто угодно другой.

Могла ли Маша привести сюда Володю просто так, не будучи уверенной? Он ведь сказал ей вчера, практически приказал не давать ложных надежд. Она же его поняла... А поняла ли?

Володя прищурился, пытаясь разглядеть дирижера. Но сам себя осадил — двадцать лет прошло. Люди меняются, внешность людей меняется... Вот только...

Володя уперся взглядом в его затылок. Темные непослушные волосы. Настолько непослушные, что злосчастный хохолок — приглаженный, уложенный, наверное, гелем — все равно торчал.

Юра...

В глазах поплыло.

Вдруг стало тихо, музыка оборвалась, казалось, даже сердце замерло. Володя не мог оторвать взгляда от некогда столь любимого затылка.

Он выдохнул, почувствовал такое всепоглощающее, такое яркое и реальное счастье, будто вернулся далеко-далеко назад, в самое светлое время его жизни. Но это ощущение продлилось лишь мгновение.

На сцену под завершающий симфонию плач одинокой скрипки вышел хрупкий красивый юноша, приблизился к микрофону, глубоко вдохнул. А когда музыка замолкла окончательно, он запел. В полной тишине зазвучал сдавленный, надломленный голос. И на Володю обрушился шквал воспоминаний — он аж вжался в спинку зрительского кресла.

Он уже не видел ни сцены, ни происходящего на ней. Он видел Юру — юного счастливого Юру, сидящего на детской карусели среди белого пуха одуванчиковой поляны. Видел, как пушинки кружат в воздухе, попадают ему в рот — а он плюется и смеется, машет Володе рукой.

Дирижер на сцене слегка повел палочкой в воздухе, голос солиста окреп и усилился.

А в воображении Володя увидел свое отражение в зеркале — совсем юное лицо, очки в роговой оправе, отчаяние в глазах, кривящиеся от злости губы. И хочется ударить по этому лицу, разбить к чертям зеркало, только бы избавиться от монстра внутри себя — того, что так настырно подсовывает в сознание юного Володи грязные, пошлые видения.

А следующим кадром — руки в клубках пара над кастрюлей. Запотевшие стекла очков — ничего не видно перед собой, только жар, только приятная, отрезвляющая и одновременно пьянящая боль в руках.

«Перестань, что ты делаешь? — Юрины руки — изящные пальцы пианиста, гладящие его мокрые покрасневшие ладони. — Зачем? За что ты так с собой?»

Следом еще один образ — Юрины колени. Они такие холодные, Володя греет их своим дыханием, целует украдкой и улыбается, чувствуя, как Юра вздрагивает от его прикосновений.

«Ты самый лучший, ты самый хороший человек. Это я плохой, это я виноват, не ты...» — шепчет он.

На сцене дирижер взмахнул рукой, слегка скрестив пальцы. Пианист заиграл другую, незамысловатую мелодию, и Володя услышал в ней плеск речной воды.

В вечерних сумерках отблесками пионерского костра сияет Юрино лицо. Беспросветная грусть в его глазах на контрасте с улыбкой — тоже грустной, но такой родной.

«Пусть хотя бы так улыбается, пусть просто улыбается всегда».

Но тут же эти глаза наполняются слезами. Солнце окончательно скрывается за горизонтом, по плечам холодным дыханием ночи бегут мурашки.

«Что бы ни случилось, не потеряйте себя», — дрожащим голосом Юры звучат строчки, записанные в тетради. Володя смотрит на него — Юра плачет, и сердце сжимается оттого, что они прощаются. А собственный внутренний голос повторяет: «Навсегда, мы прощаемся навсегда».

Солист тянул низкую ноту, ее подхватил хор, не перебивая ведущий голос, а наполняя его силой. Они пели на неизвестном Володе языке, пусть не понимал слов, это было и не нужно — он знал, о чем поет этот тонкий нежный голос.

В памяти вспыхивают лица — одно за одним. Нахмуренный лоб отца, волнение в глазах матери, ее дрожащие губы.

«Не переживай, мы во всем разберемся», — ее неуверенный мягкий тон.

И еще одно лицо — делано вежливое, мгновенно вызывающее подозрение и желание спрятать взгляд.

«Расскажи, что тебя беспокоит?»

Липкий страх, неуверенность, стыд. Слова, которые нужно сказать, застревают в горле, их приходится давить из себя:

«Я болен... Я хочу вылечиться от этого...»

«Так от чего? У меня широкий профиль, я работаю с разными расстройствами».

«Я испытываю тягу... кхм... сексуальное влечение к мужчинам».

Дирижер резко взмахнул рукой.

Смычки легли на струны — заплакали сразу несколько скрипок, загудели виолончели. Солист и хор присоединились к оркестру.

«Ты должен долго и внимательно рассматривать эти фотографии, ищи, что тебе в них нравится, не думай ни о ком, кроме этих женщин, и постарайся получить удовольствие».

Володя принимает из рук врача стопку фотографий, опасливо переворачивает верхнюю, видит обнаженную женщину. Красивая обложка, но гнилое содержание, будто червивое яблоко. Володе кажется, что в его ладонях копошатся личинки, хочется отбросить эти фотографии, но нельзя.

И тут же в памяти снова возникает Юрино лицо — неуверенный взгляд, живой интерес в глазах.

«Знаешь, я у отца в запрещенном журнале как-то видел, что женщин... Знаешь, их можно не только как обычно, а еще по-другому... Ну, Володь, я уже у тебя как у друга спрашиваю, мне же просто любопытно...»

Вступили духовые — резко и громогласно прокатились по залу шквалом эмоций так, что зашло сердце. Солист взял высокую ноту, хор усилил ее, а на Володю обрушилось самое мерзкое воспоминание, которое он долгие годы пытался похоронить глубоко внутри.

«У меня ничего не получается».

Врач смотрит на него, нахмурившись, задумчиво чешет подбородок.

«Значит, пойдем на крайние меры».

Володя согласен на все. Врач раскладывает перед ним снимки обнаженных мужчин. Володя отводит взгляд.

«Смотри!» — приказывает врач.

Володя смотрит и ощущает, как ему закатывают рукав рубашки. В нос бьет запах спирта, тонкая игла входит под кожу.

«Сейчас будет тошнить. Продолжай смотреть», — говорит врач и ставит перед Володей эмалированный таз.

Он смотрит. Изысканный изгиб бицепса, впадина под ключицей, сильная шея, щетина на подбородке, уложенные светлые волосы. Модель. Володе нравится тело, но не нравится лицо. Он отводит взгляд — ему не хочется смотреть. Он чувствует, как его начинает мутить.

Под закрытыми веками видится совсем другое лицо. Любимое, застывшее в памяти на всю жизнь. Его тонкие губы, которые так хочется целовать, что нет сил сдержаться. И это лицо так близко, и с

губ Юры слетают признания. Так настойчиво обнимают руки, так отчаянно пальцы цепляются за плечи.

«Пожалуйста, Володя. Если мы не сделаем этого сейчас, не сделаем никогда. Это последний наш день, я хочу тебя запомнить, ты единственный».

Володя в своей отчаянной фантазии целует его, такого красивого, такого родного, а над ними — огромный, как небо, купол ивовых ветвей скрывает их от всего мира.

Володя падает на колени перед тазом. Тошнота подкатывает к горлу так резко, что он не успевает отогнать свою прекрасную фантазию. Его рвет, он чувствует, как по щекам от мерзости и напряжения текут слезы, а под закрытыми веками в этот момент улыбается Юра.

Прогремели финальные аккорды, оркестр затих. В наступившей тишине угасал голос солиста, медленно отходящего все дальше и дальше от микрофона.

Володя уставился в спину дирижера. Юра. Он живой, настоящий. Реальный. Юра здесь.

Володя почувствовал, как к горлу подкатила фантомная тошнота, а голова пошла кругом. Нет. Он не может тут оставаться.

Володя резко поднялся, грубо толкнул Машины ноги, проходя мимо нее. Краем глаза уловил, что та попыталась схватить его за полу пиджака, но он вырвался и бросился прочь из зала. Хватит с него!

Выбегая из здания филармонии, на ходу диктуя адрес диспетчеру такси, Володя повторял одну-единственную пульсирующую в голове мысль: «Сбежать, оказаться как можно дальше отсюда, сейчас же».

Он догадался, чего хотела Маша, но не мог позволить себе предстать перед Юрой после всего, что сделал. После того как предал его и продолжал предавать столько лет. Даже сегодня — пусть и не по своей воле, пусть и не зная, что идет на его концерт... Он явился сюда, даже не отмывшись от Игоря. С красными полосами на спине под рубашкой — от ударов, которыми хотел заглушить память о Юре. Он не имел никакого морального права даже говорить с ним теперь.

Сидя в такси, рассматривая улицы города, по которым он все дальше и дальше уносился от Юры, Володя продолжал убеждать себя в этом.

Внутренний голос был прав. Того Юры больше нет. Тот юный Юрка, которого Володя любил двадцать лет назад, давно исчез. И

сейчас там, на сцене, дирижировал оркестром совершенно другой мужчина. Мужчина! Молодой, талантливый, красивый мужчина, а не юный, неопытный, трепетно-прекрасный Юрочка!

Этот Юра изменился, он уже давно уехал от той жизни, которая когда-то была у него здесь.

На концерт пришло много людей. Значит, его знали. Значит, Юрину музыку слушали в Харькове. И, скорее всего, Юра не впервые приезжал сюда. Но он не искал Володю, иначе пришел бы под иву и обязательно нашел. А если Юра не искал с ним встречи, значит, не хотел ее. И тогда Володе тоже не стоило. Им нельзя было встречаться, тем более сейчас. Он не посмел бы посмотреть теперь Юре в глаза.

Уже выезжая из города, Володя попросил таксиста остановиться возле аптеки. А по возвращении домой, забыв о предупреждении Игоря не превышать дозу, закинул в себя сразу две таблетки.

Насыпав корма Герде, он кое-как стянул с себя пиджак, бросил его на пол у кровати. На рубашку и брюки сил уже не хватило — Володя просто упал лицом в подушку.

Почувствовал, как в руку, свисающую с кровати, ткнулся мокрый нос. Герда грустно скулила, требуя ласки. Володя, ощущая, как начало мутнеть сознание, слепо погладил ее по голове.

— Все хорошо, девочка. Завтра все будет хорошо...

Глава 5

Особенный друг

Сон был долгий, крепкий, глубокий. Подобно болоту, он поглотил Володю, и, словно из болота, Володя не мог выбраться сам. Да и не хотел, отдыхая в долгожданном покое и непроницаемой тишине. Десятки звонков и СМС, от которых разрывался телефон, не достигали сознания. Лишь проспав пятнадцать часов, Володя начал ощущать, что где-то там, за завесой сна, есть реальный мир, который пытается вернуть его себе.

После полудня раздражающая трель мобильного пробилась к нему сквозь пустоту и разбудила. Володя не смог оторвать от подушки будто налитую свинцом голову, нашарил телефон рукой — тот лежал в кармане брюк.

— Да? — прохрипел он в трубку, пытаясь разлепить глаза.

— Ты там живой вообще? — прокричал Брагинский. — Вова, приезжал подрядчик, мы ждали тебя все утро! Хоть бы предупредил, что отдуваться придется мне!

Володя прищурился, пытаясь привыкнуть к дневному свету, с трудом сел, уперся руками в колени. Голова гудела. Он не пришел на работу? Проспал?

— А сколько сейчас времени?

— Обед только что закончился.

— А какой сегодня день?

— Ты заболел? — Сердитый тон Брагинского сменился обеспокоенным. — Ты собираешься сегодня на работу?

— Заболел, да, — пробормотал Володя, качнул головой и застонал от боли — виски стиснуло так, что побелело в глазах.

«Что за отраву мне Игорь подсунул?» — подумал он, сбрасывая вызов после пожелания Брагинского выздоравливать.

На телефоне оказалось семнадцать пропущенных вызовов и три СМС. Володя удивился, как прекрасно он видит без очков, а после

сообразил, что забыл даже линзы снять. Пролистнул вызовы, открыл сообщения. Все три — от Маши.

«Вернись! Это ведь он!» — писала она вчера в полдевятого. Спустя двадцать минут: «Я сейчас подойду к нему и скажу, что ты был здесь и сбежал как трус!» Последним было: «Володя, ты, конечно, меня извини, но ты ИДИОТ!!!»

События прошедшего дня стали медленно проясняться: проступили серостью утра, пересекли ранний вечер ударами Игоря и прогремели вечером поздним — магией музыки, взмахами дирижерской, но будто волшебной палочки. Вспомнились чьи-то большие руки, жесткие волосы, аккуратный профиль. Юра.

— Боже... — простонал Володя, и на него обрушилось раскаяние.

Он вскочил с кровати и бросился из комнаты в гостиную. Запутавшись в одеяле, чуть не упал, схватился за косяк и замер как вкопанный: «А куда бежать? И зачем? Куда теперь спешить, если опоздал еще вчера?»

Боль сдавливала голову. Володя стиснул пальцами виски, чуть было не порвав до сих пор надетую рубашку — мятая и перекрученная одежда мешала. Он сбросил ее прямо на пол и устремился в ванную. Надо было успокоиться, ведь сердце колотилось как бешеное, руки дрожали, а мысли метались, сталкивались друг с другом и путались. От вины и стыда на глаза наворачивались слезы. А может, это из-за того, что пятнадцать часов проспал в линзах? Да, конечно, поэтому.

Володя встал в душевую кабину. В воображении вспыхнул образ взрослого Юры. Того Юры, каким он был не сто лет назад, а вчера, каким он стал — высоким, статным, изящным. С чертовой дирижерской палочкой в руке.

Глаза опять защипало. Проклятые линзы!

Володя не глядя схватился за вентиль и резко крутанул его. Ледяная вода обожгла располосованную спину, по телу прошла волна боли. Он вскрикнул. Все его мысли обратились к боли и сосредоточились на ней. Но Володя не отступил, ждал, когда привыкнет. А когда привык, подкрутил вентиль горячей воды.

— Вот сука! — Он едва сдержался, чтобы не ударить кулаком по плитке.

Почему Володя не подумал, что пианист может быть одновременно и композитором, и дирижером? Почему так заиклился на том, что

этот человек не может быть Юрой? От чего защищался, от кого? От него? От музыки, от памяти о нем? От страха, что раз Юра не пришел под иву десять лет назад, то... То что? Ну и что с того, что он не пришел к иве тогда? Мало ли причин у него могло быть. Но теперь-то Юра здесь. Здесь! Он приехал. Вчера он был рядом, руку протяни — коснешься.

Трус! Чертов трус! Маша права — трус и идиот!

— Маша! — вспомнил Володя, вышел из душа, наскоро вытерся и бросился к телефону.

— Ну здравствуй, — иронично протянула Маша. — Явился...

— Где он, ты знаешь?

— Вчера был там, а сегодня — не знаю. Откуда мне знать?

— Ты же писала, что подойдешь к нему.

Маша молчала, слышался только вздох досады. Володя взмолился:

— Только не говори, что нет! Только не говори, что как угрозу это написала!

— Бли-и-ин, — простонала она. — И что делать?

Володя сел на кровать, спрятал лицо в ладонях.

— Это ты меня спрашиваешь?

— А кого еще? Тебя, чудака на букву «м», который вчера как девчонка сбежал весь белый.

— Мне и без твоих комментариев хреново, — огрызнулся он. — Билет не выкинула? Что там написано? Может быть, что-нибудь про гастроли в другие города? Или адрес сайта — хоть что-нибудь?

— Сейчас поищу.

В трубке почти минуту слышалось только шуршание. Володя сидел на кровати в одном полотенце и смотрел в окно. На лес, среди верхушек которого торчал ровный, как спица, флагшток. Много лет на нем не поднимали флаг лагеря, много лет никто не собирался под ним на площади, много лет там не звучали человеческие голоса. Уже давно один только ветер гулял среди тех руин.

И вдруг смелая, почти безумная мысль взбудоражила сознание — а вдруг Юра придет? Вдруг он приехал сюда не ради выступления, а чтобы найти под ивой их капсулу времени?

В ответ на первую мысль пришла вторая, болезненная — с чего Володя взял, что Юра приехал в Харьков ради него? Он ведь даже не

знает о том, что Володя живет здесь...

— Ничего на этом дурацком билете нет, — прорычала Маша в трубку. — Дата, время, имя. Все. Слушай, давай в филармонию позвоним, может, там подскажут что-нибудь?

— Не надо, — буркнул Володя. — По телефону ничего не добиться, сидит там какой-нибудь билетер... Я туда поеду.

— Эй! Давай лучше я? Ты сегодня какой-то совсем уж бешеный, — принялась уговаривать Маша. — Или давай так — ты поезжай, а я все-таки позвоню и, если что-то узнаю, сразу же перезвоню.

Володя бросил: «Спасибо» — и завершил вызов.

Стал одеваться. Заторопился, чтобы не потерять ни минуты, схватил мятые вчерашние брюки. Сегодня похолодало, накрапывал дождь, где-то вдалеке гремел гром. Володе стоило бы надеть джемпер, но, едва колючая шерсть коснулась кожи, как спину засадило. Он подошел к зеркалу, повернулся кругом и понял, что именно болело. Кожу украшали синяки, но ныли не только они. Вчера Игорь перестарался, оставив толстую красную полосу содранной кожи от самой ключицы до лопаток. Наверняка будет шрам. Володе пришлось надеть рубашку, чтобы скрыть под воротником фиолетовый кровоподтек, окруживший полосу. Но то, что от боли он посмотрелся в зеркало, оказалось очень кстати. Володя обомлел, глядя на собственное лицо: темные, чуть ли не фиолетовые круги под глазами, отек на скуле, щетина. В таком виде нельзя было не только ехать в филармонию, а вообще выходить из дома.

Поспешно приводя себя в порядок, он прокручивал в голове воспоминания о вчерашнем дне: о том, что позволил Игорю и чего чуть было не позволил. Внутри закипала злость на себя. Зачем он это делал? Вину хотел выбить этим? Стыд? Но он был так измучен, что находился без преувеличения на грани сумасшествия и не думал ни о собственном достоинстве, ни о физических последствиях.

Вдруг зазвонил телефон, и сердце сжалось от приятного предчувствия — быть может, это Маша что-то разузнала? Но на экране высветилось: «Работа».

Услышав голос Леры, он рассердился:

— Я же сказал Брагинскому, что заболел. Он не предупредил?

— Предупредил, но тут срочно...

— Тогда не беспокойте меня! — перебил Володя, отнимая телефон от уха. Собрался сбросить вызов, но расслышал:

— Насчет «Ласточкиного гнезда» звонит Юрий Конев.

Володя сел.

— Конев? — тупо повторил он.

— Да, — виновато ответила Лера и добавила: — Юрий Ильич.

— Соедините, — осторожно сказал Володя, не веря в реальность происходящего.

— Он оставил номер телефона, просил срочно перезвонить ему.

— СМС, — выдавил Володя с трудом. — Лера, пришлите номер в СМС.

Оцепенев от шока, он сидел и ждал. Минута, другая... Ему казалось, что прошла вечность. И хотя Володя держал телефон в руках, все равно вздрогнул от звука сообщения и уставился на цифры — они плыли перед глазами.

Сердце билось где-то в горле, дыхание перехватило. Володя прокашлялся, несколько раз произнес вслух скороговорку и, когда голос окреп, набрал длинный номер.

Зазвучали гудки: сначала один, затем — второй. Звонок будто бы прервался, но вдруг прозвучал раскат грома, и Володя не понял, ответили ему или нет.

— Юра? — спросил он, не веря, что на самом деле услышит его.

— Да... Да! Володя, это я!

Володя подавился вздохом, а губы растянулись в глупой улыбке.

— Юрка...

— Как же я рад тебя слышать! — прозвучал Юрин высокий, бодрый голос с акцентом. — Я читал письма... Володя, прости, я все просрал! Мы обещали не потеряться, но потерялись, я слишком поздно стал тебя искать.

«Он читал письма, — повторил про себя Володя. — И знает номер. Откуда письма и откуда он знает номер?» Неужели Юра здесь, под ивой? В двухстах метрах от него. Возможно, даже видит крышу его дома.

— Ты в «Ласточке»?

— Да, под нашей ивой. Все вокруг разрушено, река пересохла, а ива стоит, стала больше и красивее, будто...

— ...нас ждет, — замороженно закончил Володя.

Еще один громовой раскат будто вывел Володю из оцепенения — им нужно встретиться! Он прижал мобильник щекой к плечу и принялся лихорадочно рыться в ящике комода в гостиной, ища ключи от дальних ворот своего участка.

— Каким ты стал? — негромко спросил Юра.

И правда — каким? Умным? Вряд ли. Талантливым? Возможно, но точно не чета Юре. Красивым? Вспоминая вчерашний день, скорее уродливым, но не в физическом смысле, а в моральном. Хотя и внешне Володя сегодня был так себе. Как ни старался привести себя в порядок, мешки под глазами убрать не смог. Разозлился — почему именно сейчас он выглядел настолько плохо? Но времени торчать перед зеркалом не было, а о том, чтобы приложить лед к лицу, нечего и думать — долго. Придется предстать перед Юрой таким, какой есть.

— Ну... — неуверенно начал Володя. — Явно не о деньгах и болячках спрашиваешь. Каким стал? Повзрослел...

— Ты далеко отсюда? — прозвучало негромко, будто бы даже печально.

Володя остановился: «Но действительно ли Юра хочет встретиться? Будет ли рад тому, что увидит?»

— Ближе, чем можно подумать, — вздохнул он. — Ты хочешь увидеться?

— Хочу.

Володя качнул головой — плевать на все! Права Маша: лучше сделать что-то, о чем будешь жалеть, чем не сделать вообще ничего.

Он произнес вслух то, что мучило последние несколько минут:

— А разочароваться не боишься?

— Конечно, боюсь. А ты?

— Ты стал пианистом?... — начал было Володя и осекся. Хотелось сказать больше. Он едва удержался от того, чтобы продолжить и задать все вопросы: «Ты так хотел им стать, но вчера не играл на рояле, а был дирижером. Почему? Разочаровался в себе? Какая-то травма не позволила стать пианистом?»

— Не поверишь, Володь, стал! — В голосе Юры слышалась улыбка. — Стал!

— Значит, я не боюсь, — негромко ответил Володя и замер на выходе из гостиной. От одной лишь мысли, что вот-вот увидит Юру не

издалека, а рядом с собой, дыхание сбилось. Володя глубоко вдохнул и медленно выдохнул. — Ладно, тогда подожди...

По небу снова прокатился гром, и связь прервалась. Володя чертыхался, пытаясь еще раз набрать номер — звучали прерывистые гудки. Попробовал снова — абонент оказался недоступен.

— Только не уходи оттуда, — прошептал он с мольбой.

Не отводя взгляд от телефона, Володя вышел в прихожую, откуда тут же раздался непривычно высокий лай.

— Герда, — простонал он.

Собака сидела у входной двери, жалобно скулила, виновато смотрела на него — в центре коридора поблескивала лужа.

— Прости меня, девочка, — затараторил он, мучимый чувством вины. — Сколько часов ты терпела...

Володя отворил дверь, выпустив собаку наружу, а сам помчался в ванную за тряпкой и бросил ее на пол.

Продолжая безуспешно набирать Юрин номер, бегом пересек укрытый туманом двор. Запер за собой ворота и направился сквозь густые заросли осоки к их иве.

Каждый шаг давался с таким трудом, что Володе казалось, будто высокие стебли тянулись не к небу, а к его ногам, опутывали щиколотки, пытались его остановить. Но Володя не смотрел вниз, он и так знал, что вовсе не трава тормозит его, а страх. Страх столкнуться наяву с призраком утраченного счастья. Страх разочароваться в выдуманном образе самого светлого человека, что встречался в его тусклой жизни. Страх неминуемой утраты.

Но он преодолевал его. Упрямо шагал, путаясь в траве, ежась от холодного дождя, пока наконец не увидел белое пятно, скрытое гигантским пологом ивовых веток.

— Юра, — позвал он, но его голос заглушили шум ветра и шелест листвы.

Так странно было видеть его, обращаться к нему по имени. И еще удивительнее — наблюдать, как он, казалось, услышав Володю, выходит к нему, раздвигая ивовые ветви. Шагает навстречу, разгоняя туманную морось.

Он стал высоким, повзрослел, стал строже, но еще красивее. Володя улыбнулся, а Юра нахмурился — на бледном лбу появились морщинки. Что-то прошептал, Володя не разобрал слов, только шагнул

ближе. А Юра замер, растерянно сжимая в руках бумаги из капсулы времени, удивленно изучал Володю взглядом. Поджал губы. То, как он смотрел, говорило о главном: Юра пришел сюда не просто к почтовому ящику — он пришел именно к нему. Он тоже ничего не забыл. А если и забыл, то вспомнил.

Володя сделал еще один шаг к Юре — и тут же ощутил его ладони на своих плечах и тепло объятий. Аккуратно обнял Юру в ответ, боясь, что, если сожмет сильнее, тот растает. Но Юра не таял. И не был призраком, он был из плоти и крови.

Он судорожно вздохнул, и от его вздоха земля будто ушла из-под ног. Володя вжался лицом в его плечо и прошептал одними губами: «Настоящий. Здесь».

Казалось, их объятие длится неприлично долго. Разрывать его не хотелось, но еще больше Володя боялся, что Юра оттолкнет его первым. Поэтому он взял его за плечи, отодвинул от себя и окинул взглядом: темные непослушные волосы, влажные от дождя, золотая сережка-гвоздик в правом ухе, плащ перепачкан — вот Юра дурачок, поехал копать в земле в светлом, — на ногах — резиновые сапоги, а в руках — ноты.

— Ты сыграешь мне «Колыбельную»? — негромко спросил Володя.

Юра грустно улыбнулся.

* * *

— Ты весь промок, тебе бы согреться. Я живу рядом. Пойдем?..

На мгновение сердце кольнуло иррациональным страхом — вдруг откажется? Конечно, нет, они же не просто так встретились спустя двадцать лет, чтобы Юра сейчас ушел.

Володя стыдился того, что чуть было не упустил все это. Они едва не разминутись, ведь стоило уехать в город или не ответить на звонок Леры... Конечно, в первую очередь не стоило уходить вчера с концерта. За это Володя корил себя больше всего.

Юра улыбнулся и кивнул:

— Конечно. Пойдем.

А еще было стыдно за избитую спину. Воспалившиеся следы так ныли, что каждое движение вкупе с трением о ткань отдавалось новой вспышкой боли. И каждая эта вспышка была ему напоминанием, что

именно идущего рядом человека Володя так отчаянно пытался изгнать из мыслей.

Наверное, Юра тоже чувствовал себя неловко. Молча идя рядом, он смотрел под ноги, но Володя замечал, что Юра то и дело поднимает голову, покачивает ею, пару секунд с любопытством глядит на него и снова опускает.

— Не верится даже, — пробормотал он. — Я так давно... — и запнулся, будто забыв слово.

Володя мысленно продолжил за него: «...мечтал тебя увидеть», — но не стал произносить эти слова вслух.

Дождь усилился, они ускорили шаг и вскоре оказались возле входа на участок. Просунув любопытный нос сквозь прутья калитки, ждала Герда — мокрая, чумакая, но счастливая, ведь ей наконец дали побегать на свежем воздухе.

— О, собака! — воскликнул Юра. — Не кусается?

Открывая дверь, Володя ответил:

— Нет. Но может зализать до смерти... — Заметив, что собака уже готовится прыгнуть в его объятия, он грозно прикрикнул: — Герда, фу!

Она отступила на несколько шагов, опустила голову и коротко проскулила, будто с упреком. Юра рассмеялся, бесстрашно подошел, протянул к ней руку и потрепал по мокрым ушам.

— Я тебе, хозяин, радуюсь тут, а ты мне фукаешь, — засюсюкал он. Герда высунула язык. — Красавица! Золотистый ретривер, да?

— Да, — быстро ответил Володя и предостерег: — Юр, осторожнее, она вся грязная, испачкает тебя сейчас...

— Да ничего, я и без того уже весь промок и извозился.

— Пойдем в дом. Герда, гулять! Попозже тебя еще вымыть нужно...

Первое, что бросилось в глаза, когда Володя открыл двери дома, — брошенная на пол тряпка, прикрывающая сделанную Гердой лужу. Тут же вспомнился и бардак, который Володя оставил в спешке...

— Проходи, — сконфуженно пригласил он. — Только аккуратно, здесь обойди, я сейчас уберу...

Он засутился: нужно было вымыть пол, но сперва — повесить сушиться мокрый плащ Юры.

— Юр, ты же, наверное, замерз совсем. Проходи в гостиную, я камин разожгу. — Он бросился к камину, но тут же развернулся в

сторону кухни. — Нет, сперва чай поставить...

— Володя! — строго окликнул Юра, и тот замер на месте. Вопросительно посмотрел на него. Юра улыбнулся. — Перестань суесться. Я понимаю, что я тебе как снег на голову свалился, ты не ждал и так далее... Дай мне, пожалуйста, сухие вещи, а со всем остальным разберемся после.

Володя вздохнул и собрался с мыслями. Он сходил на второй этаж, нашел чистые домашние штаны и футболку, понадеялся, что одежда подойдет по размеру — они с Юрой примерно одного роста, правда, Юра худее.

Пока тот переодевался в ванной, Володя вымыл пол, разжег камин и поставил чайник. За шумом закипающей воды не услышал тихих шагов, а обернувшись, замер. Юра стоял в проеме кухни, опираясь плечом о косяк. Босой, в спортивных штанах, футболка, которая Володе была впору, на нем свободно болталась.

«Изменился так... — подумал Володя и тут же возразил: — Конечно, изменился, блин, двадцать лет прошло!»

Черты Юриного лица огрубели, будто заострились. Волосы потемнели, отросли, вились на кончиках. На концерте он, видимо, их уложил, а сейчас от влаги и ветра они выглядели еще более растрепанными, чем в юности.

Юра тоже рассматривал его. Наверное, тоже искал, что изменилось.

— Неловко, — прокомментировал он, как с языка снял. — Столько всего хочется спросить, а не знаю даже, с чего начать...

Щелчок закипевшего чайника показался оглушительным в повисшей тишине.

— Ты черный или зеленый пьешь? — спросил Володя.

Юра склонил голову набок, сжал губы в тонкую линию.

— Я бы выпил чего покрепче, но мне за руль.

— Так переночуй здесь, — предложил Володя быстрее, чем успел обдумать собственные слова. И, как бы оправдываясь, добавил: — Дом большой, места достаточно. Могу постелить тебе на диване в гостиной.

— Договорились, — просто согласился Юра и улыбнулся. Его улыбка разрядила атмосферу, и воздух на кухне стал менее наэлектризованным.

Володя смущенно улыбнулся:

— Сам я почти не пью, но почему-то мне постоянно дарят алкоголь. У меня есть коньяк и виски. Что будешь?

— Вообще-то я люблю ром, но и виски сгодится.

Володя кивнул, потянулся к дверце навесного шкафа, но в этот момент за окном сверкнуло, прогремел гром, а со двора послышался взволнованный лай.

— Ой, черт, надо собаку выкупать... Я сейчас.

Герда — еще грязнее, чем четверть часа назад, — привычным маршрутом побежала в ванную, оставив на полу цепочку мокрых следов. Пока мыл собаку, Володя старался не думать о Юре, который хозяйничал сейчас на его кухне. Но мысли так и возвращались к нему.

«Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он узнал, что я был на концерте и ушел», — твердо решил Володя. Вспомнил про Машу — должно быть, она оборвала телефон филармонии, разыскивая того, кто уже нашелся. Володя ведь не предупредил ее.

Закончив собачьи банные процедуры, он отправил Маше СМС: «Не ищи Юру. Он у меня. Завтра напишу». И выключил телефон.

В гостиной Юра подвинул кресло к камину и расположился в нем, вытянув ноги к огню. А рядом на журнальном столике стояли стаканы, початая бутылка виски, блюдо с нарезанным лимоном и тарелка бутербродов с сыром.

Покусывая губу, Володя нахмурился.

— Юр, ну что ты, я бы сам мог...

— Да успокойся, — отмахнулся тот, с аппетитом жуя бутерброд. — Не люблю чувствовать себя бесполезным.

Радостная Герда бросилась к Юре, упала на спину возле него.

— Эта поза называется «Срочно почешите мне пузо», — пояснил Володя. — Не думал, что моя собака так любит людей.

Юра принялся чесать подставленный живот, Герда от удовольствия задергала задней лапой.

— А раньше такого не было?

— У меня нечасто бывают гости... Когда я на работе, за ней присматривают соседка с мужем, только их Герда и знает. Теперь еще тебя, — ответил Володя, умолчав, что она знакома и с Игорем.

В комнате заметно потеплело. Володя почувствовал вдруг, что ему стало жарко, и быстро стянул с себя джемпер, промокший после купания собаки. Шагнул к столику, разлил по стаканам виски.

— За встречу... — произнес, поднимая бокал.

— ...спустя столько лет, — добавил Юра.

Володя опрокинул в себя виски, горло обожгло. Он выдохнул и тоже сел в кресло. Почувствовал, как начинает расслабляться. Его уже отпустил сонный дурман от лекарств, и голова перестала болеть. Но он все равно не мог поверить, что перед ним сейчас действительно сидит Юра, — это казалось невозможным.

— Ну так... — неуверенно начал тот, постукивая изящными пальцами по стенкам стакана. — Как получилось, что ты живешь здесь? Про Харьков я понял из писем, но...

«Но в целом выглядит, будто я все двадцать лет ждал тебя рядом с ивой», — мысленно закончил за него Володя. И, наверное, в этом была доля правды.

— Не скажу, что это просто совпадение. Я давно предлагал отцу попробовать себя в чем-то новом — построить не отдельное здание, а коттеджный поселок. Он согласился, я стал искать землю. Выбирал между несколькими вариантами, а в двухтысячном подвернулась возможность недорого купить здесь очень большой участок земли.

— Прямо судьба какая-то, — хмыкнул Юра, жуя лимонную корку.

— В судьбу я не верю, но... Врать не буду — ностальгия тоже сыграла свою роль. А потом, когда «Ласточкино гнездо» построили, я решил переехать сюда. С детства жил с родителями, ужасно устал от них, тем более что всегда хотел дом. Других коттеджных поселков у нас тогда еще не было. Хотя... Даже если и были, думаю, я все равно выбрал бы этот.

Рассказывая все это, Володя чувствовал себя неловко, ведь могло сложиться впечатление, что через все его решения тянулась тонкая нить ностальгии по лету в «Ласточке» и памяти о Юре. И все последствия той любви повлияли на каждый его дальнейший шаг. Конечно, это было преувеличением. Но теперь, когда перед ним сидел повзрослевший, нашедшийся спустя столько лет Юра, Володе действительно казалось, что он присутствовал в его жизни всегда.

— У тебя есть пианино, — заметил Юра, косясь на инструмент, стоящий справа от большого панорамного окна. — Научился играть?

— Нет, что ты, когда мне. — Володя натянуто улыбнулся. — По дизайн-проекту здесь должен был стоять рояль, но сам знаешь, что это

очень недешевая вещь. А потом я случайно наткнулся на объявление по продаже старого пианино. А оно белое, в интерьер вписалось...

Ему снова стало неловко. Вспомнилось, как трепетно в юности Юра относился к лагерьному пианино, которое постоянно таскали из зала на улицу и обратно. А еще — как он сам себя корил за то, что завалил собственное пианино дома всяким хламом, когда бросил играть.

— Расскажи, как ты живешь? У тебя на... — Володя осекся, чуть не проболтавшись, что видел, сколько людей пришло на Юрин концерт. — В смысле, надолго в Харькове? Какими судьбами вообще?

Юра повел плечами.

— Гастроли. Наконец удалось организовать мало-мальски нормальный тур. Я так давно хотел съездить в Харьков... — теперь запнулся уже он.

Но Володя без лишних слов понял зачем. Он дотянулся до бутылки, разлил по стаканам виски, пригубил из своего. А Юра продолжил:

— Как-то все не получалось. То работа, то семья, то...

— Семья? — автоматически переспросил Володя. — Женат?

На секунду в памяти вспыхнуло ощущение фантомного счастья — Володя вспомнил, как упрашивал Юру в письмах «завести девушку», уверенный, что тот будет счастлив, когда найдет себе спутницу жизни, потому что ни в коем случае не станет таким же, как Володя.

Юра тихонько засмеялся. Нерадостно.

— Да какой «женат», Володь? — Он посмотрел на него со снисходительной улыбкой. — Это не про меня. Семья — это я про настоящую семью: мать, отца.

— Как они?

— Да никак. Мама умерла несколько лет назад, с отцом... сложно все. Давай о чем-нибудь хорошем поговорим, а то как-то...

Так и хотелось сказать, что все по-настоящему хорошее для Володи закончилось двадцать лет назад, а осталось только нейтральное. Ну еще вот собака есть.

Герда, к слову, спокойно уснула, свернувшись клубочком у Юриных ног.

Володя не мог избавиться от ощущения, что они говорят не о том. Нужно было спросить — как ты жил все это время? Скучал так же, как

я по тебе? Или забыл меня, сразу как уехал в Германию? Но ведь вернулся, сюда вернулся, под иву! Зачем?

Но Володя не мог. Перед ним сидел чужой человек, незнакомый. Внешне он, может, и напоминал того юного Юрку... Но Володя понимал, что порой и за год человек может измениться до неузнаваемости, а тут и подавно. Между ними — пропасть. Это не просто двадцать лет, застывшие в вакууме, это гораздо больше. Между ними огромный пласт истории, крушение СССР и его последствия, километры дорог, разные страны, разные взгляды, культуры.

Здесь и сейчас сам Володя уже давно не тот подающий надежды комсомолец, восемнадцатилетний вожатый, студент МГИМО. И перед ним далеко не тот Юрка, пионер, шестнадцатилетний хулиган, горепианист.

Они другие. И то, что их связывает, лишь кажется огромным и важным. На самом деле того, что их разделяет и отличает, теперь гораздо-гораздо больше.

— Общаешься с кем-то из «Ласточки»? Они все же в Харькове жили, может, нашел кого-то? — спросил Юра.

— Да, конечно. С Женей и Ириной вот дружим...

— Ого! Они до сих пор вместе?

— Да, представь себе. Женя еще долго работал физруком в тринадцатой школе, там я его и нашел... — Володя решил не уточнять, что ходил туда, чтобы отыскать хоть какую-то ниточку к Юре. — Я, кстати, крестный отец их дочери, представляешь?

— Ого! — Брови Юры поползли вверх. — Надо же!

— Их сыну, Паше, шестнадцать, а Оле недавно исполнилось девять. Такая забавная девчонка — активная, веселая, с меня вообще не слезает, когда прихожу. Кстати, учится в музыкальной школе.

— Молодец. А тебя дети всегда любили. — Юра развел руками. — Помнишь этих оболтусов из пятого отряда? Чего только стоил этот, как его... племянник директора. Блин, забыл фамилию...

— Пчелкин? Он, кстати, сейчас в горсовете работает.

— Он-то? Обалдеть! — Юра чуть не подавился куском бутерброда. Володя рассмеялся.

Стало легко и даже весело, стоило вспомнить, что то лето в «Ласточке» было пропитано не только печалью от утраченной любви. А ведь и правда, как много та смена вобрала в себя, столько

событий и людей. Неугомонная детвора из пятого отряда, начальство со своим формализмом и коммунистическими причудами. Девочки-красавицы, что постарше. Приколисты-парни. Свежий воздух, солнце, речка, костры, дискотеки, походы...

За разговором время потекло быстрее, виски по стаканам — тоже.

— Нет, ну подумать только! — весело возмущался Юра. — Приехал какой-то хлыщ из своей Ма-а-асквы... и все девчонки, как по команде, в него повлюблялись! А Конев что? А хрен Коневу!

Володя не мог не улыбаться, слушая его.

— Да ладно тебе. Так уж и все?

— А скажешь нет? Чего только та троица стоила, помнишь?

— Да ну тебя, дурехи же были. Кстати, Полина сейчас очень даже успешный стоматолог.

— Ты с ней общаешься?

— Нет, просто слышал краем уха. Она с Машей дружит, а Маша работает с Ириной. У Ирины сейчас свой бизнес, верхней одеждой занимается.

— Погоди, какая Маша? Та самая Маша?

— Ну да, Сидорова. Хотя... Может, она уже и не Сидорова после замужества — я не помню. В общем, она работает у Ирины продавцом.

Юра взглянул на него с любопытством, медленно отпил, будто обдумывая, что сказать.

— И какой она стала? Знаешь, после... — Он замялся.

— Хорошим человеком стала. Истеричности и глупости ей, конечно, не занимать, но в целом... — Виски ударил в голову и развязал язык. Володя чуть не сболтнул лишнего. — Вообще Маша, считай...

«...помогла мне с тобой встретиться...»

— ...за что боролась, на то и напоролась, как говорят. Тут такая история странная произошла с ней...

Володя рассказал ему про Машиного сына — в общих деталях, не углубляясь в подробности. Умолчав о том, как эта ситуация повлияла в итоге на самого Володю.

Юру эта история развеселила еще больше:

— Надо же, в самом деле какая-то ирония судьбы. Ну, может, теперь она поймет и не будет мешать их счастью, в отличие от того, как... тогда...

Володя внутренне замер. Снова тема их общего прошлого тяжелой недосказанностью повисла в воздухе. Юра, видимо, тоже не решался об этом говорить. Но кто-то из них должен был задать главный вопрос. Нет, не кто-то — его должен был задать именно Володя.

«Почему ты нашел меня?»

Но сам не знал, что хочет или чего не хочет услышать в ответ: «Потому что ты до сих пор дорог мне» или «Я искал другого тебя»?

Они молчали. Виски закончился, отвлечь себя стало нечем, переключить внимание — не на что. Не коньяк же открывать.

— Я полдня сегодня бродил по «Ласточке», — признался Юра спустя несколько минут. Говорил он будто нехотя. — Вспоминал. Я шел под иву и, знаешь... отгонял от себя всякую надежду. Я даже представить не мог, что ты окажешься тут, совсем рядом и... Теперь сижу, смотрю на тебя и никак не могу в это поверить. Там, — он махнул рукой в сторону окна, — все заброшено. Но я все помню. И тебя помню не таким, как сейчас. Логикой я понимаю, что ты изменился, ты уже не тот, ты другой, но...

«Другой, — мысленно повторил Володя. И добавил: — Настолько другой, что, узнай ты меня настоящего, никогда бы не захотел встретиться снова».

А вслух произнес:

— Ты тоже изменился. Конечно, иначе и быть не могло, столько всего...

Юра его будто и не слушал.

— Ты счастлив? — перебил он.

Вопрос застал врасплох. Такой, казалось бы, простой, но Володя не моргая уставился на Юру.

«Нет! — закричал внутренний голос. — Конечно, нет. Конечно, я несчастлив, я одинок. Иногда мне кажется, что будущего не существует, что я застыл в прошлом, что предал сам себя, что собственноручно разрушил самое светлое, что было в моей жизни...»

— Не знаю, — соврал он. — У меня вроде бы есть все: дом, работа, достаток...

— А... Есть кто-то? — Юра нервно потер скулу. — У тебя?

Володя задумался. Не знал, как ответить, чтобы и Юру не обмануть, и не раскрыть подробностей отношений с Игорем.

— Ну... «кто-то» есть.

— Важный для тебя?

— Нет, — усмехнувшись, Володя качнул головой. — Неважный.

Юра никак не отреагировал, лишь продолжил смотреть ему в лицо, но избегал встречаться взглядами.

— А у тебя? — Володя не был уверен, действительно ли хочет узнать правду, но все же спросил.

Юра медлил. Размял шею, устало откинулся на подголовник кресла, прикрыл глаза.

— Нет. Важного — точно нет. Был когда-то давно — по крайней мере, так казалось. Но не сложилось.

Прозвучало это очень абстрактно — непонятно о ком. На мгновение Володе даже показалось, что о нем. Но он отбросил эту мысль.

— Ты надолго в Харькове?

Продолжая лежать на подголовнике, Юра снова качнул головой.

— Завтра днем рейс. Надо бы уже собираться спать. — Он зевнул.

— Давай я тебе постелю, — предложил Володя.

Он резко поднялся на ноги и чуть не охнул. Спина затекла от долгого сидения, а воспалившиеся отметины напомнили о себе — его накрыло волной боли и стыда. Медленно, стараясь не кривиться, Володя дошел до спальни. Головная боль унялась окончательно, но осталось тяжелое опьянение от выпитого на голодный желудок виски. Вдобавок пришла растерянность, замелькали мысли. И все — нечеткие. Зароились эмоции, и их было так много, что Володе на пару секунд показалось, будто возвращается его вчерашнее безумие.

Он рылся в шкафу с постельным бельем, когда услышал неуверенные шаги за спиной. Юра показался в дверях спальни.

— Просторно у тебя тут. — Он обвел взглядом комнату. — Не страшно по ночам одному?

— А кого мне бояться? Призраков пионеров-героев?

Юра хмыкнул.

— Духа графини, которая ищет по ночам свою брошь.

— Да-да, точно, — улыбнулся Володя.

От упоминания героини когда-то придуманной Юрой страшилки на душе стало одновременно и тепло, и грустно.

Володя наконец нашел плед, схватил в охапку вместе с одеялом и подушками.

— Давай помогу. — Юра бросился к нему, подхватил стопку постельного белья. На мгновение они случайно коснулись руками. Ощувив тепло Юриной кожи, Володя внутренне восторжен, но виду не подал.

В гостиной проснувшаяся Герда широко зевнула, устрашающе раззявив зубастую пасть, но тут же высунула язык.

— Потеряла нас, да? — Бросив свою ношу на диван, Юра присел рядом с собакой, стал трепать длинную шерсть.

Володя раскладывал и застилал диван, краем глаза наблюдая за ласками этих двоих. Умиляло, как быстро Юра понравился собаке. К Володе она привыкала не меньше месяца, то порывивалась, то не давала погладить, грозила укусить, а тут...

— Готово. — Володя положил подушки и принялся собирать посуду со стола. — Тебя нужно будить утром?

— Я сам проснусь — у меня режим. — Юра присел на край дивана, глянул на Володю снизу вверх. — Спасибо.

— Да не за что. Оставить тебе Герду, чтобы отпугивала призраков? Юра улыбнулся и пожал плечами.

— А она сама не против?

— Не знаю. — Володя обратился к собаке: — Герда, где будешь ночевать? Или ты уже выпалась?

Собака радостно тявкнула.

— Понял. Ну захочешь — приходи. — Он повернулся к Юре и тихо сказал: — Спокойной ночи.

— Gute Nacht, — улыбнулся Юра.

* * *

Сон не шел. В голове шумели мысли.

Юра в его доме, спит на его диване. Хотелось встать, выйти из спальни и проверить — правда ли это? Не привиделось ли? Но нужно было спать.

Володя и так уже пропустил целый день работы. Хорош начальник, Брагинский завтра ему плешь проест, что бросил одного на передовой. И не поспоришь — на Володе вся ответственность, это его бизнес, его компания и его деньги. Но вообще-то он не жалел. Он согласился бы еще пару раз пережить безумие последних дней, пожертвовал бы работой и деньгами, если в итоге его ждала встреча с Юрой.

А о чем думал Юра, глядя на Володю? Каким его видел? Да, выглядел он сегодня не самым лучшим образом. После долгого полунаркотического сна, с кругами под глазами, бледный, растрепанный, нервный... Стоило ли всю жизнь быть педантом, всегда следить за фигурой и внешностью, чтобы в один из самых важных дней предстать перед столь значимым для него человеком вот таким?

Володя даже нервно хохотнул.

Нужно заставить себя уснуть, но без таблеток это бесполезно. Володя и раньше-то не спал без снотворного, а с такими эмоциональными качелями уснуть точно не выйдет. Но новый препарат теперь вообще не вызывал доверия. Вдруг его опять вырубит так, что и выстрел из пушки не разбудит? Он снова ухмыльнулся, глядя в потолок. Действительно — весело будет Юре, когда он не сможет утром его растолкать...

Отвернувшись от двери, Володя с головой укрылся одеялом. Спасть от мыслей это не помогло, к тому же от соприкосновения с постелью заныли спина и ягодицы.

Все должно было быть по-другому. Он должен был дожждаться окончания вчерашнего концерта, потом пробиться за кулисы, в гримерку или черт его знает, что там у дирижеров есть. Постучаться, войти, аккуратно прикрыв за собой дверь... Сказать: «Привет, Юра. Это я, помнишь? Лето восемьдесят шестого, пионерлагерь под Харьковом. Я был там вожатым. Мы любили друг друга...» И все стало бы значительно легче, проще.

Все должно было быть по-другому еще двадцать лет назад. Он не должен был отталкивать Юру и предавать его. Должен был понять, что это никакая не «болезнь», а любовь. Должен был ценить чувства — и свои, и Юрины, позволить ему приехать в Москву тогда. Ведь стоило бы только его увидеть — наверняка возмужавшего за два с лишним года, но все такого же родного и любимого, и все. Не было бы между ними километров и зря прожитых лет, не было бы срывов, обожженных рук и отметин на спине.

Потому что был бы Юра.

Или нет? Или вскоре они разрушили бы отношения, расстались навсегда, не желая больше видеть друг друга, и гостиная Володи сейчас пустовала бы?

Володя сдался. Он не мог отключиться, не мог перестать думать.

Он достал блистер с таблетками Игоря, вытащил одну, раскусил и сунул половинку под язык. Во рту разлилась невыносимая горечь. Володя попытался проглотить, но от едкого вкуса горло свело спазмом. Захотелось запить.

Он тихонько спустил ноги на пол, аккуратно сел на кровати, нашарил на тумбочке очки. Приоткрыв дверь спальни, шагнул в гостиную. Думая о том, лишь бы не разбудить Юру, сразу и не заметил тусклый свет торшера. А когда заметил, все внутри заledenело.

Юра сидел на диване, смотрел на него странным взглядом, а на его коленях лежала раскрытая старая тетрадь — «История болезни».

Володя сдержал порыв тут же рвануть к нему, забрать тетрадь, порвать ее или лучше — сжечь, бросив в тлеющий камин. Но застыл. Вгляделся в лицо Юры, пытаясь прочесть на нем понятные эмоции: злость или, может, обиду. Жалость, в конце концов. Володя не понимал его взгляда. Он был нечитаемым и таким тяжелым, что хотелось отвернуться.

Володя опустил голову, быстро дошел до мойки, налил себе воды и сделал пару глотков. Вцепился пальцами в край столешницы, зажмурился.

Под закрытыми веками мелькали страницы тетради. Он не открывал ее уже много лет, но записи оттуда вьелись в память черными пятнами. Рецепты успокоительных препаратов, направления на ложные обследования к лжепсихиатру. Записи, которые вел по его наставлению: что красивого и хорошего он видел в девушках, с которыми специально знакомился, и что плохого — в увиденных парнях. Эротические фотографии женщин и его «успехи» с ними.

Сейчас, спустя много лет, Володя понимал, что все это чушь, глупость и шарлатанство. Какого черта он вообще хранил эту тетрадку, почему не выбросил ее, как только забрал из родительской квартиры? Почему, в конце концов, просто не спрятал тетрадь, раз уж принес домой? Как умудрился попросту забыть о ней? А в итоге ее увидел Юра. Да, он уже знал из писем, как Володя «лечился», но в этой тетради в мельчайших подробностях описывалось каждое его действие.

Он сделал усилие над собой, повернулся и снова посмотрел на Юру. Не удивился бы, не окажись того в гостиной. Но Юра стоял в паре метров от него, будто боясь приблизиться.

— Прости, — сказал он виновато, сделав шаг навстречу. — Я не имел права читать, просто я подумал, что это наша тетрадь из капсулы, обложка такая же... я взял ее, а листы распались, выпала фотография, я стал собирать...

Володя покачал головой.

— Все нормально. Сам виноват, что разбрасываю вещи где ни попадя.

Он ожидал услышать что угодно, но не вину в голосе Юры. Злость, презрение, но не этот мягкий неуверенный тон.

— Ты не злишься? — уточнил Володя.

Юра сделал еще шаг, встал напротив него. Вздохнул:

— Злюсь. Ты даже не представляешь, как злюсь. Только не на тебя. На общество, которое с детства внушало, что ты ненормальный. На взрослых, которые хотели тебя «вылечить». На страну, в которой существование таких врачей вообще было возможно. И на себя. Потому что меня не было рядом.

— Нет, Юр, не надо. Не говори глупостей. Это я тогда запрещал тебе приезжать, я был таким идиотом...

Юра грустно улыбнулся.

— Мы оба хороши. Но я должен был приехать и вытащить тебя. А я...

«Вытащить» — какое правильное слово. Тогда Володя сам себя утопил, отрезал единственную нить, за которую мог бы ухватиться, а потом, идиот, жалел об этом полжизни.

Он повернулся боком к Юре, присел на край стола, посмотрел на свернувшуюся у камина Герду. Ей что-то снилось, она пару раз проскулила во сне, дернула хвостом.

Внезапная паника, охватившая его пару минут назад, отпустила. Какой же все-таки Юра добрый. В этом он остался прежним, не изменился. Вечно себя очернял, а Володю — оправдывал.

«Ты не можешь быть неправильным, это я плохой, а ты самый лучший». Интересно, продолжил бы он делать так, узнай про все те вещи, которые Володя допускал и сейчас?

И эта мысль вдруг материализовалась, будто вселенная услышала его и решила еще раз поиздеваться.

— Володя... — обеспокоенно произнес Юра. Протянул руку, дотронулся до его обнаженного плеча. — Что это?

Володя дернулся, ощутив прикосновение прохладных пальцев. Он спал в майке, а выходя из спальни, ничего не накинул поверх. И Юра увидел красный след на ключице.

— Да так, ничего... — Володя сбросил его пальцы, прикрыл ладонью кровоподтек на шее.

— Как это «ничего»? — В голосе Юры слышалась тревога. — У тебя кожа содрана, ты хоть обработал ее чем-то?

— Юр, брось, само заживет.

— Не брошу! — уперся тот. — Где у тебя аптечка?

На мгновение вспыхнуло раздражение, но Володя сдержался — не хватало еще срываться на Юру, он ведь просто проявил заботу. Но Володя привык сам заботиться о себе, тем более когда дело касалось подобных следов.

— Хорошо, сейчас. — Он дошел до шкафчика у дивана.

— Давай я сам. — Юра взял аптечку у него из рук. — Сядь.

Володя опустился на край дивана, отвернулся к окну. Под руку подвернулась черная тетрадь. Володя покосился на «Историю болезни», будто на свернувшуюся кольцом змею.

Юра подумал, что это их лагерные записи: сценарий спектакля, заметки и напутствия друг другу. Но той тетради уже давно не существовало. Володя как наяву вспомнил яркий огонек, пожирающий истлевшую бумагу, когда в девяносто шестом он пришел в оговоренную дату под иву и не встретил там Юру.

Тогда Володя сидел на берегу реки, выдирал один за другим листы, сворачивал их, чиркал зажигалкой и наблюдал, как медленно сгорают слова: строки сценария, реплики героев, несбывшееся напутствие, написанное Юркой с ошибками: «Чтобы не случилось не потеряйте друг друга», — все равно уже потеряли. Наблюдал, как сгорает самое главное имя: «Юрчка».

Потом он, конечно, пожалел. В приступе тоски по прошлому он сжег часть того, что осталось от этого самого прошлого.

Юра шуршал чем-то в аптечке, а потом подошел к нему со спины, уперся одним коленом в диван. Володя наблюдал в отражении черного окна, как уверенным движением Юра льет на ватный диск перекись водорода, аккуратно обрабатывает рану. Сначала было холодно, потом — защипало. Володя скривился от неприятного ощущения, поймал в отражении тяжелый Юрин взгляд. Затем в нос ударил резкий травяной

запах — Юра открыл тюбик с мазью. Володя замер, наблюдая за его рукой.

Мягко и нежно подушечками пальцев Юра коснулся его шеи. Почти невесомо провел по коже, с легким нажимом спустился к ключице. Володя не почувствовал боли, только трепет. И услышал, как громко стучит собственное сердце.

Юра посмотрел ему в лицо. Его взгляд изменился, стал серьезным, но на губах появилась легкая улыбка.

— Это сделал «кто-то неважный»? — произнес он так тихо, что Володя и не понял, вопрос это или утверждение.

Он не знал, что ответить — да и какая разница, правду он скажет или соврет?

— Да.

— Зачем?

Этот вопрос поставил в тупик. Если бы Юра спросил: «За что?» — но он будто бы догадался...

— Я сам попросил.

Юра промолчал. Только вздохнул и покачал головой.

Несколько минут, пока Юра осторожно обрабатывал его ссадину, показались часом.

— Еще где-то надо? — спросил он, закончив с шеей. Попытался приспустить лямку майки, задел пальцами кожу на спине. Володя скривился, резко развернулся к нему лицом.

— Не надо, — попросил он, удивившись, как прозвучал собственный голос — почти умоляюще.

«Я не хочу, чтобы ты это видел».

«Я не вынесу, если ты увидишь».

Юра возвышался над ним. Володя замер, глядя прямо ему в глаза. Столько всего смешалось в них: страх, переживание, сожаление, вина, понимание. А глаза — карие, большие, такие красивые, такие родные. У Юры дрогнули губы, будто он хотел что-то спросить, но промолчал.

И протянул к Володе руку — медленно, нерешительно. И подцепил двумя пальцами очки, снял их, отбросил на подушку.

— Юра, боже мой. Юра... — выдохнул Володя и уткнулся лицом в его плечо.

Он хотел сказать что-то еще, но запутался в мыслях, утонул в терпко-сладком аромате его одеколона, провалился в незнакомый, но

такой желанный запах. Почувствовал, как Юра положил одну ладонь на его здоровое плечо, а второй погладил по волосам. Володю окутало таким необходимым сейчас теплом.

Юра касался его волос, перебирал пряди.

— Как же ты мучился. Если бы я только знал, Володя... Как много мы потеряли, — прошептал он.

А Володя закрыл глаза, наслаждаясь теплом и нежностью его рук. Казалось, время перестало существовать — спустя пять минут, а может, спустя час Володя начал проваливаться в сон. Еще через несколько минут краем сознания ощутил, что Юра зашевелился, аккуратно уложил его на диван. И, едва голова коснулась подушки, Володя уснул.

Глава 6

Железные крылья

Ему снились пальцы, касающиеся его лица, почти невесомо они чертили линии на щеках и переносице. Но насладиться приятным сном не получилось — потревожил солнечный зайчик. Володя приоткрыл глаза, и первое, что увидел в сонной дымке, — Юрино лицо. Володя слепо прищурился, приглядываясь. Юра спал. Его ресницы подрагивали, уголки губ чуть приподнялись — должно быть, и ему снилось что-то хорошее. Эта мысль плавно перетекла в другую: то, что происходило сейчас с Володей, тоже сон. Хотелось, чтобы это видение не заканчивалось, и он ухватился за него, закрыл глаза и снова задремал.

А когда проснулся во второй раз — уже окончательно, — увидел, что диван рядом опустел. Гостиную, будто стрелы, пронзали редкие солнечные лучи, за окном голубое полотно неба затягивали тяжелые тучи. В не до конца пробудившемся еще сознании мелькнул вопрос: «Почему я спал на диване? До спальни, что ли, не мог дойти?». Следом возникло прекрасное видение: Юра в его доме, разговоры за бутылкой виски, смех, пальцы на плечах...

Володя отбросил одеяло, спустил на пол босые ноги, поежился от холода, потер переносицу. По привычке потянулся к тумбочке за очками, но тут же опустил руку. Широко открыл глаза — очки! Юра снял с него очки, перед тем как обнять...

Почти оформившуюся в сонной голове мысль оборвал звон посуды с кухни. Мир резко взорвался запахами и звуками: в нос ударил аромат кофе, послышался шум кипящей воды и тихое, но эмоциональное: «Verdammt!»^[1]

Володя обернулся, проморгался, окончательно просыпаясь.

— Прости, — виновато протянул Юра, разливая кофе из турки по чашкам. — Хотел разбудить тебя, когда будет готово... Доброе утро!

— Привет... — растерянно пробормотал Володя.

Картина мира наконец сложилась. Вчерашний день вспыхнул в памяти всеми событиями и эмоциями разом.

Юра действительно здесь! В первое мгновение эта мысль показалась настолько бредовой, что Володя захотел дотронуться до Юры — убедиться, что не спятил.

Он глубоко вдохнул, медленно выдохнул. Поднялся с дивана, поправил мятую майку. Мелькнула идея сходить в спальню, накинуть рубашку, но Володя передумал. Какой смысл? Юра уже видел... И не только видел, но и пытался лечить его поврежденное плечо. Вспомнив прикосновения его пальцев, Володя почувствовал, как по коже бегут мурашки.

Юра подошел к нему с двумя чашками в руках, протянул одну, присел рядом на диван. С улыбкой посмотрел в глаза. У Володи возникло забавное ощущение, будто это он в гостях. Проснулся на гостевом диване, а ему тут уже и кофе сварили, и Юра такой по-свойски привычный, свежий, с влажными после душа волосами, в Володиной домашней одежде.

«Будто всегда здесь и был...» — подумалось вдруг.

Юра разглядывал его с любопытством.

— Как спалось? Что снилось?

— Кое-что хорошее... Знаешь, будто я встретился со старым другом...

— И оказалось, что это не сон?

— Да. — Володя отпил кофе. — В голове не укладывается, что мы встретились.

Улыбнувшись, Юра сощурился и внимательно посмотрел на него.

— Ты всегда такой забавный по утрам? Я ведь никогда не видел тебя... эм... как сказать? — Он ненадолго задумался и протянул: — Ранним. Нет, утренним. В общем, всегда встречал уже на зарядке — собранного, умытого, причесанного. А ты, оказывается, можешь быть вот таким.

— Разобранном? — усмехнулся Володя.

У него не возникло ни малейшего желания тут же броситься к зеркалу, приводить себя в порядок. Почему-то не было стыдно за помятый вид. Володя наверняка сидел растрепанный, с мутным взглядом, еще и с этой позорной полосой на плече... Ну и что? Юра

ведь не ушел. Юра ведь здесь. Смотрит на него вот такого — и улыбается.

А еще Володя впервые за последние две недели ощутил себя по-настоящему выспавшимся. Ему было так спокойно. Не хотелось ни о чем говорить, а главное — ни о чем думать. Хотелось просто сидеть вот так: сонно моргать, медленно потягивать кофе, прогоняя остатки сна, играть с Юрой в гляделки.

В этом молчании не чувствовалось натянутости. Лишь немое понимание: никто из них не знал, какое будущее их ждет и состоится ли оно вообще. Главное, что у них уже было нечто огромное и важное — их общее прошлое. Они пронесли его сквозь года, они не забыли друг друга. Юра смог его найти. И теперь Володя ни за что не позволит им потеряться.

Юра резко поднялся с дивана, будто вспомнив о чем-то. Поставил на столик пустую чашку, сделал пару шагов в сторону окна. Володя с напряжением и трепетом наблюдал — Юра подошел к пианино, приоткрыл скрипнувшую крышку, легко, не нажимая, провел кончиками пальцев по клавишам.

— Я же обещал тебе... — обернувшись, пробормотал он.

И Володя услышал ее — чарующую, трогательную мелодию, которая звучала когда-то давно и не здесь — в другой жизни. Музыка лилась из-под Юриных пальцев, ласкала слух нежными звуками, вспыхивала яркими картинками воспоминаний.

В ней легко было утонуть, ей так сложно было поверить. Но она не мираж далекого прошлого, она действительно звучала здесь и сейчас.

Пронзив серую плотную тучу, яркий солнечный луч разрезал пространство комнаты. Володя смотрел на Юрину спину сквозь завесу пылинок и почти осязаемого света. «Это сон, очередной болезненно-приятный сон, потому что этого просто не может быть», — снова попытался обмануть его внутренний голос, но Володя ему не поверил. Теперь он точно знал, что это — реальность. Ведь заполняющая комнату музыка была той самой, единственно верной, настоящей. Такую «Колыбельную» мог сыграть только Юра.

Володя подался вперед, перешагнул через завесу из солнечного света, встал у Юры за спиной. Осторожно, практически не дыша, заглянул через плечо — полюбоваться изящными пальцами, что касались клавиш.

Он мог бы следить за ними вечно — пусть только не останавливаются, пусть всегда играют...

Едва Володя подумал об этом, как мелодия оборвалась, не закончившись. Юра убрал руки, повернулся вполоборота, чуть отклонился назад.

— Жутко расстроено. Сплошная фальшь, — сказал с улыбкой. — За инструментом следить нужно.

— Прости... — рассеянно прошептал Володя, не уловив смысла сказанных слов. Ведь Юра был так близко...

— Пустяки. Когда-нибудь она прозвучит для тебя по-настоящему красиво.

Да если бы Володя знал, что однажды на этом инструменте Юра будет играть «Колыбельную», то нанял бы настройщика пианино — пусть тот приходил бы хоть каждый день, настраивал...

Глядя Володе в глаза, Юра улыбнулся. Затем опустил взгляд, задержался на губах, медленно вдохнул.

— Ладно... Пора бы, наверное, собираться.

Он отвернулся, аккуратно закрыл крышку пианино, нежно погладил лакированное дерево.

— Во сколько у тебя самолет? — спросил Володя.

— В четыре. Край в три нужно быть в аэропорту. Но мне еще надо вернуть машину, собрать вещи и до двенадцати выселиться из гостиницы, так что времени мало.

Володя посмотрел на часы — стрелки приближались к десяти.

Его охватило знакомое, давящее ощущение неизбежности расставания. Когда знаешь, что обязательно нужно разойтись, разъехаться по своим сторонам, но так этого не хочешь, что всеми силами противишься этой мысли, гонишь ее от себя.

«Не хочется, чтобы ты уезжал, — так и вертелось на языке. — Может, останешься еще на день?»

Имел ли он право задать этот вопрос? Но когда, если не сейчас? Пройдет всего полчаса, может, минут сорок, и Юра уедет.

Но тот будто прочитал мысли Володи.

— Я бы остался, если бы не работа. Завтра надо сдать заказ, а я его еще не закончил. — Юра вздохнул. — Так что... Слушай, есть здесь нормальный путь до ворот «Ласточки»? Боюсь, что если пойду

обратно той же дорогой, то после дождя увязну в реке. Или земля уже подсохла, как думаешь?

Володя покачал головой.

— Вряд ли. А даже если и сможешь перейти — там такая грязь, что тебя потом в самолет не пустят. — Он задумался на несколько секунд и предложил: — Подожди двадцать минут — я соберусь и проведу тебя к воротам через поселок. Идти дальше, зато чисто и безопасно.

Юра кивнул. Володя скрылся в ванной.

Спустя двадцать минут он стоял перед зеркалом почти собранный. Застегивая воротник рубашки, краем глаза наблюдал в отражении за Юрой. Получалось забавно — Юра, присев на столешницу, и сам с любопытством рассматривал Володю, притом взглядами они не встречались будто специально.

— Слушай, Юр... — сказал Володя, продолжая смотреть на него. — Довезешь меня до города?

— Конечно, — ответил тот, наконец прямо взглянув ему в глаза сквозь зеркало.

— Может, пообедаем где-нибудь? — робко предложил Володя, он вспомнил, что оставил машину в Машинном дворе. — Я могу отвезти тебя в аэропорт, только заберу машину со стоянки.

Юра бодро кивнул:

— Я только за!

С Гердой он прощался минут пять. Все трепал ее по ушам и чесал мохнатую шею.

— Ну давай-давай, мы с тобой еще обязательно уви-димся...

В ответ Герда колотила хвостом по полу и радостно потягивала. Пару раз она даже попыталась облизать лицо Юры, но тот ловко увернулся.

Когда подошли к ограде коттеджного поселка, он прокомментировал, оглядывая окрестности:

— Хорошее ты выбрал место. Пространства много, воздух чистый.

— Да, — согласился Володя. — И людей мало. Это, правда, пока...

Они прошли по грунтовой дороге вдоль берега реки, пересекли ее по хлипкому скрипучему мостику, ступили на узкую тропинку. Еще пять минут по сырому, пахнущему грибами лесу, и Володя увидел припаркованную прямо в кустах серебристую «девятку». Еще несколько шагов — и они вышли к воротам «Ласточки».

Пока Юра убирал в багажник грязные сапоги и переобувался в туфли, Володя разглядывал руины того, что когда-то было прекрасным, солнечным и ярким местом.

Именно здесь Володя в последний раз видел Юру — в заднем окне уезжающего вдаль автобуса. Интересно, а сам Юра помнил, как прилип к стеклу и все смотрел на машущего ему вслед Володю? Интересно, о чем Юра думал в тот момент? Наверное, об обещанной скорой встрече. В нее Володя не верил уже тогда.

— Я готов — поехали, — сказал Юра, открывая дверь машины.

До города они добрались к половине двенадцатого. Всю дорогу не замолкали ни на минуту. Юра рассказывал, как вчера его остановили гаишники и потребовали взятку.

— И, ты представляешь, — возмущался он, — пятьсот, говорят! А я, если никто не забыл, еврей. Ох и трудно же было побороть то, что в крови!

Володя рассмеялся. Но, несмотря на царящее в машине веселье, ему не удавалось расслабиться полностью — из-за по-прежнему не решенного главного вопроса: «Что делать дальше?»

— Юр, у тебя есть электронная почта? — озвучил он свою мысль. — Нам надо как-то общаться.

— Почта есть, но это не очень удобно... — протянул Юра. — А как насчет аськи? У тебя есть?

ICQ у Володи была, но он редко пользовался ею, потому что друзья и знакомые писали либо письма на почту, либо СМС. Исключение составлял только Игорь — он аськой пользовался активно.

— Ну да, конечно. Даже на телефоне есть.

Когда они миновали Красношкольную набережную, Володя попросил:

— Высади меня здесь. Я заберу машину и подхвачу тебя у гостиницы. Идет?

Спустя полчаса Володя уже стоял на парковке перед громадиной отеля «Харьков» и через лобовое стекло наблюдал, как из дверей выходит Юра с чемоданом в руках. Володя посигналил ему.

— Интересно, — сказал он, закрывая багажник, — почему ты выбрал именно этот отель? Такой совковый...

— Откуда мне знать? — Юра хохотнул и развел руками. — Двадцать лет назад это была самая крутая гостиница города. Я

посмотрел цену — средне, так почему бы и не пожить пару дней с видом на главную площадь?

— Резонно, — отметил Володя. Он взглянул на наручные часы и сказал: — У нас есть примерно полтора часа, чтобы пообедать. Есть какие-то конкретные пожелания?

Юра задумался, оглянулся на рощу высоких деревьев, что тянулась по краю площади.

— В парке Шевченко раньше была одна пиццерия, где готовили безумно вкусную пиццу. Я с родителями ходил туда пару раз. Но это же было почти двадцать лет назад, наверняка она закрылась...

Володя пожал плечами.

— Какая-то пиццерия есть возле университета, но я не могу сказать точно, она ли...

— Да без разницы — пойдем.

Было бессмысленно ехать до парка на машине, поэтому они пошли пешком. Пересекли площадь Свободы, миновали памятник Ленину.

— Помнишь эту глупую шутку о том, что Ленин указывает пальцем на туалет? Якобы вот он, путь к светлому коммунистическому будущему, — усмехнулся Володя.

Юра задумчиво хмыкнул:

— Нет, не помню о таком. А это что, правда?

— Да. Ты же сам об этом рассказывал.

— Когда это?

— Да еще когда мы письма друг другу писали.

— Ты что-то путаешь. — Юра нахмурился, подозрительно глядя на Ленина. — Может, тебе об этом говорил кто-то другой?

Володя задумался, вспомнил и, потупившись, ответил:

— Может, и так...

Ему рассказывала об этом Света. Как он мог забыть? Но тогда Володя только переехал в Харьков и все, что узнавал об этом городе, так или иначе связывал с Юрой. Потому что это был его родной город. Неудивительно, что даже авторство глупых шуток про Ленина память Володи приписала Юре. Тем более такие шутки были вполне в его стиле.

Они шли по ровным заасфальтированным тропинкам парка Шевченко, Юра с любопытством оглядывался по сторонам: то улыбался, то хмурился.

— Все так изменилось, — сказал задумчиво, когда они проходили по мостику через овраг, по дну которого журчал тонкий ручеек. — Каких-то баров понастроили, киосков. Раньше тут было пусто.

Несмотря на будний день, повсюду шумел народ. Орала детвора, гуляющая перед занятиями в ДДЮТ, спешили на пары студенты Каразинки. Гудели свистками продавцы игрушек и сувениров, шелестели пестрые фольгированные шарики, парящие над прилавками.

— Ты хоть успел по городу погулять? — спросил Володя.

— Нет, когда мне? — Юра пожал плечами. — Я приехал всего на три дня — и то последний специально выделил для «Ласточки». Перед концертом репетировал сутками напролет. Нужно ведь было с оркестром сыгаться, прогнать программу не по одному разу. Так что только ел, работал и спал.

Они дошли до здания пиццерии — большой стеклянной коробки, скрытой в тени деревьев. На веранде были расставлены столики, но небо с самого утра затягивало тучами — мог пойти дождь. Поэтому Володя предложил сесть внутри.

Когда они расположились возле окна, Юра хмыкнул, театрально пригнувшись.

— Пахнет знакомо. Хотя как я могу помнить запах спустя столько лет? — Он хохотнул. — Но вообще та пиццерия была совсем другой. Знаешь, я еще такую классную летнюю площадку помню: там столики и стулья были высечены из бревен. Огромные круглые пни — столы, а пни поменьше, с вырубленными спинками — стулья.

Володя кивнул.

— Я помню ту летнюю площадку... — Он не стал уточнять, что приходил туда тоже со Светой — воспоминания о ней были бы сейчас лишними. — Ну а в целом какие у тебя впечатления от города детства? Харьков на что-нибудь вдохновил?

Юра уставился на него, изогнув бровь, будто его удивил вопрос про творчество.

— Неопределенные впечатления. Когда жил в Харькове, нечасто бывал в центре, хотя мой дом в двух станциях метро отсюда. Помню, что город был пустой — не в плане людей, а... серый. Рекламы не было вообще. А сейчас машин стало больше, яркие вывески повсюду. Но в целом, как по мне, сейчас Харьков мало отличается от любого

современного города мира. У него есть своя история, и ее видно... — Не закончив фразы, Юра замолк — им принесли заказ. Дождался, пока официант расставит тарелки и отойдет, и продолжил: — Сложно сказать, вдохновился ли я. Это скорее воспоминания и размышления, которые могут вылиться во что-то позже... Этот город для меня все-таки часть жизни. И то, каким я его вижу, лишь мое восприятие, след, который я оставил здесь, люди, которых я знал. А другие — вот, например, ты — видят его по-своему. Ты ведь тоже связываешь с ним что-то личное... — Он поймал внимательный взгляд Володи. — Что ты так смотришь? Думаешь: «Ой, расфилософствовался, давай уже ешь?» Ладно! — И принялся резать пиццу.

Володя прыснул со смеху и поспешил его заверить:

— Нет, конечно, я так не думаю. Продолжай, мне интересно тебя слушать.

Потом они еще пили кофе и говорили. Пытались решить, к какой кухне принадлежит съеденная пицца — итальянской или американской. Пришли к выводу, что к постсоветской — на пышном тесте, как у столовских пирожков, но при этом со вкусной ресторанной начинкой.

Юра рассказывал про свой тур и в каких городах побывал: Москве, Питере, Минске, Риге, Киеве.

Володя поглядывал на часы — минутная стрелка неумолимо ползла к двум. Хотелось остановить ее, потянуть время, чтобы еще хоть полчаса посидеть вот так и просто поговорить. Понаблюдать за Юрой. Запомнить его образ и голос так, чтобы въелись в память.

— Когда у тебя будут еще гастроли? — спросил Володя.

Юра покачал головой.

— Честно, не знаю. Это отнимает много времени, требует вложений... И не сказать, что это выгодно. Я же не занимаюсь академкой на постоянной основе... — Он мимоходом тоже посмотрел на часы и встрепенулся. С сожалением сказал: — Черт, уже и ехать пора — как время пролетело. Я тебе потом как-нибудь обязательно расскажу про все эти тонкости с гастролями.

— Хорошо, — кивнул Володя, с грустью глядя на него. — Давай обменяемся номерами телефонов и асек? Адрес электронной почты еще запиши.

— Теперь-то интернет развивается семимильными шагами. Или как там говорится? В общем, уж точно не потеряемся. Да?

На риторический вопрос Володя абсолютно серьезно ответил:

— Ни в коем случае.

К машине они возвращались под нарастающие раскаты грома. Моросящий дождь усилился так, что последние несколько метров пришлось бежать — косые струи внезапно обрушились с неба, зашумели в кронах деревьев вокруг площади, потекли грязными потоками по старой брусчатке.

По пути к аэропорту больше молчали. Володя старался следить за дорогой — ливень зарядил нешуточный, дворники водили по стеклу, ежесекундно мелькая перед глазами. Юра откинулся на подголовник и, повернувшись к Володе, рассматривал его лицо. Володя то и дело отвлекался на него, ловя прямой взгляд.

— Что такое? — в конце концов, не выдержав, спросил он.

Юра лукаво улыбнулся.

— Да ничего. Просто люблюсь. Ты весь такой солидный, в костюме, за рулем...

Володя растерялся — они расставались, но Юра явно кокетничал с ним.

Тот засмеялся.

— А почему, кстати, ты без очков? Непривычно видеть тебя без них. Линзы носишь?

— Да, — улыбнулся Володя. — Я уже давно ношу очки только дома.

— Понятно. Жаль. Мне нравился... нравились твои очки... — Юра отвел взгляд от его лица и, закусив губу, уставился вперед.

Оставшиеся десять минут дороги он так и ехал, думая о чем-то своем, настукивая пальцами по колену одному ему известную мелодию.

Скрытая за водяной завесой, внезапно показалась громада аэропорта. Чудо советской архитектуры из белого камня со шпилями. Помнится, когда Володя его впервые увидел в середине девяностых, на ум пришло только одно сравнение — сталинские высотки в Москве в уменьшенном варианте.

«Ну вот и все», — подумал он, паркуясь. Пока доставал Юрин чемодан из багажника, насквозь промочил пиджак. И, закрыв машину,

бегом бросился по ступеням под навес. Юра — за ним. Порыв ветра швырнул им в спины капли воды.

— Как думаешь, рейс могут задержать из-за непогоды? — перекидывая шум дождя, спросил Володя.

Юра пожал плечами:

— Не знаю. — Он выглянул из-под навеса, посмотрел вверх. — Вроде не обложной, вон там уже чистое небо. Сейчас на табло увидим.

Последние минуты их встречи тянулись будто намеренно долго. Володя гнал из головы ненужные сейчас вопросы: увидятся они снова или опять потеряются? Как смириться с расставанием, когда они чудом встретились спустя столько лет?

Володя наблюдал, как Юра открывает тяжелые двери, заходит в фойе аэропорта. Он шагнул следом и погрузился в гомон огромного холла: шум голосов, стук каблуков о мраморный пол отдавались эхом от стен. Володя стянул с себя промокший пиджак, идя за Юрой, глядя ему в спину.

Тот остановился, поставил чемодан на пол, посмотрел на табло. На нем горело три рейса, самый ближайший вылет в четыре: «Харьков — Минск».

— Мой вот, регистрация уже заканчивается, — сказал Юра, обернувшись.

Володя нахмурился.

— Почему Минск?

Юра пожал плечами.

— Из Харькова нет прямых рейсов до Берлина. Только с пересадкой: либо в Борисполе, либо в Минске. Этот быстрее.

Володя кивнул.

Они замерли на полминуты — молча смотрели друг на друга. Володя думал, что надо бы уже сказать нечто в духе «Пока?» или «До скорого?».

Юра сказал сам:

— Ну что, будем прощаться?

Сердце Володи укололо воспоминание — послышался собственный голос из далекого прошлого: «Мы пришли сюда прощаться...»

Юра улыбался, но сейчас его улыбка выглядела фальшивой.

— Да, — кивнул Володя. — Мягкой посадки и счастливого пути, Юра. Во сколько ты будешь в Берлине?

— В восемь по местному, значит, у тебя будет девять.

— Как только приземлишься, сразу напиши мне.

— Хорошо, напишу в аську. Или нет, лучше отправлю СМС, а то не факт, что сразу в интернет смогу выйти.

— Я буду ждать, — кивнул Володя, посмотрел на него и...

И... что? Юра стоял перед ним. Нужно хотя бы обнять его на прощание. Но ноги у Володи стали словно ватные, потому что шагнуть к нему, заключить в последнее объятие — значило отпустить его.

«Неправда. — Володя попытался убедить сам себя. — Мы больше не потеряемся, у нас есть все контакты друг друга. Вообще все, даже адреса. Все будет хорошо».

Сделав над собой усилие, он все же шагнул к Юре ближе.

— Долгие прощания — это ужасно, — озвучил тот их общую мысль.

— И не говори. — Володя покачал головой.

Юра осторожно положил ладони ему на плечи. Володя тяжело вздохнул, похлопывая его по спине.

Хотелось обнять его совсем не так — не как дальнего родственника, не как друга.

— Ты только не пропадай, Юр, — попросил он на выдохе.

Юра покачал головой:

— Не пропаду. Честное слово, больше не пропаду. — Он улыбнулся, в этот раз искренне.

Из динамиков прозвучало: «Заканчивается регистрация на рейс 452 „Харьков — Минск“».

— Ну хватит прощаться, поезжай домой, — негромко попросил Юра, ткнув его пальцами в грудь.

Володя хмыкнул:

— Это ты улетай... в свои дальние края.

Юра подмигнул ему, подхватил чемодан и направился к стойке регистрации. Володя не сводил с него взгляда, пока тот сдавал багаж и получал билет.

У входа в зал с надписью «Паспортный контроль» Юра обернулся, махнул ему рукой и крикнул:

— Герде привет!

— Хорошо, — крикнул в ответ Володя, наблюдая за тем, как массивные двери медленно закрываются, пряча за собой Юру.

Дождь почти закончился. Недавно затянутое плотными тучами небо чуть просветлело. В прорехах облаков показалась голубизна, солнце пробилось слепящими лучами.

Володя сел в машину, завел мотор. Переключил передачу, вдавил педаль газа и уехал.

* * *

Он вернулся в опустевший дом.

Прошелся по гостиной, осмотрелся. В глаза постоянно бросались следы присутствия другого человека: в раковине стояли две кружки и две тарелки, на расправленном диване лежало смятое постельное белье и плед, которым укрывался Юра, к камину почти вплотную было придвинуто кресло, на котором он сидел. Вспомнилось, как Юра жался вчера к огню. Сам Володя никогда так не делал — закаленный, он вообще редко мерз, а вот Юру пришлось согреть.

Володя взял в руки подушку и ощутил запах парфюма: сладкий, с легкой горчинкой — такой приятный. Хотелось уткнуться в нее лицом, вдохнуть Юрин запах, прочувствовать и запомнить, но Володя остановил свой порыв и резко стянул наволочку.

По комнате протопала Герда, села у ног и с любопытством уставилась на Володю.

— Чего тебе, предательница? — спросил он, вытряхивая одеяло из пододеяльника. Собака неуверенно завиляла хвостом. — Если ты спрашиваешь про него, то нет, он не вернется. А если вернется, то очень нескоро.

Закончив уборку, Володя прилег на диван. Закрыв глаза, прислушался к себе, стал гладить собаку, которая уселась на полу рядом. И ощутил лишь опустошение.

События прошедших недель будто высосали из него все эмоции: и хорошие, и плохие, образовав внутри вакуум. Только сейчас, лежа в тишине, Володя смог проанализировать все случившееся за последнее время. Смерть отца, смена должности и возросшая ответственность, отъезд матери и разговоры с ней. Свалившаяся как снег на голову Маша с ее проблемами и хлынувшие следом воспоминания, которые давно и с таким трудом были похоронены. Все это закручивалось

снежным комом и в итоге — свалилось на Володю нервным срывом. А Юрин концерт ударил по расшатанной психике финальным аккордом.

Но теперь все затихло. Впервые за много дней в памяти не вспыхивало никаких картин прошлого, на душе не было ни сожаления, ни тоски... но и радости тоже не было. Володя ощущал только одно: ожидание. Юра обещал написать, когда вернется домой, — в девять по местному времени. Володя взглянул на стену — часы показывали десять минут шестого.

Ему вспомнилась вчерашняя ночь: как они сидели на этом диване, как было тепло, как Юра обнимал его. Как щипало шею — Володя все еще ощущал призрачные прикосновения пальцев. Интересно, что значило то объятие для Юры? Володя гнал от себя любые мысли об их совместном будущем — им бы сперва не потеряться. Но все же: что значило то объятие? И Юрины лукавые взгляды, и слова с явным подтекстом...

Из размышлений его вывел телефон — пришло СМС. Володя было обрадовался, но писала ему Маша.

«Ну что, уже проводил?»

«Да, больше часа назад».

Володя нажал «Отправить», а спустя всего несколько секунд мобильный зазвонил.

— Рассказывай!

Он не собирался посвящать Машу в подробности — с какой стати, они ведь не настолько близкие друзья. Тем более что пришлось бы рассказать обо всем с самого начала: об иве, о капсуле времени и номере телефона, оставленном в ней. Все это — их с Юрой прошлое, оно должно принадлежать только им двоим.

Но скоротать время до сообщения от Юры было бы очень кстати. Володя ненадолго задумался, решая, что из произошедшего можно знать Маше, и стал пересказывать отрывки вечернего разговора: про Юрины гастроли по СНГ и общие воспоминания из «Ласточки».

— В общем, договорились, что будем с ним на связи, — подытожил Володя.

— Слушай, а дай мне его номер. Я бы тоже написала.

— Ты-то? Коневу?

— Для начала я бы извинилась, если ты об этом, — деловито сказала Маша. — Ну неужели он может обижаться двадцать лет?

— Я не спрашивал, но вроде не похоже. Ладно. Но зачем тебе Юра?

— Во-первых, просто так...

— А во-вторых? Маша, давай делись своим корыстным интересом, мне же еще объясняться, почему дал его номер.

— Плохо же ты обо мне думаешь! Уж прям корыстный... — протянула она делано обиженным тоном. — Ну... я думаю, было бы здорово иметь знакомых в Германии. Только прямо так ему не говори! Переформулируй как-нибудь...

— Все с тобой ясно. — Володя лениво улыбнулся. Вот оно — советское воспитание. Иметь знакомых за границей полезно. И пусть пока неизвестно зачем, но не мешает. — Ладно. Пришлю тебе его номер в ICQ.

— Что за «ай сик ю» такое? — не поняла Маша.

Володя вздохнул, предвидя, что разговор затянется и Маша потом не обрадуется ушедшему в минус балансу на мобильном.

— Перезвони мне на домашний, — велел он.

Их разговор действительно затянулся. Объясняя Маше тонкости пользования аськой, Володя успел вычесать Герду, поиграть с ней на веранде и полюбоваться закатом.

Под конец он спросил, как у Маши дела с Димой — ответом ему был тяжелый вздох. Они опять повздорили. Дима устроил бойкот и отказывался с ней разговаривать.

— Ставит мне ультиматумы, ты представляешь?! Требуется, чтобы я разрешила Толе у нас ночевать!

Володя фыркнул:

— И что в этом такого?

— Как что? У Димы же одна кровать в комнате.

— Поставь раскладушку или на полу постели.

— Ну елки-палки, Володя! Ты же понимаешь, что дело не в этом? Толя все равно к нему в кровать перебежит и... Ну ты понимаешь, чем они могут заняться ночью в одной кровати!

— Понимаю. И что?

— И как их остановить?

— Никак. — Володя рассмеялся. — Маш, только не говори, что надеешься их остановить, запретив ночевать вместе. Да им, наоборот,

гораздо удобнее заниматься такими делами днем, когда ты на работе.

— А если... — Она запнулась. — Ну... если...

— Что?

— Не знаю что! Ну вдруг что-то случится?

— Да что может случиться? Ну не залетит же твой Димочка, в конце концов!

— Что ты такое несешь?! — зло прикрикнула Маша.

Володя хохотнул, представляя выражение ее лица в этот момент.

Попрощавшись наконец с Машей, Володя зашел в ICQ, нашел Юру по номеру и улыбнулся, его ник показался забавным — YuriKo. Время близилось к девяти, Юра должен был вот-вот приземлиться, но в Сети его пока не было. Зато пришло сообщение от другого контакта.

«Какие люди! Надеюсь, твои дела стоили того, чтобы бросить меня в той вшивой гостинице!» — ни с того ни с сего написал Игорь, даже не поздоровавшись.

Володя, удивленно изогнув бровь, закрыл прочитанное сообщение, решив ничего не отвечать. Уж что-что, а выяснять отношения с Игорем у него сейчас не было ни малейшего желания.

Юра не вышел на связь ни в девять, ни в полдесятого. Володя несколько раз проверил звук на телефоне, зашел в сообщения — СМС от Юры не приходило. В Сети его тоже не было.

Когда Юра не появился и через час, недавно спокойный, даже равнодушный Володя начал нервничать. Еще через полчаса, когда стрелка перевалила за половину одиннадцатого, голова заполнилась тревожными мыслями, начала накатывать паника, сердце заколотилось.

Володя сходил на кухню, выпил успокоительного. Чтобы отвлечься, включил телевизор. Не помогло: мысли все равно уходили не в ту сторону. Вдруг с Юрой что-то случилось? Вдруг катастрофа? Ну бред же! По статистике, авиакатастрофы — редкость, а смертность в тысячи раз ниже, чем в автоавариях. Головой Володя это понимал, но страх в душе не утихал.

Он снова посмотрел на часы — одиннадцать. Юра все еще молчал. Успокоительное не подействовало, и Володя выпил половину таблетки снотворного.

Паника притупилась, стремительно уступая место сонливости. Володя лег в кровать. Прислушался, как Герда бродит по гостиной.

Стук когтей о паркет разносился эхом по пустому дому, и на душе у Володи тоже становилось пусто. Мысли закружились лениво, затем умолкли насовсем, Володя наслаждался покоем и тишиной.

Часы показали пятнадцать минут двенадцатого, но от Юры по-прежнему не было вестей — цветок статуса в ICQ оставался красным.

«Ты как? Все в порядке?» — написал Володя СМС и продублировал сообщение в мессенджер. Когда-нибудь Юра прочитает и ответит. А может, он на самом деле в Сети, просто спрятался за статусом невидимки? С этой мыслью Володя провалился в сон.

Он шел по пшеничному полю, приминая подошвами золотые колоски. Ветер бросал в лицо хлопья пепла, в воздухе стоял запах гари. Он сделал еще несколько шагов, почувствовал, как что-то хрустнуло под ногой — кусок оплавленного пластика. Володя поднял взгляд и увидел обломки, разбросанные почти до горизонта, а в центре поля — горящий остов самолета. Куски металла, сломанные кресла, разбитые стекла, спасательные жилеты и кислородные маски — все это валялось на земле, чадя едким дымом. В золоте пшеницы образовались черные горящие проплешины. Володя стоял и смотрел, как колоски пожирает огонь.

В поле не было людей — ни живых, ни мертвых. Володя почему-то точно знал, что разбившийся самолет был пуст, совсем пуст, но внутри росло чувство потери.

Он шел по полю, перешагивая через обломки, искал кого-то, хотя знал, что здесь никого нет...

И вдруг резко проснулся. От кошмара горчило во рту, Володя скривился, садясь на кровати.

Дотянулся до телефона, щурясь, разглядел время — пять минут первого. Нацепив очки, тут же проверил ICQ — Юра написал ему десять минут назад. Спросонья Володя подумал, что приложение заглохло, но сообразил, что сообщение написано транслитом.

«Рейс в Минске задержали, а телефон разрядился, не смог предупредить. Я только зашел домой. Чем занимаешься?»

Володя аж выдохнул от облегчения.

«Закончил работать, отдыхаю, — соврал он, лишь бы Юра не завершил на этом разговор. — А ты как?»

Ответ пришел почти сразу:

«Вот это ты трудоголик, работаешь по ночам! А я устал как собака. Кстати, как Герда?»

«Хорошо. Спрашивала, когда снова приедешь. Что ей передать?»

В ответ Юра прислал смеющийся смайлик.

Спустя пять минут неловкого молчания Володя решил не ждать наверняка неловкого ответа от Юры — иначе тот не отшучивался бы смайликами — и написал сам:

«У нас уже почти час ночи, я спать. Во сколько завтра напишешь?»

«У нас разница во времени — час, значит, напишу тебе примерно в 9:10–9:30 по вашему времени».

«Ничего себе немецкая точность!»

«Завтра объясню, что к чему, — ответил Юра и снова послал смайлик — не смеющийся, обычный. — Сладких снов!»

«Буду ждать. Спокойной ночи».

Но стоило только снять очки и отложить телефон, как тот снова пиликнул. Володя, с улыбкой вздохнув, потянулся к нему — Юра забыл еще о чем-то сказать?

«Что молчишь, динамщик?»

Володя растерялся, не сразу сообразив, что сообщение пришло вообще не от Юры.

«Игорь, уже ночь!»

«Но ты же не спишь, иначе почему я вижу тебя онлайн? Я все еще жду ответа на свой вопрос! Какого черта ты бросил меня в той вшивой гостинице?!»

Володя раздраженно выдохнул. Это что же получалось? Значит, Игорю можно было уходить в любое время и бросать Володю одного, если вообще не выгонять из квартиры полууголого? А стоило один раз так же поступить Володе, так все — враг номер один?

Володя сердито защелкал кнопками.

«Ну конечно, дорогой, в своем-то глазу и бревна не видно, да?»

«О чем это ты? — быстро ответил Игорь, но на этом не остановился: — Я вообще-то все делал, как ты хотел! Ты сам попросил и был не против...»

— Да пошел ты... — прошипел Володя себе под нос и напечатал:

«Если так горит кому-то засадить, то иди порадууй жену!»

Он вышел из ICQ и отложил телефон. Чертов Игорь испортил настроение. Теперь, вместо того чтобы спокойно уснуть, думая о

приятном — о том, что Юра ему завтра напишет, о том, что Юра вообще снова появился в его жизни, — Володя думал об Игоре.

* * *

В их первую встречу Игорь был совсем другим — не таким раздражающим и навязчивым. Наоборот, с ним было легко, он показался Володе раскрепощенным и честным с собой. Правильным. Это даже вызывало зависть. И тогда, в девяносто восьмом, их знакомство многое изменило в жизни Володи.

Он совсем отчаялся — иначе нельзя было объяснить, как он вообще забрел в тот клуб. Володя расстался со Светой почти два года назад и все это время жил как в тумане: не понимая, зачем вообще держаться на плаву и есть ли смысл пытаться двигаться дальше.

Он слышал об этом клубе — из насмешливых, даже презрительных рассказов коллег. Неприметная железная дверь в переулке на Пушкинской, за которой гремела музыка. Там не было даже вывески, но Володе хватило одного взгляда на курящих рядом людей, чтобы понять, для какой публики предназначалось это заведение.

Два парня у входа бросили на него липкие оценивающие взгляды. Вздвогнув от отвращения, он вошел внутрь, спустился по ступенькам, оказался в небольшом подвальном помещении. Володе там сразу не понравилось: тесно, накурено, душно. Музыка била по ушам, свет прожекторов выхватывал из темноты лица — мужские и женские, пьяные, искаженные тенями. И все те же липкие взгляды, их хотелось смыть с себя. По углам жались парочки, но во вспышках света невозможно было увидеть картину целиком, только детали: руки под одеждой, сплетающиеся языки, полуобнаженные тела. На небольшой сцене у дальней стены — два шеста, на которых извивались практически голые парни — молодые, возможно, подростки, с купюрами в трусах.

Все это вызывало такое омерзение, что хотелось опрометью броситься оттуда. Но в то же время нутро приятно сжималось, что-то заставляло стоять на месте и наблюдать. Все это было отвратительно, но не внешней оболочкой, а содержанием: сколько бы Володя ни сопротивлялся, его влекло. И именно это притяжение отравляло сильнее всего: ему нравилось смотреть на обтянутые яркими тряпками

задницы, на капли пота, стекающие по коже. Ему хотелось стать частью творящегося безумия.

Кто-то задел его плечом, проходя мимо, Володя отшатнулся в узком проходе, случайно прижавшись к кому-то спиной. Он еще не успел сообразить, что произошло, как ему уже горячо задышали в ухо, а чья-то теплая сухая рука забралась под футболку. Тело отозвалось моментально — сладко-терпкой волной желания. Но следом за ней хлынула вторая — волна животного ужаса. Володя вырвался из объятий, ожидая сопротивления, но оказалось, что его никто не держал.

Он быстро взбежал по ступенькам вверх и вылетел на улицу. Вдохнул теплый сентябрьский ночной воздух, который показался ему морозно-свежим, споткнулся о низкий порог перед дверью и чуть не упал. Кто-то его подхватил поперек живота, помогая удержаться на ногах. Он развернулся и увидел Игоря.

Конечно, тогда Володя еще не знал его имени. Просто парень — на вид лет двадцати пяти, может, чуть старше. Непонятного цвета волосы, то ли светло-русые, то ли желтые, серые глаза, совершенно обычное, незапоминающееся лицо. Зато щегольской прикид: клетчатая рубашка поверх белой майки, бордовые брюки.

— Аккуратнее, дорогой, так же и убиться недолго, — сказал он, убирая руку. Кивнул на двери клуба, спросил: — Первый раз здесь?

Володя чуть подобрался, одернул футболку.

— С чего ты взял?

— Я вас, новичков, всегда узнаю по испуганному взгляду. — Он по-доброму рассмеялся и достал из кармана пачку зеленых More. Сунул тонкую коричневую сигарету в рот, предложил Володе, тот отказался.

Тогда еще Володя считал, что Игорь особенный, но этот образ очень быстро начал рушиться. Да, с ним было очень просто: говорить, открываться, доверять. Он поддерживал, давал советы, а главное — не осуждал.

Но по-настоящему влюбиться в Игоря так и не получилось — и даже хорошо. Хорошо, что их отношения лишь с натяжкой можно было назвать отношениями. В большей мере это была дружба с привилегиями. Володю влекло к его телу, он действительно сходил с ума, дорвавшись наконец до того, что запрещал себе столько лет.

Правда, был момент, когда Володю все же потянуло не только телом, но и душой. Показалось, что можно все-таки жить по-нормальному. Снять квартиру и если не переехать в нее вдвоем, то хотя бы перестать прятаться по углам клубов и номерам гостиниц. Но как раз тогда у Игоря родилась дочь, и он признался, что женат.

Володя очень хорошо помнил свою реакцию — потому что ее не было. Игорь что-то объяснял: что не любит Лиду, что так получилось по залету и ее родители настояли на свадьбе, а он же не совсем козел, не может же ребенок без отца расти. Володя лишь понимающе кивал. И когда Игорь, взяв его за руки, с надеждой спросил:

— Мы же не расстанемся? Это же не значит, что мы должны все прекратить? Ты мне дорог, Вова! — Володя кивнул и на это тоже.

Они стали видаться реже. Вскоре Игорь начал противоречить сам себе и обещать, что, только Соня подрастет, он расстанется с женой. Володя понимал, что Игорь вряд ли сдержит слово, но все равно верил ему. Потребовался целый год, чтобы убедиться: их «отношения» с Игорем никогда не вырастут во что-то большее, сколько бы тот ни клялся, что разведется и останется с ним. Да и Володе это уже было не нужно. Однажды вспыхнувший огонь погас, и разжечь на его месте новый не было никаких шансов.

А окончательно все испортилось, когда Володя узнал о профессии Игоря. Тот всегда избегал этой темы, а Володя и не настаивал — что толку слушать болтовню, если его интересовало в Игоре совсем другое? Но в какой-то момент тот просто не смог уйти от прямого вопроса.

Оказалось, Игорь скрывал, что работает психиатром, — решил, будто Володя не сможет довериться ему после пережитого в молодости. И оказался прав. Сразу стало ясно, почему с ним было так легко говорить и так легко открываться.

— Так ты мне в голову лазил, мозгоправ хренов? — злился Володя.

— Вова, я никогда не пытался тебя лечить, врачебная этика не позволяет мне иметь отношения с пациентами! Я просто хотел помочь!

А ведь и правда помог. Благодаря общению с Игорем Володя смог наконец твердо встать на ноги. Он нашел себя в работе. Впереди маячил проект «Ласточкиного гнезда», который требовалось еще отвоевать у отца. Жизнь обрела смысл, а Володя — равновесие.

Вскоре они расстались. Надоели метания Игоря между ним и семьей, постоянные обещания, которым Володя не верил ни на йоту. А признание касательно работы стало последней каплей.

Игорь тогда просто кивнул и сказал:

— Ну ладно, как знаешь. — И на время исчез из его жизни.

Но спустя полгода позвонил и просто сказал:

— Привет! Ты уже перестал беситься? Может, встретимся?

Володя подумал тогда: «А какая вообще разница?» Он сам не понимал, хочет ли с кем-то нормальных отношений, а даже если и хотел — искать такого человека у него не было ни времени, ни желания. А для секса пару раз в месяц подойдет и Игорь. Как приятный бонус — разговоры и изредка, перед гостиницей, ужин.

За восемь лет Игорь узнал о нем слишком много: об отношениях в семье, о редких панических атаках и тяге к самоистязанию, о хронической бессоннице. В конце концов, именно Игорь уже лет пять выписывал ему рецепты на снотворное. В какой-то степени все это давало ему некую власть и возможность манипулировать Володей. И иногда Володя замечал такие попытки — непонятно, подсознательные или осознанные. Игорь с годами менялся — становился порывистее, резче, навязчивее, требовательнее. И чем больше он менялся, тем сильнее отдалялся Володя. За восемь лет они расставались как минимум четырежды — и каждый раз Володе все проще и проще было говорить Игорю: «Прощай». Потому что ему было комфортно с Игорем, пока совпадали их желания, а в последние годы Володя все меньше понимал, чего тот от него хочет.

«Расстанусь с женой, и мы будем вместе!»

В это уже давно никто из них не верил. А Володе это и вовсе не было нужно. Его вполне устраивали сложившиеся отношения. До случая перед Юриным концертом.

Что бы сказал Юра, узнай он подробности его связи с Игорем? Нет, посвящать его в это нельзя ни в коем случае. Любой нормальный человек осудил бы их: такие отношения неправильные. У Игоря семья, ребенок, а Володя просто любовник, который поощряет измены.

Но Юра ведь об этом никогда и не узнает?

Глава 7

Всемирная паутина

Володю позабавило обещание Юры написать в точное до минут время. Он даже решил, что тот пошутил, но нет. Наутро, едва переступив порог своего кабинета, Володя получил сообщение от контакта YuriKo:

«С добрым утром!»

«Здравствуй! Ничего себе ты пунктуальный!» — ответил Володя — часы показывали двенадцать минут десятого.

«Ну так это же я, — написал Юра, добавив смайлик в темных очках. — Как ты?»

«Я — хорошо, выспался. А ты? Приятно вернуться домой?»

«Конечно, приятно. Здесь все знакомое, привычное, свое. Правда, пустовато. С собакой было бы веселее».

«Тут ты прав, но собаки требуют много внимания: гуляй, играй, дрессируй, — написал Володя и, стараясь не выглядеть слишком серьезным, а то и скучным, добавил: — Чеши пузо».

«Чесать пузо, наверное, самое утомительное?» — поддержал его шутку Юра.

«Не то слово!»

«То есть в идеале у меня должна быть собака, я сам и кто-то, кто будет за ней следить?» — спросил Юра, поставив в конце сообщения хохочущий смайлик.

Володя улыбнулся. Он представил себе Юрино «в идеале», и сердце приятно сжалось.

«Я ни на что не намекаю, — написал он в шутку, — но у меня в этом есть кое-какой опыт».

«Опыт в уходе за собаками? Или в уходе за тем, кто ухаживает за собаками?»

Разумеется, он не мог видеть его лица, но был уверен, что в этот момент Юра лукаво улыбается. Тогда Володя ответил:

«Только за Гердой. Но, знаешь, она ведь и за мной ухаживает тоже: заставляет бегать по утрам, перестирывать верхнюю одежду чаще, чем нужно, ну ты понимаешь...»

«Уф, спасибо, развеселил. Классная у тебя собака. Вообще вы с ней оба классные».

«И ты, Юр», — написал было Володя, но удалил, так и не отправив.

Ненадолго замолчали. Володе позвонил Брагинский, предупредил, что скоро зайдет. Но ни работать, ни тем более прощаться с Юрой не хотелось. Володя тянул до последнего.

Написал:

«Что сейчас делаешь? Какие планы на день?»

«Сижу на кухне, пью кофе. В девять пойду работать. В смысле, в девять по моему времени. А чем ты будешь заниматься?»

«Мне нужно отрабатывать отгулы и сдавать долги».

«Долги? Ты же начальник! Кому это ты должен?»

«Как раз из-за того, что начальник, я должен всем».

Пусть этот разговор и походил на бессмысленный треп, пусть и не в Володином стиле было чатиться, но эту переписку он не считал пустой тратой времени. Наоборот, сейчас для Володи не существовало ничего важнее нее. Потому что — подумать только! — в эту самую минуту Юра, самый дорогой человек его прошлого, делал то же, что и Володя: думал о собеседнике. Володя представил, как он сидит на кухне с чашкой кофе, задумчиво хмурится, а затем улыбается, тут же набирая сообщение. Юра думает о нем прямо сейчас. Между ними почти две тысячи километров, но он будто совсем рядом.

Юра ответил ему смайликом — желтый колобок печально вздохнул. Володя поймал себя на мысли, что его начинает раздражать Юрина привычка вместо слов отвечать смайлами. С другой стороны, стало ясно, что разговор заходит в тупик, и это заставило Володю взять инициативу в свои руки.

Он напомнил:

«Юр, ты писал вчера, что расскажешь, почему сообщаем такое точное время».

«Я живу по режиму. Работаю дома, сам себе начальник, но работа у меня творческая, а лень — сильная. И еще я очень люблю откладывать

все на потом. Но в моей профессии не сделал — не заработал, не заработал — не поел».

Володя приятно удивился, но в ответе немного преувеличил восторг — ему захотелось похвалить Юру:

«Должно быть, это очень трудно — жить по режиму. Это ж какую силу воли надо иметь. Вот ты молодец!»

Юра набирал сообщение долго.

«Это правда тяжело. Отступать от него нельзя ни при каких обстоятельствах. Чтобы писалось хорошо, надо заниматься не меньше семи часов в день. Во всяком случае, так надо мне, у других может быть по-другому».

«Ты сам составил этот график или перенял у кого-то?»

«Конечно, сам. Года два составлял и привыкал потом еще месяцев восемь».

«И вообще не отступаешь от него?»

«Вообще. За последние три года ни разу не нарушил».

«Вау...» — только и смог ответить Володя.

Задумался, что еще написать, как выразить свой теперь уже неподдельный восторг, но размышления прервал вошедший в кабинет Брагинский. Протянул Володе руку, здороваясь, положил на стол толстую пачку бумаг.

— Они нам, конечно, красивый отчет по трудозатратам нарисовали. Так с виду и не скажешь, что пытаются нас нае... — Брагинский осекся — в кабинет зашла Лера, поставила кофе на столик и удалилась. — Обмануть.

Володя поднял руку в успокаивающем жесте.

— Ничего, найдем к чему докопаться. Садись.

Пока Брагинский, пыхтя, устраивался на диване, Володя набрал сообщение Юре, но не успел отправить — тот написал сам:

«Так. У меня по моему шикарному графику... — смайлик в темных очках — ...работа до часу дня по Киеву. Потом обед. Могу написать в 13:20. Тебе будет удобно?»

«Конечно! Пиши! Буду ждать!»

Юра прислал в ответ смайлик «Окей», и Володя, опомнившись, быстро набрал:

«Скажи, где можно купить твою музыку?» — он затаил дыхание в ожидании ответа, но Юра вышел из Сети.

Володя черкнул в ежедневнике: «Узнать график Ю», отпил кофе, взял в руку карандаш и открыл отчет.

Работа кипела, задачи текли нескончаемым потоком, каждые двадцать минут в кабинет кто-то стучался. Володя сидел вымотанный. От каждого скрипа двери, письма или звонка внутренне восклицал: «Оставьте меня в покое!» Но, как назло, дел только прибавлялось и прибавлялось. Все было не так — он даже сидеть уже не мог: спина от ключиц до ягодич ныла, напоминая об Игоре. Хотелось лечь. А мысли вертелись вокруг одного: скорее бы дожить до обеда.

В час с небольшим Володя выгнал всех из кабинета. Заказал еды прямо в офис, стал ждать сообщений. Прилег на диван, задумался.

Охвативший его психоз не прошел окончательно, но Володя чувствовал себя спокойнее. Стыд и чувство вины тлели глубоко внутри, но не рвались наружу так отчаянно и бесконтрольно, как на прошлой неделе. А на душе все равно скребли кошки. Володю мучали новые вопросы и новые тревоги, новые сладкие воспоминания, новый Юра.

Что между ними будет дальше и есть ли вообще у них будущее? Володя не знал. Единственное, в чем он был точно уверен: Юру отпускать нельзя. Конечно, он изменился, а насколько сильно — еще предстояло выяснить. Но дело было даже не в том, насколько нынешний Юра отличался от подростка, которого когда-то любил Володя. Теперь вопрос в другом: нужен ли ему взрослый Юра? А наоборот? Безусловно, с годами они оба изменились, возможно, их уже ничего не связывало, но после той ночи к Юре потянуло так сильно. Его изящные движения, пальцы на обнаженной спине, чудесный запах, жесткие волосы, темно-карие глаза, голос, речь, акцент, мягкие «ф» и «х» — все такое знакомое, но совершенно другое, необычное и притягательное. За проведенное вместе время Володя заметил в Юре кое-что новое, чего никак не ожидал обнаружить в хулигане Коневе, — жеманность. Но она ничуть не раздражала, даже наоборот — необычайно ему шла. Обо всем этом хотелось думать, хотелось представлять его снова и снова, вспоминать его прикосновения и, быть может, даже вообразить, чем эта ночь закончилась бы, дай Володя себе волю.

Из размышлений его вырвал звук сообщения ICQ. Володя распахнул глаза, бросился к ноутбуку, прочел:

«Я, конечно, могу узнать список магазинов, но давай сделаем по-другому: я просто пришлю тебе диски по почте?»

Настроение тут же поднялось, а иссякшие было силы вернулись как по волшебству. Володя улыбнулся.

«Только если с автографом!»

«Договорились. Вечером поеду сдавать заказ, прихвачу диски и постараюсь сегодня же отправить».

«Что за заказ?»

«Саундтрек, как обычно».

Принесли обед, и Володя принялся одной рукой есть, а второй — набирать текст. Дважды опечатался, дважды исправил, отправил Юре:

«Подожди, так этим ты занимаешься? Пишешь саундтреки на заказ?»

«Это мой основной способ заработка. А что? Скажи еще, что разочарован?»

«Нет, просто я ничего не понимаю в вашем композиторском ремесле».

«А разве это не логично? Все композиторы писали на заказ. Раньше для опер и балетов. Сейчас еще для кино, сериалов, игр, рекламы и прочего».

Володя не знал, как это сообщение прозвучало бы вживую, но показалось, что Юра рассердился. Надо было исправлять ситуацию.

«Юр, мне просто очень интересно, чем ты живешь, — со всей искренностью написал Володя. — У нас было мало времени обсудить это лично, я не успел спросить всего. А текстом я выражаюсь... ну... не очень».

Ответ пришел быстро:

«Я вижу».

Володя едва не прорычал от досады:

— На что в этом чертовом сообщении можно было обидеться? Что я написал не так?

Он ценил возможность переписываться молниеносно. Им бы молодым общаться в ICQ как сейчас — столько ошибок могли бы избежать. Но в быстрой переписке короткими сообщениями скрывались подводные камни: это только текст, толком не обдуманный, не передающий ни интонаций, ни истинных эмоций. Не через слово же смайлики вставлять.

Но было бессмысленно сердиться на бездумно написанную фразу. Сделанного не воротишь, а если Юра обиделся, значит, нашел на что и Володя в любом случае неправ.

«Теперь я тебя даже спрашивать о чем-то боюсь», — набрал Володя и, немного поворчав, отправил смайлик с большими грустными глазами.

«Спрашивай уж, раз начал», — смилостивился Юра. Володя уловил в его ответе иронию.

«На концертах ты тоже играешь саундтреки?»

«Нет. Права на заказы мне не принадлежат. И вообще, что ты пристал к саундтрекам? Мне заказывают не только их. А еще я пишу для себя, с этим и выступаю».

Володя решил — эту тему нужно немедленно закрыть, но Юра уже разошелся. Не меньше минуты Володя наблюдал, как тот набирает сообщение.

«Сразу пресекаю кучу вопросов. Да, я закончил консерваторию и стал пианистом, но понял, что в Карнеги-холле мне не выступать — не хватит ни терпения, ни таланта. Я плюнул на академическую музыку. Мне проще жить, ковыряясь с заказами, чем выступать на конкурсах, преподавать и заниматься всем прочим, что идет рука об руку с академом. Я думал, что это мое, но ошибся. Было жалко нескольких лет жизни, но от правды не уйти. Я начал заново».

Володя покачал головой.

«Поражаюсь силе твоего характера. Ты правильно поступил. Занимайся тем, чем тебе больше нравится. — И добавил: — Только не злись на меня».

А в ответ — опять смайлик.

— Блин, Юра! — воскликнул Володя. — Ну что за привычка дурацкая?!

Стал размышлять, как его попросить прекратить отвечать рожицами, но решил, что под горячую руку лучше не лезть.

«Что будешь делать вечером?» — спросил он.

«Работать. А потом пересматривать „Властелин колец“».

«Любишь фэнтези?»

«Не очень. Я смотрю кино в целях саморазвития. Полезно слушать не только свое, тем более что во „Властелине“ композитор провел отличную работу с лейтмотивом. Если не сказать гениальную».

Володя даже выдохнул от облегчения — похоже, склока улеглась.

«А в чем именно гениальность? Расскажи, я вечером тоже посмотрю».

«Не стоит, этим я тебе только голову заморочу».

«Морочь на здоровье. Мне очень интересно тебя слушать. Только объясни попроще», — ответил Володя, спешно ища в интернет-энциклопедиях, что такое лейтмотив.

Пусть он и имел представление о лейтмотиве, но подозревал, что его знания примитивные, поверхностные, возможно, даже ошибочные. А общаясь с настоящим профессионалом, термины нужно знать. Володя нашел статью, стал читать, но тут же бросил — в строки текста содержалась целая куча неизвестных понятий.

— М-да... — Он покачал головой, осознавая свою беспомощность. Сколько еще Володя не знал о вещах таких же естественных и привычных для Юры, как слова вроде «хлеб» и «утро» для всех остальных? Он что, не сможет полноценно общаться с Юрой, не заглядывая в энциклопедию? Узнавать, как у него прошел день, без шпаргалки?

Нет, это никуда не годилось! Нужно было узнать хотя бы основы, прочесть учебник.

Тем временем Юра ответил:

«В двух словах — это симфония для чайников. Посмотри фильм с закрытыми глазами — и по саундтреку все равно поймешь сюжет. Музыка рассказывает его в той же степени, что и визуальный ряд. И даже больше — музыка его предсказывает».

Только они начали обсуждать безопасную и весьма интересную для обоих тему, как настало время работать. Пришлось прерваться. Они договорились списаться в восемь.

Володя вернулся домой, вооруженный дисками с фильмом и двумя книгами: учебником по теории музыки и монографией о музыкальном мышлении — вторая особенно его заинтересовала.

В двадцать ноль девять Юра отпартовал, что отправил диски со своими записями. Следом прислал огромное сообщение с анализом саундтрека к трилогии «Властелин колец» и еще два — про лейтмотив «Братства кольца». Володя прочел их трижды, а во время просмотра фильма — или, вернее сказать, прослушивания — перечел еще несколько раз.

Никакое другое кино не было таким интересным и одновременно утомительным, ведь пришлось очень сильно напрягать внимание. Таблетки, что прописал ему Игорь, помогали спать, но делали Володю заторможенным. Он стал спокойнее, но и уставал быстрее — за прошедший рабочий день несколько раз ловил себя на мысли, что мечтает поспать. Но все-таки вялость была меньшим из двух зол. Уж лучше так, чем находиться на грани истерики.

Фильм оказался неожиданно длинным, и Володя лег поздно. Выпил снотворное и мгновенно уснул.

Проснувшись позднее обычного, с трудом продрав глаза, Володя сел в машину и обнаружил еще один минус своего состояния: плохая реакция за рулем. Пришлось ехать медленно и очень осторожно.

Поэтому, когда он вошел в офис, Юра уже ждал его в ICQ больше двадцати минут.

«Что вчера писал: свое или на заказ?» — спросил Володя, когда они обсудили «Братство кольца».

«Вчера получил сценарий, только сел разбирать, как его отозвали. Будут вносить правки».

«Тебе сценарий дают?»

«По-разному. И отбирают тоже, как видишь. Ну ладно, как говорится — нет добра без худа. Или говорится не так? Забыл... В общем, пока переделывают, у меня есть время писать свое».

«Начинаешь новое или продолжаешь старое?»

«Новое».

«Случайно не поездка в „Ласточку“ вдохновила?»

«Угадал! Вдохновила — и на редкость сильно. Тишина в ней какая-то особенная, она говорит больше, чем звук».

Володя написал: «А я вдохновил на что-нибудь?» — но тут же удалил и отправил другое:

«Что это будет? На каком инструменте, в какой форме и так далее?»

«Хочу написать еще одну симфонию. Но теперь нечто светлое, ностальгическое. Столько раз начинал, но не заканчивал. Симфония в принципе сложное произведение, роман в музыке, над ним придется очень долго работать. А по задумке новое произведение должно быть автобиографическим, а значит, потребует массу сил и нервов».

«Здорово, Юр! Вот бы послушать».

«Пока рано. У меня только наработки. Экспериментирую».

«Когда напишешь какой-нибудь кусочек, дашь послушать?»

«Посмотрим, как ты будешь себя вести», — ответил Юра, и Володя уже знал, что вдогонку получит смайлик.

* * *

В легкомысленных разговорах ни о чем прошел сентябрь. Все это было забавно и непривычно для Володи. Так много он не общался в Сети ни с кем, даже с Игорем. В Юре Володе нравилось все: от его точности до — пусть он и не признавался себе в этом — смайликов. Но в глубине души Володя понимал, что они пишут друг другу только для того, чтобы не потеряться снова. В остальном переписка была, по сути, бессмысленна, ведь дальше нее все равно ничего не пойдет.

А разговоры с каждым разом становились бессодержательнее и короче. Мысль о том, что рано или поздно темы попросту закончатся, пришла к Володе неожиданно. Перед сном, лежа в кровати, он по привычке заглянул в ежедневник — вспомнить, какие дела ждут его завтра, полистал книгу по музыкальному мышлению и выяснил, что в ней в основном идет речь о мозге, поэтому решил отложить ее на потом. С большим трудом прочел две главы музыкальной теории, ничего не запомнил, зато убедился, что вечером ему не удастся нормально усваивать информацию. Убрал книги в сумку, чтобы читать их днем, в перерывах на работе.

Он выпил снотворное и стал ждать, когда то подействует. На душе было беспокойно: его мучили мысли не о встречах, отчетах и распоряжениях, а о переписке — о чем говорить завтра? Не про теорию же музыки, это глупо. И еще глупее — про работу. Одно успокаивало: когда придет посылка от Юры, он точно найдет, о чем рассказать. Но в подсознание закрался страх: пусть они с Юрой и могли обсудить все вещи в этом мире, но рано или поздно им станет не о чем говорить, станет сложно писать друг другу.

Что будет делать Володя, когда все темы закончатся, а новых не найдется, потому что они далеко друг от друга и живут совершенно разными жизнями? У них нет общих увлечений, есть только прошлое, но нет настоящего и будущего. Володя не мог позволить себе снова потерять то, что было так важно.

И, видимо, Юра думал о том же самом. Он находил темы из ниоткуда: присылал фотографии того, что его окружает: домов, сада,

каких-то церквей, — и писал об увиденном сегодня. Однажды прислал фотографию метронома с надписью «Работаю».

Их общение стало выглядеть невероятно жалко. Наверное, Юра считал так же, но упрямо продолжал писать, даже когда было очевидно, что он теряет интерес. Каждый день в строго отведенное время — утром в девять, в обед и вечером в восемь — он отправлял бессмысленные сообщения и глупые фотографии.

Володя ждал его посылку как никогда. Он уже потерял всякую надежду получить Юрину музыку, но все-таки дождался — седьмого октября в дверь позвонил почтальон и передал ему коробочку с двумя дисками, подписанными косым почерком.

На первом Володя прочел: «Володьке от Юрки». На втором: «Моему особенному другу». Сердце сжалось. Володя даже не сразу осознал, что держит в руках годы Юриных мыслей, облеченных в музыку. Его опыт и чувства — все было здесь.

«Я получил твои диски. Не могу найти слова, чтобы выразить, что чувствую, держа их в руках», — отправил Володя в офлайн. Была суббота, он скучал дома, но Юра работал по привычному графику и ответил бы не раньше, чем через пару часов.

Володя включил музыку и перечитал свое сообщение. Оно показалось ему таким нелепым, что пришлось добавить:

«Ненавижу аську. У меня не получается текстом передать то, что хочу. Все как-то расплывчато и безэмоционально».

Через два часа пришел ответ:

«Володь, ты не хочешь созвониться?»

«Хочу. Когда? Сейчас?»

«Когда хочешь. У тебя есть скайп?»

«Нет. Я на мобильный наберу».

«Погоди, не спеши. На мобильный не надо — это очень дорого».

«Цена — это не аргумент. На пять минут денег хватит».

«И какой толк от пяти минут? Лучше установи себе скайп, поговорим нормально. Можем даже с видео, если твой интернет позволяет».

Володя слышал о скайпе, но никогда им не пользовался. Где-то явно таился подвох — видеозвонки, да еще и бесплатно. Впрочем, Юра быстро расставил все точки над *i* — для скайпа требовался быстрый интернет, которого в «Ласточкином гнезде» не было и пока не

предвиделось. Но в офисе такой интернет был. Дорогой, не безлимитный, но быстрый. Главное, звонить, когда все сотрудники разойдутся по домам, чтобы не делить с ними скорость.

«Завтра поеду в офис. Буду ждать от тебя команд, что нужно сделать, чтобы тебя увидеть».

«Хорошо», — ответил Юра и задал универсальный вопрос, от которого Володю уже мутило. Правда, без него их общение прервалось бы еще месяц назад:

«Что ты сегодня делал?»

«Отдыхал, — сухо ответил Володя. И вдруг вспомнил свою старую и, как он считал, дурацкую идею, о чем поговорить. Подумал, кивнул сам себе — пусть дурацкая, зато тема. — Читал книгу по теории музыки».

Юра ответил не сразу — прошло несколько минут, прежде чем Володя получил:

«Зачем это тебе?»

«В смысле? Ты же музыкант, как нам говорить о твоей жизни, если я ничего не знаю о музыке?»

«Зря ты так шутишь».

«Я не шучу. — Володя сфотографировал книгу. — Прими файл».

Он увидел, что Юра скачал фотографию, и стал ждать ответа. Но Юра не отвечал даже слишком долго.

«Ты где?» — поторопил Володя и получил мгновенный ответ. Юра будто повторил его сообщение:

«Иногда я тоже ненавижу аську. Когда надо думать, что собираешься сказать, формулировать».

«Для меня ничего формулировать не надо, просто скажи, что на уме», — написал Володя, но ждать все равно пришлось. Юра набирал сообщение не меньше пары минут.

«Мне очень приятно. Никто никогда не интересовался, чем я живу, настолько, что даже книги бы читал. Ну то есть по-настоящему интересовался. Музыка не просто важна для меня, она — это и есть я сам. Даже близкие не понимают, как много она для меня значит, хотя спрашивают, но ты вот... Книги читаешь ради меня. Я такого не ожидал».

«Не ожидал от меня? Это еще почему?»

«Вообще ни от кого не ожидал».

После таких слов Володя пообещал самому себе не только закончить обе эти книги, но и прочесть как минимум десяток-другой. До этого разговора теорию музыки в будни он оставлял на работе, но на выходные брал домой, так что она всегда была с ним. Но теперь Володя положил в сумку и вторую книгу, показавшуюся ему бесполезной и слишком сложной, — о музыкальном мышлении. Ему хотелось изучить все, даже косвенно касающееся музыки. Тем более книгу о том, как работает мозг музыканта.

Подозревая, что придется долго возиться с установкой скайпа, Володя приехал в офис с утра. Охранник, привыкший, что начальник и раньше работал без выходных, не удивился, открывая ему дверь. Володя вошел в кабинет, по Юриной инструкции стал скачивать и устанавливать скайп. Дело шло медленно, и, пока ждал, Володя на удивление продуктивно поработал. Затем взялся за книгу по теории музыки, но, не успев начать, отвлекся на сообщение в ICQ.

Это был Игорь, он снова даже не поприветствовал Володю.

«Ты вообще собираешься мне писать?»

«Сам бы написал, если заждался», — равнодушно ответил Володя. Не хотелось даже вспоминать о нем, а общаться — и подавно. Тем более что, судя по всему, тот собрался выяснять отношения.

«Значит, извиняться ты не собираешься?»

«Я? Я должен извиняться? Перед тобой? Игорь, ты что-то путаешь», — быстро набрал Володя, увидев, что Юра появился в Сети.

Володя открыл окно чата с YuriKo и прочитал:

«Привет! Вечером все в силе?»

«Здравствуй! — ответил он. — Да, специально приехал в офис пораньше. Устанавливаю».

«И как успехи?»

«Жду письма с подтверждением регистрации. Книжку читаю».

«О! Ну и как, готов к экзамену?»

«По теории музыки? А можно мне автомат?»

Юра прислал хохочущий смайлик, Володя улыбнулся.

В другом окне, в чате с Игорем, тоже пришло сообщение. Володя переключился на него, прочел:

«Ты меня кинул в гостинице, просто взял и ушел. И ждешь, чтобы после такого облома я сам тебе писал?»

«Игорь, а тебя ничего не смущает? В твоём поведении в гостинице, я имею в виду».

«Что меня должно смущать? — тут же ответил Игорь. — Я просто делал то, что ты просил».

Володю начал злить этот разговор. Он заколотил пальцами по клавишам:

«Только это и больше ничего? Ну-ну... Тебе, видимо, показалось, что я был неадекватен и ничего не помню, но, прикинь, я все помню — ты пытался меня отыметь!»

Он отправил сообщение и переключился обратно на чат с Юрой. Тот писал, что освободится сегодня пораньше, в девятнадцать пятьдесят. Володя собирался ответить что-нибудь забавное, но прозвучало уведомление от почты — пришло письмо с подтверждением регистрации.

«Кажется, все получилось», — написал Володя в чат с Юрой и свернул ICQ, спеша закончить установку скайпа.

Когда дело было сделано, Володя принялся изучать новое приложение. Стал искать в нем контакт Юры и увлекся так сильно, что вздрогнул от неожиданности, услышав тихое «о-оу». В ICQ пришло сообщение. Сосредоточенный на скайпе, Володя рассеянно взглянул на всплывшее внизу экрана окошко — ник Игоря и маленькое, обрезанное сообщение:

«Отыметь? Ты чег...»

И тут Володя окончательно разозлился. Он свернул скайп, открыл ICQ и набил текст так яростно, что под пальцами жалобно скрипнул ноутбук. Не глядя, ударил по клавише Enter, и в чате появилось:

«Выпороть, Игорь, не значит отыметь! Ты пытался воспользоваться моей невменяемостью и чуть не изнасиловал, когда я был не в состоянии отказать».

Ответ на его сообщение пришел незамедлительно. Станный ответ:

«Что за херня у тебя творится?! Ты там совсем с ума сошел? Прошлого раза не хватило?!»

— Что за?.. — пробормотал Володя, поднял взгляд на строчку выше, к имени собеседника — YuriKo. И беспомощно уставился на окно чата с Юрой — последнее сообщение Володи начиналось со слов «Выпороть, Игорь, не значит...».

Осознание случившегося приходило медленно. Внутренний голос протестовал: «Да быть не может!» Мозг отказывался принять, что Володя отправил такое сообщение не тому адресату. Как он вообще умудрился это сделать, ведь окна-то разные? Но сколько бы Володя ни сопротивлялся, глаза видели другое — он отправил это Юре.

Сердце на миг замерло и ударило так, что стук эхом отразился в голове. Володя обхватил ладонями лицо. Он много раз слышал выражение «провалиться сквозь землю», но даже не догадывался, что это чувство может быть буквальным. А оно таким и было. Володя буквально опускался ниже и ниже — кресло чуть откатилось назад, будто призывая его спрятаться под стол.

Время тянулось, Юра молчал. Володя пытался придумать ответ, но что он вообще мог сказать?

— Дурак, — прошипел сквозь зубы сам себе. — Напиши хоть что-нибудь!

И стал набирать совершенно дурацкое сообщение, прекрасно понимая его ничтожность:

«Это было не тебе».

Юра ответил мгновенно и зло:

«Да я, блин, и так понял, что не мне!»

«Только не думай обо мне плохо», — написал Володя, кривясь от того, насколько жалобной получилась просьба. Его охватило сильнейшее чувство стыда, он побледнел.

От ответа Юры стало еще хуже:

«Я не буду говорить об этом сейчас, мне надо работать».

Володя опустил голову на сложенные на столе руки.

Кем он стал в глазах Юры теперь, со своими мерзкими пристрастиями? Гадким психом? Володя не удивился бы, окажись все так. Тут нечему удивляться: отвращение — нормальная и вполне предсказуемая реакция.

Он с трудом нашел в себе силы спросить Юру:

«Ты напишешь мне вечером?»

Но тот, явно взбешенный, проигнорировал этот вопрос и спросил сам:

«Ты скажи мне только одно: тебе реально было мало прошлого раза?»

«Это не еще один раз, я и писал про прошлый. Больше я даже не виделся с ним — и не хочу».

«Не хочешь видеться или не хочешь, чтобы тебя били и унижали?»

«Никто меня не унижал! И я не мазохист! Это был исключительный случай!» — чуть было не отправил Володя, но удалил, рассудив, что такой ответ может стать поводом для новых разборок. Отправил наиболее безопасное:

«И то и другое».

Он видел, что Юра набирает сообщение. Глядя на иконку пишущего карандаша, он терпеливо ждал целую минуту, прежде чем тот остановился и пришло неожиданно короткое:

«Все, ухожу. Мне надо работать».

«Юра, подожди! Я все испортил?»

«Нет, я просто занят. Я напишу тебе вечером. До свидания, Володя».

От досады хотелось рычать. Володя встал из-за стола, пошел умыться. Посмотрел в зеркало — бледный и всклокоченный. Опять какой-то жалкий. Странное наступило время — раньше день за днем он становился сильнее и крепче, а теперь все труды прошлых лет, будто слепленные из песка, рассыпались прямо на глазах. Неужели они на самом деле ничего не стоили? Неужели все, чего Володя добился, — создал красивую маску?

Он вернулся в кабинет, сел за стол. Сообщение от Игоря все еще мигало. Володя прочел:

«Отыметь? Ты чего? Ты обиделся на то, что я хочу тебя?»

«Я не знаю, смогу ли теперь тебе доверять. Ты мог бы просто попросить тогда».

«И ты бы не отказал?»

«Нет».

«Хорошо, я прошу тебя, давай поменяемся местами?»

Володя не стал отвечать сразу. Тупо смотрел в экран. Думал о том, что все эти разборки с Игорем, словно мышьяная возня, глупы, мелочны и бессмысленны. Но как много от них вреда.

Зазвонил телефон, на экране высветилось: «Игорь». Володя не хотел его слышать и сбросил. Игорь написал в ICQ:

«Вов? Почему не берешь трубку?»

«Не хочу. Не до тебя сейчас».

«Почему? Сегодня выходной!»

«Да просто не до тебя», — спокойно ответил Володя, но реакция Игоря была агрессивной:

«Вот так, значит? Тогда пошел ты, чертов невротик! Было бы перед кем унижаться!»

Прочитав это, Володя даже бровью не повел. За годы общения не только Игорь узнал Володю, но и наоборот. Он наизусть выучил все реакции Игоря, нашел, на какие точки надавить, и сейчас спровоцировал его специально. И все-таки Игорь был прав: у Володи случались срывы, и тот, что произошел в сентябре, далеко не первый. А Игорь не раз помогал ему справляться: разговаривал, выписывал рецепты. А однажды, в самом начале их общения, сделал то, о чем попросил Володя, — выпорол.

Можно было по пальцам сосчитать, сколько раз эта проклятая порка вообще случалась в его жизни: все в молодости и вот недавно — в сентябре. Не больше пяти раз за почти сорок лет! И о последнем узнал Юра. Нужен ли Володя ему такой, какой есть, — невротик? Не испугается ли?

— Так, стоп. Хватит себя стыдиться, — прошептал Володя.

Он не мазохист. Но даже если бы Володя был им, то это его личное дело и стыдиться здесь действительно нечего. Тем более что Юра знал про шрамы — и все равно принял Володю. Но своим сообщением он окунул Юру в грязные подробности того вечера. Подробности столь унижительные, что Володя не знал, как теперь смотреть ему в глаза и захочет ли Юра вообще с ним увидеться.

Захотел. Во всяком случае, сдержал слово и написал, как обещал, в 19:57.

«Вечером все в силе?»

«Да, я жду тебя», — ответил Володя и замер в кресле, не отводя напряженного взгляда от экрана ноутбука.

Юра писал долго. Володя весь день искал отговорки и придумывал, как будет объясняться, если они вообще созвонятся. Он ожидал встретить осуждение или неприязнь, но, когда ответ наконец пришел, так и замер с приоткрытым ртом — Юра извинялся.

«Володя, я все обдумал, пока работал. Я хочу извиниться за свою реакцию, я не должен был тебе грубить и оскорблять словами или

тоном. Я понимаю, что все это меня не касается и я не должен лезть в твою личную жизнь».

Володя улыбнулся от облегчения. Еще раз перечитал сообщение и написал первое, что пришло в голову:

«Да лезь сколько угодно, Юр. Я же понимаю, что ты желаешь мне только добра».

«Ты меня прощаешь?» — написал Юра, дополнив сообщение извиняющейся рожицей.

«Конечно!» — ответил Володя.

«Хорошо. Тогда позвоню через пять минут».

Володя направился к зеркалу и принялся критично оглядывать себя. Сегодня он выглядел куда лучше, чем в день их встречи под ивой. Вполне удовлетворенный, он на всякий случай еще раз причесался, расправил воротник поло, обнажая шею, и поправил кардиган. Сел в кресло, глубоко вдохнул и выдохнул, унимая мандраж. И через пять минут сам позвонил Юре.

Когда соединение установилось и на мониторе показался темный силуэт, Володя прохрипел:

— Здравствуй.

— Ты опять без очков? — разочарованно протянул Юра.

Володя затаил дыхание. Связь была так себе — размытая картинка то замирала, то двигалась. И, пусть плохая, главное — она была. Ведь вскоре Володя смог увидеть Юру — копну его темных волос на фоне комнаты, где ничего, кроме коричневых обоев и черной громады в углу, невозможно было рассмотреть. Сначала его лицо состояло из мелких квадратиков: было понятно, где глаза и рот, но черты не разобрать. Вскоре изображение стало отчетливым. Юра улыбался. Володя тоже расплылся в улыбке.

— Я в линзах. Но в следующий раз специально для тебя надену очки.

— Давай, — послышался Юрин голос, и картинка замерла.

Когда она ожила, Юра сидел уже в другой позе и держал в руке бокал с темной жидкостью.

— Виски? — спросил Володя

— Ром. Йо-хо-хо! — воскликнул Юра.

— А мне за руль. — Володя пожал плечами.

— Знаешь, если никогда не расслабляться, как, видимо, делаешь ты, можно съехать с катушек.

— Обычно я плаваю в бассейне, это хорошо сказывается на...

— Кстати о катушках! — перебил его Юра. Хитро улыбнулся и начал: — Раз ты не против того, чтобы я лез в твою личную жизнь, то теперь, когда я спокоен, поговорим о важном. Кто такой этот Игорь и какое место он в ней занимает?

— Я не хочу об этом. Давай сменим тему.

Юра пожал плечами и принялся молча разглядывать Володю. Выпил рома, кашлянул и произнес:

— Хорошо, сменим. Только позволь мне сначала высказаться.

Володя поерзал на кресле, тяжело вздохнул:

— Критиковать меня будешь...

— Не тебя — его. Володя, тебе нельзя быть с таким человеком, как этот Игорь. Особенно если ты любишь «экстремальные» развлечения.

— Да я не... — Володя начал было объясняться.

Юра поднял руку.

— Не перебивай! Этот Игорь опасен. У тебя сложное прошлое, и к тебе надо относиться с особенным вниманием, беречь. Ты доверяешь ему себя, а он неосторожен настолько, что у тебя остаются такие страшные раны, так еще и... поступает подло. Он не заботится о тебе.

— Слушай, — остановил его Володя. — Игорь не такой гад, как тебе кажется. Именно он помог мне примириться с собой. Показал, что таких, как мы, много. Я знаю его восемь лет, и все это время он поддерживает и помогает...

Юра ядовито усмехнулся:

— Хорошую он тебе помощь оказывает!

— В любом случае Игорь теперь в прошлом, потому что после того раза, о котором ты сегодня случайно узнал, у нас не будет больше никаких отношений, — уверенно сказал Володя. И тут же переспросил себя — правда ли это. Ответ не пришлось искать долго — это была правда.

— Сто процентов? — уточнил Юра.

— Да.

— Хорошо. — Он кивнул и отвернулся от камеры. Глядя в сторону, негромко проговорил: — Я, конечно, взбесился, когда прочитал

сообщение, но на самом деле — очень хорошо, что узнал о ваших с ним делах.

— Почему? — Володя нахмурился. Говорить об этом было неловко, он не мог смотреть даже в монитор, а тем более в камеру.

— Потому что теперь я сделаю все, чтобы не позволить тебе быть с таким опасным человеком. Если тебе нужен экстрим, то найди того, кто не будет рисковать твоим здоровьем. Ты красивый, для тебя явно не проблема найти партнера.

— Юра, но это совсем не то, о чем ты подумал! — начал Володя, не разбирая толком, что несет. — Это случайность. Да, было, но всего пару раз. Это просто эксперимент, который вышел из-под контроля!

— Ну, значит, тебе нужен тот, кто способен контролировать тебя, — серьезно произнес Юра, но тут же ехидно улыбнулся: — На тот случай, если «эксперимент» повторится.

— Да нет же, я не нуждаюсь... мне такое не нужно, — начал Володя, но осекся, не зная, как лучше сказать, чтобы Юра понял правильно. — Блин, Юр, не мучай меня, я не хочу об этом!

— Ладно, не будем, — смягчился тот. Он налил себе еще рома, сделал глоток и закусил то ли апельсином, то ли грейпфрутом. Затем, лукаво улыбаясь, протянул: — Та-ак, значит, кто такой Игорь, мы выяснили. Рассказывай про других парней. Какие еще ошибки ты на совершал?

Юра улыбнулся так искренне, что Володю не смутила ни формулировка вопроса, ни его суть. Он почувствовал, что наконец может расслабиться.

— Знаешь, можно сказать, что других у меня и не было. Я пытался завести отношения, но то ли в Харькове мало серьезно настроенных парней, то ли мне попадались лишь те, кому отношения не интересны... — признался Володя и замолчал на полуслове.

Задумался, как рассказать Юре максимально коротко о парнях, с которыми знакомился, когда в очередной раз расставался с Игорем. Вспоминать было толком нечего, да и рассказывать — тоже: с одним просто переспали, а со вторым — даже до постели не дошло.

Юра тихонько прокашлялся, вырывая его из размышлений. Володя поднял на него взгляд и уверенно произнес:

— В общем, скажу так — другие были, но даже ошибками я бы их не назвал. От встречи с ними в моей жизни не изменилось ничего: не

стало ни лучше, ни хуже. Те встречи не были ошибками, и те парни ошибками не были — они были никем.

Юра цокнул языком.

— Вот не зря ты на дипломата учился — красиво увильнул!

— А ты? Кто был у тебя? — прямо спросил Володя.

— Ну... кроме таких же, как у тебя, из «не ошибок» был только Йонас.

— А почему вы расстались?

— Потому что он мудака, — хмыкнул Юра. — В моем представлении жить с творческим человеком — это значит принимать творчество как часть личности, как черту характера. Особенно если творчество — это призвание. Йонас так не умел. Он разделял меня и мою музыку, мол, потом напишешь, а сейчас пошли в клуб. В общем, относился к ней несерьезно. А я считаю — если несерьезен к музыке, значит, несерьезен в отношении меня. Значит, на меня наплевать.

— А после него кто-то был?

— «Не ошибки». Просто секс, отношений не было.

— Вообще? А не одиноко?

— Для одиночества нужно свободное время, а я организовал жизнь так, чтобы свободного времени не было.

«Ну-ну», — подумал Володя. Он тоже каждый день с утра до ночи крутился как белка в колесе.

Они помолчали. Володя еще раз оглядел комнату Юры. Коричневые обои оказались стеллажами вдоль стен, возле двери висели рамки то ли с фотографиями, то ли с дипломами, а черная тень в левом углу — не что иное, как пианино.

Володя попросил:

— Сыграй мне что-нибудь. Если сможешь, конечно.

— В смысле, если смогу? — не понял Юра.

— Ну после пары стаканов рома, — пожал плечами Володя.

— Пф-ф-ф... — Юра закатил глаза. — Что сыграть?

— Не знаю... Что ты написал сегодня?

— Аранжировку. Скучную и нудную, от которой уже тошнит.

— Тогда что-нибудь другое на твой вкус, нежное или грустное. Может быть, «Лунную сонату»?

Юра рассмеялся:

— Ты бы еще «Собачий вальс» попросил. Но если хочешь ноктюрн, то давай попробуем... — Он пересел в угол за пианино и повернул к себе камеру. — «Грезы любви» Листа. Устроят?

— Устроят, — улыбнувшись, кивнул Володя. Он не знал никаких «Грез» Листа, главное, чтобы Юра играл.

Когда тот начал, Володя, не отводя взгляда, следил за каждым его движением, пытался поймать и запомнить каждую эмоцию на его лице. Любуясь, он старался не думать ни о чем, но одна мысль все же мелькала в голове: когда в мире существует такой человек, как Юра, никто не может иметь большего значения для Володи.

* * *

В переписках в ICQ прошел и октябрь. Они с Юрой больше не созванивались в скайпе, потому что звонки действительно оказались дорогими. Но Володя и без них не чувствовал себя одиноким — он ощущал присутствие Юры в своей жизни. Твердо знал, что каждое утро ровно в девять раздается веселое «о-оу». Они напишут друг другу и в обед. И, главное, вечером, только он ступит на порог своего дома, его будет ждать весточка от Юры.

Он торопился закончить все дела ко времени очередного разговора, игнорировал чужие звонки, когда они общались, заранее выгуливал собаку, чтобы не отвлекала. И это касалось не только «их» времени. Володя поймал себя на мысли, что думает о нем постоянно: что бы сказал Юра о том или ином фильме или передаче, может ли ему понравиться этот галстук или пальто, купил бы он себе такие? Что он ест в своей Германии, скучает ли по оливье или борщу? Володе хотелось узнать о нем все. И он задавал эти вопросы без стеснения, потому что Юра убедил его в том, что ему так же важны эти разговоры.

Эмоциональное состояние Володи улучшилось, нервы, казалось, окрепли, но засыпать без снотворного он все еще не мог. Он старался экономить, но прописанные Игорем таблетки кончались. А это значило, что встреча с ним неминуема. Володя тянул до последнего, а Игорь, наоборот, стремился к общению — писал или звонил по несколько раз в неделю, предлагал увидеться. Володя отвечал, что занят.

Он не хотел ни писать ему, ни слышать его по телефону, ни видеть его в реальности. Теперь он даже в фантазиях не мог снова представить себя с Игорем. В Володиной голове уже давно поселился один человек: если он и хотел кому-то писать, с кем-то говорить и кого-то видеть, то все его мысли обращались только к нему — к Юре.

Но отношения с ним оставались хрупкими. Володя надеялся, что разговор после того сообщения — это самое худшее, что могло между ними произойти, но ошибся. Оставалось еще много недосказанности и лжи, а правда рано или поздно должна была выйти наружу. И она вышла, грозя разрушить их едва окрепшую связь. А ведь все началось с невинного вопроса.

Они договорились еще раз созвониться в скайпе. Володя снова приехал в офис в выходной, но, в отличие от прошлого раза, взял с собой очки.

Увидев его в них, Юра воскликнул:

— Вот теперь я тебя узнаю, вожатый пятого отряда! Забавно, — он усмехнулся, — эти очки как две капли похожи на те, которые ты носил в «Ласточке». Кстати, я их сохранил — забрал вместе с остальным из капсулы времени.

— Правда? — почему-то удивился Володя.

— Да, а что тут такого? — Юра нахмурился.

Володя задумался, наблюдая за тем, как он тянется куда-то вбок, берет бутылку рома и наполняет бокал.

— Ну... — протянул Володя. — Одно дело — хранить фотографии или письма, но разбитые очки?

— Мне важно все. — Юра серьезно кивнул.

— А письма... Ты прочел мои письма?

— Да. Сразу, как вернулся. — Он сделал глоток и вальяжно растянулся в кресле.

— Почему ничего не сказал?

— Не представляю, что бы я тебе написал. Все-таки столько лет прошло, а мы совершенно чужие люди.

— Чужие? — нахмурился Володя.

— Теперь нет, но два месяца назад мы не были друг другу даже друзьями. А эмоций эти письма вызвали так много, что я не придумал, что тебе написать. Но хотел. Знаешь, я читал много биографий музыкантов, драматичных и даже трагичных, но все они,

вместе взятые, не производили на меня такого впечатления, как твои письма. Никогда от чьей-то истории мне не было так тяжело.

— Хм... — только и смог выдавить Володя.

Юра заметно сконфузился:

— Ой, не слушай меня, я уже пьяный, не думаю, что говорю. Сравнивать людей, которых даже не знал никогда, с тобой...

— Все нормально. Продолжай.

— Твои письма вдохновили меня на ноктюрн. — Юра забавно скривился. — Банально, да? Так что, можно сказать, ты моя муза.

— Правда? Ты и это от меня скрыл! Сыграй!

— Нет, он не окончен.

— Все равно сыграй сколько есть!

— Нет, я же сказал, он не готов. Он корявый, его править надо, ты ничего не поймешь и расстроишься — скажешь, что за гомункула я тебе посвятил.

— Тогда сыграй что-нибудь другое, — попросил Володя. Ему ужасно захотелось снова посмотреть на Юру, как тот меняется, когда играет.

— Все-таки это так непривычно, — засмутился Юра. — Я имею в виду интерес к моему творчеству.

— Ничего себе непривычно. На твои концерты люди за деньги ходят, а ты говоришь, что тебе интерес непривычен.

Юра закатил глаза и махнул рукой.

— Ой, эти концерты... Поездка в СНГ была первой и, скорее всего, последней.

— Почему?

— Я же говорил, она не окупилась. Я еще должен ее отрабатывать.

— Как же так вышло? Вы что, не считали?

— Считали, да не рассчитали. Это моя вина на самом деле. Мы с коллегой, певцом, для которого я писал эти произведения, в Европе выступали не раз. Но черт меня дернул уговорить его включить в тур Украину. Мол, все-таки моя родина. А ему интересно — согласился. Поехали. И все у нас получилось шиворот-навыворот. Если с оркестром повезло, то хор был просто никаким...

Тема музыки так увлекла Володю, что он совсем забылся и выдал:

— Я, конечно, не специалист, но, по-моему, хор был просто потрясающим! Они как в церкви...

— Что? Ну-ка повтори, что ты сейчас сказал! — воскликнул Юра, перебив его.

Повисла тишина. Володя спрятал лицо в ладонях.

— А ну посмотри на меня, — велел Юра, а когда Володя повиновался, очень строго спросил: — Ты был на том концерте и не подошел ко мне? И даже ничего не сказал?

Володя попытался отшутиться:

— Ты же читал мои письма, ты знаешь, какой я дурак, и это, видимо, не лечится.

Шутка не сработала. Юра молчал, смотрел пристально, лицо искажилось: он сердито нахмурил брови и сжал губы в тонкую линию.

Володя начал серьезно:

— Понимаешь, у меня в жизни творился полный кавардак. Я был уверен, что нам не надо встречаться, потому что... потому что... черт, да я не знаю почему! Но тогда я только начал оправляться от нервного срыва, я как из ада вынырнул...

— Что с тобой случилось? — ледяным тоном произнес Юра.

— Сейчас это уже неважно. А тогда мне было сложно. Такой хаос, будто я не контролирую ни себя, ни свою жизнь, — пытался оправдаться Володя. — Я трезво думать не мог...

— У тебя до сих пор бывают панические атаки? — Юра заметно побледнел. Он вдохнул полную грудь воздуха и начал, с каждым словом говоря все громче и злее: — Те раны на спине — это что, последствия паники? Ты говорил, что это была просто игра! Ты обманул меня?!

Володя хлебнул чая и сказал в сторону:

— А я надеялся, что беседа будет приятной...

Захотелось спрятаться от Юры, от его пристального взгляда и неудобных вопросов. А Юра не сдавался.

— Я правильно понял, что тебе до сих пор не оказали квалифицированной помощи?

— Я не хочу об этом говорить. Закрыли тему, — холодно ответил Володя, пытаясь подавить закипающую злость.

— Ты до сих пор причиняешь себе вред?

Володя не удержался — злость на себя и пресловутая паника накрыли его с головой. Он крикнул:

— Нет!

От того, чтобы закончить звонок, Володю останавливало понимание — если они расстанутся сейчас, то, скорее всего, больше никогда не созвонятся. Юра, будто услышав его мысли, после минутного молчания попросил:

— Только давай не будем прощаться на такой ноте?

— И не собирался, — буркнул Володя, упрямо не глядя в монитор.

— Я не могу быть равнодушным к тебе и твоей судьбе.

— Будь спокоен, я ничего с собой больше не делаю.

— Я понял — теперь ты не причиняешь себе вред сам, а просишь его? В молодости ты обваривал руки, теперь же заменил руки на это?

Слова вертелись на языке, но в горле застрял ком, и Володя только и смог, что судорожно вздохнуть. Юра молчал, пристально глядя на него. Сделал два больших глотка, скривился.

— Володя? — Юра прищурился.

— Ну что ты хочешь от меня услышать?

— Правду. Тогда твои ссадины были свежими, и тогда же ты пошел на мой концерт, но ушел оттуда, не поговорив. Это все... эти раны что, из-за меня?..

— Нет, но... наверное... я не знаю, — все так же глядя в сторону, тихо ответил Володя.

Теперь вздохнул Юра. Володя сидел опустошенный, снедаемый чувством стыда. Хотелось немедленно уйти и забыть этот разговор навсегда. Но тогда пришлось бы забыть и Юру. Больше всего на свете Володя не хотел вычеркивать его из своей жизни. Но, какими бы близкими ни были отношения между ними, они вели в тупик. Сколько бы радости они ни дарили, они были обречены.

— Прости, Юр, я не могу больше говорить. Я напишу потом, —
сказал Володя и сбросил вызов.

Глава 8

Заветные желания

Наутро впервые за месяц он не получил сообщения от Юры. Когда тот не написал ни в обед, ни вечером, Володя попробовал черкнуть ему хоть что-нибудь, но не смог подобрать слов.

Что он мог сказать, попросить прощения? Но за что? За то, что не справился с нервным срывом?

Володя — взрослый человек, но по сравнению с рассудительным Юрой он казался себе не просто дураком, а самым натуральным психом.

Через три дня тишина в ICQ стала невыносимой, и он все же отправил Юре короткое «Пожалуйста, давай забудем тот разговор?».

«Какой разговор? Про концерт? Про какой концерт?» — тут же ответил Юра, прислав подмигивающий смайлик.

«Почему ты так долго не писал мне?»

«Я дорабатывал ноктюрн. Хочешь послушать?»

«Хочу!» — тут же написал Володя.

Он почувствовал себя глупо — будто все эти три дня накручивал себя без реальной причины, а для Юры это оказалось не таким и значимым.

«Сейчас пришлю тебе ссылку, пройди по ней и скачай».

Раз Юра захотел замолчать эту тему, Володя решил, что пойдет у него на поводу, но они обязательно поговорят позже.

Он стал скачивать ноктюрн. Интернет дома и без того был медленный, а к вечеру, как назло, упала скорость — на скачивание ушло не меньше часа. Запустив наконец трек, Володя приглушил свет в гостиной, лег на диван, прикрыл глаза и вслушался в музыку.

Ноктюрн был мрачным. Медленный и тягучий, он пугал явственно ощущаемой безысходностью. Володе казалось, будто он вместе с мелодией долго-долго спускается по лестнице и у этого пути нет конца. Но конец был. И весьма громкий — удар по клавишам и, словно

обрыв, внезапная, пугающе резкая тишина. Володя ломал голову, что за чувство вложил в музыку Юра, о чем в ней рассказывал?

Тем не менее в ту ночь Володя засыпал с улыбкой на лице — ну и что, что мелодия такая мрачная и обрывается будто предсмертным криком? Главное — ничего у них с Юрой не закончилось.

После того как Юра узнал о концерте, Володя больше не боялся сболтнуть лишнего. Их общение стало проще и легче, Юра много шутил, а Володя, сперва настороженный, вскоре начал поддаваться его легкомысленному настроению, расслабился и сам не заметил, как они сблизились. Забылся концерт, Игорь и пустые ссоры, еще недавно ставившие под угрозу их дружбу. Но встретившаяся на их пути неудобная правда раскрепостила и Володю, и Юру, научила быть откровенными друг с другом.

С приходом ноября в Харькове резко похолодало. Глядя на голые ветви деревьев и низкое хмурое небо, Володя мечтал, чтобы скорее выпал снег.

Звонила мать. Сообщила, что Москва уже вся белая. Сказала, что хочет остаться у сестры еще на месяц, и попросила у Володи разрешения. Он даже опешил:

— С каких это пор ты отпрашиваешься у меня?

— Ну как же, сынок, у тебя же день рождения скоро.

— Ну и что? По телефону поздравить.

* * *

Утром шестого ноября Володю разбудило СМС от Игоря:

«С днем рождения, зай! Будь здоровым и счастливым. И меня не забывай».

Володя ответил сухим «Спасибо» и посмотрел на часы — еще не было семи утра. Он чертыхнулся, сунул телефон под подушку и, прячась от Герды, укрылся одеялом с головой, ведь собака не дала бы ему и минуты полежать спокойно, заметь она, что хозяин проснулся.

Володя не любил свой день рождения. Не потому, что именно в этот день «вдруг» осознавал, что за прошедший год страшно постарел и малого добился. Причина крылась вообще не в рефлексии — все было куда банальнее. Целый день ему приходилось принимать поздравления по почте, по СМС, по телефону и лично от огромного количества людей. Если друзьям и родным было достаточно

сдержанных благодарностей, то Володя не мог позволить себе отвечать так бизнес-партнерам. Десятки их звонков превращали день в бесполезный, полный пустой болтовни парад лицемерия: партнеры льстили Володе, а он, вымучивая улыбку, льстил в ответ. Еще один минус был в том, что по традиции Володя должен был организовать в офисе небольшое застолье для подчиненных, из-за чего работа останавливалась не только для него, но и для всей фирмы.

Уснуть снова не удалось. Стараясь лишний раз не шевелиться, чтобы не привлечь внимание собаки, он думал о предстоящем дне, размышлял над тем, стоит ли сегодня пить. Ехать в офис на машине или брать такси?

Телефон коротко провибрировал, послышалось знакомое «о-оу». Володя полез за ним, но не успел прочитать сообщение — Герда, заметив, что хозяин проснулся, прыгнула на кровать и принялась лизать его щеки. Володя выронил телефон. Ворча, он попытался укрыться под одеялом с головой, но собака вытащила из-под него подушку. Пока Володя клал ее обратно, Герда просунула голову ему под руку, протиснулась под одеяло и улеглась на грудь.

— Ну здравствуйте. Доброе, блин, утро, — прохрипел он, придавленный немалым весом. Собака тихонько твякнула и завиляла хвостом. — Ладно, уговорила, встаю. Да встаю уже — слезь!

Наскоро одевшись, Володя отправился на пробежку. Вернее, бегала сегодня только Герда, а он, уставившись в телефон, вяло плелся за ней. Сообщение, которое привлекло собаку, было от Юры. И сразу насторожило:

«Пройди по ссылке, скачай видео. Это важно!»

«Доброе утро, — поздоровался Володя, — а что там?»

«Не могу говорить. Некогда. Скачай и посмотри».

«Я не могу скачать видео прямо сейчас, у меня интернет-карточка закончилась. В офисе сделаю, хорошо?»

«Да», — ответил Юра.

Он писал непривычно коротко и серьезно, и это встревожило. Володя хотел было перезвонить ему, выяснить, что случилось, но решил не отвлекать. Он быстро собрался и, забыв, что хотел ехать на такси, сел в машину. Прокручивая в голове план на сегодня, в офис Володя вошел угрюмым. И тут же столкнулся в дверях приемной с подозрительно веселым Брагинским.

— Ну, Владимир Львович, что ты как всегда! — воскликнул он. — В такой день мог бы и поспать подольше! — Брагинский приобнял его за плечи и торжественно выдал: — С днем рождения, гражданин начальник! Желаю, как говорится, чтобы у тебя все было и ничего тебе за это не было!

Лера, встав из-за стола, тоже подошла к нему.

— Присоединяюсь к поздравлениям, Владимир Львович. Желаю вам крепкого здоровья и успехов во всем!

— Спасибо. — Володя рассеянно улыбнулся ей.

Брагинский, хлопнув Володю по плечу так, что тот слегка пошатнулся, хохотнул:

— Коллектив уже готов как следует отпраздновать день рождения любимого начальника! Так что, товарищ главнокомандующий, приказывай, когда начинать? Вечером, да?

Володя кивнул Брагинскому:

— Да, не раньше шести. — И повернулся к Лере: — Я буду занят. Не соединяйте меня ни с кем.

Скрывшись за дверью кабинета, Володя выдохнул и тут же бросился к ноутбуку. Видео скачивалось долгие десять минут, он почти утратил терпение, а когда наконец включил ролик, с замиранием сердца увидел Юру.

Улыбаясь, тот стоял на небольшом отдалении от камеры по пояс в кадре, одетый в тонкий бежевый облегающий свитер. На шею поверх высокого воротника нацепил галстук-бабочку, а на поясе у него Володя заметил то ли тромбон, то ли трубу.

— Привет, именинник! Это для тебя! — весело сказал Юра и отошел от камеры.

За ним показался зал. Явно не концертный — слишком скромно оформленный, напоминающий школьный. Юра подмигнул, развернулся и в два прыжка поднялся по лесенке на помост, видимо служивший сценой. И Володе предстала вся картина: Юра, в свитере и галстук-бабочке, с карандашом в руках, стоял на сцене лицом к камере, а за его спиной сидели, улыбаясь, музыканты. Все пятеро держали в руках разные инструменты: контрабас, гитару, скрипку, флейту и нечто неведомое с клавишами. Юра взмахнул руками, держа в одной карандаш, будто дирижерскую палочку и замер в этой позе. А затем внезапно отбросил карандаш в сторону и, вытащив из-за спины

трубу, дунул в нее. И все музыканты следом заиграли знакомую мелодию. Володя без труда узнал *Happy Birthday to You*. Мелодия звучала всего несколько секунд. А когда затихла, Юра и его мини-оркестр хором произнесли с чудовищным акцентом:

— С днем рождения!

Видео кончилось. Какое-то время Володя ошалело смотрел в потемневший монитор, а потом, закрыв глаза, расхохотался.

Он запустил на ноутбуке ICQ и написал Юре:

«Так меня еще никто не поздравлял! Спасибо!»

Юра ответил мгновенно и без слов — смайликом в темных очках. Володя покачал головой и послал еще одно сообщение:

«Только, пожалуйста, больше так не делай. В смысле, не пиши так кратко и серьезно. Я понимаю, что это специально, для пущего эффекта. Но так и до сердечного приступа можно довести», — видя, что сообщение получается слишком строгим, даже критическим, Володя добавил смайлик.

«Вообще-то я серьезный всегда. Я даже умею ругаться матом».

«Не может быть! — Володя улыбнулся. — А еще, оказывается, умеешь играть на трубе».

«Ага, это мой второй музыкальный инструмент. А еще я умею играть на гитаре, ксилофоне и нервах».

«Талантливый человек талантлив во всем! Но не надо было так напрягаться ради меня, оркестр собирать...»

«Не бери в голову. Никого я не напряг и сам не напрягся. Как там говорят — мне это было по пути? Или не так говорят? Забыл. Ну, в общем, я заехал записать сэмпл и послушать фрагмент на живом инструменте и подумал, а не попросить ли заодно знакомых ребят тебя поздравить. Вот и попросил. Единственное, чем я поплатился за это, — фотоаппарат. Уронил, когда засовывал обратно флешку. На что теперь видео записывать, ума не приложу».

«Сочувствую, — ответил Володя. — В таком случае позволь поднять настроение, прими комплимент — тебе очень идет свитер с бабочкой!»

«О, спасибо! Значит, теперь я буду носить его так всегда». — И смайлик.

Они переписывались не больше пяти минут, но за это время Володе на мобильный пришло несколько СМС и поступила пара звонков, а в

приемной Леры телефон просто разрывался. Прятаться было бессмысленно, но работать ужасно не хотелось. Володя мечтал о том, чтобы скорее наступил вечер.

Будто прочитав его мысли, Юра написал:

«Во сколько сегодня закончишь?»

«Не знаю. Хотелось бы пораньше, но вряд ли получится. Еще надо накрыть поляну в офисе. А что?»

«Вечером тебе придется задержаться после работы и созвониться со мной! Хочу поздравить тебя лично. Ну настолько, насколько это возможно в скайпе».

«Договорились», — ответил Володя.

Только они попрощались, как на него обрушились звонки и письма. Он даже в обед не смог отдохнуть — пришлось ехать с Брагинским в магазин. А когда они, нагруженные пакетами, вернулись, Володя снова взялся за телефон. Звонила мать, поздравляла очень долго — он успел за это время поесть, — передавала приветы от тетки и двоюродного брата. Следом с поздравлениями внезапно позвонила Маша, но, к счастью, с работы, поэтому долго болтать не смогла. За ней набрали Ирина и Женя с Олькой.

После пяти вечера Володя позволил себе выключить телефон и начал читать почту, краем глаза просматривая отчеты и командуя Брагинским с Лерой, которые вызвались помочь накрыть на стол.

В шесть слегка поддатый Брагинский силой вытащил Володю из кабинета и доставил на кухню. Стоило ему переступить порог, как коллеги сунули ему в одну руку стопку коньяка, а в другую — бутерброд. Брагинский произнес тост, выпил и исчез из поля зрения. А вернулся с подарочным пакетом. Володя не стал его открывать — и так знал, что внутри бутылка дорогого алкоголя.

Заметно расслабившись, он прошептал Брагинскому на ухо:

— Дима, я же вообще-то не пью, а ты мне все время выпивку даришь...

— Оно и видно, — зычно расхохотался Брагинский. — С одной стопки улетел!

— Так ты не дари мне... — начал было Володя, но его перебили бухгалтеры.

Две дамы бальзаковского возраста хором пропели сочиненную по случаю дня его рождения песню и подняли бокалы. Пришлось выпить

еще. А потом еще. И еще. Поздравления все не кончались, казалось, что сотрудников у Володи не пара десятков, а несколько сотен.

Он даже не заметил, как прошел целый час. И то об этом ему напомнил Юра, написав в аську:

«Уже семь. Отпускай свой планктон, планктатор, и давай ко мне!»

«Подожди еще немного, пожалуйста», — ответил Володя.

— Дима-а-а, — протянул он, перекрикивая гомон коллег. — Долго вы собираетесь пьянствовать? Чтобы через час здесь уже никого не было!

— Вов, ну как так? — возмутился Брагинский. — С подчиненными нужно идти на контакт, вести диалог. И вообще, дай людям отдохнуть!

— Какой отдых? Завтра же вторник, — буркнул Володя и крикнул на всю кухню: — Коллеги, через час закругляемся.

— Хорошо, Владимир Львович, — нестройным хором ответили сотрудники и продолжили галдеть.

Порядком опьяневший Володя принялся один за другим жевать бутерброды, чтобы быстрее протрезветь. Дальше он планировал пить только сок, но не получилось. Сначала Лера произнесла тост, подарив от лица всего коллектива плоскую коробочку в синей оберточной бумаге. А потом Брагинский поднял бокал за покойного отца — пришлось выпить еще.

Ровно в восемь Володя сообщил подчиненным, что вечер окончен, и проконтролировал, чтобы все ушли. Брагинского пришлось едва ли не силком выталкивать из офиса, но тот даже не обиделся — потопал с ведущим архитектором, маркетологом и бухгалтерами в ближайшее кафе для продолжения банкета. А когда дверь за ними захлопнулась, Володя нетвердой походкой побрел в кабинет.

Вынул бутылку дорогущего коньяка из пакета Брагинского, налил себе полстакана и поставил ее в отцовский бар-глобус. Из Лериного пакета достал стандартный, но полезный подарок: ежедневник в кожаной обложке с металлической отделкой и ручку «Паркер». Убрал их в ящик стола и сел перед ноутбуком. Собрался было набрать Юру, но вспомнил про очки.

Раз тому нравилось видеть его в очках, Володя стал всегда носить их в сумке на случай незапланированных звонков вроде этого. Он рассеянно принялся искать узкий футляр. Покопался в сумке несколько минут и едва нацепил очки, как Юра позвонил сам.

Увидев бокал в руке Володи, он тоже достал бутылку рома.

— Я даже и не знаю, чего тебе пожелать, если честно. — Юра смущенно улыбнулся и, будто пряча неловкость, принялся наполнять стакан. — У тебя вроде бы все есть... Наверное, только дурацкое и стандартное — пусть сбудется то, чего ты действительно очень хочешь.

Хоть пожелание и правда было стандартным, Володе оно понравилось. Из Юриных уст это звучало очень кстати.

— Спасибо за теплые слова. И за видео — еще раз спасибо! Я буду пересматривать его, чтобы поднять настроение. — Володя улыбнулся. — Расскажи, как прошел день?

Юра сделал глоток и начал свой рассказ. Он кутался в теплую кофту, потягивал ром и говорил о музыке. Володя слушал, удивляясь сам себе — ему ни капли не надоедала эта тема. Юра всегда рассказывал что-то новое: то о классических произведениях и композиторах, то о современных жанрах и направлениях. В этот раз говорил о своем заказе — ему наконец вернули сценарий, и он несколько дней над ним работал.

— Кстати, Володь! Я спросить хотел... — начал было Юра, но замялся. Возможно, Володе это показалось из-за шумов во время звонка. Тем более у него заслезились глаза — набрав полный рот коньяка, он едва не подавился и просипел, с трудом сделав глоток:

— Что такое?

— Я в двадцатых числах декабря сдам заказ и буду свободен.

— Так, и чего?

— Я хотел бы увидеть тебя. Я имею в виду не в скайпе, а вживую. Приезжай ко мне. Посмотришь Германию, город, где я живу... Что скажешь?

Володя на минуту замер, тупо уставившись в монитор.

— Эй, ты тут? — засуетился Юра. Послышалось щелканье мышки и бормотание: — Завис, что ли?

— Нет-нет, я тут, все в норме. Просто... Ты серьезно?

— Да серьезнее некуда! А что? У тебя разве нет новогодних каникул? А, бли-и-ин... — протянул Юра и потер висок. — Наверное, уже есть планы на Новый год, надо было с этого начать...

— Нет! — поспешил перебить его Володя. Прозвучало как-то слишком резко, он прокашлялся. — В смысле, никаких планов нет...

Обычно Новый год я отмечал с родителями, но тут мать уехала в Москву. Я скажу ей, чтобы осталась там на праздники, и все. Так что да, я свободен. Просто неожиданно.

И это действительно было неожиданно — его желания никогда не сбывались так быстро. Буквально тридцать минут назад на дурацкое и стандартное «Пусть сбудется то, чего ты действительно очень хочешь» Володя загадал увидеть Юру.

— Не все же время нам вот так по интернету общаться, правда? — Юра робко улыбнулся.

На долю секунды в голове мелькнула мысль не давать обещаний так сразу, не питать надежд, ведь они могут не оправдаться. Но Володя тут же отбросил ее.

— Я приеду — обязательно, — заверил он и уже менее уверенно добавил: — Только скажи мне, что делать, чтобы получить визу? Да и вообще... у меня даже загранпаспорта нет...

— Без проблем. Завтра же напишу тебе все инструкции, — пообещал Юра.

Они ненадолго замолчали. Володя просто смотрел на него, а Юра задумчиво вертел стакан в руке. Не отводя взгляда, он прищурился и спросил:

— А как твой день прошел?

— Висел на телефоне, принимал поздравления. Устал.

— А что тебе подарили? — Юра наконец поднял на него свой удивительно трезвый взгляд.

За время звонка Юра выпил больше, чем Володя за весь вечер, но, казалось, ничуть не опьянел. «Оно и к лучшему, — подумал Володя, — раз трезвый, можно поговорить подольше» — и принялся перечислять подарки.

— И что, праздник окупился? — спросил Юра, когда он рассказал и про застолье.

Володя рассмеялся.

— Разве для этого устраивают праздники? То есть только затем, чтобы они окупились?

— Нет, но сам понимаешь, это очень даже желательно. Деньги любят счет, это я тебе как еврей говорю. — Юра тоже рассмеялся.

— Ты шутишь об этом та-а-ак часто, — протянул Володя.

— О чем? О еврействе? Но мне можно, я же еврей.

— Ну вот опять. — Володя поднял указательный палец.

Юра почему-то смутился.

— Ты против? Раздражает?

— Нет. Просто думаю: это случайность или ты переживаешь по этому поводу?

— Ну не то чтобы переживаю. Но с переездом сюда стал интересоваться. Это же все-таки мои корни. Представляешь, даже иврит учил. — Видимо, заметив, как брови Володи поползли вверх, Юра уточнил: — Правда, быстро бросил. Зачем он мне нужен — здесь я говорю на немецком, Израиль меня не интересует, а чтобы Тору читать — я в Бога не верю.

— Ничего себе. — Володя покачал головой. — А мне казалось, что ты об этом и думать забыл. Раньше, в «Ласточке», с таким пренебрежением говорил...

— В детстве я все это отторгал, делал вид, что меня такие темы не задевают и вообще никак не касаются. Наверное, это была защитная реакция — ребенку сложно осознать масштабы человеческого зла. Сложно принять, что человека ненавидят только за то, что он родился. Тем более когда этот человек — ты, а не кто-то другой. А я мало того что еврей, так еще и гей.

— Ну не каждый же день думать об этом, правильно?

— Почему это не каждый? Очень даже каждый! Только штаны сниму — вижу, кто я такой.

— В смысле? — не понял Володя. Задумался, могла ли быть у Юры татуировка на ноге, но такого не вспомнил и честно признался: — Юр, что ты имеешь в виду? Я правда не понял.

— Ты забыл?! Как ты мог об этом забыть?! — делано удивился Юра. Он был явно на какой-то своей волне, Володя искренне недоумевал, к чему он клонит, и озадаченно смотрел в ответ. Юра сначала вздохнул, затем задвигал бровями и загадочно произнес: — Володя-Володя... ну тюнинг...

— Елки-палки! — воскликнул тот, догадавшись. — Забыл. Правда забыл, подумал, что тату. — Он покачал головой. — А почему ты называешь это тюнингом?

— Ну как же — аэродинамика... — протянул Юра.

Володя расхохотался.

— Аэродинамика, блин! Ну и шутки у тебя.

— Но это еще не все! — добавил Юра. — Плюс общая эстетика и, ну, ты понимаешь, украшающий мужчину шрам... Ах да, и длительность. Ну так говорят те, кто делал во взрослом возрасте, кому есть с чем сравнить, я-то сам не знаю. Но так говорят. А ты забыл!

Володя почувствовал, как у него загорелись щеки. Хмыкнул, шутливо ответил:

— По-твоему, я должен помнить, что там двадцать лет назад было?

Юра улыбнулся, но его улыбка казалась фальшивой и спустя мгновение растаяла.

— Володь, а если серьезно?

Володя вздохнул. Похоже, он все-таки обидел Юру. Совершенно не зная, как объясниться с ним, стал говорить все, что приходило в голову, не боясь сболтнуть лишнего:

— Если серьезно... Юр, там ведь было темно, поэтому я не помню таких деталей. Да, когда мы плавали к лилиям, ты говорил об этом в лодке, но для меня по-настоящему важным был весь ты, — он улыбнулся, — а не отдельные части...

Теперь и на лице Юры тоже расцвела искренняя улыбка.

Часы показывали полдесятого, пора было заканчивать, но расставаться так не хотелось. Хотелось слушать его приятный голос с забавным акцентом, любоваться, как он кутается в огромную теплую кофту и чертовски мило ежится от холода.

— Купи обогреватель! — велел Володя, когда Юра в очередной раз нахохлился.

— Куплю, — печально протянул тот. — Я не был готов к резкому похолоданию. На улице дубак, все мерзнет, я мерзну, а согреть некому...

Володя вздернул бровь. Выпитый алкоголь сказал за него быстрее, чем он успел подумать:

— Мне кажется или ты кокетничаешь?

— Я? Да никогда! — воскликнул Юра и улыбнулся во все тридцать два зуба.

— Ну потерпи, я приеду и... сварю тебе вкусный горячий суп.

— Жду не дождусь, — заверил Юра. Казалось, невозможно улыбнуться шире, чем в тридцать два зуба, но он смог.

Они замолчали, но в этом молчании не было напряжения. Володя совсем расслабился — усталость, накопившаяся за день, вкупе с

алкоголем сделали свое дело. Он смотрел на чуть подвисяющее изображение Юры в мониторе, а тот насвистывал смутно знакомую мелодию, но Володя никак не мог вспомнить какую.

— Что это? — все-таки спросил он.

— Да из «Юноны и Авось», — отмахнулся Юра и протянул: — «Ты меня на рассвете разбудишь...»

Сердце кольнуло ностальгией, но эта грусть была легкой и светлой.

— Мне сегодня написала Маша. Про этот мюзикл спрашивала, — объяснил Юра, широко зевнув.

— Долго же она собиралась, я дал ей твои контакты еще в сентябре. — Володя тоже зевнул, будто заразившись от Юры.

— Давай-ка ты собирайся домой. Тебе еще ехать, да и мне пора на боковую.

— Нет, подожди. Расскажи, что там Маша пишет.

— Да ничего особенного. — Юра качнул головой. И в ответ на подозрительный взгляд Володи добавил: — Честное пионерское, мы еще толком и пообщаться не успели. — Он нежно улыбнулся: — Ладно, все. Жаль с тобой прощаться, но нам обоим пора спать. Мне завтра надо встать пораньше.

— Сладких снов, — сказал Володя, не желая заканчивать этот разговор. Но времени и правда было уже много, а голодная Герда ждала его дома.

Спустя час подъехав на такси к дому, он получил сообщение от Юры:

«Представляешь, я до сих пор не сплю».

Володя оторвал от себя счастливую Герду и, насыпая ей в миску корма, написал:

«Почему?»

«Да это чертова „Юнона и Авось“ пристала! Теперь вот вспоминаю наш последний костер и... жутко мерзну! Я лежу под двумя одеялами и мерзну! Придется третье купить».

«Оденься потеплее. Так и заболеть недолго».

«Не могу. Я привык спать голым, в одежде не усну».

— Кх, — кашлянул Володя.

«Юр, в такие подробности ты меня, пожалуйста, не посвящай».

«Не понял». — Юра прислал обиженный смайл. Из всех смайликов Володя больше всех ненавидел именно его.

«Не обижайся! Просто у меня фантазия бурная, а сейчас я еще и под мухой».

«Хочешь сказать, так сразу меня и представил? — написал Юра и выслал вдогонку хохочущий смайл. — А хочешь, я прямо сейчас себя сфотографирую и фотку вышлю?!»

Чистя зубы, Володя кое-как натыкал левой рукой:

«Ничего тебя понесло — от грустных воспоминаний к эксгибиционизму!»

«Там было не только грустное вообще-то. И не говори, что никогда не вспоминал о том, что случилось под ивой в нашу последнюю ночь».

«Вспоминал, конечно».

«Ты знаешь, Володь, это был один из самых чувственных моментов моей юности».

— Юра, блин! — буркнул Володя, ложась в кровать. То же самое продублировал в сообщении:

«Блин, Юра!»

«Да что не так-то?!»

«Я не люблю вспоминать об этом, потому что, во-первых, мне было больно тогда. И, во-вторых, мне, блин, больно сейчас, но уже в другом смысле».

«В каком?»

— Да он что, издевается? — спросил Володя вслух. Герда, будто бы отвечая ему, что-то проскулила.

Он написал:

«Ты сам запретил мне видеться с Игорем, а теперь провоцируешь! Еще и про всякие тюнинги напомнил».

«Так вот оно что... Прости, больше не буду».

«Вот и правильно».

«Прими файл».

«Не приму».

«Прими, я сказал!»

Володя напряженно вздохнул — ведь не вышлет же Юра всерьез фотографию в стиле ню? Он скачал файл, открыл. Со снимка на него смотрел сонный, растрепанный Юра. Он лежал на темно-синей подушке с натянутым по самый подбородок одеялом.

«Ну и как я тебе? Сексуальный?» — И хохочущий смайл.

— Вообще-то да, — вслух пробубнил Володя.

«Ты очень милый. Но шутки у тебя все равно хреновые!»

«Какие уж есть...» — ответил тот.

Володя сел в кровати, набрал: «Если продолжишь в том же духе, я приеду к тебе не дружить...» — и удалил сообщение. Снова набрал текст: «Зачем ты кокетничаешь со мной? Хочешь, чтобы я приехал к тебе как друг или как...» — и снова удалил. Отправил нейтральное «Спи уже, провокатор».

Шутки шутками, а Юра добился своего — заставил Володю вспомнить тот разговор в лодке, когда он рассказал про свои еврейские корни и обрезание. Как сильно тогда взбудоражила Володю эта тема! И, к его стыду, увлекала она и сейчас.

Да, в Европе и Америке такое не редкость, но здесь и сейчас для Володи это стало еще одной особенностью Юры. Лежа в одиночестве в темноте, он размышлял о том, каково — быть с ним? Тело среагировало на фантазии и заныло, его окутало болезненное тепло.

Нельзя фантазировать. Нельзя даже думать о близости с ним, ведь он друг. Нет, не просто друг, а бывший возлюбленный. Тот, по кому Володя когда-то сходил с ума. Тот, с кем сходил с ума. Тот, без кого сходил с ума. Нельзя придавать его образу сексуальности, ведь он живет за тысячу километров, в другой стране, их связь настолько хрупка, что в любой момент может оборваться. Стоит кому-нибудь появиться рядом с Юрой, не в виртуальном пространстве, а в реальной жизни, или стоит появиться важным делам, как Володя вмиг станет для него никем.

И он все это понимал, но воображение уже нарисовало возбуждающие картины: какой он, Юра, каково заниматься с ним сексом. Сексом? Нет, любовью! Потому что тогда у них был не секс, а любовь. В голове тут же вспыхнули картинки того, что было между ними и как: ива, ночь, его губы, его тело...

У Володи зашло дыхание, сердце заколотилось, кровь отлила от лица, а руки опустились к паху...

Заскулила Герда, и Володя будто очнулся от наваждения — в кои-то веки ей приспичило на улицу исключительно вовремя.

Гуляя с собакой, он думал: разве у них с Юрой что-то вообще может получиться? Володя не говорил на немецком и не разбирался в музыке. По сути, не знал двух главных Юриных языков: на одном Юра

думал, на другом — чувствовал. Ну и что? Зато он знал тот язык, на котором Юра может обо всем этом рассказать.

«Ты хотел бы это вернуть?» — написал Володя, снова укладываясь спать. Юра ответил мгновенно:

«Не думаю, что возможно вернуть все в полной мере».

«Да. Ты прав. А жаль», — вздохнул Володя.

Ответ был коротким:

«Очень».

* * *

Ему казалось, что он падает. Володя все ждал удара о землю, ждал, что разобьется в лепешку — и мокрого места не останется, но падение не прекращалось. Оно началось давно — еще тогда, из-за брата Вовы. А теперь посреди смены в «Ласточке» Володя обнаружил, что падает вместе с Юрой. И он бы хотел отпустить его, не тянуть за собой в эту пропасть, уберечь, прикрыть, ведь падение обязательно когда-то закончится... И пусть оно убьет только Володю.

Юра сводил его с ума. Сам того не понимая и уж точно не хотя этого, день за днем, час за часом доводил Володю до безумия. Но оно было слишком приятным, слишком желанным. Слишком желанным был Юра.

Глядя в его влюбленные глаза, Володя терялся. Сколько в них было настоящих чувств! Ему нравилось, как безгранично и искренне Юра показывал свою влюбленность, но в то же время это так пугало! Они ведь делали что-то совершенно неправильное и неестественное! Но почему, почему тогда все это было таким манящим?

Юра совсем не понимал, что так нельзя. Юра полностью отрицал, что они делают что-то плохое, и с его логикой тяжело было поспорить — ведь если это светлое, прекрасное чувство нравится обоим, разве оно может быть неправильным? А Володя просто не знал, как объяснить ему, что может. Еще как может! Что оно, стоит только забыться, погубит их обоих!

А Юра не хотел ничего слышать и забывался часто: хватал его за руки, когда другие могли увидеть, пытался в шутку обнять — но для Володи это выглядело слишком провокационно. Садился слишком близко...

Чего стоил только тот момент, когда сонному Володе пришлось рассказывать малышне страшилку, а Юра придвинулся и что-то зашептал ему прямо в ухо. Володя даже не расслышал, что тот сказал! Весь окоченел, чувствуя только горячее дыхание Юры на коже и в волосах, его руку, случайно оказавшуюся на колене. И истому по всему телу — невыносимую, жаркую, неправильную. А Юра даже ничего не заметил! Не понял, что сделал, да и откуда ему о таком было знать?

Каждый раз Володя, сцепив зубы, обещал, что не позволит себе сорваться. Каждый раз он клялся, что все это никоим образом не затронет Юру.

А Юра поцеловал его в шею.

Чертова беседка романтиков! Прекрасный вид на раскинувшийся внизу пейзаж, свежий воздух и ни души на несколько километров вокруг. Только трепетно обнимающий Юра — совсем близко. Он просто уткнулся лицом Володе в плечо и нечаянно коснулся губами шеи у воротника рубашки. А Володю потрянуло так, будто по нему пропустили разряд тока. Он отпрянул от Юры, испугавшись своей же реакции — желания у него были однозначные.

Юра замер, удивленно глядя на него. Сидел на столе, болтая ногами в нескольких сантиметрах над землей, а сам откинулся чуть назад. Вся его поза манила: хотелось подойти, прижаться вплотную, взять в ладони лицо и целовать, целовать, целовать... Не невинно и ласково, не так, как всегда, едва касаясь губами, а по-настоящему, повзрослому.

«О чем ты только думаешь?!» — мысленно ругал себя Володя, на ватных ногах шагая к спуску с холма.

И, казалось, все, уже все, ему бы только дойти до лагеря, а там, может, на кухне есть кипяток? Ведь на полдник всегда подают чай или какао...

Володя совсем ничего не соображал, поэтому так легко поддался Юриной панике, когда тот заметил неподалеку от лодочной станции Машу и приказал улечься в лодку. Он не успел подумать, а Юра уже накрыл их брезентом. По нему барабанили капли дождя, а Володе казалось, что его поймали в клетку.

Юра выглядывал Машу, ждал, когда та уйдет. Володя же чувствовал только одно: тесноту. Сводящую с ума, жаркую тесноту

и Юрину спину рядом, его затылок аккурат у своего носа. Не удержался — втянул воздух, ощутил запах Юриной кожи и волос.

В небе громыхнуло.

— Ушла? — сипло выдавил Володя.

Юра вроде бы не заметил его сдавленного голоса, но получалось, что из-за дождя и прячущейся на складе Маши лежать им тут придется долго.

Юра медленно, чтобы не качать лодку, развернулся к нему, сполз чуть пониже. В крошечной темноте сложно было что-то разглядеть, но Володя ощутил дыхание Юры на своих губах.

«Боже...» — мысленно взмолился он, но пути назад просто не было. Путь был лишь один — к Юриным губам, и Володя балансировал на тонкой грани, боролся с собой до того момента, пока Юра не сжал его ладонь.

— Юр, — прошептал Володя.

— Что?

— Поцелуй меня.

Он сказал это. Он сам попросил. Он сам толкнул Юру в этот омут — без возможности взять свои слова обратно.

Юра целовал его — пылко, страстно, горячо, и этой сладкой пытке не было конца. Ее не хотелось прекращать, из головы улетучились все мысли, был только этот момент, тесное, замкнутое пространство и Юрина рука под рубашкой, скользкая по коже.

Юра весь горел: льнул к нему, будто было возможно прижаться еще сильнее. А Володя сгорал вместе с ним. Замерло время, и сама планета, казалось, остановилась. Существовал только этот момент. И только они двое — в нем.

Далекий звук горна, оповещающий о конце тихого часа, будто выбросил Володю в реальность. В нее не хотелось возвращаться, не хотелось отрываться от Юры.

— Пора, Юр. Надо идти.

А за то, что случилось часом позже, Володя проклинал себя потом еще очень долго. Это было так гадко, так мерзко, что хотелось провалиться сквозь землю.

Он не дошел до столовой, когда все отряды отправились на полдник, — есть не хотелось совершенно. Нужно было утихомирить мысли и бушующее сердце, посидеть в тишине и успокоиться. Володя

закрылся в своей комнате, прижался к двери спиной, будто пытаюсь спрятаться. Но прятаться от себя было бесполезно.

Юра, Юра... Что же они делают, куда же их несет?

Володя сел на кровать, зажмурился. Все тело ломило — от усталости и пережитой недавно истомы. Под закрытыми веками мелькали образы: лодка, Юрино лицо, его губы. Кожу под рубашкой до сих пор жгло фантомной нежностью Юриных прикосновений. На губах до сих пор остался его запах и след мокрого, горячего поцелуя.

Володя упал лицом в подушку, жалобно застонал, сцепив зубы.

«Не смей, нет, не нужно», — умолял он, но руки невольно тянулись к бляшке ремня на шортах.

«Может, так будет легче? Перестанет быть так тяжело и больно?» — убеждал он себя же.

Он закусил ткань подушки, чтобы позорно не стонать. А руки двигались, тело сводило от удовольствия, Володя задышался и жмурился до белых пятен перед глазами. А в этих пятнах — Юра. Красивый, желанный, любимый Юра.

Легче не стало. Судорожно ища, чем вытереться, Володя чувствовал себя разбитым, грязным и мерзким. Как он мог? Боже, как он только мог так опорочить чистый образ Юры?..

Глава 9

Ненужные вопросы

Володя заранее согласовал отпуск, оформил документы и довольно быстро получил визу. Оставалось только дожидаться конца декабря. А время, как назло, словно превратилось в тягучую смолу.

Он старался если не полностью игнорировать ощущение постоянного ожидания, то хотя бы не заикливаться на нем. Ушел с головой в дела — очень кстати подвернулся крупный сложный проект по строительству нового жилого комплекса. Но если раньше за работой время летело быстро и он не замечал, как сменяются дни, то сейчас оно будто застыло на месте.

Володя просыпался каждое утро не с мыслью об очередных договорах и чертежах. Открыв глаза, он прежде всего вспоминал, что скоро увидится с Юрой. И улыбался, но улыбка тут же таяла. Во-первых, не так уж и скоро. Во-вторых, еще непонятно, стоит ли этому так радоваться. Он не знал, что принесет ему эта встреча, и, если уж быть совсем откровенным, боялся ее.

Он никак не мог понять, что представляют собой их отношения. Они состояли из дружбы — огромной, теплой, пронесенной сквозь года, умеющей понимать и прощать. Но, помимо дружбы, в них крылось еще много чего: старая боль, упущенное время, чувство вины за совершенные ошибки.

И еще была любовь — забытая, зарубцевавшаяся, как старая рана. Но день за днем Володя ощущал, что на ее месте прорастает, пробивается, словно трава сквозь асфальт, новое чувство. Он остерегался его, боясь спутать с другим чувством — к другому Юре, шестнадцатилетнему. Не хотел цепляться за воспоминания.

И окажись на месте Юры кто угодно другой, Володя бы четко знал, с какими намерениями к нему ехать. Но это — Юра. Сейчас между ними возникло что-то хрупкое и светлое, что-то невероятно ценное. И это «что-то» было так легко разрушить — одним неверным словом.

Поэтому Володя гнал от себя эти мысли, гнал — и уходил в работу. А в перерывах общался с Юрой. Тот тоже усиленно работал — спешил выполнить заказы до рождественских каникул. Много рассказывал про Германию, про свой город, о том, как немцы готовятся к Рождеству, наряжая дома и улицы. Планировал, куда поведет Володю, что ему покажет и чем будет кормить.

Как-то раз Володя пошутил:

«Ох, Юра, не слишком ли много у тебя на меня планов?»

На что получил подмигивающий смайлик и текст:

«Ты не знаешь даже о половине моих планов на тебя...»

Что именно он имел в виду, Володя решил не уточнять — и так последние две ночи засыпал с огромным трудом. Таблеток Игоря осталось немного, а просить у него новый рецепт совсем не хотелось. Пришлось купить в аптеке слабое снотворное. Быстро засыпать от него не получалось, зато и вялости по утрам не было.

В конце ноября очень некстати началась эпидемия гриппа. Едва ли не четверть штата заболела, и работать пришлось еще больше, чем раньше, ведь заказчики не спешили отпускать на больничный всю фирму.

Юра, узнав, что по офису Володи гуляет вирус, тут же приказал ему запастись лекарствами, одеваться теплее, носить шапку и тканевую маску. Володя отнекивался: препараты купил, но от шапки отказался — мол, зачем, если все равно ездит на машине. Маску покупать даже не подумал — с пиджаком и галстуком она никак не сочеталась.

В четверг расклеилась Лера. С утра была еще ничего — Володя слышал из приемной ее бодрый голос. Но уже после обеда, когда она принесла ему документы на подпись, заметил поалевшие щеки и усталый взгляд.

— Лера, отправляйтесь-ка и вы на больничный, — попросил он.

— Да ладно, Владимир Львович, сегодня четверг, завтра еще отработаю, а за выходные очухаюсь.

— Ценю ваш энтузиазм, но, если вы действительно заразились, не стоит подвергать риску других.

— Спасибо за беспокойство, Влади... — Она внезапно закашлялась. — Простите. Хорошо, сейчас подготовлю вам список дел на завтра и пойду в поликлинику.

Вообще Володя считал, что у него достаточно крепкий иммунитет. И, проснувшись в пятницу утром, списал легкое головокружение на эффект от снотворного. Признать, что все-таки заболел, пришлось к вечеру: общую вялость и усталость после рабочей недели дополнили насморк и повышенная температура.

Он собирался созвониться с Юрой, но, стоило только настроить видео, как тот вместо приветствия обеспокоенно спросил:

— Ты в порядке?

— Ну в относительном. Кажется, кто-то все-таки на меня покашлял...

— Так, ну-ка давай быстро отключайся и дуй домой спать.

— Да нет, я норма...

— Володя, блин, у тебя глаза красные и голос сел!

— Юр, да я...

Но Юра тут же отключился. Володя раздосадованно цокнул языком, но в ICQ тут же пришло сообщение:

«Не обижайся только, я правда за тебя переживаю. Лучше потратить силы на выздоровление, чем на общение со мной!»

«Ты зря так беспокоишься, я не настолько плохо себя чувствую. Но мне приятна твоя забота, — написал Володя. — Уговорил, я поехал домой».

В ответ ему прилетел строгий смайлик, показывающий кулак:

«Выздоровлявай! Только попробуй не выздороветь!»

А утром оказалось, что Юра беспокоился не зря.

С трудом разлепив тяжелые веки, Володя порадовался тому, что сегодня суббота и на работу ехать не нужно. Герда, прыгнув на кровать, ткнулась холодным носом ему в щеку и коротко жалобно проскулила, как бы говоря: «Я вижу, хозяин, что тебе плохо, но мне очень нужно по делам».

— Прости, девочка, — просипел Володя, медленно вставая с кровати, — но бегать сегодня придется без меня.

Он выпустил Герду во двор. Прикрыл за ней дверь, оставив щель — собака умела открывать ее сама, — и снова упал в кровать.

Юра написал непривычно рано — сообщение висело с полвосьмого утра:

«Как ты себя чувствуешь? Температура есть?»

Володя ответил:

«Только проснулся, выпустил собаку и снова лег. Буду отсыпаться». — И провалился в липкий температурный бред, который сменился кошмаром.

Володя даже сквозь сон чувствовал, как горит лицо, но в своем видении мерз. Он шел по руинам аллеи пионеров-героев, и с обеих сторон темными провалами глаз на него смотрели гипсовые статуи. Из рта вырывался пар, ноги проваливались в землю. Он споткнулся о кусок выбитого камня, упал на колени, затормозил руками и увидел, как погружается в липкую грязную жижу. Володя пытался вырваться, вытащить руки, но чем больше сопротивлялся, тем больше его затягивало вниз, а внутренний голос объяснял, что это болото — его собственное прошлое и оно его топит. Он погрузился в грязь с головой и тут же вынырнул.

Проснулся, посмотрел в белый потолок своей комнаты, глубоко, со стоном, вдохнул полной грудью. Но на него тут же белыми хлопьями посыпалась штукатурка.

«Володя! — звал его знакомый голос, и он понял, что находится не в своей комнате, а в недостроенном корпусе пионерлагеря. Юра сидел на полу у стены, а вокруг него шелестели газеты, гонимые холодным сквозняком по пустым коридорам. — Володя, у меня ноги замерзли!»

Он склонился над Юрой, и ощущение его кожи под губами показалось слишком реальным. Володя грел его колени своим дыханием и сжимал их холодными пальцами, а Юра хихикал и вздрагивал.

А когда Володя поднял взгляд, Юра улыбнулся так, как умел только он, — тепло и ехидно.

«Ты же понимаешь, что меня уже нет?» — весело спросил он.

Володя замер, охваченный страхом — Юрино лицо начало стремительно меняться, взрослеть: волосы потемнели, под глазами залегли тени, с губ сползла улыбка.

«Прошлое не вернется», — сказал уже знакомым, своим голосом Юра и рассыпался, оставив на руках Володи крошево гипса.

Из лихорадочного сна Володю вытащил далекий женский голос. Кто-то звал его. Володя почувствовал, как что-то прохладное легло ему на лоб. Тиски вокруг головы чуть ослабли, сон отпустил, Володя смог приоткрыть глаза. Все вокруг было белым и качалось, и только спустя пару секунд он сообразил, что перед ним ткань белой водолазки.

Володя поднял взгляд выше, сощурился и разглядел обеспокоенное лицо Маши.

— Ох, ничего себе, уже нагрелось, — сказала она, убирая с его лба влажное полотенце.

Вскочила, ушла на кухню, а когда вернулась, Володя смог кое-как сесть.

— О, наконец-то пришел в себя! Я так испугалась, уже собиралась скорую вызывать!

Упираясь руками в матрац, чуть покачиваясь, Володя смотрел на нее исподлобья и силился понять — сон это или галлюцинация? Так или иначе, Маша здесь не могло быть физически — как минимум она не знала, где он живет.

— Так, ладно. — Маша положила полотенце на столик, сложила руки на груди и дала указания — непонятно, ему или себе: — Раз ты проснулся, нужно выпить жаропонижающее! — И снова умчалась на кухню.

Вместо нее в комнату, сперва неуверенно просунув любопытный нос, а потом осмелев, протиснулась Герда.

— Ты тоже мне чудишься? — поразившись охриплости своего голоса, спросил Володя, когда собака ткнулась ему в руку. — На ощупь вроде бы настоящая... — Он потрепал ее по ушам.

Вскоре вернулась Маша с дымящейся чашкой в руках. Она поставила ее на тумбочку возле кровати и приказала Володе громко и четко, будто глухому:

— Чуть-чуть остынет, и пей! — А когда Володя кивнул, принялась бурчать себе под нос: — Какой Конев внимательный, запомнил, где у тебя аптечка лежит, молодец... Ой, ты же, наверное, голодный! Будешь есть?

В голове немного прояснилось. Володя поднял на Машу тяжелый мутный взгляд, с трудом просипел:

— Конев? Тебя Юра попросил приехать?

— А кто же еще? Не сама же я телепатически поняла, что ты заболел и лежишь тут почти без сознания? На телефон свой посмотри: он сначала писал, потом два часа до тебя дозвониться не мог... Да я и сама знаешь как перепугалась, когда приехала, а ты не открываешь? Хорошо, что Юра подсказал постучаться к соседям. Я думала, Татьяна

даст мне ключи от дома, а она открыла калитку в твой двор. И то хорошо, я уж думала, через забор лезть придется.

— Чего? — Володя не поспевал за ходом ее мысли.

— Ну в твой двор. Та калитка — дальняя. У вас с соседями дворы соединены калиткой, — Маша указала на окно, — вон той. Вообще почему я объясняю это тебе?

— Да понял я, понял, — буркнул Володя. — Да уж, для тебя не существует преград. — Он вяло улыбнулся.

Рассеянно оглянувшись по сторонам, он запоздало осознал, что уже смеркается.

— А сколько времени?

— Половина седьмого. Давай пей лекарство, а то остынет!

От синтетического запаха лимона подташнивало, но, пересиливая себя, Володя сделал пару глотков. В голове еще немного прояснилось, и наконец до Володи дошло главное: Юра так за него беспокоился, что даже прислал Машу из Харькова!

— Блин, надо сообщить Юре, что все в порядке... — Володя потянулся за телефоном, чуть не разлив на грудь свое питье.

— Успокойся, я уже написала ему СМС. Отчиталась, что ты проснулся. Он передал, чтобы ты пил лекарство, попробовал поесть и снова ложился спать.

Володя пил и морщился от кисло-горького вкуса. Лучше бы он проглотил все разом, но было слишком горячо. Маша, присев на кровать рядом с ним, трясла в руке градусник.

— На, — сунула она его Володе. — Нужно понять, насколько все плохо. Вдруг у тебя уже температура под сорок, а мы тут порошочки пьем...

— ...вместо того чтобы вызывать катафалк? — мрачно пошутил Володя.

— Дурак ты!

Володя лишь пожал плечами, скривился и допил остатки микстуры. Маша забрала у него чашку и градусник. Посмотрела на него.

— Ну, жить будешь. Так есть-то хочешь?

Он качнул головой — аппетита не было совершенно, а от лекарства моментально потянуло в сон.

— Тогда ложись...

Володя послушно упал затылком в подушку, Маша набросила на него одеяло, Герда лизнула руку и что-то коротко проскулила на своем собачьем языке. Володя посмотрел на нее и вздохнул — должно быть, голодная.

— Маш, там на кухне, в нижнем шкафу, корм... Будь другом, покорми собаку, пожалуйста.

— Не переживай, я уже. Твоя Герда сама мне все показала.

— Ну ты и молодец... — Он зевнул. — Подожди, откуда ты знаешь, как зовут мою собаку?

Она засмеялась:

— Да Юра мне все рассказал, спи уже!

Он провалился в зыбкий сон без сновидений, а проснулся от прекрасного запаха, просачивающегося сквозь прикрытую дверь спальни. В первое мгновение Володе даже почудилось, что он в родительской квартире — лежит на своем старом диване и слушает разговор матери и отца за дверью. Но сонная дымка быстро рассеялась, за дверью не было голосов, лишь негромко позвякивала посуда.

Володя вышел из темной спальни в гостиную — свет резанул по глазам. Маша стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле, и громко ойкнула, когда он кашлянул, чтобы привлечь внимание. Володя распознал, чем так вкусно пахло на весь дом — Машиным борщом.

— Я тут это... — Обернувшись, она развела руками, как бы извиняясь. — Немного у тебя похозяйничала. Пришлось сходить в магазин за продуктами, а то у тебя в холодильнике как-то все очень... скучно — курица да творог. Хорошо, что Татьяна подсказала, куда идти.

Володя сел за стол, попытался проанализировать факты. Его и соседский участки соединяла калитка, чтобы собачница Татьяна могла приглядывать за Гердой, когда Володя оставался в городе. Значит, Маша сходила к ней, когда не смогла дозвониться и достучаться до Володи? И просидела с ним целый день, потратилась на такси и еду?

— Маш, спасибо тебе. Очень неудобно, что я тебя так напрягаю.

— Ой, да брось! Мне совсем не сложно, тем более ты тоже для меня много сделал. Я тебя среди ночи своими звонками донимала, а ты мало того что не бросал трубку, так еще и приехал ко мне в трудную минуту!

Он заметил, что Маша смутилась: опустила глаза в пол, а потом и вовсе отвернулась, стала помешивать еду.

— Почти готово, — пробурчала она. — Говяжьих костей в магазине не было, пришлось купить для бульона мякоть. Но тебе, болеющему, так даже полезнее — диетический получился борщ. И только попробуй отказаться! — Она потянулась к шкафчику и достала посуду. Выходит, уже успела выяснить, где что лежит. — Во-первых, я старалась, во-вторых, если не отчитаюсь в течение десяти минут, что ты поел, Юра меня прибьет.

Несмотря на вялость, Володя хохотнул:

— Юра в другой стране, как он сможет тебя прибить?

— Силой мысли! — Она поставила перед ним тарелку. — Вот тебе смешно, а он мне каждые полчаса писал, пока ты спал. — Будто в подтверждение ее слов красная «раскладушка» на столе завибрировала. — Вот, говорю же! — Маша взяла телефон и принялась набирать текст, проговаривая его вслух: — «Юра, все ок. Володя проснулся, ест борщ. Выглядит плохо, но жить будет». Нет, не так: «Выглядит нормально».

Володя усмехнулся:

— Встретились два паникера.

А борщ, как и в прошлый раз, оказался божественным. Володя, чтобы похвалить, собирался в шутку возмутиться, мол, куда смотрел Машин бывший муж, но вовремя остановился — такое могло ее задеть.

— Володь, ну я поеду, — сказала Маша полчаса спустя. Она не только накормила его, но и вымыла посуду, несмотря на протесты Володи. — Поздно уже, мне утром на работу. Завтра я позвоню, а вечером еще заеду тебя проведать. Пей много жидкости, я видела у тебя мед — пей чай с медом. На улицу не выходи, там холодно! И вообще больше лежи и не вставай! Я оставила на столе аспирин, парацетамол и микстуру. Если завтра не полегчает, привезу что-нибудь посерьезнее.

— Спасибо, Маша. Насчет завтра — не надо, не трать время зря. Ты и так весь выходной пустила псу под хвост.

Он хотел как лучше, чтобы не напрягать ее, но Маша в ответ нахмурилась.

— Но мне правда совсем не сложно! — И вдруг мило улыбнулась. — Мне даже приятно за тобой поухаживать...

Володя вызвал ей такси, она строго-настрого запретила провожать ее даже до ворот и захлопнула дверь перед самым носом, прикрикнув:

— Ложись спать! Из дома не выходи — продует!

Оказавшись в постели, Володя первым делом достал телефон и запустил ICQ. Юра еще не спал.

«Юра, ну ты даешь!» — сразу же, не здороваясь, написал он.

«Кто бы говорил! Я уже собрался брать билеты и лететь в Харьков срочным рейсом! Угораздило же тебя!!!» — Желтый колобок в конце сообщения показывал кулак.

«Не кричи на меня...» — ответил Володя, улыбаясь, и, сам не понимая, что на него нашло, отправил вдогонку смущающийся смайлик.

«Ладно, не буду. Я просто переживал. Как ты себя чувствуешь?»

«Плохо, но уже лучше, чем днем. Машин борщ — настоящая панацея!»

* * *

Утром ему полегчало — температура упала до стабильных тридцати семи и двух, но голова раскалывалась, горло болело, и ко всему прочему добавился сухой кашель. Закутавшись в одеяло, Володя с трудом передвигался по дому. Смотреть в зеркало даже не решался: догадывался, что выглядит как с креста снятый — хоть панихиду заказывай.

Все воскресенье он провел дома. Чувствовал себя максимально бесполезным — самое ненавистное для Володи ощущение. В обед он заставил себя поест, выпил лекарства и покормил собаку. На этом силы иссякли.

Юра в четвертый раз за день поинтересовался его самочувствием, и Володя заверил, что начал выздоравливать, — не хотел заставлять его переживать.

Но к вечеру, когда действие жаропонижающего прошло, а от очередного приступа кашля чуть не вывернуло легкие, Володя возвел усталые глаза к потолку и невольно задумался, каково ему было бы без Юры и Маши. Совершенно одному, в тишине пустого дома, проваливаться в яму горячечного бреда. А потом, чудом выбравшись

из нее, падать в следующую. Володе стало по-настоящему страшно от осознания, что он совершенно один.

Когда умер отец, вокруг него были люди, и то пришлось выбивать дверь. Если бы сердечный приступ случился дома — рядом была бы мать. А рядом с Володией только Герда, которая, случись что, никак не сможет помочь.

После похорон отца Володе в голову не раз закрадывались пугающие мысли о том, что смерть — это не нечто абстрактное, чего никогда с ним не случится, а вполне реальная вещь. И хуже того — неминуемая. Нет, физическое здоровье Володи было в порядке: он правильно питался, а до того как в его жизнь ворвалась Маша, каждый день плавал в бассейне и бегал по утрам. Но, несмотря на все это, он не молодеел. Здоровье могло подвести в любой момент.

Разумеется, случись что-то совсем серьезное, он бы позвонил кому-нибудь: тому же Брагинскому или на худой конец Жене. Но если что-то внезапное вроде инсульта? Он содрогнулся, представив, как лежал бы и корчился, а вокруг бегало бы единственное любящее его существо, искренне желая помочь и совершенно не понимая, что нужно делать. Володю, конечно, нашли бы, но когда? Может, через неделю, может, позже...

Раньше он вообще не задумывался о таком. Все эти страшные мысли появились после смерти отца. Должно быть, это последствие шока, а значит, скоро пройдет. «Но тренировки, — решил Володя, — нужно возобновить».

Вечером пришла Маша. Не предупредила заранее, а сразу позвонила в дверь. Володя забыл про ее обещание и успел напрячься — кого еще принесло? Не Игоря ли? Уж кого-кого, а его он видеть совсем не хотел.

Маша деловито разулась, прошла на кухню, водрузила на стол два пакета.

— Я тебе тут лекарств принесла: сироп от кашля и капли в нос, жаропонижающего еще купила. А вот тут, — она достала из пакета контейнер, — плов, свежий, Димке готовила и тебе заодно положила. Не одним же супом питаться.

Володя даже смутился — чем он заслужил такое расположение Маши? Тем, что помог разобраться с Димой? Но, если подумать, пользы от Володи было немного.

А Маша тем временем уже переложила еду в тарелку и сунула в микроволновку.

Володя посмотрел на нее, нахмурившись, и она заговорила:

— Что? Давай, начинай рассказывать: «Маша, да не нужно было, да я вообще не голодный». Знаю я вас, мужиков. И даром что ты не совсем обычный мужик — все вы одинаковые. — Она махнула рукой и полезла доставать еду. — Хрена с два вы сами о себе позаботитесь!

Взглядом указав Володе на стул, Маша поставила тарелку и положила вилку, а сама принялась заваривать чай. И Володя почему-то не посмел возразить. Стал молча есть, наблюдая, как она хозяйничает на его кухне — немного неуверенно, но только потому, что пока не запомнила, где что лежит. Герда крутилась возле ее ног. Маша вопросительно посмотрела на собаку, потом на Володю.

Он строго буркнул:

— Герда, отстань! Я покормил тебя час назад. Нечего перед гостьей выпендриваться!

Герда не обиделась, подбежала, ткнулась носом ему в колено и потопала в гостиную. Запрыгнула на диван, легла и стала за ними наблюдать.

За последние полчаса Володя не раз поймал себя на мысли, что Маша ему очень сильно кого-то напоминает. Но он никак не мог взять в толк, кого именно.

— Та-ак... — сердито протянула она. — Вижу, что чая не убавилось. А ведь я говорила, чтобы ты пил побольше горячего!

И тут Володю осенило. Он даже мысленно обозвал себя бестолочью за то, что не понял сразу. И не смог сдержать улыбки. Да Маша же вылитая его мать! Та была такой же одновременно заботливой и совершенно невыносимой, когда кто-то болел: будь то отец, сам Володя или соседка с третьего этажа.

На душе потеплело, сердце защемило светлой грустью — Володя так давно не виделся с матерью. Мысленно сделал себе пометку: обязательно позвонить ей завтра.

Маша заварила чай. Подвинув одну чашку Володе, подула в свою.

— Ну а как у тебя вообще дела? Я все бурчу, а ты молчишь.

— Да нормально... для болеющего. — Володя пожал плечами. — Устал лежать, а делать ничего не могу.

— Да, выглядишь ты несчастным... — Она ободряюще улыbnулась. — Ну ничего, очухаешься! Кстати, а как там Юра? Вчера ведь чуть с ума не сошел.

Володя хохотнул:

— Это да, столько паники развел, аж неловко.

— Да ладно, как же еще? — Маша как-то странно посмотрела на него: — Вы с ним типа... ну... вместе?

Володя удивленно изогнул бровь. Опустил взгляд в чашку, медленно отпил чаю.

— Ты... что имеешь в виду?

— Ну в смысле «что»? То и имею! Вы вроде как... пара? — Она заговорщицки ему подмигнула — Володя и не ожидал от нее такого жеста. — Ну там, вспомнили былое, знаешь...

— Маш, ну что ты несешь? — Володе показалось, что у него вспыхнуло лицо, но, скорее всего, это было от температуры. — Юра живет в другой стране, мы с ним виделись несколько часов и... Мы просто общаемся!

Маша стушевалась.

— Да? Ну прости, просто вчера мне показалось... Не знаю, «просто друзья» так не переживают!

Володя покачал головой.

— Не согласен. Иногда дружба намного сильнее всякой там... — отчего-то он запнулся на слове «любовь», — всяких других уз. Ведь на самом деле у нас с Юрой только дружба и осталась — от того, что было тогда в лагере. Понимаешь?

— Ну да, наверное... Спустя столько лет... Любовь столько не живет. — Она грустно вздохнула и подперла подбородок рукой.

В груди екнуло. Не то чтобы Маша сказала нечто новое, Володя и без нее это прекрасно понимал. Но сама мысль, что любовь действительно не может пережить двадцать лет разлуки, причиняла боль.

— Ну что ты скуксился... Володь, да ничего страшного. Ты же поедешь к нему, может, еще наверстаете...

— Он тебе даже о поездке рассказал?

Маша пожала плечами.

— Ну да, так, между криками о том, чтобы я срочно ехала тебя спасать.

Они молча допили чай, Володя отнес кружки в раковину, зевнул.

— Как у тебя, кстати, дела с Димой? Не ссоритесь?

Маша насупилась, неопределенно мотнула головой — непонятно, то ли «да», то ли «нет».

— Что? — переспросил Володя.

— Ну так себе... Повздорили немного. У него характер, знаешь, вспыльчивый, весь в отца. Ничего, отойдет.

— Это понятно. А из-за чего?

— Та... — Она махнула рукой.

Володя не горел желанием лезть в их отношения. Но Машина забота пробуждала в нем желание помочь. Подсказать ей что-нибудь, пусть даже если и не послушает.

— Маша, точно ничего серьезного? — снова уточнил он.

— Да правда, Володь! — воскликнула она, но в ее голосе послышалась вина. — Ну ляпнула сгоряча, что это у него подростковое и скоро пройдет. Ну он опять обиделся... Ну я что, не права, что ли? Перерастет он все это и забудет как веселое приключение.

Володя лишь покачал головой.

— Эх, Маша, ничему тебя жизнь не учит. Мы же это уже проходили. — Он медленно, с расстановкой объяснил ей, как малому ребенку: — Такие вещи просто так не появляются и бесследно не проходят. Тем более, как мне кажется, говоря ему такие слова, ты обесцениваешь то, что для него сейчас важно.

Она вздохнула.

— Ну я вроде смирилась, но все же продолжаю надеяться, что это... ну, баловство. Как думаешь, пройдет у него это?

— Я уже отвечал тебе на этот вопрос. Сексуальность твоего сына, — он заметил, как Машу передернуло от этих слов, — не изменится. А дети и у гея могут быть. Но если Дима бисексуален, то кто знает, может, и женится, заведет обычную семью.

— Ой, правда? — оживилась Маша.

— Маш, ну я тебе объясняю очевидное. У тебя же есть интернет. Поищи там научные статьи вместо заговоров на мухах — и все узнаешь. Это же в твоих интересах, в конце концов.

Она снова нахмурилась, ее взгляд забегал. Затем, странно прищурившись, посмотрела на Володю.

— А ты не хочешь? С женщиной?..

Володя закатил глаза, отметил про себя, что уже успел привыкнуть к этому жесту при общении с Машей.

— Снова здорово! И это мы тоже уже обсуждали!

Маша встала из-за стола и уперла руки в бока.

— Я же не о том, чтобы спать с женщиной! Я о семье, о детях. Тебе уже лет-то сколько, неужели не хочется?

Володя резко вдохнул, собираясь поинтересоваться, как дети могут появиться без секса, но зашелся кашлем.

— Вот об этом я и говорю, — сказала Маша, возведя палец вверх и закудахтала: — И позаботиться о тебе некому, а был бы женат...

Володя ничуть не рассердился. Посмотрел на нее хмуро, а потом вдруг по-доброму засмеялся.

— Да что ты привязалась со своей семьей да женой? Позаботиться обо мне и мужик сможет!

— Фу! — воскликнула Маша, но скорее наигранно, чем с настоящим отвращением.

— А что? Может, тебе тоже задуматься о том, чтобы найти, — он сделал ударение на следующем слове, — спутницу жизни? Мужики же все одинаковые, так? И ты сама говоришь, что женщины и лучше, и красивее мужчин!

— Фу! — повторила Маша, скривившись. — Володя, что ты такое несешь?

Он засмеялся:

— Теперь ты поняла, что я чувствую, когда ты убеждаешь меня в необходимости жениться?

— Ой, да ну тебя! — Она тоже засмеялась.

Провожая ее к такси, Володя сказал:

— Спасибо, что заехала. И за плов — тоже, очень вкусный.

Он благодарил искренне. Пусть навещать его сегодня не было острой необходимости, зато за разговором быстрее пролетело время, да и настроение поднялось.

— Да не за что! — отмахнулась Маша.

Внезапно для самого себя Володя предложил:

— Может, сходим куда-нибудь, когда выздоровею? В театр или на концерт, посмотрим, что там есть. И оболтусов своих можешь взять.

— Вообще-то мой оболтус всего один, — уточнила она, — но я, конечно, только за! Давай!

— Тогда договорились, я посмотрю афишу и позвоню.

А пару часов спустя Володя пересказывал разговор с Машей Юре в ICQ. Разумеется, не весь, а только ту часть, где та заставляла его пить чай, есть плов и жениться.

Юра отправил целый ряд смайликов — желтые колобки катались по полу от смеха.

«Володя, так она, может, тебе свою кандидатуру предлагала? А ты, дурак, ничего и не понял!»

«Ну что ты выдумываешь?»

«Почему это выдумываю? Ты вообще-то завидный жених: солидный, со своим бизнесом, домом, без жены и детей».

«Ага, только есть один нюанс...»

«Какой же?» — спросил Юра и добавил ехидный смайлик.

«А то ты не знаешь!»

Но тот лишь посмеялся — снова смайликом.

Володя, уже зевая, написал:

«А вообще она мне жутко напомнила мать, если честно. Этими своими разговорами о семье».

«Ну... злободневно. Или как там говорят? А если серьезно, ты что по этому поводу думаешь? Не хочется, чтобы кто-то был рядом?»

Володя не стал уходить от щекотливой темы, честно ответил:

«Хочется».

Но умолчал, что в последнее время при мысли об этом «ком-то» перед глазами вставал образ Юры.

* * *

Володя вышел из машины, оглянулся по сторонам, посмотрел в серое небо. Погода не радовала ни вчера, ни сегодня — и, очевидно, не собиралась радовать в ближайшие четыре месяца. Конец ноября — та пора в Харькове, когда выходить из дома — плохая идея. Пасмурно и тускло. Такое ощущение, будто вполовину убрали яркость и насыщенность.

Направляясь к площади перед ХАТОБом, Володя приподнял воротник пальто, прячась от промозглого ветра. Дожидаясь Машу, он прошелся вокруг выключенного фонтана, наблюдая за желто-коричневыми листьями, плавающими в воде. На фасаде оперного

театра, хлопая на ветру, висела огромная афиша предстоящего мюзикла: белая маска на черном фоне и красная роза.

Выбирая, куда пригласить Машу с парнями, Володя сразу же наткнулся на плакат с «Призраком Оперы» — такие были развешаны по всему городу. Сперва засомневался, подумав, что Маше-то, конечно, захочется пойти на известную во всем мире историю о любви, а вот Диме с Толей вряд ли будет интересен именно мюзикл. Тогда он посоветовался с Юрой, и тот помог принять решение:

«Вряд ли они захотят пойти куда-либо, кроме современного концерта. А мюзикл — это хотя бы нечто среднее. Тем более, судя по твоим рассказам о Диме, ему может понравиться готический антураж».

Но, помимо этого, Юра, конечно, не смог не подколоть:

«Ты смотри... Да у вас, получается, семейный поход! Папа, мама, дети...»

«Юра, ну что ты опять...» — ответил Володя, качая головой. Ох уж эти его шутки!

«А что я? — смеялся смайликами Юра. — Маша — прекрасная женщина! И в молодости была красавица, а сейчас стала еще краше».

Но Володя уже научился не поддаваться на его провокации и пошел на опережение:

«А откуда ты знаешь, что она сейчас красивая?»

«Ну так она мне свое фото прислала».

«И зачем ей высылать фото тебе?»

«Я сам попросил...»

«А зачем тебе Машино фото?» — написал он, отправив вдогонку грустный смайлик.

«Володя, блин! Ты чего? Мне просто интересно, насколько человек изменился. Я ей тоже свое отправил».

Володя ничего не ответил — отвлекся на телефонный звонок. Он оставался на больничном, но работал из дома.

Но Юра, видимо, как-то по-своему воспринял молчание и написал еще одно сообщение:

«А ты случаем не ревнуешь, а? В „Ласточке“ я тебя к Маше ревновал, а теперь мы поменялись, да?»

Володя, смеясь, отправил ему зеленый смайлик, который сдерживал рвотные позывы.

Юра ответил коротко:

«Уделал».

Наконец со стороны Сумской показалась Маша: волосы убраны в высокую прическу, красная помада на губах. В черном платье и легком плаще, она ежилась от ветра. Следом за ней брели хмурый Дима и смущенный Толя.

— Привет! — подходя ближе, Маша махнула Володе рукой.

— Здравствуй. Хорошо выглядишь! — отпустил он дежурный комплимент, хотя это была чистая правда.

Стоящий за ее спиной Дима цокнул языком и прокомментировал:

— Маман вырядилась на свиданку! А нас-то нафига притащила? — И тут же получил за это тычок локтем в бок — от Толи.

По Толе было видно, будто он не в своей тарелке. Впрочем, кто из всех четверых в своей, оставалось загадкой. Разве что Дима — у него был такой вид, словно плевать он хотел на происходящее вокруг.

— Вообще-то в театр принято наряжаться! — назидательно подметила Маша.

Уж кому-кому, а точно не Диме было рассуждать о дресс-коде: во всех этих цепях да шипах его самого не факт, что пустят в театр. Володя собирался это озвучить, но взглянул на часы и поторопился:

— Идемте. Десять минут до начала.

Пока поднимались по ступенькам ХАТОБа, Дима возмущался:

— Нет, ну зачем все это надо? Какой-то мюзикл! Ты бы нас еще в оперу потащила!

Маша ответила строго:

— Сынок, прояви уважение! Дядя Володя нас пригласил, купил на всех билеты. Веди себя прилично!

Дима пробурчал что-то под нос. А Володя ничего на это не ответил, но порадовался сразу двум вещам: что у него нет детей и что в ближайшие два часа разговаривать будет запрещено.

Мюзикл Володе и понравился, и нет. Он наслаждался музыкой — в старом акустическом зале ХАТОБа живой оркестр звучал прекрасно, вот только сюжет вводил в замешательство. Володе показалось, что любовь Призрака к Кристине как к женщине фальшива. Он читал между строк иное: он видел любовь к музе, ревность — к ученице, а влечение — к ее голосу как к источнику вдохновения. Но никак не примитивное желание обладать человеком противоположного пола. Возможно, Володе просто почудилось, а возможно, постановщики

русскоязычного мюзикла немного переврали, и стоило посмотреть оригинал. Он решил обязательно обсудить этот вопрос с Юрой.

Выходя из здания театра, Маша вздыхала и, кажется, даже шмыгала носом.

— Эх, ну как же все-таки грустно, Володя! Такая любовь...

— Какая? — с иронией поинтересовался он.

— Ну... — Она неопределенно развела руками. — Такая... А он исчез! И куда вот он исчез?

Володя пожал плечами.

— Мне кажется, он погиб.

— Ну нет, — Маша поджала губы, — нет! Я буду думать, что он просто... ушел!

Володя засмеялся.

— Думай как знаешь, у каждого свое видение, на то оно и искусство.

Краем уха он услышал разговор идущих поодаль Димы и Толи:

— Ладно, признаю, все не так уж и плохо.

— Да брось, тебе понравилось!

— Ну не прям вот понравилось, но в целом было прикольно: музыка такая бам-бам, и оркестр такой громкий, правда, это оперное пение... у меня чуть глаза не лопнули...

— Кстати, у «Найтвиш» есть кавер на заглавную тему из этого мюзикла, слышал?

— Что, правда? — удивленно воскликнул Дима. — У тебя есть?

— На компе где-то лежит.

— Дашь послушать?

Он подвез их домой. Прощаясь, Маша неожиданно чмокнула его в щеку, тут же ойкнула и принялась оттирать с его кожи красный след помады, приговаривая:

— Спасибо тебе за вечер, было очень здорово! Давай как-нибудь еще раз куда-то сходим?

— С удовольствием, — согласился Володя, не кривя душой.

* * *

Зима пришла в Харьков, как часто бывало, с опозданием. Первый нормальный снег выпал лишь ближе к середине декабря, а до этого все таял, оседая на опавших листьях.

Герда радовалась снежинкам, ловила их и фыркала, когда белые пушистые мушки попадали на язык. Володя, наблюдая за ней, умилялся и даже немного завидовал: столько беззаботной радости было в этом существе.

Новогодние каникулы приближались, все документы были готовы, билеты — куплены, но оставалось одно нерешенное дело. Володя откладывал его до последнего, но дальше тянуть уже было некуда.

Стоя возле окна своего кабинета, глядя, как Харьков застилает белой пеленой снега, он достал телефон и написал Игорю в ICQ:

«Доброе утро. Нужно встретиться в ближайшее время».

Ответ пришел почти сразу:

«Зачем? Новый рецепт?»

Володя написал:

«И он тоже, но вообще нужно поговорить».

«Сегодня в восемь на Бекетова у памятника», — ответил Игорь.

Володя сказал Юре, что разорвал все связи с Игорем уже давно, хотя на деле это было не совсем так: они больше не виделись и почти не общались, но точку в отношениях еще не поставили. Володя мог бы просто написать или позвонить, но решил поговорить с ним с глазу на глаз.

Про рецепт он даже забыл — в последнее время так сильно уставал на работе, что перебивался слабыми снотворными.

Игорь опаздывал. Володя нервно постукивал носком ботинка по мраморной плитке площади Бекетова и поглядывал на часы. Мелкий снег не прекращался с самого утра, укрывал высокой шапкой памятник влюбленным за Володиной спиной. Ироничное место встречи с учетом, что он пришел сюда расставаться. Впрочем, никто не воспринимал этот чересчур абстрактный памятник буквально: вытянутые, анорексично худые, обнаженные парень с девушкой сливались в бронзовом поцелуе. Скорее карикатура на любовь, чем ее воплощение. Хотя, может, это у Володи было такое искаженное восприятие, а другим людям нравилось?

Игорь подошел, опоздав на целых пятнадцать минут.

— Извини, задержался, отлучался по делам, — виновато сказал он. — Привет!

Володя коротко кивнул:

— Здравствуй.

Игорь как ни в чем не бывало улыбнулся:

— Что это ты так официально? Пойдем сядем в машину? Я на Дарвина припарковался.

Володя нахмурился.

Игорь выглядел хорошо — в строгом шерстяном темно-синем пальто, из-под воротника виднелся оранжевый галстук. Даже на расстоянии метра Володя чувствовал приятный аромат хвойного парфюма. Но от мысли, что они окажутся в замкнутом пространстве, Володя непроизвольно скривил губы. И когда только этот человек стал для него настолько чужим?

— Давай лучше пройдемся? — предложил он. — Погода в кои-то веки хорошая.

Игорь удивился:

— Нет, мне в любом случае нужно в машину за рецептом.

В принципе разговор должен был выйти коротким — Володя лишь пожал плечами и пошел вниз по улице.

— Так о чем ты хотел поговорить?

Володя хмыкнул, задумавшись, как начать. Вообще он полдня формулировал, что сказать, чтобы Игорь больше не сомневался и воспринял его слова всерьез. Володя не боялся причинить ему боль — он был уверен, что Игорь вряд ли почувствует что-то, кроме обиды. Которая, скорее всего, будет велика — как же, ведь будет задета его гордость.

Лучше варианта, чем просто быть честным, Володя так и не нашел.

— Нам необходимо прекратить наши встречи, Игорь, — начал он. — Они мне больше не нужны. Я их больше не хочу.

Игорь продолжал медленно идти, опустив взгляд.

— Ну то есть мы опять расстаемся, да?

— Да. И насовсем, — кивнул Володя.

Он ждал, что Игорь заявит, мол, такое уже было, тогда пережили и сейчас переживем, но тот промолчал.

Они дошли до машины, Игорь снял ее с сигнализации, открыл дверь, достал свой портфель.

— Ты уверен? — спросил он. Внешне Игорь оставался совершенно спокоен, но его выдавали подрагивающие руки, судорожно ищущие что-то в сумке.

Вопрос показался Володе странным — за все последние месяцы он ни разу не усомнился в своем решении. Даже больше — отношения с Игорем для него закончились еще в сентябре, и эта встреча должна была лишь расставить все точки над i.

— В чем уверен, Игорь? Мы с тобой три месяца не виделись, а общались за это время всего пару раз. Разве для тебя это не очевидно?

— Хм... Ну мы и раньше отдалялись друг от друга. — Он кашлянул. — Так... почему? Из-за того дурацкого раза? Но я же извинился.

Володя кивнул:

— Да, и из-за того раза тоже. Но в целом наши отношения... Да боже, между нами уже давно нет никаких отношений!

— Нет, я так не считаю, — уверенно произнес Игорь. — Я вообще-то собирался жену бросить, рассказать ей все!

— И сколько лет ты собирался это сделать? И зачем? Ради меня? Игорь, не ври хотя бы себе.

— Я не вру. — Он покачал головой и оглянулся, будто ища свидетелей, а когда убедился, что их нет, шагнул ближе и сказал: — Я правда хотел остаться с тобой. Может быть, лучше возьмем паузу? Зачем сразу расставаться? Ты вспомни, как нам было хорошо вместе...

— Хорошо ли? — прищурился Володя. — Я бы сказал — удобно. Тебе были удобны наши отношения. Но теперь они стали неудобны мне.

Володя не увидел во взгляде Игоря сожаления, но тот все равно сказал:

— Жаль. Может, ты и прав, раньше надо было, а я все похерил.

— Не вини себя, ты тут ни при чем. Просто я нашел человека... Мы не пара, но встреча с ним поставила многое на свои места.

Игорь цинично усмехнулся:

— Нашел очередного мозгоправа?

— Нет, свою первую любовь.

— Того немца, что ли?

Володя скривил губы — от того, сколько презрения прозвучало в голосе Игоря.

— Да, его.

— И что? Почему вы не вместе, раз он вернулся в Харьков?

— Он не возвращался. Просто приехал погостить и улетел обратно в Германию. Но мы общаемся.

— Серьезно? — Игорь с издевкой ухмыльнулся. — И ты на что-то рассчитываешь? Ты не виделся с ним сколько — двадцать лет? Правда думаешь, что вернешь все, о чем ты там жалел?

— Нет, но...

Но Игорь, не дав ему вставить и слова, продолжил:

— Вова, я тебя хорошо знаю, я вытаскивал тебя все эти годы из психозов, а этот... как там его? Юра? — Имя он будто выплюнул. — Он тебя настоящего знает?

Володя злился, но сдерживался, не желая уподобляться Игорю и выплескивать весь негатив наружу:

— Знает и понимает.

Игорь скривился:

— Да ладно? И про снотворное он тоже знает? И про кошмары, и про срывы?

На это Володя только коротко вдохнул. Он понимал, что Игорь просто провоцирует, но признавал, что в его словах была доля правды. Игорь тем временем продолжал язвить:

— А ты уверен, что кто-то другой, кроме меня, готов принять тебя настоящего? Нужен ли ты такой своему Юре?

Володя на секунду прикрыл глаза и сжал зубы.

— Ты имеешь право злиться, — ровно ответил он. — Но давай на этой громкой ноте все же разойдемся. Я не намерен больше слушать твой бред.

Игорь хотел сказать что-то еще, но поджал губы и замолчал — наверное, догадался, что еще чуть-чуть и совсем потеряет лицо.

Володя хотел было развернуться, чтобы уйти, но тот протянул ему сложенный вдвое листок.

— На, все равно уже выписал. Чтобы к врачу не ходил, меня не подставлял.

— Спасибо. Будь счастлив, Игорь.

Возвращаясь пешком к офисной парковке, Володя как мог пытался не думать о его словах. Понимал же, что они сказаны сгоряча. Но в голове то и дело всплывали обрывки этих фраз.

«Ты уверен, что он готов принять тебя?»

Такие вопросы не волновали бы Володю, будь они пустым звуком. Но Игорь оказался прав — Володя не был до конца честен с Юрой. Он все еще не знал о таблетках. Не знал, что пить снотворное давно вошло у Володи в привычку — и физическую, и психологическую.

Ну не спит он без таблеток, ну мучается от тревожности и кошмаров — и что? Какая разница, как именно он засыпает? Но Юра бы непременно сказал ему: «Ты убегаешь от проблем, борешься с симптомами, а не с причиной». Вот только выяснять причины не хотелось. Стоило вспомнить осень, когда вспыхивало Володино проблемное прошлое, — как его прошибал пот. Он столько дров наломал, но так ни в чем и не разобрался.

«Нужен ли ты ему таким?»

От этого вопроса все внутри леденело. Именно поэтому было так страшно открываться, было так страшно, что Юра узнает правду о нем. Но Юра уже узнавал. Он уже дважды натыкался на эти подводные камни, сам того не желая: первый раз — узнав о грязных подробностях их связи с Игорем, второй раз — о побеге с концерта. А теперь появится третий — снотворное, кошмары, панические атаки. И как Юра воспримет это? Изменится ли его отношение? А оно может измениться. Володя бы хотел открыться ему полностью, но страх, что Юра в итоге не выдержит и отвернется, был сильнее.

А что, если правда отвернется? Что, если Володя и правда не нужен ему таким — даже в роли друга по переписке?

Нет, конечно, он не умрет, и жизнь на этом не закончится. Все будет по-прежнему: работа, дом, собака. После новогодних праздников вернется мать, Володя станет ездить к ней по выходным. Наверное, будет и Маша — отношения с ней за последнее время стали теплыми, даже дружескими. Вот только не будет Юры — и станет пусто. Володя уже успел привыкнуть к тому, что он есть — пусть далеко, пусть на расстоянии тысяч километров, но утром, в обед и вечером он есть в экране ноутбука или мобильного. И от этого у жизни появляется новый смысл.

Володя подъезжал к дому, когда в голову пришло неожиданное воспоминание.

Десять лет назад он писал Юре письма «в никуда». Тогда они потеряли друг друга, их пути разошлись, Володю мучило сожаление. Он сидел под ивой, над вскрытой капсулой времени, и думал о том, что

дай судьба им еще один шанс снова встретиться, они решили бы все проблемы и нашли ответы на все вопросы. Володя смог бы повернуть время вспять, наверстать упущенное и просто быть счастливым.

Сейчас эта мысль из прошлого казалось нелепой. Судьба действительно та еще шутница. Она дала им второй шанс, они встретились — и что? Ничего. Потому что в этом мире никому не дано повернуть время вспять.

Глава 10

Чужая земля

Утро перед вылетом прошло как в тумане. Володя проснулся с удивительной мыслью и не до конца поверил в нее: сегодня он наконец увидит Юру! Встреча под ивой случилась так давно, что уже казалась выдуманной и нереальной.

Володя прошелся по гостиной, посмотрел на диван, на котором в ту ночь они уснули рядом, на припыленное пианино, на котором Юра играл «Колыбельную»... Все эти воспоминания уже притупились. Не то чтобы Володя не верил или сомневался в них — это было бы совсем сумасшествием. Просто те переживания уже забылись.

Все три с лишним месяца Юра существовал лишь в телефоне и ноутбуке. Он вроде и был рядом, но без его физического присутствия Володя не до конца понимал, что именно чувствует. И эта неразбериха порой пугала, а порой — выводила из себя.

Он постарался занять руки делом, а голову — мыслями: собрал чемодан, проверил, не забыл ли билеты и паспорт. Несколько раз перечитал список необходимых вещей — все ли взял? Убедился, что подарок Юре — обернутая яркой бумагой коробочка с фотоаппаратом — не помялся. Потерял очки. Помнил, что вчера положил их на тумбочку, но там было пусто. Искал полчаса и нашел их у себя на носу — забыл, что надел их, как только проснулся.

Мысли путались. То и дело в голове возникали вопросы, от которых Володя пытался отмахнуться: как все пройдет? Что они будут делать, когда встретятся? Что, в конце концов, почувствует при этом Володя?

И еще мелькали образы: как он неловко, но крепко обнимет Юру в аэропорту, как сядет с ним на заднее сиденье такси... Или, наверное, Юра будет на машине?

Володя в очередной раз отогнал от себя эти назойливые вопросы, которые вызывали только панику. Вновь принялся думать о насущном. Дополнил список дел строчкой «Купить леденцы», чтобы

подстраховаться от укачивания в самолете. Посмотрел на время: в аэропорт через два часа, а дел — невпроворот.

Он позвонил Брагинскому и еще раз напомнил о своем отпуске.

— Вов, не беспокойся, я все проконтролирую, отдыхай ради бога, ни о чем не переживай. Если случится что-то совсем критичное — позвоню. Но ты, конечно, гад. Оставить коллектив без начальника накануне новогоднего корпоратива — это просто неприлично! — Брагинский зычно расхохотался. Прощаясь, он напомнил Володе о причине его внезапного отпуска: — Ну давай, удачи тебе там с твоими «семейными обстоятельствами»! Только на свадьбу позвать не забудь! — И положил трубку.

Володя собрал собачье имущество — миски, мячи, подстилку, шампуни, — достал с полки новую упаковку корма. Герда, заметив его манипуляции, проснулась и пулей примчалась на кухню.

— Нет уж, подруга, тебя Татьяна покормит, — строго сказал Володя. Присел рядом с ней, почесывая обеими руками за ушами. Собака в ответ лизнула его в нос. — Тьфу ты! — Он рассмеялся, вытираясь. — Эх, Герда-Герда... Я тебя бросаю на целую неделю, а ты все равно лезешь целоваться.

Она как будто поняла: недоумевающе посмотрела, коротко, вопросительно твякнула.

— Лечу к твоему любимому Юре, — объяснил Володя. — Да, можешь мне позавидовать, предательница, я знаю, что его ты любишь больше, чем меня! Ну так уж и быть, передам ему привет.

Герда снова лизнула его.

— Ну уж нет, такой привет я передавать не буду! Он обалдеет, если я начну лизать его нос!

Володя взял в обе руки по пакету с собачьими вещами, выпустил Герду на улицу и вышел из дома следом за ней. Прошелся по участку, толкнул калитку. Герда сразу же бросилась здороваться со своей мамой — соседской собакой Найдой.

— Татьяна! — позвал Володя — у соседей уже с месяц не работал звонок на двери.

Через минуту во двор вышла полноватая улыбающаяся женщина.

— Ой, Володя, здравствуйте! Не ожидала, что придете так рано.

— Добрый день! А Сергей?..

Не дав договорить, Татьяна махнула рукой:

— Да спит он, запил опять, — прозвучало обыденно, но немного раздраженно. — Продав вчера две картины и сразу в запой. Черт бы побрал эту проклятую творческую натуру!

Володя покачал головой. Разумеется, за пять лет он узнал соседей достаточно хорошо и был в курсе, что муж Татьяны страдает алкоголизмом. И пусть за Гердой обычно присматривала она, Володю все равно беспокоило, что рядом с его собакой будет находиться пьяный.

— Да вы не переживайте, — успокоила его Татьяна, — я не подпущу его к Герде. Со мной и Найдой она не соскучится!

— Верю, спасибо! — Володя передал ей пакеты. — И вот еще, — он достал из кармана листок бумаги, — это номер моего товарища из Германии, на всякий случай, если вдруг что-то срочное, а до меня не дозвонитесь.

— Как всегда, все до мелочей продумываете, — восхитилась Татьяна. — Ждите ежедневных отчетов.

Покончив со сборами, он поехал в аэропорт. Летел он тем же маршрутом, что и Юра в сентябре, — с пересадкой в Минске. В самолете уснуть не удалось, хотя Володя попытался сразу же, как только набрали высоту. Поэтому он достал «Теорию музыкального мышления» и надел наушники. Но читать было скучно — книга вызывала зевоту, но он упрямо заставлял себя бегать взглядом по строчкам. Ему слишком не хотелось оставаться один на один с собственными мыслями в замкнутом пространстве. Он не знал, куда они могут его завести.

Снижение, при котором сильно закладывало уши, и пересадка в Минске немного взбудрили, но, оказавшись в другом самолете, Володя решил не возвращаться к книге. Отправил Юре сообщение, что вылетел вовремя, а значит, прибудет без опозданий. Включил концерт Брамса и, насколько смог, расслабился, вытянув ноги в проход. Под закрытыми веками хаотично мелькали воспоминания разной давности, обрывки фраз и тени образов. Наблюдая за этим хаосом, Володя все же провалился в неглубокую дрему — не отдохнул, но зато убил время. Приземлившись около семи вечера, он чувствовал себя вымотанным, несмотря на то что последние несколько часов ничего не делал.

Пока Володя стоял в очереди на паспортный контроль, телефон поймал связь и пришло СМС от Юры: «Жду тебя в фойе у эскалатора».

Сердце сжалось от радости. Улыбаясь, Володя ответил, что скоро будет, и заодно отправил СМС матери.

Забрав багаж, он пошел к выходу, ориентируясь по стрелкам указателей, не глядя по сторонам и зачем-то вслушиваясь в объявления на немецком и английском.

А только он спустился в зал ожидания, как на него вихрем налетел Юра.

Володя моментально окунулся в тепло его объятий и запах парфюма. Что-то мазнуло его по скуле — он сразу и не понял, что именно. Оказалось, Юра быстро поцеловал его в щеку.

— Привет! Наконец-то! — прошептал он ему на ухо, и Володя, отпустив ручку чемодана, обнял его в ответ, притянув к себе за талию.

Юра рассмеялся, расцепляя кольцо рук, взял его за плечи, заглянул в лицо:

— Живой и настоящий!

Он улыбался во весь рот, карие глаза сияли, а в голове Володи воцарился полный кавардак. Все будто взорвалось: Юра поцеловал его прямо на людях — это такой странный и вовсе не дружеский жест. И действительно: вот он, Юра — живой, осязаемый, настоящий, — прямо перед ним.

Володя так и замер, глядя на него. Его удивило, насколько Юра высокий — он почему-то запомнился ему ниже ростом. Вообще живую внешностью и мимикой Юра отличался от самого себя в скайпе. Еще бы — из-за качества связи его лицо в мониторе никогда не было четким. Иначе звучал и голос, не искаженный помехами, — высоко и звонко.

— Ты хоть скажи что-нибудь. — Он чуть встряхнул Володю, все еще держа его за плечи.

Тот улыбнулся, покачал головой.

— Прости, утомился немного. Я... безумно рад тебя видеть!

— Насмотришься еще! — смеясь, пообещал Юра. — Пойдем?

Володя кивнул и, подхватив чемодан, зашагал следом за ним. Юра лавировал между людьми и постоянно оглядывался, чтобы не потеряться. Володя рассматривал его фигуру — бегал взглядом по облаченной в полупальто спине от затылка с очаровательно торчащим хохолком до обтянутых светлыми брюками ног. В аэропорту царил суеда, толпы людей переговаривались на разных языках, из динамиков

непрерывно звучали объявления, всюду мелькали указатели и табло. В любой другой ситуации этот хаос наверняка взбесил бы Володю, но сейчас он не замечал происходящего вокруг. Иначе и быть не могло, когда рядом, всего в паре метров от него, шел Юра.

На улице уже стемнело, свежий морозный воздух ударил в лицо. Несмотря на то что вокруг, испуская облака выхлопных газов, тарахтели автомобили, после душного аэропорта Володя не мог надышаться.

— Как-то слишком легко ты оделся для зимы, — заметил он, заходя на парковку и пропуская Юру вперед.

— Не, я закаленный, — отмахнулся тот. — Тем более мы же на машине.

— Ну смотри... — протянул Володя.

Пока искали среди десятков автомобилей Юрин, Володя всеми силами заставлял себя не опускать взгляд на его брюки. Но глаза невольно так и тянулись к ягодицам, пытались рассмотреть, что скрыто под тонкой тканью.

Когда машина нашлась, Юра помог уложить в багажник чемодан и стремительно забрался в салон.

Заметив, как он поежился, Володя прищурился.

— По-моему, ты врешь, — сказал он и в ответ на растерянный взгляд протянул руку и сжал Юрины пальцы. — Так и есть — замерз!

Юра вздрогнул и отдернул руку. Выкрутил на максимум печку.

— Ой, да ладно тебе, — ответил он, а когда пошел теплый воздух, шутливо сощурился. — Теперь доволен?

Володя хмыкнул:

— Вполне.

— Куда поедем, сразу домой? — бодро спросил Юра. — Не думаю, что после перелета ты захочешь гулять по городу. Или захочешь?

— Нет, — твердо ответил Володя, — нагуляться еще успею. А сейчас я хочу скорее увидеть, где ты живешь.

Заводя мотор, Юра хохотнул:

— Договорились. Но завтра, уж не сомневайся, я тебе устрою полномасштабную экскурсию.

— Давай только не слишком насыщенную, я же не на один день приехал.

— Так уж и быть.

На некоторое время они замолчали — выезжая с парковки, Юра осторожно лавировал среди машин и следил за дорогой, Володя не отвлекал.

Ехать им предстояло далеко, но за разговором время пролетело быстро. В машине Володя смог разглядеть Юру получше. Ему не показалось — Юра действительно выглядел и вел себя иначе. Его мимика была чуть жеманной, движения — неспешными и грациозными. Кроме рук — беспокойные пальцы неумолимо отбивали что-то на руле.

Володя знал, что Юра живет не в Берлине, и потому не удивился, когда они свернули, оставив столицу позади.

Про свой городок Юра рассказал еще в ICQ, и тогда Володя невольно представил себе идиллическую картину зимней немецкой деревушки с игрушечными домиками.

Но, очутившись здесь, понял, что ошибся: во-первых, снега нигде не было, а во-вторых, город оказался вполне современным. Никаких традиционных немецких домов с наружными балками — вдоль дороги стояли строгие кирпичные здания, супермаркеты с электрическими вывесками, остановки общественного транспорта, голые деревья и кусты. Поначалу разочарованный, Володя присмотрелся к аккуратным узеньким улочкам и понял, что этот городок все же невероятно хорош. Опрятные прохожие прогуливались по чистым, несмотря на слякоть, тротуарам, по изящному мосту, перекинутому через идеально круглое озеро. Фонари на кованых столбах бросали мягкий свет на мостовую, на набережной в готической церквушке шла служба. Все в этом городке казалось новым: от кирпичных домов до стеклянных остановок, но не безликим и не холодным. Он производил впечатление до того уютного места, что казалось, будто Володя здесь не впервые, будто возвращается, и на душе потеплело.

— Кажется, я понимаю, почему ты живешь именно здесь, — негромко произнес он, перебив Юрин рассказ о стоимости жилья в Берлине. — Хороший город для творчества, вдохновляющий, правда?

Юра пожал плечами.

— Честно признаться, выбирал его не я, а родители, еще в девяностых. Кстати, — он широко улыбнулся, — будешь жить в моей старой комнате.

— Здорово. — Володя улыбнулся в ответ, но тут же стал серьезным: — Так ты живешь в родительском доме? А отец где?

От Юриной улыбки не осталось и следа, его тон мигом стал холодным. Володе даже показалось, что Юра процедил сквозь зубы:

— У отца уже давно своя жизнь, своя семья. В другом городе.

— И вы совсем с ним не общаетесь?

— Созваниваемся иногда, — отмахнулся Юра. — Так, мы почти на месте.

Его дом мало отличался от остальных: двухэтажный, светлый, окруженный двором в пару соток и невысоким забором. Правда, Володе показалось, что все это было меньше, чем у соседей.

«Впрочем, — про себя рассудил он, — Юре незачем больше, раз живет один».

Дом встретил Володю запахом Юриного парфюма и старой мебели. Миниатюрная прихожая вмещала лишь вешалку на несколько курток, столик с газетницей и вазой для ключей. Отсюда вела лестница на второй этаж — туда Юра сразу и повел Володю.

— Здесь туалет с ванной, там кладовка, вот моя спальня, — поднявшись наверх, показывал Юра. Он остановился перед дверью с плакатом Фредди Меркьюри, улыбнулся и распахнул ее. — А здесь будешь жить ты. Чувствуй себя как дома. Кстати, ничего, что кровать узкая?

— Все в порядке, — рассеянно бросил Володя, оглядываясь вокруг.

— Можешь занимать все полки, — затараторил Юра, открывая дверцу старенького платяного шкафа. — Я забыл спросить, взял ли ты с собой полотенце, но если не взял, то вот...

Володя улыбнулся — Юра суетился точно так же, как сам Володя после их встречи в сентябре.

— Не беспокойся, я разберусь. Ты же сказал «как дома», верно?

Юра кивнул и ответил сконфуженно:

— Тогда разбирай вещи, приходи в себя, а я пока приготовлю ужин.

Удивительно было оказаться в комнате, в которой Юра жил в юности — после переезда из Украины. Тогда его с Володей уже разделяли километры и страны, тогда они уже потеряли дороги друг к другу. Юра будто специально ради этого дня оставил комнату почти нетронутой — чтобы сердце Володи защемило, чтобы пробудилось его воображение и он представил, как Юра писал ему в Россию за этим

самым столом. Ведь писал же? Чтобы думал, как Юра ворочался на этой самой кровати, пытаюсь избавиться от мыслей о нем. Ведь ворочался, ведь не спал? Ведь не мог же он забыть его сразу, как только уехал! Удивительно, но Володя ничего не знал о том времени.

Разбирая чемодан, он искал взглядом, куда положить ежедневник, поставить зарядку для телефона, повесить пиджак. Но не находил удобных для вещей мест — отвлекался то на полки, заставленные книгами на русском и немецком, то на старый магнитофон и кассеты для него, то на аккуратные стопки журналов и тетрадей. И конечно же, на самый главный предмет в этой комнате — пианино. Черное, на вид старое и очень пыльное. Володя отметил, что Юра вытер пыль везде, даже в шкафу на полках и в ящиках, а про пианино, видимо, забыл. И, кстати, кроме пианино, в этой комнате не было ни одной вещи, которая намекала бы, что Юра пишет музыку именно здесь. Очевидно, его кабинет располагался в другом месте.

Постоянно отвлекаясь, Володя разбирал вещи больше часа, но после того, как Юра позвал его ужинать, бросил дело незавершенным и спустился вниз.

Совмещенная с кухней гостиная была тесно заставлена старомодной мебелью: полосатый диван с кучей подушек, пушистый, в горошек, ковер на полу, тканевые абажуры на светильниках, плотные шторы на окнах, кухонный гарнитур с резными дверцами — и все это в обрамлении обоев в ромбик. Словом, совершенно не в Володином вкусе — но почему-то все это ему понравилось.

Юра ждал его за столом кухонного островка.

— Я уж думал, ты заблудился, — хмыкнул он, открывая бутылку рома.

Юра был одет в те же брюки и тонкую вязаную кофту с широким овальным вырезом, из которого на одну секунду показалась ключица.

«Какой он худой», — подумал Володя, садясь напротив, но вслух этого не произнес.

— Пришел на запах. Что на ужин?

— Если ты рассчитывал на немецкие колбаски с пивом, разочарую: у нас курица и ром.

— Меня все устраивает, — улыбнулся Володя.

Ужинали в тишине. Володя не мог придумать тему для разговора — в голове металось так много мыслей, что выбрать какую-то одну не

получалось, ее тут же вытесняла другая.

Юра убрал грязную посуду в мойку и разлил ром по бокалам.

— Итак, куда едем завтра? — спросил он, нарезая грейпфрут.

— Куда скажешь. — Володя пожал плечами, потянулся в нагрудный карман за ручкой, но вспомнил, что оставил пиджак наверху. — Принеси бумагу и ручку, я составлю план. — Когда Юра протянул ему блокнот и карандаш, Володя сощурился, приготовившись писать: — Итак, что тут есть крутое, Берлинский музей, кажется?

— Есть целый музейный остров. За встречу! — воскликнул он и, не дожидаясь ответа, выпил ром залпом.

Володя взял дольку грейпфрута и так и замер с ней в зубах — ничего себе Юра пьет.

— Что так смотришь? — Тот нахмурился и принялся остервенело вытирать рот. — Я испачкался?

— Нет, все в порядке. — Володя сделал небольшой глоток. Не привычный к крепким напиткам, пить так же быстро, как Юра, он не умел.

А тот налил себе еще и вдруг лукаво улыбнулся:

— Или соскучился и теперь не можешь насмотреться?

Володя кашлянул, все же заставил себя выпить ром залпом. Поежился и протянул бокал Юре, чтобы наполнил.

— Так что? — поторопил тот.

Под его пристальным, любопытным взглядом стало неуютно.

— Возможно, — протянул Володя с улыбкой и вдруг вспомнил: — Кстати, пока бродил по дому, не заметил, где ты пишешь. Покажешь свой кабинет?

— Пошли, — кивнул Юра, поднимаясь с места. Захватив свой стакан и бутылку, он повел Володю из кухни.

Дверь в кабинет спряталась в тени лестницы — если не знать, куда идти, то и не заметишь. После своих хором Юрин дом казался Володе очень маленьким, ему и в голову не приходило, что здесь может располагаться еще одна комната. Но она была. А то, что из всех помещений кабинет был самым просторным, давало понять, что именно в Юриной жизни имеет явный приоритет.

В центре комнаты стоял небольшой диван, на нем лежали аккуратно сложенные подушка и плед. Возле окна расположилось

пианино, слева от него примостился стол с компьютером, справа — синтезатор. Возле синтезатора стоял предмет, вызвавший особенное любопытство, — патефон, а под ним — шкаф с грампластинками. Вообще любопытство здесь вызывало решительно все: от заполненных книгами и папками стеллажей до стен, практически полностью скрытых под дипломами и фотографиями.

К фотографиям Володя направился первым делом.

— Кто все эти люди? — спросил Володя, окидывая взглядом стену.

— Приятели и коллеги, — ответил Юра, наливая себе третий стакан.

— Как-то странно ты их называешь — приятели. Почему не друзья?

— Нет ничего странного. — Он пожал плечами. — Здесь дружат по-другому, не так, как в Украине или России. С одними хорошо жарить барбекю, с другими — ходить на концерт, с третьими — в клуб. Но чтобы изливать душу... — Он покачал головой. — Нет, здесь это не принято. Для души есть психоаналитик.

— Какая дикость, — хмыкнул Володя.

— Отчего же дикость? — удивился Юра. — Вовсе нет. Наоборот — это цивилизованный, рациональный подход: зачем грузить своими проблемами некомпетентных людей, когда есть специалист.

— Но зачем тогда ты хранишь все эти фотографии?

— Чтобы никого не забыть, — просто ответил Юра и снова выпил залпом ром.

— Ну ты даешь, — хмыкнул Володя, удивленный тем, что после трех стаканов Юра казался абсолютно трезвым. Ведь сам Володя уже после первого почувствовал, что язык развязывается, голова пустеет, а тело расслабляется.

— Что тут удивительного? — спросил Юра, явно не поняв, к чему было его восклицание. И принялся рассказывать: — Это — одноклассник, с которым вместе написали несколько произведений. Это — тот вокалист, с которым мы приезжали в Харьков, ты его видел. Я для него много чего написал... А вот эти ребята, — Юра обвел рукой пять фотографий, — из прайда. Первые мои приятели «по теме», так сказать. Общаемся до сих пор.

Во внешности четверых из пяти Володя не нашел ничего примечательного, но последний вызвал недоумение. Разглядывая

тощего, лысого парня в пышном черном платье, Володя прокомментировал:

— Смело.

— Это Анна, — пояснил Юра. — Она тоже занимается музыкой, правда, электронной, и печет обалденные пончики. Мне дико нравится тембр ее голоса. Хочу записать с ней пару песен, но она очень скромная, никак не получается уговорить ее даже подумать о выступлении на сцене.

Володя решительно не понимал, как при столь вызывающей внешности человек может быть скромным.

— Хочешь, познакомлю? — спросил Юра, заметив очевидный Володин интерес.

— Ну можно, наверное... — промямлил тот, боясь оскорбить Юру каким-нибудь неосторожным высказыванием.

— Ребята звали в клуб послезавтра. Думаю, Анна тоже там будет. Пойдем?

Володя хотел сменить тему. Ему требовалось время, чтобы просто представить себя в таком интересном обществе, и тем более — чтобы на это решиться.

— А Йонас? — неожиданно спросил он.

— Что Йонас? — не понял Юра.

— Есть его фотография?

Володя, уверенный, что уж фотографию бывшего Юра точно не станет вешать на стену, очень удивился, когда тот, шагнув в сторону, указал пальцем:

— Вот.

«Типичный немецкий гомосек», — подумал Володя, разглядывая его с брезгливой гримасой: мужественная фигура в облегающей майке, джинсы в обтяжку, кривая ухмылка, которая показалась мерзкой, крашенные в белый волосы с отросшими темными корнями. Володя не мог быть объективным к Йонасу, его раздражало решительно все. Но больше всего бесило осознание, что этот тип много лет спал в одной кровати с Юрой и тот до сих пор хранит его фотографию.

— На хмыря из «Скутера» похож, — вслух произнес Володя.

— Хмыря? — обалдел Юра.

— Ну, в смысле, на мужика из «Скутера», — исправился он.

— М-м-м, ясно.

Володя покачал головой — все это казалось ему очень странным.

У него дома не висело ни одного снимка Жени или Ирины. Да и не только друзей — ни родных, ни даже собаки, ни уж тем более бывших. Все фотографии, что были у него, хранились только в альбомах — Володе не приходило в голову поставить их в рамки. Тем более он не мог даже представить, что станет сверлить ради них идеально белые стены. Пусть даже ради фотографий самых близких людей, даже ради Юры.

— А я есть? — озвучил он внезапную мысль.

— Конечно, — ответил Юра, кивая в сторону окна. — Вон там.

Володя шагнул в указанном направлении и споткнулся о разбросанные по полу провода.

— К компьютеру инструменты подключать, — ответил Юра на незадаанный вопрос.

Фотографий с ним было две, обе отлично знакомые — из «Ласточки». В груди потеплело. На одной Володя стоял среди ребяташек из пятого отряда, а на второй они вместе с Юрой — в окружении театральной труппы. Володя задержался взглядом на втором снимке — на улыбающемся юном Юре в кепке козырьком назад и кое-как повязанном пионерском галстуке — и почувствовал, как сердце наполняется светлой грустью.

На стене рядом Юра оставил свободное место, наверное, для еще одной. Портретной — для коллекции? Или парной, где они будут вместе и только вдвоем?

— Это приятно, — прошептал Володя, переводя взгляд в сторону, и вдруг застыл на месте, уставившись на большой портрет. — А это кто?

Он выделялся на фоне других. Изображенный на нем красивый молодой мужчина был как две капли воды похож на Юру.

— Это мой дед. Кажется, я рассказывал про него. Он потерялся во время холокоста.

Володя кивнул, наклонился ближе и принялся рассматривать внимательнее.

— Вы так похожи... — протянул он. — Только дед кудрявый, а ты нет.

— Я вообще-то всегда был в отца. — Юра пожал плечами. — Но тебе, наверное, виднее. А волосы у меня тоже вьются, поэтому обычно

стригусь коротко. — Он задумчиво подергал себя за хохолок на затылке. — Кстати, нужно сходить к парикмахеру...

Володя представил его лицо в обрамлении кудряшек.

— Лучше, наоборот, отпусти еще длиннее. Уверен, что тебе пойдет.

Юра усмехнулся и покачал головой:

— Да ну.

Володя не стал спорить.

— Что ты хочешь повесить сюда? — спросил он, указывая на свободное место.

— Есть надежда раздобыть еще одну его фотографию. Эту я с таким трудом достал. Еле выпросил в консерватории, где дед работал.

— Она замечательная!

Юра кивнул. Они опять замолчали. Стремясь заполнить чем-то эту тишину, Володя подошел к патефону и принялся рассматривать виниловые пластинки. Хотел спросить, можно ли включить, но Юра неожиданно тихо сказал Володе в спину:

— Знаешь, я каким-то сентиментальным стал, — и вдруг хохотнул. — Старею, наверное.

— Стареешь? Вот еще! — Володя повернулся к нему. — А в чем твоя сентиментальность проявляется?

— Стремлюсь закрыть моральные долги. В последнее время часто думаю, вспоминаю, что и кому обещал. Тебе вот вернул долг — пришел под иву.

— Но это же хорошее дело. Не понимаю, при чем тут старость?

— Да пошутил я насчет нее. Просто появилось чувство, будто жизнь остановилась и никакого будущего нет, только прошлое. Раньше было как у всех — на эмоциях кому-то что-то пообещал и благополучно забыл. А в последнее время я специально стараюсь вспомнить что-то такое. Не знаю даже, зачем мне это нужно.

— Ты сказал, остался один долг, — произнес Володя, приблизившись к нему. — Какой? Перед кем?

— Не знаю. Перед бабкой, наверное. Скорее всего, перед ней. Она уже давным-давно умерла, плюнуть бы на все это, но не получается.

Юра попытался налить себе еще рома, но Володя остановил его:

— Притормози-ка.

Тот послушался, отставил бутылку, но тут же достал из ящика стола пепельницу и сигареты.

— Ты куришь? — удивился Володя.

— Не, просто балуюсь, — улыбнулся Юра, но под строгим взглядом Володи улыбка тут же погасла, и он принялся оправдываться: — Я курю, только когда выпью. Я знаю, что это вредно и так далее, давай не будем об этом.

Струйка дыма поползла по воздуху, и комнату тут же наполнил отвратительный запах. Володю стало подташнивать. Но он видел, что с Юрой что-то не так, и поэтому не стал ворчать.

«Что с ним и почему?» — спросил сам себя Володя, прекрасно понимая, что не сможет ответить на этот вопрос. Он слишком мало знал о Юре, он только думал, что знал его.

Алкоголь вкупе с Юриной меланхолией повлияли и на настроение: Володю потянуло на лирику. Казалось бы, вот он, Юра — стоял прямо перед ним. Казалось бы, Володя знал, кто он такой, знал его страсть, даже знал его подростком, но знает ли он, например, каким Юра был ребенком? Нет. Так ли много могли рассказать о Юре окружающие его вещи? Да, они говорили об интересах, о нуждах, но ведь человек состоит не из интересов и нужд — они лишь огранка, а его суть соткана из прошлого. Из того, каким Юра был юношей, ребенком, сыном, внуком. Каким был и каким остается.

— Расскажи мне о бабушке, — тихо попросил Володя.

— Да ну. — Юра отмахнулся, потушил сигарету и направился к двери. — Это скука смертная. Ты впервые в жизни приехал ко мне в Германию, а я буду рассказывать про бабку.

— Юр, расскажи, мне правда интересно, — попросил Володя и, подчеркивая свое желание выслушать, сел на диван.

Тот замялся на пороге, задумчиво осмотрел пустой стакан и, будто решившись, вернулся к Володе. Сел рядом.

— Она была очень строгая, очень волевая. Вообще-то из-за нее я и начал заниматься музыкой. — Юра остановился на несколько секунд и, кивнув на фотографию деда на стене, продолжил: — А он был пианистом, и бабка считала, что у меня его руки. Так что в моей памяти она — это либо музыка, либо дед. Думаю, я не любил ее — она держала меня в ежовых рукавицах. Иногда, вместо того чтобы отпустить гулять, она сажала меня за пианино и заставляла заниматься.

Эти слова удивили. Володя был уверен, что Юра искренне любил музыку с самого детства, но ведь невозможно же искренне любить что-то навязанное насильно?

Он покачал головой и спросил:

— А как родители относились к тому, что она давит на тебя?

— Родители сутками торчали на работе, возвращались усталые, зато я их радовал своей игрой. Со временем я полюбил пианино, но в раннем детстве... — Юра невесело хмыкнул. Он ненадолго задумался, будто вспоминая, и подытожил: — А бабу я иногда даже боялся. Бывало, что она кричала по ночам — снились кошмары. Однажды я спросил ее, что ей снится. Она ответила — поле, заснеженное поле. Я позже выяснил, что оно находилось в польской деревне, куда она бежала из Германии. Вскоре деревню оккупировали немцы, и бабу приходилось постоянно прятаться там, в погребе, с матерью на руках. Их покрывали местные жители. А дед, скорее всего, тогда был в Германии, они собирались встретиться...

— Так и не встретились? — спросил Володя, подливая Юре рома.

— Нет, — покачал головой тот и пригубил из стакана. — Она всю жизнь его искала, но так и не нашла. В итоге поиски привели ее в Дахау — концлагерь...

— Ясно, — протянул Володя. — В принципе с этого места можно и не продолжать.

— Не факт. Дед мог выбраться оттуда живым. Бабу выяснила, что он попал туда в тридцать девятом, можно сказать, до холокоста. Вернее, не так: холокост шел уже тогда, но массово убивать начали позже. А до сорокового года многих евреев выпускали из концлагерей при условии выезда из Германии. Поэтому надежда, что он выбрался оттуда, оставалась. Но что с ним случилось на самом деле — неизвестно до сих пор.

— Понятно. Значит, это и есть твой моральный долг? — Володя тоже отпил рома и придвинулся поближе.

— Да. — Юра кивнул и усмехнулся: — А самое смешное, что я никому ничего не обещал, но совесть грызет. Ведь я последний его потомок, больше никого не осталось.

— Еврейские семьи обычно большие... — неуверенно начал Володя.

Но Юра его перебил:

— Дальние родственники его имени толком не помнят.

— В таком случае ты прав. Ты сам-то его искал? Я понимаю, что бабушка уже обращалась, но когда это было. Архивы постоянно пополняются. Может, теперь информация найдется?

— Да, может быть, — вяло пробормотал Юра.

— Тогда тебе надо... — начал Володя.

— Я знаю, — снова перебил его Юра и добавил без энтузиазма, вертя в руках пустой стакан: — Но я не хочу туда ехать.

— Это далеко?

— Двадцать километров от Мюнхена.

— То есть это Германия? Я-то думал, что надо в поезде двое суток... — Володя нахмурился. — Тогда в чем проблема? Сел и поехал.

— Кому-то, наверное, нравится гулять по таким местам, но мне как-то не хочется, — резко произнес Юра. Взглянув в недоуменное лицо Володи, он устало вздохнул и пояснил: — Володь, это не отдельное здание где-то в городе. Архив прямо там, в Дахау, в концлагере.

— Подожди, его что, сохранили?

— Да, там музей.

— Как же так? Это же концлагерь, там людей убивали тысячами! Я думал, их снесли к чертовой матери! — воскликнул Володя. Затем задумался и добавил: — Но... именно там у тебя есть реальный шанс узнать о нем что-то.

До этого момента Юра казался спокойным, даже подавленным, но совершенно неожиданно для Володи выпалил:

— Чего ты мне объясняешь как маленькому? Думаешь, я сам не понимаю этого? Да я раз пять уже собирался приехать... — Юра хотел сказать еще что-то, но махнул рукой и замолк.

— И? — после полуминутного молчания осторожно протянул Володя.

— А вдруг найду его там? — Юра опустил взгляд, но тут же поднял его, посмотрел виновато. — Я боюсь узнать, что его там убили. Не спрашивай почему, но я этого не хочу.

— Не понимаю... — Володя покачал головой. Он искренне сопереживал Юре, но прочувствовать этот страх у него все равно не получилось бы.

— И вряд ли когда-нибудь поймешь, — разочарованно протянул Юра и неожиданно мягко попросил: — Сходи за ромом. Пожалуйста.

— Ладно.

Володя мигом оказался на кухне, достал ром, схватил со стола тарелку с грейпфрутом, мимолетно взглянул на листок с планами на завтра. И тут его осенило.

Он вернулся к Юре и твердо заявил, даже не подумав спросить его мнения:

— Завтра едем в Дахау!

— Что? — опешил тот. — Завтра мы гуляем по Берлину, а туда я потом сам съезжу...

— Нет, мы поедем туда. Вместе.

Юра хмыкнул:

— Какой ты наивный. Туда же записываться надо и ехать пять часов.

— Тогда встанешь с утра и позвонишь. А если не будет свободной записи, поедем послезавтра. Но обязательно поедем. — Володя взглянул в полное недоверия лицо Юры и добавил: — Я хоть и пьяный сейчас, но совершенно серьезно настроен съездить с тобой. И я не передумаю.

— Делать тебе больше нечего, как тащиться в архив, — запротестовал было Юра, но его хмурое лицо просветлело.

— Ты же сам сказал, что там музей. Правильно? — На Юрин кивок Володя бодро выдал: — Значит, ты идешь в архив, а я — на экскурсию. Все в выигрыше. Тем более я по дороге пол-Германии посмотрю. — Володя поставил тарелку и бутылку на стол и положил ладони Юре на плечи. Заглянул в глаза. — Юр, ну серьезно, я вижу, что тебя это беспокоит, и понимаю, что тебе не хочется. Но одно дело — ехать самому, а совсем другое — вместе с кем-то. — Он понизил голос, убрал руки и, расправив плечи, гордо добавил: — Тем более со мной!

Юра не ответил. Но Володя, наблюдая за тем, как на его лице расцветает улыбка, понял, что тот уже согласился, оставалось только дожать.

— Юрка, давай! Две головы — полдракона.

Тот рассмеялся.

— Ладно.

— Железно? — прищурился Володя.

— Железно, — кивнул Юра.

— И я не дам тебе передумать! — Володя погрозил ему пальцем.

Юра захохотал:

— Какой грозный, о ужас!

И он снова стал самим собой — улыбчивым, открытым и лукавым. Принесенную Володей бутылку открывать не стали — вставать рано. Увлеченные разговорами обо всем и ни о чем, они забыли про время, опомнившись лишь ближе к полуночи.

Посмотрев на часы, Володя разочарованно вздохнул — больше всего на свете не хотелось расставаться с Юрой, пусть всего до утра. И как он вообще собирался спать, зная, что Юра за стенкой? Но за этот день Володя так вымотался, что был уверен: уснет и без снотворного.

Надежды не оправдались. Только он лег в кровать и погасил свет — перед глазами появился образ Юры, а в мыслях воцарился кавардак.

Они расстались всего час назад, но Володю уже потянуло к нему. Отчаянно захотелось снова вдохнуть запах его духов, услышать голос, прижать к себе такого худого и хрупкого. Он ворочался, думая о том, насколько тонкая Юрина одежда — должно быть, он постоянно мерзнет. Представил, наслаждаясь самой мыслью, с каким трепетом согрел бы его сейчас.

Но старые сомнения не желали отпускать — к кому именно тянуло Володю? К Юре из настоящего или к Юрке из прошлого? Что, если глубоко в подсознании произошла ошибка и Володя спутал влечение с желанием возродить те чувства, которые уже не вернуть? Если подумать, то и Юра мог страдать от того же, ведь не зря он просил его надевать очки? Не шутки же ради? Задолго до дня их встречи внутри созрело ощущение, что Володя встал на начало нового пути, но не вела ли эта дорога назад?

Володя повернулся на бок, уставился на залитое дождем окно: «А может, плюнуть на все?» Слишком сильным было желание прямо сейчас войти в Юрину спальню и молча лечь рядом. А там — будь что будет. Пусть Юра оттолкнет или пусть поцелует в ответ — что бы ни случилось, это привнесет ясность. Но нет. Такой поступок слишком опрометчив. Они оба могли пожалеть об этом.

Володя встал с постели, подошел к двери, прислушался — мог ли Юра прямо сейчас стоять на пороге? Но в коридоре было тихо. Володя

запер дверь на щеколду, вернулся в кровать, уткнулся носом в подушку и вскоре заснул.

* * *

Володя проснулся без будильника. На часах еще было семи: вставать рано, но спать уже не хотелось. Он понежился в тепле, потягиваясь, потер заспанные глаза, и залитая тусклым светом комната постепенно приобрела очертания. Разглядел, что за окном, медленно падая, кружились хлопья снега.

Ему казалось, что все это нереально, что утро слишком идеальное, чтобы быть правдой.

Стоило встать и выйти в коридор, с первого этажа донеслись звуки фортепиано. Володя быстро понял, что это не запись, а живая музыка — значит, Юра занимался. Улыбнувшись, он отправился умываться и, не желая расставаться с нежной мелодией, оставил дверь в ванную нараспашку. А закончив, стал спускаться по лестнице, неспешно и аккуратно, чтобы ни одна ступенька не скрипнула, и наблюдая, как снежинки за окном опускаются вниз, будто вместе с ним. Музыка с каждым шагом становилась громче.

Дверь в кабинет оказалась приоткрыта. Володя тихонько заглянул внутрь и не меньше минуты любовался взлохмаченным Юрой, склоненным над пианино. Володя улыбнулся — должно быть, тот сразу бросился творить, даже не умывшись.

Стараясь ничем не выдавать своего присутствия — уж очень не хотелось тревожить Юру, — Володя отправился на кухню варить кофе, на всякий случай на двоих. Улыбка не сходила с его лица, а в мыслях лениво, подобно снегу за окном, кружилось только одно: «Хочу, чтобы каждое утро было таким».

Едва запах кофе разнесся по дому, музыка прекратилась, и вскоре из кабинета вышел Юра.

— Привет, — рассеянно пробормотал он.

Володя помнил еще со времен «Ласточки», как Юра преображался, когда занимался музыкой, и становился особенно мечтательно-задумчивым. И сейчас, спустя столько лет, та самая задумчивость не сходила с его лица.

— Здравствуй. — Володя протянул Юре кружку кофе и с трудом удержался, чтобы не поцеловать его хотя бы в щеку.

Они включили радио, приготовили бутерброды и сели завтракать. Ужасно не хотелось портить Юре настроение напоминанием о Дахау. Володя с радостью оставил бы это утро как есть, но он же сам вчера настоял на этой поездке, а значит, ехать было нужно.

— Ты позвонил в архив? — спросил он, потягивая кофе.

— А? — Юра непонимающе уставился на него, тряхнул головой, будто заставляя себя проснуться. И все — задумчивость ушла, магия растаяла. — Да, точно. Сейчас позвоню, — сказал он и пошел в кабинет.

Глядя на дверь, за которой только что скрылся Юра, Володя ждал, что тот вернется с новостями, что ни на сегодня, ни на завтра записи нет. Но ошибся — Юра вышел сосредоточенный, с папкой в руках.

— Быстро собираемся и поехали, — скомандовал он. — Дорога только в одну сторону занимает шесть часов. А с учетом снегопада — еще больше. Если выедем в восемь, домой вернемся не раньше двенадцати.

Володя собирался минут пятнадцать, а вот Юра не спешил выходить из спальни. Дожидаясь его, Володя бесцельно бродил по дому, пока не сообразил, как совместить приятное с полезным — прочитать в интернете историю Дахау. Но только он решил попросить разрешения воспользоваться компьютером, как в коридоре на втором этаже послышались шаги.

— Паспорт не забудь! — крикнул Юра с лестницы.

— Взял, — отрапортовал Володя. — Оденься потеплее!

— Но мы же на маш... — начал было Юра, но Володя предугадал его ответ и, в два шага оказавшись в прихожей, крикнул:

— Не принимается. Оденься потеплее!

Сверху раздался сердитый шепот, затем стук — Юра потопал обратно переодеваться.

Пусть они собирались долго, но выдвинулись вовремя. Петляя по уже знакомым улочкам, выехали на шоссе, затем — на автобан. По нему им предстояло ехать пять часов до Мюнхена, а оттуда — еще полчаса до Дахау. Володе было жутко интересно, правда ли, что на немецких трассах нет ограничения скорости, и он принялся расспрашивать об этом Юру. Тот отвечал с явным удовольствием.

Дорога предстояла долгой, но не живописной. Как бы Володя ни хотел посмотреть Германию из окна автомобиля, на автобане,

окруженном то лесами, то шумоподавляющими щитами, любоваться оказалось нечем.

— Ни деревеньки, ни домика, — пожаловался он, — леса да поля, и те — как у нас.

— Да, — кивнул Юра. — Жаль, ты зимой приехал. Летом красота, все цветет. Приезжай — сам увидишь.

— Ты так не шути, я ведь приеду, — хмыкнул Володя.

— А я не шучу.

Через час, а может, два или даже больше — за разговорами с Юрой время летело, — на горизонте выросли десятки высоченных белых шпилей ветряных электростанций. Заметив, что Володя заинтересовался ими, Юра снизил скорость. Казалось бы, ветряная электростанция — что тут такого, но кружение гигантских лопастей ветрогенераторов завораживало.

Юра пояснил, что сейчас они находятся в Саксонии и впереди их ждала Бавария. А Бавария — это та самая Германия с открытки, сказочная страна из произведений братьев Гримм, Гофмана и Гауфа. Именно Баварию рисовало Володино воображение, когда Юра рассказывал о своем городе. Игрушечные домики в окружении заснеженных гор, волшебные замки на вершинах скал и в зеркалах озер — все это существовало именно здесь. Досадно, что с автобана нельзя было увидеть эту красоту. И по-настоящему жаль, что, пусть дорога вела Юру с Володией в столицу Баварии — Мюнхен, сегодня им было не туда.

Следующим, что за долгую дорогу привлекло внимание Володи, стали виноградники. Зимой они были убраны, и Володя не догадался бы, что это именно виноград, если бы не решетки шпалер.

Спустя час по обе стороны от автобана начали подниматься горы.

— До Альп далеко? — тут же спросил Володя.

— Да, прилично. Хотя, если хочешь, в ста километрах от Мюнхена есть на что посмотреть. Правда, остановиться пока негде — под праздники все отели переполнены.

— Значит, поедem туда летом и забронируем все заранее, — решил Володя.

— Договорились.

Спустя шесть с половиной часов и шестьсот километров, в объезд Лейпцига, Нюрнберга и Мюнхена, они въехали в город Дахау. Юра тут

же замолк и уставился на дорогу.

Вскоре они оказались у входа в музей под открытым небом и направились через парк к воротам концлагеря. На улице было морозно, падающий снег таял, едва касаясь земли, ветер качал голые ветви старых деревьев. Несмотря на холод и слякоть, шли они неспешно. Володя смотрел под ноги, разглядывая старинную брусчатку — подогнанную, камень к камню.

Но вдруг идеальную кладку перечеркнули рельсы, ведущие к руинам железнодорожной платформы. Володя удивился — неужели такие педанты, как немцы, решились изуродовать столь красивое старинное покрытие железной дорогой? Собираясь возмутиться вслух, он поднял взгляд и увидел среди стриженных кустов и клумб белый, по-немецки аккуратный домик с черными коваными воротами и высеченной на них надписью: *Arbeit macht frei*^[2] — вход в концлагерь. А по возмущившим Володю рельсам на разрушенную теперь платформу когда-то приходили поезда с узниками.

Подойдя к воротам, Юра остановился как вкопанный. Володя понял — колеблется, но не стал его тревожить, прошел чуть вперед. Оказавшись внутри, обернулся — Юра стоял на том же месте и рылся в сумке. Володя позвал его, но тот не отреагировал. Пришлось вернуться к нему.

— Паспорт потерял, — оправдывался Юра и, смущенно улыбаясь, продолжил перебирать вещи. — А нет — нашел.

Володя вздохнул, положил ладонь ему плечо, показавшееся каменным, и сжал. Мышцы под пальцами чуть расслабились, Юра будто оттаял, и Володя мягко подтолкнул его вперед.

— Я не знаю, как долго буду в архиве, — негромко произнес Юра. — Думаю, не больше часа. Давай я напишу тебе СМС, когда закончу, и встретимся здесь?

— Договорились, — ответил Володя и пропустил Юру внутрь вестибюля музея.

Вестибюль выставки и архива был общим, они располагались в одном месте — в здании технического обслуживания.

Проводив Юру взглядом, Володя на всякий случай поставил будильник и вышел наружу.

Оказавшись на главной площади, Аппельплац, он как следует осмотрелся. Дахау вовсе не производил впечатления мрачного места —

если не знать, что это бывший концлагерь, можно было спутать его с площадью какого-нибудь украинского или русского провинциального городка. Площадь как площадь, дома как дома, все совершенно обычное, лишь одно настораживало — вышки для снайперов и забор с колючей проволокой. И конечно, более современные постройки — памятники.

Главный памятник Володю впечатлил. Увеличенная в размерах колючая проволока — если приглядеться, было отчетливо видно, что та состояла из людских тел. Второе, что бросилось в глаза, — размеры лагеря. Площадь с памятником, а за ней — огромное пустое поле. Взглянув на карту и попытавшись сравнить масштаб, Володя осознал, что за час не сумеет посмотреть весь концлагерь. Да и смотреть-то было особенно не на что — примерно в километре от здания музея стояло несколько часовен разных конфессий, один барак и два крематория, но идти до них было слишком далеко, поэтому Володя решил вернуться в музей.

Экспозиция состояла из фотографий, пропагандистских плакатов, медицинских инструментов, личных вещей заключенных, редких предметов быта вроде тачки, посуды и бритвенных принадлежностей. Скучно, если не читать таблички с исторической справкой и не присматриваться к фотографиям. Но Володя читал и присматривался. Выяснил, что Дахау — первый и единственный сохранившийся в Германии концлагерь. Он не был, подобно Освенциму, лагерем смерти, Дахау отвели другую роль. Здесь солдаты СС тренировались стрелять по живым мишеням, а медики проводили эксперименты над людьми. Заражали малярией, смотрели на течение болезни, создавали вакцины для солдат немецкой армии. Наблюдали за воздействием перепадов давления и температуры на человека.

Володя надолго задержался у посвященного температуре стенда. Он не хотел смотреть и читать, но какое-то животное любопытство со смесью столь же животного ужаса пригвоздило ноги к земле. На стенде была размещена фотография заключенного — тощий мужчина с пустым выражением лица лежал в ванне с водой. А рядом со снимком висел листок бумаги — таблица с градусами: в первом столбце температура воды, а во втором — температура тела человека, находящегося в этой воде. Володя присмотрелся ко второму столбцу, взглядом пробежался по цифрам от двадцати семи градусов до

восемидесяти двух. Мозг на мгновение представил, как себя чувствовали подопытные, а в памяти вспыхнули собственные руки над чаном кипящей воды. Сердце и легкие будто скрутило жгутом. Володя так резко отшатнулся от стенда, что едва не ударился спиной о другой.

Гуляя по музею, он видел множество памятных табличек с именами, датами рождения и смерти. На многих вместо даты смерти стоял прочерк. Здесь были надгробия — они грудились под стендами с фотографиями узников.

На душе было гадко. Володя не имел никакого отношения к этому месту, но, находясь здесь, не мог воспринимать себя как простого туриста. Его преследовало навязчивое ощущение, будто он нес ответственность за что-то, но за что именно? В голове крутились вопросы — для чего немцы сохранили все это? В назидание? Самим себе — возможно, но почему Володя чувствовал чужую вину? Ведь если бы он оказался здесь семьдесят лет назад, то одет был бы отнюдь не в военную форму, а в полосатую робу с розовым треугольником на груди.

От этой мысли стало еще гаже.

Он уже дважды обошел весь музей и решил не идти на новый круг — остался ждать Юру в фойе. Смотрел на карту лагеря, думал. Через Дахау прошло больше двухсот тысяч заключенных, но Володя не мог осознать масштабов этого числа, в его представлении это была просто цифра. Но если бы все узники встали в строй по одному и пошли, сколько дней двигалась бы эта цепочка? А ведь это были не просто тела, а люди.

Это страшно. Но куда страшнее, что в эту минуту, там, в архиве, тысячи их историй нависали над Юрой и, должно быть, чудовищно давили на него с полок высоких шкафов. Ужасающие истории, трагические, одна из которых буквально в его крови.

Стоило Володе вспомнить о нем, как Юра вышел из архива в фойе. Бледный и как будто растерянный, с папкой в руках.

— Ты всё? Или пойдешь еще куда-то? — спросил Володя — ведь Юра так и не прислал ему СМС.

— Всё, — коротко ответил тот и опустился на стул рядом.

— Узнал что-нибудь? — Володя обернулся к нему, заглянул в лицо — безэмоциональное, будто каменное.

— Всё узнал, — ответил Юра, не шелохнувшись.

— Домой или...

— Я все равно сюда больше не вернусь, — сказал Юра, вставая. — Отведи меня в крематорий.

Этой фразы было достаточно, чтобы понять, о чем именно он узнал. Володя запомнил карту почти наизусть, поэтому без лишних вопросов направился в нужную сторону.

Они вышли на площадь Аппельплац — как выяснилось, служившую для ежедневных построений и казней. Юра лишь мельком взглянул на впечатляющий памятник. Они двинулись дальше и пошли по широкой аллее, обрамленной рядом симметрично высаженных деревьев, очень высоких — похоже, они помнили времена, когда этот лагерь действовал. То, что поначалу показалось Володе бессмысленно пустым пространством, таковым раньше не было — здесь стояли бараки, в которых жили узники. Теперь от них остались засыпанные щебнем фундаменты. На земле возле двух бараков кто-то оставил цветы.

Было холодно. Юра ежился, смотрел перед собой и продолжал молчать. На Володю давила эта леденящая тишина, он не хотел

донимать Юру, но все же предложил:

— Если захочешь поговорить...

— Не о чем говорить.

— Ладно, но... как ты?

— Мне... — Юра задумался. — Пусто. Но я удовлетворен. Не знаю, как объяснить.

Володя корил себя за то, что часом ранее отказался от идеи пойти в архив вместе с ним. Казалось, что там он будет ему только мешать, но теперь, видя состояние Юры, Володя сердился — пусть и мешал бы, но наверняка смог бы помочь своим присутствием, поддержать.

Они вышли на ведущую к крематориям дорожку, перешли по мостику ров, который раньше окружал весь лагерь, и вдруг Юра остановился. Кивком указал на валун с высеченными на нем надписями. Первое слово Володя понял и так — *Krematorium*, а строчку ниже перевел Юра:

— «Подумайте, как мы здесь умирали».

Стоило сделать несколько шагов, как Володя увидел два приземистых здания, из крыш которых торчали широкие трубы. Они зашли в здание побольше. Через железную дверь, подписанную *Brausebad*, вошли в газовую камеру. Володя быстро осмотрелся — обычная на вид маленькая комнатка с глубоким полом и низким потолком с проделанными в нем дырками для леек, из которых никогда не лилась вода. Комната и не должна была выглядеть устрашающей, для узников это была всего лишь *Brausebad* — душевая. Юра не стал там останавливаться и прошел в следующую.

Крематорий был пуст: ни вещей, ни посетителей, лишь три печи и Юра перед ними. Володя встал рядом с ним, посмотрел на его безэмоциональный профиль. Но вдруг Юра скривился, будто от спазма. И все — больше никаких эмоций или слов. Володя оглянулся и, убедившись, что вокруг никого, стиснул пальцами Юрино плечо, а затем крепко обнял со спины. Юра склонил голову, коснувшись волосами его щеки.

Когда на пороге газовой камеры слышались голоса туристов, они вышли из крематория и направились через всю территорию к выходу.

— Володь, нам бы поесть перед дорогой, — вдруг подал голос Юра. — Кажется, здесь было кафе. Правда, там наверняка одни чипсы

с колой. Можно в городе поискать что-нибудь приличное, но я не хочу тратить на это время.

— Ничего страшного, идем в кафе.

Обрадованный тем, что Юра наконец вышел из оцепенения и заговорил, Володя согласился бы есть что угодно, даже чипсы.

В кафе было полно народу — Володя едва нашел свободный столик. Юра ел молча, быстро заталкивал в себя еду и, толком не прожевав, глотал. Уставившись взглядом в тарелку, он лишь изредка поднимал голову, реагируя скорее на раздражители, чем интересуясь происходящим вокруг. А вокруг гомонил народ — студенты и туристы громко разговаривали, смеялись. Володя недоумевал — он считал, что каждый должен сидеть в скорбном молчании, хоть это молчание и тяготило.

— Давай обратно поведу я, — предложил он.

Юра нахмурился:

— Уверен? Ты же по автобану не ездил никогда.

— Сомневаешься в моих навыках? — Володя улыбнулся. Сперва вяло, но, увидев ответную улыбку Юры, шире.

— Ну хорошо. Я утомился, поспать бы как раз... — мягко ответил тот.

— Только вывези нас из города.

Сошлись на том, что до автобана поведет Юра, а там, на заправке, они поменяются. Чтобы попасть на трассу, пришлось проехать по городу Дахау. Солнце давно село, на улицы опустилась тьма, повсюду зажглись гирлянды. Володя любовался — до чего же красивые места, именно такими ему представлялись деревни в «Асе» Тургенева и «Вихре призвания» Гауптмана. Как странно было осознавать, что всего в нескольких километрах от этого идиллического места когда-то действовал концлагерь, а жителям говорили, что это вовсе не лагерь, а конфетная фабрика.

На заправке Володя сел за руль. Рассказав про правила вождения на автобанах, Юра уютно устроился на пассажирском сиденье и накрылся пальто как одеялом, хотя в машине стало очень тепло, даже жарко.

Дорога обратно показалась долгой, но приятной. Юра сначала дремал, иногда открывал один глаз и комментировал что-нибудь, а вскоре действительно уснул. Володя поборол желание погонять и ехал очень осторожно. Все пять часов он слушал рождественские песни по

радио, думал обо всем и ни о чем, ехал и ехал по указателям. На душе стало спокойно и мирно, а волновало только одно — как бы не пропустить нужный съезд.

Так и случилось — увидев указатель *Stadtzentrum*^[3] и быстро сообразив, что значит это слово, Володя съехал на очередную заправку и разбудил Юру. Тот сверился с картой, а спустя десять минут вернул машину на правильный маршрут, и вскоре они прибыли домой.

Стоило вернуться в уютную старенькую гостиную, как Володя понял, что сил у него попросту нет. Чего нельзя было сказать о Юре — тот бодро устремился на кухню готовить ужин. Володя же, беспрестанно потягиваясь, переоделся, вернулся на кухню и сел, заявив:

— Помогать не могу, усну стоя.

— Яишенки? — улыбнулся Юра, ставя перед ним тарелку.

— О, давай. Спасибо!

Юра уселся напротив и принялся уплетать ужин за обе щеки.

— Мы так и не подумали, что будем делать завтра, — вспомнил Володя. — В Берлин?

— Ну почему не подумали? Подумали, даже решили. — Юра хитро прищурился. — Ты же говорил, что хочешь с моими друзьями познакомиться, так что завтра в клуб.

Об этом Володя забыл напрочь, а после целого дня, проведенного вместе, Юру не хотелось вообще ни с кем делить.

— А на музейный остров? — спросил он, надеясь все же поменять планы.

— Сначала туда, а вечером — в клуб, — уверенно произнес Юра.

Делать нечего, пришлось соглашаться:

— Ладно. А теперь что, спать?

— У нас есть целая бутылка рома, — заметил Юра. — Надо отметить, что нашел... это, — посерьезнев, он кивнул на пухлую папку, что лежала рядом на столе.

— Покажи, что именно там внутри?

Распаковывая ее, Юра неожиданно заявил:

— Мне очень понравился Дахау.

— Серьезно? — удивился Володя. — Ты не шутишь?

— Не шучу. Хорошо, что бараки снесли ко всем чертям. Мне было... — Он задумался и принялся подбирать нужное слово: —

Злорадно? Мстительно?

— Приятно? — подсказал Володя.

— Пусть будет «приятно». И еще мне понравилось, что сейчас там много людей. В кафе вон было так шумно, живо, все галдели и смеялись. Здорово, что все так. Это место не кладбище, оно не отдано смерти. Вернее сказать, оно у нее отобрано.

Володю, наоборот, раздражала легкомысленность некоторых посетителей, но спорить он не стал.

Юра выложил на стол копии документов. Все на немецком, разномастные, некоторые рукописные, некоторые — напечатаны на машинке. Володя ожидал встретить в них имя и фамилию Юриного деда, но нет — имена, содержащиеся в документах, очевидно, принадлежали офицерам и врачам. Володя присмотрелся к каждой бумаге, сравнил их между собой и нашел единственное общее — номер, состоящий из множества цифр.

Юра пояснил, разливая ром по бокалам:

— Статистики убийств у нацистов не велось, они учитывали, сколько прибыло в лагерь. Когда заключенные поступали туда, их записывали по именам и присваивали номер, и имена больше не употреблялись. Номера деда я не знал, а картотека с фамилиями была утеряна.

— Так вот почему вы искали его почти семьдесят лет... — пробормотал Володя.

— Да. Я отправил запрос в архив Дахау еще в двухтысячном, но нашли деда только спустя три года. Ответили мне, что, возможно, это он, но не факт, нужно, чтобы я приехал, желательно с фотографиями. Но это не обычное положение дел, чаще всего заключенных находят через неделю-месяц.

Володя кивнул, глотнул рома и продолжил изучать документы. Редко когда номер деда был единственным в документе, в основном он стоял рядом с другими именами-номераами.

Юра принес небольшую коробку и стал убирать туда просмотренные Володей бумаги. А когда те закончились, Юра достал из сумки еще одну папку, очень тонкую, и вынул из нее несколько листов ксерокопии личного дела. Все, разумеется, на немецком, Володя не понял ни слова. Наверное, оно и к лучшему — вспомнил,

как болезненно отзывались в нем истории совершенно чужих людей на стендах.

— Фотография... — растерянно пробормотал он, беря в руки копию снимка мужчины в полосатой робе.

— Едва похож на себя до лагеря, правда? — тихо произнес Юра. — Хорошо, что бабка не видела его таким.

Он указал на другую фотографию деда, что лежала рядом на столе, — ту самую, из кабинета. Человек в робе действительно не походил на себя же с портрета — изменилось лицо и телосложение, волосы исчезли с головы. Пропало всякое сходство с Юрой. Лишь одно у них оставалось не просто похожим, а вне всякого сомнения одинаковым: руки.

— Присмотрись. — Володя показал на крупные кисти дедушки с длинными пальцами. — А ведь твоя бабушка оказалась права. Но, Юр, зачем тебе копии?

— Вдруг пригодятся. Будь у нас в девяностых его личное дело, это многое бы упростило. — Он положил бумаги в коробку и закрыл крышку. Указав на нее, произнес: — Вот она — цена моего гражданства, а может, и вообще жизни — коробка с бумажками. Все, что осталось от человека.

— Нет, не все! — воскликнул Володя, заключая Юрины ладони в свои. — Он живет в тебе. У тебя его руки... — Стоило бы сказать, что еще у Юры его глаза и скулы, но мысли Володи спутались.

Он сжал его пальцы, поднес к губам и поцеловал. Юра опешил. Володя поднялся с места, шагнул к нему вплотную и обнял. Юра не ответил на объятие, но уткнулся лбом в его грудь и прошептал:

— Спасибо, что съездил со мной. Один я бы, наверное, так и не собрался. И вообще, спасибо, что ты здесь. — Он взглянул снизу вверх, искренне и открыто улыбнулся.

От его улыбки перехватило дыхание. Володя понял, что сил сдерживаться у него больше не осталось. О чем он беспокоился этой ночью — реальны ли его чувства? А может, плюнуть на все? Может, наконец пришло время иррациональных поступков и журавлей в небе? Но даже если его сомнения обоснованны, то что с того? Чем это чревато, чем опасно? Да ничем!

Володя нежно погладил его по волосам, приподнял подбородок и наклонился. Он ждал прикосновения Юриных губ и предвкушал —

секунда, две, и он ощутит его поцелуй. Володя наклонился еще ниже, к самому лицу, но вдруг Юра отвернулся.

— Нет, это неправильно, — едва слышно прошептал он в сторону.

Повисла тишина, казалось, даже дождь со снегом перестал бить по крыше. Володя в изумлении замер. Юра молчал, а затем резко встал и сухо сказал:

— Пора спать. Я пойду.

Нужно было что-то ответить. Но что? Не отпускать же его?

Володя запаниковал, но, видя, как Юра берет коробку и устремляется в кабинет, крикнул вдогонку:

— Ты прав, завтра много дел. — Его неловкие слова звучали как беспомощный лепет. — Я помою посуду.

Оставив коробку в кабинете, Юра вышел, но не вернулся на кухню. Поднимаясь по лестнице, он остановился и сказал:

— Еще раз спасибо тебе!

— Угу.

Володя судорожно улыбнулся, но, едва Юра скрылся наверху, спрятал лицо в ладонях: «Дурак! Нашел время! Ну дурак!»

Посыпая голову пеплом, он бросился мыть посуду, чтобы занять руки хоть чем-то. От горячей воды приятно покалывало пальцы, а в голове крутилось: «Что это значит? Не сейчас или совсем нет?»

Все произошедшее казалось каким-то нереальным, невозможным, будто сон или фантазия, будто еще был шанс повернуть время вспять и все изменить. А стал бы Володя менять что-нибудь? Он все равно поцеловал бы его, но не сегодня — не тогда, когда Юра был подавлен, ведь вышло так, будто он хотел воспользоваться его слабостью. И наверняка обидел этим.

В третий раз перемывая один и тот же стакан, Володя размышлял, как ему исправить ситуацию. Извиниться? Нет, извиняться за то, что хотел поцеловать, унижительно и глупо. А ведь двадцать лет назад Юра оказался в точно такой же ситуации — он поцеловал, а Володя его оттолкнул.

Размышляя над тем, что же все-таки делать, Володя умылся, а после — прокрался к Юриной спальне и прислушался — за дверью тишина. Должно быть, он действительно лег спать. Решив, что лучше всего сейчас не делать ничего, Володя отправился к себе. Уснуть он, конечно, не смог: раз за разом прокручивая в голове те же вопросы,

проворочался в кровати час, пока не решил пожалеть себя и пойти на кухню выпить снотворного.

Дверь Юриной спальни была распахнута, горел свет, но комната оказалась пуста. В полной темноте Володя спустился вниз. Из-под двери кабинета пробивалась тонкая полоска света. Юра был там, но, чем занимался, непонятно — в доме стояла тишина. Володя осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Юра сидел за пианино в наушниках, то играл, то замирал на несколько секунд, затем записывал что-то на лежащий рядом лист и снова склонялся над клавишами.

Каким бы паршивым до этой минуты ни было настроение Володи, он обрадовался — совершенно неожиданно для себя он открыл в Юре нечто новое. Володя уже видел, как тот играет, но никогда прежде ему не удавалось видеть, как Юра пишет!

Мысли, крутящиеся в голове заевшей пластинкой, сменились на новые, более приятные: «Что именно он делает: придумывает мотив или пытается лучше расслышать музыку, уже звучащую в голове? Как Юра сказал в Дахау — ему пусто? Вот что он делает — облакает пустоту в форму».

Улыбаясь, Володя закрыл дверь, налил воды и выпил снотворное. На сердце полегчало — как бы глупо он ни повел себя, Юра от этого не пострадал. Володя все еще оставался идиотом, а его поступок — дурацким, но теперь его хотя бы не мучила совесть.

Глава 11

Живые огни

Володя бежал так быстро, что ветер свистел в ушах. Сердце бешено стучало, дыхание сбивалось. Под ногами сливались в пестрое полотно трава, цветы и листья. В голове слышались голоса. Один и тот же вопрос, один и тот же ответ:

«Женя, ты видел Конева?»

«Маша, ты видела Конева?»

«Девочки, вы видели Конева?»

Нет, нет и нет.

Конева не было в театре, не было в отряде, на пляже, на площади, в столовой. Его не было нигде. Но Володя все равно искал. Он бежал по тротуару, по асфальту, по траве, по песку. Среди деревьев мелькала призрачная фигура Юры, но, едва Володя подбегал к нему, как фигура таяла. Неужели он за рекой? Но река сегодня была столь буйной, что не перейти и не переплыть — волны поднимались и пенились, вода бурлила, будто кипела.

Вдруг перед Володиной появилась Ирина. Она сидела возле теннисного корта, складки ее зеленой юбки волнами лежали на скамейке.

— Ирина, не видела Конева?

— Нет, он же должен быть с тобой. Что случилось?

Володя вздохнул и выпалил всю правду:

«Он поцеловал меня, а я оттолкнул и наговорил ему всякого. И потом еще больше наговорил. Это я во всем виноват!» — но вместо голоса изо рта вырвался лишь слабый хрип.

Глядя на то, как беззвучно, словно у рыбы, открывается рот Володи, Ирина воскликнула:

— Если с ним что-нибудь случилось, Леонидовна меня убьет!

Володя покачал головой, снова вздохнул и наконец услышал свой голос:

— Да мы просто разминулись, не беспокойся.

И он снова побежал. По разбитой плитке, зарослям одичавшей травы, крошеву асфальта. Волосы развевал ветер, ноги ныли, любимые кеды покрывались пылью, на глазах ветшали и рвались.

Вдруг на его пути возник Олежка. Он стоял возле обезглавленного памятника Портновой.

— Юлка там, в театле! — воскликнул он, указывая пальцем на полуразрушенное здание.

Из разбитых окон на улицу лилась музыка. Юра действительно был там. Румяный, растрепанный, сосредоточенный, он склонился над сломанной клавиатурой сломанного пианино. Пионерский галстук съехал набок, белая рубашка посерела, джинсы испачкались в грязи.

— Никогда больше так не делай, — услышал Володя собственный дрожащий голос.

— Чего именно не делать? — сердито ответил Юрка.

— Не пропадай, — сказал Володя.

«Не теряйся, — продолжил мысленно, — не убегай от меня, не отворачивайся, не отталкивай».

— Зачем ты приехал? — спросил Юра другим, взрослым голосом.

Вдруг он весь изменился: лицо стало худым и усталым, волосы потускнели, пропал пионерский галстук. Юра вмиг постарел, но показался Володе еще красивее, чем раньше.

— Я хочу быть с тобой, — сказал Володя. — А ты? Будешь моим особенным другом?

Юра молчал, а Володя сел рядом за пианино, наклонился к его лицу. Он не знал, что Юра ответит и ответит ли вообще. Может быть, отвернется или оттолкнет, а может, опять убежит. Но одно он знал точно: сейчас он все делает правильно!

Вдруг мир окутало белой пеленой. Свет становился ярче и ярче, он пожирал все вокруг: сначала кинозал, затем — пианино, а после — и Юру. И Володя проснулся, так и не узнав, прав он оказался или нет.

Сердце колотилось так, будто он на самом деле только что бежал. Володя открыл глаза и понял, что все это ему просто приснилось. Но как же хотелось вернуться обратно в кинозал, в «Ласточку», и узнать, чем закончился тот разговор.

Сон пробудил воспоминания. О щитовых в зарослях сирени, о Юрином неумелом и оттого еще более трогательном поцелуе. О собственном страхе и о том, что Володя сказал в ответ и как потом

полночи бегал по лагерю, пытаясь догнать Юру, а нашел его спящим в отряде. Вспомнилось и то, каким невероятно подавленным тот был с утра, боялся даже взглядом встретиться с Володи́ей. Их разговор у столовой тоже вспомнился.

И сейчас, спустя двадцать с хвостиком лет, Володя вдруг отчетливо ощутил, как сильно он тогда ранил Юру, оттолкнув его. Еще и утром у столовой говорил с ним так, будто пытался добить. Тогда Володя считал, что этим разговором все можно исправить: отмотать время, успеть не наломать дров, остаться просто друзьями.

А сейчас такой уверенности у него не было.

Спустившись вниз, Володя застал Юру на кухне и уловил какое-то странное изменение в его настроении. Он выглядел хмурым, вчерашняя подавленность сменилась чем-то другим, но чем именно — непонятно.

Невидяще уставившись в столешницу, Юра молча пил кофе. Володю это насторожило.

— Завтракал? — аккуратно поинтересовался он, забирая у Юры пустую чашку.

— Нет еще, — буркнул тот, не поднимая на него взгляда.

— Давай приготовлю что-нибудь? Чем ты любишь завтракать? — предложил Володя, пытаясь вызвать хоть какой-то интерес, пусть даже к еде.

Но Юра равнодушно дернул плечами.

— Да чем придется. — Он снова застыл, глядя в одну точку, а через полминуты неожиданно подал голос: — Как, на твой взгляд, звучит Дахау?

— Как звучит? — не понял Володя.

— Ну... представь, что ты должен показать это место слепому иностранцу. Глазами он не видит, язык ты не знаешь и показать можешь только музыкой. Так какой она должна быть?

— Не знаю... — протянул Володя, в душе радуясь, что Юрино настроение явно связано не с ним. — Это к тебе вопрос. Может быть, марш? В смысле, топот множества ног.

— Да, да, наверное, — живо закивал Юра. — И тишина.

— А как сыграть тишину?

— Самое простое — эхом, но это пошло, нужно придумать нечто другое. — Юра наконец посмотрел на него, и Володя увидел в его

глазах искру интереса. — Слушай, я минут пятнадцать поработаю, а потом что-нибудь приготовим.

Володя кивнул и принялся мыть чашки, а Юра скрылся в кабинете. И тут же по дому разлились звуки фортепианной музыки — короткие переборы клавиш. Володя выключил воду, чтобы слышать лучше — кусочек какой-то незнакомой грустной мелодии повторился снова, а потом еще раз.

«Вдохновение настигло», — улыбнулся он.

Но через пятнадцать минут Юра не вышел. Володя не любил быть бесполезным, поэтому сам разобрался, где взять посуду, и приготовил простенький завтрак: салат и бутерброды с колбасой. Юра не вышел и через сорок минут, когда Володя уже накрыл на стол и сварил им еще по чашке кофе.

Рискнув все же заглянуть в кабинет, он застал Юру за пианино. Тот не играл, а, уложив нотный лист на колени, жутко сутулясь, черкал в нем карандашом.

— Юр, — негромко позвал Володя.

Тот резко встрепенулся и, выпрямившись, уставился на Володю так, будто впервые увидел и вообще не понял, как тот оказался на пороге его кабинета. Помотал головой и пришел в себя:

— А... Да, я сейчас, — рассеянно пробормотал Юра, покусал карандаш и сделал пометку на полях. Таким он был забавным: всклокоченный, до сих пор в пижаме, с полубезумным взглядом — ну истинный творец. — Так, я все.

— Я завтрак сварганил. — Володя кивнул в сторону кухни. — Подумал, ты не будешь против.

Юра неуверенно покосился на лист, который все еще стискивал пальцами, затем — на чашку кофе в руках Володи, принялся и заявил:

— Да какое «против»? Я только за!

Они почти доели, когда Володя все же поинтересовался:

— Над чем ты сейчас работал? Заказ? Я думал, ты на каникулах.

Юра проглотил последний кусок бутерброда и помотал головой:

— Нет. Заказы я сдал... — Он задумчиво оглядел кухню. — А это для себя. Но пока я сам не знаю, что именно.

Потянувшись за кофе, Юра мимоходом взглянул на Володю. А затем, будто смутившись, резко сменил тему:

— Так, что у нас сегодня по плану? Берлинский музей? Нужно узнать график работы...

Он вскочил, подошел к телефону, принялся суетливо листать справочник.

— Юра... — Володя подошел к нему со спины — тот вздрогнул от тихого оклика, но не перестал шелестеть страницами. — Мелодия, что ты играл, очень красива. Лучше продолжи ее писать.

Юра закрыл справочник и медленно развернулся к Володе, посмотрел на него одновременно хмуро и удивленно.

Володя пояснил:

— Я хочу сказать, что, если для тебя важно это произведение, мы можем остаться сегодня дома. Я же не последний день в Берлине, музей подождет.

Юра махнул рукой.

— Да ладно тебе, мы же еще вчера договорились. Подождет мое вдохновение.

Володя кивнул сам себе — значит, он все понял правильно — и положил ладонь Юре на плечо.

— Скажу честно: я не особенно разбираюсь в творческих процессах, но слышал, что вдохновение очень сложно поймать. Юр, скажи честно: для тебя важно заняться новым произведением сегодня?

Тот покосился на лежащую у него на плече ладонь, на телефон и благодарно улыбнулся.

— Да, важно.

— Тогда решено. Сегодня днем — музыка, вечером, как договаривались, — клуб. А экскурсия завтра.

Юра неуверенно улыбнулся.

— Но завтра же Новый год...

— В любом случае Берлин потом, — твердо сказал Володя и кивнул в сторону кабинета. — Пока ты пишешь, я могу заняться работой. Надо еще матери позвонить и соседям — узнать, как Герда. Пустишь меня за компьютер?

Юра кивнул:

— Конечно. Но компьютер у меня один — в кабинете. Я не буду мешать тебе своим треньканьем?

— Нет. Главное, чтобы я тебе не мешал своим присутствием.

Юра уверенно помотал головой:

— Не будешь.

* * *

Володя ошибся, заявив, что Юра не будет отвлекать его от работы. Обычно Володю отвлекало все. Когда требовалось сконцентрироваться, он плохо переносил даже молчаливое присутствие кого-либо в кабинете. Не говоря уже о посторонних звуках.

Но Юра отвлекал отнюдь не тем, что играл одну и ту же мелодию по несколько раз, подбирая правильные ноты, не тем, что постоянно хмыкал, что-то обсуждал сам с собой и тихо ругался на немецком. Он отвлекал самым своим присутствием, потому что Володе хотелось лишь одного: наблюдать, как Юра, сгорбившись, продолжает что-то записывать в нотную тетрадь. Володя украдкой следил за рождением его музыки — мрачной, тоскливой, глубокой. Красивой. Он слышал только кусочки и не знал, какой она получится в итоге, но для него мелодия была прекрасна уже потому, что оживала под пальцами Юры. Под самыми красивыми пальцами на свете.

Работа, как оказалось, без Володи не горела. Брагинский отрапортовал, что со всем справляется, никаких проблем нет, а весь офис активно готовится к сегодняшнему корпоративу. Даже прислал на почту фотографии: на первой была запечатлена Лера в шапке Снегурочки, на второй — ящик водки и шампанского под столом в кабинете Брагинского.

Но Володя не был бы собой, не проверь он несколько накладных и отчетов — просто для душевного спокойствия, что убедился во всем лично.

Отвлечь Юру от музыки Володя осмелился только в обед.

— Что тебе приготовить поесть? — осторожно спросил он, видя, как Юра увлечен. Но тот никак не отреагировал, пришлось потрясти его за плечо.

— А? — Юра обернулся и непонимающе захлопал глазами.

— Еду тебе сюда принести или выйдешь?

— Выйду, только ты позови, а то забуду.

— Хорошо.

— Володь!

Уже выходя из кабинета, тот обернулся:

— Что?

— Спасибо.

Юра не уточнил, за что именно, но Володя не стал переспрашивать. Наверное, за заботу? Но благодарность была и не нужна — ему нравилось заботиться о Юре. Володя даже поймал себя на совершенно глупой мысли, что готов всю жизнь кормить Юру, только бы наблюдать за тем, как он пишет свою музыку.

Обедали они молча, но от этого молчания не было так неуютно, как в первый день. Юра ушел в себя. Рассеянно глядел то в окно, то на Володю и очень неаккуратно ел. Хотелось прикрикнуть на него как на маленького, чтобы не спешил, а тщательно пережевывал пищу, но Володя молчал, понимая: Юра торопился вернуться к работе.

После обеда в ICQ написала Маша:

«Ку-ку, Володя! Вообще-то мог бы не полениться и написать хотя бы, что долетел!»

«И тебе привет. А ты чего сразу с претензии начинаешь?»

«Я вообще-то переживаю! Или что, все так НАСЫЩЕННО там, в Германии, что ни минуты покоя?» — написала Маша и добавила дурацкий ехидный смайлик.

Володя закатил глаза — показал ей на свою голову, что такое ICQ.

«Ты о чем это?»

«Ой, только не надо делать вид, что не понимаешь намеков! КАК ТАМ У ВАС С ЮРОЙ?» — спросила она прямо так — заглавными буквами.

«Маша, что за намеки? Что значит „у нас с Юрой“? Юра в порядке, сидит рядом, пишет музыку», — ответил Володя, сдерживая смех.

«Ой! А то ты не понимаешь!»

«Хватит ойкать! Нет, не понимаю!» — Володю веселило строить из себя дурака.

«Зато Я все понимаю!!!» — тут же пришло новое сообщение с целым рядом хохочущих смайликов.

— С кем это ты так активно переписываешься? — вдруг спросил Юра.

Володя повернулся к нему — тот сидел на стуле вполоборота и с любопытством косился в монитор.

— Прости, я мешаю? Сейчас выключу звук, меня и самого эти вечные «ку-ку» раздражают.

— Да нет, все нормально, просто заметил, что тебе весело.

— А, да. Маша пишет.

— О! Передавай привет!

— Хорошо. Она спрашивает, как ты.

— Скажи, что лучше всех. Кстати, уже почти пять. Я устал, скоро буду заканчивать. — И Юра снова вернулся к пианино.

Пока они говорили, Володя не заметил, что в ICQ с выключенным звуком пришло сообщение от еще одного адресанта. Единичка горела над зеленым цветком контакта «Игорь».

«Да чего ему нужно»? — с раздражением подумал Володя, нажимая на уведомление.

«Привет! То есть ты реально уехал в Германию?»

Первая мысль была самая логичная — просто не отвечать. Володя так и сделал — снова переключился на диалог с Машей, передал Юрины слова, спросил, как дела у детей. Но от Игоря пришел еще один вопрос:

«Чего молчишь?»

А следом:

«Ну реально, ты что, уехал к НЕМУ?»

Настроение стремительно портилось, Володя быстро наступал на клавиатуре ответ:

«Игорь, мы с тобой все обсудили. Куда и к кому я уехал, тебя вообще не касается!»

«Еще как касается, Вова! Ты что, считаешь, что меня можно просто так подвинуть в сторону и не нести за это никакой ответственности?»

«Да, именно так я и считаю!»

«Ты идиот, Вова! Ты помчался к нему, на что вообще рассчитывая? Какое у вас будущее? Вы живете в разных странах черт знает за сколько километров друг от друга! Или ты настолько отчаялся, что решил ввязаться в отношения на расстоянии?»

Володя почувствовал, как вспыхнувшее ранее раздражение нарастает. А Игорь, будто подливая масла в огонь, долго печатал еще что-то и в итоге прислал:

«Нет, я не это хотел сказать, прости. Я понимаю, что тебя просто потянуло на приключения, но, Вова, подумай, что он вообще может тебе дать? Ты сам понимаешь — ничего. Он не знает твоих потребностей. Представь, как тебе будет стыдно рассказывать ему, что

тебе иногда нужно. А я знаю твои истинные желания и знаю, как их удовлетворить! Ты хотел наказать меня этой поездкой и наказал. Успокойся уже и возвращайся».

Володя собирался ответить, что ни о каких отношениях речи не идет, что он поехал прежде всего к старому другу и вообще это опять-таки не его, Игоря, дело. И только занес руку над клавиатурой, как за спиной деликатно кашлянули.

Володя вздрогнул, перевел взгляд на пианино — за ним было пусто. Он не услышал, как Юра встал и подошел к нему со спины.

— Я думал, ты переписываешься с Машей, но тут смотри-ка, какие интересные люди и какие любопытные темы, — холодным тоном произнес он.

Володя покосился на монитор — в окне диалога аккуратно висело только последнее сообщение Игоря, и, вырванное из контекста, оно было слишком красноречивым.

— Юра. — Володя осторожно повернулся на стуле, посмотрел на него снизу вверх. — Я не знаю, что именно ты подумал, но это точно не так.

— А тут особо и нечего думать. Я — приключение, а этот человек тебе, видимо, очень дорог, раз ты не захотел с ним расстаться, когда я тебя просил. И который, оказывается, знает тебя как облупленного и, что важнее... — Он нахмурился и процедил два слога: — Во-ва... знает твои потребности и умеет их удовлетворять.

«Вова», произнесенное Юрой так, будто это не имя, а оскорбление, царапнуло по ушам. Это была очевидная провокация, но проигнорировать ее не получилось, ведь Юра буквально намекал, что может стать для Володи чужим.

Он попытался оправдаться:

— Нет же! Никакое ты не приключение, а Игорь... да у меня сто лет с ним ничего нет.

— Тогда что ему нужно? — спросил Юра делано будничным тоном. — Почему он тебе пишет?

— Не знаю. Наверное, обижен, что я порвал с ним. — Володя хотел встать, чтобы посмотреть Юре в глаза, но тот пригвоздил его к месту ледяным, надменным взглядом. — Юр, мне от тебя скрывать нечего. Хочешь, всю нашу переписку прочитай...

— Далась мне твоя переписка. — Он развернулся, шагнул к пианино, уселся на стул, раздраженно ударил по клавишам. — Собирайся иди, выходим в семь, если что.

Володя вскочил с места, но подойти совсем близко не осмелился. Хотел повторить, что Юра все неправильно понял, но слова так и застряли в горле. Володя прокашлялся и неуверенно произнес:

— Я не хочу никуда идти.

— Чего это? — нарочито удивился Юра. — Там будет много ребят из прайда, думаю, найдется несколько парней, способных удовлетворить твои потребности... — Последнее слово он произнес так ядовито, что даже Володя скривился.

— Зачем ты так говоришь?

— А я неправ?

— Неужели ты такого низкого мнения обо мне? Неужели ты правда думаешь, что я, приехав к тебе, пойду искать в клубе партнеров для секса?

Юра легкомысленно хмыкнул:

— Почему сразу для секса? Просто пообщаться с приятным человеком, который тебя поймет. А потом, кто знает, может, это перерастет в нечто большее.

Володе показалось, что внутри него что-то оборвалось и полетело в пропасть. Дыхание сперло.

Он все же шагнул к Юре, встал за его спиной почти вплотную. Хотел положить ладонь ему на плечо и развернуть к себе, но остановился.

— Ты же знаешь, что для общения с человеком, с которым я хотел бы чего-то большего, мне не надо идти в клуб?

Юра кивнул — будто сам себе. Не оборачиваясь, спросил — равнодушно:

— И кто этот человек? Я?

Вспомнив, как он вчера отвернулся от поцелуя, Володя обреченно вздохнул:

— Да, ты. Кто же еще...

Он не видел Юриного лица, но расслышал протяжный выдох. А за ним — наверное, ему показалось — смешок.

— Тогда чего же ты ждешь? — спросил Юра.

— Что? — Володя не поверил своим ушам, а тот тихо засмеялся. Так тихо, будто не хотел, чтобы Володя слышал. Положил и вторую руку на клавиши, заиграл слишком знакомый мотив — медленный, успокаивающий, светлый.

Сердце Володи ударило так, что грудная клетка отозвалась болью, когда Юра, продолжая играть, закрыв глаза, откинулся назад — уперся затылком ему в живот.

«Совсем как тогда в кинозале», — промелькнула мысль.

Володя как можно нежнее провел пальцами по его волосам, по ушам, по скулам. Юра зажмурился. Тишину нарушали только звуки мелодии. Он играл, не открывая глаз, не опуская головы, а Володя продолжал разглядывать и гладить его лицо: брови, щеки, подбородок. Когда взгляд упал на губы, тело оцепенело, а по спине тут же прошла приятная дрожь.

— Игорь для меня никто, — едва владея собой, прошептал Володя. — Для меня все никто, кроме тебя.

Он медленно опустился на колени рядом, а Юра развернулся к нему, наклонился и задержал дыхание.

Смотреть на него, такого покладистого, желанного, с прикрытыми горящими глазами, становилось невозможно: еще минута — и сгоришь. Володя положил ладони Юре на шею, очертил большими пальцами линию подбородка. Судорожно вздохнул и прижался к его прохладным губам. Он целовал его трепетно, едва касаясь, отрывался и прижимался снова. Он почувствовал теплое дыхание Юры на своих щеках и будто провалился в безвременье, а опомнился, лишь когда заныли колени — слишком долго простоял на полу.

— Я настаиваю, — прошептал Юра, снимая с него очки, — чтобы этот Игорь исчез из твоей жизни. Пообещай, что вышвырнешь его навсегда.

— Обещаю. — Володя поцеловал старый шрам на его подбородке и прошептал: — Но тогда и ты... никогда не называй меня Вовой!

Юра рассмеялся.

Невинные поцелуи стали глубже и откровеннее, дыхание сбилось. Потерявшись в этих ощущениях, Володя не заметил, как оказался у дивана. Скрипнули пружины. Юра, улыбаясь, потянулся к Володе, схватил его за плечи. А тот навис над ним и заглянул в темнеющие от желания глаза.

Мышцы напряглись, нервы натянулись до предела, когда Юра положил свою горячую ладонь ему на грудь. Неуверенно, будто изучая границы дозволенного, опустил ее на живот. Обжег настороженным взглядом.

«Можно, тебе можно все. Даже больше, чем все», — думал Володя, не в силах произнести вслух и звука.

Глядя на румянец на Юрином лице, на закушенные губы, на руки, которые судорожно расстегивал пуговицу его брюк, Володя не мог поверить в реальность происходящего. Сколько раз он представлял себе это? Тысячи! А снилось это ему еще сотни. И вот сбылось.

Володя не помнил его тела и поэтому сейчас изучал заново: сначала глазами, затем — губами. В мучительных снах юности он множество раз владел им, но даже от самых смелых мечтаний не испытывал и толики тех эмоций, что получал от простых действий в реальности.

Одежда оказалась на полу, они сами — лежащими вплотную, их руки — внизу, а губы — вместе. От легких прикосновений все тело прошибало импульсами блаженства. Володины пальцы были ласковы, Юрины — тоже, но наслаждение перемежалось с болью: он слишком долго этого хотел, слишком долго терпел и ждал. И все же Володя даже не представлял, что это будет так сладко. Он двигался механически, не осознавая, что и как делает, получая удовольствие не столько от близости, сколько от самого факта, что эта близость происходит именно с Юрой. Нежно поглаживая его волосы свободной рукой, Володя тонул в запахе его духов — этот запах будоражил, заставлял сердце биться еще быстрее. От сдавленных вздохов Юры мурашки волнами бежали по коже.

Володя даже не понял, когда именно все кончилось. Просто заметил, что Юра, надрывно дыша, притих у него на плече.

Не говоря друг другу ни слова, они лежали и целовались еще минут десять, пока резкий звонок Юрино мобильного не вернул их в реальность. Было очень жарко, но Володя не мог заставить себя выпустить Юру из объятий.

— Надо ответить, — лениво прошептал Юра. — Это ребята, нужно им сказать, что мы не придем.

— Потом перезвонишь, — заявил Володя, еще крепче обнимая его.

— Но они же ждут! — смеясь, воскликнул Юра и попытался вырваться. — Ну отпусти!

— Я тебя никогда не отпущу, — абсолютно серьезно сказал Володя.

Юра хмыкнул:

— Звучит как угроза.

— Почему «как»?

Володя рассмеялся и накрыл его губы своими. Юра не успел взять трубку — на другом конце, видимо, устали ждать и сбросили.

Все-таки выбравшись из его объятий, Юра подошел к пианино и взял телефон.

— Я договорюсь пойти в клуб первого января.

Пока он отписывался друзьям, отвернувшись к окну, Володя беззастенчиво разглядывал его фигуру. Высокий, худой, с прямой спиной — Юра сутулился, только когда играл, — он не казался долговязым, был, наоборот, стройным, даже изящным. Любуясь им, Володя тихо прошептал:

— Неужели это ты?

Юра вернулся на диван и устроился у него на плече, а Володя зарылся лицом в его волосы, поцеловал сережку на ухе.

— Не верится, правда? — тихо промурлыкал Юра, будто мечтательно, и замолчал, задумавшись, а затем серьезно спросил: — Ты не пожалеешь?

— Нет... — настороженно ответил тот. — А ты?

— Могу. Со мной сложно, с тобой — еще сложнее. — Юра вздохнул. — Пока не поздно, мы можем вернуть все назад, оставить как было.

Володя не поверил в серьезность его слов. Но то, что Юра сомневался, и то, почему он сомневался, было очевидным. К тому же у них все равно не получится притворяться, что ничего не случилось. Тем более — не получится остаться друзьями. И как быть? Расстаться, снова потерять друг друга, сдаться без борьбы? Нет, на это Володя согласиться не мог.

— А можем попробовать, — пробормотал он. Накрыв рукой Юрину ладонь и, положив ее себе на грудь, стал гладить пальцы.

— Можем, — уверенно сказал Юра.

— Так что, дадим нам шанс?

— Да. — Он наклонился к Володиному лицу и улыбнулся. — Давай.

* * *

Володя никогда не был лежебокой, но тем вечером решительно отказывался даже встать с дивана, не то что выйти из дома. Радуюсь, что удалось отвязаться от похода в клуб, он собирался затащить Юру в ванну, а затем отправиться спать, но черт его дернул вспомнить, что завтра Новый год.

— Суббота! — воскликнул Юра и сел. — Сегодня же суббота! Черт! Сколько времени?

— Десять, — пробурчал Володя, кутаясь в отброшенный им плед.

— Вставай, погнали в магазин! — заявил Юра, вскакивая с дивана и спешно натягивая джинсы.

— В чем дело?

— Мы же собирались в клуб, а на обратном пути я хотел заехать в магазин. Завтра воскресенье — выходной.

— И что? — не понял Володя, но все же послушно принялся одеваться.

— Завтра ни один магазин не работает.

— Как это?

— Вот так. Говорю же, выходной. Правило здесь такое. Давай быстрее, магазин до двенадцати, а нам еще ехать до него.

Володя принялся собираться, заваливая Юру вопросами: как магазины могут вообще не работать целый день и тем более завтра, в Новый год?

— Это тебе непривычны подобные правила, поэтому и удивляешься, а тут все привыкли, — объяснял Юра, идя к машине. — В Берлине есть несколько круглосуточных продуктовых. А в крайнем случае можно пойти в ресторан.

Только в машине Володя заметил, что в спешке надел чужой носок. Засмеялся, показал Юре.

— Получается, что я сейчас в твоём носке?

Пока ехали до магазина, сосредоточились на том, что готовить завтра. Володя достал ручку, блокнот и принялся составлять список.

— Хочу оливье! — воскликнул Юра. — Сто лет не ел.

— Да ну, это же вредно, — запротестовал Володя.

Последние годы придерживаясь правильного питания, он настолько отвык от майонезных салатов, что одно только слово «оливье» вызывало отвращение.

— Это ты вредный, а не оливье! — Юра засмеялся.

Володя только вздохнул — раз Юре хочется, разве он мог не уступить? В конце концов, Володю никто есть не заставляет.

Но в итоге список им почти не пригодился. Володя старался следовать ему, а Юра хаотично закидывал в тележку все подряд — по крайней мере, так казалось.

— Так, яйца купили, дальше... — диктовал Володя. — А оливье ты хочешь с колбасой или с мясом?

— Да! — Юра остановился, задумчиво посмотрел на него. — В смысле, и с тем, и с тем! — И, закинув в корзину два вида колбасы, указал пальцем влево: — Мясо там!

Потом они еще спорили у прилавка с соусами.

— Почти литр майонеза со скидкой, Володя, как можно упустить такое выгодное предложение? Покупать продукты со скидкой — рационально, разве нет?

Володя закатил глаза.

— Юр, во-первых, на кой тебе целый литр? Во-вторых, хотя бы посмотри на срок годности!

Финальная битва состоялась в отделе фруктов и овощей. Вполне предсказуемо ее Володя тоже проиграл.

— Возьми еще один пакет мандаринов! — бушевал Юра.

— У тебя точно нет аллергии? — беспокоился Володя. — Это ведь не самые полезные цитрусовые...

— Володя! Хотя бы раз в год я имею полное право обожраться вредными цитрусовыми!

— Раз в год? А грейпфруты каждый вечер под ром не считаются?

— Как видишь, аллергии у меня нет. — Юра пожал плечами и принялся рассматривать сетки с мандаринами, проверяя, нет ли испорченных.

Пресловутый ром они едва не забыли купить. Если бы не Володя, упрямо сверяющий содержимое тележки со списком на кассе, и не вспомнили бы.

Успев расплатиться за пять минут до закрытия магазина, они уложили пакеты в машину, поехали домой и вернулись уже за полночь.

А к тому времени, как разложили все купленное в холодильнике, Володя откровенно зевал.

Тоже уставший, но веселый Юра скомандовал:

— Ну все, пойдем спать!

Володя задумчиво хмыкнул:

— Я надеюсь, вместе?

Сложив руки на груди, Юра ехидно сощурился:

— Ну даже не знаю...

Володя сделал грустное лицо. Юра прыснул:

— Смотришь прямо как Герда! — И протянул жалобно: — «Можно мне, хозяин, спать с тобой?» Кстати, как там она?

— Татьяна написала, все хорошо. Говорит, что Герда скучает по мне, конечно, но ей там со своей мамой вроде весело. — Володя приобнял Юру за плечи и шепнул на ухо: — Так что, хозяин, пустишь в свою кровать? Или пойдешь спать ко мне? Других вариантов не дано...

Юра прижался спиной к его груди, взял за руку.

— Давай ко мне, моя кровать побольше будет...

* * *

Ложась спать, Володя был уверен, что не сможет уснуть — без таблеток, да еще и рядом с Юрой. Но сон охватил его будто по волшебству, он даже и не заметил, как уснул. Вот вроде бы только что Юра накинул на них большое одеяло, а вот Володя уверенно притянул его к себе и, уткнувшись носом в сгиб шеи, спокойно задышал, растворяясь в любимом запахе. Он редко спал так хорошо — спокойно и глубоко.

Утром, еще не до конца проснувшись, Володя не спешил вставать. Ему казалось, будто он, укутанный в пуховое облако, покачивается на волнах. Чувствовал тепло рядом, знал, что оно исходит от Юры, и хотел растянуть этот момент.

Из-за темноты в комнате он решил, что еще очень рано — может, часов шесть утра. Володя собирался прижаться к Юриной спине, обнять его и полежать так еще немного, буквально полчаса. Но, повернувшись на бок, тут же утонул во взгляде карих глаз.

Юра, подперев щеку кулаком, смотрел до того ласково, что Володя даже растерялся.

— Уже утро? — прошептал он осиплым от сна голосом.

Но Юра этого будто не услышал. Поднес руку к его лицу, легко дотронулся до щеки костяшками пальцев.

— Привет. — Он улыбнулся, продолжая невесомо касаться его лица.

— Со мной что-то не так? — шутливо спросил Володя.

— Нет, все хорошо. Любуюсь. Ты забавный, когда спишь. А что? Не любишь такое? Нельзя?

Но на эти легкомысленные вопросы Володя ответил абсолютно серьезно:

— Конечно, можно. Тебе вообще все можно, Юрочка.

— Ну раз можно... — Голос его прозвучал лукаво, но Юра лишь продолжил водить кончиками пальцев по Володиному лицу: пригладил брови, дотронулся до крыльев носа, скользнул по скулам и щекам, очертил линию подбородка.

Володя замер, даже дышать перестал — столько интимности было в этих движениях. Он плавился под его прикосновениями — казалось, Юра не просто гладит его лицо, а рисует на нем ноты неизвестной мелодии.

Вот он нажал на нижнюю губу, чуть оттянул вниз. Володя не выдержал — поймал Юрины пальцы, поцеловал запястье, прижал его ладонь к лицу.

— Я так люблю твои руки...

Юра погладил его по скуле, покачал головой.

— Знаешь, я уже полчаса лежу и смотрю на тебя. Как только проснулся, первая мысль была, что еще сплю — ведь ты рядом. А потом вспомнил. И все равно как-то не верится.

— И поэтому трогаешь меня. Проверяешь, настоящий я или нет?

— Да, вроде того.

— И что, убедился?

Юра негромко рассмеялся.

— Ну... под рукой ты у меня не таешь и не рассыпаешься... — В этот момент улыбка сошла с его лица. — Хотя кажется, что вот-вот так и произойдет. Я вроде бы в своем уме, но ты... будто ожившее прошлое. А вдруг на самом деле я давно уже рехнулся и придумал тебя?

Володя притянул его к себе, обнял, ткнулся губами в висок и прошептал:

— Какую же чушь ты несешь...

А про себя мысленно добавил: «Если из нас двоих кто-то и сбрендил, то это точно не ты».

— Давай вставать, уже почти девять.

— Ого. — Володя отстранился и стал шарить взглядом по спальне — искал часы. — Я думал, еще рань.

— Не-а, уже... позднь. — Вылезая из-под одеяла, Юра весело пробурчал: — Приехал тут, видите ли, весь режим мне сбил.

Володя рассмеялся.

— Ладно тебе, сегодня же Новый год. Сегодня можно.

Завтракали они бутербродами. Володя, правда, настаивал на овсянке, но Юра пресек эту идею на корню.

— Вот еще — в праздник овсянкой завтракать, когда дома куча вкусной еды! — заявил он, вытаскивая из холодильника масло, паштет, сыр и колбасу.

— В том-то и дело, что это не еда, а черт-те что, — ворчал Володя, критически разглядывая растущую на столе кучку пачек и банок. — Эй, оставь колбасу на оливье!

— Да не обеднеет твой оливье!

— И почему это он мой? — шутливо возмутился тот. — Это ты его захотел!

Утро растянулось почти до обеда. Володя допивал вторую чашку кофе, сидя на диване. Юра не спешил уходить в кабинет заниматься, полулежал рядом, положив голову на Володино плечо. Тихо бубнил телевизор — Юра нашел несколько дисков со старыми советскими фильмами, включил «Иван Васильевич меняет профессию». За окном кружился снег — почти новогодняя сказка, не хватало только елки и гирлянд.

— Кстати, — вспомнив об огоньках, сказал Володя, — я заметил, что соседние дома украшены по-праздничному, а твой нет. Почему?

Юра пожал плечами, так и не поднимая головы.

— Я уже давно ничего не украшаю. Это все традиции католического Рождества. Правда, — Юра хохотнул, — иногда перед соседями неловко. В адвент здесь принято наряжать все, что только возможно, а мой дом — темное пятно нашей улицы.

— А что такое «адвент»?

— Время подготовки к Рождеству. Весь декабрь, в общем. Кажется, исторически это время поста. — Юра почесал затылок. — В общем, как ты понял, я и Рождество — вещи несовместимые.

Володя нахмурился.

— Но почему?

— Во-первых, я же не католик. А во-вторых, это семейный праздник. Получается, ко мне это не относится.

Пусть прозвучало равнодушно, но Володя уловил грусть в его словах и смутился.

— Я даже и не подумал. Прости.

— Да брось извиняться, что тут такого. Раньше, когда жил с Йонасом, наряжали и дом, и елку, а сейчас, честно говоря, просто лень. И ничего грустного в этом нет. Неужели ты каждый Новый год с украшениями возишься?

— У меня в саду растет елка, на нее вешаю гирлянду — и все. Но вообще-то я всегда или с родителями, или с друзьями отмечал, в общем, не дома.

— Ну вот. Ради одного Рождества я ленюсь, а на Новый год обычно тоже к друзьям ухожу. И в этом году звали, но я отказался... — Он немного повертелся, устраиваясь поудобнее, зевнул.

Такими темпами немудрено было и уснуть: Юра под боком, слишком уютно и хорошо.

— И почему отказался? — негромко спросил Володя.

— Я уже знал, что ты приедешь. Хотел отметить с тобой.

— Итак, в этот раз ты дома и не один, а значит... — протянул Володя и покосился на сонного Юру. Потрепал его по волосам и скомандовал: — Ну-ка вставай!

Тот возмущенно замычал:

— Зачем? Я так хорошо лежу...

— В следующем году отоспишься!

Растрепанный и недовольный, Юра медленно, будто отклеиваясь от его плеча, сел и хмуро уставился на Володю:

— Ну что?

— Будем наряжать дом! Доставай все, что у тебя есть: мишуру, дождик... что там еще?

Юра неуверенно пробормотал:

— Но у меня нет ничего.

— Как это нет? Ты же говорил, что наряжал дом с этим... Йонасом.

Юра смущенно улыбнулся и протянул:

— Ну, понимаешь... Когда мы расстались, я психанул и выкинул все его вещи.

— Ясно, — хмыкнул Володя.

— Хотя, — вспомнил Юра, — у меня где-то была гирлянда, но вроде она перегорела... А может, и нет...

— Елки нет, гирлянды нет... — Володя вздохнул. — Хоть снежинки из бумаги вырезай.

— Елка! — вдруг воскликнул Юра и даже как-то оживился.

— Что елка? — не понял Володя. — Я думал, что тридцать первого уже невозможно ее купить.

— Купить-то да... — Юра вскочил с дивана и устремился в коридор, что-то бормоча себе под нос.

Когда Володя вышел следом, тот уже открыл невысокую дверцу под лестницей — за ней скрывалась небольшая кладовка. Стоило лишь мельком заглянуть в нее, чтобы понять — на поиск чего-то нужного уйдет как минимум вечность.

— Володь, притащи табурет с кухни! — скомандовал Юра. Согнувшись, он переступил порог кладовки и, оказавшись внутри, выпрямился.

Следующие пятнадцать минут он матерился на русском, потом ругался на немецком, потом чихал от пыли. Что-то гремело и падало, на пол валились отвертки, какие-то коробки, пустые фоторамки, скотч, книги, кассеты... пылесос.

Еще через десять минут наконец раздалось победное «Нашел!» — и Юра чуть не грохнулся с пошатнувшегося табурета. Володя успел придержать его за бедра, а потом забрал у него увесистую картонную коробку. В ней что-то шуршало и позвякивало, а на боку аккуратным почерком обычной синей ручкой было выведено: «Новый год».

— Значит, украшения у тебя все-таки есть? — уточнил Володя.

Юра как-то странно ухмыльнулся:

— Сейчас увидишь. Будет уродливо, но прикольно.

Они отнесли коробку в гостиную, и Юра вытащил из нее нечто зеленое, пластмассовое и смутно знакомое. О том, что это была старая

искусственная елка, Володя догадался лишь тогда, когда Юра достал нижний ярус — колесо со спицами-ветками.

— Боже мой, какой раритет! — воскликнул Володя.

Юра засмеялся.

— В детстве я просто ненавидел эту елку, серьезно! Она такая кривенькая, лысенькая и страшненькая.

— У нас тоже такая была. — Володя улыбнулся. — Но, блин, откуда она здесь?

Он взял в руки деревянную крестообразную подставку, засунул в нее палку, присоединил к ней еще одну, поставил на пол. Затем опустился на колени и стал нанизывать ярусы. Юра сел напротив, принялся помогать.

— Оттуда и есть! — ответил он. — От родителей осталась.

— Слушай, все равно не пойму. Неужели вы везли ее из Харькова, когда переезжали сюда?

Володе было сложно представить, что при переезде в другую страну люди стали бы брать с собой вообще все, даже елку.

— Не знаю, что тебя удивляет, — весело ответил Юра. — Вообще-то моя мама хоть и наполовину, но все же была еврейкой.

Володя посмотрел на него и закатил глаза.

— Что? — рассмеялся Юра.

— Эти шутки... — протянул Володя.

Они закончили с последним ярусом елки, Юра отошел на пару шагов, склонил голову, разглядывая, что у них получилось. Скособоченная коричневая деревянная палка, а на ней плоские блины пластмассовых колючих веток. Зрелище было и правда уродливое, зато вызывающее ностальгию.

— До сих пор помню, — сказал Юра, — как мать ругалась с отцом. Ну нереально ведь троим людям утащить все нажитое за жизнь. Отец говорил, чтобы бросила чертову елку, мол, наследие тем, кто въедет в квартиру после нас. И вообще-то она сперва согласилась, отдала коробку — не новым жильцам, а подруге. Мы думали: надо же, подарила! Ага. Договорилась с подругой, чтобы та выслала коробку почтой.

— Слушай, ну вообще-то бережливость очень хорошая черта характера, — заметил Володя.

Юра рассмеялся.

— Не спорю. Жаль, что этим я в маму не пошел.

Володя принялся выяснять, что еще хранилось в коробке. Выудил гирлянду, аккуратно намотанную на свернутую газету.

— Ого! Юра, да это же настоящее сокровище!

У Володи в детстве тоже была такая. Белые, почти как настоящие, свечки на зеленых подложках крепились на ветки прищепками, чтобы не висеть, а стоять. Но самым очаровательным в них были лампочки — оранжевые, как живой огонь, в темноте они мерцали теплым светом. Не то что современные пестрые гирлянды — они ужасно раздражали Володю, когда он забывал их выключить ночью.

— Да, это тоже раритет. Ты смотри, там еще куча советских игрушек лежит!

Володя снова заглянул в коробку. Под слоем газет обнаружили аккуратно сложенные игрушки, каждая завернута в бумагу. Юра присоединился к Володе, стал разворачивать их, извлекая на свет шарики, сосульки, грибочки, шишки и миниатюрных снеговиков.

— О, вот так наследие Хрущева! — воскликнул Володя спустя несколько минут, достав из коробки стеклянную кукурузу. — Как будто в детство вернулся, ну серьезно!

— А ты вообще знаешь, что наряжать елку — это обряд, который к нам пришел то ли от древних кельтов, то ли от викингов? — спросил Юра, забирая из его рук кукурузу и вешая ее на пластмассовую ветку.

Володя поднял на него заинтересованный взгляд.

— Я думал, это что-то языческое.

Юра пожал плечами.

— Ну, может быть, я точно не помню. Но забавляет сам факт, что это сейчас мы елку украшаем кукурузой, а раньше ее украшали всякими внутренностями животных...

— М-да, символично... — невпопад протянул Володя.

— К слову о символизме! — Юра вынул из газеты небольшую стеклянную красную звезду. — Ты посмотри!

Володя вздохнул:

— Вот сразу в голове гимн СССР заиграл.

— Да уж. Во всем мире звезда на ели всегда означала Вифлеемскую звезду, и только в Советском Союзе она означала коммунизм! — И Юра, кривляясь, поставил звезду себе на голову.

Володя засмеялся.

— Тебе идет красный.

Повисло секундное молчание. Володя посмотрел Юре в глаза — тот улыбался.

— Ты тоже подумал о галстук?

— Ага.

— До сих пор, кстати, не умею их завязывать.

В итоге елка осталась без звезды — та оказалась слишком тяжелой и падала с верхушки. Но чего добру пропадать — Юра поставил ее на телевизор. С гирляндой они сгруппировались — нужно было сперва обмотать ею елку, а уже потом вешать игрушки. И Володя четверть часа мучился, чтобы аккуратно пропустить провода между ветками, ничего не зацепив и не обрушив саму елку с низкого кофейного столика. В итоге один серебристый шар все же сорвался и упал на пол.

— Блин! — воскликнул Володя, обеспокоенно глядя на россыпь осколков под ногами.

Он принялся собирать их, но Юра тут же приказал:

— Не трогай, сейчас принесу веник!

— Ага, и еще пластырь принеси. — Володя показал палец с тонким, сочащимся кровью порезом.

Юра вздохнул и ушел в спальню, а через пару минут вернулся с целой аптечкой.

— Давай сюда, — приказал, доставая ватный диск и перекись водорода.

— Юр, да тут царапина, просто пластырем заклеить...

— Ага, конечно. Знаешь, я когда-то вот так же точно порезался игрушкой, кровь почти не шла. Но через пару дней у меня загноилась вся фаланга пальца, а еще через неделю слез ноготь. Так что давай сюда.

Обойдя осколки на полу, Володя сел в кресло и послушно протянул Юре руку. И, в принципе, он был бы согласен разбить еще штук десять игрушек и порезать все пальцы, если бы Юра вот так заботливо протирали и заклеивали ему раны.

Когда они наконец убрали остатки разбитого шара, прикрепили злосчастную гирлянду и протянули удлинитель к окну, Юра сказал:

— Раз, два, три — елочка гори!

По погруженной в полумрак комнате тут же разлился теплый золотисто-оранжевый свет. Огоньки подрагивали, отражались в

стеклянных игрушках, за окном кружился снег, и пространство вмиг преобразилось.

— Эх... — вздохнул Юра. — Это стоило того, чтобы перелопатить всю подсобку. — Он упер руки в бока и задумчиво хмыкнул: — Для классического Нового года не хватает только одного... Отгадай чего?

Он подошел к телевизору, порылся в стопке лежащих рядом с ним дисков.

— Вот!

Володя посмотрел на обложку и досадливо протянул:

— «Каждый Новый год...»

— «...тридцать первого числа... — подхватил Юра, — мы с друзьями ходим в баню...»

Володя помотал головой:

— Нет! Каждый Новый год этот дурацкий фильм крутят по всем каналам. Даже не включая телевизор, все равно где-то на него наткнешься, это же невозможно...

— Сто лет его не видел! Это у вас крутят, а у нас нет. Давай посмотрим!

— Как же он достал!

— Решено!

Это Володя привык ко всем этим традициям постсоветского Нового года, в том числе и к «Иронии судьбы» как к бессмертной классике. Но для Юры это кино было чем-то совершенно необычным, родом из далекого прошлого. Разве Володя мог отказать?

— Как странно, — сказал он, садясь на диван рядом. На экран телевизора уже вылезли вступительные титры. — Сидим в Германии, а Новый год у нас аутентично совковый.

— Ну а что в этом плохого? В СССР было много хорошего. — Юра вдруг посмотрел на Володю, улыбнулся и сжал его руку, лежащую на диване. — Мы с тобой там были, например.

Володя хотел сказать, что и сейчас они есть, здесь, вместе, но почему-то промолчал. Только переплел их пальцы и кивнул.

Оказалось, что сюжет фильма Володя знал не так уж и хорошо, как думал. Он не смог вспомнить, когда в последний раз смотрел обе серии целиком — может быть, лет десять назад? Случайно натыкаясь, всегда переключал, а попадая на него в гостях, никогда не обращал

внимания. Даже в голову не приходило сесть и посмотреть от начала до конца.

Юру затянуло не на шутку — он искренне смеялся, что-то постоянно комментировал и даже мычал в такт песням. Было невозможно не проникнуться его настроением, и Володя тоже увлекся фильмом.

Приглушенный свет, перелив елочных огней, запах мандаринов, которые они жевали вместо обеда, Юра рядом. Он уже отпустил Володину руку, но в течение этих нескольких часов постоянно то брал ее снова, то укладывал голову ему на плечо, то гладил колени. А Володя и не помнил, когда в последний раз ему было настолько спокойно. Когда его не волновало, что происходит во внешнем мире. Когда все, что ему было нужно, что доставляло радость и дарило уют, находилось рядом.

Он опомнился лишь под финальные титры. За окном давно стемнело, а стрелка часов ползла к семи вечера.

— Вот блин, оливье же! — опомнился Володя, вскакивая с дивана.

— Да не убежит оно никуда!

Ему было важно исполнить Юрино желание, поэтому он отнесся к приготовлению оливье со всей серьезностью.

И казалось бы, что сложного в том, чтобы смешать всем известные ингредиенты и заправить все это майонезом? Но Володя специально еще с утра написал Маше с просьбой поделиться секретами — вдруг они есть? В конце концов, он правда очень давно не готовил оливье сам.

«Главное — морковка, — сказала Маша. — В смысле, узнай вообще, любит ли Юра морковку, а то все по-разному делают, вдруг она вызывает у него отвращение».

Отвращение вареная морковь вызывала как раз таки у Володи, а вот Юра на заданный вопрос лишь пожал плечами.

— А что в ней плохого? Она вроде вкусная... и яркая...

Пока варились яйца и овощи, а Володя мариновал курицу, Юра резал колбасу и огурцы, не забывая, конечно, то и дело закидывать себе в рот «лишние» кусочки.

Устав за этим наблюдать, Володя предложил:

— Юра, если голодный, давай сделаю нормальный бутерброд?

— Отстань, так вкуснее! — отмахнулся тот.

К одиннадцати наконец накрыли стол. Юра включил прямую трансляцию с празднованием Нового года на центральной площади Берлина. Потом он вспомнил что-то, ушел рыться в комод, выудил оттуда пару свечей в подсвечниках, установил их на стол.

— А что? Раз у нас все так... Хм... Романтично, ну, в смысле, с оливье и елками, то почему не при свечах?

Володя с ним был полностью согласен. Юра щелкнул зажигалкой, и посреди праздничного стола загорелись два огонечка.

В половину двенадцатого зазвенел таймер на духовке. Володя пошел вынимать курицу, а Юра достал шампанское, ром, бокалы и стаканы.

— В целом можно начинать, — сказал Володя, садясь за стол.

— Руки прочь! — воскликнул Юра, заметив, что тот взялся за приборы. — «До двенадцати взрывать салаты нельзя» — так еще моя бабушка завещала!

— Так до двенадцати и от голоду сдохнуть можно.

Юра пожал плечами и взялся за бутылку шампанского.

— Я думаю, это правило не распространяется на выпивку.

Хлопнула пробка, в бокалах зашипели пузырьки.

Володя поднял свой.

— Ну как там полагается? Провожаем Старый Новый год? Спасибо две тысячи шестому, он был хорошим, особенно его конец.

Они чокнулись и выпили. Юра повернулся к столу, потянулся за мандарином и ехидно спросил:

— Кстати, а что же такого у тебя случилось в конце две тысячи шестого?

Володя посмотрел ему в глаза, прищурился:

— А то ты не знаешь!

— Не знаю! Расскажешь?

— Ну... Я встретился со своим старым другом...

— Ты с ним еще в сентябре встретился, это я знаю, — он говорил вполне серьезно, но глаза так и лучились смехом, — а что в самом конце года?

Володя мог лишь улыбнуться.

— Слушай, ну там кое-что произошло, да... — Он хмыкнул. — Даже не знаю, как сказать...

Юра пригубил еще шампанского, шагнул к Володе.

— Может, тогда покажешь?

Володя охотно наклонился к нему и прижался к губам. Ощутил вкус шампанского и цитруса, обнял Юру, притянул к себе вплотную. В голове пронеслась мысль, что невозможно быть таким счастливым.

Володю отвлек звук из телевизора — после слов ведущего люди на площади зашумели.

— Говорит, что до курантов осталось пять минут, — перевел Юра и поцеловал его ключицу. Присев на столешницу, он запрокинул голову и посмотрел Володе в глаза.

От полумрака комнаты Юрины зрачки расширились еще больше, еще отчетливее в них заиграли отблески елочных огней. Володя задержал дыхание, готовясь утонуть в них. Он оперся руками о стол по обе стороны от Юры, коснулся губами мочки уха. Сережка уколола язык. Юра вздрогнул в его объятиях.

Толпа в телевизоре снова зашумела — кажется, начался обратный отсчет. Володя не хотел обращать на это внимания, ему стало наплевать.

Он фиксировал все кадрами: вот соскользнула с Юриных плеч вязаная кофта, под ноги упала его домашняя майка. Юра решительно толкнул Володю на диван, сел сверху, стащил его футболку, обнял за шею и прижался голым торсом. Забили куранты. На пол полетела остальная одежда. Скрипнули пружины — Володя уложил Юру на спину. Тот стиснул его плечо, царапнул ногтями кожу — волна болезненного удовольствия растеклась по телу, Володя судорожно глотнул воздуха. Запустил пальцы в волосы Юры, притянул его к себе и жадно поцеловал.

Куранты пробил последний раз, в телевизоре взорвались фейерверки, через несколько секунд гроыхнуло и за окном. Володя смотрел, как Юрино лицо освещают всполохи света, как по его закрытым векам ползут цветные тени. Он ловил ртом его горячее дыхание и, слыша негромкие стоны, не мог сдерживать свои. Юра, вжимаясь затылком в подголовник дивана, жмурился, плавился в Володиных объятиях. И Володя тоже плавился — от сладости этих мгновений.

Ему по-прежнему был не нужен мир вне этих стен.

А потом они просто лежали рядом. Юра странно хихикнул, согрев теплым дыханием грудь Володи.

— Ты чего? — поинтересовался тот.

— Да вспомнил просто, что в Германии есть традиция впрыгивать в новый год. Ну, знаешь, мы встаем на стулья или на диван и, когда куранты бьют последний раз, прыгаем на пол.

— В принципе, раз мы профукали эту традицию, могу тебя сейчас столкнуть с дивана.

— Да ладно, мы с тобой немного по-другому «впрыгнули» в новый год.

Володя нахмурился, вникая в Юрину шутку. Понял и расхохотался.

Спустя несколько минут, когда они оба окончательно успокоились, Володя зарылся носом в Юрины волосы и вдохнул его запах. Такой же, как тогда — в первую встречу в Харькове. Такой же, как тогда, в берлинском аэропорту.

— Юр, скажи... — вдруг вспомнив тот день, попросил Володя. — Почему ты отталкивал меня? После аэропорта, когда я взял тебя за руку? И после Дахау? Это было не к месту или... есть что-то, что мне стоит знать?

Юра усмехнулся:

— Говоришь как натуральный вожатый. «Ты что-нибудь хочешь мне сказать?» — Он покачал головой. — На такие вопросы никто не отвечает честно.

— Но ты же не «никто», — быстро сказал Володя, не успев вдуматься в смысл слов.

Юра поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза.

— Когда ты взял меня за руку, я этого просто не ожидал. Потому что в интернете ты был очень осторожным, и я думал, в реальности

будешь таким же. А тут такая прыть, ничего себе. — Юра улыбнулся. — А после Дахау... я хотел ответить, но подумай сам, поцелуйся мы тогда, с чем я бы ассоциировал это потом? С болью? — Не ответив, Юра прижался щекой к его шее. — Вот и все. Вся правда. Я ничего не скрываю и не скрывал.

Володя подумал: «В отличие от меня».

Еще минут через пять Юра тихо засопел, и Володя было решил, что тот уснул, но нет — Юра вдруг заворочался, вынырнул из-под его руки, встал с дивана.

— Ты куда?

— Оливье есть, конечно! — Он подошел к столу, взял в руки салатник, сунул в рот полную ложку и, прикрыв глаза от наслаждения, довольно замычал.

Володя лежа наблюдал за ним, подпирая голову рукой.

— Ты бы хоть трусы надел... — задумчиво протянул он. Не то чтобы Володе не нравилось созерцать голого Юру, просто... это было забавно и странно.

Юра будто удивленно посмотрел сперва на Володю, затем — на свои голые ноги. Сунул в рот очередную ложку оливье и с набитым ртом пробурчал:

— Да ладно, мне не холодно.

Он сел рядом, Володя приподнялся, прикрыл себя подушкой — Юра лишь ехидно хмыкнул.

— На, — и протянул Володе ложку с салатом, смеясь. — Никогда никого не кормил оливьешкой, это так сексуально.

А Володя послушно открыл рот, позволяя себя кормить. И, даже вспомнив, что положил в оливье морковь, не отказался. Потому что из Юриных рук он согласен был есть даже салат, целиком состоящий из вареной моркови.

Глава 12

Буря внутри

Отпуск в Германии перевалил за половину.

Володе было неудобно жить в одной комнате, а свои вещи держать в другой, но он считал бессмысленным переезжать всего на три оставшихся дня. В отличие от Юры. В который раз наблюдая за тем, как Володя шлепает босиком за новыми носками через весь этаж, Юра сказал:

— Место в своей кровати я тебе предоставил. Могу выделить место и в своем шкафу — для твоей одежды.

Натягивая носок, Володя хмыкнул:

— Звучит как предложение руки и сердца.

— Полки и вешалки!

— Ну тогда я согласен!

Все утро Юра разбирал ненужные вещи в гардеробе, а Володя занимал своими освободившееся пространство. Заново перетряхивая чемодан, нашел в нем завернутую в яркую бумагу коробочку.

— М-да... — протянул он. — Юр, представь, я совсем забыл подарить тебе новогодний подарок!

Юра так и замер на месте с тапком в одной руке и кроссовкой в другой.

— Я тоже! Вообще из головы вылетело! — Он кинул обувь на пол и бросился на первый этаж.

— Вообще немудрено забыть о чем угодно с твоим... оливье, — хмыкнул ему вслед Володя.

Юра резко остановился на лестнице и обернулся к нему.

— Оливье? — Он вздернул бровь и лукаво улыбнулся. — Я сейчас вернусь, подарю свой подарок и будет тебе... оливье.

Спустя пару минут они стояли в заваленной одеждой и обувью спальне друг напротив друга.

— Я не оригинален, — сказал Юра. — Но вот. Я посвятил несколько треков тебе. — Он смущенно улыбнулся, протянул Володе

перевязанный ленточкой диск и большую плоскую коробку. — А это — адвент-календарь для Герды.

— Ничего себе. — Володя даже растерялся и, не найдя, что сказать, протянул Юре свой подарок.

— Та-а-ак... — Тот сощурился, изучая коробку. — Тяжелое... не гремит.

— Фотоаппарат, — объяснил Володя. — Ты же говорил, что сломал старый, когда записывал поздравление для меня.

— Ну у тебя и память! — восхитился Юра. — Спасибо!

— И тебе спасибо. У меня даже слов нет, мне никто никогда не посвящал музыку. Можно я поставлю диск?

— Нет! Без меня послушаешь, — категорично заявил Юра, а затем, прикусив губу, протянул: — Кстати, а вот твой подарок можно использовать прямо сейчас.

Он опустился на кровать и принялся рвать упаковку. Володя уселся рядом.

— Вау... а он хорош, — протянул Юра. — Володь... не стоило так тратить.

— Только давай без этого, ладно? — Володя нахмурился, но, увидев погрузневший взгляд, смягчился: — Не считай чужие деньги.

Юра заулыбался:

— Так уж и быть!

Он пару минут ковырялся в фотоаппарате, а разобравшись, как тот работает, приказал:

— А ну-ка поцелуй меня в щеку! — И навел на них объектив.

— самого себя фотографировать как-то глупо, — нахмурился Володя.

— А я не себя фоткаю, а нас. Целуй давай!

Ну разве он мог ослушаться? Щелкнул затвор, сверкнула вспышка. Юра, показывая Володе получившуюся фотографию, спросил:

— Как тебе?

— Угу, — промычал тот, лишь мельком взглянув на фотографию. С щеки Юры он сполз поцелуями к его виску, а затем к мочке уха.

— Не забывай: нам к восьми вечера в клуб.

— Угу, — повторил Володя, обхватив губами гвоздик сережки.

— Давай еще, — прошептал Юра — непонятно, то ли о фото, то ли о ласках. И Володя продолжил целовать, а Юра — делать фотографии.

* * *

— Так, и какой у вас в гей-клубах дресс-код? — спросил Володя, скептически оглядывая свою одежду. Он привез немного вещей: несколько рубашек, свитер, пиджак, брюки и джинсы, но беда была не в количестве, а в стиле — сплошная классика. Если у Володи и имелось что-то более-менее праздничное, то оно осталось дома.

— Латекс и кожа, разумеется, — усмехнувшись, Юра подошел к нему со спины.

— Очень смешно, — буркнул Володя. Указывая на стопку однотонных рубашек, попросил: — Поможешь выбрать, что надеть?

— А у тебя есть что-нибудь не черное и не строгое?

— Синие джинсы и темно-серый пиджак, — ответил Володя, показывая их Юре. Заметив его скептическую ухмылку, Володя пояснил: — Пиджак не строгий, кежуал. Ну посмотри.

Едва он надел его, как Юрины глаза загорелись.

— О... Вот это прям твое. — Он вздернул бровь, хмыкнул, еще раз оглядывая Володю с ног до головы, и отправился в ванную.

— Может, мне линзы надеть? — крикнул Володя вслед.

— Оставь очки, — прозвучало из-за запертой двери.

Пока Юра укладывал волосы, Володя отправился в кабинет поработать — скорее по привычке, чем из необходимости: первого января никто не писал писем и не звонил. Убедившись, что почта пуста, от скуки он открыл ICQ, отправил поздравления паре приятелей, Жене и Маше. Все они были офлайн, и только контакт Игоря горел зеленым и мигал тремя новыми уведомлениями. Володя кликнул на его имя, чтобы пролистать непрочитанные сообщения, как тут же прозвучало привычное «о-оу» и пришло еще одно. Но Володя, не успев его просмотреть, вовремя закрыл ICQ — в комнату как раз вошел Юра.

— Я готов.

Он был одет в клетчатые коричневые брюки и черную рубашку — все, как обычно, узкое. Волосы зачесал назад, как на концерте в Харькове. Володя никогда не стал бы одеваться так ярко — был уверен, что в клетчатых брюках выглядел бы странно, если не смешно. Но Юре очень шло.

— Стильно. Мне нравится, — прокомментировал Володя, подходя к нему вплотную. Две верхние пуговицы Юриной рубашки были

расстегнуты, обнажая яремную впадину и ключицы — выглядело довольно откровенно. — Только вот это лишнее, — сказал Володя и застегнул нижнюю пуговицу.

— Давай решать, как поедem: на машине или общественном транспорте? На машине хорошо, но нельзя пить, а раз уж идем в клуб отдыхать, зачем себе в чем-то отказывать? — вслух размышлял Юра, продолжая крутиться перед зеркалом. — На общественном неудобно, придется пересаживаться на поезд.

— Значит, туда едем на общественном, а обратно возьмем такси.

Добравшись до железнодорожной станции, они сели на поезд, салон которого больше напоминал самолет. Володя удивился — скорость свыше ста километров почти не ощущалась. А вот пейзажи за окном оказались скучными.

Вечерний Берлин особо рассмотреть не удалось — город прятался в темноте зимней ночи, ослеплял огнями и обманывал тенями. Хотя в этот раз они приехали не для того, чтобы любоваться столицей, Володя с живым интересом разглядывал дома и улицы, а нырнув в метро — поезда и людей. Разумеется, Берлин отличался от Харькова или Москвы, но, чем именно, никак не удавалось понять. Дома, как и везде, разные: и старинные каменные, и новые стеклянные. Автомобили, автобусы и поезда современнее, чем в Харькове. Люди надменнее и раскрепощеннее, чем дома. Сравнивать можно было бесконечно, но в темноте, не видя общей картины, Володя не смог бы ответить, какой он — Берлин. Одно он понял точно: Юра любил этот город. Он отзывался о нем с теплом. Стоя возле карты у метро, он указывал на районы и находил, что рассказать о каждом из них, даже самом отдаленном.

Они вышли на станции «Ноллендорфплац». Володя оглядел вестибюль метро, скрытый под гигантским старинным куполом, похожим на купол готического собора. И они направились на улицу Моцштрассе.

Володе показалось, будто здесь проходит какой-то карнавал: почти каждый дом был украшен радужным флагом, почти из каждой двери доносилась музыка, а голоса десятков гуляющих по улице людей сливались в гомон. Еще в метро Юра говорил, что здесь находится гей-квартал, и Володя приготовился лицезреть нечто странное или даже дикое, но не встретил ничего вызывающего. Кроме двух идущих в

обнимку парней. От одного вида этой пары Володю бросило в жар, но он не подал виду.

Неспешно прогуливаясь с Юрой, он оглядывался вокруг. Юра рассказывал историю некоторых баров и клубов. Оказывается, на Мощтрассе до сих пор существовали заведения, открытые еще до Первой мировой войны.

— Еще в начале девяностых я сюда попал и так хотел показать тебе эту улицу, чтобы ты тоже знал, что в мире есть места, где совсем не страшно и не стыдно. Не то что у нас тогда, правда?

Володя кивнул. А сам вспомнил, как впервые оказался в подобном месте — в Харькове это был парк. Однажды поздним вечером он со Светой прогуливался неподалеку. Света щебетала что-то про сессию, а Володя, не слыша ее, наблюдал за людьми в том парке. Ему казалось, что они вели себя не как люди, а как животные. Ходили настороженные, напряженные, выслеживая друг друга будто добычу, а встретившись, скрывались парами в кустах. Это выглядело пугающе и унижительно. Володя тогда невольно еще крепче сжал руку Светы. Пусть это был всего лишь взгляд со стороны, пусть все это могло ему только показаться, но в тот момент он окончательно убедился: место таким, как Володя, в слепой темноте и вечном страхе быть застигнутыми.

Но на Мощтрассе все было не так. В радугах неоновых светов здесь царила свобода. Юра, будто опьяненный ею, сверкнул глазами и осторожно сжал его ладонь. Но Володя не был к этому готов и инстинктивно отдернул руку.

Юра остановился. Обхватил прохладными пальцами его лицо и потянулся за поцелуем, но Володя отстранился.

— Я не могу так.

— Здесь это нормально, — мягко произнес Юра, снова взял его за руку, наклонился к лицу, заглянул в глаза: — Неужели не хочешь?

Пытаясь усмирить колотящееся сердце, Володя сделал несколько глубоких вдохов и шагнул к нему. Пересиливая себя, потянулся к его губам, но не смог — отвернулся. Впрочем, Юрину руку не отпустил.

— Я понимаю, но... Прости и, пожалуйста, не обижайся, но для меня это слишком.

Юра нахмурился, кивнул и направился ко входу в клуб. Володя последовал за ним. Ладонь в Юриной руке потела, и он выдохнул с

облегчением, когда Юра, ступив в холл, отпустил ее.

Рассмотреть танцпол Володя толком не успел — Юра повел его к винтовой лестнице на второй этаж. Шли медленно — Юра постоянно с кем-то здоровался. Казалось, его знали если не все, то добрая половина клуба, включая барменов. И, о ужас, даже ведущий, которого Володя окрестил про себя попугаем, помахал Юре со сцены.

Клуб был двухэтажным. На первом этаже располагались бар и танцпол, на втором — приватная зона, куда они и направились. Под красивым названием скрывалась даже не комната, а стена, разделенная шторами на отсеки. Внутри каждого стоял овальный, окруженный полукруглым диваном стол. Больше половины отсеков были наглухо занавешены, видимо, чтобы никто не знал, что происходит внутри.

Отсек, где ждали Юрины друзья, не был скрыт от посторонних глаз. На диване располагались пять человек, и стоило подойти к ним, как все тут же бросились здороваться с Юрой и знакомиться с Володей.

— Мы ходим к бару и вернемся, — сказал Юра по-английски и, снова взяв Володю за руку, повел его за собой.

Юра предсказуемо заказал ром, а Володя для разнообразия — виски. А вернувшись к столу, они заметили новоприбывшего, вернее — прибывшую. На краю дивана примостилась та самая «она» — Анна. Увидев ее вживую, Володя понял, что глубоко заблуждался, мысленно называя Анну «он». За недолгие полчаса, проведенные здесь, Володя успел увидеть множество жеманных мужчин. Но Анна была не жеманной, а именно женственной: черное облегающее платье, ярко-алая помада на губах, шляпка на лысом черепе.

Обнявшись с Юрой, она протянула Володе тонкую руку так грациозно, будто для поцелуя, а не для рукопожатия. Аккуратно сжимая кончики ее пальцев, Володя засомневался, не ждала ли она всерьез, что он поцелует? Анна смущенно улыбнулась и потупила взгляд.

Они сели рядом с ней, чокнулись, выпили. Официант тут же повторил. Выпили по второй, по третьей. После четвертого бокала изрядно опьяневший Володя перестал считать, сколько выпил. Время будто ускорилося.

Юра оживленно болтал с друзьями. Говорил, конечно, на немецком, что-то успевал переводить Володе, что-то нет. Поначалу тот

перекрикивался с некоторыми из новых знакомых на английском, но получалось плохо — музыка заглушала голоса, а слова путались. После очередной бесплодной попытки вести нормальный диалог Володя махнул на разговоры рукой и принял роль не участника, а наблюдателя. Он не вставал с места, он вообще ничего не делал, все происходило вокруг него само собой, даже алкоголь появлялся на столе без его участия. Володя будто мчался по скоростному туннелю, глядя в одну точку перед собой, лишь иногда отвлекаясь на вспышки событий и светомузыки. Казалось, ничего уже не сможет вырвать его из плена этого туннеля, но случилось то, от чего он моментально протрезвел.

Пришел Йонас. Не такой, как на фотографии, — темноволосый, серьезный, но точно он — появился возле их стола как чертик из табакерки. Грубовато, очень по-свойски обнял сидящего Юру и чмокнул его в щеку.

Волна возмущения накрыла Володю. Он сел к Юре вплотную. Вновь пересиливая себя, ведь никогда не делал подобного на людях, положил ему ладонь на плечо, показывая, что они вместе. Но Йонас этого будто не заметил. Он что-то сказал Юре и устроился справа на диване. Юра, сидя между ним и Володей, представил их друг другу. Но после короткого рукопожатия Володя будто перестал для него существовать. Йонас вел себя слишком развязно: постоянно касался Юры, прижимаясь к нему то плечом, то бедром, причем как бы невзначай, случайно, ведь здесь так тесно. Но Володя разгадал его замысел. Напрягшись всем телом, он следил за ним, шептал одними губами: «Только повод дай, урод. Только повод...» И, будто понимая его злой шепот на русском, Йонас этот повод дал.

Конечно же, случайно, конечно же, потому что тесно, он положил ладонь Юре на колено. Этого Володя уже не выдержал. Он перегнулся через Юру и грубо сбросил руку Йонаса. Тот удивленно на него уставился, Володины глаза налились яростью, но между ними вовремя вклинился Юра. Довольно агрессивно он что-то крикнул Йонасу и повернулся к Володе.

— Давай без конфликтов! Он случайно.

— Да ни хре... — начал Володя, заводясь еще сильнее — Юра сначала ничего не замечал, а теперь оправдывается?

— Я сказал ему, чтобы ушел. — Юра с надеждой посмотрел на Володю. — Пойдем лучше потанцуем?

Володя покачал головой — для танцев он был слишком пьян.

Йонас за Юриной спиной действительно стал собираться, и Володя чуть-чуть расслабился. Не успокоился окончательно, но желание немедленно броситься на него и разорвать на куски чуть ослабло.

Вдруг Юра хитро ухмыльнулся и показал пальцем за Володю. Шторка, скрывающая от глаз соседний отсек, чуть отодвинулась, образуя просвет. За ней двое совсем молоденьких парней откровенно целовались, копошась руками под столом. Это было бесстыдно и пошло, но Володя не мог отвести взгляда и бесцеремонно пялился, пока не почувствовал тычок в бок — Юра смотрел на него. Он ухмыльнулся и промурлыкал Володе на ухо, будто случайно коснувшись губами мочки:

— Хочешь так же?

Володя изумленно уставился на него, а тот поднял бровь, стрельнул лукавыми глазами и рассмеялся. А Володя, наоборот, напрягся.

Раз он шутит, раз он расслаблен, раз он спокоен и его ничего не удивляет — что в таком случае Юра еще здесь видел и что делал? Он в этом клубе как рыба в воде, но ему не место среди этой грязи. Юра совсем другой. Он человек искусства, тонкая натура, его не может привлекать эта пошлость. Он стремится душой к музыке, к красоте, но телом он здесь. Почему? Он никогда не пришел бы сюда сам, его привели, его заставили...

Стоило лишь подумать об этом, взгляд скользнул за Юрино плечо — там у бара стоял Йонас...

— Пойду куплю воды, — сказал Володя. — Тебе взять что-нибудь?

— Мне тоже воды. Пора собираться домой.

Только Володя поднялся, как его качнуло из стороны в сторону, голова закружилась. Он с трудом стоял на ногах, но разве это было поводом не поговорить с Йонасом?

Володя подошел к нему сбоку, оглянулся и, убедившись, что Юра не видит, резко положил ладонь Йонасу на плечо. Тот вздрогнул, отвлекшись от разговора с барменом, повернулся.

— Ты знаешь, кто я ему? — спросил Володя по-английски.

— Мужик, спокойно. — Йонас в примирительном жесте выставил перед собой руки. — Прости, я не сразу понял.

— Теперь понял?

— Понял, — кивнул Йонас и примирительно улыбнулся.

Володе ужасно захотелось дать кулаком по его белоснежным, будто фарфоровым, зубам, да так, чтобы рассыпались в мелкую крошку. Но он еще не окончательно потерял рассудок, чтобы драться. Пришлось смириться и принять извинения. Володя отвернулся, уходя, и вдруг Йонас крикнул ему вслед:

— Юра всегда ко мне возвращается!

Невольно вспомнился Игорь, и это разозлило Володю сильнее.

— Еще и провоцирует! — зло прошипел он по-русски. Но собрался с мыслями, повернулся и, улыбаясь так же фальшиво, как и Йонас, заверил: — Больше не вернется.

— Удачи, — бросил тот в ответ.

Володя вернулся к столику.

— А где вода? — растерянно спросил Юра.

Проигнорировав вопрос, Володя безапелляционно заявил:

— Прощайся с друзьями и пошли домой.

— Все хорошо? — Юра подозрительно сощурился, поглядывая на бар, будто ища там причину такой злости.

— Пока хорошо. Пошли.

— Ну ладно... — протянул Юра и послушно зашагал к лестнице, попутно прощаясь со знакомыми.

На улице Володя с удовольствием вдохнул холодный воздух. Пока Юра вызывал такси, он молча разглядывал непонятно откуда взявшийся в его руке флаер: по пояс голые мужики в латексных шортах, а над ними надпись — *Sex party*.

— Машина будет через десять минут у Ноллендорфплац, — слышался Юрин голос. — Ого, — воскликнул он, показывая на флаер. — Сохрани его, отвезешь домой на память.

— Это просто антураж или буквально секс-вечеринка?

— Буквально.

— И ты ходил на них? — приглушенно спросил Володя. Юра посмотрел ему в глаза, будто сомневаясь, стоит ли говорить правду, а Володя глаза закрыл. Он почувствовал себя жалким и беспомощным.

— Я присутствовал, но не участвовал, — осторожно ответил Юра. — Это было сто лет назад, и я просто сидел и пил, как сегодня.

— С ним, да? — спросил Володя, на самом деле не желая знать ответ. И вдруг эмоции, подавляемые последние полчаса, хлынули наружу: — Почему ты позволяешь ему так себя вести? Ты что, его собственность? Он распускает руки, целует! Юра, какого черта? А я в этой истории вообще кто?!

Юра заметно стушевался, но затем тряхнул головой и уверенно произнес:

— Ты — самое главное... — Он хотел сказать что-то еще, но Володя не дал. Он резко развернулся и направился в сторону метро — нервничал так, что не мог стоять на месте. Юра в два шага нагнал его. — Володь, ну не кипятись. Ты же видел, мы все целуемся при встрече, это традиция. А рука — это недоразумение. Я даже не заметил. Да и плевать мне на нее, и на Йонаса плевать. Мне нет до него дела.

— А у него до тебя есть!

Юра тяжело вздохнул и грустно усмехнулся:

— Тебе это ничего не напоминает? «Я с ним расстался, но он все равно пишет».

— Ты не видишь разницы между писать и домогаться?

— Он все равно ничего от меня не добьется.

Володя остановился. На него вдруг нахлынуло чувство страха, будто он вот-вот потеряет Юру. Ведь он уедет, а Юра останется здесь — с Йонасом, с друзьями, с клубами, с этой улицей и со всей гнилью, что прячется за яркими фасадами. Подумаешь, на соседнем диване лезут друг другу в брюки. Подумаешь, секс-вечеринка, ведь он просто присутствует. Подумаешь, кто-то трогает его, ведь это случайно. Все случайно, все ничего не значит.

Страх стал душить — горло стиснуло, к глазам подступили слезы, руки задрожали. Володя сцепил пальцы, стал судорожно сжимать их, легонько царапать ногтями кожу.

— Ты мой? — спросил он необычно низким, безжизненным голосом.

— Что? — Юра оглянулся на него. Посмотрел на руки, подошел ближе. — Володя...

— Ты ведь совсем не такой, как я думаю, да? Какой ты на самом деле, Юр? Как они все?

Тот приблизился вплотную и осторожно накрыл его ладони своими. Негромко и ласково произнес:

— Ты сейчас пьяный и нервный, поэтому тебе в голову лезет всякая чушь, которая не имеет никакого отношения к правде. Утром ты это обдумаешь и убедишься, что я прав.

Юра поджал губы. Он выглядел виноватым, ласково гладил пальцы Володи, будто утешал своей нежностью и теплом. Володя сомневался, что сможет успокоиться, но вдруг бушевавшие минуту назад эмоции сменились чудовищной усталостью.

— Я видел все своими глазами, — тихо и будто жалобно произнес Володя. — Как я теперь могу верить тебе?

Юра ответил так же тихо:

— Главное — не верь себе. Не такому себе, не сейчас. Завтра — да, но не сегодня. Давай так: мы вернемся к этому разговору утром, просто отложим его, но не забудем. Хорошо?

— Юра, ты мой?

— Конечно. Только твой, ничей больше.

Неважно, правду он сказал или нет, но от его слов полегчало. Володя судорожно вздохнул и крепко обнял Юру, стиснув так, что тот ахнул.

— Вот видишь, — он сдавленно хихикнул, — а еще пару часов назад не мог даже за руку меня взять.

Отпускать его не хотелось. Юрино тепло успокаивало, Володя прикрыл глаза и ощутил, что мир закружился. Потянуло в сон.

В кармане Юры зазвонил телефон. Он похлопал Володю по спине.

— Эй, давай не засыпай. Такси уже ждет — идем.

Всю дорогу домой Юра молчал и не отводил от него обеспокоенного взгляда. А Володя сосредоточенно рвал флаер на мелкие кусочки, а когда дело было сделано, закрыл глаза и неожиданно задремал.

Дома Юра предложил поесть, поставил что-то разогревать в микроволновку. Но стоило Володе только подумать о еде, как к горлу подкатила тошнота. Он отказался и молча побрел вверх — хотелось уснуть побыстрее. Ничего у него, конечно, не вышло.

Когда минут через двадцать Юра зашел в спальню, Володя притворился спящим. Слышал, как он тихонько разделся и лег с

противоположной стороны кровати. Через пару минут Юра придвинулся ближе, но ни касаться, ни обнимать не стал.

Володя изо всех сил старался уснуть, но в голове шумело. Под закрытыми веками все кружилось, никак не удавалось утихомирить мысли, тревогу и стыд.

Он перевернулся на спину, посмотрел в потолок. Прислушался — Юра спокойно дышал, но было непонятно, спит он или нет.

Пролежав еще с полчаса, Володя как можно тише вылез из кровати. Стараясь не шуметь, достал из чемодана несессер с лекарствами, медленно, держась за перила, спустился в кухню за водой. Высыпал на стол содержимое аптечки, нашел снотворное, вовремя вспомнил, что нужно пить половину. Пока набирал воду и разламывал ножом таблетку, услышал за спиной шелест — и когда только Юра успел спуститься?

А тот стоял у стола и задумчиво вертел в руке рецептурный лист. Вроде вполне нормальная и правильная привычка — брать в путешествие вместе с лекарствами рецепты, особенно когда проходишь таможню, чтобы не возникло лишних вопросов в случае досмотра. Но сейчас Володя готов был проклясть свою осторожность.

— Юр, это просто снотворное, — поспешил объяснить он.

И тут же почувствовал дежавю: ночь, кухня, таблетки, а во взгляде Юры вместо обиды или злости — только обеспокоенность.

— Что же это за снотворное такое, раз нужен рецепт?

— Ну сильнодействующее, слабые не помогают уже... Меня давно мучает бессонница и иногда кошмары...

— ...и поэтому Игорь выписывает тебе сильные препараты, которые, по всей видимости, вызывают привыкание?

— С чего ты взял?.. — Володя не сразу сообразил, откуда Юра узнал про Игоря.

— Здесь имя врача указано, — тот помахал в воздухе рецептом. — И кто же он? В смысле, что за врач?

— Психотерапевт.

— Ах, ну просто отличный специалист — спит с пациентом. Интересно...

— Все не совсем так...

— И вместо того чтобы лечить причины бессонницы и кошмаров, он пичкает тебя практически наркотой... — В его голосе послышалось

нарастающее напряжение.

— Юр...

— Так ты поэтому никак с ним не расстанешься? Потому что тебе рецепты нужны?

— Нет, Юра! — громко и твердо выкрикнул Володя. — Я расстался с ним, это последний рецепт, который он мне выписал.

Юра вздохнул, подошел к Володе, протянул руку.

— Отдай.

Володя покосился на половину таблетки, которую все еще сжимал в пальцах.

— Отдай! Я не позволю тебе мешать сильный препарат с таким количеством спиртного! Не хочу с утра обнаружить рядом с собой труп. — И уже мягче спросил: — Что у тебя за традиция такая — на мудаков-психиатров нарываться?

Володя ничего не ответил и отдал ему таблетку, а Юра положил ее на стол. Обхватил ладонями его голову, запустил пальцы в волосы, надавил на затылок. Володя послушно наклонился и прикрыл глаза. Юра прижался губами к его лбу.

— Я должен был раньше тебе сказать, просто... — прошептал Володя.

«Просто боялся, что ты посчитаешь меня совсем чокнутым».

— Все хорошо, — перебил его Юра. — Пойдем спать. Я буду твоим снотворным.

И пусть не сразу, но правда сработало. Юра лежал рядом, обнимал Володю, массировал виски, то и дело касался губами лба. Потом уложил его голову себе на грудь и стал гладить по волосам. Окутанный Юриным теплом, Володя слушал его дыхание и медленно, болезненно проваливался в сон.

Глава 13

В шаге от одиночества

Утром чудовищно болела голова. Едва разлепив глаза, Володя принялся усиленно вспоминать, что было вчера: клуб, друзей Юры, взбесившего до белого каления Йонаса. Володя даже засомневался, точно ли ему не врезал. Точно удержался? Точно — он даже осмотрел костяшки на предмет ссадин. Похвалив себя за выдержку, Володя было убедился, что ничего плохого не сделал, и успокоился. Но тут же вспомнил разговор на улице, свое дурацкое «Ты мой?» и обещание Юры разобраться во всем завтра. Завтра наступило, но возвращаться к разговору не хотелось.

Юры в постели не оказалось. Володя прислушался — с первого этажа доносились звуки фортепиано. Он попытался уснуть, но воспоминания снова ворвались в похмельную голову. Усугубленные мигренью мрачные мысли стали еще более жестокими и пугающими. Хотелось спрятаться от них, на что-то отвлечься, поэтому Володя все же встал с кровати.

Вопреки ожиданиям, Юра вел себя как обычно: не сторонился его, не косился, не осторожничал. Казалось, будто вчерашнего дня не существовало, и Володя был благодарен Юре за это ощущение.

После завтрака Володя выпил аспирин и средство от похмелья, которое не особо помогло. Юра предложил остаться дома, чтобы тот еще поспал и пришел в себя.

— Завтра мой последний день здесь, а я так и не видел Берлина, — заметил Володя. — Поехали гулять, пока светло, а вечером зайдем в какой-нибудь бар — выпью пива и очухаюсь. Тоже мне турист — был в Германии, а немецкого пива даже не попробовал.

— Договорились, только в бар я тебя отвезу сразу, — строго сказал Юра. — Ходить будем много, тебе полумертвому не осилить.

Володя не любил крепкий алкоголь и сегодня утром вспомнил почему. А пиво не любил и подавно. Он его просто не понимал:

горькая, дурно пахнувшая водичка — ни освежиться, ни насладиться вкусом, только голова тяжелеет.

— Эх, жаль, что сейчас зима, — сказал Юра, заходя в бар на окраине Берлина. — Летом приедешь, пойдем в биргартен — там столики в саду под открытым небом. Красота.

— Мне и здесь хорошо, — ответил Володя, обводя взглядом небольшое, переполненное народом, но уютное помещение со сводчатым потолком.

— Так, судя по твоим рассказам, лагерь ты не любишь, — протянул Юра, изучая меню.

И, ни о чем не спрашивая Володю — все равно не разбирается, — сделал заказ. С легкой бравадой в голосе заявил, что раз он за рулем, то себе возьмет безалкогольное.

Пить пиво с Юрой оказалось неожиданно сытно. Володя рассчитывал, что они зайдут на полчаса, выпьют по бокалу и двинутся дальше, но не тут-то было. Помимо пива, на столе оказались какие-то соленые кренделя, две огромные порции колбасок и гора квашеной капусты. Все это выглядело неаппетитно: бублик черствый, колбаски — слишком жирные, а капуста — будто уже пережеванная кем-то. Но на деле каждое блюдо оказалось невероятно вкусным. Пиво с очень густой пеной было до того плотным, что Володе казалось, будто он его не пьет, а ест. Под Юриным довольным взглядом Володя наслаждался каждым кусочком и глотком и не заметил, как стол опустел, а в голове — просветлело.

Маршрут Юра запланировал действительно длинный. Неизвестно, сколько километров они прошли, но увидеть и сфотографировать успели многое: здания музеев, соборы и площади, бундестаг и Бранденбургские ворота. Правда, внутрь ни одной из достопримечательностей заглянуть не успели.

В самом центре Берлина Володе очень понравилось. Его, тесно связанного с архитектурой, не мог оставить равнодушным немецкий классицизм. Но общее впечатление осталось не самым приятным: Берлин — серый, чопорный, помпезный город с каменным телом и холодной душой. Но вот Юра — другое дело, Юра — украшение. Он, словно магнит, весь день притягивал к себе Володин взгляд.

Когда стемнело, улицы вспыхнули фонарями и огнями рождественской иллюминации. Берлин стал немножко добрее и

теплее, а Юра с Володей окончательно устали и замерзли. А их ведь еще ждал такой же долгий путь к машине.

— Тут неподалеку наш комьюнити-центр, пара кварталов всего. Пойдем погреемся там, отдохнем, чаю поьем, — предложил Юра, шмыгая носом.

— Что за комьюнити-центр? — уточнил Володя. — Чье комьюнити — музыкантов?

— Нет, не музыкантов, — снисходительно улыбнулся Юра. — Хотя музыканты в нем тоже состоят.

— А... понял. Ну пойдем — покажешь.

Комьюнити-центр располагался в обычном жилом доме. Володя ожидал, что вход в него будет спрятан в подворотне, но нет. Внутрь прямо с улицы вела самая обычная дверь, возле которой висели плакаты: ничего провокационного — только улыбающиеся люди и радужный флаг. Слегка пахло краской. Под окнами несколько девушек тщетно пытались отмыть свежие граффити.

— Что там было написано? — спросил Володя, когда они оказались в вестибюле.

— «Педики», — равнодушно ответил Юра, снимая пальто.

— То есть всякие уроды знают, что здесь находится?

— Да. — Юра пожал плечами и протянул Володе вешалку. — Но волноваться не нужно: полиция нас защищает.

Внутри комьюнити-центр выглядел таким же заурядным, как и снаружи. В холле со светлыми стенами, сплошь покрытыми плакатами, располагалось несколько диванчиков, столики и множество дверей. Странно, но центр не производил впечатления неприветливого общественного места, здесь царил дружелюбная, даже домашняя атмосфера. Людей было немало, некоторые — обычные, как Володя, некоторые — яркие, как Юра. И девочки, и мальчики, и трансгендеры.

Усадив Володю на диван у прохода, Юра отправился за чаем. Он остановился возле какого-то парня и что-то сказал ему на немецком, потом поговорил с какой-то женщиной. Не отводя от него влюбленного взгляда, Володя прислушивался к немецкому в Юрином исполнении. Тот говорил на нем и раньше, но слишком мало — произнес буквально пару слов у билетной кассы или в магазине, а вчера в шумном клубе Володя почти ничего не смог разобрать. Но здесь он прекрасно слышал его голос — разговор выдался достаточно длинным.

«С чего вообще люди взяли, что немецкий — грубый язык?» — подумал Володя, начисто игнорируя весьма резкие говоры, звучащие вокруг него.

И снова, всего за один этот день, он умудрился узнать о Юре еще что-то новое. Внимательно глядя и слушая, Володя пытался понять, не показалось ли ему, будто Юра менялся при общении с другими. И правда — менялся. С Володей он говорил вкрадчиво и негромко, сопровождая слова лукавыми взглядами. Но на людях магия исчезала: Юра становился серьезным, а иногда — высокомерным. Его природная мягкость и чувственность проявлялись исключительно редко и ненадолго, так что все это открывалось только для Володи и принадлежало только ему.

Вернувшись с двумя дымящимися стаканчиками, Юра уселся рядом. Поставил чай на столик, и только сейчас Володя заметил, что на нем лежало множество листовок на разных языках, в том числе и на русском. Он взял одну из них, намереваясь прочесть, но отвлекся — хлопнула дверь, и на пороге появился Йонас.

— Да ты издеваешься!.. — возмутился Володя.

— Эм... — Юра растерялся. — Вообще-то его здесь быть не должно.

— Тогда что он тут делает? — приглушенно спросил Володя. Он бы выразился куда громче и грязнее, если бы не похмелье, из-за которого весь день был вялым.

— Йонас — директор комьюнити-центра, но обычно в это время его здесь нет, — вздохнул Юра. — Только не злись, ладно?

Не успел Володя ответить, как Йонас подошел к ним и с улыбкой протянул руку сначала Володе, затем — Юре. Стараясь не показывать своего раздражения, Володя пожал ее. И Йонас без лишних разговоров ушел. Такое поведение Володю устроило, он даже расслабился.

— И часто ты сюда ходишь? — спросил он, осторожно отпивая горячий ароматный чай.

— Раньше — да, но теперь захожу раз в год. — Юра пожал плечами и, покосившись на Володю, добавил: — И не ради Йонаса. Тут, кроме него, много замечательных людей.

— Тоже бывшие? — спросил Володя. Вообще-то он пошутил, но прозвучало серьезно.

— Перестань, — сердито буркнул Юра.

— И чем этот... Йонас тут занимается?

— Вообще он состоит в Социал-демократической партии Германии и борется за наши права.

— За какие права? У вас и так все есть, вы полностью легализованы.

— Если под «легализованы» ты подразумеваешь, что нас не бьют на улицах безнаказанно, то да. Но у однополых пар нет таких же прав, как у... — Юра изобразил пальцами кавычки, — «натуралов». Поэтому наши активисты сейчас борются за легализацию однополых браков.

— Зачем? — спросил Володя, на самом деле особо не интересуясь.

— Брак дает права. Например, право на посещение в больнице как родственника, право на льготы на налоги, на усыновление детей, особенно важно — собственных, общие банковские счета. Что там еще? А, да. Право не свидетельствовать друг против друга в суде. Ну и так далее.

— Ясно, — кивнул Володя и посмотрел на часы. Он согрелся, но еще недостаточно отдохнул, и Юра явно тоже. Взяв в руку листовку, спросил: — А чем занимается этот центр? Кроме борьбы за права.

— Много чем. — Юра пожал плечами. — В первую очередь он существует для объединения людей. Чтобы помогать с юридическими, медицинскими и психологическими проблемами. — Володя ощутил его беглый взгляд на своем лице. А Юра продолжил: — И не только геям, но и их семьям и близким. И не только гражданам Германии, но и их партнерам из других стран... — Юра прямо посмотрел ему в глаза. — Или просто иностранцам, которых преследуют на родине. Во многих странах до сих пор гомосексуалов сажают, кастрируют или вообще казнят. Нужно помочь им уехать оттуда и предоставить убежище в Европе.

— Да уж... — Володя поежился. Ему вспомнился психиатр, который работал с ним в юности. — В Германии жить хорошо.

— Я бы сказал, в Германии жить можно, — Юра подчеркнул последнее слово, — но здесь есть свои проблемы.

— С какими сталкивался ты? — обеспокоенно спросил Володя.

— Я? Да в общем-то ни с какими. Но многие жаловались на медработников, например. Врачи не могут отказать в лечении потому, что ты гей, но гомофобы есть везде. Так вот, такие доктора мимикой,

или тоном, или «случайными» фразами дают понять, что ты им противен. Бывают и те, кто откровенно хамит, не воспринимает проблемы всерьез или — того хуже — винит во всем твой «аморальный» образ жизни.

— Хм, — протянул Володя, поглядывая на стоящего рядом трансгендера и вспоминая Анну — если геям сложно, то им как?

Юра же покосился на дверь одного из кабинетов и рассеянно продолжил:

— В комьюнити-центре не только свои врачи, но еще список больниц и контакты отдельных докторов, которые дружественны к геям и не будут считать тебя человеком второго сорта.

— Ясно, — протянул Володя, глядя на Юру — тот вертел в руках пустой стаканчик и постоянно косился на часы, будто кого-то ждал. Они уже допили чай и достаточно отдохнули, можно было уходить, но Юра словно тянул время. — Может, пойдем? — спросил Володя.

Тот покачал головой и смущенно улыбнулся:

— Я опять надел твой носок и натер ногу. Давай посидим еще чуть-чуть?

— Раз тут есть врачи, попроси у них пластырь, — хмыкнул Володя. — Что толку сидеть? За пять минут мозоль не заживет.

Юра не ответил, лишь поджал губы и молча смял в руке бумажный стаканчик. Володе показалось, что он занервничал.

Они просидели в молчании еще минут пять, и Володя не выдержал, прямо спросил:

— Кого ты ждешь?

— Хочу познакомить тебя с одним очень хорошим человеком, — признался Юра.

— С кем? — Володя напрягся.

— С моим другом.

— Юр, скажи честно, ты это подстроил?

— Ну разве что самую малость. — Он смущенно улыбнулся. — А вот и она.

По коридору шла рыжеволосая женщина лет сорока. Приятная, с добрыми глазами — одним своим видом она располагала к себе. Юра поднялся с дивана и окликнул ее. Она подошла, перекинулась с ним парой слов, пожала Володе руку и по-английски представилась:

— Добро пожаловать в наш центр. Мы всегда рады новым лицам. — Она тряхнула медными волосами. — Меня зовут Ангела, я психоаналитик.

— Ага, — только и произнес Володя.

Он замер на несколько секунд, осознавая происходящее, и разразился издевательским смехом. Сквозь похмельную вялость рвалась злость, но Володя опасался открывать рот — знал, что если начнет высказывать Юре, что думает по поводу его манипуляций, то уже не остановится и сорвется на крик. Тот это, видимо, понял и затараторил без остановки, не давая Володе вставить и слова:

— Володя, я знаю, что ты злишься. На твоём месте я бы вообще взбесился, но выслушай меня, пожалуйста. Ангела очень опытный врач. Помнишь, я говорил о предвзятом отношении к геем? Так вот, она не такая. Я ничего не хочу, не прошу и ни на чем не настаиваю. Я просто познакомил тебя с ней. Ты знаешь её имя, она — твоё. И всё.

Володя молча покачал головой, надел пальто и быстрым шагом направился к выходу. Юра бросился за ним.

В машине Юра взял Володю за руку и, с мольбой глядя в глаза, произнес:

— Прости, я был неправ. Я должен был сказать тебе, куда мы идем и зачем.

— Поехали домой, — только и ответил Володя.

— Ты простишь меня?

— Если я скажу «да», ты будешь доволен? — спросил Володя. Видя, как Юра стушевался, он отрезал, даже не пытаясь казаться искренним: — Тогда да.

— Ладно, — неуверенно пробормотал Юра. — Дома поговорим.

Уж чего-чего, а говорить Володе не хотелось. Чувства, что он испытал за последние полчаса, были подобны падению метеорита — сначала злостью полыхали в груди, потом рухнули на плечи тяжелым камнем обиды. Он часто испытывал и злость, и разочарование, и досаду, даже агрессию, но обиды не чувствовал уже много лет. Даже забыл, до чего болезненное это ощущение.

Они доехали до дома, в полном молчании переоделись. Володя, не зная, чем себя занять, сел на диван.

— Ты чего-нибудь хочешь? — осторожно спросил Юра, зайдя в гостиную. — В смысле, вообще всё что угодно: поесть, попить,

наорать на меня?..

Володя молчал. С трудом пожал ноющими под тяжестью обиды плечами и, отвернувшись от Юры, уставился в окно.

— Ну не молчи! — продолжал донимать его Юра — в его голосе отчетливо слышалось отчаяние.

Володя тяжело вздохнул и устало произнес:

— Что мне сказать?

— Что мне сделать, чтобы все стало как раньше?

— Мне надо поработать, Юр.

— Ты шутишь? — Тот не поверил, но, поймав на себе серьезный взгляд, прошептал: — Ладно, как скажешь.

Володя соврал. Он не собирался работать, ему просто хотелось побыть одному. В кабинете он сел за стол с компьютером и не стал его включать. Вгляделся в отражение в темном экране — неужели он похож на ненормального? На усталого, разочарованного, слабого — может быть, но точно не на ненормального. А с другой стороны — едва они стали парой, как Юра тут же захотел отправить его к врачу. Зачем? Неужели Володя кажется Юре психом? Но что тот еще должен был подумать, когда узнал столько подробностей его жизни? И про его тягу к самоистязанию, и про панические атаки, и про зависимость от снотворного. Еще и та вчерашняя пьяная сцена ревности...

Володя поставил локти на стол и, сняв очки, спрятал лицо в ладонях. За спиной послышался шорох. Юра неуверенно постучал в дверь собственного кабинета, тихо подошел, обнял Володю со спины и зашептал в шею:

— Прости, прости меня. Я не собирался копаться в твоей голове. И Ангелу не просил. И не стал бы просить!

— А что я должен думать, Юра?

Он судорожно вздохнул, коснулся губами Володиной щеки и затараторил:

— Ты обещал расстаться с Игорем навсегда, так? Я уверен, ты выдержишь свое обещание. Но я понимаю: порвав с ним, ты лишишься врача, который выписывал тебе рецепты. Помнишь, я говорил о списке гей-френдли докторов? Такие списки есть по всему миру. Если захочешь, Ангела найдет хорошего специалиста в Харькове и перенаправит тебя к нему. А еще ты можешь общаться с ней по скайпу...

Володя не нашел что ответить. В чем-то Юра был прав. В конце концов, предложи он познакомить его с психоаналитиком, разве Володя согласился бы? Вряд ли.

Повисла напряженная тишина. Юра прижался носом к уху Володи и снова заговорил. Слова перебивал шум его дыхания:

— Позвони ей как-нибудь потом — когда сам захочешь. Или вообще никогда. Это только твое решение. Я хотел просто вас познакомить. Только это и больше ничего!

— Правда? — Володя развернулся к нему, посмотрел в испуганное лицо.

— Да! Я, конечно, тот еще идиот. Когда планировал вашу встречу, даже представить не мог, как жутко это будет выглядеть со стороны.

Продолжая сидеть в кресле, Володя уткнулся лбом в его живот и с явным облегчением выдохнул. Но снова ничего не ответил.

Юра обнял его за плечи, стал поглаживать волосы и печально прошептал:

— Не могу не думать о том, что скоро ты уедешь. И мне ужасно хочется сделать так, чтобы там, в Харькове, ты ощущал мое присутствие. Поэтому я подумал о психоаналитике, чтобы ты мог делиться с ним переживаниями. — Юра замолчал на секунду и неуверенно хмыкнул: — Но, как видишь, Остапа понесло.

На сердце полегчало. Все нормально — Юра не считал его психом, он просто беспокоился и пусть нелепо, но искренне хотел помочь ему справиться с неминуемым одиночеством.

Володя поднял голову. Взглянул снизу вверх и, прочитав на Юрином лице тревогу и грусть, устало закрыл глаза. Тот тяжело вздохнул, погладил его лоб, брови и веки. Этот неловкий порыв нежности окончательно растопил сердце, и Володя глухо произнес, прижимаясь губами к Юриному животу:

— Но я буду ощущать твое присутствие, а ты — мое. Скайп и аська ведь куда не денутся.

— Но человек рядом... — неуверенно прошептал Юра, так и не закончив свою мысль.

— О, если ты имеешь в виду женщину, которая будет болтать со мной, то для этого у меня есть Маша... — невесело хмыкнул Володя.

* * *

Обычно в Юрином доме всегда звучала музыка. Он либо играл сам, либо ставил пластинки или диски. Наверняка, даже когда они спали, на кухне шуршало радио. У Володи сложилось впечатление, что тишине здесь просто не место. Но сегодня, в их последний день вдвоем, дом погрузился в безмолвие.

Володя проснулся один. Он ожидал услышать фортепиано, но по обоим этажам разносился лишь один звук — монотонный стук стрелок часов.

Юра сидел на кухне и, кутаясь в белый махровый халат, задумчиво дымил сигаретой.

— Доброе утро, — поздоровался Володя и сказал с укоризной: — Ты же знаешь, я не люблю, когда ты куришь.

Юра поднял на него взгляд и улыбнулся.

— Привет. Все-все, больше не буду. Не ожидал, что ты проснешься так рано. — Он затушил сигарету и потянулся за поцелуем.

— Пепельница, — буркнул Володя. — Еще и на голодный желудок небось.

— Да ел я, ел. И тебе приготовил. Вот. — Юра поставил на стол тарелку с бутербродами. — Садись.

— Ну что, последний день... — констатировал Володя — улыбка сошла с Юриного лица. — Что будем делать?

— Как насчет сдать билет?

— Юра, я очень хочу остаться, но работа... С февраля стартует очень крупный проект, и от его успеха зависит репутация компании.

— Значит, мы никуда не пойдем, на весь день останемся дома. Только мы — и никого больше. — Перегнувшись через стол, Юра взял его за руку. Улыбнулся, но вместо улыбки получилась какая-то гримаса.

— Согласен, — только и ответил Володя, сжимая его пальцы.

Лучше бы они всю неделю провели вдвоем, ведь, как только они оказывались среди других людей, их отношения если не давали трещину, то уж точно пошатывались.

Будто прочитав его мысли, Юра сказал:

— Так жалко времени, потраченного на клуб. Вернуть бы тот вечер и никуда не ходить.

— Ну, — Володя скептически сощурился, — зато я узнал, что представляет собой твоё окружение.

— Не обобщай. — Юра покачал головой и налил себе кофе. — С ними мы встречаемся редко, а моё окружение — музыканты.

— И именно с ними я не познакомился. Очень жаль.

— Ничего, как-нибудь познакомлю, — пообещал Юра.

— А они знают, что ты гей?

— Вообще я не скрываю свою ориентацию, но и не демонстрирую её. Если спросят — отвечу честно. Правда, лезть в личную жизнь у нас как-то не принято. Но некоторые знают.

— И как они узнали? — Володя допил кофе и отправился помыть чашку.

— Давным-давно, когда собирались на вечеринку, я сказал, что приду со своим парнем. И все. — Юра тоже поднялся, подошел к Володе, передал ему грязную посуду и, строго посмотрев, добавил: — Только давай без этих «опять он», ладно?

— Хочешь сказать, этот твой х... Йонас трется и с ними?

В ответ Юра пожал плечами.

Когда Володя закончил уборку, они, не сговариваясь, пошли в кабинет. Юра поставил пластинку с классикой. Музыка казалась смутно знакомой, но Володя не смог бы назвать композитора, а тем более — произведение. Впрочем, он даже не старался вспомнить — думал совсем о другом.

— Юр, тебе не кажется странным, что Йонас везде?

— Это не странность, а закономерность, — ответил тот, садясь рядом на диван. Откинувшись на спинку и, глядя Володе в глаза, объяснил: — За шесть лет отношений у нас, конечно, появились общие друзья. Он успел познакомиться со всеми моими, а я — с его. Йонас очень общительный, он... — Юра задумался. — Не помню слова... Вклинился? Внедрился? Влился в нашу компанию. Ну и знаешь, как бывает: после расставания друзья-то никуда не деваются. Поэтому тебе кажется, что он везде.

— Да, — задумчиво протянул Володя, — не поспоришь, за шесть лет многое может произойти.

— Да, многое. Мы сто раз расходились и сходились, ссорились и мирились. И, кстати, это вовсе не значит, что я был у него один. И тем более не значит, что он был один у меня. — Юра положил голову

Володе на плечо. — Я ведь плохой человек, понимаешь? Я эгоистичный, капризный, помешанный, заикленный на творчестве, со мной тяжело и скучно...

Из всего сказанного Володя зацепился за одну-единственную фразу. «Не значит, что он был у меня один». Они изменяли друг другу! Юра изменял! Он был с кем-то другим, спал с кем-то другим, когда Йонас — как бы Володя ни ненавидел его, — Юрин парень, ждал его дома. Все это делал он, тот самый Юра! Тот самый парнишка из «Ласточки», талантливый и хулиганистый, чьи щеки заливались краской, когда Володя касался его руки. Тот, кто плакал под ивой в ночь их расставания, совсем не похожую на этот их последний день. Тот, кто писал ему пылкие, полные любви и тоски письма, высылал брошюры и фотографии, будто безмолвно крича: «Не бойся быть собой, помни меня, люби меня!» Тот Юра, что до сих пор снился ему.

Осознание этого толкнуло бы Володю в пропасть разочарования. Толкнуло «бы» — если бы не одно но. Юра произнес это так грустно и искренне, что стало понятно: он жалел о своих поступках.

— Я не хочу осуждать вас. — Последнее слово далось Володе с трудом, встав костью поперек горла — он не произнес, а выплюнул его. — Юра, пусть вам и было тяжело вместе, но раз уж ты выбрал человека, то он должен быть единственным. Либо оставайся верным до конца, либо расстанься с ним. Иначе какой смысл вообще состоять в отношениях?

— Смысл такой же, как если бы у нас никого не было. Такая у нас получилась «любовь». Мы были моложе и проще.

Юра обнял его за талию и прижался щекой к шее. Вдыхая запах его волос, Володя закрыл глаза. Ему было одновременно хорошо и больно. Но из-за чего именно больно, не мог понять. Из-за неизбежного расставания? Из-за Юриногo прошлого и своего прошлого? Из-за того, что слова о Йонасе внезапно натолкнули на воспоминания об Игоре, о его изменах?

Все это было неправильно. Всего того, что случилось с Юрой и Володей за двадцать лет разлуки, не должно было произойти. Знай тогда Володя, как повернется его жизнь, многое сделал бы по-другому. Но сделанного не воротишь. О прошлом можно жалеть, но незачем его бояться. Именно будущее пугало по-настоящему — своей неизвестностью.

— Юр, — шепнул Володя ему в макушку, — а что будет с нами? Что дальше?

— Самолет. Интернет. Весна, — перечислил тот. — А летом мы вместе поедем в Баварию. Ведь поедем, правда?

Он оторвался от груди Володи, приподнялся. Тот посмотрел в полные надежды глаза и нахмурился.

— Я не могу столько ждать.

— Как будто у тебя есть выбор, — грустно хмыкнул Юра.

— Конечно, есть! Мы, блин, взрослые люди! Неужели не решим банальную задачу встретиться раньше? Приезжай ко мне. Разбейся с заказами и приезжай, как только сможешь.

На смену беспросветной грусти пришло воодушевление: ведь правда — их проблема и не проблема вовсе, а временная трудность. Юра задумался. Встал с дивана, принялся мерить шагами кабинет, размышляя вслух:

— У меня два заказа. Один почти готов, там осталось чуть-чуть поколдовать с аранжировкой. Но второй заказ большой, и я к нему даже не приступал. Заказчик сам не знает, чего хочет, а у меня идей как не было, так и нет.

— И как долго ты будешь его писать?

— Закончу к концу марта. Нужно много треков, но, если очень постараюсь, освобожусь раньше.

Володя тоже встал с дивана и заключил Юру в объятия.

— Вот это уже разговор, а то все «летом да летом», — сказал он, улыбаясь. — Что можно сделать, чтобы ты закончил раньше?

От былой грусти не осталось и следа.

— Вернуться к жизни по графику.

— Завтра вернешься, — сказал Володя, разворачивая и толкая его на диван. — Все завтра.

Юра неловко плюхнулся и рассмеялся. Его халат, держащийся на одном только поясе, распахнулся — одежды под ним не было. Он попытался прикрыться, но Володя остановил его. И все стало так, как должно быть.

По дому разносились звуки бодрого марша. Подхваченный ветром снег бил в окно, тонкое стекло сдерживало холод. Серебряные лучи зимнего солнца слабо пробивались сквозь тучи, но с каждой минутой проигрывали все больше и больше. Наконец мрак вынудил Юру

оторваться от Володи и, хотя часы показывали всего полдень, включить лампу. Теплый желтый свет разлился по комнате, озарив десятки лиц, что беззастенчиво пялились на них с фотографий на стенах.

— Я не настаиваю, — произнес Володя, переводя дыхание. — Но мне будет приятно, если ты убереешь фотографию Йонаса.

Юра прыснул:

— О твоей ревности будут слагать легенды! Но мне нравится.

Он вздернул бровь, с вызовом уставился на Володю. Но ни одна мышца не дрогнула на его лице, провокация не сработала, и Юра, закатив глаза, пошел снимать фотографию.

— Ты послушаешь, что я написал для тебя? — спросил он, ложась рядом с Володей.

— Конечно. А давай прямо сейчас послушаем твою музыку?

— Нет уж. Она написана для того, чтобы слушать в одиночестве. Тем более мне будет интересно узнать, понял ли ты мой замысел.

— Какой замысел? Что ты имеешь в виду?

— Мои истории, написанные для тебя.

— Музыкой, что ли? — не понял Володя.

Глядя в его недоумевающее лицо, Юра рассмеялся.

— Конечно, музыкой! Она тоже способна рассказывать истории, вот я и написал несколько. Когда приедешь и послушаешь — расскажешь их мне.

Получив такую установку, Володя всерьез забеспокоился. А если он не поймет, что хотел сказать ему Юра? Или вообще не разберется? Не страшно, если Юра заподозрит его в невежестве, но вдруг решит, что Володе плевать на его творчество?

— Знаешь, что плохо? — спросил он, накрывая их обоих пледом. — Хотя я читал книжки по теории музыки, но мне все равно кажется, что я ничего не понимаю. Ты можешь научить меня понимать музыку? Вот, например, симфония. Что это такое и о чем?

Юра подозрительно прищурился. Володя приготовился получить выговор, но тот осторожно спросил:

— Я правильно тебя понял? Ты хочешь, чтобы я научил тебя активному слушанию? Это же проходят классе во втором!

— Думаешь, я помню, чему учили в начальной школе? — хмыкнул Володя.

— Ладно... — протянул Юра. Ненадолго задумался, вздохнул и выдал целую тираду, будто заученную наизусть: — Симфония — это философское размышление композитора. Это роман в мире музыки, в нем, как и в литературе, есть персонажи и сюжет. Симфония состоит из четырех частей, в каждой раскрывается одна из граней человеческого существования. Первая — образ человека действующего, вторая — человека размышляющего, третья — человек играющий, четвертая — человек в обществе.

— Давай послушаем какую-нибудь? У Чайковского, я знаю, есть. Шестая, например.

— Нет, Чайковский, а тем более Шестая симфония, — это слишком сложно. — Юра снова задумался, встал, открыл шкаф с грампластинками. — О, вот, например, Пятая симфония Бетховена. Она короткая, и ты ее точно знаешь.

— Включай.

Но Юра не спешил ставить пластинку. Аккуратно перекатывая ее в руках, он прочел лекцию, точно преподаватель в институте. С одним только отличием: этот преподаватель стоял голый.

— В первой части дается психологическая установка, точка, от которой композитор начинает рассказывать историю. Здесь сталкиваются несколько тем-персонажей. Запомни их и наблюдай, что с ними происходит дальше. Как эти темы изменяются и взаимодействуют друг с другом. — Продолжая с подозрением смотреть на Володю, Юра переступил с ноги на ногу и продолжил: — Во второй части композитор описывает окружение, раскрывает контекст. — Юра поставил пластинку, но не включил. Снова обернулся к Володе и поежился, видимо успев замерзнуть. — В третьей части действие переводится в плоскость игры. В ней тоже есть контрасты, но не драматические, как в первой части, а легкие, радостные. Четвертая разрешает конфликт произведения, отвечает на вопросы, заданные в предыдущих частях. Как правило, это самая быстрая часть цикла.

— Включай уже и иди скорее ко мне, — позвал Володя.

Он приподнял плед, сделал приглашающий жест рукой. Юра снова поежился, включил музыку и послушно потопал к нему.

— Но, чтобы полностью понять симфонию, надо знать историю ее создания, — сказал он, устраиваясь рядом. — Например, эта симфония

была написана во время Великой французской революции. Она о борьбе человека с судьбой, с роком.

Володя обнял его и прошептал в висок:

— Юр, а почему именно пластинка? У тебя что, диска нет?

— Потому что Пятую симфонию лучше слушать именно в том исполнении, что на пластинке.

— То есть, ко всему прочему, существуют плохие и хорошие исполнения, которые тоже влияют на понимание? Шикарно! — Володя невесело хохотнул.

Юра уложил голову ему на грудь. Его рука, как всегда беспокойная, вырисовывала круги и линии на Володином животе.

— Эта симфония не о судьбах человечества, как было принято во времена Бетховена, она личная, от первого лица, лирический герой один — человек. Есть и другой персонаж — судьба, долг. Первая часть начинается с известного «Так судьба стучится в дверь». Духовые — глас судьбы, струнные — голос человека. Судьба доминирует. А человек боится. Слышишь страх? Теперь жалоба. Слышишь гобой? Это печаль человека.

— Ага, — протянул Володя и поцеловал Юру в лоб. А в голове тем временем пронеслось: «И как этот гобой звучит?»

Они замолчали на несколько минут, прислушались. Когда настроение симфонии сменилось, Юра подал голос:

— Это вторая часть — контрастная. Тут и марш, и танцевальность, и напевность. Слышишь, как меняется голос человека? Он становится мужественным и начинает влиять на голос судьбы. И меняет ее... Она перестает быть ужасающей, становится торжественной благодаря чело... — не успел Юра договорить, как Володя прервал его рассказ поцелуем, рассчитывая на ответный.

Но Юра отреагировал неожиданно агрессивно:

— Если не собираешься слушать, зачем просишь рассказывать? Я тут голову ломаю, как тебе все объяснить, чтобы ты смог понять, а для тебя это так — пустяк, повод пообжиматься?! — Юра резко скинул Володину руку со своего плеча. — Ты вообще уважаешь мой труд? Думаешь, это легко — объяснять мало того что... незнающему, так еще и тому, кому это на самом деле неинтересно? — Он грубовато вывернулся из его объятий. Встал с дивана.

Володя вскочил вслед за ним.

— Я очень серьезен. Все-все, слушаем.

Он окончательно убедился, что с Юрой не то что шутить об этом нельзя, даже относиться легкомысленно запрещено категорически.

— Сядь на кресло, — велел тот, — чтобы ничего не отвлекало. И внимательно слушай.

Володя взял его руку и потянул обратно на диван.

— Пожалуйста, не надо. Ну сжался надо мной, дураком. Я лучше усваиваю информацию, когда учитель рядом.

Юра нахмурился, но уступил и лег.

— Говори, я слушаю очень внимательно, — уверенно сказал Володя.

— Сначала судьба грозная. — Юра продолжил с явной неохотой. — Человек боится ее, ситуация кажется безвыходной, но у Бетховена выход есть всегда. Симфония начинается в миноре, а в конце звучит почти так, как в начале, но в мажоре. Таким образом показано движение от мрака к свету.

Володя лежал, изо всех сил пытался слушать Юру и «читать» симфонию, но от жара обнаженного тела рядом уже плавился бок, а случайные прикосновения отвлекали. По Юриному воодушевленному и сосредоточенному лицу было ясно — он касается опасных точек случайно.

Володя размышлял, когда уже тот позволит приласкать себя. Все-таки они взрослые люди с потребностями, а Юра, сам того не замечая, еще и провоцировал, будто лежал не с живым человеком, а плюшевой игрушкой.

«Сейчас уже можно? Нет?» — сомневался Володя. Жалел, что до этого не слушал Пятую симфонию и не знал, когда там станет неинтересно — если для Юры вообще существовало что-то неинтересное в музыке. И Володя не рисковал, усиленно думал.

— Да, я слышу, — вскоре подал он голос. — А эта часть игровая? Да, точно. Мы сейчас находимся в игровой части!

— Правильно, — кивнул Юра, довольно улыбаясь.

— В контексте революции это, наверное, битва. А следующая, ты говорил, это...

Вдруг Володя ощутил на себе слишком пристальный взгляд. А когда заметил закусенную губу, все мысли из головы вылетели. Музыка ушла на второй план даже для Юры. Что бы тот ни говорил,

но в их последний день чужим симфониям была отведена роль всего лишь сопровождения.

Остаток дня они провели, уютясь на узком диване. Володя предлагал перебраться в спальню, но Юра отказался — там не на чем слушать музыку. Пришлось уступить.

Из кабинета они вышли лишь для того, чтобы поужинать.

— А зачем ты держишь плед с подушкой в кабинете? — спросил Володя, жуя бутерброд и кутаясь в тот самый плед. Юра тем временем ловко — в халате ему было удобнее, чем Володе, — откупоривал ром.

— Потому что по графику у меня тихий час с шести до семи вечера.

— Кстати, а расскажи подробнее про свой график, а я запишу.

Юра ухмыльнулся:

— Прямо запишешь?

— Ну да. — Володя достал блокнот. — Мне ведь важно знать, когда тебе удобно общаться, а когда тебя лучше не отвлекать. Да и вообще...

До поздней ночи они дарили друг другу ласку, слушали музыку и пили ром. Володя надеялся, что расслабиться и не заикливаться на предстоящем расставании ему поможет алкоголь, но вышло наоборот — и без того тяжелые мысли стали еще хуже.

«Ведь невозможно же влюбиться во второй раз в одного и того же человека?» — порядком опьянев, думал он.

Даже в теории такого быть не могло, но с ними случилось. И раз невозможное произошло, объяснение только одно: они — животные, и никакой святой природы в их чувствах нет, есть только первобытное, дикое. Гормоны и феромоны. Это так примитивно, но Володю действительно будоражил Юрин запах. Ни о каком бессмертии души или судьбе в таком случае не шло и речи. Хотя бы потому, что если есть душа и судьба, значит, существует и Бог, но тогда они грешники и должны гореть в аду. Но они горели скорее в райском пламени, чем в адском.

Только огонь больше не согревал, а обжигал. Ведь сколько ни обнимай, ни целуй, ни говори, сколько ни копи воспоминания, все мало — они не перевесят предстоящей тоски, они уже не перевешивают ее. Уже страшно, уже плохо, уже тоскливо. От осознания, что эти часы последние, сжималось сердце, а в груди

разверзалась пропасть. Подобно черной дыре, она засасывала в себя недавно обретенную радость и тут же уничтожала ее.

И вдруг в голову закралась крамольная мысль: быстрее бы настало утро.

И утро настало. Володя проснулся по будильнику, краем глаза заметил, что Юра, лежа рядом, даже не шелохнулся, будто не услышал его звон. Он молча уставился в одну точку.

— Что с тобой? — спросил Володя, обнимая.

— Надо вставать, — прошептал Юра.

— Ну чего ты? Не грусти. Мы ведь все сможем, правда? Это уже не пустое обещание прийти через десять лет под иву, а реальный план действий, так ведь?

— Я не хочу становиться воспоминанием, — одними губами произнес тот. — Не снова.

— Все зависит только от нас, — уверенно заявил Володя, хотя от слов Юры сердце заболело с такой силой, будто по нему пошла глубокая трещина.

Вставать не хотелось, но пришлось. Они умылись, позавтракали — и завертелось.

Сборы, вещи, чемодан. Машина. Дорога в тишине. Аэропорт. Шум, духота, толпы народа. И боль. Чудовищное усилие над собой, чтобы выпустить Юру из объятий.

А в голове — одна мысль: «Надо резко, как будто отрываешь пластырь, расцепить руки и уйти. Не тянуть — прямо сейчас, пока не осознал, пока импульс понимания не дошел до мозга».

Но как теперь жить? Как ему, познавшему такую страсть, отпустить Юру? Как смириться, что остается лишь довольствоваться живой, но плоской картинкой в мониторе? И при этом всем телом помнить его пальцы: сначала нежные, а затем — яростные, до красноты сжимающие кожу. Вцепившиеся в Володю, будто он вот-вот исчезнет.

И он действительно исчезал из Юриной реальности, а Юра — из его. С каждой минутой будто таял, пока окончательно не растворился в толпе.

В зале ожидания Володя набрал сообщение — наверное, во всех смыслах самое дорогое в своей жизни: «Я не сказал тебе вчера и теперь очень жалею — я люблю тебя». Но удалил — не зная, его ли

любит или свои воспоминания. А оказавшись в салоне самолета, написал и отправил другое, уже не сомневаясь ни секунды: «Я буду безумно скучать по тебе. Уже скучаю».

Во время взлета ужасно разболелась голова. Володя смотрел в иллюминатор — дома, машины и дороги становились все меньше и меньше. Солнце слепило глаза. Запах Юры испарялся с кожи.

Глава 14

Точка отсчета

По возвращении домой знакомая, привычная текучка и весь налаженный Володин быт поблекли, потеряли значение и смысл, потому что здесь не было Юры.

Раньше Володя считал, что максимально комфортно устроил свою жизнь: у него есть дом, дело жизни, которому он посвящает всего себя, приятели, Герда. Теперь же все это превратилось в пустой фон, а на передний план вышло одиночество. Оно присутствовало и раньше, но, подобно старой зарубцевавшейся ране, не болело, если лишний раз не трогать. А неделя в Германии разбредила эту рану.

Открыв двери своего дома, Володя понял, что теперь для него изменилось многое. Он был рад увидеть собаку. Был рад оказаться среди родных стен, спать в своей удобной кровати, ходить по просторным комнатам, гулять по широкому двору. Но больше его ничто не радовало. Собака — пусть и любимое существо, но не человек, кровать — удобная, но слишком велика для него, двор — тусклый, комнаты — просторные, но пустые. Все серое, все пустое без Юры. Во время поездки он нашел ответы на многие вопросы, и его жизнь разделилась на слишком явные «до» и «после».

«До» Володя не был ни в чем уверен. Не понимал, кто они друг другу, сам себе твердил о дружбе. Не знал, какой теперь Юра, не видел его настоящего и был влюблен в воспоминания о солнечном подростке из своей юности, а не в самого Юру.

«После», хоть многие вопросы решились, других стало еще больше. Теперь Володя понимал, кто они друг другу. Они — пара. Между ними отношения. Только вот жили они все еще в разных странах, их разделяли километры дорог, и жизнь Володи будто замерла в ожидании Юриного приезда.

А теперь Володя увидел, что находится за пределами Юриного монитора и стенами кабинета. В конце концов, он влюбился в этого Юру — красивого, талантливого, взрослого. Возвращаться к онлайн-

общению было мучительно: помня черты его лица, не иметь возможности рассмотреть их за помехами, помня звучание его голоса, слышать, как его искажает связь. И, хуже всего, понимая, что они вместе, что их чувства взаимны, — не иметь возможности оказаться рядом.

С первого дня в Харькове руки так и тянулись к подаренному диску, но Володя сознательно не давал себе ставить его. Нужно было вернуться в реальность, снова начать жить, а не грезить наяву, чему музыка явно не способствовала бы. Володя был уверен: едва услышит первые звуки, как снова окунется в волшебство минувшей недели и затоскует. Усугублялось все тем, что Юра не мог определиться с точной датой своего приезда. Они договорились на конец марта, но все зависело от его заказчиков.

Володя с Юрой в прежнем режиме переписывались в ICQ и созванивались в скайпе. В Германии не было таких же длинных новогодних каникул, как в Украине, и Юра занялся заказами сразу же, как улетел Володя. Тот тоже решил не расслабляться и уже шестого января вышел на работу.

Охранник на вахте очень удивился, увидев начальника в пустом офисе, когда все уважающие себя люди готовили рождественский стол и ждали появления первой звезды на небе. На самом деле Володя заехал в офис скорее от скуки, чем от большой необходимости. Вечером его позвали в гости Женя с Ириной, а вот что делать весь день, Володя не знал. С утра уже успел побегать с Гердой, убрал снег во дворе и даже съездил на автомойку.

Работы накопилось немного — упущенное время наверстывать не пришлось. Однако в каникулах был и минус: отдыхали не только те, кому положено, но и те, кому стоило бы работать. Володя выяснил, что фуру со стройматериалами для февральского проекта задержали на двое суток на границе, хотя до праздников Брагинский звонил Володе и уверял, что все в порядке. Вот и доверяй ему теперь.

В обед написал Юра, и Володя сразу же предложил ему выйти в скайп.

— А ты чего это в офисе торчишь? — удивился тот, как только на экране появилось изображение.

Володя объяснил как есть — мол, скучно сидеть дома.

— И еще тут связь хорошая, хотел тебя услышать, а не переписываться.

— Ну ты даешь, конечно, — пробормотал Юра, что-то жуя. — Будь у меня возможность сидеть дома и ничего не делать, хрен бы кто меня оттуда вытащил.

— Ну мне все равно сегодня пришлось бы ехать в город к Ире с Женей, так что... Вот думаю, что Ольке купить. Спросил у Ирины, а она ругаться начала, что я вечно балую ребенка. Ну а как без подарка?

Юра пожал плечами.

— Вот с вопросами про детей — это точно не ко мне. — Он засмеялся. И, видимо, услышав протяжный вздох Володи, добавил: — Хотя... Ну, если хочешь, давай подумаем. Что она любит?

— Русалочек она любит. Но не дарить же ей снова Барби, да и это Рождество, а не день рождения, нужно что-то чисто символическое.

Юра снова пожал плечами.

— Купи ей набор киндер-сюрпризов. Какому ребенку не понравится? У меня есть знакомые, кто в сорок лет их коллекционирует.

Они проговорили еще полчаса, а потом Юра ушел работать — у него ведь все-таки график. Отключившись, Володя обвел взглядом пустой кабинет. Офисную тишину нарушало лишь отдаленное бормотание телевизора у охранника внизу. А ведь раньше Володя считал эту тишину уютной...

* * *

Юра оказался прав: Олькино отношение к киндерам было однозначным. Получив гостинец, она повисла у Володи на шее, а затем, довольная, унеслась в комнату добывать сокровища из шоколадных яиц.

Ирина посмотрела на Володю с укором.

— Вов, ну я же просила ничего не дарить, ну что за... — пробурчала она, но скорее только для приличия. Понимала же, что Володя никогда не придет с пустыми руками к крестнице.

Рождество ничем не отличалось от других празднований — ну разве что тем, что к столу Ирина приготовила ровно двенадцать блюд, среди которых, конечно, оказалась и традиционная кутья. Но и народу

было поменьше: Ира, Женя, их сын Пашка, Олькина крестная Наташа с маленьким сыном и Маша.

Володя спокойно потягивал сок — в этот раз никто не стремился его напоить. За столом было не очень шумно — все слушали рассказ Жени о семейной поездке в Карпаты на новогодние праздники.

— ...Ну, в общем, потраченных денег оно стоит, — он уже заканчивал, — природа — безумная, туда бы съездить летом, конечно.

— Володь! — воскликнула Маша. — Так и ты Расскажи же нам, как съездил в Берлин.

— О, ты был в Берлине? — удивилась Ира. — По работе или отдыхал?

Володя пожал плечами и коротко ответил:

— В отпуск на неделю летал.

— Ну и? Почему именно в Германию? Что из тебя все вечно клещами тянуть надо? — возмутился Женя.

— Да блин! — воскликнула Маша, видимо, не выдержав. — Его Конев в гости позвал!

Женя посмотрел на Машу с немым вопросом в глазах, Ира нахмурилась — будто пытаюсь вспомнить, где слышала эту фамилию.

— Да Юрка Конев из «Ласточки», ну вы чего! — воскликнула Маша еще громче. — Ладно Женька его может не помнить, но ты-то, Ирин! Ты же у нас в отряде вожатой была!

— Тот самый Конев? Серьезно? — Ирина посмотрела на Володю. — Да ну?

— Ну да, — кивнул тот.

Володя отвечал сдержанно, потому что сомневался, не вызовет ли пересказ его поездки подозрения. Не странно ли вот так взять и поехать в отпуск в другую страну к человеку, которого не видел двадцать лет?

Но Ирина слишком воодушевилась — отмолчаться уже не получилось бы.

— Ух ты, надо же! А ты и не говорил, что вы до сих пор общаетесь!

— А мы и не общались... Осенью случайно пересеклись, он на гастроли приезжал. — Володя кивнул на Машу. — Маша наткнулась на его афишу, показала мне.

— Гастроли? — От удивления Ирина аж прикрыла рот рукой. — Он что, все-таки музыкант?

— Композитор и дирижер. Приезжал со своей программой... эм... симфонией.

— Какой молодец! — Ирина хлопнула в ладоши. — А ведь таким оболтусом был, а! Женька, ты хоть помнишь его?

Женя неопределенно покрутил рукой в воздухе.

— Да ладно тебе, он в «Ласточку» лет пять подряд ездил! Такой бешеный, я вечно из-за него нагоняи от руководства получала. Ну, помнишь, еще скандал был, он соотряднику нос сломал, а тот оказался... — Она задумалась, вспоминая. — То ли сыном главы горисполкома, то ли директора завода... Ты же тогда ему в нос вату запихивал, крови было...

— Вишневский, — подсказала Маша.

— А! — Женя поднял указательный палец. — Точно! Вспомнил!

Ира покосилась на него.

— Вот стоит только упомянуть травмы, так сразу все вспоминаешь. Женя только развел руками.

— Так и что, и что, Вов? — продолжила расспрашивать Ирина. — Он в Германию перебрался?

— Да давно уже, еще в начале девяностых.

— Ого! Слушай, обязательно дай нам его контакты, я тоже хочу с ним поболтать. Вы как, по интернету переписываетесь, да?

— В ICQ, — уточнил Володя.

— Ой, а давайте ему прямо сейчас напишем, может, он выйдет в скайп! — предложила Маша. — У вас же тут хороший интернет, вы же родственникам во Францию звоните постоянно!

Володя взглянул на нее исподлобья, но та намека не поняла.

— Я сейчас ему напишу! — Маша схватила свою раскладушку и начала что-то печатать.

Володя как бы между делом достал телефон, зашел в ICQ и быстро набрал Юре:

«Привет. Ирина с Женей про тебя спрашивают, хотят увидеть. Если не хочешь, просто не отвечай сейчас Маше», — и добавил ряд улыбающихся смайликов, чувствуя вину за то, что придется отвлекать Юру.

Но тот внезапно ответил:

«Я буду очень рад всех видеть, пусть звонят».

А в течение следующего получаса Женя пытался найти Юру в скайпе и настроить веб-камеру, а Ирина ходила вокруг него и сыпала советами. Ко всеобщему гомону прибавились визги Ольки и сына Наташи, которые чуть не подрались в гостиной из-за какой-то игрушки из киндера. А Володя нервничал, слыша внутри себя отголоски иррациональной и совершенно глупой ревности — будто бы теперь, когда все узнали о существовании Юры в Володиной жизни, Юру придется со всеми делить.

Маша дернула его за рукав, заговорщицки улыбнулась.

— Почему такой хмурый, а?

— Ничего, все нормально.

— Нет, ты хмурый, я же вижу.

— Что ты пристала? — не в силах скрыть раздражение, спросил Володя. — С тобой, Маша, конечно, в разведку не пойдешь.

— А? — не поняла та и озадаченно уставилась на Володю. Наконец, догадавшись, зашептала: — Ты что, боишься, что они что-то не то подумают? Да брось, Володь. Даже если знаешь — сложно поверить.

Вскоре Жене удалось дозвониться, и через несколько секунд в окне скайпа прогрузилось изображение Юры.

— Конев! — тут же воскликнула Ирина.

— Ира Петровна! — кривляясь, ответил тот и даже приветственно отсалютовал. — Ну здравствуйте.

Ирина быстро сместила мужа со стула и сама уселась перед монитором.

— Как у тебя дела? Давай рассказывай!

— Мне пересказать всю жизнь за те годы, что мы не виделись? Боюсь, придется прерываться на еду и сон.

— Как всегда, паясничаешь! — Ирина засмеялась. — Нам Вова уже рассказал, что ты теперь музыкант, а значит, человек серьезный...

Может, виной тому было нечеткое изображение, но Юру явно покорило, когда Ирина назвала Володю Вовой.

— Ну не такой уж и серьезный, честное слово. Бренчу тут потихоньку на пианино...

Между Женей и Ириной просунулась любопытная Олька.

— Где пианино? — спросила она.

— Это наша доченька Оля. — Ирина усадила ее себе на колени. — Оля, помаши дяде Юре в камеру. — Та без особого воодушевления помахала рукой, а Ира продолжила: — Она у нас, кстати, тоже учится играть на пианино. В музыкальную школу ходит после уроков, да? Расскажи дяде Юре, как тебе нравится играть!

Ирине, очевидно, хотелось похвастаться музыкальными способностями дочки, но Олька вдруг воскликнула:

— Нет! Не нравится! Надоело мне это пианино!

— Оля! — строго прикрикнула Ирина. — Ты чего?

Юра захохотал по ту сторону экрана.

— Ничего, ничего, Оля, я тебя прекрасно понимаю, я тоже в детстве из-под палки ходил на уроки музыки. И кому, скажи, сдалось это пианино? Сидишь, ноты учишь, какие-то этюды играешь день за днем — скуотища!

— Да! Еще и этому жирафу не нравится, как я их играю!

— Какому такому жирафу? — не понял Женя.

— Да этому — Андрею Васильевичу! Он на жирафа похож!

Ира начала расспрашивать Юру про семью и жену, как вдруг по изображению пошли помехи, пропал звук, а потом звонок и вовсе оборвался.

— Эх, на самом интересном месте! — делано расстроилась Маша. Володя посмотрел на нее как на врага народа.

— Наверное, карточка закончилась, — пожал плечами Женя, пытаясь снова установить соединение. Подергал провод на модеме, снова позвонил в скайпе, но тщетно.

— Эх, — вздохнула Ирина. — Ну, Вов, напишешь мне его аську, хоть там пообщаемся...

* * *

После Рождества закипела работа. Из-за задержки фуры Володя не стал верить Брагинскому на слово и всю неделю ездил с проверками по объектам. Строители подозрительно косились на него — надо же, сам директор приехал без предупреждения, да еще и принялся совать свой нос в каждый документ, осматривать каждый угол и лично требовать отчета о сделанной и несделанной работе. Володя старался всегда быть корректным по отношению к подчиненным, но его ужасно

вывели из себя два прораба: один — запахом перегара, другой — целыми пятью «не знаю» на заданные вопросы.

В середине недели из Твери прилетела мать. Володя поехал встречать ее в аэропорт, отвез домой, помог разобрать вещи. Квартира пустовала четыре месяца, и хотя мама выглядела куда лучше, чем до отъезда, переступив порог, заметно погрузнела. Это Володя уже смирился, что дом опустел, а мать, наверное, подсознательно ожидала увидеть мужа.

Володя сагитировал ее к походу за продуктами: и пустой холодильник заполнить, и отвлечься от грустных мыслей. Потом помог приготовить ужин и остался переночевать — чтобы не бросать мать в первую ночь одну.

Он ворочался на старом диване — пружины врезались в спину, не давали уснуть.

«Почему не спишь? — в первом часу ночи прилетело в аську от Юры. — Да еще и сидишь онлайн».

«Только зашел проверить, вдруг ты тоже тут, и вот удача! Сам почему не спишь? У тебя же режим!»

«Да кое-кто тут приезжал, весь режим мне сбил, не могу вот так сразу к нему вернуться, ложусь поздно, думаю... о всяком».

«О чем это?»

«Не скажу! — Юра прислал смайл, показывающий язык. — Как там мама?»

«Встретил, привез домой, остался тут на ночь. Лежу в своей старой постели на очень неудобном матрасе, чувствую спиной все пружины. И как только спал на нем столько лет?»

«Это потому что меня рядом нет. Со мной тебе было бы удобнее».

Володя вздохнул.

«Да, Юр, с тобой мне было бы удобно спать даже на тибетских колючках».

Юра некоторое время молчал, а потом написал:

«Хотя не исключено, что со мной тебе в спину упиралось бы нечто другое».

«Юра!»

Тот прислал в ответ хохочущий смайлик.

«Ладно, я пойду спать. Надеюсь, теперь ты будешь засыпать с мыслями обо мне. Спокойной ночи».

«Спокойной». — Володя занес было палец над смайликом с поцелуем, но в последний момент передумал. Решил, что это уже чересчур по-детски.

Засыпать с мыслями о Юре действительно было приятно. Очень легко представлялось, как он лежит рядом, тесно прижимается и дышит Володе в шею. Избавиться от этих мыслей оказалось непросто, а стоило немного провалиться в сон, как образ Юры стал даже более четким, почти осязаемым. Понимание того, что это лишь фантазия, навевало тоску — когда еще они смогут заснуть в одной кровати в реальности?

С утра мать оживилась. Вечером, утомленная после дороги, она больше молчала, а теперь проснулась раньше Володи, разбудила его и за завтраком во всех подробностях пересказала поездку. Он слушал вполуха, одновременно желая Юре доброго утра в ICQ. Тот был офлайн, но Володя все равно решил ему написать:

«Вчера еле уснул, все думал о тебе. Караул какой-то, если так продолжится — совсем спать не смогу», — и добавил смеющийся смайлик.

— Детки у нее, конечно, такие карапузы, — тараторила мать, наливая себе чай. — И вот вроде, знаешь, новорожденные всегда такие... страшненькие, а эти — ну прелесть! Вова в близняшках просто души не чает, ходит их качает постоянно, что-то рассказывает — хотя что они понимают, им месяц от роду! Алина даже раздражается: как Таня привозит их в гости к деду, так он обо всем забывает. И никому не дает с ними возиться, даже подгузники сам меняет! Такие забавные. Вова же облысел уже, а у малышек волосы только-только появились, да и светлые совсем, незаметные. Он внучек на руках таскает, ну натурально лысый Змей Горыныч с тремя головами!

Володя вопросительно посмотрел на мать, пытаюсь представить, что за монстра она выдумала. Он запутался в именах еще сильнее, чем в хронологии событий, и за последние пять минут потерял нить повествования. Попытался разобраться: Вова — двоюродный брат, Алина — его жена. Таня — какая-то их родственница, но о каких еще близнецах идет речь?

— Мам, я запутался, откуда взялись близнецы?

Она удивленно на него уставилась.

— В смысле, разве я тебе не говорила? Таня же родила!

Он кивнул, но все равно мало что понял.

— А Таня?..

— Сынок, ну что у тебя с памятью? Таня — дочка Вовы. Близнецы — его внуки. — Она задумалась на несколько секунд, а потом добавила: — Ты, наверное, им двоюродным дедом приходишься.

Володя растерялся. Он помнил, что Вова рано женился, еще лет в двадцать, и что дочка у него родилась вскоре после свадьбы. И понятно, что она взрослая, неудивительно, что родила. Вот только у Володи с братом разница всего четыре года, а тот уже дедушка? У него уже есть внуки? Будь Володя обычным мужчиной с гетеросексуальной ориентацией...

— О чем задумался, сынок? — Мать обеспокоенно смотрела на него.

— Да так, — отмахнулся он. — Удивился, если честно.

— Да уж, сынок, тебе тоже не мешало бы задуматься о семье и детях, все-таки уже такой возраст, а ты...

Она не укоряла и не нравоучала — просто констатировала давно известный факт, но внутри тут же поднялась волна раздражения.

— Мам, не заводи опять эту шарманку, прошу.

Она поставила на стол перед Володей корзинку с печеньем и села напротив.

— Сынок, я ведь не пытаюсь обидеть, ты же знаешь, я просто переживаю за тебя. Я очень не хочу, чтобы ты остался один, понимаешь? — Она потянулась к нему через стол и взяла за руку.

Володя мысленно упрекнул себя за раздражительность. Мать действительно просто переживала, вот только он теперь не один. Но разве для нее это что-то меняло? Он никогда не посмеет рассказать ей о подобном — сделает только хуже и больнее: и ей, и себе. Узнай мать об их отношениях с Юрой, наверняка предпочла бы, чтобы ее сын остался одиноким.

Мысль о том, что его двоюродный брат стал дедом, не отпускала Володю до самого вечера. Возвращаясь домой, он прокручивал ее в голове, разглядывал с разных сторон, под разными углами. Эта мысль несла непонятное разочарование. Но в чем или в ком? В себе — ведь в его возрасте другие, нормальные, мужчины имеют семьи и взрослых

детей? Или в Вове — разве он, первый, к кому Володя испытал настоящее влечение, не имеет права стареть?

Володя ломал голову, решая, что сделать, чтобы избавиться от этого бесполезного и мучительного ощущения. Игорь посоветовал бы разобраться в причине этих странных чувств. Но Володя не хотел заниматься самокопанием. Впрочем, не стал и пытаться подавить эти чувства.

Он решил поделиться своими переживаниями с Юрой:

«Мать привезла новость: мой брат, Вова, стал дедом. Тот самый Вова. Помнишь?»

«Его-то забудешь, — ответил Юра без смайлов и спустя несколько секунд добавил: — Он нашу фотку порвал, когда захлопнул дверь перед моим носом».

«Он старше меня всего на четыре года, а уже дед. Поверить не могу».

«Ха! Получается, что ты тоже дедушка, Володь!» — пошутил Юра.

Но Володю эта шутка рассердила.

«Ага, поздравь еще», — громко стуча по клавишам, написал он. Юра, конечно, не услышал этого, но смену настроения похоже уловил.

«Ладно-ладно, юмор в сторону. Вижу, что ты не в духе».

Володя не стал отвечать — видел, что Юра продолжает печатать.

«Володя, а что, собственно, тебя беспокоит? Двоюродным дедушкой можно стать и в пятнадцать, возраст тут ни при чем. Или ты...»

Юра будто бы не успел удалить лишнее и отправил сообщение как есть.

«Что я?» — подтолкнул его Володя.

«Ревнуешь?»

«Ты шутишь? Кого мне ревновать? К кому?» — Володя хотел добавить смайл, но не стал — получилось бы фальшиво.

«Слушай, ты не обижайся, если я неправ, но ты вообще-то написал одну строчку. Что тебя расстроило? Ты завидуешь ему, тоже хочешь семью?»

«У меня есть семья».

Да, какая-никакая, она у Володи была. Юру тоже хотелось бы считать ее частью, но делать столь громкие заявления Володя пока не решался — наивно, да и незачем бежать впереди паровоза. Однако

Юра оказался прав: он был немногословен, злился и завидовал Вове. Но было еще кое-что сокровенное, чем Володя не делился еще ни с кем.

«Вообще-то да, я тоже хочу детей, но какая разница, их все равно у меня никогда не будет», — написал он и долго смотрел на сообщение, раздумывая, отправлять ли его Юре. Вздыхнул, закрыл глаза и все же отправил.

Ответ прилетел быстро:

«Ребенка можно усыновить».

«И кто даст это сделать такому, как я?»

«Какому „такому“? Умному? Богатому?»

«Юр, ну не надо, ты же понял, о чем я».

«Вообще-то не понял. Если ты об ориентации, то, во-первых, попробуй это докажи, а во-вторых, даже если узнают и не разрешат в Украине, то скоро разрешат в Германии. Ты же знаешь, что активисты борются за то, чтобы нам дали право на это».

«Думаешь, у них получится?» — написал Володя, хмурясь.

«Я в этом уверен. Пусть не скоро, пусть через десять лет, но в Германии геям позволят вступать в полноценный брак, и вполне вероятно, что в этой жизни разрешат усыновление и суррогатное материнство».

Какая разница, что там будет в Германии? Это Юрина страна, а не его, Володя как был там гостем, так им и останется. На улицах Берлина, в Дахау и даже в Юрином доме он ни на минуту не задумывался остаться там насовсем. Стать мигрантом? Снова? Ну уж нет. Ему еще в юности хватило такого стресса, хотя изменения, казалось бы, минимальные — Россия и Украина в середине девяностых были очень похожи.

Они переписывались с Юрой больше часа, но этот разговор не развеял Володиных сомнений, легче ему не стало, как, впрочем, и не стало понятнее, в чем дело.

Попрощавшись с Юрой, он получил сразу три целующих смайлика в ответ и отправился спать.

Но прежде, чем лечь, торчал у зеркала, искал морщины, седые волоски и проплешины. В детстве они с Вовой были похожи как две капли воды, а если Вова уже лысый, выходило, что и Володя тоже рискует облысеть через четыре года? «Не может быть», — не верил он,

оценивая свои еще темные, еще густые волосы. Но все же нашлась пара седых. Володя их вырвал.

Он выпил таблетку, а потом лежал в кровати и разглядывал тени на потолке, устроив руку на теплом боку Герды, заливисто храпевшей рядом. Володя медленно засыпал, но в голове продолжала крутиться навязчивая мысль: «Вова не может постареть, он не имеет на это права». И, лишь окончательно проваливаясь в сон, Володя наконец нашел причину своего душевного раздора: он не мог простить Вове старости, потому что когда-то испытывал к нему чувства. Ведь Вова был самым первым, ведь все началось с него.

* * *

В тот день в Москве было солнечно, но порывы прохладного ветра уже предсказывали приближение осени. И все же у четырнадцатилетнего Володи было аж два повода для радости.

Во-первых, родители купили ему новенький велосипед «Салют». Дожди перестали лить только сегодня, и можно было наконец вдоволь гонять по двору, на зависть соседским ребятам. А во-вторых, послезавтра должен был приехать из Твери Вова. В этом году он поступил на первый курс московского института, и, пока ему не дали общежитие, тетя и дядя — Володины родители — согласились приютить его у себя.

С двоюродным братом Володя не виделся давно — года четыре. Последний раз — после пятого класса, когда ездил под Тверь к бабушке с дедушкой. Тогда им с Вовой было весело вместе гулять и играть, ходить на речку и помогать бабушке в огороде. И Володя был уверен, что и теперь им будет очень весело вместе!

Он затормозил у статуи с читающими девушками-пионерками. Две гипсовые фигуры в школьных платьицах, склонившиеся над учебниками, напомнили Володе, что до первого сентября осталось меньше недели.

«Ну и ничего, и после школы будет время погулять с Вовой! К тому же он старше, поможет мне делать уроки! — Володя слез с велосипеда и, поставив его у ствола высокого раскидистого дуба, залез на постамент статуи, уселся рядом с пионерками и стал болтать ногами. — А еще можно сводить его на стройку, полазаем там, покажу

ему котлован! — думал он. — А еще поднимемся на крышу пятиэтажки, вот клево!»

Планируя, где они будут гулять и как проводить время, Володя заметил вошедшего во двор высокого парня с рюкзаком за спиной и дорожной сумкой в руках. Но, даже прищурившись, не смог разглядеть его лица. И только когда тот дошел до крайнего подъезда четырехэтажного дома, Володя понял: это же Вова! Он вытянулся, стал шире в плечах, и в нем действительно было тяжело узнать мальчишку из Володиных детских воспоминаний.

Подняв увесистый велик за перекладину, даже не подумав, что быстрее будет на него сесть и доехать до дверей, Володя побежал вслед за братом. Запыхавшись и вспотев, догнал его уже на четвертом этаже. Вова, зажав дверной звонок, обернулся на радостный крик:

— Вовка! Ты же только послезавтра должен был приехать!

— Привет, — сухо поздоровался тот. — С билетом повезло — поменял.

Затащив велосипед на последнюю ступеньку и бросив его прямо на пол, Володя хотел было обнять брата, но остановил свой порыв — в спокойном взгляде Вовы он встретил куда меньше радости, чем ожидал.

Вова протянул ему руку для рукопожатия, совсем как взрослый. Володя нервно вытер вспотевшую ладонь о шорты. Кожа у Вовы была сухой и теплой, он крепко сжал его руку, а Володя вздрогнул от этого прикосновения — по телу будто пропустили разряд тока.

В итоге Вова остался жить у них дольше чем на месяц — с общежитием никак не складывалось, не всем студентам хватило мест, а новый корпус не успели подготовить к началу учебного года. Родители не возражали: Вова их нисколько не стеснял, в большой трехкомнатной квартире ему выделили отдельную комнату, да и вообще домой он возвращался чаще всего ближе к ночи. С утра уходил на учебу, вечером — гулял с однокурсниками, а потом и вовсе познакомился с дворовыми ребятами постарше.

А с Володей Вова гулять не хотел. Разница в три с половиной года, которая совсем не ощущалась в детстве, теперь оказалась существенной. Володя был еще ребенком, пионером и школьником, а Вова — уже комсомолец, уже студент. Их интересы сильно отличались. Вова, например, увлекался мотоциклами и не делил

Володиной радости по поводу нового велика. Как-то раз Володя решил позвать его покататься в парк, даже выпросил у соседа Кольки его велосипед для Вовы, но тот отмахнулся, сказав, что ему нужно заниматься.

Иногда он помогал Володе с уроками, но было видно, что ему не очень-то интересно — у него самого на полке стояли учебники посерьезнее школьных. Володя пытался несколько раз позаниматься вместе с ним, но едва ли понимал институтскую программу и беспокоить Вову почему зря не хотел.

Наверное, Вова видел, что младший брат на него обижается, и будто в извинение за то, что проводит с ним так мало времени, подарил часы. Володя радовался как никогда: ведь «Монтана» были такой редкостью! Вове вручили их за победу в городской олимпиаде по физике. Он мог бы носить их сам, но отдал Володе.

От радости не осталось и следа, стоило Володе нацепить часы на руку и нажать кнопку. Циферблат плыл перед глазами, а время он смог разглядеть, лишь сильно прищурившись. Володя знал, что у него беда со зрением, но до последнего отказывался носить очки. Вдаль он видел неплохо, а вот вблизи — хуже с каждым днем. И если с тем, что плохо видит буквы в книгах, когда читает или когда делает домашку, Володя мирился, то не видеть цифры на часах, которые подарил ему брат, посчитал катастрофой.

Володя попросил родителей отвести его к врачу. После проверки зрения окулист ругался: Володя слишком затянул, надо было выписывать очки куда раньше, чтобы зрение не падало так быстро.

Вечером того же дня, стоя перед зеркалом в своей комнате, Володя вертел в руках новенькие, чистенькие очки и не решался их даже примерить. Они выглядели некрасиво: темная роговая оправа, толстые стекла — прямо как у его шестидесятилетнего деда. Глубоко вдохнув, будто перед прыжком в воду, Володя все же надел очки. Открыл глаза и нахмурился. За последние месяцы ему разонравилось свое имя — ведь его звали так же, как брата. А теперь, детально рассмотрев себя в зеркале, Володя увидел, как сильно похож на него и внешне.

Володя понимал, почему Вова совсем не хотел проводить с ним время. Что ему достроек, парков и крыш? Все это детские забавы, а Вову уже интересовали взрослые отношения. Володя не раз видел, как он играет на гитаре во дворе в окружении ребят постарше, видел, с

каким восхищением и интересом смотрят на брата девушки. А Володя еще ни разу не влюблялся, с девочками во дворе дружил так же, как и с мальчишками. Знал, что однажды ему тоже начнут нравиться девушки и тогда он тоже станет взрослым.

В одну из ноябрьских ночей он проснулся от скрипа половицы в коридоре. Звякнула вешалка, зашуршала одежда, тихонько хлопнула входная дверь.

Володя вскочил с кровати и подбежал к окну, выходящему во двор. Увидел, как Вова вышел из подъезда и направился в сторону соседнего двора.

Чувство страха вперемешку с тревогой, будто неизбежно должно было случиться нечто плохое, охватило Володю. Он не понимал, чем вызваны эти чувства, и совсем не отдавал себе отчета, когда, накинув куртку прямо на пижаму и сунув ноги в ботинки, выбежал следом за братом. Тот уже скрылся за поворотом дома — только спина мелькнула.

Чувствуя себя шпионом, понимая, что лезет не в свое дело, Володя прокрался вдоль стены, спрятался за открытой дверью одного из подъездов, потом быстро перебежал освещенную часть двора и скрылся за стволом яблони.

Он смотрел на открытую круглую площадку, вымощенную плитами, с клумбой по центру. Здесь было красиво. Сейчас, в желтоватом свете фонарей, промокшее под осенним дождем, заваленное опавшими листьями место выглядело мрачно, но статуи двух лосей с широкими тяжелыми рогами, похожими на кленовые листья, придавали ему величественности.

По другую сторону от клумбы, ежась от холодного ветра и обнимая себя за плечи, стояла хрупкая девушка в расстегнутом пальто поверх короткого платья. Она встрепелась, увидев приближающегося к ней Вову, помахала рукой. Тот подошел к ней.

Володя не слышал их разговора, но отчетливо видел, как Вова робко заключил ее ладони в свои, поднес их к лицу, согревая дыханием. Она звонко хихикнула и положила руки Вове на плечи, а тот приобнял ее за талию. Так они и стояли минуты три, говорили о чем-то, девушка широко улыбалась. Сердце Володи стучало где-то в горле, перед глазами все плыло, казалось, что эти минуты длятся

целую вечность. Вова сказал что-то еще, а потом подался вперед, приблизился к лицу девушки и легко коснулся ее губ.

Володя схватился рукой за яблоневою поросль, растущую у корней дерева, — ему показалось, что он падает. Но это не он падал, а мир перед ним кружился. Не соображая, не видя толком ничего перед собой, Володя развернулся и рванул обратно домой. На выходе со двора вступил в глубокую лужу, промочив ботинок, а в подъезде чуть не споткнулся о ступеньку.

Сбросив обувь и куртку, он влетел в свою комнату, упал на кровать, накрылся с головой одеялом и постарался унять дрожь. Из-за промокших ног по всему телу расползлся мерзкий липкий холод, но дрожал Володя не от этого. Он не понимал от чего — будто бы от злости, но почему ему было так больно? Он сильно-сильно зажмурился, но все равно видел Вову и ту девушку — как они держались за руки, как обнимались, как он ее целовал.

«Почему она? Она, наверное, общается с ним только потому, что он хорошо играет на гитаре! Вертихвостка, вытащила его посреди ночи, что, днем не нагулялись? Она недостойна Вовы, не она должна быть с ним!»

А кто тогда? Какая-нибудь другая девушка? Тогда в чем разница? Володе не стало бы лучше, окажись на его месте другая. Но кто же должен был быть на ее месте?

Тяжелый беспокойный сон навалился на него, и сквозь эту мутную дрему Володя снова увидел тот двор, ту клумбу, статуи двух лосей. Только стояла не осень, все вокруг, солнечное и весеннее, зеленело. Володя ощутил сладкий запах сирени, от порыва теплого ветра на голову посыпались лепестки цветущей яблони. Он снова увидел Вову — улыбающегося так же, как той девушке. Но он улыбался ему — Володе! Ладони охватило теплом, когда Вова взял его за руки. Кожу обожгло дыханием, ее будто расплатило прикосновением мягких губ. И не было вокруг никого — только они вдвоем в целом мире. Володя смотрел в счастливое лицо брата, гладил его щеки и шею и ощущал жар. Так горячо, так невыносимо сладко было прижиматься к раздетому по пояс Вове... Миг — и они стояли почему-то уже не на площадке во дворе, а в его комнате, на полу у книжного шкафа. Как приятны были ласковые прикосновения Вовы. Пальцы — на Володиной спине, губы — на щеках и ниже: на подбородке, на шее.

Володя задыхался, ему казалось, что он сейчас взорвется от напряжения, от невыносимой истомы по всему телу, а особенно там, где Вова касался его.

Володя резко открыл глаза. В комнате было темно, в окно тускло светила луна. Он дрожал, но теперь уже не от холода. Володе было жарко, он взмок. Скинул одеяло, попытался перевернуться на другой бок и тихо ахнул, почувствовав под собой влажное пятно. Забыв надеть очки, он в несколько секунд добежал до ванной, открыл кран и бросил под струю воды пижамные штаны. Он оттирал их с такой силой, что чуть не порвал. Было мерзко, противно, очень стыдно и невыносимо больно. Так больно, что хотелось самому сунуться под воду и утопиться там, лишь бы не слышать своего ноющего сердца и не думать о том, что ему снилось. Кто ему снился.

Из ванны повалил пар — без очков Володя не заметил, что слишком сильно выкрутил вентиль горячей воды и не разбавил холодной.

Руки покраснели от жгучей боли, а Володя все держал и держал их, стиснув зубы, чтобы не закричать. Эта боль была адской, но по сравнению с той, что пылала внутри, даже приятной. А на сердце с каждым мгновением становилось все легче и легче.

Глава 15

Тени недоверия

Утро воскресенья ничем не отличалось от других.

Володю разбудила Герда — скуля, она настойчиво чего-то требовала. Он встал и, не умываясь, принялся одеваться на пробежку, но замер на пороге — собака осталась на кухне, демонстративно тыкалась носом в пустую миску и выходить из дома не спешила.

— Вот попрошайка, — буркнул Володя и послушно побрел к ней.

Открыл собачий адвент-календарь — подарок Юры для Герды, — достал очередное лакомство и протянул ей. Та, вильнув хвостом, слизнула с ладони корм, твякнула и унеслась к входной двери.

— И что, интересно, я буду делать, когда календарь закончится? — спросил в пустоту Володя. — Ох уж этот Юра, собаку мне разбаловал!

На улице приморозило. Не сказать, что до этого было тепло, но сегодня градусник показал минус пятнадцать, и Володя, несмотря на термобелье и теплый спортивный костюм, быстро замерз.

Дожидаясь, когда Герда закончит свои дела под деревом, он написал Юре. Перекинулись буквально парой слов — он торопился работать, а Володю уже тянула гулять в лес довольная собака.

Он прикинул план на день. Во-первых, нужно обязательно съездить в город и подключить себе наконец нормальный интернет. И, во-вторых, Володя хотел купить абонемент в бассейн. Он уже и не помнил, когда плавал в последний раз. Но до встречи с Юрой оставалась пара месяцев, и очень хотелось привести себя в порядок. Пока был в Германии, ел что попало и много пил и поэтому ничуть не удивился, обнаружив, что поправился.

Хорошо Юре: он от природы худой. Раньше Володя тоже не жаловался на фигуру, но лет с тридцати буквально одна неделя неправильного питания вкупе с алкоголем мгновенно превращалась в лишние сантиметры. Володя понимал, что и так с годами не молодеет, но толстеть — это просто недопустимо. А еще он собирался купить

крем для век, потому что вчера вечером в ярко освещенном зеркале ванной разглядел морщинки в уголках глаз.

Определившись с планами на день, порядком замерзший Володя заторопился домой, но Герда будто не чувствовала холода — рыла носом сугробы, ловила пастью снежинки и носилась между деревьями. Ничего не предвещало беды, но, возвращаясь в десятом часу к дому, Володя увидел у своих ворот знакомую машину. В голову сразу пришла идея свернуть обратно в подлесок и не показываться на глаза — авось Игорь не дождется и уедет. Но Герда, как назло, внезапно рванула к нему. Завидев ее, тот вышел из машины. Он не изменился за время, что они не виделись — да и не должен был, это Володе показалось, будто прошла целая вечность. Игорь ежился на морозе в своей подбитой овчиной куртке, дергал головой, откидывая челку, лезущую в глаза.

— Что ты тут забыл? — без приветствия начал Володя. Притворяться, что хотя бы немного рад его видеть, он не собирался. — Герда, ко мне!

Собака, прижав уши к голове, вернулась к нему.

— А что ты так неприветлив? — спросил Игорь обиденным тоном.

— А с чего я должен быть приветливым с незваными гостями?

Володя прицепил поводок к ошейнику Герды. Спрятал руки в карманы и натянул шапку пониже.

— Замерз? — с явно наигранной заботой спросил Игорь. — Может, хоть в дом пригласишь?

— Не приглашу. И даже не буду спрашивать, зачем ты приехал. Лучше сразу уезжай.

— Ай-ай, Вов, что я тебе сделал? Почему ты так плохо со мной обходишься?

Володя нахмурился еще сильнее.

— Как обхожусь? Ты приезжаешь ко мне без предупреждения и считаешь, что я тебе чем-то обязан?

— Вообще-то я предупредил, что заеду. Я же не виноват, что ты ни сообщения не читаешь, ни трубку не берешь.

— А разве это не говорит о том, что встречаться с тобой я точно не хочу?

— Да ладно тебе, Вов, не будь таким жестоким! — Игорь посмотрел на него и нежно улыбнулся.

Володя никак не отреагировал, лишь моргнул — его лицо как было, так и осталось непроницаемым. Игорь свел брови и, мотнув головой, неожиданно зло сказал:

— Думаешь, раз съездил в Германию к этому своему... Юре? То что? «Жили они долго и счастливо и умерли в один день?» Так теперь будет?

Володя не поддался на провокацию. Дернул уголками губ и спокойно сказал:

— Тебя не касается, что я думаю, Игорь. И что я делаю, и что я чувствую, а тем более — куда и к кому езжу. Я ведь все объяснил при прошлой встрече. Так почему ты не оставишь меня в покое?

— Да потому что ты мне дорог! — Игорь шагнул к нему и протянул руку, но Володя отстранился. Герда, чувствуя настроение хозяина, утробно зарычала. Игорь отступил и с укором сказал: — Вов, ну все же хорошо было... Мы и раньше с тобой ругались, расходились. Но потом все равно возвращались друг к другу.

Володя покачал головой.

— Нет, Игорь. Нечего нам возвращать. Не было у нас с тобой никогда нормальных отношений.

Но Игорь был непробиваем — скривил губы и с явной издевкой произнес:

— Да брось! А что, с твоим... Юрой они у тебя есть? Ведь стоило появиться этому... человеку, как оказалось, что, — он изобразил в воздухе кавычки, — «у нас с тобой никогда не было нормальных отношений»?

Володя вздернул бровь.

— А разве это не так? Или ты всерьез считаешь, что встречи раз в месяц для секса — это то, что мне действительно нужно?

Игорь закатил глаза.

— Ах, прости, не знал, что «то, что тебе действительно нужно», — это отношения на расстоянии. На огромном, Вова, расстоянии!

— Это, Игорь, не твои проблемы, — отрезал Володя.

— Да, как же, конечно, не мои! Вот только, когда ты все просрешь с этим своим Юрой, первый, к кому ты пойдешь, — это я. Потому что я тебе нужен! Потому что никто, кроме меня, не знает твоих потребностей!

— Как ты меня достал с этой чушью! — выкрикнул Володя. Герда твякнула, не понимая, видимо, почему хозяин вдруг повысил голос. — Слишком много чести себе делаешь, считая себя самым особенным в моей жизни!

Игорь зло расхохотался.

— А думаешь, твой Юра — особенный?

Володя непроизвольно сжал кулаки. Вдохнул, медленно выдохнул и сквозь зубы процедил:

— Да, Юра — особенный. А тебя, Игорь, можно заменить кем угодно. Уезжай. — И, подтянув Герду за поводок, не прощаясь, прошел мимо. Открыл ворота и скрылся в доме.

Часы в прихожей показывали десять минут одиннадцатого — день только-только начался, а Володя уже устал. Вдобавок разболелась голова.

Он выпил аспирин, слыша рев мотора за окном и скрип шин по заснеженной дороге. Прилег с ноутбуком на диван, зашел в аську. Через пару минут написал Юра. Володя не решился рассказать ему про утреннего гостя — не хотел давать лишний повод для недоверия. Пожаловался на головную боль, тут же получил указания сидеть сегодня дома, не работать и попытаться отдохнуть. Володя заверил, что постарается.

Таблетки не помогли: боль продолжала пульсировать в висках. Накатывала сонливость, а в голову то и дело лезли обрывки разговора с Игорем. Володя попытался отвлечься, ведь Игорь не тот, о ком хотелось сейчас думать. Да и не только сейчас.

Володя отложил ноутбук, сполз по дивану, прикрыл рукой глаза, заслоняясь от солнца. Игорь действительно ему никто. Притом уже давно. Может, последние лет... шесть? Володя искренне не понимал, с какой стати тот требует что-то, звонит, приезжает и чего добивается. Володю сейчас очень удивляло, что Игорь взаправду считал, будто между ними до сих пор были какие-то отношения.

Он давно заметил, как сильно Игорь изменился, но только теперь понял, в чем именно заключались эти изменения. В самом начале он привлекал своей уверенностью, смелостью и, несмотря на брак, свободой. Затем — мышлением и необычными взглядами на жизнь. Теперь же Игорь не привлекал совершенно ничем — лишь отталкивал.

* * *

Первый месяц разлуки с Юрой пролетел очень быстро. Подготовка к новому проекту пошла до того активно, что Володя не всегда успевал к Юре на созвон. Он было порадовался, что отношения на расстоянии даются ему легче, чем думал, но стоило работе сбавить темп, как все освободившееся время заполнила тоска. Володя старался занять себя другими делами, снова пошел в бассейн. Плавание очищало голову от мыслей.

Юра, узнав о его старом новом увлечении, сыронизировал:

«Небось чужих мужиков там разглядываешь?»

«Конечно! Мне же своего мало», — обиделся Володя.

«Хочешь сказать, что... иметь меня в Германии для тебя достаточно?!» — ответил Юра, дополнив сообщение тремя обиженными смайликами.

«Я бы с радостью имел тебя в Харькове, но...» — давясь смехом, написал Володя, решив, что их отношения уже достаточно близки для таких шуток.

А на самом деле Володя действительно ни на кого не смотрел, хотя раньше он силой заставлял себя отворачиваться от подтянутых пловцов. Но сейчас все изменилось. Какие бы привлекательные посетители ни приходили в бассейн, у Володи на уме был другой, пусть худой, но свой, как выразился Юра, «мужик».

Дома Володя активно читал книги по музыке. Старался научиться понимать и слышать, чтобы в конечном счете стать Юре достойным собеседником. Ведь пока Володя ничем не отличался от Йонаса и мог сказать только: «Такая музыка мне нравится, а такая — нет, но почему — не знаю». Чтобы понимать это «почему», он стал слушать симфонии Прокофьева. Додумался, конечно, не сам — Юра подсказал: «Они написаны специально, чтобы учиться».

Юрин диск Володя не включил ни разу. В январе, опасливо поглядывая на него, брал в руки и клал обратно — Юрина музыка запросто унесла бы его в Германию, на диван в уютном кабинете. И тогда в голову могли бы лавиной хлынуть воспоминания об их сказочных каникулах, усиливая тяжесть ожидания.

Тоска победила в первых числах февраля. Володя поставил диск, но решил не докладывать об этом Юре до тех пор, пока не убедится, что по-настоящему понял его написанную нотами историю.

Юра подарил ему четыре трека. Сперва Володе предстояло выяснить: это четыре главы или четыре разных рассказа? Он и так догадывался, о ком они, но о чем? Заранее решив не слушать бездумно все подряд, а переходить к следующему треку только тогда, когда поймет предыдущий, Володя сосредоточился на первом.

Каково было его удивление, когда вместо вступительных нот он услышал Юрин голос:

«Здравствуй, Володя! Эта музыка для тебя и про тебя. Я прочитал все твои письма. Не передать словами, как мне жаль, что тогда ты был совсем один. Врачи, Игорь и Света не в счет, правда? Но, знаешь, даже тогда, даже очень далеко, но у тебя был настоящий друг. Сначала он был немым, но теперь он обрел голос...»

Зазвучало пианино, но Володя не слушал его. Он замер, где стоял, ошарашенно глядя в окно. Грудь приятно стиснуло. Володя сам не понимал, почему отреагировал столь бурно — наверное, от неожиданности, ведь смысла Юриных слов он не уловил. Включив диск сначала, он приготовился снова услышать предисловие и сосредоточиться на музыке.

Володя лег на диван, закрыл глаза, и музыка перенесла его в другой дом, на другой диван. Там пахло старой мебелью и Юриным одеколоном, кружили в воздухе пылинки, а с фотографий на стенах смотрели лица. Юра устроился рядом, положив ему на грудь ладонь, и отбивал беспокойными пальцами ритм по коже. Володя обнимал его, а Юра одновременно был в двух местах: и нежился рядом, и сидел за пианино, играя звучащую в реальности мелодию.

Из фантазии Володю вырвала знакомая трель телефона — Юра написал ему сообщение: «Прости, но вечером я, скорее всего, не смогу позвонить в скайпе, очень много работы. Засяду за нее до ночи. Отпустишь?»

Володя даже не расстроился — на сегодня у него появилось очень важное и приятное занятие. Быстро ответив «Да, конечно», он отложил телефон, переключил на начало трека и снова закрыл глаза. Наслаждаясь картинкой в воображении, он не смог сосредоточиться на музыке: не получалось отпустить волшебное видение, где они вместе с Юрой в кабинете. Только к вечеру Володя пересилил себя и прислушался, стараясь понять, какую историю рассказывал ему Юра.

Первым аккордом зазвучал одинокий голос главного героя. Он был неуверенным, будто испуганным, захлебывался и тонул в тишине. Вдруг грянули другие голоса, музыка стала рваной и нервной — иногда раздражающе громкая, она подавляла главного героя. Слушать было тяжело, но в середине произведения Юра смягчился — он заглушил гомон, и в тишине зазвучал еще один голос, высокий и нежный, но тут же замолк снова. Этот голос то появлялся, то пропадал, а когда возвращался, главный герой замирал, будто прислушиваясь. В конце произведения второй голос появился опять. С каждой секундой он становился громче и увереннее, а когда раскрылся в полную силу, слился с главным героем, дополняя его, будто произнося то, что первый не мог сказать сам. Вместе они звучали прекрасно и гармонично. Минорный мотив сменился мажорным. А завершилось произведение на высокой ноте, где они оба пели победно и вдохновляюще.

В который раз переслушивая произведение, Володя улыбался с закрытыми глазами. Только одно нарушало идиллию: Герда поскуливала в такт музыке, сидя возле шкафа, в котором Володя прятал от нее адвент-календарь. Выпрашивала лакомство. Пришлось встать.

Достав из календаря горстку корма, Володя показал Герде пустую коробку и заявил:

— Видишь, это последняя? Больше не проси. — Но смягчился и добавил ласково: — Наш Юра — настоящее чудо, такой классный подарок тебе подарил. И мне.

Если подарок для собаки был хорошим, то для Володи — удивительным. Ему никто и никогда не посвящал музыку — он и помыслить не мог о подобном. А Юра взял и сделал, никого ни о чем не спрашивая.

Они созвонились следующим вечером. В груди защемило, когда Володя увидел Юру в кабинете: не только потому, что знал это место и помнил каждый его сантиметр, но еще и потому, что возвращался в этот самый кабинет буквально вчера. Пусть только в своих мыслях.

— Знаешь, я послушал первый трек на твоём диске. Юр, у меня нет слов, чтобы описать, как это приятно.

— Та-а-ак, — прищурившись, протянул тот. — Отлично, теперь рассказывай, о чем я написал.

— Экзамен мне устраиваешь? — усмехнулся Володя.

Юра закинул в рот кусочек грейпфрута и, что-то неразборчиво промычав, пожал плечами. Володя покачал головой.

— Экзамена все равно не получится, ты же все сам рассказал перед треком. Я слушал только первый. Там про меня. Сначала о том, каково мне было без тебя, а затем появился ты и все изменил.

— Ну можно сказать и так, — кивнул Юра. — Молодец! Ты уже знаешь, о чем следующий?

— Нет. И не рассказывай, я хочу сам выяснить.

Юра ласково улыбнулся, хотел что-то сказать, но отвлекся на телефонный звонок. Извинившись перед Володей, он отошел от компьютера и ответил. Несколько минут он то сердился, то смеялся, говоря, конечно же, не на русском. Володя ничего не понял. Зато ему в голову пришла мысль: а не выучить ли немецкий? В Германии, особенно в клубе и комьюнити-центре, языковой барьер подпортил Володе настроение, да и вообще хотелось знать, о чем говорит Юра с другими.

— Это была Анна, — доложил Юра, вернувшись. — Она передает тебе привет.

— О, ей тоже передай как-нибудь.

— Знаешь, а ты ей понравился. Сказала, ты в ее вкусе. — Он расплылся в хитрой улыбке.

Володя шутливо закатил глаза.

— Тогда передай ей, что я занят. Кстати! Я тут подумал: надо бы выучить немецкий...

— А у тебя есть на него время? — Юра нахмурился. — Ты смотри, это ведь не только уроки у преподавателя, но и как минимум час занятий дома каждый день.

— Говоришь так, будто я английский не учил. Я знаю, каково это, — отмахнулся Володя. — Но ради такого время найду.

— Ради какого «такого»? Ради меня? Тогда это очень хорошая мысль!

Воодушевленный идеей быть с Юрой на одной волне, Володя принялся искать курсы на следующий же день. Юра живо интересовался его успехами сначала в поиске, а затем в обучении. Грозился, что будет его проверять гораздо строже преподавателей.

И Юра приступил к обещанному уже через неделю, когда снова созвонились в скайпе.

— Давай-ка выясним, как дела с твоим немецким? — строго спросил он, оттягивая воротник кофты. — Что это?

— Сейчас, минутку, — сказал Володя и потянулся к сумке, принялся там копать. — Так. Что перевести?

Юра указал на свою шею:

— Как это называется?

Володя уставился на него. Принялся судорожно листать небольшую книжку, нашел, что искал, и неуверенно выдал:

— Hals.

Юра захохотал.

— Ты серьезно? Словарь!

— А что? Я только начал. И части тела мы еще не проходили.

— Ну ладно, пусть со словарем, — ответил Юра, вдруг сощурился и, закусив губу, прошептал: — Поцелуй-ка меня здесь, мой умница.

Володя замер.

— Прямо сейчас?

Он ужасно тосковал по Юре. По его присутствию рядом и больше всего — по ласке. Володя стал скучать уже на следующий день после приезда, а спустя еще месяц порой изнемогал так, что часами думал только о Юре. А тот еще и подливал масла в огонь, не единожды намекая: чтобы сделать друг другу приятно, вовсе не обязательно находиться рядом. Но не так же — не на работе, где этажом ниже сидит охранник.

— Целуй! — приказал Юра.

— Юр, ну это несерьезно.

Тот расхохотался.

— А должно быть?

Володя нахмурился.

— Ты меня понял.

— А ты понял меня. Давай!

Володя вздохнул. Встал из-за стола и убедился, что кабинет заперт на ключ. Подключив наушники к ноутбуку, наклонился и поцеловал монитор.

Юра довольно хмыкнул.

— А если не будешь меня слушаться, вообще ничего не покажу. — Он оттянул воротник еще сильнее, обнажил ключицу: — А теперь здесь...

— Ну хватит! Это глупо.

— Мне прекратить? — Юра прищурился. — Ты уверен?

— Я целую не тебя, а монитор, — простонал Володя.

— Ну и что? В этом мониторе ты можешь увидеть, например, вот это. — Юра приподнял кофту, обнажая живот.

Володя судорожно вздохнул — от нечеткого вида Юриного пупка перехватило дух и напряглось все тело. Юра встал, медленно расстегнул ремень, вытащил его из шлевок. Отойдя от монитора, он полностью снял кофту.

— А дальше будет то, о чем я подумал? — просипел Володя. Вместо ответа Юра улыбнулся еще шире.

Решив, что в принципе неважно, где он сейчас находится, ведь главное — у него в мониторе, Володя аккуратно снял пиджак...

* * *

Каждый вечер занятый то немецким, то плаванием, то работой, Володя никак не успевал послушать Юрин диск. Он ни за что не стал бы включать его музыку просто фоном — для нее требовалась сосредоточенность. Володя решился послушать второй трек, как только выдалась возможность — когда Юра в очередной раз засиделся за заказом.

«Как думаешь, когда в этой истории снова появился и обрел голос второй герой? Что он хотел бы рассказать тебе? И что хотел бы услышать ты? Помнишь лето восемьдесят шестого года? Я знаю: твой ответ „да“. Я тоже помню. Все до последней детали, до последнего утра, когда мы расстались. Ты хотел бы его вернуть?

Я — нет, из-за того, что случилось после. Но мне хотелось бы возвращаться в то лето почаще. Поэтому я записал его так, как оно видится мне сквозь года. Послушай и ты. И вспомни свое лето восемьдесят шестого».

Эта композиция не была исключительно фортепианной — в ней звучали еще и электрогитара, бас и барабаны. Насквозь пронизанная нежной грустью, мелодия пробуждала воспоминания об их юности. В ней слышались вкрапления какого-то очень знакомого, но давно

забытого мотива — должно быть, Юра играл ему нечто подобное в «Ласточке». Володя не разбирался в психологии восприятия музыки, но в ней разбирался Юра. В его истории чувствовался плеск реки, шелест ивовых веток, шипение радиоволн. Юрина мелодия рисовала в воображении самые сладкие моменты их юности: нега в тени ивы, заводь с кувшинками, старый театр.

Володя повернулся к окну и устремил взгляд на заснеженный двор — через пролесок и пересохшую реку, посмотрел на флагшток. Когда-то там было так красиво, но теперь не осталось ничего.

Он вздохнул. Да, они с Юрой воссоединились спустя двадцать лет. Но как можно радоваться, если все эти годы упущены? Ведь уже не вернуть тех летних дней, не вернуть двух главных героев Юриной истории, не отстроить заново тот самый лагерь, даже беседку романтиков не восстановить — еще в прошлом году Володя распорядился снести ее руины.

Слушая первый трек, он напрягал голову и слух, искал голоса главных героев и внимательно следил за сюжетом. Но вторая композиция этого не требовала — история сама собой вырисовывалась в воображении. И сюжет не выдумка, а одно конкретное воспоминание.

Сколько раз Володя мечтал о том, чтобы это воспоминание ему приснилось. Чтобы во сне перенестись в ту реальность и заново пережить тот момент.

Последние дни в «Ласточке», еще до того, как их застучала Маша. Безлюдная дорога к лодочной станции. Влажный запах дубового леса, терпкий и грибной.

Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву, пятнами устилали каменные ступени, ведущие к реке. У Володи в кармане шорт позвякивали ключи от станции. Юрка бежал впереди — он так спешил скорее добраться до лодки, подгонял Володю, чтобы поторопился, ведь дневной отбой такой недолгий, а они хотели успеть так много.

Сквозь года Володя помнил лишь Юркину широкую улыбку и звонкий смех, но лицо было нечетким, будто подернутое дымкой. Зато Володя отчетливо слышал зовущий голос:

«Ну что ты там застрял?! Давай быстрее!» — подгонял Юрка, протягивая ему руку.

А Володя стоял на верхней ступеньке и просто смотрел. Юрка снова криво повязал красный галстук и не заправил футболку в шорты. На предплечье — синяк, на колене — новая ссадина. Когда только успел?

И именно этот момент так ярко отпечатался в памяти, ведь именно в ту секунду Володя понял, что поселившееся в нем чувство бесповоротно. Что его невозможно отрицать, что от него никуда не деться. Что оно — навсегда и будет с ним до конца жизни. Он отчетливо помнил, как испугался, но тут же понял, что на самом деле его страх ничтожный, а любовь — огромная. И сокрушительная. А сокрушить она могла не только страх, но и его самого. Но сейчас Володя отказывался думать об опасности, ведь он слышал звонкий смех и смотрел на Юрку. На своего Юрочку — лучшего, талантливого, красивого. Любимого.

Володя написал Юре в офлайн: «Твоя вторая композиция невероятно красивая. Не представляю, каково тебе было ее писать, но слушать очень больно».

Юра ответил ему за полночь:

«Я не понял, так она тебе понравилась или нет?»

«Очень, Юрочка, она мне очень понравилась».

«Когда я приеду, мы послушаем ее вместе, и ты расскажешь, почему тебе стало больно».

«Я и так скажу: потому что мы потеряли много времени. И продолжаем его терять. Когда ты приедешь? Прошло почти два месяца, я понимаю, что осталось всего несколько недель, но я безумно устал ждать».

«Я тоже очень устал. И соскучился».

Юра прислал грустный смайлик и продолжил что-то печатать:

«Но придется подождать еще, до апреля, может, чуть-чуть подольше...»

Нахмурившись, Володя перечитал последнее сообщение два раза.

«В смысле, подольше?!»

«Давай позвоню».

Володя запустил скайп и сам набрал Юру.

— Почему без видео? — спросил Володя, глядя в черный экран ноутбука.

— У меня интернет весь день барахлит, если включу видео, вообще все отвалится.

— Ладно, — протянул Володя, но в голову закрались сомнения: все предыдущие разы интернет-соединение было нормальным — и тут вдруг плохое. Но Володя не стал спорить и выпрашивать — не хотел выглядеть параноиком. Тем более что возник куда более важный вопрос:

— Когда ты приедешь?

— Сегодня я должен был сдать заказ, но заказчик зарезал половину работы. Придется переделывать, а это, — Юра вздохнул, — небыстро.

— И сколько?

— Я постараюсь побыстрее, но не факт, что успею к концу марта.

— Юра...

— Что «Юра»? Что я могу сделать? — раздраженно воскликнул тот. — Володя, у меня и так стресс, а тут еще ты давишь.

— Я не хотел давить, извини. Просто... Ты знаешь...

— Знаю, — резко ответил Юра, но потом смягчился: — Ты тоже прости, я не хотел ругаться. Ты просто не представляешь, насколько я злой.

Но Володя очень даже представлял, только главной его эмоцией была не злость, а досада. От понимания, что придется ждать еще несколько недель, опускались руки. И все бы ничего, затянись только время ожидания, но начиная со следующего дня изменилось поведение Юры.

Он, всегда живущий по четкому графику, вдруг начал раз от раза отступать от него и пропускать сообщения. Володя молча терпел две недели, но в итоге все же не выдержал.

Войдя в офис, как всегда, в девять, он ожидал, что Юра привычно пожелает ему доброго утра, но его не было в ICQ. Володя написал ему в офлайн, но спустя полчаса ответа не последовало. Проверил, не вышел ли Юра в Сеть, — не вышел. Беспокоясь, все ли с ним в порядке, ведь по утрам он всегда бывал онлайн, Володя написал ему:

«Доброе утро. У тебя все в порядке? Почему не пишешь?»

«Работаю. Некогда. Вечером позвоню».

Володя взбесился:

«Ты сам установил такой график, так следуй ему!»

Не получив в ответ ни слова, он было решил больше не писать Юре, но к вечеру оттаял и напомнил, что ждет его в скайпе через час.

Юра позвонил через два.

Чего только Володя себе не напридумывал, пока ждал, и все сводилось к одному: не скрывал ли чего Юра? Ведь он мог и попросту врать насчет работы. Володя не столько ревновал, сколько свирепел от бессилия. Казалось, что от него ничего не зависит и он не контролирует Юру. Фактически Володя — половина этих отношений, но он бесполезен, потому что вокруг них царит хаос. И этот хаос через чужих людей встает между ним и Юрой и грозит уничтожить все. А Володя далеко и не может ни на что повлиять, не может защитить. Но единственная правильная мысль все же посетила его голову: если Володя продолжит в том же духе, то не хаос и не другие люди, а он сам разрушит эти отношения. Чтобы этого не случилось, пришлось побороть страх и взять себя в руки.

— Объясни мне, что происходит, — вместо приветствия начал он. — Ты почти полмесяца избегаешь и игнорируешь меня. Почему?

Юра вздохнул и опустил взгляд. Он выглядел болезненно — под глазами пролегли тени, небритое лицо похудело и осунулось, движения были заторможенными. Володе показалось, что Юра пьян.

— Я устал.

— От чего или от кого? От меня?

— Ой, ну что ты говоришь. — Юра хмуро уставился на него. — Устал от этого дурацкого заказа. Днями и ночами пишу — и все не то.

— Бракуют? — спросил Володя, а Юра кивнул.

Он молча отошел от компьютера, видимо, на кухню, потому что вскоре вернулся с бокалом в руке.

— Разве это нормально?

— Нет. Я сам тороплюсь закончить, чтобы быстрее приехать к тебе.

Володе стало неловко — Юра убивался на работе, а он вдобавок мучил его своими подозрениями. Но Юра ни о чем толком ему не рассказывал.

— Ну и пошли этого заказчика! — воскликнул Володя. — Плевать на деньги, еще заработаешь.

— На деньги, может, и плевать, а вот на репутацию — нет.

— Господи... еще и это.

— А ты как думал? Конечно.

— Да уж... Это, наверное, не совсем то, о чем ты мечтал...

— Да ладно, бывает и хуже. Если бы не торопился к тебе, относился бы к этому проще.

Они проговорили час. Связь постоянно прерывалась — Юра делал что-то еще на компьютере. Устав постоянно перезванивать, Володя отпустил его дальше заниматься своими делами, а сам отправился учить немецкий.

Он переживал за Юру: тот вкладывал душу в свою музыку, творил сутки напролет, опустошая себя, и что получал взамен? Критику от заказчиков и подозрения от Володи.

«Так дело не пойдет, — решил он. — Я не должен его подводить. Пусть кто угодно подводит, но только не я».

С того дня Юра больше не получал от него ни одной претензии, даже наоборот — Володя говорил ему только слова поддержки, уточняя, что ждет его сообщений и звонков всегда, хоть посреди ночи. Но Юра ни разу не написал ему вне графика. Впрочем, и в отведенное им самим для Володи время появлялся все реже и реже.

Юры стало отчаянно не хватать. Весь оставшийся февраль и начало марта Володя посвятил, разумеется, работе, а еще бассейну и интенсивному изучению немецкого, чтобы как можно реже оставаться один на один со своими тревогами. Спасительной соломинкой в выходные стала Юрина музыка. Он переслушивал две старые композиции, отчего-то боясь ставить новую. И напрасно — он убедился в этом, когда все же решился ее включить.

Снова в выходной, когда вернулся с пробежки весь в снегу, Володя лег на диван, представляя, что он в Юрином кабинете, и включил трек номер три.

«Ты задумывался о том, что будет дальше? Есть ли вообще будущее или достаточно только прошлого? Ведь до чего сильной и светлой была любовь тогда! Реалисты скажут, что такое не повторяется, и с ними трудно поспорить. А ты реалист? Или романтик? Неважно. В любом случае, кроме этой святой любви, есть и другие достойные крепкие чувства. В конце концов, есть другая любовь — ее называют дружбой. Спросишь меня, а что думаю я? А я ничего не знаю — могу только немножко помечтать».

И после его слов воздух наполнился звоном колокольчиков. Полная предчувствия мелодия переливалась трелями, закручивалась и плыла

под ногами и потолком. Звон бликами света вспыхивал и угасал. У Володи возникло удивительное ощущение легкости и движения — колокольчики, словно снежинки, кружились над ним. Снежинки! Должно быть, Юра писал это тогда, когда они договорились о приезде Володи под Новый год. Вот что такое колокольчики — снег и гирлянды. Затем зазвучало пианино. Юра не стал усложнять — снова два голоса. Веселые, они будто спорили друг с другом. Один голос переходил в другой, их окружал звон, и в конце все звуки слились воедино — в одну нежную мелодию.

Володя гадал, как именно Юра закончит эту историю. Но он ее не закончил, не стал ставить точку — музыка становилась все тише и тише, будто отдаляясь, пока не угасла совсем.

Чтобы догадаться, в чем именно состоял Юрин замысел, Володе не пришлось переслушивать этот трек несколько раз. Да, он поставил его на повтор, но вовсе не потому, что не понял. Эта мелодия ему очень понравилась — она вызвала улыбку, подбодрила, сбросила тяжесть с сердца.

Володя потянулся к телефону, написал Юре:

«Я послушал третье произведение. Так ты, оказывается, все знал и ничего мне не сказал! А я в Германии голову сломал, гадая, как к тебе подступиться!»

Юра ответил на удивление быстро:

«Что знал? Что ты не сможешь передо мной устоять? Конечно, знал!»

Володя хмыкнул — с самооценкой у Юры определенно не было никаких проблем.

«Я думал, ты сомневался».

«Сомневался, но, знаешь... черт, у тебя были такие красивые очки».

Володя невольно рассмеялся.

«Я смотрю, у тебя хорошее настроение».

«Сейчас у тебя тоже будет! — Юра прислал смайлик в темных очках. — У меня приняли заказ! Через две, максимум три недели я приеду!»

От такой новости Володя резко сел.

«Да ладно?! Пошли в скайп?»

«Не могу, я в студии. Сегодня вечером хотим с ребятами отметить это дело, дома буду поздно».

«Трезвый и один, я надеюсь?»

«Чего?» — не понял Юра.

«Веди себя хорошо», — написал Володя и, продолжая улыбаться, поехал в бассейн.

Юра вернулся в полвторого. Володя прочитал его сообщение уже утром: «Я дома. Пошел спать. Сладких снов!»

Володя надеялся, что теперь у Юры появится больше времени. Но как бы не так. В последние две недели они переписывались раз в день, чаще всего перед сном, а созванивались и того реже.

Не имея возможности видеть его даже в скайпе и изнемогая от тоски, Володя стал часто пересматривать их фотографии. Он распечатал и поставил в рамку на прикроватную тумбочку свою любимую. Одну из первых, что сделал Юра на новый фотоаппарат, — где они лежали на кровати и Володя целовал его в щеку. Смотреть на их счастливые лица было приятно и грустно одновременно — Германия и все, что происходило с ним там, теперь казалось сном.

В начале апреля, за день до Юриного приезда, воздух запах весной. Наслаждаясь им, пьянящим и сладким, Володя сел в машину и поехал из офиса домой. Глядя на дорогу, он смаковал мысль о том, что осталась всего одна ночь — и уже завтра в это же время рядом с ним будет Юра.

Вечером Володя решился послушать последнюю Юрину композицию. Ведь по приезде тот наверняка спросит: послушал ли, понял ли? И нужно будет что-то ответить.

«Я хотел завершить цикл произведений предыдущим. Но вспомнил о жизни второго главного героя без тебя. Быть может, ты хотел бы послушать рассказ о нем? Ведь за два десятилетия разлуки многое произошло, многое, как и сам герой, изменилось. Не изменилось, пожалуй, только одно: память о тебе и те чувства, что он бережно хранил все эти годы».

После столь трогательного вступления Володя ожидал услышать нежные фортепианные звуки, и каково было его удивление, когда из динамиков на весь дом грянула электронная музыка. Если классическую он научился худо-бедно понимать, то электронную не получилось ни с первого, ни со второго раза. Володя скорее

воспринимал ее, чем понимал, и прислушивался к своим ощущениям. Музыка, то импульсивная, то спокойная, ассоциировалась у него с полетом в космосе. Герой Юриной истории парил среди звезд в невесомости, окруженный вспышками света — звуками и голосами. Казалось, Володя слышал там и свой голос, но его постоянно заглушал другой, куда более громкий.

Володя выключил диск. Как ни старался, он не понял этот трек, да и думать о нем не хотел — уже завтра его ждало нечто более важное, более дорогое, чем Юрина музыка. Сам Юра.

Глава 16

Другая любовь

Самолет Минск — Харьков приземлялся без пятнадцати шесть по киевскому времени. Володя весь день прокручивал в голове одну мысль и никак не мог в нее поверить — совсем скоро Юра будет здесь, в Харькове, рядом. Но пока он не увидит Юру собственными глазами и не коснется собственными руками, их встреча будет казаться ему сном. А время с самого утра не просто тянулось — оно словно застыло.

Володя не мог усидеть на месте — сгорая от нетерпения, он пришел в офис до открытия, лишь бы скоротать часы до поездки в аэропорт. Этой ночью ему очень плохо спалось. Пытаясь улечься поудобнее, он проворочался до трех, представляя, как встретит Юру, как наконец-то увидит его вживую, а не в мониторе.

После обеда пришло СМС от Юры:

«Я в Минске. Вылет без задержки. Скорее бы уже оказаться у тебя».

«Встретимся в зале ожидания».

«Окей, я буду в бежевом пальто!»

Володя рассмеялся и отправил:

«Да я тебя и без пальто узнаю».

И вдогонку написал:

«Кстати, пока не забыл: будь осторожнее с Гердой! Когда я приехал, она набросилась на меня с ласками и повалила в самую грязь».

«Пф... Герда. Вообще-то я рассчитываю, что набросишься на меня ты... С поцелуями».

«Думаю, так и случится».

И вот уже дорога в аэропорт, сорок минут до посадки. Съезжая с окружной, Володя гадал — интересно, о чем сейчас думает Юра, пролетая высоко-высоко над землей, уже, скорее всего, над Харьковом или в его окрестностях? Спит или читает? Слушает чужую музыку или придумывает свою? Остановившись у площади, примыкающей к

зданию аэропорта, Володя уставился на серые тяжелые облака в надежде разглядеть серебристую точку самолета. Подумать только — Юра где-то там. Каким взглядом он смотрит вниз? Таким же, как Володя — вверх?

Хотелось смеяться.

«Надо же, стою тут посреди парковки и улыбаюсь тучам, как дурак!»

Входя в зал ожидания, Володя собрался с мыслями. На табло уже горел номер рейса и время прилета. Еще десять минут... Володя с трудом сдерживался, чтобы не начать отсчитывать секунды.

Он слышал рев двигателей приземляющегося самолета, потом — увидел его в огромном окне, выходящем на взлетную полосу. Десять минут растянулись в полчаса: ведь еще паспортный контроль, потом багаж. Юра — с чемоданом в правой руке и пакетом из дьюти-фри в левой — спустился в холл вместе с цепочкой других пассажиров. Посмотрел по сторонам, тут же заметил идущего к нему Володю и расплылся в улыбке.

Первым порывом было — обнять. Но в последний момент Володя, уже схватив Юру за плечи, замялся. По ушам ударил посторонний шум: гомон людей, эхом отражающийся от стен холла, цокот каблучков по мраморным плитам, механический голос диспетчера из громкоговорителя. Они не наедине, уместны ли будут объятия? Так и держа Юру за плечи, Володя просто смотрел ему в лицо, а тот, вдруг подавив улыбку, прошипел сквозь зубы:

— Не обнимешь сейчас же — прямо тут поцелую.

Угроза подействовала — из двух зол Володя выбрал меньшее: притянул его к себе и обнял, стараясь, чтобы объятие сошло за дружеское. Но не получилось — он не смог отпустить его сразу, наслаждаясь запахом Юриных волос. А Юра умудрился прикоснуться губами к Володиной шее так, что по коже побежали мурашки. Разомкнуть объятия оказалось непросто. Но, заметив краем глаза, как проходящая мимо женщина при взгляде на них скривилась, Володя все же отступил.

Сложив вещи в багажник, они уселись в машину, и у Юры зазвонил телефон. Открыв сообщение, тот улыбнулся.

— Во дает! Я толком приземлиться не успел...

— Кто там тебя уже?..

Юра показал ему экран телефона. Володя, выезжая с парковки и следя за дорогой, мельком разглядел только имя контакта: Sidorova.

— Маша, что ли? Чего хочет?

— Представляешь, увидеться со мной. Говорит, что если откажусь, то она меня проклянет.

Володя хохотнул, вспоминая заговор на мухах.

— Да уж... во всякой сверхъестественной чуши она эксперт.

Впервые в жизни Володя пожалел, что живет за городом. И вроде бы по окружной ехать не так уж и долго, но дорога до дома казалась ему вечной. Юра полпути перекидывался с Машей сообщениями, потом рассказывал о полете — как самолет пару раз попадал в турбулентность, а Юра мучился от тошноты. Володя старался слушать внимательно, но то и дело подумывал остановить машину где-нибудь посреди поля, чтобы бросить наконец руль, повернуться к Юре и... Да он даже и не знал, чего хочет больше: то ли накинуться на него прямо тут, то ли просто обнять, еще крепче, чем в аэропорту, и никогда не отпускать. Он так соскучился!

Но даже по возвращении домой им не сразу удалось остаться наедине — стоило только открыть калитку, как Герда чуть не снесла Юру с ног. Повезло, что на улице не было слякоти, иначе Юрино однотонное бежевое пальто моментально превратилось бы в пятнистое.

— Герда, фу! — прикрикнул Володя, но собаке все было нипочем, как и Юре — совершенно счастливый, он бросился трепать ее за бока. — Ну ты же сейчас весь в шерсти будешь...

— Ну и ладно, — отмахнулся тот, — у Герды шерсть под цвет моего пальто. Мы с тобой стильные, да, девочка? — Он засмеялся. — Надо же, не видела меня полгода, а помнит!

— Тебя забудешь... — проворчал Володя, закатывая его чемодан в дом.

Юра зашел следом и захлопнул дверь за собой. Герда обиженно тявкнула с другой стороны, но он уже не обратил на это внимания — снял пальто, повесил его на крючок, повернулся к Володе и замер, глядя ему в лицо. Тот закусил губу — его тянуло словно магнитом. Он шагнул к Юре, обхватил ладонями его лицо и ткнулся носом в холодную щеку:

— Юр... Юра...

— М? Что такое? — Тот коснулся теплыми пальцами его шеи, приблизился к губам, но не поцеловал, только еле-еле дотронулся.

Володя качнул головой, прикрыл глаза:

— Соскучился очень...

Не открывая глаз, он нашел его губы — мягкие, податливо раскрывшиеся навстречу. Мир вокруг замер. В голове закружились сбивчивые мысли: все-таки дождался, Юра здесь, это по-настоящему... А потом и они затихли. Остались только ощущения: Юрины пальцы в волосах, вкус его мятной жвачки, гладкая кожа под ладонями — Володя и сам не заметил, когда залез Юре под джемпер. А еще стало очень жарко.

Володя сбросил пальто на пол. Юра перехватил его руки у пряжки своего ремня. Подставляя под поцелуи подбородок, тяжело дыша, прошептал:

— Володь, стой... — И, вопреки своим же словам, притянул еще ближе. — Володь, я с дороги, мне в душ нужно.

— Да, хорошо... — Тот поцеловал его в шею. — Сейчас... — И добрался губами до выреза джемпера. — Сейчас я тебя отпущу...

И он правда отпустил, сделав над собой невероятное усилие.

Юра пошел в душ. Володе не сиделось на месте — сперва он позвал домой Герду, а потом, схватив ненужное Юре полотенце, заглянул в ванную.

— Тут же есть полотенце, — улыбнулся тот.

— Держи еще одно, — сказал Володя, а сам не мог оторвать от него взгляда — Юра успел раздеться и стоял в одном белье. — Где всякие там гели и шампуни, ты помнишь, да?

— Я уже достал свои. — Но он не спешил закрывать дверь, так и держался за ручку, глядя на Володю.

— Что? — растерянно спросил тот.

— У тебя взгляд как у Герды.

Володя вздернул бровь.

— Почему?

Юра пожал плечами.

— Ну, когда она просит ласки, выглядит примерно так же... — Распахнув дверь настежь, он отошел к душевой кабине, повернул кран. — Ты со мной?

Володе не нужно было предлагать дважды.

А несколькими минутами позже Володя почти выпал из реальности. Шумел душ, по телу стекали струи горячей воды. Он обнимал Юру, целовал его мокрые плечи, прижимал и прижимался, касался везде, где только хотел. Но вдруг Юра, обернувшись, спросил:

— Как у тебя успехи с немецким?

Володя аж поперхнулся:

— Нашел время для экзамена...

Тот засмеялся:

— Ну давай-ка, скажи что-нибудь по-немецки.

Володя мотнул головой — сейчас и на русском-то думалось с трудом, куда уже там на другом языке. Но он все же вспомнил кое-что выученное недавно.

Он прижался к Юриной спине, ткнулся губами в его ухо:

— Ich will dich^[4], — сказал медленно и полупшепотом, сомневаясь, что произнес правильно и что Юра вообще расслышал его за шумом воды. Володя поцеловал его в затылок, снова вернулся к уху и добавил: — Очень.

Тот задрожал — то ли от смеха, то ли от щекочущего дыхания Володи. Но потом выскользнул из объятий, повернулся лицом, потянулся к губам и перед поцелуем шепнул:

— Warte auf die Nacht...^[5]

* * *

Володя готовил ужин, пока Юра, сидя за его ноутбуком, планировал отпуск: договаривался с Машей о встрече, изучал афишу спектаклей и концертов. Идей, чем заняться в эти две недели, у него появилось много. Володя даже немного жалел — ему хотелось весь Юрин отпуск вообще никуда из дома не выходить, хоть он и подозревал, что затворничество быстро наскучит им обоим.

Накрыв на стол, Володя достал из шкафчика заранее купленный ром. Увидев бутылку, Юра вздернул брови.

— Специально купил? Мне?

Тот, ухмыльнувшись, пожал плечами.

— Надеюсь, угодил с маркой? Если что, давай твой откроем?

Юра хмыкнул:

— Все в порядке. Ром — он и в Африке ром. Я всякий пью.

Поев и выпив полстакана, Юра начал зевать, хотя на часах даже девяти не было. Глядя на него, Володя вздохнул — он давно, еще в скайпе, стал замечать, что Юра выглядел хронически уставшим. А в реальности эта усталость проявилась куда сильнее: он похудел, скулы заострились, под глазами залегли глубокие тени.

Володя обеспокоенно спросил:

— Юр, ты не приболел?

Но тот лишь отмахнулся:

— Все в порядке, просто нужно выспаться. Завтра приду в себя — я же все-таки в отпуск приехал.

Разговор не клеился. Володя поймал себя на странной мысли: с непривычки ни он, ни Юра не находили нужных слов и вопросов. Постоянно общаясь в онлайн, оба знали, чем каждый живет, и тоска проявлялась только в невозможности почувствовать физическое присутствие рядом. Наверное, поэтому ощущение, будто они давно не виделись, было неявным и приглушенным.

Переместившись на диван в гостиной, Юра стал пересказывать планы на предстоящий отпуск. Он порядком захмелел — странно, что его повело с одного стакана.

— Нужно нагуляться по городу, раз в прошлый приезд не успел. Все-таки я здесь вырос, интересно, насколько все изменилось. — Он уютно устроился у Володи на плече, а тот приобнял его за талию. — Когда писал твой диск, так понравилось превращать воспоминания в музыку, что теперь хочу по приезду домой записать детство и память о Харькове — для себя. Жутко устал за эти два месяца, ни дня не нашел для своей музыки, одна работа...

Володя пропустил между пальцев пару прядей его волос, зарылся носом в макушку.

— Ты правда выглядишь замученным.

— Да ладно, неужели так заметно? — Он поднял голову, недоверчиво посмотрел Володе в лицо. Тот кивнул, положил ладонь ему на щеку, погладил большим пальцем.

— Ты похудел. Наверняка питался как попало, а то и вообще поесть забывал?

Юра пожал плечами и виновато улыбнулся.

— Ну, может быть, иногда... Но ты же меня откормишь?

— Конечно!

— Ой, чувствую, зря спросил. Вижу, что откармливать меня будешь одной овсянкой, вареной куриной грудкой и салатами...

Он взял пульт от телевизора, стал бездумно щелкать каналы. Остановился на какой-то мелодраме.

— Так странно слышать украинский из телика, — прокомментировал Юра. — Будто в другой мир попал.

— Когда приезжал к тебе, мне было так же странно слышать отовсюду немецкий. Но ты-то хотя бы понимаешь, о чем тут говорят, а я вообще... как инопланетянин.

— Но сейчас-то ты уже можешь кое-что перевести? — лукаво улыбнулся Юра.

Володя пожал плечами.

— Я хожу на курсы всего пару месяцев... Читать худо-бедно умею, но на слух воспринимаю тяжело. Хотя если говорят что-то несложное медленно и четко, то понять могу. А сам говорю плохо, пока не получается быстро и без запинки выразить мысль. Еще и слова заковыристые. Вот твой немецкий красиво звучит, мягко, а у меня — как сплошное гарканье.

Юра рассмеялся, запрокинув голову. Так и оставшись полулежать, упираясь шеей в спинку дивана, тронул Володино предплечье. Тот повернулся и наклонился к нему, а Юра, улыбнувшись, поправил его сползшие на нос очки.

— У тебя красивый голос, Володь, на каком бы языке ты ни говорил. Мне в юности так нравилось тебя слушать...

— А теперь не нравится?

— Нравится! Но сейчас ты говоришь по-другому: «г» мягче, «ш» протяжнее, в общем, перенял харьковский акцент. А раньше «акал», как типичный ма-а-асквич. Меня это жутко бесило! — Он хохотнул и тут же стал серьезным. — А потом... потом мне все в тебе начало нравиться.

У Володи сжалось сердце от этого признания будто из далекого прошлого.

— Странно помнить голос человека спустя два десятка лет, правда? — спросил Юра.

— Не знаю, — ответил Володя. — С твоим-то слухом что в этом может быть странного?

— Значит, мой голос ты не помнишь?

Володя покачал головой и сказал честно:

— Плохо. Помню, что он был звонкий: когда ты кричал на малышню, аж в ушах звенело. Интонации какие-то помню, но буквально воспроизвести в голове его звучание не могу. Да уже и смешалось все — я привык к тому, как ты говоришь теперь... Так мягко и вкрадчиво, с приятным акцентом. И мне кажется, чуть с хрипотцой, да?

Юра, улыбаясь, развел руками.

— Тебе виднее, я-то себя совсем по-другому слышу.

— Забавно, — протянул Володя, — я никогда ни с кем не обсуждал, как звучит чей-либо голос. Даже мысли не возникало.

— Просто раньше у тебя не было парня-музыканта, — хмыкнул Юра.

— Вообще-то был, — не согласился Володя с наигранной серьезностью. — Давно, правда, лет в восемнадцать...

Юра хохотнул и ткнул его пальцем в лоб.

— Тогда ты не считал меня своим парнем.

— Но это же было очевидно.

Юра фыркнул:

— Кому? По-моему, даже Сидоровой это было очевиднее, чем тебе! — И он, передразнивая, припомнил: — «Особенный друг, особенный друг» — вот что ты говорил!

— Так это же синоним!

— Не согласен! — воскликнул Юра и закинул руки Володе на шею, потянул его на себя. Тот придвинулся вплотную и почувствовал, как Юра барабанит пальцами по его спине. — Немного грустно вспоминать, какими мы были. Хотя порой мне кажется, что ты не сильно-то и изменился. Вроде стал старше, солиднее... Серьезнее? — будто сам у себя спросил он и тут же ответил: — Да нет, ты всегда был серьезным, но в тебе легко узнать прежнего Володю. Я изменился сильнее.

Володя не понял, вопросом или утверждением была последняя фраза. Он не хотел отвечать — вдруг обидит Юру. Да, людям свойственно меняться, тем более спустя столько лет. Но в нынешнем Юре Володя действительно видел очень мало от него прежнего.

— Помнишь, я сказал на записи, что не хотел бы возвращаться туда, в прошлое? Это правда. Потому что там мы с тобой снова

расстались бы, там мы не смогли бы быть вместе. А тут можем. Но я так боюсь, что ты не примешь меня таким, каким я стал.

Володя разомкнул объятия, приподнялся и с тревогой посмотрел ему в лицо.

— Что за глупости ты говоришь? Юра, то, что было между нами в молодости, очень важно. Но здесь и сейчас оно не имеет никакого значения. Юность ушла, а мы с тобой тут, вместе, и какой смысл цепляться за прошлое? Я уже прошел эту стадию. Влюбился в тебя заново. В такого, какой ты есть сейчас, а не был когда-то.

Юра запустил пальцы в волосы на его затылке, потянулся к губам.

— Хорошо, — прошептал он, закрывая глаза. — Главное, чтобы ты не пожалел.

— Как я могу... — начал было Володя, но не стал заканчивать фразу, а просто поцеловал его.

За окном залаяла Герда — Володя час назад выпустил ее гулять во дворе. Пока он вытирал собаке лапы, Юра успел задремать прямо на диване в гостиной. Точнее, Володе так показалось, потому что тот, подложив локоть под голову, просто лежал с закрытыми глазами. В телевизоре кто-то за кем-то бежал, крича признания в любви. Боясь, что шум может разбудить Юру, Володя аккуратно вытянул пульт из его пальцев и выключил телевизор. Но Юра, не открывая глаз, вдруг сказал:

— Включи обратно, я слушаю.

Не удивляясь, Володя улыбнулся — вспомнил, что Юра чаще слушает, чем смотрит кино. И правда: когда сцена закончилась, а вместе с ней замолкла сентиментальная музыка, Юра открыл глаза и приподнялся.

— Так себе саундтрек, — вынес он вердикт. — Тут любовь-морковь, а музыка рассказывает, будто они умрут прямо сейчас...

— Юр, ну это же проходной сериал. Кто станет писать для него шикарное сопровождение...

— Качественная работа звукорежиссера и композитора как раз таки может сделать его не таким уж и проходным. — Юра зевнул.

— Пойдем в постель. Мне кажется, ты уже засыпаешь.

— Пойдем-пойдем... Я ведь тебе еще кое-чего обещал сегодня.

Он подвигал бровями и поднялся, потянувшись так, что задралась майка, на долю секунды обнажив впалый живот. Предвкушая

продолжение вечера, Володя судорожно вздохнул, но, заметив, как Юра прикрывает рукой очередной зевок, мягко улыбнулся.

— Обещания подождут до завтра.

Он взял Юру за руки и потянул в спальню. Но тот, обняв Володю за плечи, повис на нем и капризно протянул:

— Я не хочу никуда идти. Положи меня на место.

Володя закатил глаза.

— Детский сад «Ромашка»... — Герда, соглашаясь с ним, сердито твякнула. — Даже собака велит прекратить баловаться и идти в кровать.

— Ладно-ладно, слушаюсь! Развелось командиров...

Юра и правда очень устал. Он уснул почти сразу — Володя всего на пару минут отошел покормить Герду, а когда вернулся, тот уже тихо сопел, натянув одеяло до подбородка. Выключив светильник, Володя аккуратно залез к нему — Юра не проснулся, только, придвинувшись, уткнулся носом ему в грудь.

А Володя еще долго лежал, не смыкая глаз. Прислушивался к себе — к теплу, разливающемуся внутри, к умиротворению и спокойствию, которые уже однажды обрел в Германии и по которым ужасно соскучился за прошедшие месяцы.

* * *

Пока утомленный перелетом Юра спал, Володя отправился на пробежку. А вернувшись и отворив двери дома, он задержался на пороге. Сердце грело приятное ощущение, что его дом больше не пустует, что в нем есть другой человек, любимый. Украдкой заглянув в спальню, Володя умилился — Юра лежал свернувшись калачиком, в обнимку со второй подушкой.

Он проснулся лишь ближе к одиннадцати. Володя кормил Герду и варил кофе, когда Юра вышел на кухню босиком и прижался к его спине.

— Доброе утро.

— Доброе. — Володя хотел развернуться, чтобы поцеловать его, но в турке закипел кофе, а Юра тут же прошмыгнул в ванную.

— Что у тебя с распорядком дня? — спросил он, вернувшись. — Я-то молодец, что приехал в отпуск, а у тебя ведь работа...

Володя отмахнулся.

— Я тоже взял отпуск — не хочу отвлекаться. Не сгорит без меня фирма, — уверенно ответил он, хотя на самом деле сомневался в этом. — Мне, конечно, пару раз придется съездить в офис, кое-что подписать да решить по проектам. Но в целом... зачем мне Брагинский, в конце концов?

— Ясно. Просто я тоже не хочу тебя отвлекать...

Володя делано возмутился:

— Это не ты меня отвлекаешь от работы, а работа отвлекает от тебя. Ты приехал совсем ненадолго, я смогу отложить свои дела.

Юра опустил взгляд в чашку с кофе.

— Спасибо... — пробормотал он негромко и вдруг встрепенулся: — Кстати! Ты послушал весь мой диск, до конца?

Володя кивнул:

— Да, но последняя композиция... если честно, ее я не понял. Решил, что раз ты приезжаешь и раз этот трек о тебе, то послушаем вместе, чтобы ты мне все объяснил... Ты не обидишься?

Юра замотал головой.

— Нет, конечно. Я так и думал, что последний для тебя будет сложнее, ведь ты не знаешь моей истории. Ладно, послушаем, но давай не сегодня. Сегодня мы идем гулять с Машей! Она мне уже весь телефон оборвала.

— О господи, еще же рань!

— А ты думал, чего это я проснулся до обеда? Думаешь, сам?

— Вот ведь... — пробурчал Володя. — Лучше бы я тебя разбудил как-нибудь... поинтереснее...

Юра мечтательно улыбнулся, но тут же мотнул головой, будто сгоняя с себя остатки сна, и весело скомандовал:

— Так, решено: одеваемся — и в Харьков!

Приезду Юры радовался будто не только Володя, но и сама природа. Весна уверенно отвоевывала у зимы свои права: небо прояснилось, солнце слепило глаза, пели птицы. Услышав веселое щебетание, Володя отчего-то вспомнил редкую гостью в этих местах — ласточку, что прилетала к нему во двор прошлой осенью.

— Хорошо здесь, когда нет дождя и грязи, — прокомментировал Юра, выйдя на улицу. И, глубоко вдохнув, сказал: — Весной пахнет.

Володя выгнал Герду из дома во двор, насыпал в миску возле будки корма и направился к машине.

— А если дождь пойдет? — спросил Юра, следуя за ним. — В смысле, Герда ведь на улице...

— Во-первых, я не закрываю двери дома, она умеет цеплять их лапой и открывать. Ну а в крайнем случае у нее есть огромная будка, куда мы с тобой даже вдвоем поместимся.

— А не страшно оставлять двери открытыми?

— Так ворота во двор закрыты.

Юра ничего не ответил, лишь многозначительно хмыкнул.

С Машей договорились на три часа дня, а до этого времени решили пройтись по парку Шевченко. Впрочем, долго гулять не вышло. Юра надел тонкие белые брюки и быстро замерз, да и Володя, привыкший ездить на машине, а не ходить пешком, тоже ощутил всю обманчивость весны. Солнышко-то пригревало, а вот ветер еще дул холодный, так и норовил пробраться под одежду и украсть все тепло. Поэтому они решили отложить осмотр Харькова на другой раз, а Машу дожидаться в кафе рядом с метро. Но той не сиделось дома, и она позвонила на полчаса раньше оговоренного времени. Сообщила, что уже ждет под Градусником.

Юра заметил ее издалека, замахал рукой. Володя удивился — надо же, столько лет не видел, а сразу узнал. Еще больше удивился, когда, вместо того чтобы просто поприветствовать, Юра подхватил ее и закружил в объятиях — та аж взвизгнула.

— Сидорова! — воскликнул Юра, ставя ее на ноги. Держа за плечи, он уставился на нее, прищурился и вынес вердикт: — Какая была, такая и осталась!

Та цокнула, закатив глаза.

— Да ладно тебе, Конев! А сам-то! — И заулыбалась. — И вообще-то я уже давно не Сидорова...

— Для меня ты всегда останешься Сидоровой... Потому что ты, коза, мне всю жизнь испортила, — расхохотался Юра.

Маша не обиделась, уловила шутку и тоже засмеялась, но для приличия легонько стукнула Юру по плечу.

— Надо же, — прокомментировал Володя, когда наконец они обратили на него внимание. — А помнится, раньше прямо терпеть друг друга не могли.

Юра прыснул:

— Я так выражал свою любовь к ней!

Маша кокетливо откинула с плеча волосы и снова закатила глаза.

— Ой, да на кой ты мне сдался!

— Да уж, куда там я? То ли дело Володя! — съехидничал Юра.

Маша прыснула и многозначительно посмотрела сперва на одного, потом на другого.

— Действительно — то ли дело Володя, да, Юра?

Продолжая неоднозначно шутить, они направились в кафе. Володя еще не успел проголодаться и выпил воды, а Юра заказал себе мороженого. Маша, кокетливо сославшись на диету, ограничилась чаем.

Володя в основном слушал, говорили больше Юра с Машей. Они вспоминали свои смены в «Ласточке», общих друзей и забавные истории. Володя, лишь однажды побывавший в этом лагере, едва ли мог поддержать тему, да и не хотел мешать — с Юрой он еще успеет наговориться. Минут через тридцать стало понятно, что беседа бывших заклятых врагов закончится еще нескоро, и Володя решил ненадолго оставить их — пройтись до работы.

До офиса отсюда было рукой подать — через площадь Конституции вниз по Сумской.

Володя забрал книги по немецкому, раздал поручения сотрудникам и, встретив Брагинского, позвал его в кабинет.

— И как же это тебя на работу занесло в отпуске-то? — Он развел руками.

— Да разве вас так просто бросишь? — скривился Володя. — Возьмете и вообще все фуры на границе забудете.

— Ой да перестань! — отмахнулся Брагинский. — Наша-то в чем была вина?

— В том, что мне не сообщили. Дим, давай, чтобы больше такого не повторилось, договорились?

— Так точно, товарищ начальник, — отшутился тот. — Куда поедешь, кстати?

— Поеду? А, отпуск... Я остаюсь в Харькове, у меня тут... дела.

Прищурившись, Брагинский торжественно развел руки и медленно кивнул.

— Те же дела, что и в новогодние каникулы? То-то, я смотрю, зачастил ты в отпуска, Вов! Когда проставляешься?

Володя лишь устало вздохнул:

— Жениться я не собираюсь, если ты об этом.

— И правильно! — Брагинский похлопал его по плечу. — Зачем торопиться? Всему свое время! Ну давай, иди с богом, семья — это самое важное.

Пусть Брагинский не знал о Володе всю правду, но за годы дружбы с отцом он стал воспринимать его как родного сына, о чем, особенно под градусом, заявлял открыто. Брагинский искренне любил Володю и, узнай о нем правду, возненавидел бы с той же искренностью. Во всяком случае, так считал Володя, поэтому при общении с ним всегда был начеку и старался не завираться.

Вернувшись в кафе, Володя обнаружил, что заклятые друзья уже успели приговорить две бутылки шампанского. А Маша, еще час назад следившая за фигурой и пьющая лишь чай, теперь с удовольствием уплетала десерт из сливок, фруктов и шоколада. Когда Володя подошел к столику, она что-то заговорщицки шептала Юре, перегнувшись через стол, и хихикала.

— Интересный тут чай подают, — заметил Володя. Он присел рядом с Юрой, потянулся к меню. — Пообедаем? Или вы сегодня только шампанским с десертами питаетесь?

Юра широко улыбнулся и пожал плечами.

В отсутствие Володи эти двое, видимо, успели перебрать все истории из «Ласточки», поэтому теперь Маша расспрашивала Юру о Германии. Тот с энтузиазмом рассказывал, и Володя, уже ориентируясь в теме, даже смог поддержать беседу.

Где-то через час Маша начала зевать — еще бы, после двух-то бутылок шампанского. Юра тут же вскочил и потянул всех гулять в парк, несмотря на логичные доводы трезвого Володи, что на улице к вечеру похолодало еще сильнее.

Впрочем, до парка они так и не дошли. Сумскую в этот день продувал порывистый ветер, и, когда они добрались до ХАТОБа, Маша уже постукивала зубами.

— Я же говорил, что замерзнем, — проворчал Володя. — Никто меня не послушал.

Маша отмахнулась и вдруг ткнула пальцем в афиши на здании театра:

— О, Володь, смотри, опять «Призрак Оперы» в мае приезжает!

— Ты хочешь сходить еще раз?

Маша замотала головой.

— Да нет, зачем, уже ходили ведь... Лучше на что-нибудь новое. Хотя, может, Юре интересно? Юра, ты видел «Призрака Оперы»?

— Конечно, — кивнул тот. — Действительно, уж если идти, то на что-нибудь другое.

— Почему? Тебе не понравилось? — затараторила Маша. — Как же так? А Володя говорил, что это ты посоветовал купить билеты именно на «Призрака»...

— Ну я знал, что тебе понравится, — улыбнулся Юра. Он зашагал вдоль выключенного фонтана, с любопытством заглядывая за парашют. — Ты ведь у нас романтическая особа, да? Тогда этот мюзикл как раз для таких, как ты.

Подойдя к нему ближе, Маша тоже заглянула в фонтан и фыркнула:

— Да, мюзикл же о любви, конечно, он романтический, и мне он понравился! Правда, грустный...

Володе ничего не оставалось, кроме как тоже подойти к фонтану. Он посмотрел вниз и едва сдержался, чтобы не хмыкнуть: ничего интересного — лишь покрытая коркой льда грязноватая вода на дне. Но Юра, продолжая смотреть туда, спросил:

— Почему грустно?

— Ну в конце ведь он исчез, Призрак-то, который Фантом, — объяснила Маша. — Вот и грустно! Он же умер? Или вроде того?

Юра сунул руки в карманы пальто и дернул плечами.

— Не знаю. Но концовка очень справедливая, я считаю. Ведь его любовь к Кристине была совершенно эгоистичной и неправильной: он любил ее как музу, как... — Юра задумался. — Он не любил ее как человека. Голос Кристины — это всего лишь инструмент для его творчества. И, зная, что она любит другого, Призрак все равно пытался заполучить ее манипуляциями и силой, он был готов даже навредить ей.

Маша замерла, очарованно глядя на Юру — даже рот приоткрыла.

— А я и не задумывалась о таком подтексте... — протянула она.

— А мне всегда казалось, что это все лежит на поверхности. И я удивлялся, почему люди все еще считают это произведением о любви. Но ведь это мой личный взгляд. Я вечно придираюсь к мелочам, если дело хоть косвенно связано с музыкой, — работа такая.

— Эх, Юрка, какой ты умный! — воскликнула Маша. И приподняла ворот плаща, укрываясь от очередного порыва ветра. — Но давайте, наверное, мальчики, по домам. Прав был Володя: я уже окоченела!

Володя с облегчением вздохнул — наконец-то нагулялись.

— Тебя домой подвезти? У меня машина на Рымарской припаркована.

* * *

Помня две прекрасные недели в Германии, Володя старался сделать так, чтобы каждая проведенная в Харькове минута тоже стала волшебной и вдохновляющей для Юры. Пусть Володя и не хотел сравнивать эти два отпуска, но все равно сравнивал даже в мелочах. Например, его гостиная с камином была безусловно стильной, но не такой уютной, как Юрин кабинет, — здесь было пусто и уныло. Голые деревья и жухлая трава за панорамным окном тоже радости не добавляли. Но Володя все равно попытался воссоздать похожую атмосферу. Перед тем как отправиться готовить ужин, выключил свет, зажег камин, и по дому заплясали отблески огня.

Мокрый после душа, закутанный в Володин халат Юра заглянул через плечо в сковородку и скривился:

— Фу, это что, стручковая фасоль?

— Да ладно тебе, она же вкусная. А с курицей и рисом тем более. И, кстати, полезно.

— Эх, это не Харьков, а оздоровительный санаторий какой-то. Чувствую, за две недели отпуска я тут не только отъежусь, но еще и помолодею лет на десять. — Он весело хохотнул и, чмокнув Володю в щеку, уселся за стол. — Что у тебя там на работе, кстати?

— Ничего особенного. Сходил, забрал кое-какие документы. Нужно будет еще счета проверить, но в целом я теперь в твоём полном распоряжении.

— Супер!

Володя поставил перед ним тарелку. Юра, все еще скептически кривясь, попробовал еду, задумчиво пожевал, хмыкнул, вынес вердикт:

— Не так уж и плохо! — И принялся с аппетитом уминать порцию. — Кстати, и какие у нас планы на эту неделю?

— Не знаю. Ты собирался много куда сходить, Харьков посмотреть. Только надо одеться потеплее. А еще, помнишь, Ира с Женей хотели с тобой повидаться, можем заглянуть к ним в гости. — Он задумался, вспоминая, что еще они планировали на отпуск, когда Юра, ласково улыбнувшись, поманил его пальцем. — Что? — игриво спросил Володя и шагнул навстречу.

Юра вцепился в его футболку, подтянул к себе и, обняв за талию, прильнул к его груди щекой.

— Не хочу никуда ходить, там такая мерзкая погода! Давай весь отпуск просидим дома, будем смотреть фильмы, пить ром и... — Не размыкая объятий, Юра поднял на Володю взгляд. — Не вылезать из кровати.

Володя взъерошил его волосы и широко улыбнулся.

— Это лучший на свете план!

* * *

Следующие две недели действительно стали едва ли не самыми лучшими за всю Володину жизнь. Несмотря на то что каждый их день проходил по одному сценарию, Володе не надоедало и, казалось, не надоест никогда.

Они рано просыпались — Юра неизменно ворчал спросонья, но через силу вставал и, зевая, шел одеваться. В первые дни Володя предлагал ему поспать подольше, мол, он и сам мог бы погулять с Гердой, но Юра был непреклонен.

— В конце-то концов, неужели ты думаешь, я к тебе приехал, Володя? — как-то раз пошутил он, почесывая собаку по загривку. — Нет, конечно, я к ней приехал, только Герде принадлежит мое сердце. Разве я могу отказать ей в прогулке?

После они возвращались в постель. Нежились, лениво разговаривая о чем-нибудь неважном, а потом Юра ненадолго засыпал. А Володя лежал рядом и любовался, стараясь запомнить эти мгновения счастья.

Иногда Володя работал — несмотря на обещание Юре, совсем бросить дела не получалось, приходилось выделять хотя бы пару часов в сутки. Юра не расстраивался, все прекрасно понимая. Он в это время через силу играл на старом расстроенном пианино, правда, с каждым днем его занятия становились короче и реже. Володя беспокоился, что

Юра нарушает свой привычный график, но тот отмахивался, мол, отпуск же.

Больше всего Володя ждал вечеров. Раз от раза они проводили их одинаково, но никогда не скучали. Постоянство придавало этим вечерам особенную, семейную окраску.

Юра открывал бутылку рома, ложился на диван в гостиной, пристраивал голову у Володи на груди, и вместе они слушали разную музыку — либо что-то старое, проверенное временем, либо современное, звучащее из каждого угла. Иногда Юра иронизировал, иногда хохотал и открыто издевался, а иногда сидел молча с закрытыми глазами, а потом пару часов ходил задумчивый.

Несколько раз Володя предлагал Юре послушать и его собственную композицию — четвертый трек на подарочном диске. Но Юра почему-то отнекивался.

А еще Володя внезапно открыл в себе интерес к кулинарии. Обычно он обходился простыми сочетаниями продуктов, но готовить вместе с Юрой оказалось весело и увлекательно. К тому же Юра соскучился по местной кухне, поэтому каждый раз вспоминал и предлагал приготовить что-нибудь новое. Чаще всего Володя даже не знал, как готовятся эти блюда, но на помощь приходили интернет и Маша.

В первую очередь Юра, разумеется, заказал борщ. И собирали они его под чутким руководством Сидоровой, висящей с ними на телефоне. Таким же вкусным, как у нее, борщ все равно не получился, но Юра остался доволен. А когда ему взбрело в голову приготовить на ужин солянку, Володя окончательно распрощался с идеей правильно питаться эти две недели.

Володя старался планировать — составлял список нужных продуктов, чтобы не ездить в магазин каждый день, а закупаться хотя бы на два-три сразу. И искренне удивлялся, как Юра, в своей обычной жизни живущий по строгому графику, умудряется вносить столько хаоса во все остальное.

Например, под конец первой недели отпуска они поехали в магазин, договорившись приготовить на ужин запеченную курицу, а вернулись домой с пачкой муки и лотком фарша, чтобы лепить пельмени. Впрочем, против них Володя уже не возражал — он просто смирился. Тем более лепить пельмени под симфонии Брамса,

одновременно слушая вводный курс об эпохе романтизма в музыке, было слишком занимательно.

В начале второй недели отпуска на улице по-настоящему потеплело. Солнце жарило так, что под конец утренней пробежки Володе пришлось снять олимпийку.

Юра догнал его минут через пять, но не один, а с Гердой. Володя иронично хмыкнул — обычно она бегала вместе с ним, а теперь от Юры ни на шаг не отходила.

— Давай прогуляемся сегодня по округе? — предложил Юра, прикладывая руку козырьком ко лбу и смотря вдаль, на лес. — В город не хочется, а погода хорошая.

Володя кивнул:

— Давай. Вот туда можно. — Он указал рукой на высокий лесистый холм вдалеке. — Оттуда обзор красивый, и можно на машине подъехать, чтобы грязь не топтать. Правда, подниматься придется пешком.

К обеду совсем распогодилось. В лесу, правда, было зябко и сыро, но порывы теплого ветра приносили с собой запах весны. На ветках проклюнулись почки, а где-то высоко, в кронах, пели птицы.

Забраться на холм оказалось не так уж и просто — ноги скользили по еще не просохшей земле. Благо перед выходом из дома Володя заставил Юру надеть резиновые сапоги и старую куртку. Пока поднимались, Юра умудрился споткнуться о торчащий из земли корень дерева и не упал лишь потому, что влетел Володе в спину. Тот смеялся, Юра матерился, но, как только добрались до назначенного места, согласились: усилия того стоили.

Выйдя на небольшое плато, Володя вдохнул полной грудью, окинул взглядом окрестности. Обернулся к озадаченному Юре. Тот с интересом рассматривал кучу сваленного посреди плато хлама — сырые гнилые доски с облупившейся зеленой краской.

— Это?.. — Он вопросительно взглянул на Володю.

— Беседка романтиков, — кивнул тот.

Юра вздохнул:

— Эх, жалко. Такое место было.

Володя пожал плечами.

— Место никуда и не делось. Я распорядился снести эту рухлядь, она прогнила вся. Но скоро отстроят новую.

Юра приблизился, встал рядом с ним. Очарованно протянул:
— Красиво...

И правда красиво. Немного страшно из-за высоты. Плато резко обрывалось: внизу виднелся песчаный склон с густым подлеском, плавно уходящим к реке. Справа коттеджный поселок, за ним — бескрайняя степь с белыми прогалинами еще не растаявшего снега посреди бурой прошлогодней травы.

Яркое солнце, пробиваясь через пушистые густые облака, отбрасывало причудливые тени на раскинувшийся впереди пейзаж, отражалось бликами в воде. Речка, наполненная талыми водами, шумела и совсем не казалась пересохшей, но Володя знал: как закончатся паводки, русло снова обмельчает, а в знойное лето и вовсе заболотится и местами высохнет.

— Все такое знакомое и одновременно такое... чужое, — задумчиво произнес Юра.

Володя кивнул.

— Вот там, — он указал пальцем на болотце, сплошь покрытое жухлым камышом, — раньше была та заводь с лилиями.

Юра вздохнул.

— А вон «Ласточка». — Он шагнул еще ближе к обрыву. — Заросла совсем, летом за деревьями и вовсе не видно, наверное... — Глядя на лагерь, Юра застыл на несколько секунд, но вдруг встрепенулся, спросив: — А ты задумывался над тем, что с ней делать?

— Много раз, — кивнул Володя. Завороженный видом замершего у самого обрыва Юры, он подошел к нему сзади и обнял. — Думал, но так ничего и не решил.

— Может, разбить парк для жителей «Ласточкиного гнезда»? — спросил Юра. — Сделать беговые дорожки, восстановить корт, поставить площадки для детей. Здорово будет, разве нет?

— У нас уже есть такой парк. И хоть он далеко от моего дома, второй будет лишним. — Володя покачал головой. — Может быть, сделать здесь лагерь? Или просто отельный комплекс для семейного отдыха. Восстановить все, что можно, а что нельзя — отстроить заново. — Он провел носом по Юриному уху, поцеловал сережку и прижался подбородком к его плечу. — А ты как считаешь?

Тот ответил, продолжая задумчиво смотреть вдаль:

— Лагерь? Да кому он сдался... И без того половина лагерей и баз отдыха пустуют, я это прошлой осенью выяснил. — Он повернулся к Володе, серьезно на него посмотрел. — Ты не вернешь «Ласточку», Володь. Даже если восстановишь до мельчайших подробностей... то время уже ушло.

* * *

Последние дни омрачились предстоящим расставанием. Грусти не было, но горькие мысли, будто тени, жались по углам и то и дело бросались на Володю, заставляя врасплох. Он старался выкинуть их из головы и забыть о неминуемой разлуке, но время не остановить: день перед Юриным отъездом настал.

Последние сутки вместе.

С самого утра Володя испытал дежавю. Точно как в Германии, Юра проснулся раньше него и сидел на кухне в полной тишине. Не курил, как тогда, но отрешенно смотрел перед собой. Увидев его таким снова, Володя невольно подумал, будто они застряли во временной петле.

Все, что уже было, повторится в точности: интернет, ожидание, те же вопросы — «Когда приедешь?» и «Почему не отвечаешь?». Часы от сообщения до сообщения, работа без интереса, поиск занятий, чтобы отвлечься от одиночества, — не жизнь, а существование. И постоянная тоска. Надоело.

— Что-то мне все это напоминает, — вместо приветствия сказал Володя.

Юра печально улыбнулся и пожал плечами. Встал, поцеловал его в щеку, подошел к пианино, провел пальцами по клавишам.

Володя проследил за ним взглядом и попросил:

— Сыграешь?

— Давай лучше что-нибудь послушаем? Как насчет джаза?

Юра поставил диск с оркестром Глена Миллера и сел завтракать с Володей. Слишком веселая музыка казалась неуместной для этого утра и больше раздражала, чем радовала.

— У меня есть идея получше, — заявил Володя и устремился к музыкальному центру, — а у тебя, Юр, есть должок.

Он поставил подарок Юры, но не успел включить, как тот возмутился:

— Ну зачем? Не надо. — Он подошел к Володе, попытался выключить, но тот преградил ему путь.

— Я настаиваю.

Музыка заиграла. Юра сложил руки на груди и, отойдя к камину, неловко плюхнулся в кресло и болезненно ахнул.

— Ой, кажется, подвернул. — Он нахмурился и стал ощупывать лодыжку.

Володя тут же оказался рядом, осмотрел его ногу и, не обнаружив ничего подозрительного, спросил:

— Юр, а ты не симулируешь?

Но тот закатил глаза.

— Уж поверь.

Володя сел в кресло напротив, положил Юрину ногу на колени и принялся массировать, но тот нахмурился еще сильнее. Володя обеспокоенно спросил:

— Больно?

Юра покачал головой.

— Зря ты ее поставил.

— Не понимаю... — Володя пристально посмотрел ему в глаза, но Юра опустил взгляд. — Юра, я не люблю недоговорок. Почему ты упорно отказываешься ее слушать?

— Слушать я не против, а вот рассказывать — не хочу. Понимаешь, я записывал этот диск до твоего приезда в Германию, и тогда я еще не знал, что ты станешь так ревновать.

Ощущая, как в груди вспыхнуло знакомое болезненное чувство, Володя догадался, в чем причина Юрино молчания. Вернее, не в чем, а в ком.

— Опять Йонас... — тяжело выдохнул он.

— Опять, — кивнул Юра. — Я понимаю твои чувства. Можно подумать, будто вся моя жизнь вертелась вокруг него.

— Да, так подумать действительно можно, — ответил Володя. — Но ты правильно сказал: нельзя просто вычеркнуть из своей жизни человека, который был ее частью шесть лет. Я тебя понимаю, у меня есть такой же Игорь, только, в отличие от тебя, я прикладываю немало усилий, чтобы от него избавиться.

— Только не злись опять.

Но злости у Володи не было, только усталость. Ему надоело наткаться на Йонаса почти в каждом разговоре. Казалось, что он не прошлое, а настоящее, что их не двое, а трое.

Проводя пальцами по Юриной коже, Володя размышлял, как избавиться от этого третьего лишнего, но не находил решения: ему не доставало знаний о Йонасе, чтобы вышвырнуть его из их жизни раз и навсегда.

После минутного молчания Володя негромко попросил:

— Юра, расскажи мне о вас, и закроем наконец эту тему. Мы оба от нее устали.

Юра вздернул брови.

— А хуже не будет?

Володя невесело хмыкнул:

— Хуже будет, только если я найду его в твоей постели.

— Ну уж нет, такого не случится никогда! Йонас давно в прошлом.

«Я бы так не сказал», — подумал Володя, но промолчал.

Юра устроился поудобнее в кресле, подтянул ногу к Володе, намекая, чтобы тот продолжал массаж.

— Нас познакомили общие друзья, — наконец начал он. — Йонас почему-то напоминал мне тебя. Но только внешне. Внутренне вы совершенно разные.

— И что? — перебил Володя агрессивнее, чем собирался. Ему не понравилась эта ремарка: Юра будто бы оправдывался.

— Ничего, просто отметил, — сказал он, словно не заметив грубости. — Какое-то время мы просто встречались, а о том, чтобы съехаться, даже не думали. Но через год о нас узнали мои родители. Я так рассорился с ними, что пришлось уйти из дома и переехать к Йонасу в Берлин. Мне дико не нравилось зависеть от него. Но я много учился, и снять квартиру не получалось — так я оправдывал сам себя. Йонас уже тогда был гей-активистом, но еще не погряз в политике. Поэтому нам нравился наш гражданский брак. — Юра изобразил пальцами кавычки. — Правда, вспоминая сейчас те времена и понимаю: жили вообще-то здорово, ходили на разные вечеринки и собрания. Но его квартира была как проходной двор: всегда полно народу, некоторым Йонас даже разрешал ночевать. Но вскоре он задумал создать политическую партию для борьбы за права секс-меньшинств и сделал из нашего дома подобие штаб-квартиры. А

мне с моей музыкой требовалась тишина и личное пространство. С тех пор между нами пошел разлад, мы начали ссориться, однажды даже подрались, представляешь? — Юра усмехнулся.

Володе смешно не было. Он не мог даже вообразить, чтобы у него поднялась рука на Юру, тем более из-за музыки. Он проглотил так и рвущееся из горла «Вот урод» и продолжил молча слушать.

— После драки мы не разошлись, но я решил, что лучше жить одному, и стал активно искать квартиру. Но только я переехал, как до меня дошли слухи, будто у Йонаса кто-то появился. А мы вообще-то не расставались, встречались у него три раза в неделю. Я помчался к нему и устроил скандал. — Он хмыкнул и потупил взгляд. — Потом помирились.

— И ты так запросто простил ему измену? — буркнул Володя.

— Я до сих пор точно не знаю, изменил он мне тогда или нет. Он уверял, что его оболгали. Что, кроме меня, у него никого нет и не было, что никто другой не нужен. К тому же ребята, что на него донесли, неожиданно дали задний ход — мол, вроде да, но, может, и нет. Как бы то ни было, после того случая у меня началась паранойя. Я пытался выяснить, когда и с кем он общается, устраивал сцены ревности, а он меня никогда ни к кому не ревновал. Даже обидно как-то. В общем, ссорились с ним мощно, но и мирились тоже... хорошо. Я боялся оставлять его одного, и в итоге мы снова съехались, но на этот раз он перебрался ко мне — моя квартира была больше. Но вместе с Йонасом ко мне переехала вся его тусовка. Не представляешь, какой у нас творился бедлам: я в кабинете, а он с толпами своих соратников и знакомых в гостиной. У него орут друзья, у меня — музыка, Йонас орет на меня из-за музыки, я — на него из-за друзей. И ведь, несмотря на то что занимались они таким благородным делом — политикой, попойки у них были дикие. И не только попойки. Не знаю, как я терпел это почти год! Но терпение лопнуло, когда я застал у себя в спальне, в своей собственной кровати, тройничок!

— С Йонасом? — осипшим голосом уточнил Володя.

Юра воскликнул:

— Нет, что ты! На такое ему не хватило бы наглости.

Он неожиданно замолк. Закусил губу и незряче уставился в окно. Володя видел, что он пытается подобрать слова и это дается ему нелегко, поэтому не торопил.

Собравшись, Юра продолжил:

— В общем, история со штаб-квартирой у меня дома закончилась, мы стали жить как приличная семья. Так могло показаться со стороны, но на самом деле нашу жизнь начала отравлять политика. Она требовала слишком много времени и сил, хотя приходила в его жизнь постепенно. Йонас нуждался в том, чтобы говорить о ней постоянно, а я, выгнав всю ту братию, можно сказать, лишил его этого. Вскоре он открыл комьюнити-центр. Тот самый, куда мы с тобой приходили, — уточнил Юра. — Йонас сутками пропадал там, но, даже когда бывал дома, нам стало не о чем говорить. Я не мог поддерживать его разговоры так, как было нужно ему.

— А как было нужно ему? — не понял Володя.

— Йонас не просто занимался политикой — он ею жил. В начале своего пути такие люди, как он, особенно нуждаются в партнере-единомышленнике. Йонасу нужен был другой человек, такой же, как он сам, чтобы не просто разделял, а болел его идеями вместе с ним. Первое время я пытался разрываться между музыкой и Йонасом, но в конце концов музыка победила. У меня случился прорыв в карьере — я наконец перестал клепать дешевый ширпотреб для магазинов и ресторанов. Это, знаешь, такая специальная пустая музыка, чтобы заполнить тишину, но не отвлекать покупателей. Этими пародиями на искусство я зарабатывал много лет. Но потом заключил договор с лейблом, смог наконец заниматься настоящим творчеством. И с тех пор меня интересовало только оно. А Йонас его просто возненавидел. Он мне однажды сказал, что моя музыка, да и музыка в целом бессмысленна.

— Это же бред! — с жаром воскликнул Володя. — Он что, отрицал ценность искусства?

— Он отрицал не ценность, а сам смысл именно моего, как он выразился, «сочинительства». И самое неприятное в том, что он вообще-то прав. Музыка действительно бессмысленна, потому что пройдет время и она неизбежно потеряется и забудется. Может быть, сочинения великих композиторов по случайности или из-за исключительного таланта станут бессмертными, но с моими этого точно не произойдет. Какой-нибудь саундтрек сохранится в истории благодаря фильму, но даже самые популярные фильмы забудутся. И вряд ли через пятьсот лет кто-то будет слушать написанное неким Юрой Коневым.

Володя открыл было рот, чтобы возразить, но Юра снисходительно улыбнулся и покачал головой.

— Йонас не понимал главного: для меня это «сочинительство» — попытка сохранить то, что обречено на умирание. Я люблю музыку за хрупкость. Но Йонас прав и в другом: то, что делает он, идет на пользу всем и даже спасает жизни. Но меня тогда так ранили его слова, что я закатил настоящую истерику — мы ужасно поссорились. Он собрал вещи, ушел и перестал отвечать на звонки. Где-то через неделю я не выдержал и бросился его искать. В комьюнити-центре его не оказалось, я собирался поехать на Моцштрассе и обойти каждый клуб, но догадался сначала зайти в нашу старую квартиру. У меня, конечно,

остался свой комплект ключей, и я даже и не подумал позвонить в дверь — сам открыл. Зря не позвонил, не увидел бы...

Юра резко замолк и отвернулся, будто пытаюсь скрыть свои эмоции. Вдохнул, выдохнул, снова посмотрел на Володю и ровно продолжил:

— Он не слышал, как я вошел, и продолжал прыгать на каком-то парне. Я глазам своим не поверил, стоял в дверях, как идиот, приглядывался, мол, не может быть, что это Йонас. Но это был он, не пьяный, не под наркотой, а настоящий он!

Юра снова замолчал и отвернулся. А потом и вовсе откинулся на подголовник и прикрыл лицо рукой. Тяжело вздохнул.

— Не знаю, что творилось у меня в голове, не помню. Но я не сказал ни слова, просто выбежал оттуда, и ноги сами принесли меня на Моцштрассе. — Говоря это, Юра не отнимал ладони от лица, избегая смотреть на Володю. Голос его звучал глухо. — Я напился вдрызг и в каком-то клубе, не помню уже в каком, столкнулся с одним парнем из прайда, который давно пытался меня склеить. Не спрашивай, зачем я это сделал, я не знаю! Он давно хотел, а я сам ему предложил: ведь я теперь человек свободный, ничто меня не останавливает. О боже...

— Угу. И он, конечно же, согласился, — скривившись, протянул Володя.

— Да.

Понимая, что осуждать его не имеет права, Володя все равно не смог промолчать. С издевкой спросил, заранее зная ответ:

— И это решило проблему? Тебе полегчало?

— Нет, конечно.

Юра опустил ноги на пол, ссутулившись сел в кресле. Володя не мог злиться на него. А на Йонаса — мог.

— Я теперь очень жалею, — процедил он, — что не набил этому уроду морду. А ты молодец, ты правильно сделал, что порвал с ним.

— Я с ним не порвал, — прошептал Юра. — Я его простил. Я любил его, понимаешь?

«Любил его», — мысленно повторил Володя. Впрочем, и без этих слов ему стало ясно: Юра действительно любил Йонаса, по-настоящему и искренне.

Но страшно, действительно страшно Володе стало от другого: главный человек в жизни Юры не он, а Йонас! И на самом деле Володя

— всего лишь проходящая первая влюбленность, какая бывает у всех и всеми забывается.

Это у Володи после Юрки не было ничего, после Юрки ничего не осталось. Чувства к нему на многие годы выжгли в Володе способность любить. Была нежность к Свете, стыд и страх за нее. Была похоть к Игорю, надежда и обида. Но любви не было. Володя за всю свою жизнь не испытывал ее ни к кому, кроме Юры. А Юра любил. По-настоящему, сильно, самозабвенно, жертвенно, именно так, как когда-то Володя — его.

И в то же время он понимал, что в самом факте Юриной любви к другому нет ничего предосудительного, неправильного или несправедливого. Просто у Юры хватило смелости вновь испытать столь сильные чувства. Так разве он в чем-то виноват? Конечно, нет, но Володю убивало, травило и выворачивало наизнанку то, что Йонас для Юры значил так же много, как Володя в юности.

Если светлый хрустальный образ Юрки начал покрываться трещинами еще в Берлине, то во время этого разговора он стал рассыпаться на куски, что, падая на пол, с мелодичным звоном разбивались и исчезали навсегда. Но если того Юры, чей образ бережно хранил в памяти Володя, больше не существовало, то кто тогда сидел перед ним? Кто-то чужой? Вряд ли. Незнакомый? Нет. И что этот «кто-то» значил для него?

Значил он многое. Ведь от взгляда его карих глаз сердце билось быстрее и в груди теплело. Володю тянуло коснуться Юры, а его собственный голос звучал так нежно, когда он называл его по имени. Ю-ра. Музыка этого имени — шепчи его или кричи — одинаково волшебна.

— Тогда почему вы расстались? — спросил Володя, ощущая пустоту внутри.

— Мы расстались без причин. Все произошло само собой. У меня с глаз будто спала пелена, я перегорел, как лампочка, и понял, что просто не хочу больше его видеть, что все ушло: и любовь, и влечение, и вообще какие-либо чувства и эмоции.

— Но Йонас сказал, что ты возвращался к нему.

— Было жалко и времени, что отдал ему, и чувств, что когда-то испытывал. Я возвращался, да. Чтобы на следующий день уйти. Но всему есть предел, и однажды я ушел насовсем.

— Ясно, — сказал Володя.

Трек про Германию, что крутился на повторе, стал раздражать. Будто уловив смену Володиного настроения, Юра подошел к музыкальному центру и выключил диск. Дом погрузился в тишину.

Вернувшись к Володе, Юра тронул пальцами его волосы. Тот поднял пустой безэмоциональный взгляд.

— Что с тобой? — мягко спросил Юра.

— Ничего, — сухо ответил Володя. — Просто завидую. Почти за сорок лет я никого, кроме тебя, не любил.

По Юриному лицу будто прошел спазм. Он вдруг опустился на колени, накрыл ладонями Володиной щеки и так пристально посмотрел ему в глаза, будто пытался заглянуть в самые потаенные уголки души.

— Володя, что я сейчас сделал? — хрипло спросил он.

— Рассказал про...

— Нет! Что я сейчас сделал с тобой? Я обидел тебя? Причинил боль?

— Юра, а как иначе? Конечно, мне больно! — воскликнул Володя. — Но что теперь поделать? Прошлого не изменить. Но спасибо за честность.

— Как я могу исправить это? — Юра совсем осел на пол, уткнулся лбом ему в колени.

Этот жест смутил — Юра не должен извиняться, сидя у его ног, как собака. Володя потянул Юру за руки, пытаясь поднять, но тот сжал его ладони и поцеловал.

— Знаешь, — прошептал он, с нежностью глядя Володе в глаза, — я никогда не посвящал ему песен. Я вообще никому, кроме тебя, ничего не посвящал, и никто не вдохновлял меня так, как ты.

Володя опустился рядом на пол и обнял Юру. Осторожно прижимая его голову к груди, целовал волосы. Сердце разрывалось от стремительно сменяющих друг друга чувств: от злости, почти ненависти, за любовь к другому до всепоглощающей нежности к Юре и страха потерять его, выпустить из объятий хоть на минуту.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — прохрипел Володя — горло сжимала тревога. — Я не хочу отдавать тебя кому-то.

— Никому ты меня не отдаешь. Прежде чем так думать, спроси моего мнения, хочу ли я вообще кому-то, кроме тебя, отдаваться?

— Но я не смогу жить так, как ты предлагаешь. Ты — там, я — здесь. Отношения даже не на два города, а на две страны! Раздельная жизнь по факту: у тебя — своя, у меня — своя, дом у каждого — свой, просто мы иногда пересекаемся. Неужели ты хочешь этого?

— Нет, — буркнул Юра.

— Я тоже! — Володя положил ладонь ему на плечо и крепко сжал. — Я хочу все и сразу, хочу, чтобы мы были семьей. Хочу общий дом, общий быт, собаку, в конце концов, общую.

Юра приглушенно рассмеялся.

— И что делать? Опять эмигрировать? И кому из нас?

— Ну... — протянул Володя и замолк. Его слова прозвучали наивно, но он отказывался сдаваться. — Оставайся у меня, работай здесь, а заказы высылай по интернету. Ведь это же возможно?

— Жить так? Не думаю.

— Ну, может, не жить, а просто оставаться не на неделю, а подольше? Надо будет — полетишь в Германию, как в командировку.

— Милый мой Володя... — протянул Юра, отстранившись. Грустная улыбка на его губах была красноречивее любых слов.

— Ясно, — сказал Володя и встал. — Надо выгулять собаку.

Он быстро оделся и, позвав Герду, вышел в прихожую. Юра засобирился пойти с ним, но Володя его остановил:

— Мне нужно побыть одному. Слишком много информации за сегодня — надо уложить все в голову.

Закрывая за собой дверь, Володя увидел Юру, растерянно стоящего посреди комнаты. Но сил находиться сейчас рядом с ним просто не нашел.

А вернувшись через полтора часа, он застал Юру в прихожей — тот надевал пальто.

— Куда ты? — спросил Володя, не скрывая тревоги в голосе.

— Я тоже хотел погулять, — ответил Юра и поднял на него серьезный взгляд. — Скажи, что ты надумал? Мы расстаемся?

— Что? Нет!

— Мне ждать тебя летом?

— Жди. Жди, конечно, — произнес Володя, пряча глаза. Он понял, к чему Юра клонит, и добавил: — Я буду терпеть отношения на расстоянии, пока не сломаюсь. Ради нас.

— Это хорошо. — Юра кивнул.

— Так все-таки куда ты?

— Я же сказал, погулять.

Юра быстро скрылся за дверью, Володя и слова не успел сказать.

Он жалел, что позволил им тратить впустую оставшееся время. Хотелось вернуться в сегодняшнее утро и вообще не начинать этот разговор о Йонасе и Юрином прошлом. Не портить последний день вместе. Но он уже был испорчен, и даже вечер, и ночь. А завтра у Юры самолет.

Юра не пришел ни через час, ни через три. Володя дважды звонил ему, спрашивая, когда он вернется, но тот отвечал, что домой пока не собирается.

Все это время Володя не находил себе места: измерил шагами каждую комнату, перемыл всю, даже чистую, посуду, приготовил ужин, но не съел и кусочка, брался за книги и тут же откладывал их. Злился.

Когда часы пробили ровно шесть вечера, Володя услышал звонок в дверь и бегом рванул к ней.

— Где ты был? — Он едва сдержался, чтобы не закричать на Юру. — Почему так долго? Я чуть с ума не сошел!

— Я сдал билет, — только и ответил Юра, победно глядя, как губы Володи растягиваются в улыбке.

Глава 17

Условное счастье

В спальне было темно. Володя различил два силуэта на своей кровати, затем услышал тихое прерывистое дыхание. Он инстинктивно потянулся к выключателю, но скользнул ладонью по пустой холодной стене.

Порыв ветра из открытого окна принес с собой запах весенней ночи и всколыхнул штору. Она отодвинулась, и лунный свет упал на двух мужчин на кровати. Володя уперся взглядом в ровную спину, замороженно следя за мышцами, перекачивающимися под смуглой кожей. Тот, кто лежал снизу, положил одну ладонь на лопатку, а второй зарылся в светлые крашенные волосы. Володя сразу же узнал эти руки — большие кисти, изящные длинные пальцы. Юрины.

Раздался тихий протяжный стон. Теперь Володя узнал и его голос. Он зажмурился, пытаясь прогнать видение, но картина не рассеялась. Зато стало светлее. Володя шагнул ближе к кровати — чтобы рассмотреть, убедиться. А в следующий момент Йонас повернулся к нему вполоборота и, не прекращая движений, приветливо улыбнулся. Юра под ним приподнялся, обхватив Йонаса за шею, посмотрел на Володю и, будто приглашая, протянул ему руку.

Возмущение, злость и ревность вспыхнули внутри, но ко всему этому примешалось еще и возбуждение — такое сильное, что Володя, преодолевая себя, шагнул назад, избегая Юрино прикосновения. Тот лишь мимолетно улыбнулся и потянулся другой рукой в сторону. Володя поднял голову и судорожно вздохнул — с противоположного края постели на него, будто из зеркала, смотрел он сам. Вот только то отражение не было статичной копией. Тот Володя, усмехнувшись, стиснул протянутую руку, уперся коленями в кровать и взял Юру за волосы, прижимая его к себе. Володя хотел закричать, но не смог произнести ни звука. А когда попытался приблизиться к кровати, чтобы оттолкнуть от Юры Йонаса или своего двойника, — не смог сделать и шага.

Комнату заволокло туманом, и вдруг Юра обернулся и испуганно посмотрел Володе в глаза.

Сон отпускал медленно, будто нехотя. Володя, буквально проваливаясь каменным затылком в подушку, с трудом открыл глаза и посмотрел в потолок. Он не сразу понял, что происходит — в паху было тяжело и влажно, по всему телу расходилось тепло, погружающее в негу удовольствия. Оно мешало остаткам сна раствориться — перед глазами все еще стояла та мерзкая, но возбуждающая картина из сна.

Скинув с себя одеяло, он глянул вниз.

— Юра?

Володя запустил пальцы в его волосы и чуть потянул, отрывая от себя. Тот уперся подбородком ему в живот, посмотрел снизу вверх — румяный и соблазнительный, — растянул влажные губы в ехидной улыбке.

— Доброе утро.

Володя нервно сглотнул и сипло выдавил:

— Иди сюда.

Юра поднялся выше, устроившись в его объятиях.

Сон все еще не уходил, непристойная сцена так и застыла под веками. Казалось бы, это всего лишь видение, но ведь так действительно когда-то было: не они втроем, а Юра с Йонасом. До этого момента Володя никогда не думал о том, что Йонас делал с Юрой, куда проникал, где трогал и оставлял свои следы. Но теперь спросонья ему казалось, что он видит их на Юриной коже, казалось, что Юра до сих пор пахнет чужим человеком. Что он до сих пор принадлежит Йонасу.

— Хочу тебя, — прохрипел Володя, целуя Юру за ухом. — Прямо сейчас.

Юра задрожал, прерывисто выдохнув.

— Вот так сразу?

Володя кивнул.

Сидя на нем, Юра покачивался и смотрел сверху вниз, не разрывая зрительного контакта. А Володя все равно словно продолжал спать — будто это его двойник, а не он сам сейчас смотрит Юре прямо в глаза. И тут же в мозгу вспыхнул кадр: Йонас на коленях, Юра — перед ним, а сбоку — Володя. Он будто оказался заложником этих образов.

Касаясь пальцами Юриной груди, придерживая его за талию, не мог избавиться от мыслей, что там же его трогал Йонас.

Не выдержав, он опрокинул Юру на кровать, навис над ним, грубо поцеловал. Юра застонал, Володя вжался в него, вцепился губами в шею. А отстранившись, увидел на коже красный след — будто метка. Возбуждение сдавило с новой силой, Володю затягивало в жаркую, тесную темноту. Образы из сна рассеялись, сменившись одной-единственной пульсирующей мыслью: «Мой, только мой. Не отдам».

Вздрагивая всем телом, Юра тяжело задышал, а у Володи закружилась голова. Когда его пронзило удовольствием, он еще сильнее стиснул его в объятиях, судорожно застонав ему в шею. И тут же расцепил руки, обеспокоенно глядя на Юру. Но тот лишь усмехнулся:

— Ой-ой, сколько страсти.

Володя упал рядом с ним и пару минут просто молча лежал. В голове царила звенящая пустота, взмокшую кожу охлаждал сквозняк из приоткрытого окна.

Юра натянул на себя одеяло, Володя тут же нырнул к нему, обнял, зарылся носом в макушку. Мысли снова ворвались в голову. Что он только что сделал? И, главное, почему? Он, как бы выразился Игорь, развел Юру на секс, потому что... Потому что понял, что другой делал с Юрой то же самое, и захотел присвоить его себе?

— Как романтично, — промурлыкал Юра, утыкаясь лицом ему в грудь.

— Что? — не понял Володя.

— Раннее апрельское утро, воздух пахнет весной, птицы поют, и мы, сонные и ленивые, занимаемся любовью. Разве не прекрасно?

— Прекрасно... — тупо повторил Володя.

Чуть позже, стоя перед зеркалом в ванной, Юра ощупывал свою шею и посмеивался:

— Вот зараза! Ну ты меня и разукрасил, никогда ведь так не делал раньше. И что на тебя только нашло?

Володя, выдавливая пасту из тюбика на щетку, взглянул на его отражение в зеркале и промолчал.

— Эх, придется шарфом обматываться по самый подбородок, а то даже стыдно... — Юра, казалось, даже не заметил хмурого лица Володи, чмокнул его в щеку и вышел из ванной.

Юра и так очень часто улыбался, но этим утром улыбка вообще не сходила с его лица. Глаза горели каким-то особенным огнем — он был счастлив. Его настроение, будто ореол света, озаряло все вокруг. Юра включил свой диск, трек про их настоящее, распахнул стеклянную дверь, что вела из гостиной на улицу. И перезвон колокольчиков закружился по дому, устремился наружу. Герда помчалась в сад и принялась носиться по нему как бешеная, будто стараясь поймать эти самые колокольчики. Юра смотрел на нее и смеялся, но Володя оставался мрачнее тучи.

Нужно прекратить думать об этом, иначе Юра заметит. Спросит, что не так, и как объяснить? Признаться, что склонил его к близости не потому, что по-настоящему хотел, а потому, что приснился плохой сон? Потому что выиграло чувство собственности? Володя совершенно не хотел разбираться, зачем он это сделал и почему. Да и стоило ли? Даже если он найдет причины произошедшего — что это изменит? И зачем их искать, если у них все хорошо?

Позже, за завтраком, Володя спросил:

— Ты решил, надолго ли останешься у меня?

— Пока не выгонишь, — хмыкнул Юра. — Шучу-шучу. Не знаю, Володь. На самом деле хочу попробовать поработать отсюда, может, действительно получится. Но надо вызвать настройщика пианино — я бешусь, когда играю на твоём. И позже, когда придет зарплата, куплю еще миди-клавиатуру.

— Это что такое? — нахмурился Володя.

— Это типа синтезатора, только клавиатура мне нужна больше как устройство ввода. Синтезатор самостоятельно воспроизводит звук, а клавиатура делает это с помощью звуковой карты. Кстати об этом! Мне нужна хорошая звуковая карта. И вообще мощный компьютер. Боже, где взять столько денег?

— Я одолжу, если хочешь...

— Вот еще!

— Попробуй перевезти из Германии.

Полчаса решали, стоит ли игра свеч, ведь, во-первых, получалось недешево, а во-вторых, оборудование отличалось хрупкостью. Выяснилось, что, несмотря на целую ораву приятелей, Юра не мог никого попросить собрать его компьютер и отправить посылку и, к удивлению Володи, даже Йонасу не доверял.

— Еще мне желательно выделить свой угол, чтобы мы друг другу не мешали, — сказал Юра, допивая третью кружку кофе.

— Ты мне никогда не помешаешь, — улыбнулся Володя.

— Я очень рад, но нужно где-то разместить целую кучу техники.

— Ладно. Напиши список, что надо привезти или купить. А насчет угла — давай перенесем пианино на второй этаж. Там много свободного места, организуем тебе полноценный кабинет.

Скептически скривившись, Юра хмыкнул:

— Ты представляешь, сколько весит пианино?

— У меня здесь, в новом кластере «Гнезда», работают три бригады строителей, я моментально найду пару человек, кто захочет подзаработать.

— А хорошо, — кивнул Юра и, подойдя к Володе, положил ладони ему на плечи и спросил: — С моей работой решили, но как же твоя? У нас еще есть хоть немного времени, прежде чем тебя засосет офис?

— Сегодня я совершенно свободен, но завтра... — протянул Володя, собираясь посвятить Юру в свои планы. Но тот не дал договорить, сперва крепко поцеловал в щеку, а затем воскликнул:

— Тогда решено! Посмотри, какая чудесная погода за окном — поехали гулять в Харьков!

— Поехали, — улыбнулся Володя.

По прогнозу обещали не выше пятнадцати градусов тепла и порывистый ветер. Собираясь на прогулку, Володя настаивал, чтобы Юра надел пальто, но тот противился:

— Я надену свитер под пиджак. Он шерстяной, видишь! — доказывал он, демонстрируя Володе бирку с составом ткани.

— Все равно ты замерзнешь! Видел, какой ветрище на улице? — спорил Володя. — С такой погодой раз плюнуть подхватить простуду.

Они могли бы бодаться бесконечно, но Юра в итоге махнул рукой и уступил Володе. Только пробурчал, надевая пальто:

— И на кой черт купил этот пиджак?

Но победил все равно Юра — солнце светило так, что жарко стало уже через четверть часа. Припарковавшись недалеко от Сумской, они прошли вниз по Бурсацкому спуску. Юра снял пальто и нес его в руках, а Володя упрямылся. В конце концов Юра начал посмеиваться над ним — в одном лишь свитере он чувствовал себя комфортнее.

— Может, вернемся и бросим вещи в машину? — предложил Володя.

Юра остановился, обернулся и указал рукой на пройденный ими путь.

— Уверен, что хочешь подниматься обратно в горку? По-моему, так себе идея.

Володя вздохнул.

— Почему мы вообще решили припарковаться на Сумской, а не хотя бы у Дома торговли? Оттуда ведь ближе...

Юра пожал плечами и объяснил наигранным нравоучительным тоном:

— Ну мы же гуляем! Созерцаем местные красоты, понимаешь? Эх, Володя-Володя!

— Если на то пошло, местные красоты я мог бы прекрасно созерцать и из окна машины, — пробурчал тот, стягивая с себя пальто. — Ладно, веди, Сусанин, сегодня ты у нас прокладываешь маршрут.

Он помнил, что Юра хотел пройтись по родной улице еще с самого начала отпуска в Харькове. Володя знал, что этот район пусть и находился почти в центре города, но пользовался дурной славой. Располагаясь между рынком и железнодорожным вокзалом, он притягивал всякий сброд, и в будни, а особенно по вечерам, ходить здесь было опасно. Но в выходные Юрин район становился вполне безобидным.

Обсуждая репутацию этих мест, они дошли до Бурсацкого моста. Юра остановился у перил, облокотившись о них, скovyрнул кусок черной краски.

— Интересно, речка всегда была такой узкой и мелкой? В детстве казалась широкой... — задумчиво протянул он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Володе.

Но тот все равно ответил:

— В девяностых по ней даже пассажирские паромы ходили. А потом как-то... видимо, не до паромов уже стало.

— Да, девяностые сильно потрепали город, это я заметил.

Володя проследил за его взглядом — Юра смотрел на бурные воды, уносящие вниз по течению мусор: бутылки, пакеты и клубки водорослей. Разрушенные ступени, некогда служившие для спуска к

реке, были исписаны граффити, покосившаяся зеленая ограда поросла кустами — на ветках уже начала появляться первая листва.

Они двинулись дальше — мимо рынка, кишачего людьми, мимо едко пахнущей бензином автостанции.

На одном из перекрестков Юра вдруг остановился, поднял указательный палец вверх и глубоко втянул носом воздух. Володя озадаченно посмотрел на него.

— Слышишь запах? — спросил Юра, прищурившись.

Володя принял, поначалу не почувствовав ничего, кроме смрада выхлопных газов. Пожал плечами, но вскоре ощутил едва уловимый аромат то ли шоколада, то ли жженого сахара.

— Кондитерская фабрика, — объяснил Юра. — Вон там, — и указал на длинное двухэтажное здание, за которым виднелось несколько дымящих труб. — Запах детства.

Володя часто проезжал мимо, но ни разу не задумывался, какой именно фабрике принадлежали эти трубы. Хотя о том, что это кондитерская, можно было догадаться по двум фирменным магазинам на прилегающей улице. Мимо одного из них они сейчас шли.

— А сюда я бегал за мороженым! — сообщил Юра. Украдкой заглянув в витрину магазина, он мечтательно вздохнул: — Молочное за пятнадцать копеек.

— Ну давай купим тебе мороженого, если хочешь, — предложил Володя.

Юра отмахнулся:

— Оно больше не такое!

Володя был совершенно равнодушен к сладкому, даже к знаменитому советскому мороженому, поэтому лишь развел руками:

— Как хочешь.

Наконец они дошли до Юриной улицы. Володя и раньше бывал здесь: первый раз в начале девяностых, когда искал Юру. Потом — сворачивал просто так, прогуляться. Будто на что-то надеялся.

Тихая узкая улочка будто застыла в прошлом: высоченные столетние клены, дореволюционные трехэтажные дома, трамвайные пути посередине выложенной булыжником дороги. Правда, пока Юра с Володей неспешно брели по пыльному, недавно отремонтированному тротуару, мимо не прогремело ни одного трамвая.

Юра остановился у двух торчащих из асфальта бетонных тумб. Задумался.

— Раньше тут была остановка. — Он оглянулся вокруг. — Вот обломки скамейки, а таблички с расписанием нет...

— Мне кажется, трамваи здесь не ходят. Причем уже давно. — Володя указал пальцем на бурые от ржавчины рельсы, частично ушедшие в землю.

— Ну и правильно! Как ужасно они гремели по утрам! Ты только представь — улица узкая, эхо от домов отражается... А ведь ходить-то они начинали с четырех утра!

— Может, поэтому и отменили?

Шагая рядом, Володя рассматривал не улицу, а лицо Юры. Он молча щурился и загадочно улыбался.

— Что такое? — негромко спросил Володя. — Вспомнил что-то смешное?

— Да здешний трамвай. — Юра кивнул. — В смысле, не маршрут, а именно трамвай, один конкретный. Когда я готовился к поступлению в консерваторию, занимался дома с репетитором, поэтому мне не надо было вставать рано. Но тогда же по утрам, я точно не помню, во сколько именно, здесь пускали дополнительный трамвай. Он был жутко старым, разваливался на ходу и грохотал отчаяннее остальных. И вот каждое утро я просыпался от его грохота и бежал проверять почтовый ящик — вдруг пришло твое письмо. — Будто смутившись, Юра потупил взгляд, но, не дав Володе вставить и слова, вскинул голову и воскликнул: — Вот мой дом, видишь? А во-о-он там, — протянул он, указывая пальцем вперед, — вход в мой двор.

Чтобы попасть туда, нужно было пройти через высокую темную арку. Юра не спеша направился к ней, но остановился и взглянул вверх — на табличку и номер дома «45». Вдохнул. И ступил в тень. Володя направился следом и, пройдя всего несколько метров, очутился словно в ином мире.

Весь двор белел — будто устланный снежным покрывалом. Но Володя быстро сообразил, что это опавшие цветки абрикосового дерева. Они были везде: лежали на земле, кружились в воздухе, поднимаясь ветром, шапками покрывали крыши низких сараев и припаркованных во дворе машин.

— Как красиво! — восхитился Володя, неожиданно вспомнив, что когда-то уже видел нечто похожее, только вместо цветов траву покрывали одуванчики.

— Надо же, абрикоса до сих пор жива! — Юра умиротворенно улыбнулся. — И цветет, как в детстве...

— Абрикоса? Женского рода? — хохотнул Володя. — Так не говорят.

— Ну а в нашем дворе говорили!

Двор был наполнен звуками. Скрипели ржавые качели. Кидаясь друг в друга белыми лепестками, верещали дети. Компания подростков расселась на скамейках, слушая, как играет на гитаре какой-то парень. Внимание Володи привлекла девушка в черной футболке с надписью *Stigmata* — напомнила Машиного сына. Он удивился про себя: «Какая религиозная нынче молодежь пошла».

Полноватый мужик сверлил что-то возле гаража, а неподалеку от него двое пенсионеров, переругиваясь, пытались завести мотор старого «Запорожца».

Озираясь вокруг, Юра прокомментировал:

— Надо же, и качели те же, еще целые!

— Это с них ты свалился в детстве? — спросил Володя.

— Ага. — Юра повернулся к нему, вскинул бровь. — Неужели ты помнишь?

— Да, конечно, помню, — кивнул Володя. Ему так нравился шрам на Юрином подбородке, сколько раз он мечтал его поцеловать?

Юра будто инстинктивно вскинул руку и провел пальцами под губой.

— До сих пор остался, кстати. Заметно?

— Если очень присмотреться, то да, — улыбнулся Володя.

Мужик, до этого что-то сверливший, отложил дрель, встал с низкой табуретки и, вытирая руки о грязные штаны, подошел к ним.

— Эй, кого-то ищите? — неприветливо спросил он.

— А? Нет. — Юра ему вежливо улыбнулся и принялся объяснять: — Я жил здесь в детстве. В конце восьмидесятых уехал и вот вернулся посмотреть, как все изменилось.

Он говорил негромко и искренне, но мужик, подозрительно уставившись на него, внимательно осмотрел с ног до головы, прищурился. Володю насторожил этот взгляд.

— И как фамилия у тебя? Я тут много кого из жильцов знаю.

На вид мужику было лет пятьдесят, теоретически он мог помнить Юру или хотя бы его родителей.

— Конев. Мы жили вон там, — Юра указал пальцем в угол двора, — в девятнадцатой. Мой отец был хирургом.

Мужик задумался на несколько секунд, почесал затылок.

— Не, не помню, — грубо бросил он. Еще раз подозрительно посмотрел — в этот раз и на Володю. Пожал плечами и, не попрощавшись, потопал к своему гаражу.

Юра обескураженно взглянул Володе в глаза. Кивнул сам себе и, развернувшись к арке, позвал:

— Пойдем!

Володя опешил:

— Но ты же даже до своей квартиры не дошел...

— А смысл? Она уже давно не моя, что мне тут делать?

По тону стало ясно, что его настроение ухудшилось. Без лишних слов Володя направился следом.

Выйдя на улицу, они пересекли трамвайные рельсы, и Юра повел Володю в сквер напротив дома. Прошел через высокие черные ворота, направился по аллее к кованой скамейке, уселся на нее. Устроившись рядом, Володя обеспокоенно заглянул ему в лицо.

— Что случилось?

Юрины губы дрогнули, но что за эмоция крылась в этом движении, Володя не понял. Наверное, злость.

— Не знаю, — словно в подтверждение Володиной догадки, буркнул Юра. — Станный какой-то мужик. Хотя... чего я ожидал? Что кто-то вспомнит меня спустя двадцать лет?

— Для тебя это так важно? — осторожно спросил Володя.

— Не то чтобы, просто... Я очень любил это место. — После небольшой паузы Юра хмыкнул. — Наша квартира проходила насквозь через весь этаж, и из нее было два выхода. Один — на улицу к трамвайной остановке. А другой — сразу во внутренний двор. А в него, как в итальянское патио, можно попасть только через арку. — Взгляд Юры стал мечтательным, голос потеплел, и он продолжил делиться воспоминаниями: — С малых лет меня и моих друзей родители спокойно отпускали гулять допоздна — для нас этот дворик был самым безопасным местом на земле. Там всегда находился кто-

нибудь из взрослых — как сейчас тот мужик, — кто-то «свой». Соседи мгновенно реагировали, когда во двор попадали чужие — выясняли, кто такие, к кому и зачем пришли, и в случае чего сразу выставляли вон. И вот сейчас получается, что как чужого выгнали меня... Нет, я не то чтобы очень расстроен, просто... это странно. Я пришел с ощущением, что вернулся домой, а вон оно как получилось...

Володя не знал, какой реакции ждал от него Юра, поэтому поддержал:

— Кстати, когда я приезжал сюда, ко мне тоже пристала какая-то бабка, мол, чего это я здесь хожу. А я тебя искал. — Он грустно улыбнулся.

Юра взглянул на него, склонив голову набок.

— И в итоге нашел! — И, будто угадав, что Володя станет спорить, отрезал: — Лучше поздно, чем никогда.

На это Володя лишь пожал плечами.

— И все же странно, что этот мужик тебя не узнал, — добавил он после минутного молчания. — Он выглядит куда старше нас. И ладно тебя, но твоих родителей-то он должен был помнить. Хирурга-то с доступом к спирту, особенно во времена сухого закона...

— Да не факт. Отец постоянно пропадал в больнице. А я во дворе гулял редко — у меня то школа, то пианино. И только когда я забросил музыку и стал с пацанами мотаться... и то среди наших я был вечно на вторых ролях. Самый главный бунтарь у нас Шурик, вот его сто процентов помнят все в нашем дворе.

Они задержались в сквере еще на час. Прогуливаясь по тенистой аллее, вышли на небольшую площадь, что раскинулась перед зданием спорткомплекса. В усадебном двухэтажном доме с колоннами, судя по афишам-объявлениям, работали секции борьбы и художественной гимнастики для детей. Юра травил байки из юности — как гонял по этой площади на велосипеде с ребятами со двора, как лазил по трубам и однажды, не удержав равновесия, свалился в заросли крапивы.

— Дня три у меня все чесалось. Вообще все и везде! — смеялся он.

Этот сквер все еще пользовался популярностью у подростков. Они, как и в Юрином детстве, гоняли по асфальтированной площадке возле входа в спорткомплекс, но уже не на велосипедах, а на скейтбордах.

Отдохнув в тени, они отправились дальше, к Юриной школе.

— А здесь, кстати, Маша училась! — сказал Юра, указывая пальцем на громаду тринадцатой школы.

— А вот и нет. — Володя помотал головой. — Она училась в восемнадцатой, а в этой Женя был физруком.

— Ой, и правда. Ну не все же мне помнить... Главное — не забыть, в какой учился я сам!

Юрина школа располагалась чуть дальше. Но, не дойдя до нее, на перекрестке Юра остановился и уставился на забор, который скрывал от глаз старое трехэтажное здание.

— Это же театр Муссури! Что с ним стало?

Володя вскинул голову — за ограждением, разрисованным и обклеенным объявлениями, виднелось полуразрушенное строение, еще хранящее следы былой роскоши. Но теперь оно больше пугало, чем восхищало: отколотая желтая плитка, торчащие из окон деревяшки, осколки лепнины, провалившийся внутрь купол.

— Театр музыкальной комедии переехал на ту улицу, — пояснил Володя, указывая себе за спину, — давно уже. А это здание признали аварийным, оно часто горело. Слышал, буквально осенью его тушили в очередной раз.

Повернувшись, Юра рассеянно посмотрел на Володю.

— Я каждый день мимо в школу бегал, у меня окна кабинета сольфеджио на него выходили... Такое величественное здание, красивое, я вечно его разглядывал, когда скучал на занятиях...

Володя развел руками.

— Ну а сейчас это пристанище бомжей и подростков, которые любят шататься по заброшенным местам. Слышал, коллеги обсуждали, что последний пожар случился как раз из-за них — жгли костер прямо на сцене.

— Ну, может, отреставрируют. Это же памятник архитектуры.

Юра вздохнул, еще раз окинул печальным взглядом старый театр и свернул в переулок.

Территория его школы пустовала, но, несмотря на выходной день, из приоткрытого окна на первом этаже лилась стремительная мелодия — скрипка. Юра взмахнул пальцами в такт музыке, промышчал мотив себе под нос.

— По субботам здесь тоже идут занятия? — спросил Володя.

— Ну, когда я тут учился, не было... Может, дополнительно кто-то занимается? Эх, это же Паганини, двадцать четвертый каприс. Как же я ненавидел играть его на пианино.

— Почему?

— Не получалось. Я с самого начала, как только мне задали разучивать, просто возненавидел этот каприс. Он написан для скрипки! Ты слышишь? Он же просто сумасшедший, с безумными скачками! А скорость? Он заточен под смычок! А его переложили на клавиши. Я так психовал... Пальцы буквально в узел завязывались во время игры, я постоянно сбивался. А он еще из нескольких частей состоит, и каждая со своим размером. Ой, это просто кошмар моего детства... — Он задумчиво хмыкнул и подытожил: — Придем домой — надо будет попробовать сыграть...

Володе нравилось слушать Юру, особенно когда он, мечтательно глядя в никуда, говорил так вдохновенно. Но в этом дворе в голову навязчиво рвались собственные воспоминания.

Здесь Володя познакомился со Светой. Именно во дворе Юриной школы произошла встреча, которой не должно было быть.

Что привело Володю к этим стенам? Ведь тогда он точно знал, что Юры давно нет в Харькове. Во всем виновата случайность — однажды, проходя мимо, он услышал звуки пианино, доносящиеся так же, как и сегодня скрипка, из окна первого этажа. Быть может, тогда играли этот же самый двадцать четвертый каприс Паганини. Володя остановился неподалеку — просто послушать. Прикрыл глаза и на одно мгновение позволил себе представить, что играет не кто-нибудь, а Юра, что робкая летящая мелодия струится из-под его пальцев. И в тот момент на какую-то долю секунды ему показалось, что стоит обернуться — и из дверей школы выйдет Юрка, радостно помашет ему рукой и побежит навстречу. Но, обернувшись в реальности, Володя увидел взрослую девушку в черном брючном костюме.

— Ты кого-то ждешь? — просто спросила она — без приветствия. Володя пригляделся к ней — вздернутый нос, короткая стрижка с начесанной челкой, не по моде скромный макияж.

— Да, — не раздумывая, сказал он, но тут же исправился: — То есть нет.

— Так да или нет? — Она удивленно изогнула бровь.

— Не знаешь, кто это играет? — зачем-то спросил Володя.

— Судя по качеству игры, явно не преподаватель, — улыбнулась она. — Кто-то из учеников. Там класс фортепиано.

В ответ Володя лишь многозначительно промычал. А она не сдавалась:

— Точно никого не ждешь? Ты скажи, я могу позвать...

В реальности Юра щелкнул пальцами перед его носом.

— О чем задумался?

Володя моргнул.

— Да нет, ни о чем. — И вдруг неожиданно для самого себя признался: — Свету вспомнил.

Юра хмыкнул:

— Свету? Твою неудавшуюся невесту?

— Да.

— С чего это вдруг?

Володя задумался. После разговора про Йонаса поднимать тему бывших не хотелось, а говорить про Свету — и подавно. Но Юра, будто прочитав его мысли, предупредил:

— Если беспокоишься, что буду ревновать, будь спокоен: это явно не тот случай. Но если не хочешь вспоминать, я не настаиваю... Я спросил просто потому, что сегодня весь день мы говорили только обо мне...

Володя вздохнул.

— Да ничего такого. Она в этой школе работала, вот и вспомнил.

— Какая ирония. И на чем она играла?

— Она преподавала вокал. А я, бывало, приходил сюда во время обеда — офис же недалеко. Не делай такое удивленное лицо. Конечно, я знал, что это твоя школа и тебя там уже нет! Просто мне очень нравилась атмосфера этого двора.

Юра отошел от окон школы, махнул Володе рукой, приглашая последовать за ним. Сел на скамейку под кленом, а когда Володя устроился рядом, повернулся к нему вполборота и с любопытством заглянул в лицо:

— Расскажи, какой она была?

Юра будто пытался вытащить из него нечто очень личное, спрятанное слишком глубоко. И хотя Володю смутил настолько навязчивый интерес, он не стал недоговаривать или врать.

— Знаешь, вы чем-то похожи. Я раньше и не задумывался об этом, но сейчас, глядя на тебя и вспоминая ее... нахожу общие черты. В принципе, это даже неудивительно...

Юра улыбнулся, придвинулся ближе, всем видом показывая, что собирается разразиться тирадой, но спросил только:

— А еще?

— Что еще?

— Кроме того, что на меня похожа? Она тебе нравилась?

Володя пожал плечами.

— Конечно, нравилась. Но не как девушка, а как личность. Ты же понимаешь, что я не мог влюбиться в нее... — сказал он, будто оправдываясь.

— Я понимаю.

— А я не понимал тогда. — Володя уставился на свои руки, сжал и разжал кулаки, сцепил пальцы в замок. — Я был таким непробиваемым болваном! Зная, кто я такой и в чем именно моя проблема, упрямо пытался найти что-нибудь плохое в ней! Видимо, чтобы переложить ответственность. И ведь, как ни старался, так и не нашел. Да, Света не была идеальной, но она была очень хорошей и любила меня. А я... ты знаешь. До сих пор ненавижу себя за это.

— Не бросайся в крайности. — Юра незаметно коснулся мизинцем тыльной стороны его ладони. — Мы все совершаем ошибки.

— Да. Но мои ошибки должны вредить только мне. А тут я мог сломать жизнь ни в чем не повинной девушки!

Юра не стал ничего отрицать, внимательно на него посмотрел и спросил:

— А что с ней сейчас?

— Не знаю. Здесь, — Володя кивнул на школу, — она точно не работает, уволилась, еще когда мы встречались. А так... Мы не общались после расставания. Вряд ли она хотела бы меня увидеть.

— А ты ведь так и не признался ей, почему вы расстались на самом деле, — задумчиво произнес Юра, но Володя не понял, спрашивает он или утверждает.

— Нет. Я боялся, что сделаю ей еще больнее. Но так я решил тогда, а сейчас... — Снова уставившись на руки, Володя задумался. — А вообще, знаешь, Юр, я и сейчас поступил бы так же — не стал бы говорить всей правды. Думаешь, это неправильно?

Юра покачал головой.

— Не знаю. — Он встал, набросил пальто на плечи. — Не могу сразу ответить. Вопрос на самом деле сложный, надо думать, взвешивать...

Володя тоже поднялся на ноги.

— Замерз? Пообедаем где-нибудь и дальше гулять или уже хочешь домой?

Юра хитро улыбнулся.

— Хочу тебя поцеловать, если честно. Но с этим придется повременить...

Володя потянулся к Юре, поправил воротник его пальто, разгладил складки на шарфе, украдкой провел подушечкой большого пальца по щеке, коснулся сережки.

Выходя из ворот, Володя еще раз обернулся к школьному крыльцу. Когда-то он пытался найти здесь кареглазого мальчика из «Ласточки», но нашел лишь новую ошибку.

А спустя годы, украдкой сжимая Юрины пальцы, Володя больше не чувствовал вины, только легкость на душе. Ведь «вчера» наконец стало неважным — ведь теперь у них появилось «завтра». Пришло время отпустить призраков прошлого.

Глава 18

Первые ласточки

С того дня, как Юра сдал билет, время полетело стремительно. Они просто жили вместе: работали и бездельничали, покупали продукты в магазине, гуляли с собакой — как обыкновенная семья. Пусть такая жизнь кому-то и могла бы показаться скучной, но она очень нравилась Володе. Он все больше убеждался в том, что хотел именно этого, именно к этому и стремился. Одно расстраивало: отпуск закончился, в офис приходилось ездить каждый день, и текущая пятница не стала исключением.

— Ты во сколько планируешь вернуться? — спросил Юра, провожая Володю до машины.

Они вышли из дома, Володя открыл гараж.

— Постараюсь закончить пораньше, — ответил он, целуя Юру в щеку. — Часов в пять. Если бы не встреча с заказчиком, вообще бы никуда не ездил.

На самом деле Володя мог бы попросить Брагинского провести переговоры вместо него. Но он перестал ему доверять после инцидента с задержкой фур в новогодние праздники. К тому же грубоватая манера общения Брагинского с клиентами с недавних пор стала беспокоить Володю. Тем более что данный проект был одним из самых крупных и важных для фирмы за последние несколько лет. Поэтому Володя и решил проконтролировать встречу, которая не должна была занять много времени.

— Да ладно, не спеши сегодня, — пробормотал Юра, кутаясь в Володин халат — он полюбил надевать его по утрам. — Я с Шуриком договорился встретиться в четыре. Не успею закончить к пяти.

— С Шуриком? — не понял Володя. Собираясь сесть в машину, он взялся за ручку двери, но так и замер на месте.

Юра вздохнул.

— Сосед мой, со двора, помнишь? Главный хулиган. Единственный из друзей детства, чей телефон у меня сохранился.

Володя нахмурился. Юра не посвящал его в свои планы. Выходит, он собирался ехать в одиночку в Харьков к малознакомому человеку с сомнительным прошлым.

— А ты давно с ним общался? — строго спросил Володя. — Вообще знаешь, что это за человек сейчас?

— Вот как раз и пообщаемся, наверстаем упущенное. А что? Боишься, что меня уведут? — Юра лукаво улыбнулся. Но Володе было не до шуток.

Юра слишком отличался от местных своей яркостью, живой мимикой и манерой речи, а главное — слишком непринужденным, иногда даже чуть развязным поведением. Он вел себя в Харькове так же, как и в либеральном Берлине. И в этом сильно ошибался: здесь, в Украине, Юрины отличия могли стать поводом для конфликта. Володя из-за этого не беспокоился, когда был рядом и мог в случае чего защитить Юру. Но сегодня тот надумал ехать один.

— Не боишься, что этот Шурик может обидеть тебя? — напрягшись, спросил Володя. — Много лет прошло все-таки, ты изменился...

— Обидит? — Юра рассмеялся. — Володь, ты чего, мы же друг друга с пеленок знаем!

— Знали, — поправил тот. — В таком случае давай я хотя бы отвезу тебя туда?

— Ну я же не маленький ребенок! Поезжай на работу, я сам доберусь. Ничего со мной не случится. Мы просто посидим у него, поболтаем, детство вспомним.

— Ладно, — нехотя согласился Володя. В конце концов, не ограничивать же Юрину свободу? Он взрослый человек, а Володя не тюремщик... — Тогда продиктуй мне адрес этого твоего Шурика.

— Зачем? — удивился Юра.

— Потому что мне так будет спокойнее, — просто ответил Володя, но, увидев его подозрительный прищур, добавил: — На всякий случай.

Тот, сунув руки в карманы халата, хмыкнул:

— Ладно... Мы договорились в четыре встретиться на Научной. Спрошу у него точный адрес и пришлю тебе.

Но ни в четыре, ни в половину пятого сообщение от Юры так и не пришло. Володя, постукивая пальцами по столешнице, выслушивал претензии заказчика и объяснения Брагинского, а сам то и дело косился на телефон. Не выдержал, быстро набрал:

«Юра, ты забыл про адрес?»

Действительно забыл, но улицу и номер дома выслал.

Переговоры затянулись. Попрощавшись с заказчиком в семь вечера, Володя не стал собираться домой — пришлось созвать коллег на экстренное совещание по итогам встречи. Лера бросилась обзванивать тех, кто уже ушел из офиса: одних просила вернуться, а другим — приказывала.

Покончив и с этим, совершенно вымотанный Володя откинулся на спинку кресла. Позвонил Юре. Долго слушал длинные гудки, уже, начав нервничать, хотел набрать заново, но Юра ответил, тяжело дыша:

— Да?

— У тебя все нормально? — встревоженно спросил Володя.

Но вместо ответа в трубке послышался топот, затем хлопок, металлический стук и шорохи.

— Юра? — резко встав с кресла, позвал Володя. — Ты слышишь?

— Да. Слышу-слышу. В подъезде я. Был. Спускался. Все нормально.

Володя заподозрил неладное. Юра казался одновременно заторможенным и нервным, если не сказать злым, говорил на повышенных тонах, тянул гласные, а его голос звучал непривычно низко. Володе хватило одной фразы, чтобы понять: он пьян и, судя по всему, сильно.

Володя занервничал. Поддатый Юра — более нежный, более откровенный — становился для Володи еще более притягательным, казался забавным. Так было обычно, но не сейчас, когда тот пропадал неизвестно где и с кем.

— Юра, где ты находишься? По тому же адресу, который скидывал? Я сейчас за тобой приеду.

— Брось, Володь, все нормально, я возьму такси.

— Я уже выхожу из офиса, мне до Научной буквально пять минут ехать. Жди.

Володя не стал сбрасывать вызов, но, пока одевался и закрывал офис, убрал телефон от уха. А когда отдал ключи охраннику, увидел, что Юра положил трубку.

До Научной он и правда доехал за пять минут. Дольше пришлось петлять по незнакомым переулкам, ища нужный дом. А когда его нашел, Юры там не оказалось. Володя дозвонился до него только с третьей попытки и изнервничался так, что, выезжая со двора, чуть не задел припаркованную машину.

— Юра! — крикнул он в трубку. — Ты, блин, где?

— Возле метро, — ответил тот так, что Володя с трудом расслышал — из трубки доносились музыка и гомон.

— Возле какого?

— Возле Научной!

Выругавшись сквозь зубы, Володя выехал на проспект.

Возле входа в метро, как обычно, толпился народ, из ближайших кафешек гремела музыка, светили огни иллюминации. Юра стоял под липой у лавочки — пальто нараспашку, шарф не завязан, а просто перекинут через шею.

Расталкивая людей, Володя стремительно подошел к нему. Но тот, сосредоточенно уставившись в телефон, его не заметил.

— Юр! — подойдя вплотную, позвал Володя.

— О, приветик. — Юра натянуто улыбнулся.

— Что с тобой? Ты почему не дождался меня?

Улыбка сползла с его лица.

— Хотел уйти.

— Но я же попросил тебя подождать!

Вдруг Юра сцепил зубы и без толики прежней мягкости в голосе отрезал:

— А я сказал, чтобы ты не ехал за мной! Но ты же все равно здесь!

Не ожидая такой резкой смены тона, Володя растерялся. А Юра вдруг тряхнул головой, будто пытаясь избавиться от ненужных мыслей, неуклюже наклонился и уперся лбом Володе в плечо.

— Прости. — Он вдохнул, будто собирался сказать что-то еще, но замолк. Володя почувствовал, как Юра коснулся его запястья, скользнул пальцами ниже, сжал его ладонь.

Володя стыдливо оглянулся вокруг. Наткнулся взглядом на девушку, явно ждущую кого-то у входа в метро, — она, скривившись,

смотрела прямо на них. Володя выдернул руку — инстинктивно, не успев даже осмыслить свои действия. Юра немного растерянно посмотрел на него.

— А, люди же, ну да, понятно... Поехали домой, — вздохнул он и, чуть пошатываясь, направился к парковке.

Пока дошли до машины, Володя успел успокоиться. Выехав на дорогу, попытался объяснить:

— Юр, я не хотел убирать руку, просто...

— Да я понимаю. Все нормально, — вяло пробормотал тот.

— Нет, я правда не хотел. У тебя что-то случилось? Ты выглядишь так, будто не с другом встречался, а даже не знаю...

Володя отвлекся на гудок пролетевшей мимо машины — какой-то идиот попытался его подрезать — и едва успел выкрутить руль влево. Он выругался сквозь зубы, а Юра, казалось, даже не заметил произошедшего. На вопрос он так и не ответил, лишь отвернулся и, сложив руки на груди, уставился в окно.

Володя решил снова заговорить с ним только по возвращении домой. Он тянул время: вымыл Герде лапы, переоделся в домашнее, а когда вышел в гостиную, Юра стоял у кухонного стола со стаканом рома в руке.

— Может...

Володя хотел было предложить Юре притормозить с алкоголем — и так уже достаточно выпил в гостях. Но тот залпом осушил стакан и со стуком поставил его на стол.

— Я немного, — опередил его Юра. — Больше не буду.

Володя быстро подошел к нему, заглянул в лицо.

— Скажи мне, что случилось? Я же вижу: ты сам не свой.

Тот покачал головой.

— Да ничего особенного. Правда, ерунда какая-то в голову залезла. Оно того не стоит, а мне как-то... — Он задумался, подбирая слово. — Паршиво.

— Ты расстроился из-за этого, как его там, друга твоего? — с явным пренебрежением протянул Володя.

— Да, наверное. Слушай, ты в любом случае скажешь, что я зря грузюсь и оно того не стоит, так что...

— Юра! — Володя укоризненно посмотрел на него. — Рассказывай.

— Да блин... — Тот уселся за кухонный стол и устало уронил голову на скрещенные руки. — Совершенно все по-дурацки как-то. Это со мной, видимо, что-то не так. Я ведь прекрасно понимаю, что прошла куча времени и многое давным-давно поменялось, но в какие-то моменты я выпадаю из реальности, и мне кажется, будто не было этих пятнадцати лет в Германии, будто все по-прежнему. Я с Шуриком дружил буквально с пеленок, мы вместе ходили до школы, только он раньше меня сворачивал в свою тринадцатую. Вместе по крышам лазили, абрикосы зеленые жрали, карбид взрывали и на великах гоняли по скверу. Он всегда был простым пацаном, ну не зря же его с детства называли даже не Саня, а именно Шурик. Наверняка он таким и остался, это, видимо, я изменился слишком сильно. — Юра поднял голову, посмотрел на Володю, который тут же сел напротив. Вздыхнул, усмехнулся. — Сто лет не пил коньяк, не люблю, а этот даже неплохо пошел... — Вопреки своим словам, Юра с отвращением поморщился. — Жена у Шурика противная до жути. Не давала нам посидеть нормально, все время заходила на кухню и вмешивалась. А говорила со мной так... презрительно, насмешливо. И смотрела брезгливо, как на прокаженного. — Юра задумался, махнул рукой. — Хотя на самом деле задело меня другое. Ну ты только подумай: Шурик кладовщиком работает, а она сама — парикмахером. Но как заговорили про мою работу, эта курица так скривилась, будто сама она британская королева, а я какой-то трубадур! — Юра закатил глаза и визгливо передразнил жену Шурика: — «Всего лишь саундтреки на заказ? А я-то думала, что если уж человек называет себя композитором, то он что-то великое пишет, от души!»

— Ну так объяснил бы ей, как все обстоит на самом деле! — воскликнул Володя. — Она же просто глупая баба...

— Я мог бы, но тут Шурик ей поддакнул. Мол, не переживай, Юра, все еще будет, напишешь что-то свое, великое, что обязательно принесет тебе денег и славы... И я из-за этого так разозлился!

Володя обеспокоенно смотрел на него, ожидая продолжения. Но тот пожал плечами и замолчал. Володя аккуратно произнес:

— Да ладно тебе, Юр. Ты же сам говоришь, что Шурик с женой обыватели. Они явно не из тех, кто способен понять искусство.

Выходило, Володя должен был догадаться сам, что именно разозлило Юру. Но он не мог. А тот мимолетно улыбнулся — по

крайней мере, на этот раз не фальшиво, а скорее снисходительно.

— Я так и знал, что ты скажешь, будто я переживаю из-за ерунды.

— Нет! Если что-то тебя беспокоит, значит, это не ерунда. И твоя реакция нормальна. — Володя аккуратно взял Юрины руки в свои, погладил костяшки пальцев. — Они обесценивают то, что для тебя очень важно. Но они чужие люди. А близкие тебя понимают. Например, я. Я прекрасно знаю, что ты вкладываешь душу даже в заказную работу. А про то, что это «всего лишь саундтрек», даже думать забудь! Другие ведь и мысли не допускают о том, что музыкальное сопровождение фильмов, сериалов и постановок не менее важная составляющая. Они не знают, что так было всегда! Помнишь, ты сам говорил, что великие композиторы тоже писали саундтреки, только к спектаклям, операм и балетам... — Володя говорил вдохновенно, ища в Юрином взгляде одобрения. — Другое дело, что сейчас на одних саундтреках сложно прославиться, а из-за нестабильности дохода тебя нельзя назвать состоятельным...

Юра нахмурил брови, и Володя поправил себя:

— Не знаю, может, не вкладывайся ты во все это так сильно, смог бы писать больше и быстрее?

Юра резко вырвал руки и зло посмотрел на него.

— Как вы все достали! — воскликнул он. — Я тебе принтер, что ли, чтобы печатать ноты? Да и нормально я зарабатываю! Не все в этом мире меряется деньгами, а творчество — и подавно!

От его выкрика Володя растерялся.

— Юр, я не хотел... — осторожно сказал он и попытался снова взять его за руки, но тот отшатнулся и молча ушел в спальню. Володя остался стоять посреди кухни, удивленно уставившись на дверь. Прокручивая в голове Юрин рассказ и свои слова, он никак не мог понять, что же такого ужасного сказал и что могло так задеть Юру. Или он просто искал повод хоть к чему-нибудь прицепиться?

* * *

На следующий день они приступили к обустройству Юрино кабинета. Прежде всего нужно было перенести пианино, и Юра долго решал, куда именно его поставить. Ближе к обеду он наконец определился.

Володя вызвал рабочих, а Юра удобно устроился на диване в гостиной, похлопал рядом с собой. Но Володя не сдвинулся с места, смущенно кашлянув, попросил:

— Не мог бы ты уйти в спальню и не выходить оттуда, пока рабочие не закончат? — Он сердился сам на себя из-за этой просьбы, но другого выхода не нашел.

— Почему? — спросил Юра с растерянной улыбкой. — Ты что, прячешь меня?

— Конечно, нет! Просто... Это же мои подчиненные, вдруг распустят слухи о том, что я живу с каким-то мужчиной. Я ни в коем случае не хочу тебя прятать, но и оправдываться на работе — тоже.

Юра вздохнул.

— Понимаю. Ладно, тогда погуляю с Гердой в саду.

— Юр, если ты будешь во дворе, они тебя увидят... — Володе стало неловко, вся ситуация казалась глупой, но он не преувеличивал: слухи среди рабочих быстро дойдут до Брагинского, а от него — до матери.

Юра оглядел окна, сердито нахмурился, кивнул.

— Ладно, денусь куда-нибудь подальше.

Когда рабочие ушли, Володя отыскал Юру с Гердой недалеко от реки. Тот кидал ей летающую тарелку, и собака, воодушевленно поскуливая, с игрушкой в зубах мчалась обратно к нему.

У Володи отлегло от сердца — Юра не сердился и как ни в чем не бывало радостно улыбнулся ему.

— Уже закончили?

— Ага, все готово. — Володя кивнул и виновато посмотрел на него. — Юр... Ты, наверное, обиделся на то, что выгнал тебя. Прости меня. И за вчерашнее тоже прости — я какой-то чуши наплел. Ты же знаешь, я иногда бываю таким дураком, нормально выразиться не могу...

Юра шагнул ближе, ткнул пальцем Володе в переносицу, поправляя очки.

— О, еще как знаю. Поэтому и не обижаюсь. — Он погладил его по щеке. — Все хорошо, не переживай, твоя собака компенсировала мне весь причиненный моральный ущерб. Но за тобой должок. — Он протянул ему тарелку и кивнул в сторону подпрыгивающей от нетерпения Герды.

Пианино установили там, где указал Юра. Володя выдохнул с облегчением, увидев его довольный кивок. Юра говорил, что место инструмента очень важно: пианино деревянное, на сквозняк — нельзя, у батареи — нельзя, в сырости тоже — нельзя. Но Володя подозревал, что Юра думал не столько об инструменте, сколько о себе, иначе почему оно стояло точно там же, где и дома в Германии?

Юрин новый кабинет был в два раза больше немецкого. Он мерил шагами пока еще пустое пространство комнаты, раздумывая о чем-то своем. Подошел к огромному окну, выглянул на улицу.

— А здесь здорово, ты согласен? — протянул Володя, обнимая его со спины. Вид открывался такой, что недолго zalюбоваться: лес, небо и в самом центре флашток лагеря «Ласточка».

— Сказать по правде, я и мечтать о таком не мог, — промурлыкал Юра и сжал Володины руки, сцепленные в замок у себя на животе. — Поставим стол, и будет вообще идеально. И чем я только заслужил такого Володю?

Прежде чем Володя успел наклониться и поцеловать его, Юра выскользнул из объятий и, оказавшись у пианино, нежно погладил крышку.

— Тебе нужен не только стол. — сказал Володя. Он шагнул к Юре, уселся на банкетку. — Думаю, диван будет нелишним. А пока... — Он подтянул Юру за талию к себе, скользнул пальцами под кофту. — Юр, а ты знаешь, что на пианино можно не только играть, а например... сидеть или, если очень постараться, даже лежать... А еще знаешь что делать?

— Эй! Я тебе, блин, полежу на пианино! Даже не подходи к нему, варвар! — рывкнул Юра, а потом, когда Володя принялся щекотать ему бока, дернулся и захохотал. Успокоившись, он пропыхтел: — Чего это ты собрался делать, лежа на нем?..

— Ну не знаю, — лукаво протянул Володя.

— А я знаю! Теперь мне понятно, кто его довел до такого плачевного состояния!

— У меня дома, кроме тебя, не было никого!

— Так ты еще и в одиночку его довел?!

— Ну перестань, — засмеялся Володя, хватая Юру за руки и закидывая их себе на шею. — Поехали в Харьков, купим тебе диван?

— Вот еще. Я сам могу купить. Попозже. Вот переведут гонорар за сериал...

Теперь пришла очередь Володи дергаться — Юра стал щекотать ему затылок.

— Ложка к обеду хороша, — ежась от прикосновений его пальцев, возразил Володя. — Я что, в конце концов, не могу тебе его подарить?

— Нет, Володь, мне такое не нравится, — неожиданно серьезно заявил Юра. — Я не собираюсь сидеть у тебя на шее.

— Юра, это вообще-то мой дом, что хочу, то в него и покупаю.

Спорить с таким аргументом было бессмысленно. Но Юра продолжал ворчать — и когда одевался, и по дороге в магазин, и в самом магазине. Однако, увидев диванчик, как две капли воды похожий на тот, что стоял у него в Германии, мигом замолк.

На обустройство кабинета ушли все выходные. Володя втихую купил еще два стеллажа, а Юре сказал, что заказал их уже давно. Мол, хотел сделать на втором этаже библиотеку, а собрать и поставить руки так и не дошли. Юра недоверчиво хмурился, но делать нечего — коробки уже лежали в подвале. Среди них Володя «неожиданно» обнаружил удобное «отцовское» кресло.

За эти два дня Юра ни разу не сел за инструмент. Но, как только наступили будни, и Володя начал ездить в Харьков, тот продолжил заниматься. Володя старался проводить с ним больше времени, возвращаясь из офиса пораньше. Но все чаще удавалось работать удаленно — еще и под аккомпанемент фортепиано, что звучало со второго этажа.

Порой Володя ловил себя на мысли, что все это какой-то чудесный сон, сбывшаяся мечта: работать, зная, что в одном доме с ним творит свою музыку его Юра.

Но вскоре Юра стал нарушать свой график. Сперва Володя не придавал этому особого значения. Просто отмечал, что, вопреки режиму, дома становилось тихо. А в один из дней, вернувшись из бассейна, застал Юру за просмотром телевизора вместо занятия музыкой.

— У тебя все в порядке? — осторожно поинтересовался он, садясь на диван рядом. — Недавно я не мог оторвать тебя от пианино, чтобы накормить... Я думал, у тебя строгий график.

Юра пожал плечами, переключил пару каналов, отложил пульт.

— Я вносил правки в последний заказ, снова отдал его на проверку. Вот теперь и делать особо нечего.

Володя вовсе не был против Юриного отдыха. Наоборот, так даже лучше, ведь они могли проводить больше времени вдвоем. Но все же: разве не Юра еще недавно говорил, что из-за заказов у него не оставалось ни минуты на собственную музыку?

— А других заказов у тебя нет?

— Есть пара предложений, — кивнул Юра, — снова для сериалов. Но я побаиваюсь за них браться.

— Почему?

— Вдруг не справлюсь.

Володя вопросительно на него посмотрел, ожидая пояснения. Юра протяжно вздохнул.

— Я очень устал от прошлого сериала, заказчики жутко придирчивые. А для новых проектов предлагают работать по той же схеме, и писать придется примерно то же самое. В общем, долго объяснять, не бери в голову.

— Ладно. Но как же твоя музыка? — Увидев тяжелый взгляд Юры, он объяснил: — Я не настаиваю и не заставляю, я просто переживаю за тебя, понимаешь? Ведь ты говорил, что раньше у тебя не хватало времени, а ты хотел бы записать воспоминания о Харькове...

— Да как-то... — отмахнулся тот. — Вдохновения совсем нет. По крайней мере, пока.

Стало понятно, что Юра не хочет об этом говорить, и они закрыли тему.

Володя не перестал беспокоиться, но посреди следующего рабочего дня Юра неожиданно позвонил и прокричал в трубку почти на одном дыхании:

— Мне заказали музыкальное оформление к спектаклю по «Мастеру и Маргарите»! Это такая честь! Это же Булгаков! Мы с ним земляки, я, можно сказать, буду представлять культуру СССР!

— В Харькове, что ли? — не понял Володя.

— Конечно, в Берлине! Заказчик — мой старый знакомый, я уже давно мечтал написать что-нибудь для него. Он отличный режиссер, а работа с ним — прямая дорога к известности!

— Ты уедешь? — опешил Володя, прервав восторженные восклицания Юры.

— Ну да, — сразу присмирел тот. — Но позже. У них еще не готов сценарий.

— Тогда хорошо.

— Ты говоришь так, будто не радуешься за меня, а разрешаешь мне брать заказ... — протянул Юра с подозрением в голосе.

— Не говори глупостей, я очень рад за тебя! — тут же воскликнул Володя, стыдась — ведь действительно звучало так, будто он разрешил. А может, и не будто.

Вернувшись домой в шесть, когда по графику Юра должен был писать, Володя застал его не за инструментом в кабинете, а в гостиной с книгой в руках. Судя по обложке с изображением картины «Купание красного коня», это был альбом по изобразительному искусству.

— Я думал, ты читаешь Булгакова, — удивился Володя. — Или что-то по музыке, на худой конец.

— Неужели ты думаешь, что все мои интересы ограничиваются только этим? — нахмурился Юра, но, заметив, как Володя стушевался, хмыкнул: — Да ладно, ты прав, это для заказа.

— И что это? Зачем? — спросил Володя и принялся разбирать пакеты с продуктами.

Юра присоединился к нему на кухне, стал помогать расставлять покупки.

— Когда пишу для себя, мне не особо нужен культурно-исторический контекст, а вот для таких спектаклей еще как нужен.

— А разве сценария недостаточно?

— Нет, потому что мир «Мастера и Маргариты» вполне реален. Это наш мир. Разница лишь во времени — он существовал в начале двадцатого века. Просто он описан не в «Мастере и Маргарите», а в других исторических источниках.

— Не понимаю. Объясни, — попросил Володя и стал машинально перемывать посуду — у Юры обнаружилась отвратительная привычка мыть чашки до того небрежно, что на них оставались темные разводы от чая и кофе.

— Мир, в котором живут герои Булгакова, — начал Юра, — родился не вчера и не из пустоты — это переосмысленный автором реальный мир. И этот мир существует не сам по себе, у него есть база — контекст, но контекст необычный: он одновременно и окружает нас, и составляет наше бытие.

— Если бы с музыкой не сложилось, из тебя получился бы отличный философ, — улыбнулся Володя. Он с нежностью посмотрел на одухотворенного Юру, тот сидел на табурете, мечтательно глядя в потолок.

— Не понял, да? — хмыкнул он. — Объясню на примере христианства. Однажды придуманное, оно изменило реальный мир под себя. Христианство как культура — вокруг нас, а как религия — внутри нас, мы живем по христианским заветам. Следовательно — мы живем им. А затем приходит другая религия или идеология, и мир перепридумывает сам себя. Он переосмысливает пережитое прошлое, а затем переживает переосмысленное настоящее, но уже по новым законам. Это повторяется снова и снова, и это читается во всем: в культуре, в истории, в истории культуры, в музыке...

— Никогда не копал так глубоко. Но в обычной жизни это, наверное, и ни к чему, — заметил Володя.

— Практическая польза есть для политиков. И, конечно, для нас, сочинителей. — Юра пожал плечами. — Смотри. У меня есть книга, я знаю сюжет и знаю реальную историю страны в нужный период времени. Знаю, что тогда происходило, но мне нужно разобраться, как именно это происходило тогда, чтобы понять, как позволить произойти сюжету сейчас, в спектакле. И показать все это музыкой. Для этого и нужна история искусства того периода.

Володя кивнул. Он вникнул в смысл Юриных слов, но не понял, зачем все так усложнять. Зачем заново придумывать историю? Чтобы она была реалистичной?

Ясно одно: Юра — человек, живущий в другом мире. Не в прозаичном, как Володин, и, наверное, не вполне материальном.

— А просто так, с ходу, не можешь написать чей-нибудь лейтмотив? — спросил Володя.

— Обычно так и делаю, но... не знаю, что-то не пишется.

— Может быть, из-за смены обстановки?

— Да, возможно. Наверное, ты меня отвлекаешь. — Юра улыбнулся.

— Это еще кто кого отвлекает. — Володя улыбнулся в ответ, поцеловал Юру в щеку и отправил его в кабинет.

Следующим утром Юра засобирался в картинную галерею.

— Зачем? — спросил Володя, завязывая галстук перед зеркалом в спальне.

— Многие художники и писатели ищут вдохновение в музыке, почему бы мне не поискать его у них? — философски заметил Юра, помогая ему надеть пиджак. — Знаешь, у всего в этом мире есть свой звук, у каждого места — своя мелодия. Даже тишина может быть музыкой, верно? Картины тоже звучат.

— Тогда собирайся и поехали вместе, подброшу тебя до музея, — предложил Володя, оглядывая Юру. Тот стоял на пороге спальни в одном полотенце на бедрах.

— Я собирался днем... а утром хотел почитать.

— В обед я не смогу приехать, не такси же вызывать. Поехали сейчас, а почитать сможешь и позже.

Юра пожал плечами.

— Ну ладно. Подожди пять минут.

Из-за того что заезжал в музей, Володя едва не опоздал на очередную встречу с проблемным заказчиком. А Брагинский вообще явился спустя десять минут после начала переговоров. Никто не обратил на это внимания, кроме, разумеется, Володи. Попивая потрясающе вкусный кофе, что собственноручно приготовила Лера, они подписали все документы, договорились о решении срочных задач и обсудили планы на будущее. Все прошло довольно быстро, и неожиданно для самого себя Володя полностью освободился к обеду.

Обычно они с Юрой списывались в час дня, но сегодня тот не только не написал, но и был офлайн. Пришлось позвонить.

— Ты где? Почему не пишешь? — чуть встревоженно спросил Володя.

— Ой, извини, увлекся, — полупшепотом ответил тот. — Я в музее.

— Ты уже пообедал?

— Пока нет.

— Хорошо. Я закончил работать, тогда сейчас приеду к тебе — и поедим.

— Я на втором этаже, правое крыло. Жду.

Галерея оказалась большой, но Володя легко нашел зал, где они договорились встретиться.

Когда он ступил внутрь, первое, что бросилось в глаза, — огромная, почти во всю стену, картина. Чем больше Володя

всматривался в нее, тем больше на него давил запечатленный на полотне хаос: в полную народу церковь ворвались вооруженные большевики, а поп в черной рясе преградил им путь. Юра стоял перед этой картиной спиной к Володе. Казалось бы, его маленькая в сравнении с гигантским изображением фигура должна выглядеть угнетенной царящим на полотне хаосом. Но, наоборот, Юра будто был способен подчинить этот хаос себе — одно мгновение, и он взмахнет руками, словно дирижер, и немые крики на картине зазвучат, и грянет оркестр. Но ведь Юра действительно дирижер, Володя уже видел его на сцене и знал, что его музыка и правда способна навевать образы и пробуждать эмоции.

— А вот и я, — негромко, чтобы не испугать, произнес Володя.

— Привет, — буркнул Юра. Он вдруг ссутулился и показался хрупким и слабым. Володе тут же захотелось обнять его и увести от этой чудовищной картины.

— Ну что, идем обедать?

— Осталось два зала. Давай их посмотрим, чтобы не возвращаться потом?

— Я думал, ты уже все посмотрел... — удивился Володя. — Как долго.

— Вот так, да. Перед действительно вдохновляющей картиной я могу простоять пару часов.

— И какие тебе понравились сегодня?

— Я не знаю ни названий, ни художников. Я вообще никогда не читаю таблички. Обычно я быстро прохожу всю галерею, бегло осматриваю картины, а потом возвращаюсь к тем, которые чем-то запомнились. Стою, разглядываю, придумываю истории этих картин: когда и как их писали, кто изображен на них, кем натурщики приходились художнику, что он о них думал и все тому подобное.

— Ты так развиваешь воображение?

— Именно, — кивнул Юра и остановился, показывая на неизвестный Володе портрет. — Вот, например, посмотри на этого юношу. Он пишет картину, а за ним стоит человек. Юноша — это художник, но кто же за ним? По-моему, это заказчик. Видишь позу? Он будто кукловод — вставил руку в спину художника и управляет им изнутри, как марионеткой. То есть диктует, что ему делать. Эта картина о несвободе. В этом юноше я вижу себя.

От такого заявления Володе стало не по себе — Юра всегда казался ему оптимистом. Но неужели это всего лишь маска, а в действительности он ощущал себя творческим рабом? И ни разу не сказал об этом Володе?

— Почему ты так считаешь? — спросил он. — Кто тобой управляет?

— Не знаю. Заказчики, наверное, кто же еще, — смущенно улыбнулся Юра. — Я знаю, что такие мысли глупы и инфантильны. Но я вкладываю душу в любую музыку, которую пишу, неважно, на заказ или нет. Вот и получается, что продаю душу за деньги. И при этом мне указывают, какой кусок и как отрезать.

— Помни о том, что у тебя всегда есть выбор и, что бы ты ни решил, я всегда останусь на твоей стороне, — сказал Володя, разглядывая этот портрет. Ему, наоборот, показалось, что двое на картине похожи на них с Юрой: он творит, а Володя — всегда рядом, готовый поддержать.

— Я знаю.

В следующий зал Юра вошел первым, и Володя услышал его смех. Затем раздались полные возмущения голоса других людей.

Картина, развеселившая Юру и взбесившая других посетителей, впечатляла размером, а бурную реакцию, очевидно, вызвали изображенные на ней два усатых качка в трусах с волосатыми грудями и розовыми сосками. Они сидели рядышком на диване: один держал в руках скрипку, а второй — нотный лист.

— Это что, искусство?! — матерясь, возмущался вошедший следом за Володей мужчина.

— Это отвратительно! — поддержала его еще одна посетительница. — И как я должна объяснять такое детям?

— Пидоров надо в лагеря высылать подальше от нормальных людей, а не выставять на всеобщее обозрение. — Мужик резко развернулся, собираясь уйти, но влетел Юре в плечо. И застыл на месте, глядя на его сережку. — Совсем страх потеряли, даже не скрываются, — зло прошипел он.

Володя весь напрягся.

— Это вы мне сказали? — спросил Юра ледяным тоном.

Мужик зло уставился сперва на него, затем — на Володю. Наткнувшись на его гневный взгляд, стушевался и промолчал.

— Повторите, что вы мне сказали, — потребовал Юра.

Володя шагнул к мужику ближе, закрыв Юру собой.

— Ничего. Вам послышалось, — буркнул мужик, затравленно оглядел их обоих и пулей вылетел из зала.

— Эй, что ты делаешь! — возмутился Юра, видя, что мужик уходит. — Отойди! Зачем ты встал передо мной?

— Успокойся, — попросил Володя. — Нам ни к чему скандал на ровном месте. Пошли отсюда. Ты все равно никому ничего не докажешь.

Юра чуть-чуть повозмущался, но в итоге побрел вниз по лестнице, а затем — к выходу из галереи.

До кафе шли молча, а заговорили, только когда, сделав заказ, отпустили официанта.

— Володя, что со мной не так? — спросил Юра, глядя на свои пальцы, барабанившие по столешнице.

— С тобой все в порядке, — мягко ответил тот.

Но Юра, не глядя на него, поджал губы и устало произнес:

— Чем я выдаю себя?

— Не знаю... — протянул Володя. Он опасался этого разговора, боялся обидеть Юру, но и игнорировать эту тему тоже было нельзя. — Может, дело в сережке. Ну, знаешь, эти слухи, что их носят только геи.

— А подростки что?

— Ну ты же не подросток, — улыбнулся Володя.

— Это бредовый стереотип! — фыркнул Юра.

— Согласен. Но он широко распространен, особенно среди всякого быдла.

— Да если бы он был один... — Юра перестал постукивать по столешнице, поднял голову и посмотрел Володе в глаза. — Люди на улице постоянно косятся на меня, оборачиваются...

— А ты не преувеличиваешь? — спросил Володя для проформы. Манерный и яркий, Юра притягивал к себе взгляды, хотел он того или нет.

Юра отрицательно помотал головой. Володя постарался его успокоить:

— На один презрительный взгляд приходится сто равнодушных. Просто равнодушные ты не замечаешь, а злые — помнишь. Но ведь в процентном соотношении их настолько мало, что можно сказать — и

нет вовсе. Они существуют только в твоём воображении. Не обращай внимания. Тем более это всего лишь взгляды.

— Но, черт подери, почему? У меня что, на лбу написано, какой я?

Юра требовал от него именно того ответа, который Володя особенно не хотел давать.

— Ты одеваешься слишком ярко в сравнении с местными, — осторожно начал он. — Вот посмотри вокруг, у кого ещё ты видел, например, бирюзовый шарф? Или вообще хоть что-то выделяющееся?

Как Володя и ожидал, Юра вспыхнул:

— И что ты мне прикажешь? Снять шарф и светить всем твоими засосами? — произнес он сдавленным шепотом. Обнажил шею, демонстрируя новое красное пятно возле уха.

— Блин, за это прости, — сказал Володя, с досадой подумав, что обзавелся плохой привычкой. — Но в остальном-то почему ты злишься на меня? В чем я виноват? Просто не носи на людях хотя бы сережку.

— Тебе она тоже не нравится? — тихо, почти жалобно спросил Юра. Он потянулся к уху, стал крутить пальцами золотистый гвоздик.

— Она мне очень нравится, Юр. Мне нравится в тебе все. Но одно дело — я, а совсем другое... — Он проглотил едва не сорвавшееся с языка оскорбление. — Остальные.

— Варварская страна! — воскликнул Юра так громко, что посетители за соседним столиком обернулись на них.

— Полегче, — попросил Володя. — Это же все-таки твоя родина.

— И что мне толку от этой родины? — спросил Юра уже тише. — В Германии мне хотя бы не противно быть собой! Там мне даже в голову не приходит, что я какой-то не такой. Мне ведь немного надо: просто не встречать осуждения, когда иду куда-то. Я ведь не целуюсь с тобой, не тискаюсь на людях, а просто иду один!

— Рано или поздно и на нашей улице будет гей-парад, — примирительно улыбнулся Володя. — Правда, не думаю, что от него будет толк, скорее одно раздражение.

— Или унижение, — согласился Юра, — заведут в какой-нибудь загон, как овец, и окружают ментами. — Он вздохнул, посмотрел в окно и добавил: — Хотя от любого парада толк будет.

— И какой? Возненавидят ещё больше? Люди приходят в форменный ужас от одних только фотографий с гей-парадов.

— А что думаешь ты? — спросил Юра, уставившись Володе в глаза.

Тот даже растерялся.

— Я... не знаю. Мне непонятен смысл такой показухи.

— А я уважаю открытых геев и восхищаюсь ими. Этим людям хватило сил научиться принимать себя такими, какие они есть. А их открытость нужна не только им, но и тем, кому пока не хватает сил и смелости принять себя. — Юра протянул руку к Володе, будто собираясь коснуться его пальцев, но тут же отдернул. Задержался взглядом на его лице и продолжил: — Вот, например, ты. Внешне ничем не отличаешься от гетеро, тебя не видно, а их — видно. Благодаря этой, как ты говоришь, показухе другие геи видят, что они не одни. Вспомни себя в юности и представь, насколько проще было бы, окажись ты в свои девятнадцать среди таких сильных и смелых людей. Ты бы легче принял себя.

— В свои девятнадцать я жил в СССР, — вздохнул Володя. — Ну ничего, рано или поздно и эта страна станет свободнее.

— Скорее поздно, чем рано. Гомофобия здесь таких масштабов, что кажется, будто это политика государства, — хмыкнул Юра. — Я даже уверен в этом.

— Ну не преувеличивай. — Володя улыбнулся.

— Я за одну только прошедшую неделю раз двадцать слышал осуждение в отношении геев по телевизору. И ведь это не просто говорится, а внушается людям и прямо, и косвенно.

— И что ты предлагаешь делать? — хмыкнул Володя. — Пройти парадом по всем крупным городам? И что дальше, думаешь, отношение к нам сразу изменится в лучшую сторону?

— Демонстрировать альтернативный взгляд. — Юра пожал плечами. — Признать, что гомофобия есть, и говорить о ней. Признать, что таких, как мы, много. Что мы нормальные, что, как и остальные, мы также полезны для общества. А то, что нас много, могут показать только парады.

— Ну Украина уже делает шаги в эту сторону. — Володя постарался его успокоить. — Например, есть отдельный вид фильмов и литературы про...

Юра его перебил:

— Сам факт того, что кто-то выделяет это в отдельный вид, — уже гомофобия.

Слушая Юру, Володя не мог избавиться от ощущения, что его голосом говорит Йонас. Володя вздохнул и привел последний аргумент:

— Помнишь, что было в твоей любимой Германии еще пятьдесят лет назад? Тогда геев наказывали не грубым словом, а сам знаешь как — мы с тобой были в Дахау, видели.

— Но у меня нет в запасе пятидесяти лет, чтобы ждать, когда здесь станет лучше! — Юра сердито вцепился в ухо и снял сережку. Вертя в пальцах и рассматривая ее, покачал головой. — Нет. В Германии не все идеально, но там не ощущаешь злобы и ненависти. Я бы понял, если бы меня осуждали за то, что я иду с тобой за руку, но за бирюзовый шарф и сережку в ухе?!

Их разговор прервал подошедший с заказом официант. Быстро расставив тарелки, он удалился, но за это недолгое время Юра изменился в лице. Видимо, успел что-то решить для себя.

— Какого черта я делаю? — воскликнул он, снова потянулся к мочке уха и вставил гвоздик. — Пусть думают что хотят, мне плевать!

Следовало все же попытаться уговорить Юру не надевать сережку хотя бы тогда, когда он выходил куда-то один. Ради его же безопасности. Зная Юрину вспыльчивость, Володя был уверен: дай ему повод, он ответит на оскорбление так, что драка будет неизбежна, — если надо, Юра сам ее затеет. Он не станет сдерживаться, не подставит вторую щеку — так было в юности, так осталось и сейчас. Поэтому лучше не провоцировать людей. Володя это понимал, но сказать не смог. Потому что сейчас, сердито ковыряя замочек на сережке, на Володю смотрел, сверкая карими глазами, тот самый Юрка, что двадцать лет назад в отместку швырнул в него яблоко. Уязвленный, но гордый, справедливый, но задиристый, взрослый, но столь похожий на себя юного, Юра застегнул гвоздик и теперь с вызовом взирал на Володю.

Губы того невольно растянулись в улыбке.

— Правильно, Юрочка, оставайся собой.

Но все же он боялся за Юру. Внутри у Володи все холодело, стоило представить, что в любой момент, просто поехав в магазин или

отправившись гулять, Юра может, сам того не желая, ввязаться в конфликт. И неизвестно, чем это в итоге закончится.

Володя посмотрел на него и со всей возможной серьезностью произнес:

— Юр, я все же настаиваю, чтобы ты не ходил по Харькову один, особенно по вечерам. Две головы — полдракона, помнишь?

Ему казалось, что Юра вспылит или обидится. Ведь, в конце концов, Володя не может приказать взрослому человеку запереться дома и выходить на улицу только под наблюдением. Но Юра лишь откинулся в кресле, склонил голову сначала в одну сторону, потом в другую. Размышляя о чем-то, будто что-то оценивая, он кивнул и строго спросил:

— Приставишь ко мне охрану?

Володя хохотнул:

— А что, почему бы и нет?

— Кого? — Юра сощурился. — Если это будешь лично ты, то я согласен.

— Конечно, я. Никому другому я ни за что не доверю настолько ответственную задачу.

Глава 19

Несвободное падение

Юра не нашел вдохновения в галерее. Он не говорил об этом прямо, но Володя все понял без слов, потому что за следующие пару дней ни разу не увидел его за пианино.

Помня, как тот обижался на Йонаса за нелюбовь к своей музыке, Володя решил интересоваться его творчеством как можно чаще. В офисе он старался не забывать спрашивать Юру об успехах через ICQ, а возвращаясь домой, просил сыграть то, над чем он работал весь день.

В субботу, проснувшись раньше обычного, Юра сразу же закрылся в своем кабинете, но спустился к завтраку. С благодарностью принял из рук Володи чашку кофе, виновато посмотрел на него и сказал:

— Володь, а ты не расстроишься, если я попрошу тебя эти выходные провести порознь? Почему-то мне очень тяжело дается работа над «Мастером и Маргаритой», хочу засесть в кабинете, отгородиться от мира, чтобы полностью погрузиться в контекст.

— Давай, если твоя работа этого требует. — Увидев благодарную улыбку, Володя добавил: — Но, пожалуйста, про еду и сон не забывай, мой Мастер.

Юра чмокнул его в губы.

— Обещаю, что по ночам буду полностью в твоём распоряжении.

Володя нашел чем себя занять. В субботу он полдня изучал немецкий, а в воскресенье убирался на участке — давно пора было это сделать. На улице уже все зеленело и цвело, а в саду после зимы до сих пор валялись прошлогодние листья.

Юра действительно работал все выходные — со второго этажа постоянно доносилась музыка. Правда, чаще записи, среди которых Володя иногда улавливал нечто отдаленно знакомое. Живой фортепианный звук слышался редко — и то какой-то обрывистый и нескладный, будто Юра пытался что-то наиграть и тут же бросал. На первый этаж он спускался всего пару раз — выходил либо перекусить, либо сварить кофе. Володя его не трогал и ни о чем не спрашивал —

не хотел мешать. Юра появлялся в спальне ближе к трем ночи, ложился к Володе под одеяло и пристроившись под боком, почти сразу засыпал.

Казалось, что все в порядке, ведь Юра работал над спектаклем. Но в понедельник, вернувшись домой, Володя почуял неладное. Невыгулянная Герда пулей бросилась на улицу, едва перед ней открылась дверь. Володя было махнул на это рукой: видимо, Юра заработался и забыл ее выпустить, — но, зайдя на кухню, обомлел от царящего там бардака. Понятно, что творчество Юры важнее уборки, но разве она заняла бы много времени, ведь Юра знал, что он вернется с работы поздно и уставший?

подавив раздражение, Володя собирался сделать Юре замечание, что хотя бы посуду можно было помыть, но тут же посмотрел на диван в гостиной, и желание ругаться вмиг пропало. Юра лежал в полной тишине, будто спал, но, приблизившись, Володя заметил, что его глаза распахнуты, а взгляд устремлен в никуда. Юра выглядел усталым и подавленным.

— Что-то случилось?

— Нет, все хорошо. Просто устал.

— Ты написал что-нибудь? Можно послушать? — аккуратно спросив, Володя подошел к нему и опустился на пол.

— Нет и нет, — пробормотал Юра, не поднимая головы.

— Но мне показалось, что в выходные ты поработал очень продуктивно.

— Не пишется, — ответил Юра, подставляя губы для поцелуя. — Два дня пытался написать что-то цельное и вразумительное, но ничего не вышло.

— Почему же так?

— Акклиматизация, видимо. — Он пожал плечами и взглянул на него полными грусти глазами.

Володя вздохнул, погладил его по голове, коснулся губами волос, прошептал в них:

— Юрочка, ну что с тобой такое?

— Сам не знаю. Не могу заставить себя сесть за инструмент, постоянно отвлекаюсь, а когда хожу вокруг него, что-то наигрываю, но все не так.

— Что мне сделать? Как тебе помочь?

— Никак. Ты вообще тут ни при чем. Мне до сих пор не выслали сценарий. Как получу его — дело пойдет. Просто мне очень непривычно, что вообще нет идей. От этого как-то тревожно — не творческий кризис ли это?

Володя представлял, что такое «творческий кризис», но понятия не имел, от чего он начинается и как проявляется. Но попытался утешить Юру:

— Не будь пессимистом — почему сразу кризис? Без сценария у тебя просто отсутствует постановка задачи, правильно ведь?

— Да-а... — задумчиво протянул Юра и уже веселее добавил: — А ведь ты прав! Все-таки так здорово, что ты интересуешься моей работой. То подскажешь что-нибудь, то просто выслушаешь. Это так приятно.

— А мне будет приятно, если ты помоешь посуду и почишь лук.

Юра недовольно замычал, но все-таки встал с дивана и поплелся помогать.

Следующим вечером Володя снова вернулся поздно. Приготовился увидеть тот же бардак, что вчера, и услышать ту же тишину, но отворил дверь, и на него обрушилась музыка. Володя не поверил своим ушам — это была не запись. Юра играл! Тугой узел, что все эти дни скручивался в груди, ослаб, и стало так радостно, что Володя начал подпевать незнакомой мелодии, ни разу не попав в такт. Он не тревожил Юру до самой ночи, боялся спугнуть его вдохновение. Учил в одиночестве немецкий, но мыслями постоянно возвращался к Юре.

Ближе к полуночи музыка затихла, и на лестнице послышались торопливые шаги.

— Я получил сценарий! — увидев Володю, воскликнул Юра и заключил его в объятия.

— Вот видишь, — ответил тот, — а ты говоришь: «Кризис-кризис». Сыграй, что написал.

— Пошли, — позвал Юра и вбежал по лестнице на второй этаж.

Володя поднялся следом. В нос ударил запах табака.

— Ты что, опять курил? — Он не смог промолчать. — Еще и в доме! Юра, я ненавижу эту вонь! У меня тут же начинает болеть голова.

— Но ты сам сказал, что это моя комната и я могу делать здесь все, что захочу, — нахмурился Юра.

— Не в этом дело. Дело в твоём здоровье. Так и до рака недолго.
Тот отмахнулся:

— Да ну, перестань. Я курю раз в сто лет — так, балуюсь. У меня нет привычки.

— Тогда тем более! Раз привычки у тебя нет, я запрещаю тебе курить, тем более в доме. Иначе... — произнес он и задумался: а что иначе? Юра же не ребенок, чтобы ставить ему ультиматумы или стыдить за курение, как в «Ласточке». — Без «иначе», я просто человечески прошу тебя: пожалуйста, не кури больше.

— Ну ладно-ладно, — бросил Юра, подошел к пианино и, не садясь, наиграл стремительную мелодию.

Володя не понял, какое отношение к «Мастеру и Маргарите» может иметь столь легкомысленная музыка, но Юру, разумеется, похвалил.

И этот день стал единственным, когда Володя слышал его игру. Юра больше не притрагивался к пианино и проводил вечера в кабинете в полной тишине. Даже записи не ставил. Эта тишина наполняла душу Володи тревогой. Он старался не давить на Юру, но, каждый раз возвращаясь с работы, с замиранием сердца отворял двери дома и прислушивался — вдруг зазвучит музыка?

Она зазвучала в последний рабочий день перед майскими праздниками. Правда, снова запись. Но Володя порадовался и такой мелочи — может, все же есть какие-то подвижки?

Юра сидел за инструментом с книгой в руках, но крышка пианино была закрыта.

— Над чем сегодня работал? — привычно спросил Володя. — Что-нибудь написал?

— Я перечитал сценарий вдоль и поперек, но все еще не понимаю, как должна звучать постановка, — ответил тот. — Казалось бы, сам Булгаков указал это в романе. Например, вот фамилии у героев как у композиторов: Стравинский, Римский — очевидно, что Римский-Корсаков, — и, конечно, Берлиоз.

— И что же за музыку зашифровал Булгаков? — с любопытством спросил Володя. Он подтащил к пианино кресло и уселся в него, всем своим видом показывая, что готов внимательно слушать.

— С Берлиоза все начинается, он как ключ ко всему. У него есть «Фантастическая симфония», вот послушай, что сам Берлиоз писал про нее. — Юра открыл книгу и зачитал страницу, заложенную

закладкой: — «Молодой музыкант с болезненной чувствительностью и горячим воображением отравляется опиумом в припадке любовного отчаяния. Наркотическая доза, слишком слабая для того, чтобы вызвать его смерть, погружает его в тяжелый сон, сопровождаемый странными видениями, во время которого его ощущения, чувства и воспоминания претворяются в его больном мозгу в музыкальные мысли и образы. Сама же любимая женщина становится для него мелодией и как бы навязчивой идеей, которую он находит и слышит повсюду»^[6]. — Юра отложил книгу, повернулся к Володе и добавил уже от себя: — Казалось бы, что тут думать, правда? Но это слишком просто. Слишком на поверхности. Тем более какие, к черту, будни Москвы под Берлиоза? Нет, тут должно быть что-то еще. Что-то более сложное.

Володя взял его руку в свою, посмотрел в глаза и начал, осторожно подбирая слова:

— Ты очень интересно рассказываешь. Здорово, что так глубоко разбираешь материал, но ты только думаешь и ничего не пишешь. А твоя работа — писать, без этого ведь теряется навык, так?

Но Юра его будто не слышал, спрашивая скорее воздух, чем Володю:

— Как должна звучать повседневная Москва? Или, точнее, как передать Москву тридцатых немцам? Может быть, Утесов? Как у него было: «Я могу под окнами мечтать, я могу, как книги, их читать...»^[7] И плевать, что написана в шестидесятых, она отражает настроение! — Его глаза загорелись искорками интереса, щеки залились нездоровым румянцем, Юра заерзал на стуле и вдруг воскликнул: — Володя, надо срочно купить Утесова. Отвези меня в Харьков! Я бы сам съездил, но выпил. — Он кивнул на полупустой стакан, стоящий на пианино.

Володя вздохнул.

— Юра, подожди, успокойся. Не надо никуда ездить. Я скачаю тебе Утесова.

— Спиратишь? Ты что, это же воровство!

— Я куплю в интернете, — не зная, как это сделать и можно ли сделать вообще, пообещал Володя. — В крайнем случае куплю завтра диск. Только не надо никуда бежать прямо сейчас, хорошо? Тем более уже вечер, ты не успеешь к закрытию магазинов.

— А, да. Да, верно. Жаль.

— Ты лучше запиши, что придумал. Сыграй что-нибудь из того же Берлиоза, но не размышляй, а сыграй, ладно?

— Ладно, — сдался Юра, кажется, успокоившись.

Оставив его наедине со своими мыслями, Володя отправился заниматься немецким. Но сосредоточиться не получалось: вместо того чтобы учить новые слова, он то и дело отвлекался на мысли о Юре. Он уже который день ничего не пишет, придумывает сам себе отговорки, занимается чем угодно, но только не сочинительством. У него резко меняется настроение, появляются какие-то маниакальные идеи. И сценарий уже неделю назад прислали, а он никак не сядет за работу. К тому же Юра слишком часто пьет, да еще и в одиночестве. Неужели это действительно творческий кризис?

Размышляя, как можно ему помочь, Володя бросил немецкий и отправился в кровать, Юра присоединился к нему через полчаса. Обняв его, Володя задумчиво пробормотал:

— А помнишь, рассказывая о Йонасе, ты говорил, что твоя музыка бессмысленна, потому что не настолько великая, чтобы остаться в истории?

— Ну? — буркнул Юра ему в шею.

— Я считаю, что это не так. Я считаю, что она достойна того, чтобы о ней помнили будущие поколения, — сказал Володя, но в ответ услышал лишь какой-то невнятный звук. — От твоего фыркания мое мнение не изменится. Юр, чтобы стать великой, музыка должна быть написана. Я понимаю, что пока сложно, но ты хотя бы попробуй, просто попытайся что-нибудь сочинить. Хотя бы просто сиди за открытым пианино, а не используй его как барную стойку.

— Ну что мне прямо сейчас идти? Я устал...

— Не сейчас, конечно. Завтра. Завтра попробуешь?

— Не знаю... — Юра отвернулся от него.

Володя посмотрел на его затылок, на разбросанные по подушке чуть отросшие волосы, которые, и без того непослушные, теперь вились. Отчего-то Володе стало так его жаль, что стиснуло горло.

— Юра, — печально прошептал он, — а тебе поможет, если сделать что-нибудь с пианино? Ты сам говорил, что оно фальшивит и плохо звучит. Возможно, из-за этого так сложно сесть за него?

— Возможно, — тут же отозвался Юра. — Надо бы вызвать профессиональных настройщиков. Я пытался сделать что-нибудь со

звучком, но у меня ничего не получилось.

— Да, давай вызовем, пусть посмотрят. Только завтра, как назло, начинаются праздники, никто и не будет работать.

— Ну не завтра, так позже, время еще терпит.

Володя уже начинал проваливаться в сон, потому что заранее выпил снотворное. Последние пару недель засыпать без него не выходило.

— Володь? — вдруг прозвучал шепот в тишине комнаты.

— М? — промычал тот сквозь сон.

— Мне так надоело сидеть дома, — пожаловался Юра, прижимаясь к нему со спины. — Поехали завтра гулять по Харькову?

Володя так хотел провести праздники дома, хорошенько отоспаться, закончить уборку в саду и вычесать Герду. Да и гостиная покрылась пылью и тоже требовала внимания. Но Юра и правда уже больше недели коротал дни дома, не гулял даже в окрестностях «Ласточкиного гнезда».

— Поехали, — ответил Володя, вздохнув. Юра будто в благодарность прижался еще крепче.

«Надо позвонить Ирине с Женей, — решил Володя, засыпая, — хоть ненадолго сменить обстановку».

* * *

В город поехали утром. Володя минут десять прождал Юру в прихожей, возмущаясь, сколько можно наряжаться для банальной прогулки. А когда тот вышел, он не смог сдержаться и закатил глаза.

— Помнишь, ты спрашивал, почему люди сразу видят в тебе гея?

— Что со мной опять не так? — Юра с искренним недоумением уставился на него.

— Брюки, Юра, светлые брюки в обтяжку. Ты в них будто голый.

— Я думал, тебе понравится...

— Лично мне нравится. Особенно когда ты вообще без них, но мое мнение здесь ни при чем. — Видя его сердито поджатые губы, Володя смягчил тон: — Лучше переодеться в джинсы. Так будет и спокойнее, и теплее.

Юра нахмурился, скептически оглядел себя в зеркале и угрюмо побрел переодеваться.

После обеда они неспешно возвращались к машине, планируя еще прогуляться по Свердлову до набережной. Уже подходя к историческому музею, Володя заметил на другой стороне улицы вывеску «Музыкальные инструменты».

— Не хочешь зайти? — предложил он Юре.

— Да нет, зачем? — Тот пожал плечами.

— Вдруг там есть настройщики? — предположил Володя и не смог сдержать хитрой улыбки — в голове возникла идея. — Как думаешь, если специалисты не смогут настроить пианино, может, мне стоит его продать и купить себе новое? — Зная отчаянное желание Юры быть финансово независимым, он специально выделил слово «себе».

— Хороший инструмент стоит хороших денег, а если только для интерьера, то лучше оставь старое.

— Не только для интерьера, оно и тебе нужно. Ты же не в последний раз приехал ко мне, правда?

— Да, но мне сгодится и нынешнее пианино. Уверен: после настройки оно зазвучит гораздо лучше, — упрямылся Юра.

Володя повел его к светофору, чтобы перейти улицу. Юра шел рядом, продолжая убеждать Володю в том, что настройка поможет, а перед самым входом выдал главный аргумент:

— Увидишь цены — быстро передумаешь покупать новое.

И они вошли внутрь.

Магазин занимал два этажа: на первом стояло с десятков пианино и висело множество гитар, а на втором Володя заметил барабанные установки, какую-то электронику и светоаппаратуру. Внутри было немногочисленно, продавцы скучали и, едва завидев Юру с Володей, разом набросились на них:

— Подсказать что-нибудь?

— Вам какое: ученическое или профессиональное?

— Для себя смотрите?

— Нам вообще нужно узнать насчет настройки пианино, — ответил Юра всем сразу. — Настраиваете?

— Да. Пожалуйста, следуйте за мной, — пригласила девушка.

Юра было пустился за ней, но Володя остановил его:

— Давай бумажками я займусь сам, а ты пока походи тут, осмотришься. Вдруг вспомнишь, что еще надо докупить в кабинет? Провода какие-нибудь или... Во — Утесова!

Юра кивнул и в сопровождении продавца пошел гулять по магазину, о чем-то с ним переговариваясь.

Оставшись один на один с девушкой-консультантом, Володя попросил:

— Не могли бы вы показать молодому человеку профессиональные пианино? Мы с друзьями хотим сделать ему подарок, и это должен быть сюрприз, а без него нам не выбрать.

— Да, конечно, — кивнув, улыбнулась продавец. — Ценовая категория?..

— Нас с друзьями много, так что... главное, чтобы инструмент был действительно хороший. И, пожалуйста, будьте понастойчивее.

— Все поняла, — снова улыбнулась девушка и, передав Володю коллегам на стойке информации, отправилась к Юре.

Оформив заявку на вызов настройщиков, Володя нашел Юру в дальнем углу магазина среди множества пианино. Юра сидел за одним из инструментов в окружении продавцов и посетителей, привлеченных звуками его игры. Даже издали было заметно, как горят его глаза. Клавиши блестели под пальцами, по помещению разносилась впечатляюще красивая музыка. Володя узнал ее — это была первая композиция с Юриного диска, посвященная ему. Мелодия была такой силы и глубины, что по телу Володи побежали мурашки, но не успел он привыкнуть и прислушаться к ней, как Юра обернулся и тут же прекратил играть.

— Закончил? Уходим? — спросил он, вставая и с грустью поглаживая клавиши пианино, на котором только что играл.

— Перед уходом попробуйте еще вот это, — вмешалась консультант, с которой договорился Володя. Она указала на современное черное матовое пианино, стоящее в центре зала. — Это исключительный инструмент, единственный в своем роде.

— Давай, — ободряюще кивнул Володя.

Юра робко глядел то на него, то на пианино. Должно быть, метался между желанием еще насладиться хорошими инструментами и необходимостью срочно уйти.

— Зачем? Мы же не будем ничего покупать.

Но Володя только пожал плечами.

— За спрос денег не берут, тем более что сегодня выходной, времени у нас предостаточно. Поиграй еще, почему нет?

— Посмотрите, сколько у вас слушателей, — поддержала Володю консультант, как бы ненароком кивая на посетителей. Стоящая рядом семейная пара делала вид, что выбирает инструменты, когда на самом деле — и это было заметно — прислушивалась.

Юра сел за пианино и начал играть, и по телу Володи снова побежали мурашки — звук, более громкий и глубокий, впечатлял еще больше. И за Юру брала гордость — до чего же талантлив! Своей игрой и музыкой он умел вызывать у множества абсолютно разных людей столь сильные эмоции, что они забывали о делах и застывали на месте, слушая. Юра и сам наслаждался всем этим — прикрыв глаза и легонько покачиваясь на банкетке, он не ударял по клавишам, а будто тонул в них.

Володя подошел к консультанту, кивающему в такт мелодии, и спросил о цене этого пианино. А услышав ответ, внутренне обомлел и многозначительно хмыкнул. Да, действительно эксклюзивный инструмент стоил немало — как половина Володиной машины.

Выйдя из магазина, Юра отметил:

— Ничего не скажешь, времена меняются. Когда пытался поступить в консерваторию, хотел купить новое пианино. Так и не купил: в каждом магазине на меня смотрели как на убогого, мол, чего ходишь, все равно не можешь себе его позволить. На дорогих так вообще не давали играть, даже при продавце, представляешь?

— Капитализм все расставил на свои места, — улыбнулся Володя. — И, как видишь, теперь для них честь принимать у себя такой талант, как ты.

— Ой, перестань, — смущенно рассмеялся Юра.

Всю дорогу до дома он пребывал в приподнятом настроении, без умолку восхищался невероятной красотой звука, который выдавало второе пианино. Володе оставалось только задумчиво улыбаться и поддакивать.

* * *

Володя задержался на работе допоздна, поэтому настройщиков Юра принимал сам. Сообщив об их приезде, он пропал на пару часов, заранее предупредив Володю, что будет недоступен. Впрочем, и тому было не до пианино — на объекте, в одном из строящихся домов, обвалилась стена. Никто не пострадал лишь потому, что произошло

это в обеденный перерыв и рабочих не было на месте. Но Володе все равно пришлось ехать и выяснять, в чем причина: в исполнителях, технологии или материалах. Возвращаясь домой к ночи еле живой от усталости, он мечтал только о еде и сне, а о пианино и думать забыл.

Но мрачное лицо Юры тут же напомнило о нем.

— От настройки вообще никакого толку. Как бы я хотел сказать, что стало лучше, но нет.

— Ясно... — только и сказал Володя, не испытав от новости ни единой эмоции.

Он попросил Юру приготовить ужин, а сам отправился отогреваться в душ и стал размышлять, где взять денег на новое пианино. Как руководитель, премии он не получал. Оставалось небольшое вознаграждение за время, когда Володя еще не был начальником, но и от этих денег толку немного: на пианино все равно не хватило бы. Завышать себе зарплату он никогда бы не стал. Выход оставался только один: брать кредит.

«Предложить, что ли, Юре купить его вскладчину? Да ну, он не согласится».

Упав после ужина в кровать, он понял, что сегодня уснет мгновенно. А тут еще Юра, усевшись рядом, принялся гладить его волосы.

— Поделись, как ты сегодня? — тихо спросил он.

— Чуть не замерз там насмерть, на открытой местности на ветру, — пожаловался Володя, устраивая голову на Юриных коленях.

— Слава богу, все обошлось, — вздохнул тот, нежно массируя ему шею.

— Да уж. Главное, что я выяснил, чья это вина.

— И чья же?

— Брагинского. Привез им не тот раствор.

— Опять он, — вздохнул Юра. Володя не первый раз рассказывал о том, что в последнее время от Брагинского больше вреда, чем пользы.

— Но это ладно. Что нам делать с пианино?

— Ничего. Буду заниматься на нем, как раньше.

— В том-то и дело, что раньше ты на нем и не занимался толком.

— Ой, не ворчи, — отмахнулся Юра, шутливо ткнув его в спину. Володя почувствовал, как другая его рука опустилась с затылка на ключицу и коснулась того места, где раньше была ссадина от ремня.

Вдруг расслабленные пальцы Юры напряглись.

— Он тебе звонит?

— Игорь? Не знаю, я внес его в черный список. Ума не приложу, что еще можно сделать, чтобы он отстал. Он как будто русского языка не понимает.

— Дай мне его номер, я объясню на немецком, — угрожающе заявил Юра.

Володя хмыкнул, с удивлением думая: «Ну у Юры и интуиция». Ведь именно сегодня Игорь появился вновь.

Вечером охрана «Ласточкиного гнезда» сообщила Володе, что к нему хотел попасть посетитель. Фамилию не назвали, но указали марку и номер авто — Игоря. Володя попросил, даже когда он дома, не пропускать его и больше не звонить по этому поводу, а сам добавил Игоря в черный список на телефоне и в аське. На душе сразу стало спокойнее. Теперь оставалось только одно место, где Игорь мог до него добраться, — работа, но выдворить его и оттуда у Володи все равно не получилось бы. Ну скажет на вахте, чтобы не пускали, а Лере — чтобы не соединяла, но улицу не перекроешь.

И все же Володя сомневался, все ли меры предпринял, чтобы порвать с Игорем окончательно. Не раз прокручивая в памяти их разговоры, он убеждался, что все сделал правильно, но Игорь все равно никак не оставлял его в покое.

Случай на работе так вымотал Володю, что назавтра он даже не появился в офисе. Ему хватило сил только на то, чтобы съездить в банк и подать заявку на кредит. Он собирался сразу вернуться домой, но узнал, что заявку уже утвердили, и отправился в музыкальный магазин.

Володя не говорил Юре о том, что купил другой инструмент, и с замиранием сердца ждал его реакции, когда на следующее утро к дому подъехал грузовик.

— Опять настройщики, что ли? — не понял Юра, увидев название магазина.

— Нет, не совсем, — ответил Володя, пряча взгляд. Ему отчего-то стало стыдно, будто он обманул Юру.

Ожидая, что тот разразится гневной тирадой, Володя вздрогнул от неожиданности, когда Юра, хлопнув дверью, молча скрылся в спальне.

Юра не появился, ни когда пианино несли, ни когда устанавливали на место старого. Сразу как грузчики и настройщики ушли, Володя тихонько прокрался в спальню, думая, что Юра спит. Но тот лежал на своем месте, незряче уставившись в окно.

— Тебе даже не интересно, что за пианино я купил? — спросил Володя, садясь рядом. Он положил ладонь на Юрино плечо, но тот ее сбросил.

— Ты должен его вернуть.

— Не могу — потерял чек.

— Ты издеваешься? — устало выдохнул Юра.

Володя морально готовился к ссоре, ожидал, что его придется успокаивать. Но когда тот показал, что ругаться не намерен, Володя расслабился, лег рядом, обнял его и спокойно начал:

— Я не понимаю тебя. Почему ты решил, что я издеваюсь? Почему тебя это так задевает?

— Меня задевает то, что ты не прислушиваешься ко мне. Ты все решаешь сам, будто моего мнения для тебя просто не существует, — проворчал Юра в подушку, впрочем, на этот раз Володину ладонь не сбросил.

— Еще как существует. Поднимись наверх, сам посмотри. — Володя вздохнул. — Юр, ты слишком упрямый, у меня нет выбора, кроме как действовать по-партизански. И в конце концов, это же мой дом, и я покупаю сюда то, что хочу, а ты помогаешь мне. Сейчас помог потратить деньги на действительно хороший инструмент, а не на дорогой ящик, как старое.

— Само пианино ни в чем не виновато, — уже мягче ответил Юра. — Ты держал его одной половиной у вечно открытого окна, другой — у камина. Конечно, оно испортится — это же дерево.

— Ну вот, ты помог мне еще раз: теперь я знаю, как делать нельзя и где лучше его устанавливать, чтобы жило дольше. Раньше я о таком не беспокоился, ведь пианино было у меня для украшения интерьера. А теперь вот буду беречь — для тебя. Ну так что, посмотришь, что нам привезли?

— Какое это пианино? — спросил Юра, поворачиваясь к нему. — То черное?

— Черное, — кивнул Володя, а Юра расплылся в улыбке. — Теперь видишь, как я «не учитываю» твоего мнения?

Глядя на светящегося от счастья Юру, Володя подумал, что после этого кризис точно должен пройти. И действительно: теперь, возвращаясь домой, он заставлял Юру за инструментом. Старательно игнорируя мысль, что музыка какая-то нервная: то звучит, то затихает, постоянно захлебываясь, Володя радовался даже попыткам Юры играть.

Но тот больше не выглядел счастливым. Заканчивая работу, он раз от раза спускался на кухню злой. Каждый день Володя спрашивал, что именно Юра сейчас пишет, и даже читал сценарий, чтобы понимать контекст. Юра не отвечал, а будто отчитывался и выглядел при этом виновато.

Володя упрямо отказывался верить, что с покупкой нового пианино проблема не решилась, ведь при нем Юра играл. Но в середине мая ему пришлось это признать.

Он вернулся с работы раньше обычного, забыв предупредить Юру заранее. Часы показывали пять вечера, и по графику тот должен был заниматься, но в доме стояла тишина. С тех пор как Юра стал жить в «Ласточкином гнезде», он часто нарушал график. Но в последнее время, наоборот, придерживался его, и Володя посчитал это добрым знаком. И потому теперь, заметив, что Юра снова сбился с привычного режима, напрягся.

Он поднялся на второй этаж. Герда скулила, сидя под дверьми Юриного кабинета — тот что, не хотел ее пускать? В комнате было холодно и стоял запах алкоголя. На столе и полу валялись зачерканные до черноты и дыр нотные листы. Юра спал, раскинувшись на диване звездочкой в Володином халате и тапках. Один — на ноге, другой — на полу.

«Так вот что происходит дома, когда меня нет», — разочарованно подумал Володя, накрывая Юру пледом. Он порывался поскорее уйти отсюда, даже не уйти — сбежать. Его охватили злость и обида, захотелось накричать на Юру, потребовать объяснить, почему он обманывает. Но вдруг Юра проснулся и посмотрел на него с такой тоской в глазах, что сердце сжалось, а распирающий грудь гнев резко сошел на нет.

— Будешь ужинать? — спросил Володя, поглаживая его волосы.

— Да, — одними губами прошептал Юра.

— Я только пришел, не успел приготовить. Ты можешь подремать еще полчаса.

— Да.

Когда Володя оказался на первом этаже, у него опустились руки. Герда просилась на улицу, а дома опять царил бардак: вещи лежали не на своих местах, диски и книги вперемешку с диванными подушками валялись на полу, на столе стояла гора немытой посуды. Юра даже не удосужился выбросить в урну остатки еды и собрать крошки.

Володя принялся за уборку, разочарованно бурча себе под нос:

— Значит, все это время он целыми днями спал и пил, а передо мной только изображал прилежного музыканта?

Удивляясь тому, что Юра ни разу за последнее время не появился ему пьяным, Володя сначала рассердился на себя, потом — на него. Рассердился из-за всего: из-за Юриного вранья, из-за собственной слепоты, из-за постоянных разговоров только о музыке, из-за того, что, в конце концов, между ними уже давно не было близости. И конечно, из-за постоянного бардака дома. Но бардак — это мелочь, и портить отношения с Юрой из-за подобной ерунды Володя не собирался, тем более что у них была куда более серьезная проблема.

Володя из кожи вон лез, чтобы помочь Юре побороть творческий кризис, потратил немало денег и душевных сил, с трудом засыпал по ночам, придумывая, что еще можно сделать, но все без толку. А теперь, увидев, чем на самом деле занимается Юра, Володя окончательно растерялся. Он старался делать хоть что-то, вытащить Юру из уныния, но тот, казалось, совершенно не хотел помочь себе сам. Или хотя бы подсказать Володе, что делать.

Спустя несколько минут на втором этаже зазвучало пианино, но не прошло и получаса, как раздраженный Юра спустился в кухню.

— Мне не нравится! Все не то!

Володя обернулся к нему, посмотрел в усталое лицо и замер, будто впервые увидев. Почему он раньше не замечал, как сильно изменился Юра за прошедший месяц? Он осунулся, из-за трехдневной щетины лицо казалось посеревшим, глаза впали, под веками пролегли тени, волосы сильно отросли. Он казался надломленным, его хотелось защищать, а не критиковать.

— В музей ты ходил, по местам детства гулял, что еще можно сделать? — борясь с приступом жалости, спросил Володя и, уже не

надеясь, что это поможет, озвучил первое, что пришло в голову: — Может, сходим на какой-нибудь мюзикл или концерт?

Юра внезапно воодушевился:

— На концерт? А давай... только я сам выберу.

— Договорились.

* * *

Юра выбрал Шестую симфонию Чайковского. Концерт проходил в пятницу, Володя ворчал, мол, неудобно, лучшее в выходной, но Юра лишь развел руками — ничего лучше пока не предвиделось. Тем более что концерт проходил в том самом зале, где выступал сам Юра.

— А давай, чтобы ты не возвращался за мной домой, я сам заеду к тебе в офис, а оттуда пойдем в филармонию? Хочу посмотреть, где ты работаешь, — предложил Юра. Вообще этим утром он снова стал похож на себя прежнего: улыбался, шутил, лез обниматься. — Но мне идти не в чем, только джинсы и белые брюки. Я пороюсь у тебя в шкафу, окей? Поищу что-нибудь классическое.

— Поищи, — разрешил Володя.

Перед выходом он поручил Юре несколько задач: помыть посуду, выгулять Герду и обязательно ополоснуть ей лапы — всю ночь шел дождь, на улице грязно.

— И еще, — он строго посмотрел на Юру, — побрейся уже наконец, а то колючий как еж.

— погоди, но если я сбрею усы, то как буду ориентироваться в пространстве?

— Не понял...

— Ну это потому, что ты собачник. — Юра загадочно улыбнулся.

До Володи только в машине дошел смысл его шутки, мол, будь Володя кошатником, то помнил бы, что усы у кошек — сенсоры. Он рассмеялся. Если посещение концертов — это все, что нужно Юре для счастья, они будут ходить в филармонию хоть каждый день.

Юра собирался приехать, когда офис опустеет, чтобы их не отвлекали, но передумал и явился тогда, когда Лера еще была на месте. Володя предупредил ее, чтобы сразу пригласила Юру в кабинет, и, когда увидел того на пороге, расплылся в улыбке. Каким же он был красивым, как сильно напоминал себя прежнего: с аккуратно зачесанными назад волосами, в новом пиджаке и Володиных брюках,

но без сережки и бирюзового шарфа. А стоило Юре подойти поближе, как воздух наполнился ароматом его парфюма.

С удовольствием вдыхая любимый запах, Володя встал из-за стола, и Юра тут же упал в освобожденное им кресло.

— Так вот, значит, откуда ты звонил мне по скайпу... — Он потянулся. — А у тебя тут здорово, уютно.

— А ну брысь отсюда. — Володя развернул кресло и, взяв Юру за руки, поднял. — Мне осталось написать несколько писем — и буду свободен.

— Да ну, брось. Сегодня же пятница.

— Сам виноват — нечего было приезжать раньше. — Володя покачал головой. — Чем тебя занять? Можешь чаю попить...

— Я сам себя развлеку, — успокоил его Юра.

Он принялся бродить по кабинету, разглядывая плакаты, журналы и книги по архитектуре, достал из шкафа стопку проспектов с изображениями проектов, что выполнила Володина фирма. Сел на диван, стал листать и притих, шурша страницами. Володя не замечал его, пока Юра не окликнул:

— Володь.

— М? — тот оторвался от ноутбука. Юра стоял напротив окна, раздвинув жалюзи, и смотрел на улицу.

«Интересно, эти брюки сидят на мне так же хорошо? Особенно со спины...» — разглядывая его фигуру, подумал Володя.

— Я пришел сюда примерно час назад, да?

Володя кинул взгляд на часы.

— Да, почти, а что?

— Странно... — протянул Юра с подозрением в голосе. — Когда я приехал к офису, вся улица была заставлена машинами, таксисту даже негде было меня высадить. Там, прямо на тротуаре, стояла машина, а в ней сидел мужик. Прошел час, улица уже пустая, но та машина все еще стоит, и мужик до сих пор в ней. Шпион какой-то.

Володя подошел к окну, выглянул и тяжело вздохнул. Похоже, по его реакции Юра догадался.

— Это тот, о ком я думаю?

— Угу, — протянул Володя. — Юр, я пойду поговорю с ним. Жди меня здесь, ладно?

— Пой. Он вообще адекватный? Такое поведение как-то ненормально...

— Ну, во всяком случае, раньше он был адекватным, — ответил Володя, надевая плащ.

— Будь осторожен.

— Конечно, не беспокойся.

Офис пустовал — даже Лера ушла, лишь охранник сидел на месте, одним глазом поглядывая в телевизор, а другим — в камеры. Володя отметил это просто так, по привычке — Игоря он не боялся. Но все равно говорить с ним прямо под окнами кабинета, посреди улицы и буквально на глазах Юры, он не собирался. Юре стоило лишь открыть окно, чтобы услышать каждое слово. Поэтому, выйдя из офиса и встретившись взглядом с сидящим в машине Игорем, Володя кивнул в сторону ведущей во двор арки.

— Я принес тебе рецепт, — сказал Игорь, протягивая Володе бумажку.

Тот взял ее, недоверчиво осмотрел и отдал обратно Игорю.

— Зачем ты пришел на самом деле? Игорь, как мне еще объяснить тебе, что между нами все кончено? Что я еще должен сделать, чтобы ты оставил меня в покое?!

Игорь ответил невпопад. Он говорил и выглядел так подавленно и потерянно:

— Я все рассказал жене. Вообще все рассказал: про бисексуальность, про измены, про наши с тобой встречи, про то, что много лет жил с ней, не любя...

— Господи, зачем? — Володя оперся спиной о стену. — Ладно бы просто бросил, но зачем причинять ей боль?

— Ради нашего с тобой будущего.

Опешив, Володя вытаращился на него.

— Нет у нас никакого будущего, да и «нас» уже нет. Есть только совместное прошлое — и то... не самое лучшее.

— Вова, но можно же все вернуть и улучшить! Чего ты всегда хотел? Чтобы я ушел от нее? Так вот он я — получай, теперь я только твой. Чего еще? Ты хотел жить вместе, как семья? Давай! Мне надоело скрываться. Я познакомлю тебя с родственниками, друзьями, коллегами? Пусть все знают о нас!

Володе стало его жаль. Игорь правда выглядел замученным. Но какие бы чувства Володя ни испытывал к нему, Игорь сам виноват в содеянном, он сам пришел к этой ошибке.

— Зря ты это сделал. Между нами ничего больше не будет. — Володя покачал головой.

— Почему? — простонал Игорь. Он на мгновение отвернулся, а когда снова посмотрел на Володю, переменялся в лице, побледнел. — Из-за твоей интрижки с этим немцем? Господи, Вов, у тебя что, кризис среднего возраста? Под сорокет ввязываешься в не пойми что? Еще и с иностранцем!

— Он не иностранец. Он из Харькова, — сам не понимая зачем, сообщил Володя.

— Это, конечно, все меняет... — протянул Игорь. Казалось, он начинает злиться: бледный как полотно, нахмурился, сжал кулаки. — У тебя с ним все равно ничего не получится.

Володя усмехнулся:

— Какое интересное заявление, да еще и от кого!

— От того, кто разбирается не только в психиатрии, но и в психологии, — заявил Игорь.

Он снова отвернулся, замолчал на несколько секунд и вдруг разом выдал целую тираду, будто эти слова давно вертелись на языке:

— Я столько лет тебя знаю. Знаю, что ты невротик и, чтобы жить с тобой, нужно много терпения — твое эго приходится постоянно подавлять. Но у меня есть на это силы, а вот твой Юра вряд ли выдержит подобное давление. Помяни мое слово: он сразу сбежит, как только ощутит, что ты стремишься подчинить его себе. И дай бог, чтобы успел до того, как ты установишь над ним тотальный контроль.

Володя подавил улыбку — уж очень пафосной и глупой показалась ему эта фраза. Гадая, не для того ли Игорь явился, чтобы просто вылить на него накопившуюся злобу, он решил не раздувать конфликт, но вопрос сам слетел с языка:

— А чего ж ты тогда столько лет не можешь меня бросить, раз я такой невыносимо сложный?

— Потому что я специально держал дистанцию все эти годы! Я понял, что ты деспот, и смог от тебя отгородиться.

— Теперь я еще и деспот! — воскликнул Володя, не скрывая циничной улыбки. — Игорь, ты, конечно, очень интересный человек.

Правда! Забавно слышать такой подробный, псевдопроницательный анализ моей личности от того, кто лет восемь пытается уйти от жены и никак не может.

— Это не потому, что я боялся жить без нее, а потому, что не решался остаться с тобой! — Он выдохнул и продолжил уже куда более спокойным тоном: — Ведь, Вов, отношения с тобой опасны — от тебя невозможно убежать. Мы ведь это уже проходили — помнишь, каким волшебным был первый год вместе? А потом ты стал нарушать мои личные границы и в итоге попытался подчинить меня себе.

— Не ты ли только что предлагал мне серьезные отношения? Ох, Игорь... Хватит с меня.

Володя развернулся, собираясь уйти, но Игорь схватил его за локоть и процедил:

— Я любил тебя и буду любить. Мне было очень трудно держать дистанцию. Ты слишком привлекательный, особенно когда влюблен. И когда ревнуешь. В тебя невозможно не влюбиться! И я любил и очень дорожил тобой. И именно потому, что смог построить между нами стену, наши отношения продлились так долго.

Так вот как Игорь оправдывал целые годы причиненных обид? Володя вспомнил о них. О том, как убегал полураздетый из его дома, боясь столкнуться с женой, как торчал в воняющих клопами гостиницах, как ждал его вечерами на улице у института и прятался от его коллег. И после всего этого Игорь уверяет, что любил?

— Ты не любил, а предавал, — не сдержавшись, рявкнул Володя. Он вырвал руку, снова развернулся к Игорю. — Не знаю, какими для тебя были наши отношения, но для меня... Ты предавал меня каждый раз, когда прятал. Каждый раз, когда возвращался к ней!

В воздухе повеяло сигаретным дымом. Их могли слышать, но взбешенному Володе стало на это наплевать. Тем более Игорь подлил масла в огонь:

— А твой Юра тебя, конечно, никогда не предаст...

— Это уже не твоя забота, — прошипел Володя.

Он хотел было рявкнуть, чтобы Игорь не сравнивал Юру с собой, но замолчал, услышав в арке звук шагов.

— Добрый вечер, — прозвучал знакомый голос.

Володя обернулся. Юра, вывернув из-за угла, неспешно приближался к ним — с окурком в зубах, в распахнутом пиджаке,

бледный от ярости. Он выглядел угрожающе.

— Юра, — представился он, бросил сигарету на асфальт и протянул Игорю левую руку.

«Левую, — вскользь отметил Володя. — Но Юра ведь правша...» И за какую-то миллисекунду сообразил, что сейчас произойдет.

Юра замахнулся правым кулаком, Володя кинулся вперед, успел перехватить его за талию и оттащил от Игоря. Не выпуская Юру из объятий, Володя нараспев протянул ему на ухо:

— Спокойно...

С мстительным удовлетворением он заметил, как расширились от удивления глаза Игоря. Интересно, что именно его поразило: Юрино поведение или то, что Юра в принципе здесь, рядом с Володией?

— Пошел вон отсюда! — подавшись вперед, но не пытаясь вырваться, прорычал Юра. — Хватит отравлять ему жизнь! Ни хрена ты не знаешь, и никакие твои пророчества не сбудутся!

Игорь окинул его долгим нечитаемым взглядом. Развернулся и ядовито бросил через плечо:

— Ну и удачи тебе, Юра.

Поднявшись в кабинет, Володя вспомнил, что так и не дописал письмо заказчику, но теперь было не до работы. Он закрыл ноутбук и, убрав его в сумку, спросил, подняв взгляд на удивительно спокойного Юру:

— Ты не злишься?

— Нет. Володь, вот честно, мне плевать, просто он мне надоел.

— И много ты услышал?

— Откуда мне знать, много это или нет? Слышал, что ты манипулятор.

— И что? Думаешь, он прав?

Юра улыбнулся и, подойдя к нему, присел на край стола.

— Думаю, что он сам манипулятор.

Володя улыбнулся в ответ. Вся эта ситуация выбила его из равновесия, заставила разнервничаться, но Юрино спокойствие остудило пыл. Володя шагнул к нему, уперся ладонями в стол.

— Ты выглядишь очень соблазнительно, когда защищаешь меня, — проворковал он и поцеловал его в шею. Юра хохотнул и запрокинул голову. Володя скользнул губами по кадыку и подбородку, забрался руками под джемпер.

«Чем я занимаюсь на рабочем месте?» — промелькнула мысль, но тут же исчезла, когда Юра притянул его к себе за плечи и поцеловал.

Хотя, если вспомнить, что он делал в этом же кабинете, разговаривая с ним по скайпу, пылкие поцелуи теперь казались невинной забавой.

Через минуту Юра все же отстранился.

— Мы на концерт опоздаем, начальник. Двадцать минут осталось!

Володя вздохнул. И зачем ему какой-то концерт, если тут Юра, такой красивый и желанный, в его объятиях? Но скрепя сердце он все же отошел от него — они и правда опаздывали.

Симфонию играли в том же зале, где в сентябре спустя двадцать лет разлуки Володя увидел Юру. Зрители шумели, музыканты настраивали инструменты.

— А где ты тогда сидел? — спросил Юра, наклонившись к его уху.

— Вон там, — Володя указал на кресло в десятом ряду.

— А я всегда сидел тут. — Юра указал на последний ряд.

— Ты был здесь как слушатель?

— Конечно. В школе и позже, перед поступлением, ходил на отчетные концерты учеников консерватории.

— А ты вообще мог тогда представить, что будешь исполнять здесь свое собственное произведение?

Юра рассмеялся.

— Нет, даже тогда. А до чего же амбициозным я был!

Володя улыбнулся. Он хотел сказать, что Юра достоин куда большего, но вышел дирижер, и зал разразился аплодисментами.

Зазвучала Шестая симфония Чайковского. Патетическая. Мрачная. Но, слушая ее, Володя сравнивал свои нынешние впечатления с теми, что произвели на него музыка Юры и он сам. В памяти мигом вспыхнул его образ за дирижерским пультом. Какая в нем чувствовалась сила, если не сказать мощь. Володя повернулся, посмотрел на реального Юру — подавленного и надломленного. Что за последние месяцы произошло такого, из-за чего он настолько выгорел?

Если в «Ласточке» Володя его вдохновлял, не мог ли сейчас отравлять? Он отогнал от себя эту бредовую мысль. С чего бы? Тем более говорят, что творцам нужны сильные эмоции — счастье или страдание, а Юра счастлив с ним.

Всю симфонию Володя то и дело украдкой на него посматривал. Юра, казалось, полностью погрузился в музыку — сидел с закрытыми глазами, будто даже не дышал. Но вдруг Володя услышал, что Юра шмыгнул носом. Он не придавал этому значения, снова увлекся симфонией, но через минуту рядом послышался всхлип.

Обернувшись, Володя застыл — Юра так и сидел с закрытыми глазами, а по его щекам катились слезы. «До чего же у Юры тонкая впечатлительная натура, — удивился Володя. — Что же он слышит сейчас, какие картины показывает ему Чайковский сквозь толщу веков?»

Видеть его слезы от музыки было странно и трогательно. С одной стороны, хотелось не мешать наслаждаться, но с другой — пальцы сами тянулись к его руке. Оба желания боролись в Володе несколько минут, и в итоге победило второе.

Потревожив соседку справа, Володя снял пиджак и положил его на колени, накрыв им и свои, и Юрины. Под тканью просунул руку, нашел его пальцы, сжал. Юра удивленно посмотрел на него. Володя улыбнулся, а Юрина ответная улыбка получилась вымученной — в его глазах застыли боль и тоска.

Обратно к машине Юра брел медленно, чуть пошатываясь. Не будь Володя весь вечер рядом, подумал бы, что Юра пьян. Он просто шагал, уставившись в асфальт, и молчал. Володе хотелось придержать его под руку.

Остановившись у парковки, Володя развернул его к себе, положил ладони ему на плечи и чуть встряхнул. Тот посмотрел на него стеклянным взглядом. Спрашивать, все ли в порядке, было бессмысленно, как и пытаться выяснить, что случилось.

— Давай поднимемся ко мне в кабинет?

— Зачем? — равнодушно спросил Юра.

— Чаю попьем. — И Володя, не дожидаясь согласия, взял его под локоть и повел внутрь.

Охранника на вахте почему-то не оказалось — может, в туалет отошел? Володя пожал плечами — он всегда носил с собой запасные ключи от офиса.

Зайдя в кабинет, Юра подошел к окну, но даже не взглянул в него, развернулся лицом к Володе, оперся на подоконник и, сложив руки на

груди, уставился в пустоту. Володю напугал этот совершенно отрешенный взгляд.

Он быстро подошел к стеллажу, открыл шкафчик, в котором хранил подарочный алкоголь, откупорил одну из пузатых бутылок — то ли коньяка, то ли виски, даже не разобрался. Налил прямо в чайную чашку, стоящую на столе, сунул ее Юре в руки. Тот, видимо, даже не понял, что это не чай — отхлебнул и тут же закашлялся. Посмотрел недоуменно и несколько обиженно, но теперь — хотя бы осмысленно.

— Прости, — сказал Володя. — Мне показалось, ты совсем не в себе.

— Я... — Юра растерялся, обвел взглядом кабинет.

— Юр, что случилось? Мне казалось, поход на концерт воодушевит тебя, но вместо этого ты впал в... протрацию? Даже не знаю, как это назвать.

Юра закрыл лицо руками, надавил на глаза. Покачал головой, прерывисто выдохнул.

— Я не знаю...

Володя шагнул ближе, притянул Юру к себе, поцеловал в висок.

— Что с тобой такое, Юрочка? — выдохнул ему в волосы. — Скажи, как тебе помочь?

Тот качнул головой и прижался к нему так, будто только этого и ждал, уперся лбом в плечо, потерся щекой о пиджак и сдавленно спросил:

— Слышал, как она прекрасна? Симфония. Сколько всего Петр Ильич вложил в нее, сколько рассказал, сколько и как передал... Слышаешь — и будто на самом деле проживаешь всю жизнь за него...

В Юрином голосе звучало нечто необъяснимое — не жалость, не грусть. Казалось, его необходимо утешить. Но как? Володя просто не знал, что сказать, чтобы ненароком не сделать еще хуже.

— Боже, Володь, я просто бездарность, — выдохнул Юра так тихо, что Володя сперва решил, будто ослышался.

— Что? — Он обхватил Юрино лицо ладонями и поднял его голову, заставив посмотреть себе в глаза. — Что ты такое говоришь?

Юра ничего не ответил, но его взгляд выражал так много и будто бы ничего одновременно, что Володя не на шутку за него испугался.

— Глупый. — Он поцеловал его в лоб, затем в подбородок и в щеку. — Я, может, не так уж и много талантливых людей знаю, но ты самый талантливый человек из всех. И разве правильно сравнивать себя с другими? — Он чередовал слова с поцелуями: то в нос, то в губы, то снова в щеки, только бы отвлечь Юру от его ужасных мыслей. — Твоя музыка уникальна, ты вкладываешь в нее себя, и только... как минимум поэтому она бесценна. Слышишь меня?

Юра кивнул.

— Ты веришь мне?

Юра опять кивнул и тихо выдавил:

— Да. — Он послушно уткнулся носом ему в шею и прошептал: — Спасибо, Володь. Не знаю, что бы без тебя делал.

Они еще долго стояли так у окна. Юра не отпускал его, а Володя боялся разомкнуть объятия — вдруг, только он уберет руки, Юра опять расплачется? Но через какое-то время — может, минут пятнадцать, Володя не засекал — тот подал голос:

— Поехали домой, уже почти десять...

Когда они выходили из офиса, их заметил охранник и, наверное, очень удивился. Но Володе было на него совершенно плевать. Важнее всего сейчас — отвезти Юру домой и уложить спать.

Глава 20

Белыми нитками

Следующим утром Володя проснулся первым. Лежал, разглядывал лицо Юры — тот даже во сне хмурился. Каким подавленным и тихим он был после концерта. Видимо, эмоции, которые Юра испытал во время прослушивания симфонии, оказались настолько сильными, что полностью вымотали его.

Стрелка часов подползла к одиннадцати, и Володя решил, что пора бы разбудить Юру. Но тот, кажется, вовсе и не спал — когда Володя легко погладил его щеки и губы кончиками пальцев, Юра поцеловал их и открыл глаза.

— Доброе утро! — проворковал Володя и потянулся к нему, но тот отпрянул и спрятал лицо в ладонях:

— Не надо меня целовать! Я воняю тухлыми яйцами!

— Обожаю тухлые яйца! — Володя улыбнулся и попытался убрать его руки, чтобы дотянуться до губ, но Юра отстранился. Не воспринимая этот отказ всерьез, Володя, хмыкнул и полез под одеяло: — Тогда поцелую там.

— Не надо. Я не хочу! — яростно воскликнул Юра.

Володя сбросил с себя одеяло, сел и сердито сказал:

— У нас уже две недели ничего не было! Когда ты наконец захочешь?

Он понимал, что неправ, но не смог сдержать раздражения. А Юра, глядя на него с мольбой в глазах, невпопад спросил:

— Может, вернемся в Германию?

— Зачем? — спросил Володя. — Здесь твоя Родина! Здесь наш дом, наконец.

— Наш дом будет там.

Володя тяжело вздохнул. Он не раз размышлял о переезде и давно понял, что это невозможно. Без него развалится фирма, а это не просто бизнес, это отцовское наследие. Тот столько сил в нее вложил, столько лишился и оставил фирму именно Володе. Не продал

Брагинскому или кому бы то ни было, а передал сыну. Но бизнес — это лишь вершина айсберга. А как же мать? Перед переездом в Германию ей придется рассказать правду о себе. И что тогда с ней? Он не мог забыть, как тяжело она перенесла его признание в юности: сколько плакала, сколько ночей не спала, как вместе с ним ходила к этому же психиатру и тоже пила таблетки. И все это случилось в девяностых, когда мать была моложе и отец — рядом. Володя понимал, что теперь, овдовевшая, она не вынесет горькой правды. Эта правда ее убьет.

— Юра, но ты можешь работать здесь, а я работать там физически не смогу. Без меня все рухнет, ты же сам видишь, что их нельзя оставить даже на неделю. И еще мать...

— Ясно, — сказал Юра, вставая. — Хотя другого я и не ожидал.

— Может, объяснишь мне, в чем на самом деле проблема? — Володя поднялся вслед за ним.

— Да я сам не знаю. — Юра устало опустился на край кровати. — Дело даже не в творчестве, ведь у меня и в Германии сто раз случались кризисы. Мне плохо здесь, понимаешь? В Харькове. Не с тобой плохо. Как раз таки ты причина и смысл того, что я здесь. Но, кроме тебя, у меня никого нет... — Он пожал плечами и посмотрел Володе в глаза. — Это не значит, что я нуждаюсь в других людях, но без них Харьков кажется слишком враждебным. Кажется, что я вынужден жить в прошлом. А оно мертвое.

От последних слов у Володи сжалось сердце. Он потрянул головой, будто пытаясь выбросить эти мысли, и произнес первое, что пришло на ум:

— Ну, хочешь, съездим в гости к Ирине с Женей? Они, правда, тоже люди из прошлого, но будут рады тебя видеть, а ты развеешься.

Юра отозвался неожиданно живо:

— Да, хочу. Очень хочу! У меня, кстати, есть подарок для их дочки.

От этого предложения Юра буквально расцвел и весь завтрак не умолкал ни на секунду. Вспоминая свой разговор с Ириной и Женей в скайпе, он пересказывал его так подробно, будто сам Володя при нем не присутствовал. Но он не перебивал, а лишь молча любовался горящими глазами и искренней улыбкой. Слишком непривычно было видеть Юру таким — живым.

Сразу же после завтрака Юра настоял, чтобы Володя позвонил Ирине. Та, узнав, что Юра наконец придет в гости, очень оживилась и развела сумасшедшую деятельность. Пообещала устроить такое застолье, каких не бывало даже на Новый год. Володя даже и не знал, есть ли смысл пытаться ее отговорить.

— Так что приходите завтра в четыре, — подытожила она и, не дав Володе положить трубку, воскликнула: — А может, мы еще кого из «Ласточки» соберем, а? У тебя остались контакты кого-нибудь из твоего отряда? У тебя же куча малышни там была, давай кого-нибудь найдем!

— Успокойся, — осадил ее Володя. — Ты уверена, что нам это нужно?

— А почему нет? Будет весело!

— Ирин, но мы этих людей не видели много лет. И ведь это даже не встреча одноклассников или однокурсников. Это просто люди, с которыми лично я провел всего одну смену в лагере сто лет назад. Ладно вы с Женей и Маша — мы хотя бы все это время общались. Но зачем превращать дружеские посиделки в какой-то сомнительный кружок по интересам?

На том конце провода послышался протяжный вздох.

— Ой, все. Ладно, — буркнула Ирина. — Не хотите, как хотите. Будем только мы, вы и Маша.

Положив трубку, Володя сказал:

— Надеюсь, она не обидится. Ирине дай волю — она бы достала не только контакты детворы из отрядов, но и даже этой, как ее... гримзы той...

— Чехони вяленой? — Юра прыснул. — Ольги Леонидовны! Ну ее уж точно пришлось бы доставать из-под земли. В буквальном смысле.

— Конев! — скорее для приличия возмутился Володя, вспомнив, как Ольга Леонидовна ругала Юру.

— А что сразу Конев? — поддержал тот, смеясь.

* * *

Почти всю ночь шел дождь, и утром небо было обложено тучами.

— М-да, погода так и шепчет: «Займи, но выпей», — прокомментировал Юра, уныло глядя в окно.

Он начал собираться за три часа до выхода. Володя в это время пытался учить немецкий, но Юра мешал — побросал на кровать всю свою одежду и принялся перемерять каждую вещь, вертясь перед зеркалом и ворча.

После случая в музее у него появился пунктик: Юра стал беспокоиться, не слишком ли похож на гея. Может, в отношении незнакомых людей он мог бы плюнуть на это, но перед встречей с Ириной и Женей волновался, как перед первым свиданием. Планируя остаться у Володи на две недели, Юра привез с собой пару кофт, рубашку, пиджак, брюки и джинсы. И теперь сетовал на то, какой он дурак, что не догадался зайти в магазин одежды, когда они гуляли по Харькову.

— Да надень уже этот свитер, — не выдержал Володя, захлопывая учебник.

— В свитере и пиджаке будет жарко, — тут же отозвался Юра. — К тому же куда-то пропал мой бирюзовый шарф, который отлично подходил под этот свитер.

Он, вздохнув, достал из комода ремень, задумчиво приложил его к брюкам, хмыкнул, развернулся к зеркалу. Володя, проследив за Юриным отражением, задержал взгляд на ремне, закусил губу и тут же отвернулся, испугавшись картинки, возникшей вдруг в голове.

— Давай выйдем пораньше, съездим в магазин и купим тебе ветровку, — предложил Володя.

— Мне нравится эта идея, — отозвался Юра.

Все оказалось проще и быстрее, чем Володя ожидал. Он был уверен, что Юра довольно скрупулезно подбирает себе вещи. Но, судя по всему, тот руководствовался лишь эмоциями. В магазине он тут же направился к вешалке с верхней одеждой, сразу же обратив внимание на снежно-белую ветровку с красной фурнитурой. Володя было улыбнулся — кто бы сомневался в Юрином выборе, но тот лишь пощупал ткань и прошел мимо. Взял две другие ветровки — темно-синюю и черную — и скрылся в примерочной.

Володя остался ждать в зале и так увлекся разглядыванием галстуков и запонок, что не сразу узнал в молодом человеке, вышедшем из примерочной, Юру. Привыкший к пастельным тонам и ярким деталям в его образе, Володя стал ассоциировать Юру с чем-то светлым, но сейчас перед ним стояла тень в черной ветровке и темных

джинсах. До этого момента он считал, что черный цвет универсальный и идет всем. Но Юру он будто окружал траурным ореолом.

— Может, все-таки синюю? — предложил Володя. Только сейчас он заметил отсутствие сережки и что единственной светлой деталью в Юриной одежде оказалась простая белая футболка.

Тот помотал головой и бросил:

— У синей не тот фасон. — Разглаживая воротник, он спросил: — Ну так что, теперь я не похож на гомосека?

«Теперь ты не похож на себя», — подумал Володя. Но промолчал — решил, что, если скажет такое вслух, ничего хорошего из этого не выйдет. Юра выберет что-нибудь поярче и весь вечер просидит как на иголках. А Володе останется лишь снова переживать за него.

— Ну так что? — поторопил Юра.

«Так будет лучше для него», — решил Володя, сказав вслух:

— Извини, задумался. Тебе очень идет.

Они вышли из магазина. Юра застегнул молнию на ветровке, скрыв за ней белый треугольник футболки, и окончательно превратился в темное пятно. Черный цвет казался мрачным, оттенял глаза, старил лицо, добавлял лет. Юра спрятал руки в карманы и ссутулился так сильно, будто на его плечи что-то давило.

Сев в машину, Володя включил радио, но Юра через пару минут его с раздражением выключил. И всю дорогу они молчали: Володя настороженно, а Юра — напряженно. Но, увидев Ирину, он мигом повеселел, а Володя чуть расслабился — это веселье не казалось наигранным, похоже, тот действительно был рад увидеть бывшую вожатую.

— Здравствуйте, Ира Петровна! — крикнул ей Юра с порога.

Ирина бросилась его обнимать. Потом Юра крепко пожал руку Жене, чмокнул в щеку Машу и присел на корточки, чтобы познакомиться с Олькой.

— Я уже видела тебя в компьютере, — заявила она.

— Я тоже тебя там видел, — кивнул Юра. — Правда, мне казалось, ты должна быть меньше.

Олька на несколько секунд задумалась, а потом серьезно спросила:

— Но я на целый сантиметр выросла! Как это меньше?

— А вот так! Тогда ты была вот такусенькой. — Юра свел большой и указательный пальцы, оставив между ними не больше пяти

сантиметров. — По крайней мере в компьютере.

— Тю! — воскликнула Оля и звонко рассмеялась.

Все уселись за стол. Юра устроился на диване, Маша сперва придвинулась к нему, но тут же отсела, освободив место для Володи. Кивнула ему, приглашая, но тот покачал головой.

Юра оказался в центре всеобщего внимания. Ирина едва ли не допрос ему устроила. В первую очередь интересуясь Германией, она спрашивала о быте, городах, Юрином доме, культуре и кухне, людях, местах и политике. Потом она все же дала ему передышку и начала вспоминать «Ласточку». Когда к беседе присоединилась и Маша, Володя стал теряться в именах, фамилиях и событиях. Он откинулся на спинку стула, тяжело вздохнул и поймал на себе недоумевающий взгляд Жени. Тот кивнул Володе в сторону кухни и сказал одними губами:

— Пойдем выйдем.

Там Женья устроился на табурете возле открытого окна, закурил и, когда Володя сел напротив, резко спросил, выдохнув струю дыма изо рта:

— А Юра, он что, из «этих»?

Володя посмотрел ему в глаза. Помолчал несколько секунд.

— Из каких? — зачем-то уточнил он, хотя уже и сам догадался.

В ответ Женья двусмысленно подергал бровями.

Внутри Володи поднялась волна раздражения. Он стиснул зубы, мысленно спрашивая сам себя: неужели действительно по Юре так заметно? Сегодня тот выглядел более чем обычно, каким образом Женья смог распознать в нем гея? Неужели Юру выдавали повадки? Но если так, то почему же тогда Володя их совершенно не замечал? Неужели настолько привык? И тут он сам себе ответил: потому что, в отличие от других, ему все это нравилось в Юре. Потому что Володя принимал его таким, какой он есть.

Вопрос Жени повис в воздухе. Володя знал, что именно нужно ответить, но не мог набраться решимости и произнести вслух правильные слова. Они с Юрой никогда не обсуждали, что будут делать, если окажутся в подобной ситуации. Однако, помня его рассказ о коллегах и друзьях, Володя точно знал: Юра сказал бы Жене правду.

Но разве не подло говорить только за Юру? Выдать только его тайну, бережно храня свою.

«Нет, не свою, — мысленно поправил себя Володя, — а нашу. Там где Юра, там и я».

До этого момента ему в голову не приходило признаться друзьям. Володя никогда не думал, что кто-то из них спросит прямо, и не планировал, как ответит. Но сейчас Женя не оставил ему выбора.

Глубоко вдохнув, он посмотрел ему в глаза и выпалил так же быстро, как отрывают пластырь:

— Да, мы вместе.

Женя устался на него. Нервно поерзал на стуле, глупо ухмыльнулся.

— Прикалываешься надо мной?

Сохраняя внешнее спокойствие, Володя мысленно рассмеялся — как же предсказуемо Женя отреагировал.

— Нет. Я не шучу.

Ухмылка сползла с лица Жени.

— В смысле? Ты... Что?! — Он замер с приоткрытым ртом, рискуя уронить прилипшую к губе сигарету.

— Вот так, да. — Володя развел руками.

— Но как же... — пробормотал Женя. И одновременно с удивлением и злостью воскликнул: — Тебе что, баб мало?

Осевшая было волна раздражения поднялась вновь. Меньше всего сейчас Володя хотелось посвящать Женю в особенности своих сексуальных предпочтений.

— Жень, давай закроем эту тему, — спокойно попросил Володя, вставая с табурета.

— Да блин! Но ты же нормальный мужик, Вова! Да на тебя всю жизнь девчонки гроздьями вешались...

— Женя, я прошу тебя, не надо! Это мое личное дело, не находишь? — И он вышел с кухни, услышав, как за спиной снова чиркнула зажигалка.

В зале вся компания как раз вставала из-за стола.

— Куда это вы?

— Вов, ты представляешь, — воскликнула Ирина, — Юра написал для Олечки пьесу!

— Про мою любимую куклу-русалочку, — взвизгнула Олька.

— Мы идем ее слушать! — поддакнула Маша.

— Да, я сейчас приду к вам, — натянуто улыбнулся Володя и свернул в коридор.

Он зашел в ванную, взглянул на себя в зеркало. Помыл руки с мылом, заметил, как подрагивают пальцы.

Чего он ожидал? Что Женя порадует за него? Скажет, что все в порядке, что так и нужно, что ничего необычного не произошло? Раньше Володе казалось, что открыться кому-то — это сбросить с души камень. Или хотя бы кусок камня. Но почему же стало только тяжелее?

Когда он зашел в комнату Ольки, та неуверенно брэнчала на пианино, слушая Юрины объяснения. А тот, придвинув к инструменту еще один стул, помогал ей: зажимал аккорды и диктовал, какие клавиши использовать, попутно показывая на исписанный нотами лист. Ирина и Маша устроились на кровати и негромко переговаривались между собой.

— А во второй части твоя кукла оживает, — сказал Юра. — Давай покажу.

Он осторожно снял Олькину руку с клавиш и быстро наиграл мелодию — легкую и звенящую, будто взмах волшебной палочки.

— Здорово! — воскликнула Олька. — Дай я попробую!

Она значительно медленнее Юры повторила отрывок, пару раз перепутав ноты, но не потеряв от этого воодушевления.

В комнату зашел Женя: оперся о дверной косяк, хмуро посмотрел сперва на Володю, потом на Юру и Олю.

— А дальше что будет? — спросила Олька.

— А в третьей части ожившая кукла-русалочка просит маленькую девочку отнести ее к морю.

Олька охнула:

— И что же, ей придется отпустить свою любимую куклу?

Юра картинно почесал щеку, хмыкнул.

— Дай-ка подумать... Получается, что кукла ожила, а это значит, она теперь не совсем кукла, правда? Она же теперь живая русалочка! Значит, ей нужно в море, ведь русалки не могут жить на суше.

Олька вмиг погрузилась. Обернувшись, взглянула на подаренную Володей Барби, что сидела на столе. Володя заметил, как в глазах крестницы блеснули слезы. Видимо, это заметил и Юра.

— В общем, я тоже не смог решить, как закончить, — сказал он. — Давай мы вместе придумаем финал этой истории?

— А правда, Юр! — воскликнула Ирина. Подошла и, тронув его за плечо, воодушевленно предложила: — У тебя так хорошо получилось найти общий язык с нашей хулиганкой! Может, ты бы с ней позанимался еще?

Юра удивленно посмотрел на нее.

— Да ты что, я же не репетитор, Ир...

— Да, Ир, — вдруг встрял Женя. — Не думаю, что он подходит на роль репетитора.

Он сделал пару шагов к пианино. Видимо, почуяв агрессивный настрой, Юра посмотрел на него исподлобья.

— Это еще почему? — не унималась Ирина. — Оля с Нового года ное, что не хочет заниматься музыкой, я первый раз вижу, чтобы ей было так интересно!

— Потому что я так сказал! — рявкнул Женя. — Еще не хватало, чтобы пидор учил моего ребенка!

Ирина вскрикнула и прикрыла Олины уши ладонями.

— Ты что... — прошептала она.

Ножки отодвигаемого стула противно скрипнули о паркет. Юра резко встал и процедил сквозь зубы:

— Пидор и не собирается учить твоего ребенка ничему. — И быстро вышел из комнаты.

Володя было кинулся за ним следом, но увидел, как Женя скривился, прожигая Юрину спину взглядом, полным презрения и ненависти.

Подавляемое на кухне раздражение, постоянный страх, вспыхнувшая только что ярость разом обрушились на Володю. Они объединились в одну совершенно нечитаемую эмоцию и прогремели внутри самым настоящим взрывом. Он не успел осознать реакции своего тела — в один миг его кулак сжался и тут же устремился Жене в лицо. Володя даже не рассчитывал на удар подобной силы. Женя по инерции отшатнулся к стене, Олька взвизгнула, Маша охнула. Ирина стояла с открытым ртом, будто вообще не понимая, что происходит.

Володя же не собирался дожидаться, когда Женя отойдет от удара и захочет дать сдачи, и бросился за Юрой.

Тот курил, сидя на лавочке у подъезда.

— Юр... — Володя тронул его за плечо. — Поехали домой.

Но тот его будто и не услышал, так и сидел, глядя в одну точку прямо перед собой, делая затяжку за затяжкой.

— Слушай, я не хочу обострять конфликт. Женя выпил, ему хватит ума пойти меня догонять. — Володя попытался взять его под локоть и поднять со скамейки, но Юра неожиданно агрессивно отдернул руку. Выбросив бычок, он затоптал его носком ботинка, достал из пачки еще одну сигарету. Огонек зажигалки высветил в темноте его глаза — черные, злющие.

Володя осмотрелся, нет ли вокруг людей, и, присев рядом с ним, обнял за плечи и положил ладонь на колено.

— Юр, прости меня. Я не знал, что так получится, я не собирался ничего никому говорить. Женя сам спросил, а я не мог обманывать...

— О чем он спросил?

— Что? — не понял Володя.

Юра запрокинул голову, посмотрел в небо, выдохнул дым. Опустил взгляд на Володю.

— Ты с ними общаешься много лет, и они никогда ни о чем не подозревали. Но стоило появиться мне, как Женя все сразу понял. За что ты передо мной извиняешься, Володь? Очевидно же, что дело во мне.

— Юра, нет! — Володя хотел опровергнуть его слова, но не нашел аргументов. — Ты тут ни при чем. Да плевать на окружающих...

Лязгнула дверь подъезда — на порог, на ходу застегивая плащ, вышла Маша.

— Ну надо же, два идиота, что один, что вторая... — ругалась она себе под нос, но, заметив Володю и Юру, ойкнула. — Вы еще не уехали?

Володя молча смерил ее взглядом, Юра, казалось, даже не заметил, что тут появился кто-то еще.

— У Жени кровь носом пошла, сильно ты его, конечно, стукнул.

— Надо было сильнее, — сквозь зубы процедил Володя.

Маша пожала плечами.

— Они не понимают просто. Ира орет как припадочная о том, что всегда считала тебя нормальным. Я попыталась объяснить, что ты вообще-то как был нормальным, так и остался. Но они меня не

послушали. — Она вздохнула. — Меня она, короче, тоже послала, как поняла, что я о вас знаю.

Юра вдруг поднялся на ноги. Огляделся по сторонам, покачал головой и молча направился к машине.

— Маш, тебе такси вызвать? — спросил Володя только ради приличия. Он не хотел задерживаться.

— Да ладно, я сама, не переживай. Пока, Володь, удачи вам.

Юра, подозрительно спокойный и равнодушный, сел в машину и сразу же, откинувшись на подголовник, закрыл глаза. Ехали в полной тишине. А дома Володя разжег камин и сел рядом с Юрой. Тот пил ром из бутылки, развалившись на диване и глядя прямо перед собой.

Володя приобнял его, уперся подбородком в плечо и все-таки сказал:

— Прости меня. Это я виноват, не нужно было вообще ездить к ним.

— И что же, нам теперь никуда не ходить, закрыться дома и ни с кем не общаться лишь потому, что другие люди видят в нас монстров?

Володя покачал головой. Он не знал, что на это ответить. Молча сходил на кухню и принес стаканы.

— Прости меня, — только повторил он.

Юра разлил ром по стаканам, выпил свой залпом и прошептал:

— Я ни в чем тебя не виню.

* * *

Посреди ночи Володя вдруг проснулся, распахнул глаза и уставился в потолок. Ему не снился кошмар, а в спальне было темно и тихо. Сердце размеренно стучало в груди, он спокойно дышал, но иррациональное чувство тревоги не давало провалиться обратно в сон. «Что-то не так, — крутилось в голове, — что-то случилось».

Володя включил ночник и, как только тусклый свет немного отогнал дрему, сразу понял, в чем причина тревоги: постель рядом была пуста. Где Юра?

«Должно быть, пошел в ванную, а когда вставал, потревожил меня, вот я и проснулся», — успокоил себя Володя и выключил свет.

Сон снова захватывал его, в голове кружились картинки прошедшего дня, мельтешили мысли: Женя предал, Ирина презирала, Юра злился, а свою крестницу Володя больше никогда не увидит.

Потом все это перемешалось в голове: Женя злился, Оля презирала, а они с Юрой больше никогда не увидятся.

Что-то снова вырвало Володю из сна, он вдруг вспомнил: в ванной не горел свет, а постель рядом была ровно застелена — Юра сегодня даже не ложился? Но где он?

Володя открыл глаза и прислушался — везде царила полная тишина. Сон как рукой сняло, он резко встал, нацепил очки. Вышел в гостиную, мельком взглянул на часы — полтретьего ночи.

Едва шагнув на первую ступеньку лестницы, Володя услышал пианино. Не музыку, а лишь пару обрывистых звуков, которые сразу же стихли.

И вдруг в кабинете Юры что-то рухнуло и зазвенело, да так громко, что Володя вздрогнул от неожиданности. Он бросился на второй этаж, без стука распахнул дверь.

Юра, пошатываясь, стоял посреди комнаты вдрызг пьяный. У его ног валялись сломанный стул и осколки стекла.

— Юра, что... — прошептал Володя, пытаясь понять, откуда вообще взялось стекло.

— Выйди! — рявкнул Юра, обжигая его яростным взглядом. — Вон!

Володя уставился на него, открыл рот, чтобы что-то ответить, но, шокированный, не смог выдать из себя и слова и захлопнул дверь. Он постоял с минуту у кабинета, прислушиваясь, что творится внутри, но там все затихло. Попытался открыть дверь еще раз, но, стоило взяться за ручку, как с той стороны раздался щелчок — Юра закрылся на замок и сказал:

— Хороший мой, уйди, пожалуйста. — И в этот раз в его голосе уже не было злости, только мольба.

Уходить Володя боялся, но перечить не стал. Он кое-как доплелся до спальни, сел на кровать, сбросил очки и схватился руками за голову.

На него накатывала чудовищной силы тревога, она затягивала в себя, с каждой минутой все больше превращаясь в настоящую панику. Дыхание зашлось. Горло стискивало — Володя с трудом хватал ртом воздух. Руки затряслись, вслед за ними задрожало все тело. Сердце заколотилось так сильно, что заболела грудь. Страх сковал его, не давая сдвинуться с места.

Зато в голове враз опустело — никаких мыслей, сомнений, решений. Один только ужас и больше ничего.

Володя боком повалился на кровать и, едва голова коснулась одеяла, застонал в него. Почуввав что-то неладное, в комнату вбежала Герда — скуля и тревожно потягивая, стала крутиться рядом. Ткнулась мордой Володе в ладони, которыми он закрыл лицо. Ее мокрый нос приятно охлаждал, а дыхание, наоборот, согревало, и Володе вспомнилось старое, почти забытое ощущение из прошлого — шок от резкого контраста температур. Вспомнилась и боль — жгучая и одновременно режущая, сильная до крика, но приятная. В мозгу вспыхнула четкая мысль — Володя знает, как за несколько секунд прекратить эти мучения и успокоить себя, знает, как прогнать все эти мысли и страхи.

— Нет-нет-нет-нет, — зашептал он, — это не могло вернуться, не сейчас, не снова. Нет-нет-нет.

Володя все равно сейчас не добрался бы до ванной, чтобы включить воду, — он оцепенел. И от этого стало еще хуже, страх прочно сковал, сдавил горло, и никак не удавалось хоть немного ослабить эту хватку.

«Нужно позвать Юру, сказать, что у меня рецидив, — пульсировало в голове. — Юра придет, он поможет».

Володя, не в силах говорить, простонал Герде:

— Позови его, позови.

Но собака не знала такой команды и только неуверенно твякнула. Сквозь вязкий ужас блеснула трезвая мысль — нужно привлечь внимание. Если Володя не может говорить, то Герда может залаять.

— Голос, Герда, — прохрипел Володя. — Голос.

Та гавкнула, он повторил команду, и собачий лай разнесся по дому. Володя стал ждать. Не понимая, сколько времени прошло — минута или час, — он снова и снова командовал:

— Голос, Герда! Голос!

Собака лаяла, но Юра не приходил.

Когда небо за окном стало светлеть, Володя, преодолевая боль, попробовал пошевелиться. Мышцы заоченели, тело еле двигалось. Он кое-как дотянулся до ящика тумбочки, нашел снотворное, выдавил в рот прямо из блистера и разжевал горькую таблетку, не запивая.

Через пару минут он смог нормально улечься на кровати, закрыл глаза, надеясь быстрее уснуть. Но, несмотря на таблетки, сон не шел. Сквозь мутную дрему Володя ждал, что распахнется дверь спальни, войдет Юра, устроится рядом и успокоит его.

Утро для Володи наступило после обеда. Открыв глаза, он посмотрел на кровать рядом — нетронутая.

Решив, что на работу сегодня не пойдет, Володя написал Лере сообщение, собрался с силами и вышел в пустую кухню. Он не знал, хочет ли видеть Юру, который так его подвел. И не знал, что ему скажет.

Тот уже позавтракал — на плите стоял остывший омлет, а в раковине засыхали невымытые тарелка и кружка.

«Надеюсь, у тебя все хорошо, Юра», — подумал Володя, открывая кран, чтобы вымыть посуду.

Сил не было даже сидеть, поэтому после завтрака он вернулся в спальню. Свернувшись под одеялом, постарался заснуть, но не смог. Смотрел усталыми глазами на снимок в рамке, что стоял на тумбочке, — их общее фото из Германии, где он целует Юру в щеку. Замечательное фото, от которого еще не веяло ромом, не несло обидой и виной.

Проснувшись ближе к вечеру, Володя решил, что паническая атака отпустила окончательно. Он лежал полчаса и хотел уже выйти в кухню, как в спальню заглянул Юра: молча лег рядом и обнял.

Володя чувствовал себя разбитым и уставшим. Не было сил злиться или что-либо выяснять. Он сполз чуть ниже, уткнулся Юре в грудь.

— Что с тобой случилось, хороший мой? — тихо спросил тот, поглаживая его по волосам. — Ты проспал почти сутки, на работу не поехал.

Если Юра узнает о панической атаке, наверняка разнервничается и начнет его лечить фигурально и буквально.

— Кажется, простыл, — соврал Володя. — Утром температура была, сейчас уже легче. Не хотел тебя тревожить.

Следующей ночью Юра опять остался ночевать у себя в кабинете. Проснувшись с утра и заметив, что половина кровати рядом снова нетронута, Володя встревожился и поднялся к нему. Он и подумать не мог, что когда-то будет в собственном доме торчать под дверью и

подслушивать. Но этим утром ему пришлось поступить именно так — из кабинета доносились голоса.

Юра говорил по-немецки. Знаний Володи не хватило для перевода всего разговора, но общий смысл он уловил: Юра жаловался кому-то на жизнь и упоминал его имя. Володя так и замер на месте, прижавшись ухом к двери. Юре ответил женский голос.

«Кто это может быть? Что он рассказывает ей про меня? Вдруг он узнал, что со мной случилась паническая атака, и говорит об этом?» — Сердце сжалось.

Володя положил дрожащие пальцы на ручку, медленно повернул, чтобы не закрипела, и, слегка приоткрыв дверь, заглянул в тонкую щель.

Юра сидел за столом, к Володе спиной, перед компьютером. А там, в скайпе, на него смотрела женщина. Володя узнал ее — Ангела, психоаналитик из комьюнити-центра в Берлине. Она задала Юре вопрос, Володя изо всех сил напрягся, переводя, и не поверил своим ушам:

— Что ты почувствовал, когда приехал в Дахау?

«Дахау?» — удивился Володя. Должно быть, он ошибся. Но нет, в Юрином ответе тоже прозвучало именно это слово. Как ни странно, на душе полегчало — все-таки речь не о Володе.

Он тихонько закрыл дверь и спустился в гостиную.

«Дахау, что за бред?» — думал Володя. При чем тут Дахау? Неужели в Юрином кризисе виновата та их поездка? Не может быть, ведь с тех пор прошло столько времени, столько всего случилось. Сначала была взаимность с Володей — Юра был счастлив. Потом разлука с ним — Юра грустил. После он много работал, да, вкладывал душу, но ведь у него все получалось. А по приезде сюда Юра снова обрел счастье. Не мог же он притворяться? Вряд ли, ведь он сам решил сдать билет. Творческий кризис начался уже позже.

Володя гадал, как спросить, чтобы Юра не понял, что он подслушивал. Задать вопрос как бы невзначай? Но какой именно?

Он придумывал разные формулировки, уже решил, что вообще не станет заводить этот разговор — быть может, Юра сам расскажет.

Но стоило тому появиться на лестнице, как Володя забыл все, о чем думал. Не поворачиваясь к нему, он ядовито выдавил:

— Что ты можешь рассказать чужому человеку такого, чего не хочешь рассказывать мне? Ты мне не доверяешь?

Юра застыл на месте и нервно ответил:

— Конечно, доверяю, просто она врач. От врачей не стоит ничего утаивать...

Володя развернулся, посмотрел на него. Юра выглядел нерешительно, будто не знал, стоит ему войти в гостиную или лучше опять скрыться наверху. Володя устало потер переносицу, сложил руки на груди.

— Почему ты перестал ночевать со мной? — спросил он как можно мягче и направился к Юре.

Тот опустил взгляд.

— Тогда я перепил и... решил, что лучше не приходить. А сегодня читал книжку и задремал, проснулся уже утром. Извини, тебе, наверное, было неприятно.

— Ясно... — протянул Володя. Ступил на лестницу, подошел к Юре, взял за руки, сжал его пальцы. — Юра, зачем тебе врач?

— Знаешь, у Рахманинова был ужасный творческий кризис, такой тяжелый, что привел к глубокой депрессии. Он не смог побороть ее сам и обратился к психотерапевту. И тот его вылечил. Вскоре Рахманинов написал свой шедевральный второй фортепианный концерт и посвятил его врачу. Хочешь, я сыграю его тебе? Хочешь?

Раньше Володя сразу же ответил бы, что, конечно, хочет. А теперь задумался. Нет, по-настоящему он хотел другого: чтобы Юра пришел к нему той ночью и помог справиться с паникой. Чтобы Юра перестал пить, чтобы стал самим собой. И, главное, Володя хотел никогда больше не чувствовать себя брошенным. Все эти желания были искренними, но несбыточными, поэтому он лишь вздохнул и устало сказал, направляясь в кабинет:

— Конечно, хочу.

Слушая Юрину игру, Володя растерялся. Ему стало грустно и одновременно радостно. Он смотрел на Юру, сидящего за пианино, и видел, как неизвестная магия превращает слабого человека в сильного, а его тоску — в радость. Видел, как эта магия наполняет Юрину душу теплом и лечит.

Да, Юра не пришел, когда Володя в нем так нуждался, ну и что с того? Юра попросту не знал, как сильно в тот момент был необходим

ему. Ведь если бы знал, то точно пришел. Вот только он и сам мучился. Если бы не его кризис, не было бы вообще ничего: ни паники, ни одиночества, ни запаха рома, ни осколков на полу.

Когда одному плохо, другой должен быть сильным, чтобы помочь и поддержать, но так вышло, что в ту ночь сильным не смог оставаться никто из них.

Устав сдерживать сумбур эмоций, Володя шагнул к Юре вплотную. Положил ладонь на плечо, стиснул. Юра уперся затылком в Володин живот, посмотрел на него снизу вверх. В его карих глазах, как в зеркале, Володя увидел свое отражение. В Юриных темных зрачках он тоже был темным.

Другую ладонь Володя положил Юре на шею, погладил пальцами подбородок.

— Ай, щекотно, — тот, улыбнувшись, съежился.

Юра нажал не на ту клавишу. Нахмурился, тут же опустил голову, уставился на клавиатуру. А Володю не волновала его ошибка, фальшивая нота ничуть не испортила произведения, и он продолжил нежно гладить большим пальцем старый шрам на любимом подбородке, любимые скулы и шею.

Юра не закончил концерт Рахманинова, опустил руки, будто уронил — они повисли плетью вдоль тела. Магия музыки развеялась, но Володя не хотел его отпускать.

— Я боюсь за тебя.

— Не бойся. Ангела дала мне контакт хорошего психиатра, завтра я поеду к нему. Отвезешь?

Володя замер. Молча уставился в никуда, осознавая, что Юра сам хочет пойти к врачу. Володя понимал, что его личный опыт «лечения» не имел ничего общего с реальной медициной. Но никакие доводы рассудка не могли побороть старую фобию. Хотел того Володя или нет, в его сознании «психиатр» невольно становился синонимом слова «палач».

— Не надо, — прохрипел он, борясь с желанием закричать.

— Я пойду, — ответил Юра негромко, но твердо. — Пора что-то менять.

Володя отпустил Юрино плечо и развернул к себе. Оглядел с ног до головы, ища в его позе и выражении лица решимость. Но ни тени решимости в Юре не было — он ежился то ли от неуверенности, то ли

от холода. Который день он ходил в Володином халате. Юра мерз постоянно и потому заворачивался в него, как в шубу, но при этом не поддевал ни футболок, ни брюк. Обычно Володины мысли крутились вокруг того, что скрыто под халатом, а вовсе не вокруг того, чтобы заставить Юру одеться нормально. Но сейчас, глядя, как он кутается, Володе захотелось согреть его.

Он медленно опустился на пол.

— Менять надо что-то, но не себя, — прошептал он и уткнулся в его колени лицом. — А эти люди могут изменить тебя. Ты знаешь, насколько они опасны?

— Володя, ну перестань. Если этот врач скажет или сделает что-то не так, я просто уйду от него.

Головой Володя это понимал, но сердце раздирал страх.

— Ты уверен, что тебе это действительно нужно? — спросил он, касаясь губами его голых коленей. — Абсолютно уверен?

— Да, — тихо ответил Юра, взял его за подбородок: — Ну-ка посмотри на меня. Все будет хорошо, я обещаю. Доверься мне.

— Тебе я доверяю, но... — пробормотал Володя, закрывая полами халата Юрины ноги.

— Если будет «но», хоть один намек на это «но», я сразу уйду.

— Я не хочу, чтобы ты превращался в меня. Чтобы зависел от чертовых таблеток, я так этого боюсь!

— Но депрессия — это болезнь в самом прямом смысле слова. Организм дал сбой.

— У тебя депрессия?

Володя думал, что Юра страдал из-за творческого кризиса, но неужели, наоборот, кризис — следствие депрессии?

— Судя по всему... — прошептал Юра. — Но, чтобы быть уверенным, нужно сдать анализы.

— Кто довел тебя до этого? Я?! Чем?! Когда это началось? — нервно зачастил Володя.

— Я не знаю. В том-то и дело, что не знаю. Нужно обследование и терапия.

Володя не спал полночи, а утром надеялся, что Юра передумает идти к врачу, но тот был непреклонен.

Высаживая его у больницы, Володя посмотрел на него так, будто видел в последний раз: взглядом цеплялся за каждую деталь, пытаясь

запомнить его до встречи с врачом, чтобы сравнить с тем, каким он станет после. Настроение стало хуже еще и потому, что сейчас он был обязан поддержать Юру, а на деле получалось, что тот поддерживал его. Быстрее попрощавшись — чем дольше они тянули, тем больше Володя боялся, а Юра нервничал, — Володя поехал в офис.

Как назло, в такой сложный и нервный день ему еще предстояло провести совещание. Созвав всех ведущих и старших специалистов в своем кабинете, Володя с трудом собрался с мыслями и начал делиться планами на следующее полугодие — проектов ожидалось много, к ним требовалось подготовиться заранее.

Володя увлекся, не заметил, как пролетели два часа, и забыл, что все это время его телефон лежал на столе с отключенным звуком. Поэтому, когда обеспокоенная Лера приоткрыла двери кабинета, Володя, ничего не заподозрив, послал Брагинского выяснить, что там случилось.

Когда совещание закончилось и кабинет начал пустеть, вернулся Брагинский и негромко пробормотал Володе на ухо, чтобы выходящие не слышали:

— К тебе пришли. Какой-то, ну... мне кажется, педик.

Тот несколько секунд оторопело смотрел на Брагинского, а потом рывком встал и вышел в приемную, но Юры там уже не оказалось.

— И где... — растерялся Володя, тупо глядя на пустое кресло.

— Владимир Львович, а посетитель уже ушел, — сказала Лера.

— Почему? Когда?

— Вот только что, когда Дмитрий Викторович...

— Ясно, — процедил Володя и рванул к Брагинскому, который до сих пор сидел у него в кабинете. — Что ты ему сказал? — едва не срываясь на крик, спросил он.

— Что он, видимо, ошибся адресом. — Тот развел руками, явно считая, что не сделал ничего неправильного.

— Каким, мать твою, адресом? Что ты несешь?! Почему он ушел? Ты ему нагрубил?

Брагинский аж растерялся, открыл рот, моргнул. Володя выругался, схватил телефон.

В кабинет заглянула Лера и осторожно сказала:

— Владимир Львович, ему никто не грубил. Я сказала, что вы заняты, на совещании, и предложила присесть.

— И? — нервно поторопил Володя.

— Потом вышел Дмитрий Викторович... спросил, зачем вы ему... Точно ли ему нужны именно вы, потому что... — Лера замялась.

— Потому что — что? — Володя нетерпеливо потребовал ответа.

Она опустила взгляд в пол и тихо, так, что Володя с трудом расслышал, повторила слова Брагинского:

— Потому что такие люди к вам не ходят...

Он запоздало осознал, что именно случилось. Юра и без того несколько недель страдал от кризиса, а теперь, явно расстроенный психиатром еще больше, пришел к нему в офис. Пришел в место, где Володя — полноправный хозяин, в место, где Юра должен чувствовать себя как дома. Но получил там не поддержку, а презрение.

— Твою мать! — взревел Володя, глядя на Брагинского. — Тебе кто, сука, право дал грубить моим гостям?!

— Думай, с кем разговариваешь, щенок! — рявкнул тот.

— Это тебе надо думать, с кем и, главное, как ты разговариваешь! Выметайся отсюда! — закричал Володя.

Брагинский посмотрел на него совершенно ошарашенным взглядом, но все-таки поднялся и вышел.

На телефоне висело несколько сообщений и пять пропущенных звонков, в том числе Юрины, отправленные сорок минут назад:

«Я закончил. Все нормально. Заедешь за мной? На улице опять дождь собирается».

«Я промок, взял такси, еду к тебе».

Володя набрал его, но не дозвонился — занято. Если Юра вышел пять минут назад, значит, еще где-то рядом. Даже если собрался вызвать такси, маловероятно, что успел бы быстро найти водителя, готового ехать в область.

Непрерывно звоня, Володя стал натягивать пиджак. Вдруг в кабинет заглянул Брагинский.

— Этот пидор — он тебе кто?

— Не смей его так называть!

— Ты так за него заступаешься, будто... — протянул Брагинский. — А... кажется, понял... Неужели это то самое семейное обстоятельство?

Володя замер с трубкой в руках, повернулся к Брагинскому и одними губами ответил:

— Да.

— Я видел по камерам, как вы ночью заходили с ним в кабинет. Господи, Вова, узнай твой отец, чем ты тут занимался... Или, может, он знал, что его сын — гомосек?

— Еще слово, и я тебя уволю нахер!

— Нет, не уволишь. С таким, как ты, работать не буду я. Я увольняюсь сам, — заявил он.

— Увольняйся! — крикнул ему Володя. — От тебя и так толку как от дерьма! Даже нормальный раствор заказать не можешь. Заплатишь за обваленную стену и катись на все четыре стороны!

Брагинский, не ответив, хлопнул дверью приемной.

На выходе из кабинета Володю остановила Лера.

— Владимир Львович, я на всякий случай посмотрела, куда ушел ваш друг, — неожиданно произнесла она. — Он вышел из офиса и повернул налево, в арку.

— Ясно, — зло буркнул Володя.

Но, запоздало осознав, как мягко и тактично Лера назвала Юру, он остановился на лестнице и обернулся. Лера, бледная и взволнованная, стояла в дверях приемной.

— Спасибо, — искренне сказал Володя и поспешил на улицу.

Юра действительно оказался во внутреннем дворе офиса. Он сидел на бордюре, курил и разговаривал по телефону:

— «Ласточкино гнездо». Да, это за городом... — Он увидел Володю и, не договорив, сбросил.

«Да что же это такое? — думал Володя на ходу. — Даже в моей собственной компании на Юру косятся и оскорбляют. Как уберечь его от ненависти окружающих, если я не могу сделать этого даже здесь?»

— Прости меня, прости-прости, — зашептал Володя. Он сел на корточки перед ним, взял его руки в свои, стал целовать.

— Ты что, заметят же! — воскликнул Юра, поднимаясь.

И действительно — в этот двор выходили окна почти всех кабинетов офиса. Володя оглянулся и увидел в них силуэты — узнал Брагинского и стоящую рядом с ним Леру. Он разглядел даже выражения их лиц — презрительное Брагинского и полное сожаления Лерино.

— Мне плевать, — сказал он, обнимая Юру, — пусть знают. Они для меня никто.

В эту минуту Володя не сожалел об этом. Он уже давно перестал нуждаться в чьем бы то ни было одобрении. А если сотрудники захотят уволиться, черт с ними, наберет новых. Самое плохое, что может случиться, — Брагинский обо всем расскажет матери.

— Отвези меня домой, — попросил Юра.

Володя кивнул:

— Хорошо, пойдем.

Все последние их выходы в свет заканчивались одинаково: Юра хотел скорее уехать домой — будто бы спрятаться от обозлившегося на него мира, а по дороге молчал, уставившись в окно.

— Скажи хоть что-нибудь, — не выдержал Володя, сворачивая с трассы.

— Что?

— Ну я не знаю. Что угодно. Пожалуйся, позлись, наори на меня, в конце концов.

— На тебя-то мне за что орать?

— Да за все: что позволил Жене нагрубить, что допустил хамство в моем офисе...

Юра выдохнул, покачал головой.

— Другими словами, за то, что позволял мне нормально функционировать в обществе, а не запикивал меня в шар, как для хомяка? За это я тебе, наоборот, благодарен.

Глава 21

Причиняя добро

Стоило Володе переступить порог, как в офисе повисла тишина: смолкли разговоры, работники попрятались за мониторами. Вставив ключ в замочную скважину, Володя сцепил зубы и отогнал от себя острое желание развернуться и наорать на кого-нибудь или на всех сразу. «Какого черта вы сверлите мне спину, как будто я прокаженный? Хотите что-то сказать — так говорите, а не шепчитесь!»

Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Володя повернулся к столу секретаря.

— Лера, Брагинский уже пришел?

— Нет, Владимир Львович, Дмитрия Викторовича еще не было.

— Ясно.

Володя хмыкнул. Значит, вот как — двенадцатый час, а тот даже не соизволил появиться на работе? Внутри клокотала ярость, вызывая желание сейчас же позвонить, выяснить отношения, поругаться, но Володя сам себя осадил. Важно сохранять лицо.

Полдня он старался не выходить из своего кабинета. Подумывал уже никуда не идти на обед, а заказать доставку, но в последний момент затихшая было ярость вспыхнула с новой силой. Какого черта он вообще должен сидеть в кабинете офиса собственной фирмы и прятаться от своих подчиненных, будто он и правда в чем-то перед ними виноват?

Уходя на обед в кафе, Володя дал Лере указания — так, чтобы слышал весь опенспейс:

— К моему возвращению подготовьте, пожалуйста, отчетность по ЧП. При необходимости звоните Брагинскому, он должен был сегодня все предоставить. И я не нашел согласование заказа по новым краскам, Ткаченко должен был положить мне его на стол еще вчера. Уточните у него, почему задача не выполнена? Произошло что-то, что позволяет сотрудникам нарушать сроки?

Несмотря на строгий тон Володи, Лера вдруг улыбнулась краем губ и кивнула:

— Все будет сделано, Владимир Львович!

В конце концов, Володя не совершил ничего противозаконного. А если кто-то из сотрудников считает, что Володя живет не так или не с тем человеком, — это проблемы прежде всего самого сотрудника.

Во время обеда на телефон пришло напоминание. Володя посмотрел на экран: «17 мая, завтра: день рождения Юры». Надо же, а Володя совсем забыл. Нужно обязательно придумать подарок, а вечером вместе с ним спланировать праздник.

Вернувшись в офис, Володя обнаружил у себя на столе согласование заказа от Ткаченко. Значит, нагоняй сработал. Володя все так же видел осуждающие и недоумевающие взгляды в свою сторону, но продолжал мысленно повторять, как мантру: его личная жизнь не касается ни одного из этих людей, они должны работать, он платит им за это деньги, а если Володина ориентация задевает кого-то настолько, что это мешает рабочему процессу, то он не собирается цепляться ни за одного из сотрудников.

— Лера, а что там с отчетом по ЧП?

— Не знаю, Владимир Львович. Отчет я уже составила, его осталось только распечатать, но нужна подпись Дмитрия Викторовича, да и акты по нарушениям тоже он делал. А до него не дозвониться.

Володя хмыкнул. Дело принимало интересный оборот. Он совершенно не понимал, на что рассчитывал Брагинский. Ссоры ссорами, но вина за обрушившуюся стену целиком и полностью на нем. К тому же он не дурак, он прекрасно знает, что, игнорируя, только усугубляет ситуацию.

— Ладно, Лера, сегодня давайте придержим этот отчет. Если от Брагинского не будет никаких вестей до завтрашнего обеда, то будем разбираться в суде.

Володя уехал с работы на час раньше, чтобы успеть до закрытия зайти в ювелирный. Он ломал голову, придумывая, что же подарить Юре. Очевиднее всего было бы выбрать нечто, связанное с музыкой, но Володя боялся, что очередные намеки на творчество могут усугубить Юрин кризис. Поэтому все же решил, что лучше будет подарить какую-нибудь безделушку, зато дорогую и красивую. Например, золотое украшение — чтобы подходило к Юриной сережке.

Володя посмотрел кольца, но отмел эту идею: перстни выглядели пафосно и громоздко, а тонкие обручальные могли стать глупым намеком. Цепочки и подвески тоже, на Володин взгляд, не подходили — на красивой Юриной шее не хотелось видеть что-то лишнее. Оставались браслеты, и Володя долго ходил между витринами, высматривая подходящий. Выбор не радовал: сплошные тяжелые цепи, которые должны были подчеркнуть статус владельца, а не украсить руку. В четвертом по счету магазине Володя наконец увидел то, что искал, — аккуратный тонкий браслет из золота и платины. Живо представилось, как изящно он будет сидеть на Юрином запястье.

Наблюдая, как девушка за прилавком упаковывает покупку в красивую синюю коробочку, Володя пожалел, что из-за событий последних недель вспомнил о Юрином дне рождения только сегодня. Парой дней ранее он еще успел бы заказать гравировку, чтобы браслет был именной. Выходя из магазина в приподнятом настроении, Володя улыбнулся. Он надеялся, что Юре подарок понравится.

* * *

Герда встретила его во дворе дома — там же, где Володя, уходя с утра, ее и оставил. Почему собака сама не вернулась в дом, стало понятно уже через минуту: дверь оказалась захлопнута. Не закрыта на замок, но и не прикрыта, как обычно. Герда не смогла бы подцепить ее лапой. Юра захлопнул? Может, случайно?

В доме царила полная тишина. Ни шороха, ни звуков музыки из кабинета. Володя позвал:

— Юра? Я дома.

На кухне даже не было привычного бардака: посуда на своих местах, будто тот даже не обедал.

Володя поднялся к его кабинету — заперто на ключ.

— Какого черта? — буркнул себе под нос.

Если Юра куда-то ушел, то почему не предупредил? Не мог же он запереться изнутри — какой в этом смысл? Или все же мог?

Володя, недолго думая, достал из кармана телефон и набрал его номер. Звонок раздался из-за дверей кабинета, но трубку никто не взял. Сдерживаясь, чтобы не выматериться, Володя спустился в гостиную за запасными ключами.

Отперев дверь, он обнаружил Юру спящим. Тот лежал на диване, головой на подлокотнике, уронив ноги на пол. Рядом стояла пустая бутылка рома, а еще одна, початая, упала и разлилась лужей под диван. В кабинете царил полный бедлам: нотные листы, музыкальные диски и книги раскиданы, на крышке пианино — пустые чашки и кофейные следы.

— Твою мать... — прошипел Володя, чувствуя, как внутри все буквально заливает яростью.

Он подошел к Юре, грубо потряс его за плечо.

— Юра! Юр!

Тот никак не отреагировал, даже не шевельнулся.

Злость моментально сменилась беспокойством, Юра ведь даже не сопел. Он вообще дышит? Володя прислушался, склонился над ним, потрогал лоб и скулу. Почувствовав прикосновение, Юра все же скривился и фыркнул, но так и не проснулся.

Ведомый смутным подозрением, Володя громыхнул верхним ящиком стола, потом еще одним. В самом нижнем нашел прописанные врачом таблетки, выдохнул — нераспечатанные. Подумав, сунул себе их в карман — не хватало еще, чтобы Юра, забывшись, смешал таблетки с алкоголем. Володя уже совсем не был уверен в том, что у него хватит ума такого не сделать.

Выходя из кабинета, он снова обернулся на спящего Юру. Скривился и вздохнул, качая головой. Что же делать? Он же говорил, что ему нужно лечить депрессию, сходил к врачу, и вот...

Юра проснулся часа через три. Володя стоял у плиты, помешивал булькающий в кастрюльке куриный суп и исподлобья наблюдал за Юрой.

Тот молча налил себе воды, залпом осушил стакан, снова наполнил его и уселся за стол. Выглядел он крайне помятым и полуживым, и в другой раз Володя, может, и пожалел бы его, но не сегодня. Он со стуком поставил перед ним тарелку супа.

Юра поднял на него глаза, посмотрел с благодарностью, но, наткнувшись на Володин взгляд, отвернулся.

— Юра... — негромко позвал Володя. Он попытался смягчить тон, но злость так и лилась из него.

— Володь, не начинай, я тебя прошу, мне и так хреново...

— А мне что, думаешь, хорошо? — выпалил Володя. — Мне, думаешь, нравится приходить каждый день домой и видеть тебя пьяным и неадекватным? Я уже ничего не говорю про постоянный бардак и вонь алкоголя на весь дом! Юра, мы же договорились, ты же пообещал... А ты... Как я могу доверять тебе теперь?

— Володь, голова и без этого болит, мы можем отложить этот разговор на...

— Нет, не можем! — Володя понизил голос, но от этого в его голосе только прибавилось холодной ярости: — Сколько можно откладывать? Я устал видеть тебя таким, я не хочу видеть тебя таким, Юра! Ты же ходил к доктору, ты же решил лечиться, ты купил таблетки, так в чем проблема?

Юра резко отодвинул от себя тарелку супа и встал со стула. Ничего не говоря, подошел к шкафчику, где хранился подарочный алкоголь и Юрин ром. Рома там не оказалось.

— А где?.. — Юра растерянно обернулся.

— Что «где»?

— Мой ром. У меня была еще бутылка.

— Я не знаю. Может, ты все выпил и забыл?

— Какого хрена, Володя? — Юра повысил голос. — Ты что, спрятал мой ром?

— Нет! Но, останься он там, так бы и сделал! Потому что это уже ни в какие ворота не лезет, Юра! Ты пьешь и даже не помнишь сколько!

Тот посмотрел на него, прищурившись, но вдруг пожал плечами, развернулся и потянулся за бутылкой коллекционного коньяка, стоящего в углу шкафчика, — давний подарок одного из клиентов фирмы.

— Нет! — Володя подскочил к нему. — Не смей!

Юра откупорил плотную крышку.

— Тебе коньяка жалко, что ли?

Володя попытался выхватить у него из рук бутылку, но Юра неожиданно крепко вцепился в нее.

— Мне тебя жалко!

Юра потянул на себя. Мгновение — и осколки бутылки разлетелись по кафельному полу в луже резко пахнущего алкоголя.

— Вот черт. Все же придется идти в магазин, — разочарованно протянул Юра, развернулся и направился к лестнице на второй этаж.

Володя нагнал его у ступенек, схватил за локоть.

— Я запрещаю приносить алкоголь в мой дом!

Юра, хмыкнув, пожал плечами:

— Ладно. Тогда буду пить на улице.

— Никуда ты не пойдешь! — прорычал Володя и дернул Юру на себя, не давая уйти. Тот вырвал руку.

— И что ты сделаешь? Запрешь меня?

— Если это поможет тебе бросить пить, то да!

— Я тебе что, собака? Хочешь на цепь меня посадить и выпускать по команде?

— Если это поможет тебе, — снова повторил Володя.

— Не поможет! Я человек, у меня есть право...

— Да ты не похож на человека! — перебил его Володя. Схватил за плечи, подтащил к зеркалу, поставил к нему лицом. — Посмотри на себя! Разве так выглядит человек, Юра? Нет, так выглядит ничтожество...

Он осекся, поймав в зеркале потускневший взгляд Юры. Тот поджал губы, резко вдохнул, будто его ударили под дых. Володя еще сильнее стиснул его плечи, но Юра выкрутился, рванул в сторону.

Володя попытался заключить его в объятия, но тот дернулся в его руках и прошипел:

— Пошел ты к черту.

— Я не хотел...

— Пошел... ты... к черту! — Он вывернулся, отпихнул от себя Володю и стал подниматься по лестнице.

Глядя на его сгорбленную спину, взлохмаченные волосы и дрожащую руку, что держалась за перила, Володя пожалел о сказанном — зачем он так с ним, зачем так грубо?

— Юра, стой!

Тот остановился.

— Что? — не оборачиваясь, спросил он.

— Прости. Я правда не хотел! Куда ты?

— Спать.

— На диване опять? Тебе там не место...

— А где мое место, Володя? В будке Герды?

— Нет, в моей кровати, рядом со мной. Пожалуйста, хватит спать по отдельности. Я скучаю, мне тебя не хватает.

— Я же ничтожество. Зачем тебе рядом такой, как я?

И он ушел наверх, даже не обернувшись. Володя покачал головой, потер руками лицо. А ведь он собирался обсудить с Юрой, как отмечать его день рождения...

Лежа в кровати, Володя пожалел, что не взял тогда рецепт у Игоря. Снотворное закончилось, а простое успокоительное не помогало. Он проворочался в кровати почти до утра, прислушиваясь к звукам в доме. Вдруг Юра все-таки придет? Нет. Он даже ни разу не спустился на кухню попить воды. Володя переживал за него — он ведь так ничего и не поел.

Он прокручивал в голове куски их ссоры. В какие-то минуты сон таки приходил — душная тяжелая дрема, сквозь которую он снова и снова слышал Юрин равнодушный голос и свой — ледяной.

«Хочешь на цепь меня посадить?!»

«Так выглядит ничтожество! Ты выглядишь как ничтожество!»

И, выныривая из этого марева, Володя отчаянно тянулся к Юре — встать с кровати, подняться наверх, обнять его. Но продолжал лежать, понимая, что он наверняка заперся в кабинете, а ломиться к нему посреди ночи — только провоцировать новую ссору.

Утром Юра не спустился к завтраку. Володя, собравшись уже на работу, поднялся к нему. После вечернего скандала он теперь не знал, как попросить прощения, а тем более — как поздравить Юру. Володя безрезультатно подергал ручку двери.

— Юра, я не хочу опять врывать к тебе без спроса, но ты хоть подай признаки жизни. С тобой все в порядке?

За дверью послышался шорох. Через полминуты щелкнул замок — Юра приоткрыл дверь. Выглядел он еще хуже, чем вчера, — помятый, с опухшими покрасневшими глазами, всклокоченный и сонный. Володе сразу же захотелось обнять его, затащить в душ, вымыть, накормить и уложить спать в чистую мягкую постель. Но Юра не дал ему сделать навстречу и шага — придержал дверь, оставив только небольшую щель.

— Как видишь, со мной не все в порядке, но я живой.

— Юра, чем тебе...

— Не надо мне помогать, — оборвал его Юра. — Иди на работу.

И Володя не посмел ему перечить — будет ведь только хуже. А тем более не смог выдать слова поздравлений, которые прозвучали бы сейчас как насмешка. Он лишь сказал:

— Я приготовил завтрак, а в холодильнике стоит суп. Поешь, пожалуйста, ты со вчерашнего дня голодный.

Юра захлопнул дверь.

Спускаясь по лестнице, Володя чувствовал, как внутри все раздирает от боли. Юра закрылся от него — и физически, и морально. Володя наговорил ему гадостей, и, сколько бы теперь ни раскаивался, слов обратно не возьмешь. Он не знал, что делать. Он боялся за Юру. Боялся, что, стоит уехать на работу, как тот тут же пойдет в магазин. Ему же плохо, у него жуткое похмелье, и ему нужно выпить, чтобы полегчало, и так по кругу, а это прямой путь к запою. Да что там — Юра уже ушел в запой.

Володя положил коробочку с браслетом на видное место — на кухонный стол, рядом с чайником. Вертя в руках пустой бумажный лист, долго думал, написать пожелание или попросить прощения. Глупо делать это так, будто он боится поговорить. В итоге Володя не придумал ничего лучше надписи: «С днем рождения, Юрочка». А все остальное он скажет ему лично.

Но, глядя на оставленный на столе подарок, Володя все еще сомневался. Может, вообще не идти на работу? Съездить в магазин, купить торт, устроить праздник, а заодно проследить, чтобы Юра не пошел за ромом? А какой смысл? Как Володя его удержит, если тот захочет пойти? Силой?

Володя вертел в руках связку ключей, стоя у ворот участка. Обычно он закрывал их на задвижку, чтобы Юра мог спокойно выходить не только во внутренний двор, но и за территорию. Но сейчас, глубоко вздохнув, он запер ворота на ключ. Будет лучше, если Юра не сможет выйти из дома.

* * *

Сегодня Брагинский явился. Зашел к Володе в кабинет перед обедом, бросил ему на стол недостающие в отчете о ЧП акты. Тот их молча просмотрел и протянул обратно:

— Отдай Лере, нужно прикрепить к папке. И подпиши у нее ордера на компенсацию ущерба.

Как ни странно, Брагинский даже спорить не стал. Вообще слова лишнего не проронил. Володю так и подмывало спросить, какого черта он вчера не пришел на работу и почему до сих пор не принес обещанное заявление на увольнение. Но осадил себя: не стоит усугублять ситуацию и, уподобляясь ему, мешать личные эмоции с работой.

А личных эмоций у Брагинского было хоть отбавляй — он смотрел косо, то и дело кривил губы и всем своим видом показывал, как ему неприятно находиться рядом с Володей. Стало даже забавно — надо же, как человека может взбудоражить то, к чему он не имеет совершенно никакого отношения. Например, с кем спит Володя. Была бы это девушка, Брагинский только порадовался бы, а потом забыл бы через день.

После обеда постучалась Лера.

— Я подшила отчет по ЧП, осталось только подписать.

— Хорошо. — Володя кивнул, забирая у нее папку.

— Еще утром пришли согласования по маркетингу, я проверила, нашла недоработки и отправила переделывать. К вечеру должны вернуть.

— Хорошо. Спасибо, Лера, вы... вы замечательный секретарь.

— Владимир Львович, — обычно серьезная и сдержанная, Лера вдруг смущенно опустила взгляд, — простите за личный вопрос, но сотрудники распустили слухи о вас и вашем друге и теперь спрашивают меня. Что мне отвечать?

На мгновение Володю изнутри обдало холодом — неужели все-таки не удастся избежать этих неудобных вопросов?

— Мне все равно. Отвечайте то, что считаете нужным.

— Тогда я буду говорить... что это не их собачье дело.

Володя резко поднял голову, посмотрел на нее прищурившись, улыбнулся.

— Мне нравится такая формулировка.

Щеки Леры залились краской.

— А что вы сами думаете об этом? — спросил Володя. — Кроме того, что это не ваше дело, разумеется?

— Ну, — она пожала плечами, — я давно догадывалась об этом. У нас в офисе столько красивых женщин, а вы всегда были как камень, так что... я надеюсь, что у вас с вашим другом все будет хорошо.

— Спасибо, Лера, — выдохнул Володя и впервые в жизни обратился к ней на «ты»: — Ты всегда была отличным сотрудником, но оказалось, что и человек замечательный. Мне приятно с тобой работать.

— И мне с вами, Владимир Львович, — улыбнулась та.

* * *

На обратном пути Володя купил торт и стал обдумывать, что скажет Юре по возвращении. Когда он подъехал к дому, на улице уже смеркалось, но в окнах не горел свет. Володя открыл ворота ключами, вздохнул спокойно — Юра не выходил. А с другой стороны, куда бы он делся? Странно, но и Герды нигде видно не было.

В доме царила мертвая тишина — еще мертвее, чем вчера.

Володя поднялся наверх — дверь в кабинет оказалась открыта. Внутри как будто прошел ураган: все шкафы распахнуты, вещи разбросаны по полу, ящики стола выдвинуты, на диване валялся халат. Володя окликнул Юру, но в кабинете его явно не было — не спрятался же он? Тогда Володя позвал Герду. Тишина.

Куда они оба могли деться из закрытого дома? Чувствуя накатывающую панику, Володя схватил телефон, набрал Юру и вздрогнул от неожиданности — по кабинету разнесся рингтон, его телефон лежал на столе под кипой бумаг.

Володю вмиг охватила всепоглощающая паника. Он снова позвал Юру, затем еще раз, громче, и еще раз, еще громче.

А вдруг он что-то с собой сделал? У него же депрессия, ему ведь совсем плохо, а Володя запер его в доме! Одного!

Володя побежал в ванную. Пусто. И на кухне, и в зале. Он искал везде: спустился в подвал, заглянул в кладовку, посмотрел в недостроенных комнатах второго этажа, даже шкафы пооткрывал. Юры нигде не было.

Володя выбежал во двор. Замер на веранде дома, схватился за косяк, ощущая, что еще немного — и его снова накроет паническая атака. Вцепившись в дверную ручку, он глубоко вздохнул и медленно выдохнул, заставляя себя успокоиться. Постарался думать логически.

Герды тоже нет, значит, Юра ушел куда-то с ней. Но куда, если ворота участка закрыты? Володя медленно обошел дом по кругу, внимательно оглядываясь. Ну не через забор же Юра перелез, в самом

деле? Забор, ворота... Калитка! Володя бросился в угол двора — туда, где за кустами дикого винограда виднелась открытая калитка к соседям.

И, будто услышав его протяжный выдох, по ту сторону забора твякнула Герда. Володя сперва даже себе не поверил — может, все-таки Найда?

Он скомандовал: «Ко мне!» — и через полминуты увидел несущуюся ему навстречу собаку. Ну хотя бы с ней все хорошо.

— Герда, где Юра?

Та гавкнула на него и посмотрела с любопытством.

— Герда! Ищи Юру!

Та снова гавкнула, развернулась и понеслась в сторону соседского дома. Идя следом за ней, Володя пытался понять, как Юра смог открыть эту калитку, ведь она запиралась на ключ.

Володя дошел до веранды. Найда узнала его и приветливо твякнула, звякнув цепью. Володя вдавил кнопку дверного звонка, услышал, как в глубине дома раздалась веселенькая трель. Открыли только с третьего раза. Сергей как-то очень странно улыбнулся и медленно протянул:

— Ой, Влади-имир! Доброго денечка тебе...

— Уже вечер, Сергей. Ты не видел моего... друга? Нигде не могу его найти, а калитка открыта, да и Герда тут.

Сергей моргнул, кивнул и, развернувшись, позвал его за собой. Володя шел за ним, слушая тихое бормотание:

— А я гулял по саду, смотрю — сосед новый. Ну вот разговорились, хороший Юрий человек, да. Талантливый, музыкант... Поговорили с ним об искусстве, общие темы обнаружили.

Володя спокойно выдохнул — Юра нашелся.

Володя не раз бывал в соседском доме: иногда Татьяна просила купить и привезти из города корм, изредка звала на чай, а Володя не мог отказать — неудобно. Но он помнил, что внутри всегда было чисто и опрятно. Но не сейчас. Все окна оказались занавешены шторами, в углу зала на тумбочке шумел телевизор, а еще было так накурено, что у Володи запершило в горле. Взгляд невольно зацепился за валяющиеся то тут, то там бутылки — из-под дорогого коньяка, хорошей водки, виски. На столике у телевизора стояла пепельница,

полная окурков, а к застоявшемуся сигаретному дыму примешивался запах перегара и еще чего-то сладковато-травянистого.

Юра полулежал в кресле. Откинувшись на подголовник, он, почти не моргая, смотрел в потолок. В его пальцах тлел окурочек сигареты, наверх поднималась тонкая струйка дыма.

Володя ошарашенно смотрел на него.

— Какого... — Он закашлялся, едва вдохнув ртом.

Сергей тронул его за предплечье.

— Тс-с... Ну что ты, Владимир, — протянул он. — Не мешай человеку отдыхать.

А Юра даже не отреагировал ни на появление Володи, ни на голос, ни на кашель.

— Что с ним? — накинулся Володя на Сергея. — Он совсем упился?

Тот отмахнулся и начал глупо смеяться.

— Юрий вдохнул немного... природы. Не переживай, он просто расслабляется. Хочешь, и тебе забью?

Сергей плюхнулся на диван, потянулся к лежащему на столике свертку фольги.

До Володи наконец дошло.

— Ты что, его накурил?!

— Ну да, немного. — Сергей медленно поднял на него взгляд.

— Ты вообще нормальный?

— Ну... — Он покрутил рукой в воздухе. — Нормальный — это вообще риторическое понятие. Вот ты, например, в какой-то степени тоже ненормальный. Все мы в какой-то степени ненормальные, кто-то больше, кто-то меньше.

Сергей говорил раздражающе неторопливо, тянул гласные и нес какую-то околесицу. Володя готов был взорваться от клопочущей внутри злости.

— Нахрена?

— Что нахрена? — Сергей почесал затылок. — Я уже потерял нить нашего разговора. Ты ведь что-то про Сократа говорил?

— Я говорю, кто тебя просил давать Юре эту гадость?!

— А... — Сергей кивнул.

— Володя, ну что за истерика на ровном месте? — вдруг раздался Юрин голос. Володя посмотрел на него — тот сидел как сидел, все так

же неподвижно, и пялился в потолок. — Никто никого ни к чему не принуждал. Сережа предложил, я не стал отказываться. Все прекрасно.

— Во-о-от, — протянул Сергей, подняв указательный палец вверх.

Володя, склонившись над Юрой, заглянул ему в глаза. Потряс за плечо.

— Юра. Юр, пойдем отсюда.

— Куда? — Он сфокусировал взгляд на Володином лице и внезапно улыбнулся — совершенно по-доброму. — Опять хочешь меня закрыть? — А потом поднял руку и потряс перед Володиными глазами браслетом на запястье. — Один наручник уже купил. Когда второй подаришь?

Володе стало жутко. Ледяной тон Юриного голоса слишком расхохотался с милой улыбкой, играющей на его губах.

— Нет, Юра, нет. Прости, я не...

— Ладно, пойдем, — вдруг согласился Юра.

Он резко встал, сделал пару шагов, пошатнулся. Володя успел его подхватить. Юра хихикнул:

— Не, нормально. Сейчас сориентируюсь.

Пока шли до дома, той же дорогой через задний двор и калитку, Юру пробило поболтать. Он весело рассказывал, и, если не знать, откуда Володя его только что забрал, можно было бы даже подумать, что с Юрой все в полном порядке.

— Его жена уехала куда-то, я что-то забыл, вроде бы в отпуск. А этот в запой ушел. А потом бухать ему надоело, он травки достал. Во дед дает, я даже позавидовал. Немного, потому что на самом деле там нечему завидовать, знаешь, он мне свои картины показывал — такие пустышки. Те, что у него стоят там, в доме, не продаются, говорит. А показал мне те, что при совке рисовал и продавал, — там классные картины. Нет, не шедевры, но в них хотя бы есть какой-то смысл. Говорили с ним. Выгорел человек настолько, что обратно уже не вернется. Рисует натюрморты какие-то. Не то чтобы я разбираюсь, но вроде вижу, что техника есть, но, знаешь... Такие пустые картины. Не то что раньше, раньше, он мне показывал, были лучше, рисовал хотя бы со смыслом...

Володя открыл двери дома, Юра зашел следом, навалился спиной на стену.

— Ты повторяешься, Юр, — сказал Володя, присаживаясь перед ним на корточки, чтобы расшнуровать его ботинки. Поднялся на ноги, объяснил: — Сергей и сейчас продает картины — рисует на заказ, просто почти все деньги пропивает.

— Да, на заказ рисует, хорошо рисует, но никакого смысла во всем этом нет... Он и сам не видит никакого смысла. — Юра говорил это будто не Володе, а пустоте перед собой. И вдруг начал сползать по стенке — подогнулись колени, он осел, обнял себя за плечи руками. — Выгорел, знаешь, да так, что вернуться обратно уже невозможно. Потому что никакого смысла во всем этом... нет.

— Юр! — Володя, испугавшись, попытался поднять его — подхватил под мышки, потянул наверх, но тот повис на нем, как тряпичная кукла.

Володя опустился на пол, закинул на себя Юрины руки, обнял его. Тот уперся подбородком ему в плечо, продолжая бормотать одно и то же про выгорание и бессмысленность.

— Юра, перестань. Это не про тебя. Сергей сам виноват, сам себя довел до этого, ты не такой. У тебя есть я, и я помогу тебе, слышишь?

Юра не слышал. Володя продолжал его уговаривать. Поднял, наконец поставил на ноги. Юра особо не сопротивлялся, позволил довести себя до кровати и кое-как усадить.

Володя не знал, чем помочь. Если с пьяным человеком при токсикозе было понятно, что делать: таблетки, холодный душ, — то как привести в чувство укуренного?

— Юр, тебе плохо? — спросил Володя, стаскивая с него одежду.

Тот помотал головой, потом кивнул.

— Тошнит? Голова кружится?

— Не-а. Нормально.

Он упал щекой на подушку и застыл, глядя перед собой стеклянным взглядом. Володя сел на пол рядом с ним, погладил по волосам.

— Юр?

— М?

— Что мне для тебя сделать?

— Ничего. — Юра медленно моргнул. — Ты и так делаешь для меня бесконечно много... Это я, я сам же все просираю.

— Юра, нет. — Он погладил его по щеке костяшками пальцев. — Юрочка...

Тот молчал. И будто спал, только с открытыми глазами. Володя смотрел на него и чувствовал, как накатывает паника — так же, как раньше: волной ужаса, страхом, леденящим оцепенением и удушьем. Внутри все онемело, сердце будто сжали шипованной перчаткой, стало трудно дышать.

Это он довел Юру до такого. Это он виноват. Он запер его. Не сегодня, а еще несколько месяцев назад, когда Юра только приехал. Он ограничил его свободу кабинетом, усадил за пианино, которое сам же, без Юрино согласия, купил. Он привязал его к себе, потому что знал, что Юра любит, а значит, не уйдет. Идеальная цепь.

Володя попытался вдохнуть ртом, но горло будто затянуло пленкой — воздух не проходил. Он ударил себя в грудь.

Юра смотрел в пустоту, полуприкрыв глаза, и даже не обратил внимания на Володины телодвижения.

До дрожи напрягая мышцы, Володя заставил себя подняться и бросился в ванную. Как был, в рубашке и брюках, шагнул в душевую кабину и крутанул кран. Кожу обожгло прохладой, остатки холодной воды в трубах моментально сменились кипятком, и в следующее мгновение его обожгло уже по-настоящему.

Володя не смог сдержать крика. Вывалился из кабинки, едва не упал, поскользнувшись на мокром кафеле. Краем глаза ухватил свое жалкое отражение в зеркале — насквозь мокрый, в липнущей к телу одежде, с безумным взглядом. «Ну и кто теперь ничтожество, Вова?» — будто спрашивало отражение.

Володя с опаской заглянул в комнату — Юра так и лежал на боку. Все-таки уснул и ничего не услышал? Ну и хорошо...

Паника отпустила, но легче не стало.

Володя сдирал с себя мокрые вещи, матерясь сквозь зубы. Вот он — единственный способ справиться с собой? По-другому он и не может. Он был уверен, что с появлением Юры в его жизни окончательно избавился от тяги к самоистязанию, но нет. Это безумие, эта гадость все еще жила внутри.

Совершенно разбитый, Володя доплелся до кровати и упал на подушку. Глядя в Юрину спину, еле слышно прошептал:

— С днем рождения, Юр. Отличный у тебя получился праздник.

Глава 22

В теплые края

Следующим утром Володя чувствовал себя так, будто его придавило бетонной плитой. Он с трудом разомкнул тяжелые веки и совсем не удивился, что постель рядом оказалась пуста. В этот раз не появилось даже тревоги за Юру. Володя вдруг почувствовал, что ужасно устал от всего: от постоянного страха, от непрерывных мыслей — как помочь, что еще сделать. Володя устал постоянно искать выход.

Из кухни донесся шум: звон посуды и кипение чайника. Часы показывали почти одиннадцать, на телефоне висела пара пропущенных вызовов с работы. В любой другой раз Володя занервничал бы и тут же перезвонил узнать, в чем дело. А сейчас ему было совершенно наплевать.

Заметив Юру у кухонного стола, Володя прошел в ванную. Вздрогнул, вспомнив вчерашний приступ в душевой кабине. Умывшись, он разглядывал в зеркале свое бледное лицо. Не только Юра сдал за последний месяц — Володя и сам выглядел не лучше. Бледная кожа будто истончилась, на ее фоне контрастировали темные круги под опухшими веками, в глазах — сетка лопнувших капилляров.

Володя уже решился выйти на кухню, но в комнате зазвонил телефон. На экране высветился рабочий номер.

— Алло?

— Владимир Львович, добрый день! — бодро сказала Лера. — Извините, что отвлекаю вас, но все-таки мне нужно уточнить, будете ли вы сегодня в офисе?

— Нет, — как можно мягче ответил Володя. — Мне нездоровится, я сегодня поработаю из дома, так что все важные письма пересылайте мне на почту.

— Принято.

— Что-то еще?

Послышался шелест бумаг.

— Эм... — замялась Лера. Прокашлялась и, понизив голос, сказала: — Владимир Львович, тут Дмитрий Викторович... беспокоится. Сегодня после обеда встреча с клиентами, и он, кажется, переживает, что вас нет.

Володя и правда забыл, что сегодня ему с Брагинским предстояло провести внеочередные переговоры. Раньше Володя не раздумывая все бросил бы и рванул в офис, чтобы задобрить клиента, но сейчас он не сдвинулся с места. Пусть Брагинский сам расхлебывает кашу, которую заварил.

— Лера, передайте, пожалуйста, Дмитрию Викторовичу, что я абсолютно уверен в его дипломатических талантах. А если он не будет с чем-то справляться, я на связи и всегда готов прийти на помощь удаленно.

— Вас поняла, — сказала Лера и, судя по тону голоса, улыбнулась.

Володя сбросил вызов и самодовольно хмыкнул. «Вот и посмотрим, что для тебя, Дмитрий Викторович, важнее — репутация фирмы или моя личная жизнь».

Телефон зазвонил снова. Володя, не глядя на экран, поднес его к уху. Он подумал, что, должно быть, Лера забыла еще о чем-то сказать, и бросил:

— Что еще?

Но из трубки послышался звонкий и слегка испуганный голос Маши:

— Э... Да ничего вообще-то. Привет!

— А, это ты. Привет, Маш.

— Ты какой-то невеселый. У вас что-то случилось?

Володя не собирался откровенничать с Машей, поэтому соврал:

— Все в порядке, просто не выспался.

— Поня-я-ятно, — протянула та. — А я вот распереживалась — что-то Юра мне уже пару дней не отвечает ни в аське, ни по телефону. Точно все хорошо? Мне показалось, он был очень расстроен после того, как ушел от Ирины.

Володя было удивился тому, какая же хорошая у Маши интуиция, но тут же рассудил: интуиция ни при чем, все и так очевидно.

— Ну а кто бы не расстроился, услышав такое?

— Да уж. — Маша вздохнула. — Я звонила Ире вчера, думала, может, их немного отпустило, надеялась, что вы помиритесь. А она как

давай орать! Ой, столько грязи на тебя вылила...

— Какой? — спросил Володя, хотя ему было не особо-то интересно.

— Ну... — Маша замялась. — Да знаешь там, какой ты растакой, втерся в доверие к ее семье, да если бы они только знали раньше... Представляешь, мне еще припомнила тот вечер в «Ласточке», когда я вас сдала, а она мне не поверила. Как будто бы я в этом виновата. А еще мол, как ты мог врать ей столько лет... И про Ольку кстати... не хочу говорить, но все равно узнаешь: в церковь пойдут спрашивать, как сделать, чтобы ты перестал числиться ее крестным... Ну не идиоты ли, а?

Володя угукнул, уставившись в стену.

— А ты знаешь, ну и пусть идут они сами куда подальше! Я не жалею, что поругалась с Ириной! Это что, выходит, узнай она про моего Диму, и его стала бы считать ненормальным, психически больным извращенцем?

Володя невесело хмыкнул:

— Это так меня Ирина назвала?

— Ну... Вроде того. Ну вы не грустите там! Ира с Женей просто ни черта не понимают! — Она вздохнула. — Ладно, Володь, ты передай Юре, чтобы хоть ответил мне. И не расстраивайся. Все будет хорошо!

Она положила трубку, а Володя так и продолжил смотреть в стену. Внутри закипала неясная злость, пришедшая на смену глухому равнодушию. Казалось бы, с чего тут злиться? С Ирой и Женей все было понятно еще в тот вечер, когда они поругались. Естественно, они не дадут больше Володе видаться с Олькой. Обидно, ведь Володя давно смирился с тем, что у него не будет собственных детей, а к Ольке относился почти как к дочке.

Он потрянул головой. К черту все это, сейчас у него существовали куда более насущные проблемы. Нужно было все же поговорить с Юрой.

С кухни тот уже ушел, и Володя поднялся на второй этаж. В кабинете царил уже привычный бардак: на столе стояла чашка чая — от нее все еще шел пар, а вот Юры нигде не было. Внутри колыхнулось беспокойство, но тут же Володя услышал лай Герды. Он подошел к окну, посмотрел во двор — Юра играл с собакой. Герда, подпрыгивая и весело таякая, выпрашивала у него палку, бросалась

под ноги. Юра смеялся, что-то по-доброму приговаривая, и в какой-то момент Володе даже показалось, что тот стал прежним собой — веселым, жизнерадостным.

Вот только не было никого, кроме Герды, кому бы Юра мог улыбаться этим утром.

Володя вспомнил, где вчера отыскал Юру: в гостях у соседа-алкаша, горе-художника, неудачника. И даже такой компании Юра оказался рад. Он ведь чах от одиночества. В Германии Юру всегда окружали люди: музыканты, заказчики, знакомые из гей-тусовки. В Харькове же у него не было никого, кроме Володи, а Володя, как бы ни старался, не мог заменить ему всех. И, видимо, в этом безмолвии, без голосов других людей, Юра выгорал. Ведь тишина для него — это конец музыки. А конец музыки — конец всего.

Володя снова вспомнил соседа Сергея, вспомнил, что говорил вчера Юра, как сравнивал себя с ним. И, как бы Володя ни пытался отрицать это, Юра был прав: он катился по той же наклонной, на глазах превращаясь в трагического героя, которого ждали лишь самоненависть, алкоголь и бедность.

Володя спускался на первый этаж с четким намерением извиниться. Он не должен был срываться на Юру, ему стоило быть терпеливее к его состоянию. Володя должен ему помогать справиться с депрессией, а не усугублять ее.

Но, едва увидев вышедшего в сад Володю, Юра моментально преобразился в лице. Улыбка сползла с его губ, взгляд стал серьезным и обеспокоенным.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — спросил Володя, стоя на веранде.

Юра опустил глаза, забрал у Герды из пасти палку, замахнулся, чтобы снова бросить.

— Не сказать, что хорошо. Скорее без изменений. А ты?

— Что я?

Юра швырнул палку в дальний угол участка — Герда помчалась за ней — и повернулся к Володе.

— Как ты себя сегодня чувствуешь?

Володя нахмурился.

— А как должен? Плохо спал, а так все в порядке.

— М-м-м... — протянул Юра, снова наклоняясь к прибежавшей с палкой Герде.

Они помолчали. Юра потрепал собаку по голове, извинился перед ней и сказал, что уже устал. Та, кажется, не обиделась. Поднявшись на веранду, Юра шагнул к Володе.

— Я вижу, что ты обо мне заботишься, но... Ты не думаешь, что эту свою заботу тебе стоило бы направить и на себя тоже?

Юрин голос звучал мягко, но Володя почему-то уловил в нем ядовитые нотки. А может, ему так лишь показалось.

— О чем ты?

Юра вздохнул.

— Не нужно делать из меня идиота! — раздраженно воскликнул он. — Да, я виноват, я вчера плохо соображал, сразу ни черта не понял... но я все видел! Не думаешь, что слегка лицемерно делать из меня психа и всячески пытаться мне помочь, когда тебе помощь нужна не меньше?

— Что? — опешил Володя. — Ты что несешь?

Юра закатил глаза.

— Можешь отнекиваться, если хочешь, это не изменит того факта, что твое желание причинять себе боль никуда не делось.

Володя резко вдохнул.

— Если бы не... — начал было он, но заставил себя замолчать.

— Что? — настоял Юра. — Ну говори, что хотел сказать!

Володя понимал — рот лучше не открывать. Сейчас нужно уйти в дом, закрыться в комнате и успокоиться, не раздувать ссору. Но ярость, которая уже с час клокотала внутри, всколыхнулась с новой силой.

— Если бы не ты, мне не пришлось бы... применять к себе такие радикальные меры. Ты хоть представляешь, каково мне вчера было видеть тебя под наркотиками? И каково видеть каждый день, как ты разрушаешь сам себя?

Юра процедил сквозь стиснутые зубы:

— Ну да, конечно, во всем ведь виноват я, а не твоя недолеченная психотравма.

Володя мотнул головой, пытаясь прийти в себя.

— Да, у меня есть проблемы, я знаю о них. Но депрессия у тебя, Юра. Неужели ты не видишь, что ради тебя я из кожи вон лезу? Я даже

на работе открылся и разругался с друзьями. Из-за тебя я больше никогда в жизни не увижу любимую крестницу!

Юра отшатнулся от него и выкрикнул:

— Я ни о чем этом тебя не просил! Господи... Если я такой сложный, на кой я тебе вообще сдался?

Он развернулся и быстрым шагом скрылся в доме, хлопнув за собой дверью.

Володя моментально пожалел обо всем сказанном. Бросился следом, догнал Юру у лестницы на второй этаж, вцепился в плечи, потянул на себя. И, прижавшись к спине, обнял поперек груди и зашептал в ухо:

— Прости меня, Юр, пожалуйста, прости...

Он думал, что Юра попытается вырваться, как вчера, сбросит его руки, уйдет, но тот лишь размяк в Володиных объятиях, откинулся затылком ему на плечо и прерывисто выдохнул:

— Что же нам делать, Володь? Я совсем запутался...

* * *

В доме царила тишина, лишь редкие звуки выдавали чье-то присутствие. Даже Герда, будто чувствуя настроение хозяев, притихла на своей лежанке. Юра оставил дверь в кабинет открытой, но Володя не стал заходить к нему. Он чувствовал себя загнанным в угол. Не видел выхода и не знал, что делать, хотел лишь одного — уйти куда-нибудь, будто так получится скрыться от проблемы. Время подходило к двум дня, Володя вспомнил, что через полчаса начнутся переговоры с заказчиком. Может, все-таки поехать на работу? Но он боялся, что если уедет, то по возвращении снова обнаружит Юру пьяным или того хуже — неадекватным, как вчера. Но в конце концов желание сбежать из собственного дома перевесило.

Переодевшись в костюм, Володя все же решил заглянуть в кабинет.

— Мне нужно в офис, — ровно сказал он.

Юра что-то читал, откинувшись в кресле и положив ноги на стол. Володя втянул носом воздух — алкоголем в кабинете не пахло.

Юра поднял глаза от книги.

— Хорошо.

— Ты... будешь здесь, когда я вернусь?

Тот вздернул брови.

— А мне есть куда отсюда деться?

Володя выдержал его долгий и совершенно безэмоциональный взгляд, и желание срочно сбежать куда-нибудь стало практически невыносимым.

Он опоздал на переговоры, но его появлению были рады и клиент, и Брагинский. Хоть последний пытался изображать равнодушие, выдал себя тем, что заметно расслабился, когда Володя вошел в кабинет. Встреча затянулась больше чем на два часа. Конфликтный заказчик потребовал гарантий в случае продления договора. Володе пришлось идти на уступки. В этих переговорах был лишь один плюс: на два часа получилось забыть о личных проблемах. Впрочем, стоило сесть в машину, как мысли о Юре снова хлынули в голову. А решения, конечно, не появилось.

Небо затягивало тучами. Володя ехал домой, в сотый раз прокручивая в голове одно и то же. Пытался найти недостающую деталь в конструкторе их с Юрой отношений, понять, что именно сломалось. И, сколько Володя ни разбирал все на составляющие, никаких ошибок не видел. Они нашли друг друга спустя двадцать лет, они узнали друг друга заново. Смогли отпустить прошлое и попытались жить настоящим, стать действительно счастливыми. Откуда же тогда взялся весь этот ком невысказанных обид? Откуда злость, Юрина депрессия, Володины срывы?

Он понял, что в круговерти всех этих мыслей и поисков занимается самообманом, сознательно избегая самого очевидного решения. Ведь Володя его уже сформулировал, но очень не хотел верить в то, что оно — единственное.

Припарковавшись возле участка, он еще минут десять просидел в машине, ища в себе смелость зайти домой и озвучить это решение, глядя в любимые глаза. Но Юры внутри не оказалось — Володя понял это еще в тот момент, когда Герда встретила его за воротами. Двери дома были заперты на ключ. Он набрал Юру, ожидая, что трубку никто не возьмет, а трель звонка опять прозвучит откуда-то из кабинета.

Но Юра ответил буквально со второго гудка.

— Ты где? — осторожно спросил Володя.

— В «Ласточке», решил прогуляться. Не ожидал, что ты вернешься так скоро, думал, успею.

Володя повернулся на сто восемьдесят градусов, посмотрел в сторону реки, на противоположный ее берег.

— Можно я приду к тебе?

— Давай. Я в театре.

Володя не любил возвращаться в «Ласточку». Несмотря на то что купил эту землю и что сознательно построил свой дом рядом с эпицентром лучших воспоминаний своей юности, он избегал туда приходить. Слишком много прошлого таила в себе эта местность: счастье, умещенное в три недели, боль, растянувшуюся на долгие годы.

Пошел в обход. Ступив на деревянный мостик, перекинутый через речку, Володя заметил, как у самой воды пролетела и умчалась вдаль стайка ласточек. И как их только занесло в эти края? Послышался далекий раскат грома, порыв ветра растрепал волосы, раздул полы пиджака. Володя нервно одернул его и направился к воротам лагеря.

Он впервые приехал сюда в девяносто шестом — спустя десять лет после той смены. Пробравшись по заросшей тропе, открыл ржавые скрипящие ворота. Тогда Володя вернулся сюда, чтобы встретиться с Юрой, — пусть и понимал, что вероятность этой встречи слишком мала, но зыбкая надежда все же теплилась в груди.

И Юры тут, конечно, не было. Но был Юрка — виделся везде призраком прошлого. Володя остановился у корпусов младших отрядов, заметив детскую площадку. Звонкий Юркин смех доносился отовсюду, звучал в кособоких деревянных домишках, летал в воздухе вместе с одуванчиковым пухом. Старая карусель — осевшая, с облезшей краской — утопала в желто-белом одеяле. Володя хотел утонуть в нем, лечь прямо в эти цветы, закрыть глаза и позволить прошлому утянуть себя. Но он понимал, что, каким бы сильным ни был соблазн, за этой счастливой фантазией обязательно придет сильнейшее разочарование.

В девяносто шестом он приехал в «Ласточку», чтобы дойти до их ивы — потому что там хранились самые важные воспоминания. Но память повела его в другую сторону, и, не в силах ей противиться, Володя пошел на ее зов. Мимо щитовых, где Юрка впервые его поцеловал, мимо той самой яблони и танцплощадки. Володе слышалась «Колыбельная». Сперва казалось, что звуки исходят от эстрады, но, стоило повернуться к зданию кинозала, как музыка

полилась уже оттуда. Спускаясь по старым скрипящим ступенькам, Володя на секунду зажмурился. Вдруг он открывает глаза, а там, внизу, в старом зрительском кресле, сидит Юрка?

Тогда Юра там не сидел. Но он сидел здесь теперь, среди пыли, грязи, обвалившихся стен и торчащих досок. Среди осколков их общего прошлого.

Ступени под Володиными ногами надрывно скрипнули, но Юра не обернулся на звук.

— Юр... — Он тронул его за плечо.

Тот все же поднял голову, посмотрел Володе в глаза, натянуто улыбнулся и спросил:

— Как ты?

Володя пожал плечами — сейчас ему совершенно не хотелось вести пустые разговоры.

— Прости меня, Юр, — выдохнул он. — Я... снова наговорил тебе с утра всякого, сорвался. Все должно быть не так.

Юра встал с кресла, прошелся до сцены. Зачем-то ковырнул пальцем торчащий из деревяшки гвоздь.

— А как все должно быть? — спросил он глухо, не оборачиваясь.

Володя промолчал — ответ на этот вопрос слишком сильно расходился с реальностью. Они должны были быть вместе и счастливы. Ведь прошли такой путь, нашли друг друга после стольких лет разлуки, сохранили память о своих первых чувствах, — разве могло быть иначе? Разве не сама судьба снова свела их вместе? Почему же тогда все это неотвратимо рушилось?

Юра направился к ступенькам, осторожно поднялся на сцену. Старые прогнившие доски трещали, в центре настила и вовсе зияла дыра.

— Я ведь все понимаю, Володь, — сказал он, вышагивая по скрипящему полу. Володя заметил, что в некоторых местах из деревяшек сыпется труха. — У меня депрессия, у тебя на этом фоне обострились психозы. Тебя вывела из равновесия ситуация с крестницей и конфликты на работе. Этот ком обид, недосказанность — все копится. У меня так же. И мы никуда не можем их деть, только вылить друг на друга. Замкнутый круг.

Юра сделал еще шаг, и вдруг одна из досок сломалась под его ботинком. Раздался треск, Юра успел переместить вес на другую ногу,

чтобы не провалиться под сцену. У Володи сердце ушло в пятки, и он вспомнил, как когда-то так же смотрел на него и так же боялся.

— Слезай оттуда, Гагарин, еще покалечиться не хватало!

Юра вдруг широко улыбнулся и аккуратно спустился со сцены, но к Володе не подошел, остался стоять поодаль.

— Помнишь, мы обсуждали, что тебе делать с «Ласточкой»? — спросил он.

— Ну? — живо отозвался Володя. Он ухватился за Юрин вопрос как за соломинку, лишь бы оттянуть разговор, ради которого он сюда пришел.

— Я бродил здесь, рассматривал — все почернело, заросло, осыпалось... Знаешь, ведь это место имеет ценность только для нас с тобой — потому что тут наша память. А для других это просто рухлядь. И не надо тут ничего нового строить — надо оставить все как есть. Дать нашей «Ласточке» зарости окончательно лесом, опуститься под землю. Ведь когда-нибудь в будущем до этого места дотянется город, тут станут строить какой-нибудь микрорайон, вырубят лес, вскопают все вокруг и найдут в котловане осколки этого прошлого. — Юра воодушевленно взмахнул руками, шагнул к Володе, посмотрел ему в глаза. — Представляешь, спустя много времени этот лагерь станет чем-то важным для людей, станет историей. Представь, приедут археологи, вскроют культурные слои, найдут фундаменты наших с тобой отрядов, кинозала, эстрады... выкопают статуи, отреставрируют и выставят их в музее. Представь Зину Портнову в каком-нибудь белом зале. — Он грустно улыбнулся. — Может быть, даже сохранится память о нас с тобой. Мы вернем под иву капсулу времени, и ее найдут другие. Положат в витрину значки наши, галстуки... Чтобы «Ласточка» стала значимой не только для нас, нужно дать ей умереть.

Володя задумчиво оглядел зал: выцветший занавес, пустые оконные рамы, разбитую сцену. И правда ведь — рухлядь. Да, это их прошлое — и оно невообразимо ценно, потому что в нем они были счастливы. Но правильно Юра когда-то сказал: в том прошлом они были обречены на расставание, в том прошлом у них не было будущего. Вот только теперь Володя сомневался, что оно возможно в их настоящем.

Все их прошлое — рухлядь. Разве возможно построить хоть что-то на таком неустойчивом фундаменте?

Будто перед прыжком в ледяную воду, Володя глубоко вдохнул и быстро сказал:

— Возвращайся в Германию, Юра.

Он смотрел на него, ожидая реакции, боясь, что Юра сейчас улыбнется или расслабленно выдохнет. Но тот нахмурился.

— Что?

Володя шагнул к нему, взял за руки, надеясь, что он не станет вырывать их.

— Тебе нужно вернуться домой. Улетай отсюда, Юрочка.

— Что? — снова повторил тот. — Нет! Что значит...

— Послушай! — перебил его Володя. — Я ведь вижу, как тебе плохо, я вижу, как все на тебя давит. Творческий кризис, депрессия — это ведь из-за Харькова, тебе тут тесно, одиноко. Ты же знаешь, я ни за что не отпустил бы тебя, если бы знал, как со всем этим справиться, но я не вижу иного выхода. Ты прав, это замкнутый круг, мы травим друг друга все больше и больше, уничтожаем все хорошее, что было между нами. Разве тебе нравится то, что в последнее время происходит? Не обманывай себя, ты же понимаешь, что вряд ли станет лучше.

Володя замолчал и только сейчас заметил, как сильно сдвинул Юрины пальцы. А тот даже не поморщился.

— А что... — Юрин голос дрогнул. — Что будет с нами?

У Володи в горле встал ком.

— Я не знаю, — шепотом выдавил он.

Юра смотрел совершенно растерянно. Володе даже показалось, что он может заплакать, но его глаза оставались сухими. Не выдержав, Володя крепко его обнял, прижав к себе, зарылся носом в волосы и почувствовал, как ладони Юры легли на плечи, а пальцы смяли ткань пиджака.

— Я не хочу расставаться, Володь.

— Я тоже. Я не могу снова потерять тебя, я уже когда-то так сделал и еще раз такого не допущу. Но тебе нужно лететь отсюда. Ты ведь хочешь домой?

— Да, — глухо отозвался Юра ему в плечо.

Сердце стиснуло болью — наверное, где-то в глубине души, несмотря на все логичные доводы и решимость, Володя надеялся, что Юра не захочет обратно в Германию.

Тот отстранился, заглянул Володе в лицо.

— Ты ведь приедешь ко мне? Потом, в августе или сентябре, да?

Володя попытался улыбнуться, но получилось лишь дернуть уголками рта.

— Конечно. Приеду. — Он хотел еще много всего сказать и пообещать, но наткнулся на сомнение в Юрином взгляде. — Ты веришь мне?

Тот быстро кивнул, но, перечисляя сам себе, ответил:

— Не знаю. Точнее, верю, да, но... Ты сам говорил: отношения на расстоянии не для тебя. И получается, что мы возвращаемся к тому же, о чем говорили еще в апреле.

— Я согласился терпеть их. И раз у нас нет другого выхода, что мне остается?

— Спасибо, — лишь произнес Юра.

Володя снова взял его за руку.

— Только, Юра, пообещай... — Он серьезно посмотрел ему в глаза. — Ты бросишь пить. Вообще.

Юра усмехнулся:

— Ну... ладно.

— Нет, не «ладно». Пообещай мне. Я отпускаю тебя, но должен быть уверен, что ты не сорвешься, не смешаешь таблетки с алкоголем. Ангела ведь не знает про твою зависимость?

— Володь, да я... — Он запнулся и посмотрел виновато. — Нет, я ей не говорил.

— А почему? Это ведь большая проблема, Юра, тебе нужно признать, что ты алкоголик.

— Я не... Володя, да нет у меня никакой зависимости, я в любой момент могу бросить. — Он злобно зыркнул, попытался вырвать руку, но Володя не позволил. — Ты ставишь мне ультиматум? А если я не сдержусь, то что? Не приедешь ко мне? Бросишь меня?

Володя вздохнул.

— Пожалуйста, давай не будем ругаться, Юр. Пойми, что я переживаю.

Юра выдохнул, успокаиваясь.

— Хорошо, я обещаю, что не буду пить, — тихо и неуверенно сказал он. А потом громче добавил: — Но у меня есть встречное условие.

— Какое?

— Ты поговоришь с Ангелой.

Володя удивленно вскинул брови, но пообещал:

— Хорошо, поговорю.

— Не обо мне, а о себе.

Володя цыкнул языком:

— Юра, ты знаешь, как я отношусь к этим шарлатанам...

— Она не шарлатанка, это во-первых. А во-вторых... Ты просил от меня неприкрытой правды? Вот она — меня пугает твоя властность. Ты должен избавиться от этого... маниакального желания меня контролировать.

* * *

Когда они вернулись домой, Юра сразу поднялся к себе, а Володя почувствовал, что ему просто необходимо чем-то заполнить пустоту, которая стремительно росла и расширялась внутри него. И он не придумал ничего лучше, чем заняться чем-то механическим и притворяться, что никакой катастрофы не произошло. Он ополоснул Герде лапы, немного ее вычесал, прибрался в гостиной. Потом принялся готовить ужин.

Мысли, словно назойливый осиный рой, кружили вокруг, и чем больше Володя от них отмахивался, тем сильнее они норовили его ужалить. Он убеждал себя, что они с Юрой не расстанутся. Повторял сам себе, что это вынужденная мера, правильное решение. Что все закончится, Юрина депрессия пройдет, их отношения наладятся. Неизвестно, каким способом, но они смогут преодолеть все трудности.

Сейчас Володе как никогда хотелось бы поверить в крылатую фразу, что если любовь настоящая, то она способна преодолеть что угодно. Но поверить не получалось. Да и любовь ли это? Задай ему кто-нибудь такой вопрос еще вчера, он бы, не сомневаясь, ответил «да». Но разве происходящее между ним и Юрой похоже на любовь?

Володя вдруг вспомнил, как когда-то очень давно, в «Ласточке», убеждал Юрку, что в настоящей любви нет места эгоизму. Он не смог бы воспроизвести дословно сказанное тогда, но общий смысл заключался в том, что требовать от любимого человека что-то взамен своих чувств — это эгоизм. Что настоящая любовь жертвенна, и если ты действительно любишь, то совершишь что угодно ради чужого счастья, пусть даже в ущерб себе.

Нарезая морковку, Володя даже улыбнулся, вспомнив, при каких обстоятельствах говорил это Юрке. Ведь тогда он хотел уберечь его от своей любви, считал ее неправильной и разрушительной для них обоих. А так ли он ошибался, учитывая все, что случилось между ними теперь?

Закончив с приготовлением ужина, Володя поднялся к Юре. Тот не закрывал двери, сидел за компьютером. Володя легонько постучал по косяку, чтобы привлечь его внимание.

— Ты спустишься ужинать?

Юра кивнул, не отрываясь от монитора.

— Да, минут через пять.

Володя хотел было уйти, чтобы не отвлекать, но Юра повернулся к нему.

— Думаю, на какой день брать билет. Рейсы по нечетным, можно на завтра или... — Он не договорил, но Володя и так понял.

Он подавил порыв тут же сказать, чтобы подождал еще и не улетал так сразу. Но какой смысл оттягивать неизбежное?

— Поступай так, как лучше тебе, Юр. Я ведь не прогоняю... — тихо сказал Володя.

Он поджал губы, попытался проглотить вставший в горле ком и, развернувшись, пошел обратно на кухню.

Юра, как и обещал, спустился через несколько минут. Сел за стол, подвинул к себе тарелку.

— Взял на завтра. Вылет в пять вечера, — обронил он, принимаясь резать мясо. Володя заметил, как у него дрогнула рука.

— Хорошо, я помогу тебе собраться и отвезу в аэропорт.

Ужинали в полном молчании. Лишь звенели приборы о тарелки и стучал по окнам наконец начавшийся ливень. Это молчание угнетало, его хотелось нарушить, но казалось, что стоит сейчас о чем-либо заговорить, и вся боль, которую Володя держал в себе, выльется наружу.

От этой тишины хотелось сбежать, и он думал, что после ужина Юра снова уйдет к себе. Но, доев, тот забрал посуду, вымыл ее и налил две чашки чая. Одну поставил перед Володиной, а со второй отправился на диван. Включил телевизор. Звуки и голоса из какого-то фильма показались слишком громкими и непривычными, но этот шум хоть немного развеял гнетущую атмосферу.

«Да в конце концов, он ведь завтра действительно улетит», — с этой мыслью Володя взял свою чашку и пошел к дивану. Сел рядом с Юрой. Тот повернулся к нему, посмотрел в глаза и улыбнулся уголками губ.

Пусть они и не знали, о чем говорить, хотелось просто побыть рядом. Может, не так, как раньше, обсуждая фильмы или внимательно слушая саундтреки. Пусть молча, но главное — рядом.

Его чай остывал на журнальном столике, а Володя откинулся на спинку дивана и смотрел в экран. Он даже не пытался вникнуть в сюжет, просто наблюдал за сменяющимися кадрами. А Юра, отставив пустую чашку, вдруг придвинулся к Володе, положил ладонь ему на живот и внимательно посмотрел в глаза, будто спрашивая о чем-то, и Володя понял его без слов. Приподнял руку, и Юра тут же нырнул под нее, уложил голову ему на грудь, обнял и притих. Володя откинулся на подголовник и прикрыл глаза.

Они пролежали так до самой ночи. Слушая бормотание телевизора, Володя гладил Юру по волосам, а тот, казалось, и вовсе уснул. Но ближе к одиннадцати он все же поднял голову, сонно посмотрел и спросил:

— Пойдем спать?

Пока Володя принимал душ, голова снова наполнилась мыслями. Он вдруг ясно осознал: уже завтра вечером Юры не будет в его доме. Вместо него здесь снова поселится пустота. Да, после работы Володю будет встречать Герда, но со второго этажа не будет звучать музыка, а постельное белье перестанет пахнуть родным запахом.

В марте, когда Юра прилетел в Харьков, Володя был ко всему этому готов: отпустить его через две недели, снова видеть только в экране монитора, снова жить по его графику и общаться по расписанию. Но теперь Володя привык — к тому, что Юра не просто есть в его жизни, а есть рядом. И вот так отпускать его было очень больно.

Вытирая волосы полотенцем, Володя зашел в спальню. Юра сидел на кровати и гладил Герду, нагло развалившуюся прямо на постели — головой на Юриных коленях.

— Вот засранка, ну-ка кыш, сейчас весь плед в шерсти будет, — начал было ругаться Володя, но Юра шикнул на него.

— Не ругайся на нее. Она, может, хочет побыть со мной напоследок. Скучать будет. — Он потрепал Герду по ушам. — Да, девочка моя?

Та подняла голову и посмотрела на Юру. Потом повернулась к Володе. Зевнула, фыркнула и, будто говоря: «Ладно, поняла, я тут лишняя», спрыгнула на пол и, постукивая когтями по паркету, вышла из комнаты.

Володя занял ее место, сел к Юре, положил ладонь ему на плечо.

— Ты тоже хочешь побыть со мной напоследок? — повернувшись к нему, хохотнул Юра. Только вот в глазах у него плескалось море грусти.

— Конечно, хочу.

Юра снял его ладонь с себя, сжал, уткнулся лбом в плечо.

— Юр? — негромко позвал Володя. — Думаешь, мы поступаем правильно?

Тот качнул головой — получилось, будто боднул Володю.

— Не знаю. Наверное, правильно. — Он вдруг еле слышно рассмеялся, щекоча Володю дыханием. — А я ведь предупреждал, что со мной сложно, что я сильно изменился и... стал вот таким. Как же я только умудрился все испортить...

— Юрочка, ты что? — Володя приподнял его за подбородок, посмотрел в глаза, поцеловал в лоб. — Не говори так. Ты ни в чем не виноват. Кто и что угодно, но только не ты.

Юра прерывисто вздохнул, подался вперед, обнял его и прошептал в стиб шеи:

— Я так не хочу улетать...

Володя зарылся пальцами в его волосы, крепко зажмурился, глядя Юру по голове.

— Тебе здесь невыносимо — и дальше будет только хуже.

Юра кивнул и зачастил:

— Я две недели пытался решиться на возвращение в Германию, но не мог даже и думать о расставании с тобой. Я ведь и пил так много поэтому — просто чтобы забыться и не пытаться искать выход. А теперь... Уже завтра нам придется прощаться, и от одной лишь мысли я готов все бросить и остаться, снова сдать билет. Пусть я продолжу страдать, пусть мне будет сложно, невыносимо, только бы рядом с

тобой. — Его голос задрожал. — Я ведь тебя так сильно люблю, Володя...

Володя чувствовал, как сердце буквально рвется на куски. Он резко вдохнул, взял Юрино лицо в ладони, заставил посмотреть на себя — в глазах у того стояли слезы.

— Юра... — беззвучно сказал Володя. — Юрочка...

Он притянул его к себе, припал к губам, стараясь вложить в этот поцелуй всю нежность и все тепло, которые у него были.

Он никогда не нуждался в Юриных признаниях. Ведь любовь не в словах. Ее не обязательно озвучивать, ее нужно показывать. Но все же, стоило Юре произнести эти слова, как его любовь, будто став материальной, наполнила комнату, дом, «Ласточкино гнездо». Володя понял, что на самом деле она всегда здесь была. И сейчас Юра целовал его так, будто хотел отдать ее всю. А Володя упивался ею, тонул в ней и сам не заметил, как нежные и аккуратные поцелуи стали глубокими и страстными. Он пришел в себя, лишь когда Юра толкнул его, уронив на спину. Володя не стал его останавливать, наоборот — помог ему снять с себя футболку. Поддался его прикосновениям, плаваясь в них, растворяясь в его ласках.

И будто сквозь туман услышал:

— Я хочу тебя. Можно?..

Юра, нависнув над ним, внимательно посмотрел в глаза, и Володя не сразу понял смысла вопроса. А когда понял, приблизился к его лицу и, тихо засмеявшись, выдохнул:

— Тебе можно все.

Володя отдал бы что угодно, лишь бы навсегда остаться в этом моменте. Просто остаться в нем и не помнить, что будет дальше. Он хотел, чтобы время застыло, а эта ночь не кончалась. Быть тут — в постели с Юрой, под тяжестью его горячего тела. И пусть больно — но это сладкая боль. Только бы не наступало завтра. Только бы не было всех этих сборов, чемоданов, тягостного молчания и бесконечно долгой дороги в аэропорт. И бесконечно пустой жизни — после.

Но все это было, и Володя не мог стереть себе память, которая, будто издеваясь, подкидывала кадры двадцатилетней давности.

Володя провожал Юру до стойки регистрации, а сам не мог избавиться от воспоминаний об их последнем утре в «Ласточке», не мог избавиться от горького ощущения дежавю.

Тогда он знал, что видит Юрку последний раз в жизни. Провожал до автобуса, говорил с ним — с тем, кого через полчаса уже не будет. Юрки не будет. Будут буквы в письмах, фото, может быть, голос в телефонной трубке. Но он знал, что они больше никогда не увидятся. Он слушал, как Юрка, полный надежды, планирует будущую встречу, как светится радостью, представляя то, чего никогда не произойдет.

А в настоящем, видя, как Юра остановился и поднял голову к табло, Володя старался убедить себя, что этого не повторится. Что все у них еще будет.

И, прощаясь, он, как и двадцать лет назад, прошептал:

— Прости, — так тихо, что и сам себя не услышал.

— Что? — Юра посмотрел на него.

Володя замотал головой и, наплевав на все, крепко обнял его.

Из динамиков объявили посадку на рейс «Харьков — Минск», и Юра, цепляясь за Володины плечи, сдавленно шепнул ему на ухо:

— До встречи, Володенька.

А тот, волевым усилием размыкая объятия, произнес:

— До встречи, Юрочка.

Глава 23

Ошибка за ошибкой

Дом без Юры опустел. Володя бродил по комнатам, смотрел на оставленный им бардак, но убирать его не спешил — вместе с беспорядком исчезло бы ощущение, что Юра только что был здесь. Но пока еще дом хранил его тепло, и на секунду могло показаться, будто он просто вышел и вот-вот вернется.

Зря Володя его отпустил. Он был уверен, что отравлял Юру своим присутствием, и думал, что в Германии Юре полегчает. Но теперь, когда понял, что Юра остался совсем один, Володя засомневался. С чего бы ему стало лучше? Что они сделали для того, чтобы стало лучше? Разбежались по разным углам, подальше друг от друга и сами от себя. Но ничего не решили.

Герда, уныло повесив голову, бродила за Володей. Вслед за ним заглядывала в комнаты, будто вместе с ним убеждалась, что они остались одни. В доме было тихо и прохладно, серый весенний дождь принес через открытое окно ощущение сырости. Володя запер его и разжег камин. Затрещали дрова, от огня пошло тепло, и Володя уселся прямо на пол. Согреваясь, задумался, что будет с ними дальше.

Юра окажется дома, и ему полегчает хотя бы на время. Как говорят, родные стены лечат. Но что станет потом, когда он осознает и прочувствует свое одиночество? Ему снова захочется выпить, но Володи не будет рядом, чтобы если не остановить его, то хотя бы ограничить. Но как ему помочь? Володя незряче уставился на сполохи пламени в камине, и в подсознании всплыл образ рыжеволосой женщины в Юрином мониторе. Сможет ли помочь Ангела? От таких людей, как она, Володя никогда не получал помощи, они лишь причиняли вред.

Вместе с Гердой он просидел у камина до самого вечера, пока не пришло сообщение от Юры. Он писал, что приземлился и, как только окажется дома, позвонит, а спустя два часа вышел на связь в скайпе.

— Ты поел? — видя его усталое лицо, тут же спросил Володя.

— Еще нет, сейчас пиццу закажу.

— Пиццу? Юр, ну ты же знаешь, что это вредно.

— Мне лень готовить. Я устал. — Юра пожал плечами.

— Ну хотя бы пару яиц свари...

— Яйца кончились, а у меня нет сил даже выйти в магазин. Вообще многие вещи кажутся такими трудными. Я такой бесполезный.

Юра поднял руку и отпил что-то темное из стакана. Володя без труда догадался, что именно.

— Ты же обещал... — устало простонал он.

— Я совсем чуть-чуть, всего один стакан. Я уменьшаю количество. Скоро откажусь совсем.

— Ты уже не раз говорил мне это, но так и не перестал пить. Юра, пора принять, что у тебя не получится отказаться «в любой момент». Ты не сможешь прекратить без посторонней помощи.

— Володя, я не алкоголик! Ничья помощь мне не нужна.

Тот опустил голову, устало потер глаза.

— Юр, что мне делать? — тихо произнес он. — Ты опять нарушил обещание. А мы договаривались, что... — Володя осекся.

— Бросишь меня? — с вызовом перебил Юра.

— Больше всего на свете я не хочу тебя бросать. Но в таком случае... ты просил, чтобы я пошел к психологу. Но я не пойду до тех пор, пока ты не завяжешь с алкоголем.

— Володя, мне кажется, ты просто ищешь повод не общаться с Ангелой.

— А ты в таком случае подменяешь понятия, Юр. У нас был уговор, но ты его нарушил. Так с чего мне его исполнять?

— Потому что я тебя прошу.

Володя вздохнул. Сил на споры не осталось.

— И я прошу тебя.

— Наш разговор зашел в тупик, — сердито пробурчал Юра. — Давай созвонимся завтра. Я пойду, попробую что-нибудь написать.

— Иди, Юра, иди, — запоздало произнес Володя, когда тот уже положил трубку.

Он закрыл ноутбук и поднялся в Юрин кабинет.

Там пахло ромом и сигаретами, но Володя проигнорировал это, потому что это была Юрина комната, все здесь принадлежало ему, в каждом предмете ощущался Юра. Володя сел на диван, на котором тот

провел не одну ночь, и беспомощно уставился на купленное в кредит пианино — оно так и не помогло написать хоть что-нибудь. Глядя на пустую банкетку, вспомнил Юрину фигуру, склоненную над клавишами. Сердце стиснуло страхом и жалостью за него — почему он столь отчаянно продолжает саморазрушаться? Как ему помочь, как спасти?

Из размышлений Володю вырвал шум возле двери: о паркет едва слышно стучали мягкие лапы и цокали когти. Герда неуверенно мялась на пороге, не решаясь зайти внутрь — в последнее время Юра сюда ее не пускал. Володя обернулся к ней подозвать, но так и замер — Герда держала в зубах Юрин бирюзовый шарф.

— Так это ты его стащила, хулиганка? — прошептал Володя и протянул к ней руку. Герда неуверенно вильнула хвостом и подошла.

Стоило взять шарф, как в груди защемило. Володя уткнулся в него лицом и замер, наслаждаясь мягкостью и теплом ткани, пахнущей Юриным парфюмом. Окутанный этим запахом, Володя закрыл глаза и лег на диван. От тоски и бессилия хотелось плакать. Он даже попытался, но не получилось — будто все уже выплакал, будто внутри ничего не осталось. Скрючившись на диване, пытаясь не обращать внимания на ноющую боль в груди, Володя сильнее прижал шарф к лицу и стал проваливаться в сон. Он не пил снотворного — оно давно кончилось, — но уснул почти мгновенно.

В четыре утра его разбудил звук сообщения в ICQ. С трудом разлепив глаза, он достал телефон и, подслеповато щурясь в темноте, прочел сообщение от Юры:

«Мне очень плохо».

Володя резко сел, тут же позвонил ему и, не скрывая тревоги, спросил:

— Что случилось?

— Ничего, но... не знаю, Володь, — сдавленно пробормотал Юра. — У меня ничего не получается, я бесполезный, я правда какое-то ничтожество.

— Никакое ты не ничтожество, — медленно, чтобы успокоить и его, и самого себя, произнес Володя. — Просто сейчас у тебя не лучшее время, ты болеешь. Но ведь скоро все наладится, правда?

— Может быть...

— Юр, ты... только не злись. Скажи честно, сколько ты выпил?

— Два стакана, — тихо признался Юра.

— А таблетки? Ты ведь помнишь, что таблетки нельзя смешивать с алкоголем?

— Помню. Нет, их не пил. Хочу начать курс завтра, а то невозможно уже. Володя... — Юра неожиданно замолк, будто собираясь с мыслями. — Мне так тебя не хватает. Ты прости, что напугал, но я просто хотел услышать твой голос, — тихо закончил он и вдруг всхлипнул.

У Володи перехватило дыхание — Юра что, плачет? Но не успел пройти испуг, как злость, почти ярость на самого себя вспыхнула в груди. Как ему вообще пришло в голову оставить человека в депрессии одного? Юре и вместе с любящим человеком было одиноко, но насколько плохо ему должно стать теперь, когда рядом с ним сутками не будет звучать человеческий голос и не найдется того, кто обнимет и приободрит?

И как было не разозлиться на себя, если вместо того, чтобы прямо сейчас бросить все силы на помощь Юре, Володя занялся самокопанием?

Он с трудом поборол хаос мыслей и предложил первое, что пришло в голову:

— Пригласи кого-нибудь в гости. Анну. Или сходи с ней куда-нибудь. Тебе не стоит оставаться одному.

— Ой, да больно я ей нужен! И вообще я не хочу никого видеть. Не переживай за меня, я просто устал из-за перелета. Высплюсь — и все будет хорошо.

— Все будет хорошо, — повторил Володя. Он не стал лишать Юру надежды на лучшее, хотя прекрасно знал, что сон не поможет.

Этот разговор отрезвил его. Он осознал, что ошибся. Чтобы Юре полегчало, недостаточно просто отправить его домой. Родные стены не лечат, вообще никакие стены не лечат — лечат люди. А Юра остался в одиночестве. Один на один с депрессией — болезнью, с которой они даже вдвоем не могли справиться.

Уснуть вновь не удалось, и он отправился с Гердой на улицу. Бежал вдоль реки, постоянно оглядываясь на «Ласточку», лихорадочно думая, что делать дальше. Решение пришло довольно быстро: нужно было позвонить Ангеле. И пусть Володя не ждал от болтовни с

психоаналитиком реальной пользы, но больше не у кого было просить о помощи.

Дождавшись, когда Юра проснется и напишет ему в ICQ, Володя попросил контакты Ангелы. Юра даже не поинтересовался, с какой целью.

Володя хотел созвониться с ним в скайпе, но тот отказался:

«Устал. К тому же выгляжу плохо. И еще дома бардак, надо прибраться».

«Ясно», — только и написал Володя.

Видя, что Юра что-то скрывает, он не стал допытываться до правды — вдруг еще поссорятся.

«Юр, в разговоре с Ангелой я в любом случае коснусь личной жизни, а значит, придется рассказать и о тебе. Разрешешь?»

«Мне все равно».

* * *

Прежде чем созвониться с ней, Володя долго читал форумы в интернете. Хотел выяснить, как проходит сеанс у психоаналитика, и подготовиться к нему. Он все утро решал, как начнет разговор и как будет уходить от тем о себе, но время шло, а решение не находилось. Ожидание сеанса тяготило, в голову лезли воспоминания о психологических тестах, с помощью которых его «врач» пытался определить Володину адекватность. Он отмахивался от этих мыслей, но те возвращались, пока наконец не прозвучал звонок в скайпе.

Ангела пожелала ему доброго дня и задала неожиданно простой вопрос:

— Расскажите, как у вас дела?

Володя даже опешил. Они говорили на английском, и у него оставалось несколько лишних секунд, чтобы составить фразу на чужом языке. Но Володя хитрил — тратил их, соображая, не как сказать, а что именно сказать.

— Вы постоянный психоаналитик у Юры, но, насколько знаю, он не говорил вам о том, что страдает от алкогольной зависимости, — быстро и четко выдал он по-английски.

— Спасибо, что сообщили. — Она сделала заметку в лежащем рядом блокноте. — При следующей встрече я поговорю с ним об этом.

— Нужно не поговорить, а помочь вылечиться, — произнес Володя по-русски, но, опомнившись, перевел помягче: — Помогите ему найти лечение.

— Я помогу. Есть ли в его поведении еще что-то, что вас настораживает?

Володя зарекся общаться с любыми врачами, чей профиль — человеческая психика. Но все произошедшее с ним и Юрой за последний месяц так вымотало его, что от бывшей решимости не осталось и следа. Володя ощущал себя беспомощным: что бы ни делал, все выходило не так, что бы ни решал, везде ошибался, а бездействие казалось преступным. Он давно начал сомневаться в своих силах, но теперь, когда остался один на один с собой, понял, что не в состоянии справиться с угрозой, которая дамокловым мечом нависла над Юрой и им самим.

И вот перед ним сидела Ангела, человек, которому раньше Володя ни за что не доверился бы, но беда в том, что теперь он не мог доверять сам себе. Все, что накипело внутри, рвалось наружу, а сил сдержать эти эмоции не осталось. Володя посмотрел Ангеле в глаза, вздохнул, нахмурился и выпалил все, что его беспокоило:

— Я знаю, что вы работаете с ним, но лучше не становится. Он ходил к психиатру, ему прописали лекарства, но он их не пьет. И хорошо, что не пьет, потому что они несовместимы с алкоголем, а Юра каждый день пьян. Он вернулся в Германию и теперь совершенно один. Что мне делать? Как мне помочь ему?

Схватив ежедневник и ручку, Володя принялся конспектировать каждое слово Ангелы. К концу беседы он исписал четыре листа, но с досадой понял, что готового рецепта у него так и не появилось. Володя старался не выдавать своего разочарования, но мысленно клял ее на чем свет стоит.

«За что я заплатил деньги? Эти советы можно прочесть в любой книжке за пять копеек». Пробежался взглядом по своему конспекту. Остановился на двух предложениях, перечитал их несколько раз: «Забыть способы давления и влияния. Теперь главная позиция — просто быть рядом. Не давить, не толкать вперед, не лезть в душу, не донимать, говорить тогда, когда он хочет».

— Но это же и есть бездействие, — прошептал он по-русски.

— Что? — переспросила Ангела.

— Пожалуйста, продолжайте, — вежливо попросил Володя, стараясь не выдавать нарастающего раздражения.

— Поощряйте разговоры о его чувствах. Рассказывайте и о своих переживаниях, таким образом вы продемонстрируете желание и готовность открыться, — посоветовала Ангела.

— Но я и так делаю все это! — воскликнул Володя.

— Это замечательно. В таком случае просто будьте рядом. И постарайтесь не обижаться, если покажется, будто вы для него никто.

— Попробуй на такое не обидься, — сказал Володя по-русски. Ангела попросила его повторить на английском, но, когда Володя отмахнулся, продолжила:

— Возьмите паузу. Вам надо признать, что проблема есть, что она серьезна и останется с вами надолго. Примите его депрессию, она имеет право на существование. Примите Юру с его недостатками, не пытайтесь его исправить. Будьте готовы к тому, что он может отказаться от помощи извне. И помните: он имеет полное право отказаться.

— Я все это прекрасно знаю, — зло прошипел Володя, едва не добавив: «И без вас».

Внутри закипала злость. Он старался хотя бы выглядеть спокойным, но справлялся с этой задачей, только когда молчал.

Ангела ничуть не удивилась его реакции. Она не просто не подала виду, а наоборот, поддержала его:

— Гнев — это нормально. Разрешите себе гневаться. И в целом больше думайте о себе и своих чувствах. Сейчас вам тоже очень тяжело, так ведь? — Она ждала его ответа, но Володя лишь молча покачал головой и вздохнул. Тогда Ангела продолжила: — Вам стоит поговорить с близким человеком, не с Юрой и не обязательно о Юре. Ведь вы тоже остались в одиночестве, и если такой человек у вас есть, то общение с ним поможет справиться с тревожностью.

Беседа с Ангелой не помогла Володе. Наоборот, после разговора он разнервничался еще сильнее — не знал, куда деться от чувства вины за то, что оставил Юру одного. Следом пришли другие тяжелые мысли. Володя принялся бродить по дому, лишь бы хоть как-то отвлечься. Но ни отвлечься, ни спрятаться не удавалось. Он больше не мог сидеть сложа руки. Он должен был сделать хоть что-то.

Юра остался один и не хотел никого видеть. Но то, что не хотел, не значило, что ему это не нужно. Володя предлагал ему созвониться с Анной, но Юра дал понять, что его друзьям на него наплевать. Но так ли это на самом деле? Конечно, Анна сама ему не позвонит. Но вовсе не потому, что ей все равно, а потому, что она ничего не знает. Наверняка она думает, что он до сих пор в Харькове. Нужно связаться с ней и сообщить, где Юра и в каком он состоянии. Чтобы позвонила ему. И не только она. Чтобы позвонили все остальные его друзья. Юра не должен оставаться один. Не сейчас.

Но у Володи не было контактов ни одного из Юриных приятелей, он вообще не знал его друзей. Он видел их на фото и в клубе, но толком не запомнил даже имен.

— Где взять контакты его друзей? — спросил сам себя и устремился в кабинет на второй этаж — вдруг Юра оставил записную книжку или хоть что-нибудь, что могло бы помочь? Он битый час рылся в бумагах, но ничего, кроме нот, не нашел — если Юра и пользовался записной книжкой, то увез ее с собой. Разочарованный, Володя собрался было уйти из кабинета, но его взгляд упал на компьютер.

В два шага оказавшись возле него, молясь, чтобы не было пароля, Володя нажал кнопку включения и замер — пароль не потребовался. Компьютер зашумел, Юрино рабочее место будто ожило — возникло ощущение, что он снова здесь, просто отошел на несколько минут. Почувствовав, как накипают слезы, Володя закрыл глаза и тут же встрепенулся от знакомого до боли звука — с привычным «о-оу» Юре пришло сообщение в ICQ.

Володя не стал разбираться, кто и что ему написал. Глядя на латинские буквы, он старался не искать знакомых слов — не собирался читать чужие сообщения. Ему нужен был лишь контакт Анны. А найдя ее, Володя достал телефон, запустил ICQ и вбил в поиск ее UIN.

Вспомнил, как Юра рассказывал о застенчивости Анны. Морально приготовился не злиться, если не получит от нее больших развернутых ответов.

«Привет, Анна. Это Володя, Юрин друг. — Он долго смотрел на последнее слово, пытался найти подходящий синоним, но не нашел. — Из Харькова, Украина. Ты помнишь меня?»

«Да, — неожиданно быстро ответила Анна и через несколько секунд добавила: — Привет».

Пока Володя писал следующее большое сообщение, Анна, видимо, предчувствуя неладное, прислала:

«У вас что-то случилось? Юра в порядке?»

«Прости, у меня нет времени на формальности. Сразу перейду к делу: мне нужна твоя помощь. Юра сейчас в Германии, и у него депрессия. Я часто пишу и звоню ему, но из-за того, что он остался один (я в Украине), нужно, чтобы кто-нибудь проявил к нему внимание. Например, приехал в гости, привез еды или помог приготовить. Или просто побыл с ним рядом. Или хотя бы позвонил».

«Я позвоню, — ответила Анна, — я приеду».

«Спасибо, — написал Володя и, удивляясь сам себе, отправил грустный смайл. — Анна, пожалуйста, сообщи об этом другим его друзьям. Или просто пришли мне их контакты».

«Хорошо, я сообщу друзьям по прайду».

«А других знаешь? Музыкантов?»

«Нет».

— Плохо, плохо, плохо, — забормотал Володя.

Ему стоило бы сразу после разговора с Ангелой выпить успокоительного. Но он даже не подумал об этом, и теперь возрастающая тревога стала накатывать новыми волнами. Будь Володя не таким нервным, мог бы усомниться в своем решении. Стоило ли вообще обращаться к Юриным друзьям? Может, было бы достаточно просто еще раз поговорить об этом с ним?

Меряя комнату шагами, Володя усиленно вспоминал имена или профессии возможных друзей. Но в голову ничего не шло, и, раздосадованный, он сел за компьютер. Глядя в ICQ, Володя осознал, что прямо сейчас может узнать о Юре все. Здесь, в компьютере, вся его жизнь! Эта идея соблазняла. Володя с трудом пресек в себе желание читать его переписки.

И тут же в ICQ Володи написала Анна:

«Насчет друзей-музыкантов спроси у Йонаса. Об этом может знать только он».

Володя усмехнулся.

— Ну уж нет, ему я писать не буду.

Ведь сообщить Йонасу о депрессии Юры — унижить самого себя. Признать, что Володя не справился. Дать повод смеяться над собой и собственной беспомощностью. Дать повод Йонасу приехать к Юре.

Володя старался не ревновать. Но воображение все равно рисовало картинки, как Йонас приходит к ослабевшему от болезни Юре, утешает его, подбадривает, остается на ночь. Рядом с ним, в его кровати!

Володя спрятал лицо в ладонях, стиснул виски, пытаясь забыть эти сцены. У него уже начало получаться, но тут в голову закралась раздражающая мысль: а что, если бы это помогло Юре? Разве Володя может сознательно не сделать того, что действительно нужно? Нет, ведь это слишком эгоистично.

Он смотрел на фотографию в профиле Йонаса как замороженный. Лишь спустя четверть часа Володя отвел взгляд, заставил себя достать телефон и набрал в поиске контактов UIN Йонаса.

Быстро, пока не успел осознать, что делает, Володя отправил:

«Здравствуй. Это Володя, бойфренд Юры».

Перечитав, он скривился от дурацкого слова «бойфренд», но не мог представить себя Йонасу как-то иначе. Йонас тем временем не отвечал. Володя не мог узнать, прочитал тот сообщение или нет, поэтому решил продолжить.

«Мне нужна твоя помощь», — набрал он, но удалил. Помощь Йонаса ему не нужна.

«С Юрой случилось несчастье», — написал и тоже удалил. Что за несчастье с ним случилось — Володя?

«Мне нужны номера Юриных друзей-музыкантов. Можешь прислать?» — наконец отправил он и принялся формулировать следующее сообщение, где собирался сообщить причину. Он точно знал, что после прочтения Йонас обязательно спросит. На его месте Володя поступил бы именно так.

Он надеялся, что ему хватит времени как следует продумать текст ответа, но не прошло и минуты, как Йонас написал:

«А что случилось? Юра их потерял? Каким образом?»

«Выяснилось, что у Юры депрессия. Он сейчас в Германии. Пока он один, и я хочу попросить его друзей позвонить ему и поддержать».

«Почему ты не с ним? Вы расстались?»

Клавиши телефона жалобно скрипнули под пальцами Володи. Серdito поджав губы, он написал:

«Нет!»

И задумался — а правда, почему он не с ним? Есть ли у него хотя бы одна достаточно веская причина не быть рядом? В целом поводов оставаться в Харькове нашлось немало — проблемы на работе, которые усугублялись слухами о его ориентации. Заказчиков нужно было успокоить, а слухи — контролировать. Плюс пришлось бы объяснять матери, зачем ему снова в Германию. Но настолько ли эти проблемы значимы, чтобы оставить любимого человека болеть в одиночестве? Нет, разумеется, нет.

Володя понимал, что совершенно зря отпустил его. Но еще мог исправить эту ошибку: позвони он в аэропорт прямо сейчас, то менее чем за сутки оказался бы рядом.

«У меня срочные дела. Я их быстро закончу и сразу приеду».

Набирая этот текст, Володя ощущал, как внутри зреет решимость сделать именно то, о чем написал.

«Понятно... — ответил Йонас. — Что опять у него случилось?»

Володя не поверил своим глазам — он не ожидал от Йонаса столь равнодушной реакции. Разумеется, они расстались. Но Володя видел в клубе, что ему не плевать на Юру, и даже если тот больше не влюблен, то ревность точно оставалась.

«Ты не удивлен? У него уже была депрессия?»

«Насчет именно депрессии не уверен, но всякие срывы — да. Это уже не в первый раз. Ты же знаешь, какой он эмоциональный. К психоаналитику ходит?»

«Да».

«Не позволяй ему пить».

— И без тебя знаю, — прошипел Володя. Его начал раздражать этот разговор. Но он не успел ничего узнать, поэтому продолжил:

«Какие еще у него есть друзья, кроме музыкантов и гей-тусовки? Кто его лучший друг?»

Йонас не отвечал достаточно долго. Володя наблюдал за иконкой карандаша под окном сообщений — Йонас то набирал текст, то стирал его. Спустя пару минут все же пришло:

«Не думаю, что у него есть лучший друг. Не думаю, что он вообще когда-то был».

Володя хмыкнул.

«Ты не ответил: у тебя все-таки есть телефоны его приятелей или нет?» — отправил он, собираясь заканчивать разговор, но Йонас написал еще:

«Ты зря пытаешься приставить к нему людей. Обычно его, наоборот, надо оставить в покое».

— Я не спрашиваю твоих советов! — прорычал Володя.

Йонас говорил так, будто знал Юру как облупленного. Будто он хозяин его жизни. А Володю это бесило. Особенно само понимание, что в Юриной жизни Йонас когда-то и правда имел большое значение и влияние.

«Мы сами с этим разберемся, ок?» — написал Володя.

«Тебе виднее. Может быть, сейчас ему, наоборот, нужна тусовка. Я не знаю. Телефоны где-то были, надо искать».

«Когда пришьешь?»

«Скорее всего, завтра».

«Буду ждать».

Получив в ответ «Пока», Володя убрал телефон и наконец смог нормально дышать — на протяжении всего разговора его душила злоба. Сидя за компьютером Юры, он бездумно смотрел на открытую в ICQ карточку контакта Йонаса. Сделав над собой усилие, Володя закрыл окно. Но, как только оно исчезло, тут же появилось другое — с перепиской.

Борясь с желанием немедленно прочесть все, Володя судорожно вздохнул. Он останавливал себя — ведь прочесть Юрину переписку значило бы вторгнуться в личное и сокровенное, поступить подло. Юра имел право на тайну. Тем более что он уже жаловался на то, что Володя нарушал его личные границы.

Володя решил, что не станет ничего читать. Он потянулся закрыть ICQ, но на одно мгновение сообщения сами бросились в глаза. И Володя замер от изумления — в последний раз они переписывались в две тысячи пятом году.

В июле Юра писал Йонасу:

«Да это потому, что ты — немец! Ну я же сто раз просил тебя прочитать „Преступление и наказание“ Достоевского, но ты так и не нашел на него время! А ведь если бы прочел его, то понял бы меня».

«Юра, ты опять ругаешься», — отвечал Йонас.

Володя с трудом переводил их переписку, но уже не мог остановиться. К тому же Юра прислал Йонасу очень длинное сообщение:

«Потому что мне все время приходится тебе что-то объяснять! Короче, там есть такой персонаж, Свидригайлов, и у него любопытные размышления об аде. Что ад — это не котлы и черти, а тесная банька с пауками на стенах, и сиди там вечность. И я согласен с ним, но только вот эта банька не ад, а жизнь. И твоя, и моя, вообще всех людей. Но я нашел в этой баньке окошко, не вырубил, а именно что нашел. Я смотрю в него и вижу чудесные картины, сцены и образы, не просто красивые, а полные смысла, скрытого от остальных людей. Но я не могу дотянуться до них, они слишком далеко. Тогда я запоминаю их и пересказываю другим. Эти образы — и есть моя музыка».

«Ты знаешь, что я ненавижу русскую литературу, Кот. Я не буду тратить время на чтение унылых депрессивных размышлений».

Ответа от Юры не последовало. Он вообще больше ему не отвечал. Следующее сообщение от Йонаса датировалось октябрем:

«Привет, Кот. Идешь на парад?»

Он написал Юре еще раз, в ноябре две тысячи шестого:

«Привет».

Но ответом ему была тишина.

Володя улыбнулся — Юра не врал, ему действительно стало наплевать на Йонаса. По-настоящему наплевать.

На душе потеплело. Володя улыбнулся, закрыл чат ICQ и выключил компьютер.

Глава 24

Последние слезы

Утро началось спокойно. Володя проснулся по будильнику, нехотя выгулял собаку, позавтракал и засобирался на работу. Но вскоре на душе снова возникло непонятное чувство тревоги и вернулся вчерашний мандраж, охвативший его после звонка Ангелы. Володя понимал, что ждать сообщений от Йонаса нужно ближе к вечеру, но от волнения не мог усидеть на месте.

Работать в таком состоянии точно не получилось бы. Ехать в офис под осуждающие взгляды и издевательские смешки не хватало моральных сил, а сидеть дома было тошно. Ужасно хотелось услышать Юру, но тот еще спал. Думая, как отвлечься, Володя вспомнил слова Ангелы про близких людей. Кроме Юры, близкий человек у него был лишь один: мать. И Володя давно не виделся с ней, не приезжал в гости. Он тут же позвонил ей и, едва услышав радостное «Что ты, сыночек, конечно, приезжай!», сел в машину и отправился в Харьков.

Мать выглядела устало и, казалось, будто за последний месяц постарела на год. Но не успел Володя поинтересоваться ее здоровьем, как она ахнула:

— Какой-то ты смурной. Не заболел?

— Нет. Просто устал на работе, — отмахнулся тот.

— Проходи на кухню. Пока ты ехал, я твое любимое печенье испекла, — сказала она, приглашая Володю сесть за стол. — А что на работе?

— Да ничего страшного, с Брагинским поссорились, — ответил Володя.

И тут же пожалел о сказанном — мать начала допытываться:

— Почему поссорились?

— Да ничего особенного, просто у нас расходятся взгляды на некоторые вещи.

— На какие вещи? — не успокаивалась она, ставя перед ним полное блюдо печенья и чашку чая.

— Да неважно. Это личное.

— Какое еще личное у тебя может быть с Брагинским? — нахмурилась мать, замерев на месте с сахарницей в одной руке и вазочкой варенья в другой.

— Не хочу об этом, — буркнул Володя. — Так, пустяк.

— Ладно, как скажешь, но, если он задумает тебя критиковать, напомни ему, где его место. Отец не просто так оставил фирму тебе, а не ему.

— Уже напомнил. И теперь он хочет уволиться.

Мать вздернула бровь.

— Хорош пустяк, раз он так решил... Ты ничего от меня не скрываешь? — Она подозрительно прищурилась и посмотрела Володе в глаза.

Рука дрогнула — Володя чуть не облился чаем. Неужели пришло время признаться и ей? То, чего он боялся, то, что оттягивал и собирался оттягивать как можно дольше, само его настигло. Но страх за ее здоровье остановил смелый порыв.

«Нет, говорить ей правду никак нельзя. Но как сменить тему?» — только подумал Володя, как тут же прозвучал спасительный сигнал ICQ.

Он достал телефон, скрывая экран от материнских глаз, прочел сообщение от Юры:

«Ты перешел все границы! Ты хоть понимаешь, что это уже чересчур?»

— Нужно позвонить. Это срочно.

Чувствуя, как бледнеет, он встал из-за стола и направился в свою комнату. Заперся на замок. Набрал Юру.

— Что случилось, что я сделал не так?

— Зачем ты спрашиваешь, если и так знаешь, в чем дело? — едва слышно пробормотал Юра. — Перед отъездом я говорил, что устал от твоих попыток контролировать меня. Ты обещал, что больше не будешь.

Юра говорил медленно и тихо. Его слова должны были прозвучать со злостью и упреком, но в них не слышалось ни единой эмоции. И это пугало Володю.

— Ну да-а... — неуверенно протянул он. — И я не контролирую.

— Тогда почему ты полез в мой компьютер?

Володя тяжело вздохнул. Спрятал лицо в ладонях и подумал: «Так и знал, что этот козел доложит ему обо всем».

— Как ты об этом узнал? — произнес он вслух.

— Догадался. Потому что тебе больше неоткуда узнать номер аськи. — Юра тяжело вздохнул. — Володя, почему после всего произошедшего ты поступил со мной так плохо?

— Я не хотел обижать тебя. Это все ради твоего блага.

— Ради моего блага читаешь мою личную переписку?

— Что еще мне оставалось?! — воскликнул Володя. — Ты отказываешься от помощи, но она тебе нужна!

— Уж явно не лезть в мою личную жизнь, — почти шепотом перебил Юра. — Я же в твою не лезу. Помнишь, в Германии ты заходил в аську на моем компьютере? Хотя ты не вышел из своего аккаунта, я не стал читать твои сообщения. В отличие от тебя, я понимаю ценность личной свободы.

— Я не читал твою переписку, Юра. Ну почти, четыре последних сообщения, и то случайно, они просто попались на глаза. Я лишь взял его номер и сам написал, от себя. И я не просил его звонить тебе!

— Хватит уже называть ее «он»! — воскликнул Юра, но получилось скорее раздосадованно, чем зло. — Или... подожди. Кому ты писал?

— Йонасу, — выдохнул Володя.

Юра изменился в голосе и произнес ледяным тоном:

— Вот как... И что, понравилось читать, что я ему писал?

— Я уже сказал, что прочитал только четыре сообщения.

Юра ненадолго замолчал.

— Володя, ты как будто специально пытаешься вызвать во мне ненависть. Будто тебе мало того, что ты сделал со мной в Харькове, — совсем тихо простонал он.

— Да что я сделал-то?

— Посадил меня в клетку.

Чем тише говорил Юра, тем громче — Володя.

— В какую, к черту, клетку? — почти прокричал он. — Я что, запираю тебя, не давал выйти из дома?

— Да.

— Тот раз не в счет! Я не делал ничего плохого!

— Значит, я сам превратился в тень?

— Ну... нет, — выдохнул Володя и сел на диван. — Ты ни при чем — и я тоже. Это общество. Люди. Ты же все понимаешь...

— Люди виноваты в том, что ты пытаешься взять под контроль мою жизнь?

— Да не пытаюсь я больше, Юр! Все, что я делаю, это и правда ради тебя. Я забочусь о тебе! Я не могу видеть твои мучения и при этом ничего не делать! Скажи, на моем месте ты смог бы просто наблюдать, но бездействовать? Представь, что ты — это я. Что ты — это тот болван, который отпустил меня в другую страну, где я остался совершенно один, больной, уставший, без сил даже приготовить себе поесть!

Володя надеялся, что своими словами вызовет в Юре жалость, но тот никак не отреагировал на его тираду. В трубке стояла тишина.

— Юра! — прокричал Володя в пустоту.

Уставился в экран — звонок оказался сброшен. В панике Володя набрал его еще раз, но на счете кончились деньги.

Володя выскочил из комнаты и столкнулся нос к носу с матерью — та стояла на пороге бледная и встревоженная.

— Сынок, у тебя все хорошо? — пролепетала она Володе вслед.

— Да. Нет. Скоро вернусь, — обуваясь, бросил тот и устремился на улицу.

Погруженный в свои мысли, он спустился по лестнице и вышел из подъезда. Вечерний весенний воздух пьянил ароматом сирени и вызывал ностальгию, но Володя отмахнулся от нее и сосредоточился только на своей цели — найти, где пополнить счет.

Лишь обойдя два магазина, наконец нашел автомат, а получив чек, тут же начал набирать Юру. Но осадил себя — не стоило говорить с ним на улице.

Володя дошел до своей машины, припаркованной в дальнем углу двора. Садясь в нее, заметил краем глаза, что мать стояла у окна и смотрела на него. Должно быть, он заставил ее поволноваться, но, решил, что сейчас не до этого.

Пока Володя ждал ответа на звонок, решал, что лучше сейчас сказать. Но, услышав подавленный, пустой, будто мертвый голос Юры, забыл все напрочь.

— Юра, пожалуйста, выслушай меня, — взмолился он. — Я больше никогда не прочитаю ни слова твоей личной переписки,

никогда не позвоню твоим друзьям без твоего ведома. Этого больше не повторится. Я тебе это обещаю!

— Ты понял, почему я разозлился?

— Да, понял. Ты прав. Прости. И не только за сегодняшнее, за все прости. За то, что позволил тебе снова уехать и остаться одному. Все, как тогда, блин, как двадцать лет назад. И снова виноват я! Я не знаю, что с тобой случилось и когда именно...

— Под ивой, — вдруг перебил его Юра. — Прошлой осенью. Скорее всего. Так считает Ангела. Или чуть позже, когда читал твою тетрадь.

Володя не сразу сообразил, о чем именно говорил Юра. Лишь через несколько секунд свел воедино свои слова и его ответ.

«То, что с ним случилось, произошло под ивой прошлой осенью. Все началось там — его депрессия началась там».

Володя сперва опешил, но, собравшись с мыслями, спросил:

— Ангела считает... А ты? Думаешь, она права? Думаешь, депрессия началась тогда?

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Ты не доверяешь Ангеле?

— Не то чтобы не доверяю, просто не знаю. С чего вдруг возникнуть депрессии? Мы с тобой не виделись двадцать лет. Ты жил не тужил, работал...

Юра грустно усмехнулся:

— А ты, наверное, думаешь, что раз я не пришел в девяносто шестом, то ты для меня ничего не значил?

— Нет, я так не думаю, — соврал Володя.

— Зря. Ангела сказала, что депрессия могла возникнуть после сильного морального потрясения. Наша встреча такой и была для меня. — Юра хмыкнул. — Сейчас ты винишь во всем себя, но ты неправ. Вина — это мое бремя, быть виноватым — моя участь. Потому что после нашего расставания я жил хорошо, любил и был любимым. А ты остался один в созданном тобой же аду.

— Юра, ты неправ! Если ты упрекаешь себя в чем-то, то эту вину придумал ты сам!

Володя попытался поспорить, но Юра не дал и воскликнул куда громче прежнего:

— Не перебивай! Я виноват не потому, что не вытащил тебя оттуда. Я виноват потому, что забыл тебя и о тебе. Был занят собой, строил

свою жизнь, свою карьеру. А потом, когда перестал вечно к чему-то стремиться, вечно куда-то бежать, когда остановился и посмотрел на достигнутое... только тогда я вспомнил. Приехал к тебе, нашел тебя, увидел. Во что ты превратился? Кому ты себя доверил? Почему ты стал таким? Потому что из нас двоих предали меня, но от предательства сильнее пострадал именно ты.

Володя откинулся на подголовник и закрыл глаза. Слова Юры причинили ему боль. Ком застрял в горле, Володя с трудом проглотил его и собрал все силы, чтобы не выдать свое состояние.

— Юр, ты говоришь ерунду. Слушай, все это время я вообще-то тоже строил свою жизнь. А в том, какой я ее построил, ты не виноват. Ты вообще не имеешь к этому никого отношения.

— Ты ошибаешься. Всего несколько дней назад ты ошпарился впервые за много лет. Из-за кого?

Володя не нашел что ответить. Врать, что дело было не в Юре, — глупо.

— И какой ты делаешь вывод? — устало спросил Володя.

— Из-за того, что ты не мог контролировать влечение к мужчинам в юности, сейчас ты компенсируешь это попытками контролировать меня.

— Это тебе Ангела сказала?

— Нет, сам догадался.

Володя по-доброму усмехнулся:

— Книжки читал?

— Нет. Просто думал, почему ты такой, какой есть.

— И какой? Кошмарный?

— Кошмарный, — согласился Юра, но тон его потеплел. — И самое странное то, что я люблю тебя. Такого кошмарного, невыносимого, сложного тебя. И ничего не могу поделать с этой любовью. У меня, видимо, тоже какое-то невротическое расстройство.

Володе показалось, будто Юра улыбнулся.

Похоже он успел остыть за те несколько минут, на которые они прервались. Володя мысленно сделал отметку, что впредь, когда они будут ссориться, надо брать паузу.

— Я тоже люблю тебя, — нежно произнес он. — Несмотря ни на что.

— Даже на то, что я алкаш? — Юра усмехнулся.

Володя хмыкнул. Он не хотел называть его так, но использовать эвфемизмы было бы глупо, некрасиво и нечестно.

— Да. Я люблю тебя, несмотря на то что ты алкоголик, одержимый музыкой, и... Как ты там еще себя называешь?

— Истеричка, — подсказал Юра.

— Истеричка. — Володя кивнул, хоть Юра этого не увидел.

— Но я хотя бы обаятельный?

— Обожаемый, — улыбнулся Володя.

В ответ послышался тихий, неуверенный смех.

— Знаешь, Володь... самое смешное, что Игорь был прав. А я так наехал на него, что даже неловко.

— Ну-ну. Скажи еще, что Йонас, в принципе, нормальный мужик. — Володя покачал головой.

— Да какая разница, нормальный Йонас или нет. Если мне нужен ты. Володь, я хочу увидеть тебя. Позвони в скайпе.

— Не могу, Юрочка, я у матери. Давай позвоню тебе, когда вернусь домой? — нежно произнес он. — Кстати, я выяснил, кто украл твой шарф... Может, тебе тоже завести собаку?

Юра не ответил, Володе даже показалось, что тот отложил телефон и куда-то отошел. Но в трубке послышался тихий вздох.

— Ты говорил с Ангелой?

— Да, вчера.

— Насчет меня или?..

— Тебя, да. Знаю, ты сейчас спросишь, готов ли я поговорить с ней о себе... Ты уверен, что вчера я снова попытался влезть в твое личное пространство и начать контролировать тебя. Я понимаю твои аргументы головой, но внутренне не могу принять. Я уверен: ты понял меня неправильно и контроль тебе только кажется. Но! — услышав, что Юра пытается его перебить, воскликнул Володя. — Я позвоню ей завтра же и запишусь на прием. Если ошибаешься ты, то Ангела заступится за меня. А раз ты считаешь ее мнение авторитетным, то оно тебя успокоит. Но если ошибаюсь я... значит, мне надо лечиться... еще и от этого. Если такова цена твоему счастью — я попробую. Правда, не думаю, что эти разговоры как-то помогут.

— Но если от одной встречи не будет толку, ты же попробуешь еще раз?

Володя закатил глаза.

— Сколько встреч я должен провести?

— Хотя бы три.

— Ладно. Но при одном условии.

— Опять условия, — недовольно протянул Юра.

— Условия все те же. Если ты не сможешь воздержаться от алкоголя, то обратишься за помощью. И не смей даже заикаться о моей мании контроля, когда дело касается выпивки!

— Ладно, — недовольно буркнул Юра.

— А пока ждешь меня, пойдешь прими ванну, полежи, погрейся, — посоветовал Володя и сообразил, как можно приободрить Юру. — Повспоминай, чем мы с тобой занимались в этой самой ванной за день до моего отъезда из Германии.

Юра вежливо прокашлялся, Володя через силу улыбнулся. Они немного помолчали. Юра куда-то потопал — в трубке слышались шаги. Затем зашумела вода — видимо, он прислушался к совету и стал наполнять ванну.

— Только не включай слишком горячую воду, ладно? И телефон держи рядом, на случай, если станет плохо.

— Володя, все со мной будет нормально, — сказал Юра, его голос действительно больше не звучал таким мертвым, как в начале разговора. Тем более он добавил почти весело: — Не включай параноика!

— Ну уж нет, быть параноиком, особенно если дело касается твоего здоровья, — это моя работа. Тем более когда тебя нет рядом. Юр, если снова станет грустно, вспомни, что именно в этот момент в моих мыслях нет никого, кроме тебя.

— Приезжай ко мне, — вздохнул Юра. — Я так соскучился. Приезжай скорее.

Попрощавшись, Володя просидел в машине еще несколько минут, тупо глядя перед собой и улыбаясь. Затем собрался с мыслями, стараясь избавиться от остатков пережитого стресса, и пошел домой к матери.

— Пойдем допивать чай, — сказала та и, не дожидаясь ответа, направилась в кухню.

Явственное предчувствие неладного овладело Володей. Позвонив Юре из дома, Володя говорил недолго и, кажется, негромко. Не могла же мать подслушивать?

«Нет, услышь она, то одной бледностью здесь бы не обошлось», — решил он.

Но в голове уже вспыхнуло воспоминание о том, как он признавался родителям. Память милосердно уничтожила много плохих моментов, но тот день Володя, казалось, запомнил навсегда. Тогда они всей семьей еще жили в старой московской квартире. Володя помнил картинку: круглый стол, обрамленный сиянием свисающей с потолка лампы, в круге света — три чашки, вазочка с вареньем, хлеб и дрожащие руки Володи. Они с родителями ужинали, отец был, как всегда, весел, мать — тиха. А Володя, подавленный, весь вечер не мог поднять устремленного вниз взгляда. Они это заметили, мать спросила, в чем дело, и он, с трудом собравшись, произнес дрожащим голосом:

— У меня проблемы с психикой, серьезные, давно.

Признание комом застряло в горле — горькое, колючее, гадкое. Он безуспешно пытался исторгнуть его из себя, выплюнуть. Отец помог, спросил:

— Почему ты так решил? В чем именно проблема?

— Я не могу полюбить женщину.

— Ты педераст?

Нужно было всего-то произнести: «Да», но еще никогда Володя не давился этим словом так, что от удушья жгло глаза.

— Вова, ты педераст? — повторил отец.

Володя всхлипнул, кивнул, но не осмелился поднять голову. Стыдно. Так стыдно, что мог только смотреть вниз, на белую скатерть, на которую падали и расплывались уродливыми пятнами крупные капли — слезы.

Мать жалобно заплакала, слишком по-детски хныкая. Отец молчал.

— Помоги мне, — давясь словами, произнес Володя, — найди врача.

— Кто еще знает об этом? — холодно, будто бы равнодушно спросил отец.

Володя знал, что это притворство, всего-то защитная реакция отца, пройдет минута-другая — и он взорвется.

— Никто.

— У тебя с кем-то это уже было?

— Ни с кем, — соврал Володя.

— Ясно, — сказал отец и вышел из кухни.

Они остались вдвоем с матерью, она взяла сына за руку и жалобно прошептала:

— У тебя ведь еще не было девушки, да? Может быть, все пройдет само, может быть, не стоит посвящать в это лишних людей?

Володя собирался ответить, но тут в комнату влетел разъяренный отец. Володя предвидел его реакцию, даже не удивился.

— Как ты смеешь так поступать с нами? За что? Столько сил в тебя вложено, и чем ты нам отплатил?

— Я знаю, что виноват! Я прошу у вас помощи!

— Прощения проси!

— Прости. — Он посмотрел отцу в глаза, затем повернулся к матери. — Мама, прости.

Отец заставил ее встать из-за стола, взял за руку и увел в спальню. Володя ждал, что скоро родители выйдут, но те не появились ни через полчаса, ни через час. А Володя сидел за столом, смотрел на свои ладони, с силой сжимая и разжимая кулаки, боролся с безумным желанием опустить их под горячую воду.

Когда старые часы пробили полночь, он поднялся, но, вместо того чтобы устремиться в ванную, завернул к родительской спальне.

— Отец, ты pomoжешь? — спросил он через закрытую дверь. — Мне больше не на кого положиться, не у кого просить...

Из-за двери прозвучало лишь сухое «Да».

Утром отец остыл, сказал:

— Я найду врача.

И даже похлопал по плечу. Посмотрел ему в глаза — Володя заметил, что это далось отцу тяжело, и еще заметил во взгляде такое разочарование, какое не видел никогда раньше. И потом еще долгие годы отец смотрел на него именно так — печально хмурясь, поджав губы, тщетно скрывая отвращение. А взгляд матери был полон боли, Володя все чаще стал замечать, что, когда ее глаза устремлены на него, они наполняются слезами.

Но сейчас глаза матери были сухими. Это успокаивало, но только Володя сел на табурет и отпил чаю, как едва не поперхнулся от ее слов:

— Я знаю, что ты скрываешь от меня. Скажи это вслух. Тебе станет легче — и мне тоже.

И снова в горле застрял ком, а руки будто парализовало. Снова горечь на языке и жжение в глазах, невозможно дышать и говорить. Володя с силой сглотнул, но ком не растаял, а только опустился ниже, в грудь, расцарапав все на своем пути.

— Ты подслушивала? — едва слышно просипел Володя.

— Скажи правду... — попросила мать тоненьким, точно как тогда, голоском.

— Подслушивала, — ответил за нее Володя.

Если бы он мог отмотать время назад, то ни за что не допустил бы того, чтобы она узнала. Уберег бы ее от разочарования и боли, которая теперь станет еще сильнее — ведь мать одна, навсегда одна. У нее не будет внуков, а ее сыну, единственному близкому человеку, придется жить на две страны.

Володя встал, достал из шкафчика пустырник, накапал в рюмку, сунул матери.

— Мама, — тихо произнес он, садясь напротив, глядя в глаза. — Мама, я не смог вылечить, ничего у меня не вышло.

Только последнее слово прозвучало, как горло снова стиснуло, а на глаза навернулись слезы. Мать молчала, держа рюмку с пустырником и глядя сквозь Володю без единой эмоции на лице.

— Я так тебя подвел, — прошептал Володя, перестав бороться с душащими его слезами. Они потекли из глаз, каплями падая на руки. — Я осквернил память отца. Прости меня, я никогда этого не хотел...

Сам не понимая зачем, он собирался сказать что-то еще, но из груди вырвался громкий всхлип, а слезы хлынули градом.

Мать перевела пустой взгляд на его лицо, затем вздохнула и опрокинула рюмку пустырника, сощурившись, будто там водка. Поставив ее на стол, она встала и резко, до боли крепко обняла его.

Володю забила сильная дрожь, глаза обожгло.

— Мама, прости меня, — прошептал он.

— Ну тише, — всхлипнула та, поглаживая его по голове. — Ты такой, какой есть, что уж теперь?

— Что? — судорожно вздохнув, пробормотал Володя и посмотрел ей в глаза. — Ты сможешь меня простить?

Мама покачала головой.

— Если бы только в прощении было дело. Это ведь приговор, ты обречен на одиночество, понимаешь? — сказала она, и ее глаза тоже наполнились слезами. — Я уже давно догадалась, что лечение тебе не помогло. Но не могла смириться, надеялась, что ошибаюсь...

— Догадалась? — тупо повторил Володя.

— Я же не дуручка, — ответила мама, продолжая стискивать его в объятьях. — Тебе почти сорок, а у тебя никого, кроме Светы, не было.

— Но почему ты не сказала об этом мне? — не веря своим ушам, сбивчиво произнес Володя.

— Я пыталась навести тебя на этот разговор, но ты упрямый, все «хватит» да «хватит». И ведь сам так и не решился.

— Я думал, тебя это убьет, — едва слышно произнес он.

Рыдания перестали душить, но слезы продолжали катиться из глаз. Все эмоции и страхи будто разом вскипели и потоком рвались наружу. Володя не осознавал, что происходит, видел цепь событий, но, сбитый с толку, не мог установить между ними взаимосвязи. Мама догадывалась, но надеялась, что ошибалась. Она простила Володю, но боялась его одиночества.

— И как мне смириться с тем, что ты не сможешь найти себе жену? И детей у тебя не будет... — Мама вздохнула и выпустила его из объятий. — Тот, с кем ты разговаривал, кто он тебе?

— Юра, — выдавил Володя. — Мой любимый человек.

— Твои чувства взаимны? — как бы между делом спросила она, но Володя видел, что ответ ей действительно важен.

— Да, — кивнул он, вставая, чтобы налить пустырника уже себе. — Но он живет в Германии, а я, дурак, оставил его там одного в депрессии.

— Так вот откуда взялась Германия... Юра, — повторила мама, — имя русское, а почему он живет там?

Выпив успокоительного, Володя наскоро умылся и высморкался, сел напротив матери.

— Он наполовину еврей, переехал туда по программе репатриации или как ее? — Наконец он смог успокоиться и говорил нормально, разве что иногда хлюпал носом. — А вообще он композитор, пишет музыку для спектаклей, кино и сериалов. Он даже мне посвятил несколько произведений. — Впервые за этот тяжелый разговор Володя улыбнулся.

Мама, еще более бледная, чем полчаса назад, принялась расспрашивать его о Юре. Ее интересовало все: от самого их знакомства и встречи спустя двадцать лет до расставания несколько дней назад. Она попросила показать фотографию, Володя согласился. Решил, что демонстрировать совместные снимки, а тем более те, где они обнимаются, пока не стоит. Принялся искать на телефоне портретные, где Юра один. С сожалением пролистнул любимое фото с поцелуем на кровати. Затем еще одно, тоже хорошее, из гей-клуба, где Юра выглядел особенно обольстительно — в узких клетчатых брюках и приталенной черной рубашке, он смотрел в упор, лукаво улыбаясь. Последнее фото Володя не стал показывать не из-за Юры, а из-за окружения — на заднем фоне застыл го-го танцор в золотистых стрингах.

Наконец, выбрав несколько, Володя протянул ей телефон.

— Вот он мой Юра — смотри. — В первую очередь показал концертный снимок, где Юра стоял во фраке в окружении оркестра, затем один из последних — где он сидел на корточках во дворе Володиного дома и обнимал Герду.

— А есть фотографии, где вы вместе? — спросила она.

Володя соврал, что нет. Маме нужно было смириться и привыкнуть, ведь эта правда все же далась ей не так легко — он видел это по грустным глазам, дрожащим рукам, бледности и выпитому, помимо пустырника, валидолу.

Разглядывая концертную фотографию Юры, мама вздохнула:

— Раз ты его любишь, то и я из всех сил постараюсь тоже его полюбить. Надеюсь, ты станешь добрее и мягче. Хотя я и так вижу, что уже стал. А что до памяти отца, не вини себя, ты сделал что мог, а он... он уже ничего не узнает.

— Брагинский узнал, — мрачно признался Володя.

— Так вот что за личная ссора, ясно... — кивнула мама. — В сущности, это не его дело. Но если помириться с ним возможно, лучше помирись. Эмоции — это важно, но ты всегда был умнее Димы, как и многих других. Не изменяй себе.

— Я подумаю над этим, — кивнул Володя, согласившись с ней как минимум в том, что рубить сплеча не стоило.

Собираясь домой, Володя написал сообщение Брагинскому:

«Я не подпишу твое заявление. Оставайся работать. Уволюсь я».

Брагинский тут же перезвонил. Разговор вышел не самым приятным: не таким горячим, чтобы скатиться в ругань, а наоборот — холодным, полным обоюдного презрения. Они не хотели друг друга видеть, поэтому решили сократить общение до минимума. В итоге договорились, что в фирме останутся оба, а общаться будут преимущественно по телефону, в письмах и по скайпу. Главное, чтобы не с глазу на глаз, но если придется — то только по делу. А там, кто знает, может, Володя остынет. Может, остынет Брагинский.

Провожая сына, мама поцеловала его в щеку, но не отпустила. По старой привычке принялась гладить по плечам — она делала так, когда собиралась сказать нечто неприятное.

— Ну говори уже, мам, — поторопил Володя.

Она посмотрела ему в глаза и призналась:

— Я не рада, что ты такой. Но я рада, что ты не один. И что нам с тобой наконец удалось поговорить начистоту. Я столько лет винила себя за твое одиночество!

— При чем здесь ты? — удивился Володя.

— Думала, что давлю на тебя и заставляю поступать не по велению сердца. — Мама тяжело вздохнула.

Володя крепко обнял ее и звонко поцеловал в щеку. Мама засмеялась.

Выйдя из подъезда, он обернулся на окна родительской квартиры, окна его первого дома в Украине. Мама махала рукой. Володя улыбнулся в ответ и спустился во двор. Его охватило непривычное ощущение легкости и свободы. Будто он избавился от тяжеленного камня на шее и теперь мог взлететь. Оранжевое закатное солнце пылало так, что Володя сощурился, набрал полную грудь воздуха и с наслаждением выдохнул.

Вокруг витал легкий аромат сирени. Он напомнил Володе тот вечер, когда случился их первый поцелуй с Юрой. Когда случился его, Володин, первый в жизни поцелуй — обжигающий, заставляющий сердце грохотать в висках.

Он не спеша шел к машине, а в памяти, как кадры кинохроники, вспыхивали картинки.

Лагерный театр, тишина, запах пыли и другой поцелуй — волнительный, в темноте. Затем еще один — трепетный и тайный, в прохладе ночи. Затем смелый — в бликах солнечных лучей, в кружеве

теней от ивовой листвы. И еще один поцелуй — соленый от слез, до сих пор отдающийся болью в груди. А после него Володю ждал лишь мрак одиночества. Непроглядный. Будто полярная ночь, он длился так долго, что Володя успел забыть, что может быть по-другому. Лишь редкие вспышки мерцали в этой темноте — звездочка Света и спутник Игорь. Но их свет был до того непостоянный и слабый, что они, захлебываясь во мраке космоса, лишь подчеркивали, насколько он черен.

Но вдруг спустя многие годы взошло солнце. Ослепленный им, Володя стоял на коленях в уютном кабинете в Германии у ног Юры и целовал его. Снова целовал.

Вспомнился Юрин дом. Какой он маленький, тесный, но уютный. Как им было хорошо там вместе, каким волшебным был его отпуск. Володя поймал себя на мысли, что ему хочется туда вернуться. Но надолго ли? Снова на пару недель? В их немецкую сказку Володе хотелось бы вернуться навсегда и до конца жизни проживать ее день за днем. Но разве возможно переехать в Германию окончательно? Володя уже размышлял об этом и понял, что, оставшись там, потеряет слишком много. Но что именно? Володя думал, что потеряет друзей. Он думал, что друзья у него были, но время расставило все по своим местам. Ирина и Женя могли считаться кем угодно: ниточками прошлого, приятелями вроде Юриных, с которыми хорошо сходить на барбекю. Но уж точно не друзьями. Как говорят — друг познается в беде? По иронии Женя ему помог: упростил задачу, доказав своим поведением, что счастье друга не имеет для него никакой ценности, а значит, Володя ему никто. Что ж, это взаимно.

У Юры, может быть, тоже нет близких друзей, но все знакомые принимают его таким, какой он есть, и не осуждают. И Володю не станут. Там они смогут быть парой, самими собой, не врать и не стесняться друг друга. Они смогут даже официально оформить отношения. В Володиной голове все это звучало как фантазия, несмотря на то что он уже убедился в реальности такой жизни.

А если он уедет туда, то какой будет его реальная жизнь? Чем он займется? Здесь останется его фирма, Володя не сможет управлять ею удаленно. Или все-таки сможет? Ведь технологии развиваются стремительно. Но если удаленно управлять не получится, ему придется покинуть пост директора, то есть уйти насовсем. Но как

позволить себе оставить фирму, ведь это не просто работа, а отцовское наследие? Но так ли это на самом деле? Если смотреть его глазами, она только кажется наследием, когда объективно — это просто юридическое лицо плюс договоренности с людьми. И не больше. В конце концов, Володя ее владелец, он вправе делать с фирмой что угодно, хоть продать, хоть разорить — это все только его. Но как же отец? Отца уже нет. А память о нем? Память о нем останется и без фирмы.

А как же «Ласточкино гнездо»? У Володи есть прекрасный большой дом, а Юрин, по сравнению с ним, — старая, тесная, грязноватая берлога. Но почему-то в Володином жилище как не было, так и не появилось ощущения уюта, да и продавать его никто не заставляет. В конце концов, матери хорошо бы переехать туда: прекрасный воздух, огромный двор, где она могла бы разбить цветник и огород, как всегда мечтала, а соседка Татьяна — такая же одинокая при муже-алкоголике — могла бы стать для нее подругой.

Володя шагал к машине по двору, где прошла его молодость. Оглядывал старые липы, изогнутые ржавые качели, лавочки и планки для сушки белья. Здесь они со Светой сидели и смотрели на звезды. Здесь он встречал беременную Олей Ирину с Женей, вел их к себе домой в гости. Здесь он однажды, воровато озираясь, сидел в машину к Игорю. Здесь они с отцом обсуждали дела фирмы, и отец критиковал его главный на тот момент проект — «Ласточкино гнездо». Много важного произошло здесь.

Возможно, поэтому сейчас, именно в родительском дворе, Володе открылась страшная правда: все, чем он жил почти сорок лет, — иллюзия. Пустота и фальшь.

Одно слово, одно признание в одночасье разрушило все его отношения. Володя оказался никем для близких, а они оказались никем для него. Но самое удивительное, что после произошедшего его жизнь вовсе не потеряла смысла. Володя вдруг осознал, что на самом деле в Харькове его ничего не держит и никогда не держало.

А еще после разговора с матерью Володя понял, что вернулся в ту же точку, в которой находился в девятнадцать лет.

Колесо истории сделало оборот, и сейчас все стало таким же, как и тогда: мать знала о нем правду, любимый человек находился далеко, настоящих друзей снова не оказалось рядом, а его увлечения — тогда

учеба, сейчас работа — значили не так уж и много. Володя даже обратился к врачу, как тогда.

Казалось, все настолько похожее, будто одинаковое, что следовало бы покориться судьбе и вновь совершить старую ошибку. Но Володя понимал, что это не так, одинаковым было не все. Нашлась одна маленькая, но очень существенная разница — в самом Володе.

Он уже другой, он независимый. И если он совершил ошибку тогда, то сейчас может ее исправить.

Глава 25

Горящие мосты

Вернувшись домой к вечеру, он переоделся и сразу запустил скайп, чтобы рассказать о произошедшем Юре. Тот ответил быстро, а выглядел плохо: помятый, небритый, с мешками под глазами.

— Мог бы предупредить, — сердито буркнул он. — Подожди, я принесу подушку.

Не выключая видео, он вышел из кабинета. Володя пару минут разглядывал знакомые стены, пока Юра не вернулся с подушкой. Он бросил ее на стол, прямо перед монитором. Положил на нее руки, а на них — голову.

— В чем срочность? — спросил, исподлобья глядя на Володю.

— Я рассказал матери о нас.

Юра приподнялся, удивленно уставился на него.

— В каком смысле?

— Теперь она знает, что я не вылечился и что у меня есть ты. — Чтобы скрыть волнение, Володя с деланным равнодушием пожал плечами.

— И как она? Как отреагировала? — Юра нахмурился и снова уронил голову на руки.

— Она догадывалась. Оказывается, все это время пыталась вывести меня на признание.

— И как ты меня представил? Как жениха? — спросил Юра. А получив в ответ от Володи кивок, слабо улыбнулся. — Ух ты. То есть теперь я официально не чужой для тебя. Такое странное ощущение.

Володя тоже улыбнулся.

— Да. Я показал ей твои фотографии. Случайно чуть не сунул провокационную фотку из клуба.

— Это какую? — Юра прищурился.

— Вот. — Володя открыл фотографию и показал Юре.

— Не могу разобрать, не видно ничего. — Тот покачал головой. — Ну да ладно.

Убирая телефон на место, Володя еще раз взглянул на снимок и не смог отвести взгляда. Каким счастливым был там Юра: танцующий, улыбающийся, ухоженный, в окружении своих друзей. На фото он казался куда более настоящим, чем сейчас. Но Юра должен быть таким всегда! Без мешков под глазами и недельной щетины, без запаха перегара и сигареты в зубах, в любимых обтягивающих штанах и приталенной рубашке, с сережкой в ухе. И чтобы чертов Йонас, давясь ревностью, издали смотрел на него. И чтобы Володя был рядом, танцевал вместе с Юрой в свете софитов.

Вялый голос Юры вырвал Володю из размышлений:

— Володь, а ты как? Я ведь даже и не интересовался ни разу.

— В каком смысле?

— В смысле, теперь все знают о тебе...

— А это... я пока не понял. Пока слишком зол, а злоба не дает пожалеть и раскиснуть, — сказал Володя, а сам подумал, что просто не имеет права раскисать. Сейчас, когда Юра ослаб, он должен быть сильным вдвойне.

Юра вздохнул.

— Плохо, что тебе пришлось признаться таким образом. Я имею в виду, что ты не сам решился, а... — Неожиданно громкий звонок телефона не дал Юре закончить мысль. — Сейчас, — глядя на экран, буркнул он и стремительно вышел из комнаты, а вернулся спустя несколько минут, бледный и взволнованный. — Звонил заказчик. Завтра еду показывать все, что есть.

— Ты, главное, не нервничай, — Володя начал было успокаивать его, но Юра грубо перебил:

— Давай завтра поговорим. У меня до утра осталось слишком мало времени. Некогда совсем.

— Хорошо, жду звонка, — опешил Володя.

Положив трубку, занервничал и сам — Юра так торопился, будто собирался написать весь спектакль до завтра. Неужели у него настолько мало материала?

Они не договорились, во сколько созвонятся. Володя не успел предупредить о беседе с Ангелой в одиннадцать, но решил не беспокоить его лишний раз — утром тот все равно будет занят с заказчиком.

Из-за волнения перед предстоящей встречей с психоаналитиком Володя не смог выспаться. Он проснулся в четыре утра, проворочался в кровати до полшестого, думая то о здоровье Юры, то о теме разговора с Ангелой. А тема была неприятная: его гиперопека.

Во время пробежки с Гердой он то и дело досадливо вздыхал — идея общаться с Ангелой на такую тему казалась ему очень глупой. Ну о чем Володе ей рассказывать, когда уверен, что никакой мании контроля у него нет? Тем не менее раз он дал обещание Юре, то должен был его выполнить.

Казалось, Володя все продумал. Но теперь понял, что совершенно не готов.

До звонка Ангелы оставалось не меньше полутора часов, и Володя поднялся в кабинет Юры — его будто магнитом тянуло в эту опустевшую комнату. Сел за стол готовиться к сеансу, вырвал из ежедневника несколько листов, принялся записывать, что хотел рассказать.

Решил, что в первую очередь расскажет о Юрином мнении, будто Володя слишком сильно его опекает и маниакально контролирует жизнь. Ангела, наверное, спросит, как именно Володя это делает. И что ему ответить?

Под пунктом номер один Володя записал: «Я лишаю его финансовой независимости. Но это мой дом, я имею полное право купить что-то в него, ни у кого не спрашивая разрешения». Он перечитал написанное, удовлетворенно кивнул и продолжил: «Во-вторых. Я боюсь отпускать его в Харьков одного, потому что он слишком необычно выглядит для местных. Но Юра говорил мне, что многие смотрят на него осуждающе и ему самому это неприятно. В-третьих. Я запрещаю ему пить. Но в его случае это действительно опасно для здоровья».

Он написал еще несколько причин, но для каждой нашел свое объяснение, свое «но». А главным «но» здесь было последнее: «Но, если Юра жалуется на все это, значит, видимо, прав он, а не я. Какими бы ни были мои аргументы, как бы я ни объяснял причины своих поступков, Юре это беспокоит, Юре это мешает».

Володя справился с этим списком довольно быстро и только принялся его перечитывать, как с первого этажа послышалась мелодия вызова в скайпе. Володя взглянул на часы — десять утра. Слишком

рано для чьего-либо звонка. Нахмурившись, Володя встал с места и не спеша пошел отвечать. Он было решил, что ему послышалось или позвонили случайно: с работы набрали бы по телефону, а Ангелу он ждал только через час.

Но звонок был от абонента YuriKo. Без предупреждения и сразу с видео. Володя напрягся — раньше Юра никогда так не делал — и, ожидая, что увидит кого угодно, но не Юру, ответил.

В окошке скайпа появилось темное размытое изображение, статичное, будто фотография. Вскоре оно стало четче, обрисовались уже привычные стены кабинета и сам звонящий. Это действительно был Юра. Причесанный, гладко выбритый, одетый в белую рубашку. Но, как ни странно, он правда не двигался и молча смотрел прямо перед собой. То, что это не картинка, а живой человек, свидетельствовало лишь одно: Юра моргал.

— Привет, — настороженно, чуть ли не шепотом произнес Володя. Юра пугал его своим поведением, молчанием и, главное, выражением лица. На нем, будто на кукольном, не было ни единой эмоции, он будто спал. — Юра? — позвал Володя. — Ты слышишь меня?

— Да, — одними губами ответил тот.

— Что случилось?

— Все, что я написал, плохо и никуда не годится. Это надо выбросить, — ответил он ровно и безэмоционально, будто робот.

От его механического голоса по спине Володи побежали мурашки.

— Кто так решил?

— Заказчик. Сказал, что если не переделаю все полностью, вообще все, то расторгнет контракт. Дал месяц. На весь спектакль. — Он судорожно вздохнул.

Но его вздох порадовал Володю, ведь это была настоящая эмоция живого человека, а не голограммы.

— Как ты, Юр? С тобой... — Он хотел спросить, все ли в порядке, но сам видел, что нет. — Ты ничего с собой... — начал было Володя, но осекся.

Юра снова вздохнул, но вдруг улыбнулся.

— По-твоему, я совсем дурак?

— Нет. Конечно, нет. Просто я очень боюсь за тебя!

— Я понял, — сказал Юра и посмотрел прямо в камеру. — Володя, сейчас я не готов говорить. Не обижайся, ты тут ни при чем, но,

пожалуйста, не звони мне какое-то время. Я сам позвоню тебе, ладно?

— Что я опять сказал?.. — вырвалось у Володи.

Он старался сохранять самообладание, но не мог — он никогда прежде не видел Юру таким.

— Ничего, — бросил Юра. — Мне нужно время прийти в себя. Пока. — И положил трубку.

Володя так и замер с открытым ртом.

Только изображение пропало с экрана, как все эмоции разом обрушились на Володю. Страх за Юру, жалость и любовь к нему перемешались со злостью к заказчику, ненавистью к себе и Юриной депрессии. Чувства — словно какофония звуков, оглушающие, нечитаемые — ударили не только по душе, но и по телу. У Володи одновременно заболело все: спина заныла будто под тяжким грузом, виски сдавило так, что казалось, вот-вот полопаются глаза, а по груди словно полоснуло ножом.

Володя перевел взгляд на лежащий на столе телефон и тут же схватил его. Юра запретил ему звонить, но про сообщения не говорил ничего.

«Юра, прости меня! Я понимаю, что ты наверняка ждал других слов, но я не умею читать твои мысли. Я не знаю, что сказать, чтобы облегчить твоё состояние, но очень хочу это знать», — отправил Володя и стал ждать ответ.

Не замечая течения времени, он просто сидел на месте. Не выпускал телефон из рук, не отводил от него взгляда и ждал до тех пор, пока слишком резкий звук не заставил его вздрогнуть. Источником этого звука был ноутбук — в скайп звонила Ангела.

Володя нервно хохотнул — ну уж нет, сейчас он точно не готов говорить с ней. Он взял мышку, потянулся к кнопке отбоя, но остановился — когда еще говорить с психоаналитиком, если не сейчас? Когда врач будет Володе еще нужнее? Именно сейчас — в тот самый момент, когда стресс отзывается болью во всем теле, когда руки сами тянутся включить воду, а в мыслях только одно: может ли Юра сделать что-то с собой?

Володя ответил на звонок, и в мониторе будто вспыхнули живым огоньком рыжие волосы.

— Как ваши дела сегодня? — спросила Ангела, приветливо улыбнувшись.

— Плохо.

— Что вас беспокоит?

Володя попытался, как всегда, трезво сформулировать в голове причину этого самого беспокойства. Но после разговора с Юрой внутри будто что-то надломилось. Все испытанные в последние дни эмоции Володя хранил внутри себя, не позволяя им выйти наружу. Копил их, набрал целое море и огородил стеной, будто дамбой. Но простой вопрос, заданный дружеским тоном, стал последней каплей — и эта стена, не выдержав напора, рухнула. Володю будто прорвало.

— Юра, кто же еще. В последнее время все мои мысли только о нем. Я совершил огромную ошибку, отправив его домой. Я знаю, как это исправить, но теперь сомневаюсь в себе. Ведь если я так ошибся сейчас, то могу сделать то же самое в будущем.

— Что именно вы сделали? — Ангела внимательно посмотрела на него.

— Я не просто оставил человека в депрессии одного. Я поступил еще хуже: намеренно отправил Юру подальше от себя. Огородился от негатива километрами, мол, нет человека рядом — нет проблемы. Я будто избавился от него.

— Вы должны понимать, что Юра — живой человек со своей волей. Но вы говорите так, будто это решение зависело только от одного человека — от вас.

— Я знаю. Да, вы правы. Я никогда не думал так, но ведь именно так и поступал... Все из-за моего маниакального стремления брать ответственность на себя и недоверия. Когда Юра жил здесь и ему только начинало становиться плохо, я старался ему помочь. Но не смог найти выхода из той ситуации, потому что пытался изменить все вокруг. Но не себя. И ведь тогда я даже не подумал, что катализатор Юриной болезни не гомофобное общество, а я!

Володя никогда в жизни никому не выдавал все свои беспокойства разом и, даже беседуя с психоаналитиком, усомнился, уместно ли так себя вести. Но Ангела не подала виду, что он делал что-то неправильное. Наоборот, кивнула и поддержала:

— Я не имею права говорить с вами о течении его болезни — это врачебная тайна. Но мне бы хотелось успокоить: не думаю, что в данном случае причина Юриной болезни — это вы. Даже ссоры с вами вряд ли могли сильно повлиять на его здоровье.

Володю обнадежили ее слова, но он все равно возразил:

— Да, но я мог усугубить его депрессию. Отправляя его в Германию, я искренне верил, что так ему будет лучше, но теперь жалею. Теперь я боюсь за его здоровье и даже жизнь. — Володя резко остановился.

Он взял телефон в руки и, извинившись перед Ангелой, что отвлекся, набрал сообщение Юре: «Напиши мне хотя бы одну букву, чтобы я просто знал, что ты жив». Но удалил текст — такие слова могли оскорбить его. И Володя отложил телефон — он должен научиться ему доверять даже в такие тяжелые моменты.

— Раньше я думал, что у него просто творческий кризис. А теперь окончательно запутался и не понимаю, что причина, а что — следствие. Но я все равно виноват, похоже, отношения со мной токсичны. Юра и сам говорил, что я слишком его контролирую. Теперь я это понял и готов попробовать измениться. Стать лучше. Ради него. И ради себя.

— Как вы считаете, почему Юра так думает? — спросила она, всем своим видом показывая, что готова внимательно слушать.

А Володя еще раз спросил себя, стоит ли рассказывать ей все. Но ведь другого выхода у него нет. Дальше говорил только он, Ангела лишь изредка задавала наводящие вопросы. Она не судила ни его, ни Юру. Она не просто слушала, а казалось, действительно слышала его, принимая во внимание каждое слово. Володя чувствовал себя странно: ему было очень приятно рассказывать о себе и их отношениях с Юрой, пусть не вдаваясь в слишком интимные подробности, но в то же время ничего не утаивая.

Закончив разговор, Володя не смог вспомнить подробностей, но с удовлетворением осознал, что впервые в жизни рассказал кому-то о глубине его чувств к Юре. Да, когда-то он рассказывал Игорю их старую историю, но не теми словами, не с такой честностью.

Ангела не поведала ему ничего нового, но только потому, что Володя и сам знал, что теперь делать. От разговора на душе полегчало, а боль, еще час назад терзавшая все тело, прошла. Прощаясь с Ангелой, Володя сам попросил записать его на еще один прием.

Оставшись в тишине и одиночестве, он снова схватил телефон и открыл ICQ. В списке сообщений мигало новое — от Йонаса. Тот, как и обещал, прислал контакты Юриных друзей, но Володя отмахнулся и

закрыв окно, забыв поблагодарить. Его волновала лишь переписка с Юрой.

Они не должны быть порознь! Раз Юре невыносимо находиться здесь, то Володя может хотя бы попробовать пожить в Германии. Рядом с ним, вместе с ним. Пусть он пока не приготовился к переезду в другую страну, но все же решил, что пойдет на это. Принесет эту жертву, ведь Юра тоже ее принес — переехав ради него в Харьков. И теперь настало время сделать то же самое ради любимого человека — уехать к нему насовсем.

Тем более что в Германии Юра поможет ему освоиться. Правда, сейчас тот настолько ослаб из-за болезни, что выходило наоборот: Володя должен был ехать к нему на помощь. Но, может, это не так уж и плохо? Может, получится обернуть ситуацию в свою пользу? Стресс заставит Володю собраться с силами и запустит механизм адаптации, чтобы как можно быстрее приспособиться к новой жизни.

Как бы ни было страшно, Володя справится с трудностями. Они справятся. Вместе.

Судорожно вздохнув, он написал:

«Юра, меня все это достало. Я решил: заканчиваю дела в Харькове и лечу к тебе. Уже еду в аэропорт брать билеты на эти выходные».

Юра ответил удивительно быстро:

«Если опять на две недели, то давай лучше в августе, как собирались».

Володя вздохнул. Он может приехать к Юре погостить хоть на год, но проблемы это не решит. Нужно менять жизнь кардинально.

Володя написал ответ и, не перечитывая, быстро отправил — чтобы не успеть передумать:

«Не на две. Надолго. Насколько именно — решать тебе. В Украине у меня нет ничего важнее тебя. Странно, что я осознал это так поздно».

Володя мог бы заканчивать с делами не один месяц. Причины оставаться в Харькове всегда найдутся — постоянно будут появляться новые задачи и проблемы. Поэтому Володя решил сделать то, чего не делал никогда: бросить все и сразу. Не дожидаясь ответа Юры, он взял загранпаспорт и сел в машину.

Купив билеты, из аэропорта Володя направился в центр, чтобы избавиться от последнего бремени: сообщить маме об отъезде.

Она была самым главным «но», которое препятствовало его будущему с Юрой. Но теперь мама знала все, а значит, исчезло и то препятствие. Оставалось лишь сказать. Мама, конечно, ужасно расстроится, наверняка заплачет, а потом, когда Володя уедет, ей станет еще более одиноко, чем сейчас. Но у нее хватит мудрости и любви к сыну, чтобы отпустить его, — в этом Володя не сомневался.

Пока ехал в родительский дом, успел придумать, как она будет жить без него. Но, вспомнив слова Ангелы, заранее одернул себя: «Нет, я не буду настаивать, я просто предложу ей переехать в „Ласточкино гнездо“. Просто предложу».

Мама приняла новость стоически.

— Ты же будешь сюда приезжать? — тихо спросила она.

— Конечно, — кивнул Володя.

— А как же собака? Ее ты тоже увезешь?

— Увезу, но попозже, когда буду уверен, что у нас с Юрой все получится. Я узнал, что собак перевозят в багажном отделении самолета, и не хочу подвергать ее лишнему риску, возя туда-сюда.

— Мне оставишь? — Впервые за этот разговор мама оживилась.

Она всегда мечтала завести большую собаку, но отец был категорически против держать ее в квартире.

— Да, но потом все равно заберу. Хотя ты сможешь завести себе свою, — рассудил Володя. — А вообще, знаешь, мам, было бы хорошо тебе переехать в «Ласточкино гнездо». Природа, прекрасный воздух, огромный двор. Ты могла бы разбить цветник и огород, как всегда мечтала. К тому же у меня есть соседка Татьяна. Замечательная женщина, вы могли бы с ней подружиться. — Произнеся заранее заготовленную речь, Володя усомнился, не слишком ли ультимативно она прозвучала, поэтому добавил: — Если захочешь, конечно.

— Ну, наверное, так и поступим, — неуверенно протянула она.

— Так что, мам, благословишь меня?

Та вздохнула.

— Не хочу говорить, что ты не оставляешь мне выбора. Но ты мог бы уехать, вообще меня не спрашивая. Конечно, я тебя благословляю. Но не просто так. Я потребую две вещи: во-первых, перед отъездом ты должен познакомить меня с твоим Юрой. Имею же я право знать, из-за кого весь сыр-бор. А во-вторых... — начала мама серьезно, но вдруг

остановилась, с надеждой посмотрела на него и, растеряв всю строгость, протянула: — Вы же пригласите меня к себе погостить?

Услышав ее последнее «требование», Володя рассмеялся.

Он остался у нее на несколько часов. Пусть поговорили они хорошо, настроение не улучшилось — тревога за Юру не отпускала. Тот так и не ответил ему на последнее сообщение.

Разумеется, мама заметила его состояние и, провожая, сказала:

— Ни о чем не беспокойся, сынок. Все наладится. Как говорится, все перемелется — мука будет.

* * *

Мама не ошиблась. И правда — перемололось. И правда, от Володиных преград ничего не осталось, лишь мука. Последнее препятствие рухнуло. Но предстояло попрощаться с еще одним важным в его жизни местом — офисом.

Володе казалось, будто после себя он оставил здесь одни руины, ведь события последних дней уже стерли его прошлую жизнь в пыль. Он находил подтверждения этому во всем: в тишине улицы, в пустоте офиса. Будто людей не было не потому, что уже восемь вечера и все разъехались по домам, а потому, что все вымерло. Оказавшись в кабинете, Володя опустошил ящики стола, сложил в коробку свои вещи. Он прошелся вдоль полок, постоял у окна. Сел на диван, на свое любимое место в левом углу, где с ежедневником и ноутбуком устраивался каждый раз, приходя к отцу на совещания. Улыбнулся, отметив, что, заглянув сюда осенью, Маша тоже села именно на него.

Володя посмотрел на входную дверь, заметил трещину на косяке и отвернулся — напоминание о дне смерти отца до сих пор причиняло боль. Сняв очки, он устало потер глаза и мимолетно взглянул на кресло. Его ножки отбрасывали жутковатую тень — казалось, будто под отцовским столом сидит гигантский паук. Володя ухмыльнулся. Весь этот кабинет — паучье логово, ведь отсюда тянулись нити паутины, которая опутывала не только его волю, но и всю его жизнь. И теперь Володе осталось только набраться сил оборвать эти нити. А сила у него была — любовь к Юре. Любовь, которая не оставила ему иного выбора.

Лучи закатного солнца окрасили стены кабинета в красный, на миг ослепив Володю. Он будто очнулся от сна и, хлопая глазами, взглянул

на часы — стрелки приблизились к девяти. В круговерти мыслей совсем потерялся счет времени.

Володя вздрогнул от звука сообщения в ICQ, достал молчавший весь день телефон и прочитал:

«Мне так хочется снова играть. Люблю, когда ты восхищаешься мной, смотришь на меня с обожанием. Я так хочу все это вернуть».

Вспомнив о Юре, Володя прошептал его имя. Вдруг последний солнечный луч озарил всю комнату и погас. Стало темно.

Володя включил свет, улыбнулся — одним только своим присутствием в его жизни Юра помог избавиться от тяготивших его вещей, людей и отношений. Володя тоже хотел помочь ему прямо сейчас, но между ними пока еще оставались тысячи километров.

Набирая сообщение в ICQ, он не спешил. Долго думал, перечитывал, что-то удалял, чем-то дополнял. Пусть текст казался местами пафосным, местами — очень нескладным, в нем заключалась правда, в него Володя вложил себя.

«Может быть, одного меня недостаточно, чтобы перевесить негатив в твоей карьере и чтобы твоя жизнь снова обрела смысл. Но у меня нет другого меня, и я отдаю тебе самое ценное, что имею. Я хочу, чтобы ты знал. Ты — самое яркое и самое лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь. Никогда, ни к кому я не испытывал столько любви, сколько испытываю к тебе, столько эмоций и счастья. Все, что было до тебя и без тебя, — блеклое и пустое. Если ты когда-нибудь исчезнешь из моей жизни, я постараюсь жить дальше, но боюсь, что все это потеряет всякий смысл. Я боюсь даже мыслей о таком будущем.

Я говорю это не для того, чтобы взвалить на тебя ответственность или вину. Просто я знаю, что в последнее время ты часто ругаешь себя и даже ненавидишь, стыдишься. И я пишу тебе эти слова, потому что ты просто не знаешь, какой ты на самом деле. Какой ты красивый в моих глазах. В любой момент: усталый, злой, грустный и даже пьяный. Ты для меня как солнце. Не в смысле дурацких прозвищ: пошлых солнышек, котов и зай. А буквально — мне без тебя нельзя. Что бы ты о себе ни думал, каким бы жалким ни представлялся себе, знай: ты для меня — все лучшее на свете. В тебе вся красота моего мира».

Володя не ждал ответа, но получил его. Причем довольно быстро:

«Я люблю тебя. Когда ты приедешь?»

Володя нахмурился.

«Юр, я же писал тебе днем — в выходные».

Ответ на это сообщение пришел не сразу. Лишь несколько минут спустя Юра, очень неразговорчивый сегодня, выдал целую тираду:

«В эти выходные? Ты не шутил? Ты правда приедешь? Я весь день сам не свой — так расстроился из-за заказа. Проспал до вечера, очухался, а тут такая новость!»

«Ты рад?»

«Господи, да! Конечно!»

Володя улыбнулся.

Он встал, еще раз не спеша прошелся по кабинету. Задумался, что забрать отсюда на память. Отвес — подарок заказчика? Отцовское пресс-папье — золотого льва? Он подошел к серванту и вынул оттуда единственную по-настоящему дорогую для него вещь — семейную фотографию. Володя положил ее в коробку и оглядел кабинет в последний раз.

Действительно в последний — он это четко знал. Нет, конечно, когда Володя уедет, кабинет никуда не денется, не сгорит. Но перестанет принадлежать ему — скоро у этого места появится новый хозяин.

Свет в его бывшем кабинете погас за секунду до того, как за Володей захлопнулась дверь.

* * *

Спускаясь в зал ожидания берлинского аэропорта, Володя искал Юру в толпе суетящихся людей. Он, одетый во все черное, стоял в дальнем углу зала: отвернувшись ото всех, смотрел в окно и вертел в руках телефон.

— Юр, — как можно ласковее позвал Володя, встав у него за спиной. Но тот никак не отреагировал. Володя негромко кашлянул и позвал еще раз, громче: — Юра!..

Услышав, Юра резко повернулся и замер. Он посмотрел на Володю остекленевшим взглядом, но испуг на его лице вдруг сменился радостью. Юра поджал губы и, ничего не сказав, обнял Володю так крепко, что стало трудно дышать. А тот, обхватив его плечи руками, прижал к себе и даже не подумал осмотреться вокруг — чтобы поискать недобрые взгляды. Володе было не до этого.

— Ты реальный? — пробормотал ему в шею Юра. — Ты мне не кажешься?

— Реальнее некуда. Неужели думал, я обману тебя?

— Но ведь могла найтись куча причин не приехать. А может, ты это просто так сказал, чтобы поддержать...

Володя хотел было сказать, что не стал бы разбрасываться пустыми обещаниями, но промолчал. Повинуясь порыву нежности, он обхватил ладонями лицо Юры, заглянул в грустные глаза. Тот замолк, задержал дыхание. А Володя ощутил, что сердце забилося так сильно, будто стремилось выпрыгнуть из груди. Он судорожно вздохнул и прижался к Юриным губам. Володя не думал ни о чем и ни о ком. Лишь старался передать через поцелуй всю нежность и любовь, которые скопились в душе за время самой короткой, но самой тяжелой разлуки. Юра ответил ему, но целовал не нежно, а жадно.

Разрывать этот поцелуй не хотелось, но, в конце концов отстранившись, Володя увидел расширенные от удивления Юрины глаза. Он наконец-то улыбался. И Володя тоже не смог не улыбнуться. Он достал из кармана — специально не стал класть в чемодан — Юрин шарф и, пробормотав:

— Тебе тут одна мадам из Харькова передала, — повязал его Юре на шею.

Тот разгладил шарф, поправил узел и, улыбнувшись еще шире, сказал:

— Почти пионерский галстук. Только бирюзовый.

— Тебе очень идет.

Ему и правда очень шло. Весь черный Юрин образ вмиг преобразился благодаря единственной яркой детали.

Володя оглянулся вокруг. По аэропорту сновали сотни людей: суетились, толкались плечами. Кто-то просто стоял рядом, почти вплотную, кто-то разговаривал, кто-то тоже обнимался. Но всем им было совершенно наплевать на Володю и Юру. На двух мужчин, которые, то ли плача, то ли смеясь, сжимали друг друга в объятиях.

Эпилог

Чертыхаясь, Володя вбежал по ступеням к дверям филармонии — его быстрые шаги гулким эхом отразились от стен пустого холла. На ходу сверяясь с билетом, он нашел нужный зал. Женщина-капельдинер, вежливо улыбнувшись, сказала что-то на немецком, и лишь через несколько секунд Володя понял смысл фразы — после месяца в Харькове снова переключаться на другой язык оказалось довольно трудно. Он глянул на часы — выступление вот-вот должно начаться, но из-за дверей зала слышалось, что оркестр все еще настраивается.

Володя ощутил дежавю, будто так уже когда-то было — чуть больше года назад. Капельдинер пропустила его в зал, указав на крайнее кресло в пятом ряду. Пробираясь к своему месту и стараясь не шелестеть оберткой букета, Володя украдкой взглянул на сцену и поймал взгляд карих глаз — слегка насмешливый, но радостный. Неужели Юра специально не начинал концерт, потому что ждал, когда Володя придет?

Устроившись в своем кресле, он снова посмотрел на сцену. Юра уже повернулся спиной к залу и лицом к оркестру и возвел руки вверх, готовясь дать команду играть.

Володе стало стыдно за свое опоздание, хоть в этом и не было его вины. Глупое стечение обстоятельств. Казалось, он все просчитал и оставил много времени про запас. Но сперва на полчаса задержали рейс из Минска, потом Володя слишком долго ждал багаж, а по дороге домой и вовсе попал в пробку. Пожалуй, единственное место, где Володя пробыл дольше положенного по своей воле, — это цветочный магазин. Мог бы и быстрее определиться с букетом, но в тот момент казалось очень важным выбрать самый красивый, но при этом не слишком «женский». В итоге купил шикарные бордовые пионы.

А теперь он сидел в зале и смотрел на Юрину спину, облаченную во фрак, его поднятые руки, сверкающий на правом запястье браслет и зажатую в пальцах дирижерскую палочку. Казалось бы, все как тогда — полтора года назад, в органном зале Харьковской филармонии. Но нет, теперь Володя точно знал: все совершенно по-другому.

Он не успел закончить мысль. Свет в зале погас, Юра опустил руки, грянула музыка. Тяжело, мрачно завыл контрабас, в унисон ему заплакала скрипка. Пространство будто наполнялось тьмой, которая втекала в зал черным туманом, стелилась по полу, клубилась под ногами. Один за другим вступали смычковые низкими гулкими голосами, и мрак густел, поднимался к потолку, зависал в воздухе, норовил просочиться в легкие и затопить сердце. А потом вдруг зал погрузился в полную тишину, застыл в непроглядной черноте. Казалось, будто мир умер.

Молчание оркестра затягивалось, длилось больше минуты, и Володя даже расслышал рядом с собой несколько озадаченных шепотков. Но вот тишину прорезала трель флейты, будто лучик света тьме. Сперва одинокая и несмелая, светлая мелодия то возникала, то снова тонула во мраке, но с каждым новым появлением становилась сильнее и увереннее. Летели по воздуху золотые листья, пели последние осенние птицы, а на воде Боденского озера мелькали солнечные блики.

Володя знал, что зашифровано в Юриной музыке. Володя был рядом, когда Юра писал эту симфонию, и видел, как трудно ему было снова вернуться к сочинительству. Но раньше Володя ни разу не слышал ее целиком, лишь урывками, и теперь перед ним открывалась вся картина, которую Юра рисовал.

Мрак — это Юрина депрессия. Ее самый тяжелый этап начался отнюдь не в Харькове, а уже в Берлине, когда Юру сняли с места композитора в спектакле по «Мастеру и Маргарите». Затяжная тишина — это четыре месяца молчания. Четыре страшных месяца, когда музыка не просто перестала звучать в их доме, а перестала звучать в Юриной душе. Володя до сих пор с ужасом вспоминал то лето. Юре было настолько плохо, что он буквально боялся пианино. Он закрыл двери своего кабинета и отдал Володе ключ, попросил спрятать или выкинуть его. А Володя, стискивая холодный металл в ладони, с болью глядя на страдания любимого человека, не смел перечить и уговаривать. Он помнил слова Ангелы: Юре нужно дать время.

И время правда лечило. Очень медленно и мучительно, практически незаметно.

В сентябре Володя вспомнил, как они планировали поехать по Баварии, и идея сменить обстановку показалась неплохой. Юра не

особо воодушевился — просто ткнул в одну из предложенных туристических брошюр. И они поехали в Констанц.

Этот маленький городок, тонущий в осенней листве, оказался той самой первой трелью флейты, которая несмело стала пробивать темноту в Юриной душе.

Вернувшись в Берлин, Юра попросил открыть его кабинет. Володя достал ключ и отворил двери. Юра неуверенно мялся на пороге и встревоженно смотрел в темноту комнаты. Наблюдая за ним, Володя первым вошел внутрь, включил свет и протянул Юре руку со словами:

— Я с тобой, я помогу. Но если тебе очень сложно, не обязательно делать это сейчас.

И Юра взял его руку.

Музыка постепенно сменяла настроение, духовые набирали силу, изгоняя мрак из пространства. Теперь он напоминал о себе лишь редкими вкраплениями низкого воя то контрабаса, то виолончели. Скрипки и альты, которые раньше заунывно плакали, теперь пели, несли по воздуху мелодию светлой ностальгии. И им вторили трели флейт — будто пение стай ласточек над быстрой рекой.

Музыка оказалась для Юры одновременно и ядом, и противоядием. Еще недавно отравив все его существо, покинув, оставив в душе лишь пустоту, она вернулась и стала лекарством. Депрессия никуда не делась: продолжились страхи и ночные кошмары, таблетки, тревожность и срывы. Но тот самый страшный виток болезни прошел, Юра смог найти в себе силы карабкаться обратно из ямы, в которую свалился. И Володя был рядом, помогал, когда становилось сложно двигаться дальше, и подхватывал, когда Юра опять начинал падать.

Первое время, вернувшись к музыке, Юра просил Володю не уходить из кабинета. Володя садился рядом с ним на банкетку у пианино и, наблюдая за занятиями Юры, радовался каждой ноте, каждому новому отрывку мелодии, которые тот извлекал из инструмента.

Как-то раз, пока Юра отходил, Володя от скуки коснулся клавиш. И удивился больше не звучанию пианино, а тому, какое оно на ощупь: клавиши гладкие и будто хранящие тепло Юриных пальцев. За спиной послышался смешок, Володя вздрогнул, словно его застали за какой-то шалостью. Юра стоял, опираясь плечом о дверной косяк, и улыбался.

А потом подошел к пианино, уселся сзади, обнял Володю и, взяв его за запястье, сказал:

— Давай научу!

Володя попытался забрать руку.

— Зачем? Я же так, просто...

Но Юра, посмеиваясь, возмутился:

— Нет, ну что это вообще такое? Твой официальный партнер — музыкант, а ты даже не знаешь, где находится нота до.

— Ну... пока еще не официальный, — уточнил Володя.

И, глядя на Юрину искреннюю улыбку, он, конечно, не смог больше противиться. Послушно, под Юриным руководством, положил пальцы на клавиши.

— Нет, не опускай кисть, не клади руку плашмя. Поставь ее так, будто держишь яблоко. Вот...

Конечно, стать музыкантом Володе было не суждено, да он и не особо расстроился из-за этого. Зато теперь он умел играть гамму до мажор и знал, где находится не только до, но и остальные шесть нот.

У Юриной симфонии был открытый финал. Ведущую партию исполняли скрипки, трели флейт все еще вспыхивали то тут, то там, перекликаясь с мрачными вкраплениями контрабасов и виолончелей. Обретя равновесие, музыка медленно начала затихать, закончившись тремя одинокими нотами главной скрипки.

После минутного молчания дирижер развернулся к залу для поклона. Володя смотрел на Юру и не мог сдержать улыбки.

Месяц назад Володя вынужденно улетел в Харьков — мама заболела и легла в больницу. Это было трудное решение, ведь Юра еще не выздоровел окончательно, а поехать вместе с Володей не мог — готовился к фестивалю классической музыки, на который его пригласили еще в марте. Володя очень боялся по приезду в Берлин обнаружить, что депрессия Юры вернулась, пусть и каждый день в скайпе видел, что тот вполне хорошо себя чувствует.

Опасения остались лишь опасениями, а Юра, стоящий на сцене под шквал аплодисментов, выглядел счастливым. Таким, каким Володя хотел видеть его всегда. Не дождавшись, пока зрители покинут зал, Володя выбрался из своего ряда и пошел к сцене. Встал чуть сбоку, пытаясь поймать взгляд Юры. Тот что-то объяснил скрипачу, покивал и пожал ему руку, а потом наконец обернулся. В зале шумели люди:

обсуждали симфонию, благодарили музыкантов. Володя шагнул к сцене и хотел было протянуть Юре букет, но тот жестом попросил подождать и направился к ступеням. Быстро спустился в зал и буквально влетел в Володины объятия, крепко обнимая его за шею.

— Боже, как я по тебе соскучился, хороший мой!

— А я, Юрочка, по тебе еще сильнее...

А разомкнув объятия, Володя вручил ему букет.

— С днем рождения тебя, мой... — Володя замялся, не зная, какое ласковое слово подобрать.

— Твой кто?

— Любимый, конечно.

Юра посмотрел ему в лицо, и Володя узнал этот пристальный, жадный взгляд.

— Ты еще нескоро тут закончишь?

Юра помотал головой.

— Нет, сейчас заберу вещи, попрощаюсь со всеми — и можем ехать домой.

— Хорошо, я на улицу выйду. Кстати, тебя дома ждет сюрприз...

Юрины глаза загорелись, он удивленно вскинул брови.

— Да? Тогда у меня есть мотивация собираться как можно быстрее.

Уже через десять минут они сели в машину, и Юра принялся донимать Володю:

— Что за сюрприз?

— Ну какой же это будет сюрприз, если я тебе скажу?

— Ну а ты все равно скажи!

Володя покачал головой.

— Ей-богу, ты как маленький ребенок, Юр.

— Но я уже умру от любопытства!

— Не умрешь, нам всего полчаса ехать.

Юра закатил глаза и принялся разглядывать свой букет.

— Кстати, я не сказал тебе спасибо за цветы. Такие красивые!

— Не за что. Я из-за них чуть на концерт не опоздал — выбирал.

Юра нежно пригладил пальцами лепестки пионов. Уткнулся в них носом и тут же, глубоко вздохнув, скривился, сдерживая чих.

Володя, хоть и следил за дорогой и старался быть серьезным, невольно засмеялся.

— Ну расскажи хоть, как долетел? Нормально? — почесывая нос, спросил Юра.

— Долго, но без происшествий.

— А как мама себя чувствует?

Володя пожал плечами.

— Хорошо, будто и не лежала в больнице. Передавала тебе большой привет и, кстати, открытку с днем рождения — отдам дома. Очень расстроилась, что не смогла попасть на твое выступление, но врач сказал, что летать ей после операции можно будет только через полгода в лучшем случае.

— Ну и ничего страшного. Раз такое дело, можем осенью вместе к ней слетать, я выступлю перед ней лично.

Володя украдкой взглянул на Юру.

— Скажу маме, что она просто невероятная счастливица. Композитор сам приедет к ней с концертом — где такое видано?

— Ну, как говорится, если гора... — Он отвлекся на пикинувший телефон и цыкнул.

— Кто там?

— Угадай с одного раза. Ты почему не написал Маше, что долетел? Она переживает!

Володя вздохнул.

— Да когда мне было еще ей писать... Кстати, она взяла с меня обещание, что я тебя крепко расцелую за подарок Диме. Говорит, что тот визжал как девчонка, когда увидел эти ботинки. Но крепко расцеловать тебя от Маши я согласен только если в щеку.

— А если не от Маши, а просто так расцеловать?

— Ну-у... — протянул Володя. — Это уже совсем другой разговор...

Они наконец подъехали к дому. Юра, позвякивая связкой ключей, подошел к двери.

— Что это за звуки? — нахмурился он, озадаченно посмотрев на стоящего за спиной Володю.

— Какие звуки? — делано удивился тот.

— Хочешь сказать, меня глючит? — Юра дернул плечами и вставил ключ в замочную скважину.

А отворив двери, так и замер на пороге. Герда, присев на задние лапы, тоже замерла. Только била хвостом по полу с такой скоростью,

что казалось, может взлететь.

— Как видишь, я вернулся из Харькова не один... — потянул Володя.

Казалось, еще шире улыбаться просто невозможно, но Юра как-то умудрялся. Он не видел Герду почти год, но, когда позвал ее по имени, собака сразу его узнала. Она бросилась Юре в ноги, а тот, присев рядом с ней на корточки, принялся гладить и обнимать ее.

— Юра, — протянул Володя, вздыхая, — ну ты же в парадном фраке...

Тот закатил глаза:

— Ну ты сам мне приготовил такой сюрприз...

И разве могла в этом мире существовать картина счастливее? Да, пока у них не все было идеально, а впереди маячило еще много нерешенных проблем. Ну а разве бывает так, чтобы идеально все и сразу? Зато именно здесь и сейчас Володя впервые понял, что сбылось то, о чем он мечтал.

— Ну вот, теперь мы выглядим как настоящая семья.

Юра, наконец оторвавшись от Герды, посмотрел на него и улыбнулся:

— С общим бытом и собакой, в конце концов, тоже общей?

— Теперь осталось только выбрать общий дом.

* * *

— Володя, ну что ты уперся?! — воскликнул Юра так громко, что сам же оглянулся по сторонам и стыдливо понизил голос. Прошипел: — Ты что, хочешь поссориться?

Улица, по которой они шли, была до того узкой, что эхо, отраженное от стен старинных домиков, усилило его шепот и унесло этот вопрос к озеру.

— Нет уж, Юра, уперся не я, а ты. Давай проанализируем? Посмотрим на ситуацию объективно... — терпеливо протянул Володя.

Продолжать нудеть он поостерегся — Юра остановился и резко обернулся. Его глаза, хоть и спрятанные за линзами солнечных очков, метали молнии — Володя был в этом уверен.

— Черт, вроде вечереет, а тут пекло даже в тени, — только и сказал Юра. — Пошли скорее к воде.

Они молча спустились по улице до набережной и уткнулись в ряд пришвартованных лодок и яхт. А за ними, сколько хватало глаз, раскинулась сплошная синева Боденского озера.

— Нам налево, — сказал Юра.

— Я помню.

Больше полугода прошло с тех пор, как они впервые оказались на этой набережной и, бесцельно бродя, нашли в дальнем конце укромный тихий парк. И сейчас, не сговариваясь, направились туда же. Они не могли не вернуться сюда, ведь с отпуска именно в этом городе началось Юрино выздоровление.

— Володь, — промурлыкал Юра, беря его за руку, — давай уже заканчивать эти разговоры?

Даже после года жизни в Германии Володя не мог привыкнуть к царящей здесь свободе — ему приходилось пересиливать себя, чтобы на людях держаться за руки с Юрой. Легонько стискивая его пальцы, Володя уставился под ноги, чтобы и в этот раз побороть привычку оглядываться, ища недовольные взгляды.

— Юра, выбор дома — не та вещь, которую решают с полпинка.

— Ты же и так знаешь, что выиграю я! — заявил Юра.

— Ну здравствуйте! Предлагаешь начать битву характеров? — усмехнулся Володя.

Юра весело воскликнул:

— А то!

Вспотевшие и утомленные зноем, они наконец дошли до той части набережной, где брусчатка уступила место газону, а вместо рядов фонарей возвысились деревья, растущие у самой кромки воды.

— Давай сюда, — указал Володя на лужайку под особенно широкой кроной, — тени много, ветерок.

— Наконец, — выдохнул Юра и, в два шага оказавшись у дерева, растянулся под ним.

— Юра, в белой футболке и на траву! — возмутился Володя, вынимая из сумки розовый сверток. — Подожди, я тебе хотя бы толстовку постелю.

Он и представить себе не мог, что когда-нибудь наденет розовую толстовку. Но на покупке этой Юра настаивал так сильно, что пришлось сдаться и — хуже того — не просто убрать в шкаф, а носить.

Юре очень нравилось, как Володя выглядел в ней. Признаться, он и сам понимал, что розовый ему к лицу.

— Иди ко мне. — Юра похлопал рядом с собой.

Володя сел рядом. Откинувшись назад, посмотрел вдаль, с наслаждением вдохнул влажный воздух. Как здесь хорошо. Перед глазами сплошная синева: пронизанное парусниками озеро — внизу, вверху — устланное облаками небо, а далеко на горизонте — зигзаг белоснежных Альпийских вершин.

Володю забавляла сама мысль, что он уехал в Германию, чтобы в итоге поселиться на границе со Швейцарией в самом «не немецком» городе Констанце. Но они не могли выбрать никакого другого место после всего случившегося за последний год. Ведь было действительно трудно: Юра боролся с депрессией, а Володя проходил курс психотерапии и в сорок лет начинал жизнь заново.

Он уезжал в Германию, зная, что ему придется очень много отдавать, не получая ничего взамен. Оставив за чертой гордость и эгоизм, приготовился быть терпеливым, понимая, что рано или поздно терпение кончится. Старался сохранить чувства к Юре и берег добро в себе, чтобы, когда придет время, отдать все ему. В некоторые моменты Володя думал, что для преодоления всех трудностей его любви не хватит. Но хватило.

— Юр, ты считаешь, я просто так занимаюсь именно современной архитектурой? Я видел столько шикарных скандинавских домов. Последний проект помнишь? Он же просто потрясающий! Я всегда хотел такой же дом для нас, а ты предлагаешь мне это убожество.

— Да никакое не убожество, — буркнул Юра.

— На мазанку похож.

— И что? — Юра усмехнулся. — Будет нам напоминать о далекой родине.

Заметив на его лице ямочки, появившиеся от улыбки, Володя не удержался и ласково ущипнул Юру за щеку.

— Опять намекаешь, что я толстый? — Юра нахмурился и шлепнул его по руке.

— Ни на что я не намекаю. И никогда не намекал. Это ты придумал себе недостаток, — сердито заметил Володя. Эта тема его очень раздражала, он стал заводить. — Толстый... да какой толстый? Когда

ты им вообще был? Подумаешь, щеки появились и живот к спине не прилипает. Мне это нравится!

Разговоры о мнимой Юриной полноте звучали как отголоски болезни и напоминали Володе о времени, когда кризис был в апогее. Сейчас Юра просто шутил об этом, но тогда все было предельно серьезно.

Юре еще не успели подобрать идеальное лечение. Ему приходилось экспериментировать с лекарствами, и эти эксперименты плохо сказывались на его нервах. Иногда Юра был просто невыносим. От антидепрессантов он набрал с десяток лишних килограммов и решил, что стал толстым. Юра так заиклился на этом, что со временем превратил полноту в идею фикс. Он несколько раз втихомолку бросал лечение, рискуя еще глубже погрузиться в депрессию. Володе потребовалась помощь Ангелы, чтобы разубедить его в этом.

Володя и сам едва ли не сходил с ума: когда среди ночи в очередной раз просыпался от того, что Юра внезапно вздрагивал, чуть ли не подскакивал на кровати. А потом всем телом прижимался к Володе и шептал в полусонном бреду:

— Кажется, я тону.

А тот обнимал его и с трудом выдавливал через стиснутое страхом горло:

— Я держу тебя, держу. Спи.

Было тяжело.

Ангела здорово помогала им. Без ее участия в критические моменты их отношения могли бы развалиться — Володя это понимал и был очень благодарен ей. И, конечно, Юре — за то, что убедил его пройти курс у другого психоаналитика, которого посоветовала Ангела.

Отмахнувшись от тяжелых воспоминаний, Володя вновь посмотрел на ямочки на Юриных щеках и не смог удержаться от того, чтобы не погладить его по плечу.

— Что такое? — спросил Юра. Он опустил солнечные очки на нос и встревоженно посмотрел на Володю.

— Ничего. Просто... пожалуйста, никогда больше не обзывай себя. Особенно толстым. Ладно?

— Я же пошутил.

— Знаю. Но не надо. Не напоминай.

— Хм... — протянул Юра. Игриво прищурился и дернул бровями. — Ну если мы арендуем именно тот дом, то, думаю, договоримся и об этом.

— Юра! — шутливо возмутился Володя.

За прошедший год они пережили не только депрессию. Нашлись и другие проблемы. Мать заболела, перенесла операцию и выздоровела. Трудно было и Володе — адаптироваться к жизни в Германии оказалось нелегко. К тому же фирма едва не разорилась, и, чтобы этого не произошло, Володе пришлось нанять менеджера. Пусть со временем бизнес снова начал приносить прибыль, Володя заскучал без дела и стал искать себе занятие здесь. Однажды на одной из выставок увидел новый тип домов — модульные. Влюбился в них настолько, что умудрился за пару месяцев организовать новую фирму с небольшим производственным цехом и двумя строительными командами. А по завершении первого проекта они с Юрой поехали в отпуск в Констанц.

Поначалу Володя отнесся скептически к выбранному курорту: озеро было, но это не море, Альпы видно, но они слишком далеко, эта земля вовсе не Бавария, и ни один сказочный замок они так и не посетили. Но именно здесь Юрина болезнь начала отступать.

Они приехали сюда в прошлом сентябре. Сидя вечером в кафе у озера, любовались листопадом и отражениями ночных огней в воде, слушая звучащий из динамиков джаз. На миг показалось, что все хорошо и они наконец смогли забыть о проблемах, стали самими собой. Принялись говорить о всяких пустяках и смеяться. Этот миг стал первым шагом на пути возвращения к нормальной жизни. Той ночью они впервые за четыре месяца занялись любовью, а утром Юра захотел сесть за пианино.

Возвращаясь из Констанца домой, они пообещали друг другу, что сделают все, чтобы как можно скорее снова вернуться туда. А когда Юра победил депрессию, решили не просто вернуться, а переехать в Констанц насовсем. Этот город не только курорт, в нем нашлось все, что нужно для жизни, даже крупная филармония.

— И самые уродливые фонтаны на свете, — отметил Юра.

Устав сидеть, Володя растянулся на траве рядом с Юрой. Закинул руки за голову и пробормотал:

— Первый аргумент, почему не стоит брать именно этот дом: он старомодный и страшненький. — Слыша тихое хихиканье, Володя

поторопил: — Ну что молчишь? Парируй.

— Это называется классический стиль, — лениво протянул Юра. — Тебе ли не знать?

— Ладно, засчитано. Окна маленькие.

— Для тебя любые окна маленькие, если только они не от пола до потолка. — Юра зевнул. — Зато благодаря маленьким окнам дом хорошо держит тепло и холод. И звукоизоляция отличная.

Аргументы заканчивались, и Володя выдвинул последний, самый раздражающий:

— Лестница. Юра, ты видел эту чудовищную лестницу? Она винтовая! А что может быть хуже винтовой лестницы? Только кованая винтовая лестница без перил. Прямо как там!

— Зато есть настоящий камин! — воскликнул Юра.

Володя понял, что, кажется, проиграл, и беззлобно выругался:

— Ну елки-палки!

— И, кстати, ты вообще-то в Германии, — заметил Юра. — Говори по-немецки!

— Scheiße! — воскликнул Володя.

— Я имел в виду нормальный немецкий. — Юра засмеялся.

Вспомнив еще один аргумент, Володя приподнялся на локтях и навис над ним:

— Кстати, у дома неудобное расположение. Одуреешь ездить в центр.

— Зато далеко от дискотек и шума. И парк рядом. Будет где бегать с Гердой.

Володя задумчиво помычал, затем спросил:

— А ты с нами будешь?

— Куда я денусь? — хмыкнул Юра. — А знаешь, в пешей доступности от нашего будущего дома есть пристань. Будем брать напрокат лодку и плавать по озеру. Как тебе идея?

— Замечательная.

— Так что, ты согласен?

Улегшись обратно, Володя насмешливо протянул:

— Не-а!

Он упирался не из вредности. Просто Юра загорелся желанием поселиться именно там до того сильно и внезапно, что Володе даже показалось, будто Юра не почти сорокалетний мужчина, а

взбалмошный пионер из «Ласточки». На самом деле этот дом Володе тоже понравился, а спорил он лишь затем, чтобы убедиться, что Юра выбрал его не только сердцем, но и головой. Ведь их будущее жилье — хоть и всего лишь арендованное — это надолго. Володя рассчитывал поселиться в нем на многие годы.

— Володь, а помнишь, как мы с тобой валялись под ивой в восемьдесят шестом и ты клал голову на мои колени?

— Помню.

— Хочешь сейчас так же? Я тебя поглажу... — лукаво протянул Юра.

— Чего это ты подлизываешься? — игриво буркнул Володя. — Думаешь, почешешь за ухом, и я сразу соглашусь?

— Володя-Володя... Неужели ты правда считаешь меня таким корыстным? — Юра демонстративно фыркнул. — Вообще-то я всего лишь хочу повторить это. Мне было хорошо тогда.

— Мне тоже. Но правда не надо, — серьезно ответил Володя. Он повернулся к Юре и посмотрел на него снизу вверх. — Только, ради бога, не думай, что я опять стесняюсь. Просто для меня это очень интимное дело, как прелюдия. А заниматься такими вещами на людях... Ну сам понимаешь.

После недолгих раздумий Юра ответил:

— Да. Думаю, ты прав. — Кивнув, он добавил: — А кстати, ты обратил внимание на небольшой сад за домом? Мы могли бы заниматься там чем угодно. Например, прохлаждаться в тенечке летом хоть каждый день.

— Ох, Юрка. — Володя покачал головой. Продолжая лежать с закрытыми глазами, он почувствовал, как Юра приподнялся и навис над ним. Ощущая его дыхание на своих щеках, он не смог сдержать улыбки.

— Так что, — бодро спросил Юра. — Когда звонить риелтору?

— Хоть сейчас, — сдался Володя.

Вполуха слушая их разговор, он принялся думать о ремонте. Но серьезные мысли ускользали и путались, оставляя после себя пустоту и легкость.

Юра положил трубку и вернулся к Володе, когда тот решил отдать под музыкальный кабинет самую большую комнату.

— Как здесь хорошо, — мечтательно протянул Юра. — Сейчас бы еще послушать какой-нибудь Второй фортепианный концерт Рахманинова.

— А ты напой или хотя бы промычи, — попросил Володя.

Слушая нежную мелодию в исполнении всего одного, но любимейшего музыкального инструмента — Юриного голоса, — он начал медленно проваливаться в сон. Давно ему не было настолько спокойно, чтобы засыпать без успокоительного и снотворного.

Но внезапное восклицание Юры вырвало Володю из дремы:

— Смотри, дирижабль! Обалдеть — настоящий дирижабль в небе!

Лениво открыв один глаз, Володя подметил:

— В принципе не удивительно видеть его именно в Констанце. Тут родился создатель дирижаблей — Цеппелин. В туристической справке вычитал, — пояснил он.

— Я думал, они как минимум лет пятьдесят уже не летают! — продолжал восклицать Юра. — Володь, а ты заметил, где мы лежим? — вдруг спросил он. — Это так странно. Мы под ивой.

Неопределенно хмыкнув в ответ, Володя снова закрыл глаза и почувствовал, как Юра аккуратно снимает с него очки и кладет рядом.

То, что он победил депрессию, Володя понял сам, без заключений врачей — просто Юра каждое утро стал будить его своей игрой. Он писал для него и про него. Так странно было ощущать себя музой, особенно в моменты, когда Юра будничным тоном звал послушать новую композицию и оказывалось, что она о нем. Слова любви Юра передавал музыкой — настолько прекрасной, что Володя едва сдерживался, чтобы не расцеловать его руки.

— Ива... — прошептал Володя, сквозь приоткрытые веки любуясь игрой солнца среди узких листочков. — Только лодки не хватает.

— Так вон же лодки! — Юра потряс его за плечо, указывая на причал неподалеку от лужайки, на которой они сидели. — Пойдем узнаем, сколько стоит прокатиться!

— Только поведу я, — уверенно заявил Володя, поднимаясь на ноги.

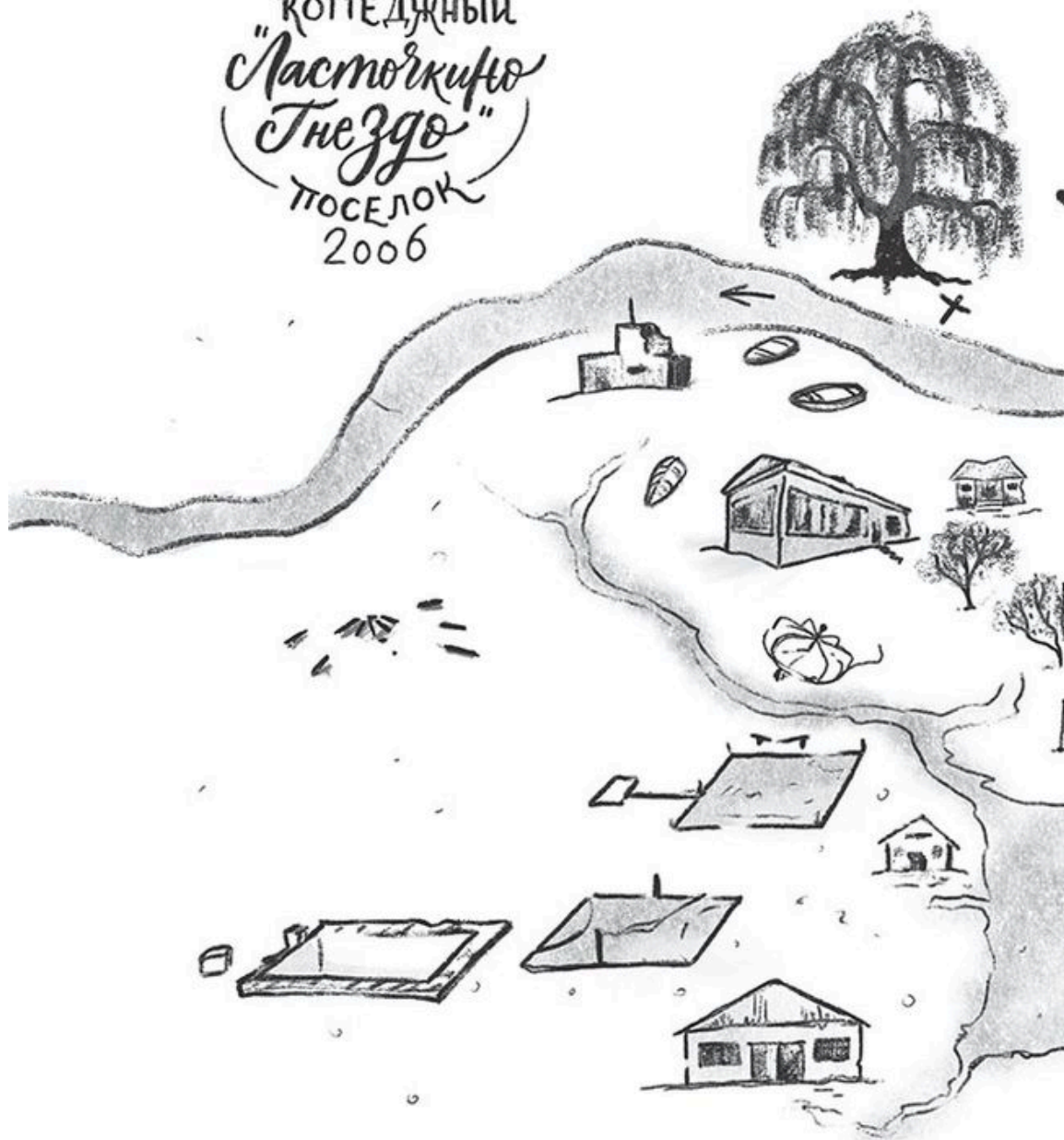
Спустя четверть часа под тихий плеск весел они отдалялись от берега. Голубое небо отражалось от глади воды, и казалось, будто и лодка, и они в ней не плывут, а летят по воздуху. Закатное солнце красило пространство в розово-лиловые цвета, и это добавляло

происходящему еще больше нереальности. Юра продолжал тихонько напевать себе под нос Рахманинова, а Володя устремил взгляд к горизонту.

Он никогда не подумал бы, что жизнь приведет его к границе двух чужих стран — Швейцарии и Германии. Не к Уральским горам или Карпатам, а к Альпам. Не к Волге или Днепру, а к истоку Рейна. Не к нелюбимой жене или неверному любовнику, а к тому, с кем он учился любить.

И с кем научился.

КОТТЕДЖНЫЙ
"Ласточкино
Гнездо"
ПОСЕЛОК
2006

О чем моллит Ласточка

Примечания

1

Проклятье! (*нем.*)

2

Труд делает свободным (*нем.*).

3

Центр города (*нем.*).

4

Я тебя хочу (*нем.*).

5

Подожди ночи (*нем.*).

6

Цитата из программы «Фантастической симфонии» Гектора Берлиоза (*Symphonie fantastique, Op. 14*).

7

Текст песни «Московские окна» композитора Тихона Хренникова
на стихи Михаила Матусовского.